

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

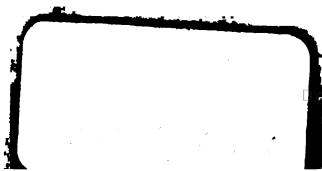
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920034 5

#00

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во все мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ комиссіонерамъ „Вѣстника“ А. О. Базунова въ С. Петербургѣ и А. И. Сорокину въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: „Очерки Бѣлорусскаго Полѣся“ (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3-хъ экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

— 000 —
ГОДЪ VI, — 1868.

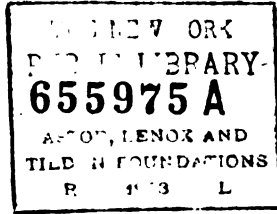
— 000 —
КНИЖКА XII,

ТОМЪ IV.

— 000 —
ВІЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

—
1869.

Дозволено цензурою 7-го апрѣля 1869 г. Вильна.

LIBRARY
UNIVERSITY
OF TORONTO

I.

№ 13.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ И УНИИ
ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

(Переводъ съ латинскаго).

СВѢДѢНІЯ О ПОЛОЦКОМЪ ВАЗИЛІАНСКОМЪ СОФІНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Акты этого монастыря, начатыя въ 1746 году по повелѣнію Ираклія Лисовскаго, прото-консультора литовской базилианской провинціи, главнаго викарія и о-+иціала полоцкой архіепископіи.

Полоцкъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, находится при Западной Двинѣ, въ нынѣшней Витебской губерніи. Христіанство здѣсь начало распространяться со временъ Владиміра Св., и особенно утвердилось при сынѣ его Изяславѣ, коему достался въ удѣлъ г. Полоцкъ.

Съ появленіемъ христіанства начали появляться тутъ и христіанскіе православные храмы. Одинъ изъ древнѣйшихъ здѣсь храмовъ, Софійскій соборъ, основаніе котораго русскіе лѣтописцы относятъ къ концу X-го столѣтія (1000 г.) Первоначально церковь эта

была деревянная. По смерти Вячеслава и Давида Всеславовичей, прекращается родъ полоцкихъ князей, ведущихъ свое начало отъ Владиміра и сына его Изяслава, перваго полоцкаго князя. Нѣкоторое время Полоцкъ управлялся 30 старцами, которыхъ выбирали сами граждане. Недолго однако Полоцкъ пользовался самостоятельностью, въ немъ произошли внутренніе беспорядки и неурядицы, которыми непреминули воспользоваться сосѣдніе литовскіе князья. Литовскій князь Мингайло овладѣлъ этимъ городомъ, и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. По смерти Мингайлы, Полоцкое Княжество досталось въ удѣлъ по наслѣдству младшему сыну его Генвилу. Генвиль скоро женился на дочери тверскаго князя Бориса—Маріи. Благочестивая супруга умѣла такъ подѣйствовать на мужа, что Генвиль первый между литовскими князьями принялъ христіанство подъ именемъ Юрія. Сынъ его Борисъ ознаменовалъ свое правленіе между прочимъ построеніемъ въ замкѣ каменнаго собора во имя св. Софіи, на мѣсто прежняго деревяннаго. Этотъ же князь построилъ въ Полоцкѣ еще двѣ каменные церкви съ монастыремъ на полоцкомъ предмѣстьѣ, по другую сторону Двины, на рѣчкѣ Бѣльчицѣ, во имя Бориса и Глѣба и св. Параскевіи. Русскіе князья не разъ пытались возвратить этотъ городъ, и потому Полоцкъ часто переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ польскихъ королей къ русскимъ князьямъ и наоборотъ. До завоеванія Полоцка Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 г., въ городѣ и въ его окрестностяхъ было 11 православныхъ мужскихъ и женскихъ монастырей и 18 церквей. Съ утвержденіемъ польскаго владычества, особенно со введеніемъ униі, ревностнымъ распространителемъ которой здѣсь былъ извѣстный полоцкій архіепископъ Юсафатъ Кунцевичъ, въ Полоцкѣ около 1621 г., православные не имѣли уже ни

одной церкви. Какой-то дворянинъ, Иванъ Стабровскій, уступилъ православнымъ свой домъ, въ которомъ и была устроена церковь, какъ это видно изъ его записи отъ 16-го іюня 1621 г. *) Всѣ православныя церкви были отняты уніатами. Каедральный Софійскій соборъ перешелъ въ управление базилианъ, которые основали при немъ свой монастырь и школу.

Акты этого монастыря, веденныя съ 1746 по 1779 г., любопытны во многихъ отношеніяхъ. Они, съ одной стороны, знакомятъ вообще съ жизнью и характеромъ базилианскаго ордена; съ другой стороны они знакомятъ съ политическими событіями того времени; особенно заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманіе свѣдѣнія, сообщаемыя актами о временахъ перваго раздѣла Польши. Составители актовъ, большею частью настоятели Софійскаго монастыря, были современниками и очевидцами описанныхъ въ актахъ событій, что и придаетъ имъ особенную цѣну. Полоцкіе базилиане, какъ видно изъ актовъ, зорко слѣдили за политическими событіями и нельзя сказать, чтобы равнодушно относились къ нимъ.

Акты писаны частію на латинскомъ языкѣ, частію на польскомъ. Переводя на русскій языкъ и издавая

*) Я Янъ Стабровскій ознаймую тымъ квитомъ моимъ, ижъ гды вси церкви наше старожитное религии грецкой и монастыри и церковь св. Софій у замку въ мѣстѣ Полотскомъ будучне, архієпископъ Йосафатъ самъ оборотившися въ новую вѣру—унію, неслухне кгвалтомъ ихъ у насъ захватилъ, а ижъ бы хвала Бозка у насъ релѣи грецкой землянъ и мѣщанъ воеводства полотскаго ижъ неуставала, домъ Ерего (Юрія) Стабровскаго пана брата моего, который есть въ мѣстѣ полотскомъ надъ рѣкою Двиною, за ужитемъ ихъ милости пановъ пріятеловъ моихъ землянъ воеводства полотскаго, пановъ братіи моихъ и мѣщанъ нѣкоторыхъ въ нашей старожитной релѣи грецкой подъ послушенствомъ констаптнопольскаго патріарха витрвалнихъ, далъ есть до часу слушного до отправованя набоженства водлугъ наше св. релѣи грецкое а для лепшей певности и далъ есмь мой квити записъ подъ печатью моею. (Памят. Кн. Вит. Губ. за 186...)

эти акты въ свѣтъ, я выбиралъ изъ нихъ только то, что мнѣ казалось болѣе интереснымъ или характеристичнымъ въ извѣстномъ отношеніи.

1746 г. Декабря 18. Получили мы приглашеніе отъ іезуитовъ на богословскій диспутъ въ ихъ коллегіи. Послѣ диспута была приличная закуска и обѣдъ. За обѣдомъ вина и наливки подавали доминиканамъ первымъ, а не намъ, что дѣлалось или изъ презрѣнія къ намъ, или изъ ненависти (*quod fuit vel in contemptum, vel ex odio*).

Въ прежніе годы, въ праздникъ Рождества Христова, мы обыкновенно бывали у іезуитовъ съ поздравленіемъ, и они у насъ также бывали; а въ нынѣшнемъ году мы у нихъ были съ поздравленіемъ, а они у насъ не были.

Въ этомъ же мѣсяцѣ іезуиты праздновали день кончины св. Станислава Костки. Изъ нашихъ никто не былъ на этомъ праздникѣ, потому что іезуиты насъ не приглашали, тогда какъ всѣ другіе католическіе ордена были приглашены ими.

1749 г. Въ этомъ году, въ мѣсяцѣ іюнь, благодаря заботамъ Сильвестра Артецкаго, настоятеля монастыря и секретаря провинціи, началась закладка каменнаго монастыря.

1767 г. Сентябрь. Въ этомъ году имѣла быть созвана наша генеральная конгрегація, но не состоялась по случаю безпорядковъ въ ойчизнѣ, произведенныхъ диссидентами съ дизунитами и партією Радзивилловскою. Всѣ они вмѣстѣ составили конфедерацію и требовали у сената свободы вѣроисповѣданія. Требованія ихъ поддерѣпляла Москва, къ которой они обратились за помощію.

Въ этомъ же году, какой-то инженерный офицеръ, посланный московскимъ правительствомъ, произво-

диль люстрацію всего придвинскаго края, т. е. описывалъ имѣнія, сколько въ каждомъ земли, на сколько она урожайна или неурожайна, описывалъ также рѣки, озера, мельницы, деревни, мѣстечка, города, чиншевые доходы, словомъ все касающееся экономіи края, и притомъ описывалъ не какъ инженеръ, а какъ ревизоръ. Ходила молва, что весь этотъ край до Двины будетъ отнятъ. Напуганные чины воеводства стали переселяться по ту сторону Двины. И нашъ монастырь, по ихъ примѣру, болѣе цѣнные вещи и утварь церковную отправилъ въ Судиловичи.

Октябрь. Въ Варшавѣ созванъ былъ экстраординарный сеймъ по настоянію дизунитовъ и диссидентовъ, при содѣйствіи Москвы. Послами на этотъ сеймъ явились почти всѣ приверженцы партіи Радзивилловской. Разсмотрѣніе жалобъ диссидентовъ было поручено особой комиссіи. Комиссія эта, волей не волей, принуждена была уступить требованіямъ диссидентовъ, т. е. дозволить полную свободу вѣроисповѣданія, строить новыя церкви и возобновлять старыя, дизунитамъ кромѣ того дозволено возвращать отнятыя у нихъ уніатами церкви,—право занимать всѣ высшія государственныя должности по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, кромѣ сената.

Нѣкоторые изъ сенаторовъ, а именно: Ржевусскій, польный гетманъ коронный, воевода краковскій; князь Солтыкъ, епископъ краковскій; Залусскій, епископъ куявскій, возстали противъ этихъ пунктовъ, за что были арестованы и подъ конвоемъ московскимъ отвезены въ Вильну, а оттуда въ Москву. Посламъ угрожали пыткой, а одного изъ нихъ, по имени Кожуховскаго, привязали къ пушкѣ и перевезли въ Литву. Князь Радзивиллъ, предводитель конфедераціи коронной, вопреки правамъ и конституціямъ, закрылъ сеймъ и велѣлъ тѣмъ же посламъ, подъ страхомъ лишенія

имущества и всѣхъ правъ состоянія, явиться вторично на сеймъ 2-го февраля.

1768 г. *Февраль*. Въ этомъ мѣсяцѣ, по ходатайству епископовъ нашихъ, вообще враждебныхъ нашему ордену, короли сдѣлали архимандріями *) слѣдующіе монастыри: виленскій, тороканскій, лавришовскій, пустынскій, мстиславскій и минскій. На виленскую архимандрію выданъ былъ привилей о. Володзкѣ, генеральному прокуратору нашему въ Римѣ; на тороканскую—Востоцкому, генеральному секретарю нашему; на лавришовскую—Гедройцю; на пустынскую—о. Горбацкому, пинскому номинату; на минскую—о. Сорогѣ. Узнавши объ этомъ, провинціалъ нашъ литовскій о. Никодимъ Карпинскій тотчасъ же разослалъ письма къ высшимъ государственнымъ сановникамъ, преданнымъ нашему ордену, а королю послалъ мемориалъ чрезъ брата своего Ираклія Карпинскаго, бывшаго тогда прокураторомъ нашимъ въ Варшавѣ, челоуѣка извѣстнаго при дворѣ. Достигъ онъ по крайней мѣрѣ того, что приказано было разслѣдовать это дѣло.

Школы наши здѣшнія были въ такомъ близкомъ общеніи съ іезуитскими, что наши профессеры не менѣе 12 разъ въ годъ бывали на диспутахъ у іезуитовъ; въ свою очередь и іезуиты не менѣе 10 разъ въ

*) Монастыри, имѣвшіе титулъ *архимандрій* или аббатствъ, принадлежали къ числу королевскихъ *бенефцій*, которыя раздавались королями въ пожизненное владѣніе лицамъ какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія. Въ церковно-административномъ отношеніи, монастыри эти подчинялись власти митрополита, между тѣмъ какъ обыкновенные монастыри, такъ называемые *суперіорства* или *старшинства* подчинялись власти базилианскаго генерала или протоархимандрита, а настоятели этихъ монастырей, называвшіеся обыкновенно суперіорами или старшими, избирались только на четыре года. Въслѣдствіе особенныхъ привилегій аббатскихъ монастырей, невыгодныхъ для ордена, базилиане не допускали разцѣженія аббатствъ.

годъ бывали у насъ на диспутахъ. Дружба наша съ ними доходила до того, что когда они бывали у насъ или мы у нихъ, то каждый изъ насъ велъ себя въ гостяхъ, какъ дома; не проходило ни одной недѣли, чтобы мы у нихъ, или они у насъ не гостили.

Май. Въ праздникъ Тѣла Божія пригласилъ насъ для участія въ процессіи, самъ провинціалъ іезуитскій. Участвовало въ этой процессіи 10 человекъ изъ нашихъ. По правой рукѣ въ процессіи, наши занимали первое мѣсто. Послѣ процессіи насъ пригласили къ обѣду, на которомъ насъ угощали весьма усердно и радушно. Спустя недѣлю, была нами совершена такая же процессія по всему городу, по *нашему обряду*. Въ этой процессіи участвовали всѣ профессора іезуитской коллегіи и занимали первое мѣсто по правой рукѣ. Мы пригласили ихъ къ ужину, который состоялъ изъ мясныхъ блюдъ (na kolacią mięsna), съ охотою согласились и прибыли. Веселились долго, до полуночи.

Три года тому назадъ, завистливый врагъ церкви Божіей и св. вѣры, изгналъ о. іезуитовъ изъ сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ государствъ европейскихъ—Франціи, Испаніи и Португаліи; теперь опять съ новою силою бросился на св. церковь, хочетъ въ конецъ уничтожить іезуитскій орденъ. Воспротивилась было этому столица апостольская, угрожая отлученіемъ тѣмъ изъ владѣтельныхъ особъ, которые осмѣлятся изгнать изъ своихъ владѣній оо. іезуитовъ, ей взаимно. угрожали войною (стр. 88).

Въ этомъ же году начали строить каменную церковь и монастырь въ Толочинѣ на средства фундаторки, княгини Сангушко (стр. 87—88).

Въ этомъ же, т. е. 1768 году, августа 25, окончена постройка каменнаго монастыря; начата она была 1752 г.

Писали намъ изъ Варшавы, будто наши епископы хотѣли хлопотать на сеймѣ объ отнятіи у насъ права самоуправленія, подѣ тѣмъ предлогомъ, будто мы базилиане, не умѣемъ управлять собою безъ епископовъ. Чтобы предупредить грозившую намъ опасность, мы тотчасъ же отправили въ Варшаву на сеймѣ генеральнаго викарія изъ провинціи коронной, о. Малковского и генеральнаго секретаря о. Коблянскаго; отправился также на сеймѣ изъ нашей провинціи (литовской), провинціалъ о. Карпинскій и секретарь провинціи о. Новицкій, старшій виленскаго св. Троицкаго монастыря. Прибывши въ Варшаву, нашъ провинціалъ былъ два раза на аудіенціи у короля его милости. Король принялъ его весьма радушно, восхищался величественной его осанкой, хвалилъ его умъ и вообще нашелъ, что онъ достоинъ управлять провинціею и тѣми людьми, которые любятъ короля; пожелалъ ему даже быть генераломъ нашего ордена. По дѣду о новыхъ архимандріяхъ приказалъ нарядить слѣдствіе. Былъ также о. провинціалъ и у министровъ литовскихъ и коронныхъ; всѣ приняли его весьма ласково, обѣщали помогать ему на сеймѣ, но къ несчастію сеймъ не состоялся, не прибыли послы (стр. 91).

Изъ Варшавы получили мы извѣстіе, что дворъ нашъ уничтожилъ нунціатуру въ Варшавѣ и все управленіе дѣлами церкви въ Польшѣ, передано примасу епископу. Бывшій тогда нунцій Ангелій Марія публично протестовалъ противъ этого распоряженія. Черезъ двѣ или три недѣли, нунціатура была опять восстановлена. Въ концѣ этого года, король получилъ письмо отъ св. отца, въ которомъ онъ увѣщаетъ короля твердо держаться вѣры католической, охранять ее и не дѣлать никакихъ уступокъ лютеранамъ, калвинамъ и схизматикамъ. Король отвѣчалъ на это письмо смѣло, съ признаніемъ своего достоинства, и да-

же довольно холодно; вообще отвѣтное письмо короля было написано довольно колко (стр. 86).

1768 г. Сентябрь. 26-го числа начались сеймики. Въ нашемъ монастырѣ остановился е. м. панъ Зеновичъ подкоморій. Сеймикъ продолжался четыре дня, но пословъ не выбрали; никто въ воеводство не согласился на выборы, потому что конфедераты угрожали лишеніемъ имущества и всѣхъ правъ состоянія того, кто осмѣлится явиться на сеймъ посломъ.

Во время сеймиковъ, всѣ войска русскія, бывшія въ Полоцкѣ, вышли за городъ; по окончаніи сеймиковъ, опять возвратились въ городъ. Всѣ войска были на сторожѣ: спали только днемъ, потому что боялись нападенія конфедератовъ.

4-го октября гостили у насъ всѣ русскіе офицеры; послѣ обѣда пили кофе, мы пропѣли имъ *многая лѣта*, чѣмъ они остались очень довольны. Пробыли у насъ до четвертаго часа. На другой день, русскія войска вышли изъ города весьма поспѣшно и направились къ Минску; подъ Несвижемъ встрѣтились съ конфедератами минскими, опшмянскими и слонимскими, и всѣхъ ихъ разогнали, а самаго Радзивилла *въжливю* попросили отправиться въ Варшаву (стр. 90).

1769. Еще предъ праздникомъ Рождества Христова прибыло въ Полоцкѣ три полка русскаго войска. Полковникъ кн. Голицынъ прислалъ къ намъ наканунѣ Рождества Христова узнать, будетъ ли у насъ, и въ которомъ часу, всенощная и обѣдня. Я самъ (настоятель) отправился къ нему съ визитомъ и рассказалъ все подробно. Ко всенощной онъ не прибылъ, былъ только у обѣдни. Мы пригласили его съ 12 офицерами къ обѣду и пропѣли имъ *многая лѣта*, чѣмъ они остались довольны. За обѣдомъ играла музыка (*kapellia*). Самъ князь былъ весьма вѣжливъ. Всѣ три полка ничего не взяли отъ нашего монастыря,

когда какъ отъ другихъ брали все, что имъ нужно было; впрочемъ брали немного, платили умѣренно, никому значительной обиды не сдѣлали (стр. 92).

1-го января, память Василия В., патрона базилианскаго ордена.—На утрени, послѣ Славословія великаго было *Renovatio votorum*, т. е. возобновленіе или повтореніе монашескихъ обѣтовъ. Службу совершали оо. іезуиты. Обѣдню пѣтую (*śpiewana msza*), совершалъ самъ ректоръ коллегіи въ сослуженіи съ 12 схоластиками; другіе профессора коллегіи, отслужили каждый по одной *читанной* обѣдни.

Въ этомъ же году, наши архимандриты (*opaci nasi*) писали въ конгрегацію пропаганды и ко двору и къ министрамъ польскимъ, прося, чтобы имъ однимъ только было предоставлено право быть генералами ордена и провинціалами (стр. 93).

Іюль. По распоряженію генерала нашего Билинскаго, получили мы чрезъ своего провинціала оповѣщеніе на генеральную конгрегацію, которая назначена была 26 числа въ Брестъ, или въ Бѣломъ. Оповѣщеніе это (*innotescentia*) было прочитано народу, которому заповѣдано молиться о благополучномъ исходѣ конгрегаціи.

3-го августа отправились мы на генеральную конгрегацію, которая назначена была въ Брестъ въ день Успенія Пресв. Богородицы, но не состоялась по той причинѣ, что тогдашній митрополитъ Филиппъ Володковичъ, скрываясь отъ москалей, ушелъ въ Пруссію. Кoadьюторы его, Левъ Шептыцкій, епис. львовскій и Антоній Млодовскій, еписк. владимірскій, тотчасъ же сообщили объ этомъ въ Римъ и получили оттуда приказъ управлять дѣлами митрополіи. Узнавши объ этомъ, митрополитъ тотчасъ же возвращается въ отечество, въ свою епархію, но коадьюторы его не только не позволили ему управлять митрополіею, но не до-

зволили ему даже председательствовать на предстоящей конгрегации; кромѣ того, они выхлопотали въ нунціатурѣ распоряженіе о закрытіи конгрегации, которая по этому и несостоялась. И такъ мы принуждены были съ посрамленіемъ возвратиться назадъ.

Въ эти же дни получены были универсалы отъ Барской конфедерации (польской), поляки просили Литву и Русь принять участіе въ конфедерации. Въ Гродну и Вильну прибылъ Пулавскій съ 4,000 конфедератовъ (стр. 95—96).

12-го сентября прибылъ въ нашъ монастырь съ женою и дѣтьми воевода мстиславскій—Плятеръ. О. Долмать привѣтствовалъ его милость рѣчью на латинскомъ языкѣ, а о. Зайковскій привѣтствовалъ ее милость рѣчью на польскомъ языкѣ. Воевода съ сыновьями выпили по рюмкѣ венгерскаго вина, а ея милость съ дочерьми отправились въ женскій монастырь на кофе.

Декабрь. Просили оо. іезуитовъ на торжество въ день Василія Великаго. Присланъ изъ Рима новый ректоръ коллегіи о. Черневичъ, — человекъ знатной фамиліи, любезный и вообще достойный уваженія. Въ первый день Рождества Христова, онъ былъ у меня съ визитомъ, но не засталъ въ келіи, — я совершалъ въ это время литургію, принялъ его о. *примаріуизъ*. На слѣдующій день я отплатилъ ему визитъ. Принялъ меня весьма ласково. Ъздилъ я къ нему еще разъ съ приглашеніемъ на торжество въ день св. Василія Великаго. Отказался отъ предложенія по слабости здоровья и потому между прочимъ, что боится холода; вмѣсто себя обѣщалъ послать предшественника своего, о. Пончковскаго, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ (Пончковскій) служилъ съ своею *капеллією* (музыка съ пѣвчими), а не съ струнъ-

скою *), потому, что нѣкоторые изъ этой *капеллии* находятся подъ запрещеніемъ за оскорбленіе причиненное прокуратору ихъ спасскому Топчинскому, въ противномъ случаѣ они отказываются отъ участія въ торжествѣ. Поѣхалъ я въ Струнь и сообщилъ объ этомъ архіепископу. Извѣстіе это очень удивило его и огорчило. Возвратившись домой, я вскорѣ получилъ отъ преосвященнаго записку, въ которой пишетъ, что онъ не можетъ снести такого униженія для себя и просить меня ни въ чемъ не уступать оо. іезуитамъ,—а нужно замѣтить, что іезуиты уже начали объ этомъ дѣло въ нунціатурѣ. Отправляюсь я съ этой запиской опять въ коллегію и объявляю волю архіепископа. Всѣ оо. іезуиты бывшіе въ это время въ келіи ректора,—а ихъ было около 10 чел.,—единогласно отвѣчали, что они не могутъ быть у насъ на торжествѣ въ день св. Василія Вел., и что *казнодей* (проповѣдникъ) ихъ, который готовилъ къ этому дню проповѣдь, произнесетъ ее въ наступающее воскресенье въ своей церкви,—а память св. Василія Вел. была въ пятницу. Какъ сказали, такъ и сдѣлали: никто изъ нихъ не прибылъ къ намъ въ день св. Василія, — отпраздновали они у себя въ воскресенье. Но такъ какъ не мы и не они были причиною этого, то очень извинялись передъ нами, обѣщали и на будущее время находиться въ такихъ же братски-дружескихъ отношеніяхъ къ намъ, какъ и прежде, лишь бы только благополучно кончить имъ въ нунціатурѣ свой процессъ съ архіепископомъ. И дѣйствительно, какъ и прежде, они бывали у насъ, а мы у нихъ; и диспуты богословскіе и философскіе поочередно бывали у насъ и у нихъ. Въ Струнь, во все время процесса, ни съ визитами, ни съ привѣт-

*) *Струнь*, резиденція полоцкаго униатскаго епископа, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полоцка.

ственными рѣчами *oratio* не бывали. Огорченный и униженный (*zhanbiony*) архіепископъ нашъ также не былъ на торжествѣ. Литургію совершалъ въ этотъ день ксендзь Горбацкій, изъ свѣтскаго клира, по латинскому обряду, въ сослуженіи съ нашей братіею.

1770 г. *Февраль*. Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, начались сеймики. Въ монастырѣ нашемъ остановился подкоморій Зеновичъ. Засѣданія сеймика происходили въ одной изъ монастырскихъ залъ. На первыхъ засѣданіяхъ ничего ровно не сдѣлали, только спорили, и довольно горячо, произошло даже нѣкоторое разъединеніе и разногласіе. На третій день, изъ опасенія, чтобы не произошло какихъ нибудь беспорядковъ, засѣданія производили въ нашей церкви. Засѣданіе продолжалось цѣлый день, съ 8-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, депутатовъ однако не выбрали, хотя соискателей было 12 чел., изъ нихъ согласились было выбрать четырехъ, но гг. Корсаки требовали подачи голосовъ. Панъ подкоморій, бывшій на сторонѣ партіи Пржисецкихъ, видя, что партія Корсака вдвое и даже втрое больше его партіи, не согласился на подачу голосовъ. Обѣ эти партіи хотѣли имѣть каждая своего депутата. Изъ церкви вышли въ канцелярію. Корсаки протестовали на подкоморія, что вопреки праву не согласился на подачу голосовъ, а подкоморій на Корсаковъ за превышеніе власти.

Мартъ. Получено декретъ изъ конгрегаціи пропаганды по дѣлу нашихъ аббатовъ (архимандритовъ), хлопотавшихъ, чтобы протоархимандритъ и провинціалы нани избирались изъ ихъ круга: *nihil esse innovandum*—отвѣчала на ихъ просьбу конгрегація пропаганды (стр. 97—100).

Декабрь 16. По распоряженію папы Климента XIV, былъ объявленъ по всей епархіи двухнедѣльный юби-

лей. Начался онъ такимъ образомъ: за нѣсколько недѣль предварительно разсланы была печатныя объявленія по всемъ приходамъ, а въ городахъ прибиты афиши къ дверямъ церквей (уніятскихъ) и костеловъ. Юбилей начался въ субботу у францишкановъ; въ этотъ же день прибылъ къ намъ и нашъ преосвященный. На слѣдующій день въ 7 часовъ утра, преосвященный отправился къ францишканамъ. Окончивши утреню, отправились и мы все къ францишканамъ. Въ 8 часовъ, началась читанная обѣдня, которую совершалъ францишканецъ. Нашъ преосвященный сидѣлъ на особой скамеечкѣ, а мы все вмѣстѣ на скамейкахъ, доминикане съ крестомъ тоже сидѣли на особомъ мѣстѣ. Послѣ проповѣди началась *супликація* *). По окончаніи ея, нашъ преосвященный въ мантии, омофорѣ и въ митрѣ, сталъ предъ большимъ алтаремъ, все мы тоже облачились въ ризы и стали вмѣстѣ съ преосвященнымъ. Послѣ обычнаго начала: „Благословенъ Богъ нашъ, Царю небесный, Отче нашъ помилуй мя Боже, начали пѣть канонъ покаянный; *Помощникъ и Покровитель*, и съ пѣніемъ его вышли изъ костела съ крестнымъ ходомъ уже около 9 час. утра. Въ первыхъ рядахъ шли съ крестомъ францишкане, затѣмъ доминикане, а за ними мы базилиане. Звонили во всехъ костелахъ и церквахъ, даже у схизматиковъ. Отъ францишкановъ крестный ходъ направлялся Малою улицею къ рынку, оттуда мимо іезуитскаго костела къ Двинѣ, въ замѣтъ; іезуиты однако не вышли на встрѣчу, въ чемъ на слѣдующій день, извинялись чрезъ своего провинціала. Стеченіе народа было громадное, было много и русскихъ офицеровъ въ парадныхъ мундирахъ, а солдаты хотъ издали, въ сторонѣ, шли до самаго кафедральнаго собора. Только въ со-

*) Покаянный молебень или канонъ.

боръ отозвалась музыка, а до сихъ поръ не играла. Съ пѣніемъ покаяннаго канона, процессія вошла въ соборъ, нашъ преосвященный тотчасъ же началъ служить читанную обѣдню; викарій нашъ сказалъ проповѣдь о юбилеѣ и рассказалъ весь порядокъ его. Во время проповѣди, преосвященный сидѣлъ на тронѣ; послѣ проповѣди направился къ большому алтарю и началъ пѣть латинскую „супликацію“ *на польскомъ языкѣ*. Богослуженіе кончилось въ 12 часовъ. Послѣ обѣда въ 2 часа, данъ былъ звонъ на поученіе (*на наукенг*); въ 3 часа началась вечерня съ проповѣдью и „супликаціей.“ Въ такомъ порядкѣ совершалось богослуженіе въ теченіи двухъ недѣль. Исповѣдующихся такъ было много, что каждый день въ конфессіоналахъ (исповѣдальняхъ) сидѣло по 10 и по 12 исповѣдателей; слушалъ исповѣдь даже самъ преосвященный (стр. 111—112).

Сентября 2-го. Судъ открылъ свои публичныя за-сѣданія. Съ 12 на 13 число ночью, прибыли въ городъ конфедераты, или лучше сказать своевольная толпа бродягъ оршанскихъ, моршанскихъ и др., подъ предводительствомъ Штейна, коморника В. Кн. Литов. Было ихъ, какъ рассказываютъ, около полутораста человекъ. Отрядъ ихъ изъ 50 всадниковъ, подъ предводительствомъ Гозиуша и Шолухи, отправился въ Струнь, резиденцію нашего архіепископа. Прибывши туда, бродяги эти раздѣлились на нѣсколько отрядовъ; одинъ изъ нихъ окружилъ архіерійскія палаты; другой—архіерейскія службы; третій—стоялъ у конюшенъ. Предводители вошли въ палаты и *просили* архіепископа дать имъ лошадей и музыкальные инструменты; между тѣмъ стоявшая на дворѣ толпа бродягъ уже распорядилась архіерейскимъ добромъ, не дожидаясь чьего бы то ни было распоряженія. Одни забирали лошадей, другіе шарили по всѣмъ угламъ,

ища музыкальныхъ инструментовъ и оружія. Однихъ лошадей забрали около 49; забрали также оружіе, порохъ, свинець, и со всею этою добычею возвратились опять сюда въ городъ. Около 8 часовъ утра, когда судьи открыли свои публичныя засѣданія, прибылъ Штейнъ съ 20 всадниками и остановился предъ судебною камерою. Спѣшивъ, онъ вошелъ въ камеру со свитою изъ 3 человекъ, просилъ судей занять свои мѣста; затѣмъ потребовалъ себѣ голоса и сталъ говорить о конфедераціи, подалъ для записи въ актовныя книги свое заявленіе, приказалъ подать реестръ дѣлъ назначенныхъ къ разбирательству и протоколы засѣданій и затѣмъ велѣлъ закрыть засѣданіе.

Изъ судебной камеры Штейнъ со свитою отправился въ нашъ монастырь, потомъ пошли въ архивъ, гдѣ хранились дѣла цѣлаго воеводства, забрали всѣ дѣла со времени королевской коронаціи, сложили ихъ въ одной изъ монастырскихъ келій, заперли ее и запечатали. Очевидцемъ всего этого, какъ въ судѣ, такъ и въ архивѣ, былъ я самъ, настоятель монастыря. Я попросилъ ихъ къ себѣ, но они недолго пробыли у меня, только нѣкоторые выпили по рюмбѣ водки. Въ этотъ день былъ приготовленъ у меня обѣдъ для судей, и уже накрытъ былъ столъ на 16 человекъ. Я попросилъ и ихъ отобѣдать, но они не согласились, просили только прислать имъ рыбы, такъ какъ это была пятница, что я и исполнилъ. Затѣмъ конфедераты ушли. Съли мы обѣдать. Едва мы успѣли откушать первое блюдо, какъ растворились двери моей келіи и вошелъ вице-маршалокъ конфедератовъ Новацкій и спросилъ: „кто здѣсь г. судья Сволыньскій?“ Сволыньскій всталъ и сказалъ: „Я Сволыньскій.“ Вы посадили въ тюрьму г. Норницкаго?—„Я и весь городскій урядъ.“—Прошу васъ сейчасъ же освободить его и дать въ томъ росписку. Росписка тотчасъ же

была написана, и Норницкій былъ освобожденъ. Я просилъ вице-маршала отобѣдать вмѣстѣ съ нами, но онъ отказался и ушелъ. Послѣ обѣда судьи не отправляли судовъ, потому что забраны были актовыя книги; весь вечеръ они провели въ моей келліи. Ночью мы послали экипажъ въ Струнь за архіепископомъ; онъ вскорѣ прибылъ къ намъ. Пока мы совѣтовались, что дѣлать, какъ получили извѣстіе, что конфедераты вышли изъ города на Махировъ и Бѣлый въ Волынецъ.

14 числа въ субботу, не осталось въ городѣ ни одного конфедерата, потому что русскіе войска были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. И въ этотъ день обѣдали у меня судьи, гродъ и палестра. Между тѣмъ пришли въ городъ русскія войска: было ихъ около 700. Вечеромъ отправились мы въ Струнь для совѣщаній.

15-го числа въ воскресенье, прибыли конфедераты въ Волынецъ, всѣ исповѣдались и причастились у оо. доминикановъ. Около полудня, прибыли туда русскіе войска изъ Дисны, внезапно напали на конфедератовъ и разогнали ихъ, многихъ взяли въ плѣнъ, многихъ также ранили и убили; спаслись бѣгствомъ только маршалокъ и вице-маршалокъ съ нѣсколькими всадниками. Какъ скоро пришла москва въ городъ, тотчасъ же была отперта келія, въ которой запечатаны были актовыя книги, самъ маіоръ Катаевъ снялъ печать, выдалъ книги и велѣлъ судьямъ продолжать свои засѣданія. (Majarzyli, a nie sądzili) (122—123).

Въ сентябрѣ этого года, приключилось ужасное несчастіе съ поляками, или лучше сказать, съ нашими литовцами. Гетманъ литовскій Огинскій издалъ приказъ, въ коемъ велѣлъ всѣмъ войскамъ, какъ польскимъ такъ и литовскимъ, собраться въ его имѣніе Телехани. Собралось всѣхъ около 6,000; въ Телеханиахъ (около

Пинска) произошла стычка съ отрядомъ русскихъ войскъ, который отступилъ съ значительнымъ урономъ. многіе попались даже въ плѣнъ. Изъ подъ Пинска, гетманъ направился сюда на Русь и пошелъ подъ Миръ. Услышавши о приближеніи русскихъ войскъ, воротился въ Столовичи со всеми своими войсками. Здѣсь нечаянно напалъ на нихъ генераль Суворовъ и поразилъ ихъ на голову; 374 человекъ взялъ въ плѣнъ; самъ гетманъ едва спасся бѣгствомъ, Весь обозъ, артиллерія, войсковая касса около 55 т. червонныхъ золотыхъ, все досталось неприятелю,—не говоря уже о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, принадлежавшихъ гетману и его товарищамъ. Гетманъ отъ стыда убѣжалъ за границу въ Парижъ. Это страшное, почти невѣроятное пораженіе, тѣмъ было удивительнѣе, что нашихъ было около 6000 съ 16 пушками, тогда какъ русскихъ войскъ было не болѣе 2000 съ 2 пушками (стр. 126).

16-го ноября. Получено извѣстіе изъ Варшавы о покушеніи на жизнь короля нашего Станислава-Августа Понятовскаго. 3-го ноября, въ воскресенье, около 9 часовъ вечера, король посѣтилъ больнаго канцлера литовскаго, кн. Чарторійскаго. Когда король возвращался во дворецъ, убійцы (конфедераты) встрѣтили его на улицѣ, выстрѣлили и прострѣлили карету, остановили ее, вытащили короля и пѣшкомъ повели за городъ, но не убили. Король какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти. По всему королевству былъ объявленъ благодарственный молебень за спасеніе его жизни.

1-го декабря. Прибыло въ Полотскъ около 600 русскаго войска, подъ командою майора Литвинова,—человѣка дѣльнаго, любезнаго, доступнаго и справедливаго.

5-го декабря. Прибыль къ намъ землемѣръ витебскій Вольфъ, для окончанія дѣла нашего съ инокинями и для измѣренія всей ихъ монастырской земли въ чертѣ города. Началь онъ мѣрить отъ вала городского по направленію къ нашей юриздикѣ и вымѣрилъ 2 шпура, т. е. 50 сажень; мы проиграли; потому что дѣйствительно мы, по немногу захватывая земли принадлежащей инокинямъ значительно расширили предѣлы своей юриздыки; а когда началъ мѣрить отъ іезуитскаго огорода, то отмѣрилъ 40 саж., такъ что намъ осталось только 3 сажени отъ дороги. Мы уступили инокинямъ, снисходя къ ихъ бѣдности, всю отрѣзанную землю и со всеми даже постройками и съ домою, въ которомъ жилъ монастырскій докторъ; спорили также о *свинтарѣ* *), но такъ какъ архіепископъ нашъ не отстаивалъ, то и мы уступили. Такимъ образомъ владѣнія инокинъ примкнули почти къ самому кафедральному собору, такъ что едва-едва осталось мѣста для крестнаго хода вокругъ церкви. Лѣтъ нѣсколько тому назадъ о. Конарскій, старшій монастыря, построилъ на самой границѣ ихъ владѣній кафедральную колокольню, и за это монастырь нашъ заплатилъ 50 талеровъ.

Послѣ всего этого предостерегаю будущихъ старшинъ (настоятелей) монастыря, чтобы они не водили дружбы съ инокинями и не вѣрили бы имъ на словѣ. Пусть не забываютъ старшіе, что инокини ни во что ставятъ наши услуги, считаютъ ихъ даже обязательными съ нашей стороны. А братія наша тому и рады. Раскаются когда нибудь старшіе, какъ я теперь. Живи же послѣ этого съ ними дружелюбно, по-братски, по уставу отца нашего Василія В. и по заповѣдямъ Хри-

*) *Свинтарь*, кладбище при церкви и вообще все пространство въ церковной оградѣ.

стовнымъ! Люби ихъ какъ сестеръ о Христѣ, но обращай съ ними осторожно и предусмотрительно!... Особенно братію сохрани Богъ отъ знакомства съ инокинями. Что испыталъ я самъ лично въ теченіи 12 лѣтъ, не хочу распространяться. Пусть же помнятъ это и братія и старшіе.

Тотъ же землемѣръ вымѣрилъ всю землю вокругъ монастыря, въ предѣлахъ монастырской ограды. Дѣлали мы это *секретно*, чтобы впоследствии было на что опереться, потому что пространство это не было до сихъ поръ вымѣрено, было только *описание русское*, какъ когда-то передавали это мѣсто архіепископамъ, особенно блаж. Иосафату (Кунцевичу). И этотъ впрочемъ документъ хранится въ архивѣ архіепископскомъ, у насъ только копія. Необходимо отстаивать право наше на владѣніе колодеземъ, вырытымъ на пограничной межѣ, равно какъ и Благовѣщенскому церковью (стр. 128).

20 декабря. Праздникъ Непорочнаго Зачатія. Наканунѣ прибылъ и ночевалъ у насъ архіепископъ; послѣ суммы (католической пѣтой обѣдни), отсужилъ читанную обѣдню. Въ этотъ же день, въ присутствіи всѣхъ членовъ воеводства, русскихъ офицеровъ и монаховъ всѣхъ здѣшнихъ орденовъ, пѣли благодарственный молебенъ по случаю спасенія жизни короля. Послѣ молебна всѣ гости, 50 слишкомъ человекъ, приглашены были на обѣдъ. Пили за здоровье императрицы, въ угоду русскимъ офицерамъ и е. м. короля польскаго, при чемъ играла музыка и стрѣляли изъ пушекъ.

21 декабря. Съ почты изъ Варшавы получили оповѣщеніе отъ имени нунція на конгрегацию. Оповѣщаль самъ нунцій, потому что генераль нашъ умеръ, а о викаріи его (помощникѣ) шелъ споръ. По этому, по распоряженію конгрегациі пропаганды, самъ нунцій созывалъ конгрегацию. День съѣзда назначилъ 2-го

Февраля *Сртменія*, въ Брестѣ-Литовскомъ; председа-
телемъ конгрегациі, тоже по распоряженію конгре-
гациі пропаганды, на этотъ разъ назначенъ епископъ
луцкій Рудницкій. Почему устранилъ отъ председа-
тельства митрополитъ нашъ, который, по конститу-
ціямъ нашимъ, долженъ председательствовать на
конгрегацияхъ, объясняется тѣмъ, что Володкевичъ,
тогдашній митрополитъ, былъ въ немилости при дворѣ
и самъ король былъ весьма недоволенъ имъ (стр. 129).

2 февраля. День назначенный для сѣзда конгре-
гациі. На канунѣ этого дня прибылъ назначенный
нунціемъ председатель (Еп. луцкій—Рудницкій) и
остановился у доминикановъ. Засѣданія конгрегациі
открылись 3 февраля. На первыхъ засѣданіяхъ про-
изведены выборы генерала, помощника его, провин-
ціаловъ, консульторовъ, прокураторовъ и др. орден-
скихъ чиновъ. Послѣ выборовъ приступили къ рѣ-
шенію дѣлъ и вопросовъ, касающихся провинцій или
цѣлаго ордена. Постановлено между прочимъ, чтобы
во всѣхъ монастыряхъ кассиры были присяжные, на-
значили каждому монаху *на рясу* (*habitowego*) выда-
вать ежегодно отъ 60 до 100, неболѣе, польскихъ
злотыхъ, а старшимъ или настоятелямъ монастырей
не болѣе 150 зл.; изъ постороннихъ доходовъ стар-
шимъ позволено удерживать въ свою пользу только
100 зл., остальное должны записать на приходъ. Кро-
мѣ того приказано ежегодно давать каждому монаху
пару рубашекъ холщевыхъ или полотняныхъ (*kuźelnych*
czy tkackich), одну простыню, пару наволочекъ и пару
туфель. Каждый полнокомплектный монастырь дол-
женъ имѣть своего сапожника, портного, прачку и
цырульника. Определено также, чтобы во всѣхъ мо-
настыряхъ обѣдъ состоялъ не менѣе какъ изъ четы-
рехъ блюдъ, а ужинъ изъ трехъ; прибавка отъ воли
старшаго. Относительно формы верхней одежды опре-

дѣлено было, чтобы рясы шились съ узкими рукавами, а не съ *широкими, висячими*, какъ у свѣтскихъ священниковъ. Постановлено также, чтобы во всѣ праздничные дни монахи стояли на клиросѣ и на Литіи выходили непременно въ мантияхъ. Если позовутъ монаха къ больному, и ему придется ѣхать въ тѣлежкѣ или верхомъ, чтобы выѣзжали всегда въ монашеской одеждѣ, а не въ нѣмецкихъ плащахъ, особенно бѣлыхъ (стр. 132—134).

18 іюня. По распоряженію русскаго генерала Кохановскаго приказано было нашимъ русскимъ священникамъ списывать дома и прихожанъ въ своихъ приходяхъ; жидамъ арендаторамъ приказано представить контракты, сколько платятъ аренды за содержаніе корчемъ, приказано также описать города, мѣстечки, костеты, монастыри, дома, плацы и т. п. Въ слѣдствіе этого распоряженія и я долженъ былъ представить полную опись своего монастыря.

19 іюня. Узнали мы изъ газетъ, что король прусскій отнимаетъ польскую Пруссію, ставитъ уже свой гербъ, выбираетъ подати, укрѣпляетъ города, что *цесарь* (австрійскій) отнимаетъ землю Саноцкую и Галицкую, а Москва, будто бы, намѣрена взять Бѣлорусію по р. Березину (стр. 140).

10 іюля. День св. Апостоловъ Петра и Павла *). Въ этотъ день прибылъ въ монастырь нашъ преосвященный и служилъ *читанную* обѣдню, послѣ обѣдни просилъ на обѣдъ русскихъ офицеровъ, нѣкоторыхъ чиновниковъ воеводства и магистрата и всѣхъ настоятелей латинскихъ монастырей. По окончаніи богослуженія, когда наступило время обѣда и наши иноки уже всѣ вышли изъ церкви и собрались въ столовую, въ это время явился *авдиторъ* архіепископа и объя-

*) Вѣроятно по римскому календарю.

вилъ отъ его имени, чтобы мы всё опять собрались въ церковь. Когда собрались мы въ церковь, намъ приказано было пѣть молебенъ. Въ концѣ молебна маіоръ русскихъ войскъ приказалъ читать и пѣть эктению о здравіи пресвѣтлѣйшей русской императрицы и ея наслѣдника. Когда преосвященный доложилъ маіору, что въ нашихъ книгахъ нѣтъ такой эктени, маіоръ сейчасъ же написалъ ее карандашемъ и подалъ преосвященному. Преосвященный опять сказалъ маіору, что нашъ діаконъ *не умѣтъ* читать русской скорописи. Маіоръ на это отвѣтилъ: „такъ напишите эту эктению *вашими* польскими буквами.“ Преосвященный написалъ и подалъ діакону, который произнесъ: „Еще молимся о благочестивѣйшей и самодержавнѣйшей государинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: многая лита!“ „Когда мы пѣли „многая лита,“ стрѣляли изъ четырехъ пушекъ, стоявшихъ на полѣ почти предъ моими настоятельскими окнами. По прочтеніи этой эктени, діаконъ опять произнесъ: „Еще молимся Господу Богу о наслѣдникѣ ея величества благовѣрномъ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ: „многая лѣта.“ При этомъ опять стрѣляли изъ пушекъ.

23 *юля*. Около 5 часовъ по полудни начался сильный пожаръ, истребившій почти всю большую улицу, начиная отъ еврейской бани, съ которой начался пожаръ, до самаго замка.

II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАГРАФЫ О КИЕВѢ,

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

§ 3.

*О двукратномъ возобновленіи Трехсвятительской церкви
въ 17-мъ вѣкѣ.*

Первое возобновленіе было въ митрополитство Петра Могилы. Въ книгѣ Закревскаго сказано такъ: „еще въ 1646 году Бопланъ видѣлъ ея остатки: увидѣли только двѣ полуразрушенныя стѣны вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя греческими надписями. Болѣе четырехъ сотъ лѣтъ церковь эта лежала въ развалинахъ; потомъ была исправлена (вѣроятно Петромъ Могилою 1632—1647) г.) и приписана къ Братскому монастырю“... (Стр. 209).

Я нахожу, что это сказаніе неисправно и недостаточно. Зачѣмъ здѣсь слово: *вѣроятно*? Если Бопланъ видѣлъ эту церковь 1646 года еще *въ развалинахъ*, то невѣроятно, чтобы она была *исправлена* Петромъ Могилою, котораго жизнь окончилась съ послѣднимъ днемъ того 1646 года. Если же она была исправлена въ его митрополитство, какъ это *достоверно*, то невѣроятно, чтобы Бопланъ видѣлъ ее 1646 года въ развалинахъ. Означенные у Закревскаго годы 1632—1647 ничего тутъ не объясняютъ; да они и поставлены не совсѣмъ вѣрно: ибо митрополитство Петра Могилы началось въ 1633-мъ году, а окончилось

вмѣстѣ съ 1646-мъ. Онъ скончался *въ 4 часу ночи* противъ новаго года, съ четверга на пятницу, какъ это сказано въ лѣтописи Ерлича, близкаго тому свидѣтеля. Но о началѣ Могилиного митрополитства сказано въ той лѣтописи не совсѣмъ *обстоятельно*, особенно же о посвященіи его во Львовѣ. Слѣдуя показанію Ерлича Евгений (въ описаніи кievософійскаго собора на 170 страницѣ) сказалъ, что Могила „вызвалъ въ Львовъ волошкаго митрополита съ епископами и тамъ, того же (1632) года, принялъ отъ нихъ посвященіе“ и прибавилъ, что „оттуда онъ возвратился опять въ Краковъ на коронацію короля Владислава IV, бывшую 6 февраля 1633 года“. Для болѣе вѣрной опредѣленности, я скажу, что на избирательномъ сеймѣ, бывшемъ въ *ноябрь* 1632 года, выбраны были два кандидата на митрополию кievскую: архимандритъ печерскій *Петръ Могила* и подстароста винницкій *Михаилъ Ласко*. (Актъ избранія помѣщенъ мною въ Кievскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1867 г. п. 8). Новый король утвердилъ перваго кандидата Петра Могила; но его посвященіе во Львовѣ было уже послѣ коронаціи, *въ апрѣль* 1633 года, и было оно совершено соборомъ *четырехъ* епископовъ православной митрополіи кievской, а именно: *Исаакія Борисковича*, епископа луцкаго и острожскаго, *Аврамія*, пинскаго и туровскаго, *Паисія Ипполитовича*, холмскаго и бельзскаго и *Гереміи Тисаровскаго*, епископа львовскаго, галицкаго и каменецъ-подольскаго. Я заимствую это свѣдѣніе изъ современной *лѣтописи львовской*, ближайшее свидѣтельство которой, въ этомъ случаѣ, важнѣе показанія Ерлича. Да и митрополитъ Евгений, если бы зналъ лѣтопись львовскую, онъ предпочелъ бы ея свидѣтельство. Вотъ подлинныя ея слова: „тогожь року (1633) Петръ Могила воеводичъ молдавскій, архимандритъ кievскій печерскій, въ Львовѣ посвящался у святой Пречистой на митрополитство. А было при посвященію владыкъ че-

тыре: 1) *Аврамій* владика смоленскій 2) *Еремия* владика львовскій, 3) *Исаакій*, 4) *Паисій* мѣлецкій *); архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ барзо много; также и шляхты русской и польской, и людей барзо много. А первое посвящене было въ среду святочную (бо святого Юра было), другое въ субботу, а третье въ недѣлю проводную; и апарата взял на себе, которыи самъ патриархъ святѣйшій посвящовалъ“.

Въ Кіевъ возвратился *митрополитъ* Петръ Могила къ *июлю* того года.

Возвращая въ свое вѣдомство отъ униатовъ православныя монастыри и церкви, онъ отобралъ въ томъ числѣ бывшую въ ихъ рукахъ и уже запустѣлую церковь Трехсвятительскую, съ принадлежавшими къ ней угодьями, и отдалъ ее въ распоряженіе Братскаго монастыря, за которымъ и была она утверждена грамотою Владислава IV, данною 12 мая 1638 года. Тогда приступлено было къ ея исправленію, и оно производилось въ 1639-мъ году. Въ моихъ „запискахъ о первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства“, напечатанныхъ 1865 года въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ сказано уже, что „возстановленіемъ трех-святительской церкви, по порученію Петра Могила, занимался игумень братскаго монастыря *Леонтій Андреевичъ Борожевичъ*“. Такъ какъ это свѣденіе еще ново для кіевоописателей и упущено изъ виду Закревскимъ, то я пополюю его теперь изъ современныхъ свидѣтельствъ, напечатанныхъ 1861 года, въ 3 томѣ „актовъ южной и западной Россіи“.

Въ началѣ 1640 года Петръ Могила нарядилъ посольство въ Мѡскву, къ царю Михаилу Федоровичу для испрошенія милостыни на устроеніе разоренныхъ церквей кіевскихъ. Въ числѣ посланныхъ, были *Игнатій Оксе-*

*) Прженій игумень мѣлецкій — Паисій, къ своему епископскому титулу прибавлялъ: «и строитель монастыря Мѣлецкаго.»

мовичъ Старушичъ, намѣстникъ митрополіи кіевской и архимандріи печерской, *Сильвестръ Ясинскій*, игумень выдубецкій, и *Леонтій Бронковичъ*, игумень кіевобратскій. Они выѣхали изъ Кіева 9 февраля, въ Москву прибыли 5 марта, а 9 апрѣля приняты были у государя; и дано имъ государево жалованье—игуменамъ по камкѣ адаманка, по 40 соболей и денегъ по 15 рублей. Леонтій, въ своей челобитной (см. въ *актахъ* № 40), объяснялъ, что церковь Трехъ Святителей, воздвигнутая св. княземъ Владимиромъ во имя ангела своего св. Василія Великаго, стояла долго пуста и разорена, а теперь митрополитъ Петръ Могила выдвигнулъ ту первоначальную церковь отъ отступниковъ православной вѣры, и отдалъ ее подѣлывать и строить ему Леонтію и всему братскому монастырю; и что онъ началъ ее подѣлывать, но устроить ее всѣмъ—сосудами, ризами и книгами, стало ему не подъ силу; а потому просить онъ у государя милостиннаго жалованья. И по указу царскому выдано было Леонтію: пять печатныхъ книгъ *Миней*—апрѣль, май, іюнь, іюль и августъ, и соболями *сто* рублей.

Здѣсь, къ названію церкви *первоначальною*, можно вспомнить слова изъ тератургимы: „церковь св. Василія, *первые остьхъ* созданная Великимъ Владиміромъ“. Таково было тогдашнее понятіе о ней у кіевлянъ.

По возвращеніи посольства изъ Москвы, игуменемъ Братскаго монастыря сталъ вышешепомнутый *Игнатій Старушичъ*; и дана ему была новая королевская грамота, отъ 7 іюня 1640 года, на Трехъ-Святительскую церковь и на бывшую, близъ нея Воздвиженскую, съ принадлежавшими къ нимъ издавна угодьями. Игнатій не замедлилъ, конечно, довершить обновленіе Трехъ-Святительской церкви, начатое Леонтіемъ 1639 года.

Какъ же могъ Бопланъ видѣть въ 1646 году ея развалины?... По моему примѣчанію, она и не была разру-

шенною, не „лежала въ развалинахъ“, а только бывала по временамъ въ запустѣніи, какъ и нѣкоторыя другія стародавнія церкви кievскія. Что же касается до Боплана, то онъ видѣлъ и описалъ не ея развалины, а только придалъ имъ ошибочно ея имя. Онъ говоритъ: „замѣчательны полуразрушенныя стѣны храма св. Василія, вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя греческими надписями. Эти надписи вырѣзаны были болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ предъ симъ, на алебастрѣ, но время почти совершенно ихъ сгладило. Въ развалинахъ открываютъ гробницы многихъ русскихъ князей“. Развѣ можно относить это къ Трехъ-Святительской церкви, въ которой ни одной княжеской гробницы не видно изъ древне-кievскаго лѣтописанья,— въ зданіи которой донинѣ видно древнее узкое окно въ олтарной стѣнѣ на сѣверь?... Нѣтъ, это развалины—Десятинной церкви, съ невысокими остатками ея разрушенныхъ стѣнъ, съ греческими литерами на ихъ обломкахъ, съ бывшими въ ней древне княжескими гробницами, изъ которыхъ въ 1635 году открыта была *Петромъ Могилою*—гробница св. князя Владиміра. А что польскій инженеръ, хорошо опредѣлившій намъ вышину полуразрушенныхъ стѣнъ ошибочно отнесъ ихъ къ церкви св. Василія, это вовсе неважно и нисколько неудивительно послѣ того, какъ онъ тѣ греческія надписи отнесъ болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ (вмѣсто 645-ти), или въ другомъ мѣстѣ своей книги, говоритъ, что древній Кіевъ разрушенъ за *девять вѣковъ* (вмѣсто *четырехъ*) до того времени!

Посмотримъ теперь на второе возобновленіе Трехъ-Святительской церкви, бывшее въ митрополитство Варлаама Ясняскаго.

Въ книгѣ Закревскаго сказано:

„Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи и московскій патріархъ Адріанъ, между прочими правами и привиллегіями, отдали *грамотою отъ 28 сентября 1691 года* кievскому

митрополиту Варлааму Ясинскому и *запустѣвшую* древнюю церковь св. Василя, подѣ ведомство кievской митрополiи“ (стр. 210).

Здѣсь опять ссылка на грамоты—такая же невѣрная и напрасная, какъ и та ссылка его на украинскiя лѣтописи! Ни въ царской грамотѣ отъ 28 сентября, ни въ патріаршей отъ 26-го, нѣтъ и помину о запустѣвшей церкви св. Василя или Трехъ-Святительской. Въ этомъ всякому можно удостовѣриться: тѣ грамоты напечатаны Евгениемъ, въ прибавленiяхъ къ Описанiю кievософiйскаго собора, подѣ номерами 26 и 27-мъ *).

На той же 210-й страницѣ, Закревскiй назвалъ *ошибочнымъ* мое показанiе, что эта церковь возобновлена 1695 года, и говоритъ въ возраженiе мнѣ: „но возобновленiе было *произведено* въ 1693 г. См. выше“. А выше у него, на той же страницѣ, сказано: „въ 1693 г. *приступлено* къ возобновленiю ея“. Но приступить къ дѣлу и произвести его—не одно и тоже; да и невѣроятно, чтобы въ одно лѣто была исправлена и возобновлена *обвалившаяся* каменная церковь, въ которой были уже „подѣвланы клѣбные амбары“. Вѣроятноже предположить такъ, что въ 93 году приступлено къ ея возобновленiю; въ 94-мъ произведена постройка; а въ 95-мъ, въ храмовой день 30 генваря, освящена церковь и тѣмъ довершено ея возобновленiе. Не вижу достаточнаго основанiя отмѣнять здѣсь 1695-й годъ, общепринятый издавна, Евгениемъ, Берлинскимъ и другими.

Тамъ же у Закревскаго сказано: „въ 1783 г. а по другимъ 1787 г. причисленъ къ ней бѣдный приходъ“. Вотъ эти годы дѣйствительно ошибочны и требуютъ поправки. Изъ старой метрической книги, хранящейся въ той церкви,

*) «Вотъ какovy бываютъ ссылки»—говоритъ Закревскiй, разбирая одну ошибочную цитату въ паломникѣ покойнаго И. П. Максимовича (стр. 283).

я. удостовѣрился, что Трех-Святительскій приходъ начался съ 1789 года; а въ предшедшемъ году былъ еще приходъ покровскій.

§ 4.

О набережной землѣ крещатицкой.

Въ *Кіевлянинѣ* 1841 года помѣщены были „топографическія замѣтки“, въ которыхъ между прочимъ я попытался опредѣлить—мѣсто *Туровой божницы*, упоминаемой въ лѣтописаньи подъ 1146-мъ годомъ. По тогдашнему соображенію моему опредѣлено было такъ: „*святыхъ мѣстомъ* и понынѣ называется въ народѣ мѣсто *крещатицкаго источника*, противъ коего древняя Почайна вливалась въ Днѣпръ. Тамъ всего естественнѣе было св. Владиміру поставить церковь, въ память крещенія 12-ти сыновей своихъ и народа кіевского. Потому *почти несомнѣнно* можно полагать, что божница или церковь Турова находилась *возлѣ крещатицкаго источника*. Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто и того народнаго вѣча, которое въ началѣ августа 1146 года происходило у *Туровой божницы*“ (стр. 109).

Закревскій, въ своемъ прежнемъ описаніи Кіева (1858 г.) возразилъ противъ этого тѣмъ, что „здѣсь нѣтъ мѣста для народнаго вѣча“ и сказалъ: судя по смыслу лѣтописей, Турова божница была на Кіевоподолѣ, *близъ торговой площади*“. (Стр. 229). Тамъ же на Подолѣ, но передвинувъ ближе къ Днѣпру, онъ поставилъ Турову божницу и въ новомъ описаніи Кіева, въ § 128-мъ; но тутъ онъ написалъ уже большое противъ меня возраженіе: прежде всего настаиваетъ онъ особенно на томъ, что для вѣча потребна *площадь*, что вѣче собрано было у Туровой божницы, *слѣдовательно на площади*“.

Конечно на площади, а не въ самомъ *оврагѣ* крещатицкомъ, на который мѣтитъ онъ, намѣреваясь именно

тѣмъ поразить мое мнѣніе. За тѣмъ у него слѣдуетъ такая выходка:

„Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ удивительною устойчивостію, въ продолженіе 25-ти лѣтъ, многоуважаемый Михаилъ Александровичъ Максимовичъ *хочетъ увѣрить* всѣхъ вообще и cadaго въ особенности, что Турова божница стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ каменный памятникъ св. Владимира“...

Это пишетъ обо мнѣ чловѣкъ далекій отъ меня и вовсе незнакомый мнѣ лично! Все, что я печаталъ о Кіевѣ, размѣется, издано было—для всѣхъ *вообще*; но г. Закревскій для меня есть одинъ изъ тѣхъ *въ особенности*, которыхъ я не думалъ и *не хочу* ни въ чемъ увѣрять. Послѣ 1841-го года, сколько могу припомнить, я нигдѣ уже не выражалъ печатно своего мнѣнія о мѣстѣ Туровой божницы у крещатицкаго источника. Но Закревскій говоритъ: „эту же самую мысль повторилъ авторъ и *въ апрѣль 1866 года* (т. е. въ статьѣ „о мѣстѣ Андревской церкви,“); стало быть въ отношеніи этого обстоятельства остался при прежнемъ мнѣніи (стр. 850). Охота же выдумывать небылицы! Въ той моей статьѣ нѣтъ и помину о божницѣ Туровой; да и не къ мѣсту было бы говорить о ней. Но вотъ онъ продолжаетъ свое возраженіе.

„Если бы здѣсь рѣчь шла объ одной только Туровой божницѣ, которая по всей вѣроятности была не болѣе нынѣшняго крещатицкаго памятника, то въ такомъ случаѣ не стоило бы и возражать. Обстоятельство это было *возможно* и только. Но не въ томъ дѣло. Здѣсь существенный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы указать на ту самую мѣстность Кіева гдѣ собиралось вѣче, о которомъ говорится въ текстѣ лѣтописи. Если намъ удастся отыскать эту мѣстность, то мѣсто для Туровой божницы, какъ второстепенный вопросъ, само собою опредѣлится“ (стр. 847).

Ну, а если бы воля крещатицкаго источника нашлось

ровное мѣсто для вѣча, неменьшее того, какое на планахъ Закревскаго отведено для Ярославля двора, тогда и Туровой божницѣ *можно* остаться тутъ же, у источника крещатицкаго?

Но Закревскій говоритъ: „не должно забывать, что киевляне подлѣ Туровой божницы въ 1146 году *составили* *отче*; стало быть, собралось туда не десятокъ человѣкъ, а по крайней мѣрѣ *сотъ пять*, и притомъ сотни эти *пріихали верхомъ* на лошадахъ. И такъ, при опредѣленіи мѣста, мы должны всѣ эти обстоятельства принимать въ расчетъ“...

Зачѣмъ же назначать именно *не меньше пяти сотъ* всадниковъ? Въ лѣтописи этого не сказано, „а лѣтописей дополнять не слѣдуетъ“! — говоритъ Закревскій строго въ возраженіе другимъ (Стр. 343). Ктонибудь, пожалуй, скажетъ, что у Туровой божницы собралось *не меньше тысячи*; а другой можетъ сказать, *не больше ста* человѣкъ. Въ лѣтописи говорится такъ:

„Игорь же ѣха Киеву, и созва *Кіане* *вси* на гору на Ярославль дворъ... И паки скопишася *вси кіане* у Туровы божницѣ, и послаша по Игоря... *Кіане же вси*, съѣдше съ конь и начаша молвити“... Отсюда видно только то, что какъ на Ярославль дворъ, такъ и у Туровой божницы, были одинаково—*вси Кіане*. Само собою разумѣется, что здѣсь говорится не о всѣхъ вообще кіянахъ, которыхъ было многотысячное число, а собственно о тѣхъ выборныхъ и уполномоченныхъ кіянахъ, которымъ предоставлялось право договора съ князьями, участіе въ вѣчѣ и т. п. Опредѣленнаго же на то числа Кіянъ изъ лѣтописи не видно. Каково бы ни было, впрочемъ, то число; но Закревскій нарядилъ уже къ Туровой божницѣ не менѣе пятисотъ всадниковъ и—говоритъ такими словами:

„Приступимъ къ дѣлу. Стоитъ только взглянуть на мѣстность, на эти буераки и дебри, чтобы дать рѣшитель-

ный отвѣтъ. Ссылаемся на всѣхъ Кіевлянъ, пусть они скажутъ: есть ли какая либо физическая возможность въ наше время собрать порядочную конницу на этомъ мѣстѣ, то есть, въ крещатицкомъ оврагѣ? Именно въ наше время, когда столь многое уже разчищено и сглажено. Еще на нашсмъ вѣку мѣстность эта была покрыта, по скату горъ, рытвинами и деревьями; еще мы помнимъ, какъ Александровскій или Крещатицкій спускъ имѣлъ бревенчатую мостовую, по временамъ непроходимую (Берлинск. с. 91). Изъ актовъ извѣстно, что начиная отъ церкви Рождества Христова на Подолѣ, до бывшаго дворца въ Государевомъ саду, до 1797 года, на этомъ пространствѣ не было ни одного зданія, и что мѣсто это имѣло видъ пустыни. Въ дѣтствѣ нашемъ рассказывали намъ старожилы, которые слышали отъ очевидцевъ, что вся эта мѣстность была покрыта рытвинами, обвалами и лѣсомъ; что даже днемъ не всѣ отваживались ходить чрезъ это мѣсто съ Подола въ Печерскую Лавру, а совершали свои путешествія на Печерскъ чрезъ Старый Кіевъ. За полтараста лѣтъ тому назадъ все это мѣсто было покрыто дремучимъ лѣсомъ; о проѣзжей дорогѣ вздумалъ первый кн. Голицынъ въ 1715 году. Теперь спрашиваемъ, что же было за 720 лѣтъ тому назадъ? Гдѣ тутъ могло быть мѣсто для народнаго вѣча? Если же здѣсь не было вѣча, то не было и Туровой божицы. Кажется ясно,! (Стр. 847).

Что же это, въ самомъ дѣлѣ, какъ не дѣтскія сказки?
„Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны“!...

Изъ какихъ *актовъ* видно, что памятный для Кіева генераль-губернаторъ князь Голицынъ *первый* вздумалъ сдѣлать проѣзжую дорогу съ Печерска на Подоль, въ 1715 году? Это видно только изъ книги Берлинскаго (стр. 49); а Закревскій придумалъ еще отъ себя, будто и Андреевскій взвозъ сдѣланъ *первоначально* тѣмъ же княземъ, около того же 1715 года; а до той поры будто бы двѣ

горы, Вздыхальная и Киселевка, составляли одну сплошную гору и дорога на Подоль была через Кожемяки.... Но изъ актовъ видно ясно, что *Хрещатицкій узвозъ* отъ Печерской горы на Подоль, къ воротамъ *Хрещатицкимъ Рождественскимъ*, былъ и въ 17-мъ и въ 16-мъ вѣкахъ, также какъ былъ тогда и Андреевскій взвозъ на Подоль отъ воротъ *киевскихъ*. Закревскій говоритъ: „изъ актовъ извѣстно, что начиная отъ церкви Рождества Христова на Подоль до бышаго дворца въ государевомъ саду, до 1797 года, на этомъ пространствѣ не было ни одного зданія и что мѣсто это имѣло видъ пустыни“.

До 1797-го... *Ни одного зданія...* Этакая способность видѣть въ актахъ и лѣтописяхъ то, чего нѣтъ въ нихъ, и не видѣть того, что въ нихъ есть!... *Приступая къ дѣлу*, Закревскій позабылъ и на этотъ рзъ про свое первое правило: „не выдавать вымысловъ за событія и не подкрѣплять ихъ фальшивыми цитатами“ (Стр. IV).

Посмотрите на *Планъ* Кіева, сочиненный въ 1745 году (въ уменьшенномъ видѣ онъ находится въ Фундуклеевомъ Обзорѣни Кіева). Тамъ, надъ самымъ берегомъ Днѣпра, между крещатичкимъ источникомъ и Подоломъ, означены *застроенныя зданіями мѣста*; а на сѣверномъ концѣ государева сада, на горѣ, изображена подъ литеркою *В крѣпостца, называемая Стародумъ*. И такъ, еще за сто двадцать лѣтъ до нашего времени были зданія и жилища по обѣ стороны крещатицкаго удоля.

Та крѣпостца *Стародумъ* существовала тамъ и въ 17-мъ вѣкѣ, и называлась тогда *Малымъ-Городкомъ* или просто *Городкомъ*. Въ извѣстной росписи Кіеву 1682 г., сказано. „*Малой-Городокъ* стараго строенія, что на Печерской горѣ, кругомъ выводовъ 125 сажень, весь худъ и обвалился: И опять: „противъ володца Крещатика“ *калитка* (въ старокіевскомъ Михайловскомъ валу), что ходять къ Малому-Городку, что на Печерской горѣ.“ Пзъ отписокъ 1674 года,

напечатанныхъ въ Симбирскомъ Сборникѣ видно, что въ вѣтотъ Городокъ, также и въ мѣстечко Печерское, наряжаемо было изъ воеводской команды по пятидесяти человѣкъ.

Но для нашего вопроса важнѣе набережное строеніе, означенное на планѣ 1745 года между крещатицкими воротами и крещатицкимъ источникомъ. Какое именно было тамъ строеніе? Это видно отчасти изъ купчей записки 1742 года, находящейся въ актахъ Михайловскаго монастыря. (Она помѣщена въ Хроникѣ того монастыря, составленной покойнымъ И. М. Скворцовымъ и напечатанной въ прибавленіи къ Кіевскимъ Епарх. Вѣдомостямъ 1861 года). Въ ней сказано: „на землѣ крещатицкой, недалече воротъ Рождественскихъ, за броваромъ государевымъ, купленное строеніе у Александра Мизникова, который нынѣ въ чинѣ куріерскомъ, таковос: свѣтлица съ комнатою, при немъ ледарню, баню, стайню, сажалку и колодези за садомъ, а также комору съ лѣхомъ за 300 руб.“ И такъ, за 126 лѣтъ въ числѣ бывшихъ тамъ надъ берегомъ Днѣпра строеній, находились: государевъ броваръ, т. е. пивоварня, и выше описанный дворъ Мизникова. А что здѣсь же, надъ берегомъ Днѣпра, было поселеніе и въ 17-мъ вѣкѣ, то видно изъ универсала гетмана Мазепы, даннаго въ 1699 году Михайловскому монастырю. Тамъ сказано: „а особливо тутъ же докладаемъ и пишно приказуемъ, абы хто колвекъ любо въ ратныхъ государскихъ, любо съ козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ людей, на землѣ ихъ монастырской, у крещатика, подъ городомъ, надъ берегомъ, двори и бани маеть, и на пляцахъ въ подолномъ городѣ живеть, таковый каждый повиненъ отдавати до монастыря ихъ Михайловскаго вуничную повинность. (См. акты Западной Россіи т. V стр 286). Есть свидѣтельства о населенности крещатицкаго берега и отъ 16-го вѣка, напримѣръ запись 1596 г на монастырскій жилой грунтъ—подъ горою, съ Хрещатика, называемый Царевскій.“

Довольно, кажется, приведенных мною указаний для убѣжденія всѣхъ вообще, что въ прежніе вѣка надъ крещатицкимъ берегомъ Днѣпра было просторное и заселенное мѣсто, что Днѣпръ тогда былъ далѣе отъ крещатицкой горы, чѣмъ нынѣ. Есть прямое на это указаніе и на лѣвомъ боку Днѣпра: противъ крещатицкой горы, на острову, огибаемомъ Чорторыей, донинѣ есть протокъ, называемый Старикомъ. (Такихъ Стариковъ, сопровождающихъ нынѣшній Днѣпръ, есть не малое число въ разныхъ мѣстахъ.

„Теперь спрашиваемъ, что же было за 720 лѣтъ тому назадъ? Гдѣ же тутъ могло быть мѣсто для народнаго вѣча“, взываетъ Закревскій побѣдоносно.

Должно быть и въ древнее время та набережная равнина подъ крещатицкою горою была не меньше, если еще не больше, чѣмъ въ 16 и 17 вѣкахъ; и было тогда возлѣ крещатицкаго источника довольно мѣста для торговой площади и для народнаго вѣча, собиравшагося у Туровой божницы. Я полагаю, что въ 10-мъ вѣкѣ именно здѣсь, при впаденіи въ Днѣпръ тогдашней Почайны, было главное кievское торговище изъ тѣхъ восьми, о которыхъ упоминается въ Хроникѣ Дитмара; что именно здѣсь совершено было и вращеніе кievскаго народа при святомъ князѣ Владимирѣ, отчего и произошли названія этой мѣстности — Крещати-комъ и Святымъ Мѣстомъ. „Оттолѣ ту гору надъ Днѣпромъ и нынѣ простолюдины зовутъ Крещатикомъ“ — говоритъ Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ Патерикѣ 1635 года. Но съ теченіемъ времени названіе Святаго Мѣста присвоилось собственно — крещатицкому источнику; а названіе Крещатика перенесено въ позднѣйшее время и на всю нынѣшнюю крещатицкую улицу, первая половина которой именовалась прежде Евсѣйковою долиною, а дальнѣйшая половина ея зовется издревле — Песками. Между тѣмъ, въ продолженіе прошлаго 18-го столѣтія, Днѣпръ передвинулся подъ самую крещатицкую гору и срѣзалъ всю бывшую тамъ набереж-

ную равнину, а также тотъ длинный и узкій островъ, которымъ отдѣлялась отъ него древняя Почайна. Тогда не стало и этой знаменитой рѣки, — *изъ Днѣпра текущей и паки въ Днѣпръ впадающей*, — по словамъ очевидца ея св. Димитрія Ростовскаго.

(*Кiev. En. Вѣд.*)

О ЧЕРКЪ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА

У СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Настоящая статья, представляющая въ сжатомъ, но цѣльномъ очеркѣ самыя главные — самыя общіе факты славянской церковной исторіи, можетъ служить какъ бы введеніемъ — первоначальнымъ руководящимъ пособіемъ къ разъясненію частныхъ вопросовъ славянской исторіи, для тѣхъ читателей, которые сами мало имѣли случаевъ заниматься ею.

Для тѣхъ же читателей, которые пожелали бы обстоятельнѣе ознакомиться съ тѣми фактами и вопросами, которыхъ слишкомъ коротко и легко касается предлагаемая статья, считаемъ неизлишнимъ напомнить, что въ настоящее время на русскомъ языкѣ есть уже не мало серьезныхъ сочиненій по исторіи славянской, между прочимъ и церковной. Прежде всего мы должны назвать здѣсь недавно изданные три тома сочиненій замѣчательнѣйшаго нашего славяниста А. Ф. Гильфердинга. Много фактовъ для славянской собственно церковной исторіи находится въ одномъ изъ послѣднихъ изданій незабвеннаго труженика нашей науки, покойнаго Филарета, архіепископа черниговскаго. „Святые южныхъ славянъ“ (къ сожалѣнію трудъ этотъ, изданный въ Черниговѣ, въ свое время почти никѣмъ не былъ

замѣченъ, и его трудно найти въ продажѣ). Важное значеніе для славянской исторіи имѣютъ также Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, изданный Погодинымъ, изслѣдованія Бодянскаго (о времени происхожденія славянскихъ писемъ и др.), Срезневскаго, Горскаго, Погодина, Ламанскаго, Лавровскаго, Майкова (Исторія сербскаго языка), Билярскаго (Судьбы церковно-славянскаго языка, о реймскомъ Евангеліи), Григоровича, Венелина, Палаузова (Вѣкъ болгарскаго царя Симеона и др.), Новикова (Лютеръ и Гусъ, православіе у чеховъ), Елагина (Замѣчанія на исторію Палацкаго), Макушева (придунайскіе и адриатическіе славяне), Пыпина и Спасовича (Очерки исторіи славянскихъ литературъ). Изъ переводныхъ сочиненій по исторіи славянской нужно назвать прежде всего „Славянскія древности“ Шафарика, „Исторію первобытной церкви у славянъ“ Маціевскаго, „Исторію Галицкой или Червонной Руси“ Зубрицкаго, недавно переведенную „Исторію Чешскаго Королевства“ Томка, „Исторію Сербіи“ Ранке. Много серьезныхъ статей, относящихся къ исторіи и современному состоянію славянскихъ народовъ, можно найдти въ журналахъ прежнихъ лѣтъ, преимущественно въ *Русской Бесѣдѣ*, также въ *Москвѣ и vicinity*, *Московскомъ Сборникѣ* 1847 и 1852 года, въ *Чтеніяхъ общества Исторіи и древностей*, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Въ свѣтскихъ журналахъ послѣднихъ годовъ стоитъ обратить вниманіе на рядъ переводныхъ статей, помѣщавшихся въ *Отечественныхъ Запискахъ* подъ заглавіемъ: „Турки, Греки и Славяне.“ Нѣсколько статей, относящихся непосредственно къ церковной исторіи славянства, было въ духовныхъ журналахъ: *Христіанскомъ Чтеніи*, *Православномъ Собесѣдникѣ*, *Православномъ Обзорникѣ*, *Духовной Бесѣдѣ*. Не упоминаемъ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій по части славянства, а также о самыхъ первоначальныхъ памятникахъ славянской исторіи и старыхъ изслѣдованій о ней. Ссылки

на нихъ желающіе и нуждающіеся въ томъ могутъ найти въ указанныхъ нами русскихъ сочиненіяхъ.

Къ сожалѣнію, все это не приведено въ порядокъ, а потому и мало доступно большинству читателей. Результаты частныхъ работъ мало обобщены. Во всей русской, да и во всей европейской литературѣ—нѣтъ ни одного сочиненія полно и цѣльно обнимающаго политическую исторію славянскихъ народовъ. О церковной исторіи нечего и говорить. Здѣсь еще не было даже и попытки выдѣлить и представить въ живой связи, въ цѣльномъ очеркѣ, факты религіозной исторіи славянства. Понеобходимости здѣсь приходится начинать съ азбуки, довольствоваться на первыхъ порахъ обобщеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Считаемо особенно благовременнымъ напомнить читателямъ о религіозной судьбѣ славянства именно въ настоящее время. 14-го февраля нынѣшняго года была тысячелѣтняя память кончины великаго просвѣтителя славянъ св. Кирилла. Чѣмъ-то отзовется этотъ день въ судьбѣ славянства и чѣмъ-то отзовется славянство на этотъ день...

I.

Распространеніе христіанства между южными и западными славянскими племенами до св. Кирилла и Меѳодія.

Славянскія племена издавна (полагаютъ, еще вѣка съ VIII или VII до Р. Х.) населяли сѣверо-восточную половину Европы, т. е. большую часть европейскихъ областей Русскаго Государства и тѣ области австрійской и турецкой имперій, какія они и теперь занимаютъ. На западъ Европы въ древности поселенія славянъ постирались даже гораздо далѣе, нежели теперь простираются. На юго-западъ, по берегамъ Адриатическаго моря, поселенія славянъ доходили до Венеціи. Въ древней Панноніи нынѣшней Венгрии, исконное населеніе было славянское; мадьяры утвердились здѣсь.

уже въ X вѣкѣ. Прибалтійскія области нынѣшней Пруссіи— между Вислою и Эльбою (Лабою) населены были славянами; здѣсь жили нѣкогда сильныя славянскія племена—венды, лютичи, бодричи и др., почти совсѣмъ исчезнувшія, т. е. утратившія свою народность.

Христіанство между славянскими племенами, особенно близко прилежащими къ Греціи и Риму, начало распространяться весьма рано. Въ Панноніи, Иллиріи, Далмаціи, Македоніи, Фракіи, у славянъ при-дунайскихъ христіанство существовало по мѣстамъ съ самыхъ временъ апостольскихъ. По древнимъ преданіямъ апостоль Андрей проповѣдывалъ христіанство по западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по Дунаю и вверхъ по Днѣпру даже до Києва; евангелистъ Лука и другіе ученики апостола Павла проповѣдывали по берегамъ Адриатическаго моря. Проповѣдь ихъ должна была коснуться и племень-славянскихъ, жившихъ въ этихъ странахъ между другими племенами. Въ Панноніи въ самые первые вѣка христіанской исторіи было извѣстно нѣсколько епископскихъ кафедръ, и во главѣ ихъ митрополія въ Сирміумѣ (Срѣмѣ). У славянъ придунайскихъ издавна извѣстно было епископство въ Томѣ (нынѣ мѣстечко Кюстенже). Во времена гоненій на христіанство отъ римскихъ императоровъ-язычниковъ было много мучениковъ изъ славянъ, и между ними нѣсколько епископовъ. Напр. во времена Діоклитіана пострадали Иринеѣ, епископъ сремскій и Евсеѣй кивальскій съ чтецомъ Публиемъ изъ Панноніи (память ихъ 26 марта), Евангелъ епископъ томскій съ пресвитеромъ Епиктетомъ (8 іюля), у славянъ при-дунайскихъ, и др. Въ IV вѣкѣ, во время гоненій на церковь отъ ариана императора Валента, христіане славянскихъ при-дунайскихъ областей прославились особенною приверженностію къ православію (св. мученикъ Вѣтранъ, епископъ томскій, и его ученый преемникъ Θεотимъ, къ которому съ особеннымъ уваженіемъ относились самые замѣчательные

его современники—св. Златоустъ, блаженный Иеронимъ и церковные историки Созомень и блаж. Феодоритъ.) Въ началѣ V вѣка изъ южно-славянскихъ епископовъ славенъ былъ своимъ миссіонерскими подвигами св. Никита ремесіанскій.

При всемъ томъ однакожь христіанство у южныхъ и западныхъ славянскихъ племенъ далеко еще не было распространено во всемъ народѣ, а держалось только помѣстамъ и повтому было довольно не крѣпко. Въ IV и V вѣкахъ новые варварскіе народы, устремившіеся съ востока на Римскую Имперію, во многихъ мѣстахъ подавили начатки христіанства, по крайней мѣрѣ на время. Такъ въ Панноніи, со времени нашествія гунновъ, исчезаютъ слѣды христіанскихъ епископій. Въ VI вѣкѣ дѣлаются особенно извѣстны епископскія кафедръ у славянъ адриатическихъ въ г. Сплѣтъ (Спалатто въ Далмаціи), и у славянъ македонскихъ—въ Охридѣ; изъ этого послѣдняго города отъ славянской сѣмьи произошелъ знаменитый въ исторіи византійской имперіи императоръ Юстиніанъ (по-славянски управа), утвердившій за епископскою кафедрою своего отечественнаго города права независимаго (автокефальнаго) архіепископства. Въ концѣ VII вѣка возбуждено было сильное движеніе въ пользу христіанства у славянъ юго-западныхъ—сербовъ, хорватовъ, илирійцевъ. Греческій императоръ Ираклій распространилъ свое вліяніе на эти племена, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ къ нимъ болѣе свободный путь вліянію христіанства.

Но около того же времени христіанство стало подвергаться сильному гнету у славянъ при-дунайскихъ, еракійскихъ и македонскихъ. Сюда пришло отъ береговъ Камы и Волги новое племя—болгары. Сильные и храбрые, они постепенно отъ береговъ Дуная проникали далѣе и далѣе во внутреннія области византійской имперіи, населенныя славянами, и христіанство въ этихъ областяхъ было подавляемо на время. Но такъ какъ эти болгары по образованію

своему были ниже славянъ, покоренныхъ ими, то они сами стали подчиняться вліянію славянской народности—языку, правамъ и вслѣдъ затѣмъ религіи славянъ, такъ что постепенно слились съ ними и дали свое имя покоренному ими южно-славянскому племени. Успѣшное раенростваніе христіанства между болгарами въ началѣ IX вѣка чрезъ греческихъ плѣнниковъ, захваченныхъ сильнымъ болгарскимъ княземъ Крумомъ, преимущественно чрезъ адрианопольскаго епископа Мануила и дебелтскаго Георгія возбудило опасеніе и сильную реакцію противъ христіанства со стороны правителей болгарскихъ. По приказанію князя Крума, болгарскій военачальникъ Цокъ заравъ умертвилъ около 400 знатныхъ христіанъ, и между ними двухъ своихъ старшинъ военныхъ начальниковъ. Сынъ Крума Муртагонъ (или Крутогонъ) также неблагосклонно относился къ христіанству, а внукъ Маломіръ приказалъ казнить даже роднаго брата своего Бояна, который умирая предсказалъ, что скоро „вѣра, за которую онъ страдаетъ, распространится во всей странѣ болгарской.“ Преемникъ Маломіра—другой братъ его—Пресіамъ дѣйствительно уже благосклонно относился къ христіанству, а сынъ Пресіама Борисъ открыто принималъ христіанство и утвердилъ въ своей землѣ.

Къ тому же времени открылось движеніе въ пользу христіанства и между западными славянами. Карлъ Великій, подчинивши себѣ различныя племена германцевъ, началъ распространять свое вліяніе и на сосѣдственныхъ съ ними славянъ, жившихъ въ Моравіи, Панноніи, Богеміи и прибалтійскихъ земляхъ. Между всѣми покоренными племенами онъ старался распространить христіанство, если не путемъ проповѣди, то мѣрами насилія. Въ слѣдствіе этого, со времени Карла и при его преемникахъ начали появляться нѣмецкіе проповѣдники въ Моравіи, Панноніи, Богеміи и у славянъ прибалтійскихъ. Но такъ какъ они проповѣдывали на языкѣ непонятномъ славянамъ; вездѣ старались

вводитъ богослуженіе по обычаю западному исключительно на латинскомъ языкѣ, и нерѣдко возмущали народъ своими властолюбивыми и корыстолюбивыми притязаніями, интригами и насиліями, то къ проповѣди ихъ славяне большею частію относились съ недовѣріемъ, а иногда съ ожесточеннымъ сопротивленіемъ. Западные славяне мало-по-малу приобрѣтали понятіе о христіанствѣ, и не могли не относиться къ нему сочувственно, — но только не хотѣли принимать его отъ притязательныхъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ не подчиниться и нѣмецкому политическому господству.

Въ такомъ состояніи, съ состояніи колебанія, находилось христіанство у южныхъ и западныхъ славянъ до половины IX вѣка. Главною причиною нетвердаго положенія христіанства у славянъ до этого времени, кромѣ случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, было то, что славяне не имѣли еще своей письменности, не имѣли священнаго писанія и богослуженія христіанскаго на родномъ языкѣ. Въ половинѣ IX вѣка распространилось между ними христіанство съ богослуженіемъ на понятномъ для славянскихъ племенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась у славянъ своя письменность, и пошло успѣшно ихъ умственное и общественное развитіе.

Главными просвѣтителями славянъ въ религіозномъ и умственномъ отношеніи явились въ это время знаменитые солунскіе братья св. равноапостольные Меѳодій и Константинъ (въ схимничествѣ Кириллъ).

II.

Св. Кириллъ и Меѳодій и ихъ проповѣдническая дѣятельность у южныхъ и западныхъ славянъ.

Св. Меѳодій и Константинъ были родомъ изъ Солуны, македонскаго города, населеннаго преимущественно славянами; отецъ ихъ Левъ, правитель Солунской области, былъ, по

мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, славянинъ по происхожденію своему, а по мнѣнію другихъ грекъ. Отличаясь богатыми дарованіями и любовью къ наукамъ, Меѳодій и Константинъ получили лучшее по своему времени образованіе. Меѳодій, закончивъ образованіе въ отечественномъ городѣ, поступилъ въ военную службу, и скоро сдѣланъ былъ правителемъ славянской Струмской области. Константинъ, не довольствуясь тѣми средствами къ образованію, какія представляла Солунь, былъ весьма радъ тому, что его взялъ на воспитаніе въ Константинополь знатный родственникъ, великій логоетъ Феоктистъ, одинъ изъ опекуновъ несовершеннолѣтняго греческаго императора Михаила III-го. Здѣсь онъ изучилъ высшія науки подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ того времени—Льва, главнаго наставника высшей константинопольской школы, основанной правителемъ имперіи Вардою, и Фотія, бывшаго впоследствии знаменитѣйшимъ изъ константинопольскихъ патріарховъ. Особенное злеченіе имѣлъ Константинъ къ высшимъ богословскимъ наукамъ; его любимымъ чтеніемъ, послѣ книгъ св. Писанія, были творенія Григорія Богослова. Его покровитель Феоктистъ готовилъ ему блестящее придворное поприще и богатую женитьбу. Но Константинъ уклонился отъ брава и свѣтской жизни, принялъ монашество и рѣшился посвятить свою жизнь наукѣ и служенію Богу. Его сдѣлали наставникомъ и бібліотекаремъ софійской бібліотеки. Здѣсь онъ своею ученостію приобрѣлъ большую извѣстность. Его прозвали философомъ, и правительство византийское стало поручать ему самыя замѣчательныя ученныя и религіозныя предпріятія. Онъ прославился спорами съ приверженцами еще оставшагося въ Константинополѣ иконоборства. Въ 851 году, по приглашенію митиленскаго эмира, онъ былъ посылаемъ греческимъ императоромъ ко двору эмира, для разсужденій о вѣрѣ съ арабскими учеными, и здѣсь своею твердою защитою христіанства такъ

раздражилъ магометанскихъ ученыхъ, что они хотѣли даже умертвить его.

Между тѣмъ къ этому времени и старшій братъ Меодій оставилъ мірскую жизнь, принялъ монашество на горѣ Олимпѣ и скоро приобрѣлъ извѣстность своими аскетическими подвигами. Его хотѣли избрать митрополитомъ одной изъ почетнѣйшихъ кафедръ, но онъ уклонился отъ этой чести, и его едва убѣдили принять игуменство въ монастырѣ св. Полихронія. Приготовивъ себя наукою и подвижническою жизнію къ трудамъ миссіонерскимъ, св. братья выступили на свой апостольскій подвигъ.

Въ 858 году было прислапо въ Константинополь посольство отъ южныхъ предѣловъ нынѣшней Россіи, гдѣ на обширномъ пространствѣ, между Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями, подъ управленіемъ сильнаго тюркскаго племени хазаръ, жили различныя, и между прочимъ славянскія племена. Хазарскій каганъ (ханъ) просилъ византійскаго императора, чтобы ему прислали ученаго мужа, который бы могъ научить хазаръ истинной вѣрѣ. По предложенію императора, къ хазарамъ отправился философъ Константинъ съ братомъ своимъ Меодіемъ. Здѣсь они нашли довольно христіанъ грековъ и славянъ. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря уже издавна были посѣяны сѣмена христіанства—еще съ того времени, какъ древняя Таврида была ссыльною колоніею для Римской имперіи, куда между прочимъ ссылали исповѣдниковъ христіанства, и гдѣ впоследствии образовались даже христіанскія епископства. Св. Константинъ нашелъ адѣсь между прочимъ какой-то переводъ евангелія, писанный *росскими* буквами. *) Для обращенія въ христіанство господствующу-

*) Какой былъ этотъ переводъ, писанный «росскими» буквами, объ этомъ между учеными славянистами дѣлались различныя догадки: одни предполагали, что у славянъ жившихъ по сѣверному берегу Чернаго моря, еще до изобрѣтенія св. Кирилломъ обще-

щаго племени хазаръ, нужно было показать имъ превосходство христіанства предъ ученіемъ магометанскимъ и евреевъ, также домогавшихся обратить хазаръ къ своей вѣрѣ. Св. Константинъ, обличивъ магометанскихъ и іудейскихъ проповѣдниковъ, склонилъ къ крещенію многихъ хазаръ. Успѣху проповѣди его способствовало между прочимъ чудесное открытіе имъ у берега Чернаго моря мощей св. Климента римскаго, который еще въ концѣ 1-го или въ началѣ втораго вѣка во время императора Траяна былъ сосланъ сюда за исповѣданіе христіанской вѣры и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ дикими язычниками. Св. Константинъ, видя въ обрѣтенныхъ имъ мощахъ знаменіе благословенія Божія на его благовѣстническіе труды, впоследствии носилъ ихъ съ собою въ своихъ дальнѣйшихъ миссіонерскихъ путешествіяхъ. Христіанство у хазаръ послѣ св. Константина держалось недолго; въ 10 вѣкѣ оно опять было вытѣснено магометанствомъ; тѣмъ не менѣе проповѣдь св. Константина и Меоодія конечно не осталась безслѣдною для славянъ, жившихъ въ южной Россіи *).

славянской церковной грамоты, была уже своя письменность (глаголицкая или другая какая) и свой переводъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ. Другіе думаютъ, что это былъ извѣстный переводъ епископа Ульфилы, сдѣланный еще въ 4-мъ вѣкѣ для готскихъ христіанъ. Нѣкоторые наконецъ полагаютъ, что извѣстіе о «росскомъ» переводѣ евангелія, находящееся въ жизнеописаніи св. Кирилла, составленномъ позднѣе и вдали отъ прища его проповѣди между хазарами, вѣроятно основано на какомъ либо недоразумѣніи. По недостатку ясныхъ историческихъ данныхъ, трудно объ этомъ предметѣ установить какое-либо опредѣленное мнѣніе.

*) Скоро послѣ путешествія св. братьевъ въ Хазарію происходитъ довольно значительное движеніе въ пользу христіанства между южно-русскими славянами. Въ 866 или 867 году кіевскій князь Аскольдъ держалъ походъ на Константинополь. Походъ этотъ оказался неудаченъ. Буря разбила суда кіевлянъ у береговъ Константинополя. Греки и кіевляне приписали это событіе заступничеству силы Божіей, — и вслѣдъ за тѣмъ вызванъ былъ въ Кіевъ изъ Константинополя епископъ проповѣдникъ. Проповѣдь его имѣла успѣхъ, и съ этого времени начинается между русскими славянами болѣе и болѣе распространяться христіанство.

По возвращеніи отъ хазарь, св. Константинъ и Мееодій стали распространять вѣру между своими единоплеменниками—славянами македонскими. Слыша проповѣдь Евангелія отъ своихъ соотечественниковъ на родномъ языкѣ, славяне охотно принимали христіанство; св. Кириллъ въ округѣ одного города Брегалницы (недалеко отъ Солуны) крестилъ 4.500 славянъ.

Чтобы прочтѣе утвердить истины христіанства между славянскими племенами, св. Константинъ предпринялъ великое дѣло дать славянамъ, доселѣ не имѣвшимъ своей азбуки и письменности, національную письменность. Онъ составилъ славянскую азбуку по образцу греческой, прибавивъ къ 24 буквамъ сей послѣдней 14 новыхъ знаковъ соотвѣствующихъ особеннымъ звукамъ славянской рѣчи (напримѣръ для славянскихъ звуковъ *ж, ч, ш, щ, ы* нѣтъ соотвѣствующихъ знаковъ ни въ греческой, ни въ латинской, ни въ другой какой европейской азбукѣ), и сталъ переводить священныя книги на славянскій языкъ. Первые слова, написанныя св. Константиномъ, по преданію были: искони бѣ Слово и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово—Евангелія Іоанна 1-й стихъ *).

*) Относительно этого важнѣйшаго въ славянской исторіи факта, т. е. изобрѣтенія славянской письменности и перевода священныя книгъ на славянскій языкъ, есть въ наукѣ много спорныхъ невыясненныхъ еще вполне вопросовъ: 1) Кому изъ св. братьевъ главнымъ образомъ принадлежитъ это великое дѣло? Самое изобрѣтеніе азбуки и первые переводы священныя книгъ на славянскій языкъ бесспорно признаются всѣми дѣломъ св. Кирилла, но потомъ дальнѣйшіе переводы были дѣланы имъ вмѣстѣ съ св. Мееодіемъ, а потомъ послѣ смерти св. Кирилла трудъ былъ продолжаемъ однимъ Мееодіемъ и его учениками,—какая доля труда принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ тому и другому изъ св. братьевъ, трудно разграничить. 2) Былъ ли св. Кириллъ первоначальнымъ изобрѣтателемъ, или только усовершенителемъ славянской письменности? У славянъ издавна существовали двѣ древнія азбуки—такъ называемая Кириллица, составленная по образцу греческой, и доселѣ (съ нѣкоторыми измѣненіями) находящаяся въ употребленіи у православныхъ восточныхъ славянъ

Къ этому же времени стало утверждаться христіанство въ Болгаріи. При самомъ дворѣ болгарскаго князя Бориса было много людей расположенныхъ къ христіанству. Распространенію христіанства здѣсь много способствовали—проповѣдь плѣннаго греческаго монаха Куфары, и родная сестра царя Бориса, долгое время жившая въ Константинополѣ заложницею и тамъ сдѣлавшаяся ревностною христіанкою. Но князь Борисъ долгое время не хотѣлъ принимать христіанства, можетъ быть опасаясь еще довольно сильной языческой партіи. Наконецъ различныя политическія неудачи, страшный голодъ и моръ поколебали убѣжденія Бориса, и онъ по совѣту сестры призвалъ къ себѣ проповѣдника св. Меѳодія. Меѳодій окончательно склонилъ Бориса къ христіанству. Борисъ принялъ кре-

(русскихъ, сербовъ, болгаръ), и другая Глаголица, въ средніе вѣка употреблявшаяся преимущественно у западныхъ адриатическихъ славянъ—католиковъ (отчасти—хотя мало, употреблявшаяся у чеховъ и болгаръ, и почти совсѣмъ неизвѣстная русскимъ). Эта азбука по начертаніямъ своимъ гораздо несовершеннѣе и неискусственнѣе Кириллицы, и болѣе подходитъ къ восточнымъ письменамъ еврейскимъ, арабскимъ, сирскимъ. Одни изъ ученыхъ славянистовъ полагаютъ, что до св. Кирилла не было никакой письменности и изобрѣтенная имъ Кириллица есть первая славянская азбука, а Глаголица уже позднѣе въ средніе вѣка изобрѣтена агентами латинства, дабы отторгнуть западныхъ славянъ отъ письменнаго общенія съ восточными славянами и чрезъ то удобнѣе привлечь ихъ къ западной церкви. Другіе думаютъ, что Глаголица древнѣе Кириллицы, и что слѣдовательно св. Кириллъ не изобрѣлъ, а только усовершилъ славянскую письменность, замѣнивъ въ ней несовершенные глаголическіе знаки болѣе совершенными. Нѣкоторые наконецъ полагаютъ, что св. Кирилломъ первоначально была изобрѣтена именно глаголицкая азбука, а потомъ уже позднѣе ученикомъ св. Меѳодія Климентомъ въ Болгаріи она преобразована въ такъ называемую Кириллицу. 3) Въ какомъ году изобрѣтена св. Кирилломъ славянская азбука, и на какое изъ славянскихъ нарѣчій были переведены св. братьями книги священнаго Писанія? Большая часть западныхъ ученыхъ и нѣкоторые русскіе изобрѣтеніе славянской азбуки относятъ къ 862 году, когда свв. Кириллъ и Меѳодій были вызваны на проповѣдь въ Моравію, и полагаютъ, что книги свещ. Писанія были переведены ими на моравское нарѣчіе. Другіе русскіе ученые

щеніе и христіанское имя Михаила (по имени воспріемника своего греческаго императора Михаила III); вмѣстѣ съ Борисомъ крестились многіе изъ болгарскихъ вельможъ и народа. Въ Болгарію присланъ былъ изъ Константинополя епископъ Іосифъ со многими священниками, — и патриархъ константинопольскій Фотійъ принялъ болгарскую церковь подъ особенное свое попеченіе, и руководилъ Бориса своими совѣтами въ самомъ управленіи народомъ.

Въ 862 году князья верхне-моравскій Ростиславъ, его племянникъ ниже-моравскій Святополкъ и паннонскій Котель (Котель) прислали въ Константинополь просить себѣ наставниковъ въ вѣрѣ. Славяне моравскіе и паннонскіе были расположены къ христіанству, но не хотѣли принимать его отъ корыстолюбивыхъ и притязательныхъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ — съ богослуженіемъ на непонятномъ языкѣ.

думаютъ, что это дѣло начато было св. Кирилломъ гораздо ранѣе еще до путешествія въ Хазарію въ 865 году, и что переводъ соящ. Писанія сдѣланъ былъ св. братьями первоначально для ихъ соотечественниковъ южныхъ славянъ македонскихъ и болгарскихъ, на ихъ нарѣчіе. Нужно при этомъ имѣть во вниманіи, что южныя и западныя славянскія нарѣчія тысячу лѣтъ назадъ не такъ различались между собою, какъ въ настоящее время. 4) Какія книги были первоначально переведены на славянскій языкъ св. братьями? Этотъ вопросъ также не легко рѣшить. По жизнеописаніямъ св. братьевъ видно, что ими первоначально были переведены книги особенно необходимыя для богослуженія — Кирилломъ и Меѳодіемъ вмѣстѣ — Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, Часословъ, Октоихъ, Службеникъ, Паремейникъ, потомъ св. Меѳодіемъ послѣ смерти Кирилла доконченъ переводъ всей Библии (кромя книгъ Маккавейскихъ) и вновь переведенъ Номоканонъ и нѣкоторыя изъ писаній св. отцевъ; — а потомъ уже послѣ св. Меѳодія его учениками — св. Климентомъ въ Болгаріи и другими переведены оставшіяся богослужебныя книги (Минея) и многія писанія св. Отцевъ. 5) Въ томъ ли видѣ дошли до насъ переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ, въ какомъ они первоначально сдѣланы св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками? Переводы эти впоследствии были неоднократно поновляемы, но въ основѣ своей они остались такими же, какими вышли изъ рукъ святыхъ переводчиковъ, и поэтому мы имѣемъ полное основаніе считать св. Кирилла и Меѳодія установителями священнаго и богослужебнаго языка нашей церкви.

Поэтому они просили прислать имъ проповѣдниковъ отъ греческой церкви, знающихъ славянскій языкъ. Императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій послали въ Моравію Кирилла и Меѳодія. Четыре года съ половиною трудились здѣсь св. братья, переходя изъ одной области въ другую съ проповѣдію слова Божія. Успѣху ихъ проповѣди въ особенности способствовало то, что у нихъ въ это время уже готовы были въ славянекомъ переводѣ необходимыя для богослуженія свящ. книги. Св. братья всюду вводили богослуженіе на славянскомъ языкѣ. И славяне моравскіе и паннонскіе съ радостію принимали христіанство, слыша величія Божія, возвѣщаемыя на родномъ языкѣ.

Но успѣхи проповѣди Кирилла и Меѳодія и распространеніе славянскаго богослуженія возбудили зависть и ненависть сосѣдственнаго нѣмецкаго духовенства. Епископы зальцбургскій и нассаусскій, имѣвшіе притязаніе считать Моравію и Паннонію относящимися къ ихъ епархіальнымъ округамъ, сдѣлали на Кирилла и Меѳодія доносъ въ Римъ въ томъ, что они отторгаютъ принадлежащія западной церкви славянскія области отъ власти папской, и распространяютъ богослуженіе на новомъ—не-священномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого Кириллъ и Меѳодій должны были отправиться въ Римъ для объясненія. Въ Италіи они должны были выдержать жестокой споръ съ латинскимъ духовенствомъ о правотѣ своего дѣла. Приверженцы латинства говорили, что слово Божіе можетъ быть возвѣщаемо только на тѣхъ трехъ языкахъ, на которыхъ Пилать сдѣлалъ надписаніе на крестѣ Христовомъ—т.-е. на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ. Св. братья, опровергвая странное мнѣніе этихъ *триязычниковъ*, говорили, что какъ Господь всѣмъ людямъ даетъ дары Свои—свѣтъ солнечный, благораствореніе воздуховъ и дожди плодоносные, такъ всѣ народы должны славить Господа на своихъ нарѣчіяхъ; они доказывали свою мысль свидѣ-

тедствами изъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта, и издавна существующими въ восточной церкви примѣрами, по которымъ все народы обращающіеся въ христіанство имѣютъ Слово Божіе и богослуженіе на своихъ природныхъ языкахъ. Папа Адріанъ II, по издавна уже принятому папами правилу ласкать всехъ замѣчательныхъ миссіонеровъ, дабы привлечь подъ свое вліяніе обращаемые ими въ христіанство народы, принялъ въ Римѣ св. братьевъ съ большими почестями,—одобрилъ сдѣланный ими переводъ священныхъ книгъ, и осудилъ противниковъ, препятствовавшихъ ихъ святому дѣлу. Св. Константинъ заболѣлъ въ Римѣ, принялъ схиму съ именемъ Кирилла, и скончался на 42 году жизни 14 февраля 869 г., завѣщавъ своему брату начатое ими вмѣстѣ служеніе спасенію ближнихъ. А св. Меѳодій, похоронивши своего брата при церкви св. Климента, котораго мощи они вмѣстѣ принесли въ Римъ, и получивши отъ папы санъ епископа обращенной имъ въ христіанство страны *), отправился назадъ къ славянамъ продолжать свое апостольское служеніе.

Между тѣмъ въ Моравіи, интригами нѣмцевъ во время путешествія Меѳодія, произведены были сильныя политическія волненія. Князь Ростиславъ, главный покровитель славянскихъ проповѣдниковъ былъ низвергнутъ съ престола, заточенъ въ тюрьму, и потомъ умерщвленъ. Святопо къ, ставшій въ зависимость отъ нѣмецкаго императора Людовика, вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ поддаваться и вліянію нѣмецкаго духовенства. Вслѣдствіе этого св. Меѳодій, по возвращеніи изъ Рима, не могъ найти себѣ мѣста въ Моравіи. Онъ нашелъ на нѣкоторое время пріютъ себѣ у паннонско-

*) Нѣкоторые предполагаютъ, что оба св. брата Кириллъ и Меѳодій (или только Кириллъ) получили епископство въ Константинополь, когда только отправлялись на проповѣдь въ Моравію. Въ жизнеописаніяхъ ихъ объ этомъ не говорится; по преданіямъ оба святые брата въ православныхъ службахъ церковныхъ поминаются епископами моравскими,

князя Коцела, который принялъ его, съ радостію и уваженіемъ. Но когда и Паннонія должна была подчиниться власти Святополка и нѣмцевъ, нѣмецкимъ епископамъ удалось наконецъ (872 г.) отправить Меѳодія въ заточеніе, и продержать его тамъ два года съ половиной. Однакъ, когда папа Іоаннъ узналъ объ этомъ своеволіи нѣмецкихъ епископовъ, онъ нашелъ свои побужденія заступиться за св. Меѳодія, и сталъ грозить нѣмецкимъ епископамъ запрещеніемъ совершать богослуженіе—до тѣхъ поръ, пока они не освободятъ Меѳодія; онъ также написалъ въ защиту Меѳодія письма къ самому императору Людовику и князю Святополку. Въ 874 г., св. Меѳодій былъ освобожденъ изъ заточенія, и объявленъ моравскимъ архіепископомъ,—чѣмъ уже преграждаемъ былъ нѣмецкимъ епископамъ всякій поводъ простирать свои притязанія на Моравію. Съ этого времени дѣятельность св. Меѳодія получила еще большій успѣхъ. Онъ ревностно заботился о приготовленіи учениковъ, которые бы могли продолжать его дѣло послѣ него, и всюду поставлялъ священниковъ изъ природныхъ славянъ, имъ самимъ образованныхъ. Къ концу его жизни Моравія уже имѣла до 200 своихъ священниковъ.

Счастливые успѣхи славянской проповѣди Св. Меѳодія въ Моравіи и Панноніи имѣли вліяніе и на сосѣднія славянскія страны. *Богемскій* князь Боривой, отдавшій за Святополка свою сестру въ замужество, и вступившій съ нимъ въ политическій союзъ, призвалъ къ себѣ св. Меѳодія и крестился съ своею женою Людмиллою въ 874 г. |Вслѣдъ за княземъ крестилась значительная часть народа. Боривой и св. Людмила ознаменовали свое усердіе къ вѣрѣ построеніемъ нѣсколькихъ храмовъ, ревностными заботами о распространеніи христіанства въ народѣ, и окончили свою жизнь въ монастырскихъ подвигахъ.

Языческій князь, владѣвшій на *Вислѣ*, ругался надъ христіанствомъ и тѣснилъ христіанъ. Св. Меѳодій послалъ

сказать ему, что хорошо бы ему было креститься по доброй волѣ на своей землѣ, чтобы поповшись въ плѣнъ не быть принужденнымъ креститься по неволѣ на чужой. Предсказаніе св. Меодія исполнилось. Князь, образумленный тяжкимъ плѣномъ, призвалъ къ себѣ учениковъ св. Меодія, и они насадили *въ Польшу* православную вѣру съ славянскимъ богослуженіемъ. Въ послѣдствіи родственные и политическіе союзы польскихъ князей съ богемскими еще болѣе содѣйствовали распространенію православія въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока оно тамъ не было подавлено латинствомъ.

Въ *Далмаціи* св. Меодій утвердилъ православіе и славянское богослуженіе по уставу восточной церкви во время своихъ путешествій въ Римъ.

У *сербовъ и хорватовъ* также болѣе утвердилось въ это время православіе и славянское богослуженіе. Стѣсняемые властью франкскихъ государей, сербы и хорваты обратились къ защитѣ греческаго императора Василія Македонянина. Василій Македонянинъ (славянинъ по происхожденію) принялъ ихъ подъ свое покровительство; и вслѣдствіе этого тѣ сербы и хорваты, которые оставались еще не окрещенными, приняли св. крещеніе, и всѣ вмѣстѣ—славянское богослуженіе въ переводѣ Кирилла и Меодія.

Такимъ образомъ почти у всѣхъ славянъ южныхъ и западныхъ одновременно во второй половинѣ IX вѣка утвердилась православная вѣра и славянское богослуженіе,—и св. Кириллъ и Меодій поистинѣ явились апостолами и просвѣтителями славянскаго племени.

Подъ конецъ жизни, св. Меодію опять пришлось терпѣть непріятности отъ нѣмцевъ. Завидуя необыкновеннымъ успѣхамъ проповѣди Меодія, нѣмецкіе епископы въ 879 году сдѣлали на него новый доносъ папѣ Іоанну VIII. Къ прежнему обвиненію, что Меодій распространяетъ славянское богослуженіе, присоединено новое, что онъ не исповѣ-

дуетъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, согласно съ римскою Церковію. Папа самъ не былъ убѣжденъ въ истинности этого догмата, и готовъ былъ отказаться отъ него (въ письмѣ къ Фотію патріарху константинопольскому). Но опасаясь за свою власть надъ славянскими племенами, онъ наложилъ было запрещеніе на славянскую службу, и вновь потребовалъ въ Римъ на судъ св. Меодія. Св. Меодій торжественно оправдалъ свое дѣло предъ римскимъ соборомъ (880 г.), и папа еще разъ подтвердилъ всѣ предоставленныя ему права и разрѣшилъ читать св. Писаніе и совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Тогда изобрѣтательные враги св. Меодія придумали новую интригу; пущена была молва, что въ Константинополь императоръ и патріархъ негодуютъ на Меодія за его сношенія съ Римомъ. Меодій, хотя и увѣренный въ расположеніи византійскаго правительства, долженъ былъ однакожь, для разсѣянія неблагопріятныхъ толковъ, путешествовать въ Константинополь. Императоръ и патріархъ приняли съ величайшимъ уваженіемъ какъ самаго св. Меодія, такъ и принесенный имъ славянскій переводъ св. книгъ.

Когда наконецъ ни въ Римѣ, ни въ Константинополь интриги враговъ Меодія не достигли своей цѣли, они сумѣли выставить ему соперника въ самой Моравіи. Подъ конецъ жизни Меодія, пана, по ходатайству Святополка, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ нѣмцевъ, далъ ему въ помощники по управленію моравскою церковью шваба Вихинга, епископа нитравскаго. Этотъ Вихингъ съ своею партіею сталъ все болѣе и болѣе входить въ расположеніе къ князю Святополку и возстановлять его противъ Меодія и его учениковъ. Въ тяжелой борьбѣ съ такими интригами св. Меодій и кончилъ свою жизнь 6 апрѣля 885 года въ Велеградѣ, — передавъ свою власть надъ моравскою церковію ученику своему Горазду, родомъ моравцу.

НВ. Св. Кирилль и Меѳодій, во время своей миссіонерской дѣятельности, обращались къ Риму и давали папамъ отчетъ о своей дѣятельности. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что они были приверженцами папизма и латинства—римско-католиками? Западная церковь дѣйствительно считаетъ ихъ въ числѣ своихъ святыхъ. Западные ученые стараются доказать, что миссіонерская дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія принадлежитъ Риму, а не восточной церкви. Въ новѣйшее время на западѣ іезуитами во имя св. Кирилла и Меѳодія составляются общества и издаются книги въ духѣ латинской пропаганды. Нельзя не замѣтить, что все это дѣлается нарочно, съ цѣлю—обаяніемъ именъ, свято чтимыхъ южными и западными славянами, лучше расположить ихъ къ латинству, увѣривъ ихъ, что та вѣра, которую первоначально насадили у славянъ св. Кирилль и Меѳодій, была латинская, и сами они были латиняне. Но это есть явная и злонамѣренная ложь. Св. братья были воспитаны въ духѣ восточной церкви, и вышли на свое миссіонерское дѣло отъ восточной церкви по благословенію константинопольскаго патріарха Фотія, котораго паписты не безъ основанія считаютъ первымъ врагомъ своихъ притязаній, и у котораго св. Константинъ Философъ былъ ближайшимъ ученикомъ. И когда св. Константинъ и Меѳодій проповѣдывали въ странахъ, прилежащихъ къ округу константинопольскаго патріарха,—у хазаръ, въ Македоніи и Болгаріи;—они обращались съ отчетомъ о своей дѣятельности къ константинопольскому патріарху. Но когда они перешли проповѣдывать въ западныя славянскія страны, прилежащія къ округу западнаго патріарха—римскаго папы, они естественно и по древнимъ правиламъ церковнымъ должны были сноситься съ папою, и константинопольская церковь, не смотря на всѣ клеветы, распускаемыя нѣмцами, за это не имѣла на нихъ никакихъ притязаній, и относилась сочувственно къ

ихъ подвигу, считая его своимъ роднымъ, общимъ для всей православной церкви дорогимъ дѣломъ, хотя и въ другомъ патріаршемъ округѣ. Св. Кириллъ и Меѳодій обращались къ папѣ не какъ къ главу отдельной отъ востока *римско-католической церкви*, а какъ къ патріарху западнаго церковнаго округа, входящаго въ составъ единой вселенской православной церкви, — находящемуся въ общеніи со всѣми другими восточными патріархами. Ибо тогда папы не считались еще *главами* римско-католической церкви, а только начинали стремиться къ тому; всѣ же христіане считали ихъ только старѣйшими епископами западной помѣстной православной церкви. Западная церковь считалась тогда еще православною церковію и на всемъ востокѣ, потому что неправославныя нововведенія въ церковномъ ученіи и устройствѣ въ ней только что возникали и еще не выдавались рѣзко. Раздѣленіе между востокомъ и западомъ тогда только начиналось въ спорахъ между константинопольскими патріархами и папами; эти споры еще могли казаться только личными, а не обще-церковными спорами, и изъ-за нихъ никакой православный христіанинъ до соборнаго суда не имѣлъ права прерывать общенія съ римскою церковію. Въ проповѣданіи же своемъ Кириллъ и Меѳодій слѣдовали не папистическимъ, не римско-католическимъ, а чистоправославнымъ началамъ. Объ исхожденіи Св. Духа они учили согласно съ восточною церковію, а не съ западнымъ нововведеніемъ; за это жаловались на св. Меѳодія въ Римъ папѣ Иоанну VIII нѣмецкіе епископы; за это послѣ смерти Меѳодія, какъ увидимъ, они возстали прогивъ его учениковъ. Св. Кириллъ въ оставленномъ имъ *исповѣданіи вѣры* оставилъ ясное свидѣтельство того, что въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа онъ слѣдовалъ ученію восточной церкви; въ жизнеописаніи св. Меѳодія также говорится, что онъ долженъ былъ во время своей проповѣди бороться

съ ересью іопаторскою (сыноотчествомъ, — такъ называлось здѣсь западное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, потому что въ немъ сливаются личныя свой-Отца и Сына). Обряды церковныя св. Кирилль и Меѳодій вездѣ вводили восточныя, а не западныя; память объ этомъ и слѣды этого, какъ увидимъ, долго сохранялись у всѣхъ славянъ, обращенныхъ въ христіанство св. братьями, не смотря на всѣ усилія латинства искоренить эти обряды. Богослуженіе у славянъ св. Кирилль и Меѳодій вездѣ вводили на народномъ славянскомъ языкѣ; это также прямо противорѣчило началу *латинства*, уже и тогда начавшему развиваться въ западной церкви (изъ-за чего и происходили у св. братьевъ постоянныя споры съ западнымъ духовенствомъ), и еще болѣе въ послѣдствіи развившемся и утвержденному самими папами. Наконецъ въ томъ *особенномъ миссіонерскомъ свойствѣ*, существенно характеризующемъ дѣятельность первыхъ славянскихъ проповѣдниковъ, что они вездѣ для народовъ, обращенныхъ ими въ христіанство, старались воспитывать пастырей и учителей-священниковъ и епископовъ *изъ среды ихъ же самихъ*, а не призывать готовыхъ греческихъ или латинскихъ, — что они во всякой народности, вновь присоединяющейся къ христіанству, старались образовать новую живую силу для развитія общехристіанскаго содержанія, а не новую только форму для принятія готоваго уже византійскаго или римскаго просвѣщенія, — въ этомъ также заключается существенное *противорѣчіе началамъ католицизма*; ибо католическое духовенство и католическіе миссіонеры въ подобныхъ случаяхъ стараются дѣйствовать всегда *наоборотъ*, вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства налагая на одну народность нравственное господство другой народности (собственно римской, но иногда и нѣмецкой — по отношенію къ славянскимъ племенамъ). Такимъ образомъ имена св. Кирилла и Меѳодія по справедливости

должны служить для всѣхъ славянъ знаменемъ не сочувствія къ католичизму, а предостереженія и борьбы противъ католицизма. Паписты и сами это сознавали, и прежде всячески старались истребить у всѣхъ славянъ слѣды проповѣди св. Кирилла и Меѳодія и самую память о ней. Впослѣдствіи уже, когда они замѣтили, что эти имена слишкомъ дороги и *незабвенны* для славянъ, что на нихъ такъ-сказать держится будущая судьба славянскаго міра, они всячески стали стараться *присвоить* себѣ эти святые имена, дабы чрезъ нихъ удобнѣе привлечь къ себѣ и всѣхъ славянъ

Свщ. А. Иванцовъ-Платонъ въ.

(Продолженіе будетъ).

(Прав. Обзор.)

III.

МНИМОЕ ГОНЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ЕЯ ДУХОВЕНСТВА ВЪ РОССІИ.

Наши непримиримые недруги-поляки, вояжирующие за границу, заносятъ въ тамошнюю прессу разныя клеветы на русскихъ, въ числѣ коихъ обвиненій видное мѣсто занимаетъ обвиненіе русскаго правительства въ гоненіи р.-католической вѣры и духовенства. По сему случаю, свѣтѣйшій отецъ, тяжело болѣзнуя о страждующихъ своихъ чадахъ, простираетъ руцѣ къ небу и молитъ Всевышнему о помилваніи отъ жестокихъ бѣдствій, постигшихъ въ Россіи польскую церковь, включенную даже имъ въ программу будущаго своего вселенскаго собора.»

Читая такія небылицы, равно удивляемся и богатству фантазій ихъ сочинителей, и легковѣрью тѣхъ, кои придаютъ имъ какое либо значеніе. Не имѣя нужды опровергать эту клевету во всемъ ея объемѣ, обратимъ вниманіе хоть на одинъ фактъ.

Бому неизвѣстно, что наше родное Россіи православное духовенство пользуется гораздо меньшимъ содержаніемъ отъ казны, чѣмъ р.-католическое, а относительно доходовъ на требоисправленія, между тѣмъ и другимъ, не можетъ быть никакого сравненія. Докажемъ это слѣдующими свѣжими фактами.

На дняхъ случилось намъ двумъ священникамъ быть по дѣлу въ м. Теплигѣ у мѣстнаго становаго пристава Б., гдѣ застали оброчнаго содержателя Т., котораго родной братъ скоропостижно умеръ и не былъ еще тогда погребенъ. Поздоровавшись съ приставомъ, мы оба усѣлись. Вдругъ приставъ обратился къ намъ съ словами: «вы, батюшки, не умѣете такъ брать за требы, какъ берутъ польскіе ксендзы, вотъ этотъ панъ,—приставъ указалъ на Т.,—даетъ ксендзу за погребеніе своего брата 500 руб., кромѣ особой платы въ костель и прислугѣ.» Сначала мы не вѣрили приставу, думая, что онъ шутитъ, но тутъ же самъ Т. подробно разсказалъ о своемъ торгѣ съ ксендзомъ м. Терновки за погребеніе брата. Надо знать, что покойникъ братъ Т. жилъ въ тѣсной дружбѣ съ духовнымъ своимъ пастыремъ и первый оказывалъ послѣднему немаловажныя услуги: ежегодно платилъ деньгами 50 р., отпускалъ 120 корцовъ разнаго хлѣба и прокармливалъ зимою 20 штукъ рогатаго скота. Когда ксендзъ извѣщенъ былъ о потерѣ своего задушевнаго друга и благодѣтеля, то залился слезами. Изъ слезъ ксендза Т. заключилъ, что онъ мало потребуетъ у него за погребеніе, а быть можетъ, и безмездно похоронитъ благодѣтеля, но горько обманулся въ своемъ расчетѣ. Ксендзъ, прослезившись, вѣроятно отъ радости, въ предвзвѣщеніи крупной поживы, сразу назначилъ круглую цифру 500 руб. Такой запросъ принять былъ Т. за шутку и онъ сперва предложилъ ксендзу 100 р., потомъ 200, 300, наконецъ 400; но ничто не помогло; пріятель покойника устоялъ на своемъ словѣ и стянулъ съ Т. вышеозначенное количество денегъ, увѣряя его, что еще сдѣлалъ г. Т. большое снисхожденіе, ради дружбы съ покойнымъ его братомъ. Это было въ среду. А предъ тѣмъ въ воскресенье тотъ же самый ксендзъ, по свидѣтельству пристава и Т., получилъ за бракъ (котораго, впрочемъ нельзя было совершить по причинѣ родства безъ особаго разрѣшенія) 800 руб., и за другое погребеніе въ пятницу 1000 руб. И такъ въ 5 дней ксендзомъ благопріобрѣтенъ капиталъ въ 2300 руб., капиталъ, который обезпечилъ бы на всю жизнь цѣлое семейство православнаго священника.

Впрочемъ у насъ рѣдко кто изъ священниковъ, въ продолженіи всей своей долготѣйшей жизни, приобрѣтетъ подобную сумму, а по большей части, умирая, оставляетъ несчастное семейство на произволъ судьбы, или на самое скудное вспомошествованіе попечительства.

По окончаніи приставомъ и Т. разсказа, мы изумились; на нашихъ глазахъ навернулись слезы, когда намъ пришло на мысль получаемые нами грошовые доходы, нерѣдко сопряженные съ униженіями и опасностію попасть подъ судъ. Въ самомъ дѣлѣ, за рубль, за два, на священника доносятъ, его бѣднаго тягаютъ, окончательно разоряютъ удаленіемъ отъ мѣста, тогда, какъ ксендзы въ недѣлю получаютъ до 3000 и не подвергаются никакой отвѣтственности ни предъ кѣмъ.

Представляя въ своемъ воображеніи наше бѣдственное положеніе и благоденствіе ксендзовъ, невольно иногда раздражаешься; тоска и уныніе налегаютъ на душу, зависть овладѣваетъ сердцемъ; но духъ кротости, духъ православія тотчасъ прогоняетъ злые помыслы, возноситъ умъ нашъ горѣ и успокаиваетъ взволнованныя чувства отвращеніемъ взоровъ отъ людей, небрезгающихъ самими преступными средствами для достиженія внѣшнихъ выгодъ.

А между тѣмъ намъ извѣстно, что ксендзы завидуютъ недавнему улучшенію нашего быта, думая, что 300 руб. жалованья сдѣлали насъ чуть не крезами. Чувство понятное, зависть всегда преувеличиваетъ, а ксендзовская тѣмъ болѣе; ей бы хотѣлось видѣть православнаго священника въ нищетѣ и униженію. Но ксендзы напрасно портятъ свою кровь при воображеніи благосостоянія духовенства, — состояніе наше нисколько не улучшилось. Правительство, правда, съ своей стороны сдѣлало все, что при многочисленности духовенства, при громаднѣхъ нуждахъ государства, могло теперь сдѣлать; но лишенія наши и трудности нисколько отъ того не уменьшились. Сомнѣвающійся легко можетъ убѣдиться нижеприведенными доводами. Возьмемъ для примѣра приходы 5-го и 7-го класса, въ первыхъ получалось жалованья 120 р., въ вторыхъ 80; кромѣ того,

прихожане обязаны были обработать 10 десятинъ земли священнической, за которую въ послѣднее время прихожане платили священникамъ по 100, 120, 150, 200 и даже 300 руб. Независимо отъ того, выдаваемо было помѣщиками топливо, а ремонтировка церков. зданій состояла на обязанности прихожанъ. Теперь въ замѣнъ всего того, назначено священнику 500 руб. Не нужно быть слишкомъ сильнымъ въ ариметику, чтобы найти разность между прошедшимъ и настоящимъ содержаніемъ священника и убѣдиться въ томъ, что настоящія средства западно-русскаго православнаго духовенства далеко не удовлетворяютъ его нуждамъ, особенно при настоящей дороговизнѣ и разнородныхъ поборахъ, взимаемыхъ съ духовенства не на личныя его нужды. Изъ 300 руб., священникъ долженъ удѣлить часть на жалованье благочинному, на попечительство, бібліотеку, содержаніе училищъ, на вспоможеніе консисторіи и проч. Само собою разумѣется, что значительную часть такихъ внѣшнихъ расходовъ, нужно покрывать изъ единственнаго источника, изъ тяжело-трудоваго хозяйства, повсюду въ нашемъ краѣ, при настоящихъ неурожайныхъ годахъ, при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, находящагося въ большомъ упадкѣ не всегда обезпечивающаго прокормленіе священника. Если взять во вниманіе воспитаніе дѣтей, то безвыходность положенія здѣшняго духовенства дѣлается еще понятнѣе: воспитаніе, напримѣръ, двухъ дочерей въ тульчинскомъ духовномъ женскомъ училищѣ, пишущаго сім строки, а послѣ вакацій необходимость и сына отправить въ училище, обойдутся ему далеко больше чѣмъ въ 300 руб.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что р.-католическое духовенство, пользуясь громадными доходами и двойнымъ противъ православнаго духовенства жалованьемъ, избыточно роскошествуетъ въ нашемъ отечествѣ; а православное, изыскивая большинство средствъ къ жизни, изъ личнаго труда терпитъ вопіющія нужды. Не удивительно, поэтому, если первое стоитъ на высшей степени образованія, или вѣрнѣе дитяйской ловкости, выправки и развязности. Воспита-

ники наши выходятъ изъ учебныхъ заведеній съ весьма значительными и достаточными для ихъ миссіи познаніями, но закопавшись на приходѣ, въ сельской глуши, погрязши въ хлопотливомъ хозяйствѣ, не имѣя никакого общенія съ образованными людьми и никакихъ средствъ читать дѣльныя книги и періодическія изданія, забываютъ, или совсѣмъ теряютъ пріобрѣтенное въ заведеніи умственное достояніе.

Священникъ Фавстъ Пашута.

1869 г. 2-го февраля. Подольской губ.,
Гайсинскаго уѣзда, с. Малая-Мочулка.

IV.

Я Г А Й Л О.

Историческій романъ

ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ 2-я. ГЛАВА 2-я.

Похищеніе Пяты.

Эту же ночь, неменѣе Гаштольда мучился герой моего романа Ягайло, хотя послѣдній не былъ ни въ бреду, ни безъ памяти. Съ нимъ происходило что то странное и непонятное для него. Впечатлѣніе произведенное свиданіемъ съ Поятой сильно растроило его. Мысли его путались и сонъ бѣжалъ его. Имъ овладѣла страшная безотчетная тоска. Онъ то начнетъ молиться, то подойдетъ къ окну и, посмотрѣвъ на виднѣвшуюся изъ него высокую башню верхняго замка, залъется горькими слезами и сядетъ на скамью, то начнетъ судорожно разводить и махать руками и бѣгать по комнатѣ, то бросится на лежанку и сейчасъ же опять вскопичитъ; такъ продолжалось почти до вторыхъ пѣтуховъ и могло бы продолжаться и долѣе, если бы явившійся Войдыло не нанесъ удара такому состоянію Ягайла.

Лишь только пропѣли вторые пѣтухи, какъ кто-то осторожно постучался въ дверь къ Ягайлѣ.

Послѣдній подошелъ къ двери.

— Кто тутъ? Спросилъ онъ.

— Войдыло, — отвѣчалъ полупшепотомъ знакомый голосъ за дверью.

Ягайло отперъ дверь и въ нее вошелъ Войдыло.

*) См. Кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г.

— Ну что?—спросилъ онъ у вошедшаго.

Войдыло не спѣшилъ отвѣтомъ, сперва онъ тщательно заперъ дверь, а потомъ, молча, взявъ за руку и подвелъ князя къ пылавшему ночнику.

— Посмотри на меня, князь, и полюбуйся, сказалъ онъ, наклоня свою голову передъ ночникомъ : лице Войдылы, и самъ онъ весь, были запачканы въ глинь.

— Гдѣ ты былъ? Почти съ ужасомъ спросилъ его Ягайло.

— Гдѣ былъ тамъ меня нѣту, отвѣчалъ Войдыло.

— Такъ ты ничего не сдѣлалъ?

— Какъ ничего? Если-бы я ничего не дѣлалъ такъ не перепачкался бы такъ..... что нужно, то сдѣлано, а что не сдѣлано то завтра додѣляется, — говорилъ Войдыло, а теперь отдохнуть пора; умаялся я работавши то....

— Что ты работалъ?

— Все будешь знать, князь, скоро посѣдешь....

— Ты меня во гнѣвъ вводишь, Войдыло, — топнувъ ногою, закричалъ Ягайло: мнѣ и безъ тебя недужится, а ты тутъ еще...

Эхъ, князь! Гнѣваться то на меня тебѣ не за что, а вѣдь для тебя такое дѣло стараю, что и самому Пеклосу въ носъ бросится: вѣдь я чуть—чуть сегодня не утонулъ....

— Какъ такъ?!

— А вотъ какъ: слушай меня, князь.... давеча я думалъ думалъ, какъ бы Поюту—то освободить, да и надумалъ. «Украсть ключи, да ее освободить днемъ, это можно, и скоро можно, да бѣда въ томъ, что много сторожей поставлено у выходовъ, — не увидить одинъ, увидить другой, ну и пропали мы.... Правда, можно на этотъ разъ переодѣть Поюту въ мужскую одежду, да вѣдь этой хитростью можно только сторожей обмануть, а попадетъ намъ князь Андрей, ну и пропали мы... освободить ее ночью можно, а бы переодѣлся латникомъ, я сталъ бы на мѣсто стражника, а его бы можно услатъ куда нибудь, въ это время мой нарядъ надѣтъ на Поюту, да и вывести изъ замка, а потомъ — то что будетъ, когда хвататся Поюты? Стражники скажутъ, что ночью были въ верхнемъ замкѣ только Ягайло и Войдыло, ну и пропали мы... я придумалъ утащить ее чрезъ подземный ходъ....

— Черезъ какой подземный ходъ? Скоро спросилъ его Ягайло.

— Черезъ тотъ который идетъ изъ верхняго замка на рѣку

Вилію и въ горы; твой дядя Явнуть черезъ него убѣжалъ..... тебѣ вѣдомо, князь, что мальчишкою я былъ, въ княжеской пекарнѣ прислужникомъ, такъ во время осады Вильны крестоносцами, старшій пекарь каждый день посылалъ насъ съ ведрами чрезъ этотъ подземный ходъ на рѣку Вилію за водою.

Подземный ходъ этотъ великъ и широкъ, и мы съ охотою ходили за водою, вотъ тогда то я и узналъ всѣ выходы и закоулки. Не одинъ разъ мы безъ вѣдома старшаго пекаря ходили этимъ ходомъ въ горы: наиграемся въ лѣсу бывало вдоволь, да тѣмъ же путемъ назадъ. Вотъ и вспомнилъ я сегодня про этотъ путь, дай думаю загляну въ него.... Ну взялъ съ собою двѣ смолистыя головни, огниву, да кремень, и пошелъ въ горы. Тамъ въ частомъ ельнике нашелъ въ кустахъ я камень, отвалилъ его, добылъ огня, запалилъ головни и пошелъ въ подземелье.....

— Одинъ? Испуганно спросилъ Ягаило.

— Одинъ,—отвѣчалъ смѣло Войдыло: — жутко было одному, да для тебя, князь, во гробъ пойду, а не только въ подземелье. Ну вотъ шелъ я шелъ, да какъ ухну сразу по животъ въ воду, такъ я и обмеръ... головню одну уронилъ въ воду, а другую какъ то удержалъ... кой какъ выцарапался изъ воды—то назадъ, да тутъ только и вспомнилъ, что это мѣсто подъ Виліей и что тутъ поворотъ есть въ верхній замокъ; нашелъ я этотъ поворотъ и, по старой памяти, пришелъ къ желѣзной двери; которая находится подъ башней, какъ разъ рядомъ съ подземельемъ Поаты. Началъ я ломать дверь, да какъ ни старался, безъ лома сдѣлать ничего не могъ. За то всѣ кирпичи и камни повинимать, дверь то теперь хоть и не отпирай, — расшаталъ я ее; стоитъ только нажать хорошенько, и она сама соскочить теперь.

— Чтожь, думаю я, ее нынче отпирать не слѣдъ, потому что я хоть и освобожу Поату, да не знаю, куда дѣть ее. Ну вотъ присѣлъ я у двери въ раздумьи, а тѣмъ временемъ слышу говоръ...

— Чей?

— Поаты....

— Съ кѣмъ она говорила?

— Съ собою: все поминала боярню Анну. Я такъ полагаю, что во снѣ, потому что все прощенья у нее просила. Зачѣмъ, говорить, ты пришла боярня? Смерти моей хочешь, такъ скорѣе казни меня, мнѣ тяжело жить, — и много она тутъ говорила, да не упомяну всего.... тебя поминала...

— Бѣдная! прошептала Ягайло,

— Потому утихла. Ну, думаю, завтра утромъ ты будешь наша, а теперь пора убираться домой. Пошелъ я назадъ, на половинѣ дороги и другая головня потухла, тутъ на меня напалъ такой страхъ, что я опреметью бросился бѣжать; разъ дѣсять падалъ, нѣсколько разъ натывался на стѣны, руки и шею исцарапалъ до крови.... какъ увидѣлъ я свѣтъ дневной, такъ точно камень съ плечъ свалился и страхъ пропалъ... ухъ! выскочилъ я изъ подземелья, какъ заяцъ изъ куста, осмотрѣлся кругомъ,—ни души человѣческой нѣтъ, только зеленая дубровушка шумитъ да снѣжокъ порохитъ; завалилъ я камень и думаю: пойду домой, да какъ взглянуть на себя, такъ и охнулъ. Весь въ грязи, да въ глини, течетъ съ меня хотъ выжми. Идти такъ, думаю, нельзя, увидить ктонибудь скажетъ: гдѣ былъ? Да не въ томъ бѣда, а вотъ какъ хватятся послѣ Пояты, да узнаютъ, что ее утащили чрезъ подземный ходъ, ну и пропали мы... скажутъ: Войдѣйлу видѣли, какъ онъ весь въ грязи съ горъ выходилъ... вотъ я взялъ отвалилъ камень, да и легъ тамъ въ подземельи, у входа; камень то немножечко придвинулъ... вотъ до сей поры и пролежалъ тамъ. Бррр!!... заключилъ Войдѣйло, потирая руки,

— Озябъ?

— Озябъ-то озябъ, да это не бѣда, а проголодался больно, вотъ что... сказалъ Войдѣйло.

— Вонъ на окнѣ лежитъ пирогъ съ курицей: давеча матушка княгиня прислала мнѣ его... возьми его весь, я не хочу... Войдѣйло поспѣшно подошелъ къ окну и взялъ пирогъ.

— Князь! Тутъ съ пирогомъ есть кубышка какая то...

— Ну такъ что жъ?

— Да ничего.... съ чѣмъ то она? Продолжалъ Войдѣйло, лукаво подмигивая...

— Съ аллусомъ...

— Дозволь глоточекъ... Больно ужъ я продрогъ въ подземельи то....

—пей всю....

— Ну какъ не служить такому князю! подобострастно и торжественно замѣтилъ Войдѣйло, взявъ въ руки кубышку и, усѣвшись въ углу на скамьѣ, началъ ѣсть пирогъ и запивать аллусомъ.

— Хорошо что ночь—то сегодня не лунная? Сказалъ Войдѣйло продолжая ужинать.

— А то что же бы? спросилъ Ягайло.

— Увидѣли бы меня такимъ дозорные какъ есть я, ну и пропали мы.... а теперь только окликнули, да спросили гдѣ такъ поздно былъ?

— Что же ты отвѣчалъ?

— Что? Гмъ! Говорю: гдѣ былъ, тамъ меня теперь нѣтъ,— пьянымъ нарочно прилегнулъ.

— Зачѣмъ?

— А за тѣмъ, чтобы подумали, что я у рагутисницъ былъ въ горахъ.... Какъ вошелъ я въ ворота; пѣсню затянулъ про бога Рагутиса, а дозорные-то и говорятъ: отъ рагутисницъ вѣрно?— Такъ ты пой да не гроже, а не то великаго князя разбудишь, сказалъ мнѣ одинъ дозорный, заливаясь смѣхомъ. Ладно, молъ, не надо мной дурачье смѣтеться, а надъ собой, я васъ всѣхъ обманулъ... продолжалъ Войдыло, на котораго аллусъ началъ уже дѣйствовать.

— Такъ ты говоришь завтра Поята будетъ наша? Спросилъ Ягайло, рассказывая по комнатѣ.

— Какъ эта курица теперь моя, такъ Поята завтра твоя будетъ. Только для курицы въ моемъ брюхѣ мѣсто готово, а для Пояты нужно мѣстечко припасти, съострилъ Войдыло, у котораго языкъ развязался.

— Куда же ее дѣть то? Глубокомысленно спросилъ Ягайло.

— Твоя воля,

— Не придумаю куда.

— Ты не придумаешь, такъ твой холопъ Войдыло придумаеть.

— Ну а куда?

— погоди, князь, дай съ курицей справиться, замѣтилъ Войдыло.

Ягайло, молча подошелъ къ окну и началъ смотрѣть на темнѣющую башню.

Войдыло не замедилъ покончить съ пирогомъ и аллусомъ.

— Спасибо на пирогѣ и на аллусѣ, сказалъ конюшій, кланяясь Ягайлѣ.

— Ну, надумалъ мѣсто то?.....

— Надумалъ...

— Куда же?...

— Въ Еввинской монастырь, отвеземъ ее сами, ты, князь попросишь матушку игуменью взять ее на свое попеченье. Вѣру де христіанскую хочеть она принять, и отъ своихъ родныхъ скрыть моль это хочеть.... Игуменьи, скажи князь, что бы она ни кому не говорила объ этомъ, а Поята пусть новое себѣ имя придумаетъ.... Пусть она дней пять тамъ побудеть, а потомъ можно новое мѣсто ей приготовить; понадежнѣе я найду.

— Пожалуй.... А на чемъ мы повеземъ ее?

— На лошадяхъ, въ нѣмецкой кибиткѣ поѣдемъ съ тобою. Если твоя матушка спроситъ тебя, куда ѣдешь? Говори прямо: въ Еввинской монастырь, Богу, моль помолиться...

— Ладно.... Матушка игуменья для меня все на свѣтѣ сдѣлаеть...

— Отъ того то я и выбралъ такое мѣсто.

— А гдѣ-жъ мы возьмемъ Пояту?

— Въ горахъ...

— Такъ вѣдь намъ не по пути будетъ ѣхать въ это мѣсто?

— Кругомъ объѣдемъ, положишь князь на меня, я все обдѣлаю.....

Ягаило при этомъ улыбнулся.

— До сей поры Войдыло я тебя дуракомъ считалъ, сказалъ онъ ласково.

— Князь! хвали жену на другой день свадьбы; считай хлѣбъ осенью, а холоповъ цѣни по дѣлу, замѣтилъ Войдыло.

На дворѣ между тѣмъ начало свѣтать.

Ягаило раздѣлся и бросился на лежанку, а Войдыло отправился обмыться.

На другое утро, какъ говорилъ Войдыло, такъ и сдѣлалось. Тройка, запряженная въ кибитку, въ которой сидѣлъ Ягаило, и управляемая Войдыломъ, выѣхала изъ Мѣдникскихъ воротъ, по дорогѣ ведущей въ Еввинской монастырь. Погода благосприятствовала задуманной цѣли. Въ этотъ день, какъ нарочно, пошелъ густой снѣгъ и поднялась большая метель. Въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было различить никакого предмета. Сдѣлавъ нѣсколько сажени по дорогѣ, Войдыло повернулъ прямо къ рѣкѣ Вилейкѣ: чрезъ предмѣстье Росса. Выбрашисъ по льду на другой берегъ Вилейки, Войдыло погналъ лошадей и чрезъ нѣсколько времени былъ на горахъ въ частомъ ельнике.

— Посмотри, князь, за лошадьми, а я пойду, сказалъ Войдыло.

— Съ Богомъ, сказалъ Ягаило, принимая въ руки возжи.

Войдыло, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ густомъ кустарникѣ натѣнулся на что то мягкое; схватившись правою рукою за ножъ, онъ нагнулся и увидѣлъ спящую женщину рагутисницу: она была на половину занесена снѣгомъ.

Нашла же мѣсто! подумалъ Войдыло и толкнулъ ее ногою.

— Вставай замерзнешь, сказалъ онъ, наклоняясь къ пылающему лицу рагутисницы и толкая ее руками. Но какъ сильно ни толкалъ ее Войдыло, рагутисница не просыпалась, а только что то мычала. Настоящая рагутисница! напилась и валяется какъ чурбанъ, думалъ Войдыло, позволяя себѣ нѣкоторые вольности.

Стащу-ка я ее въ подземелье, на мѣсто Поаты, пьяная-то она, не узнаетъ какъ сдѣлается заключенной, а Андрей Ольгердовичъ съ Гаштольдомъ и подавно: такъ за Поату и сойдетъ она, намъ же лучше, погони не будетъ. Только нужно одежду перемѣнить; да это не бѣда, ее теперь хоть совсѣмъ раздѣть, не почувствуетъ, думалъ Войдыло и, счастливый открытіемъ, смѣялся отъ души.

Взявъ за руки подъ мышки спящую рагутисницу, онъ подтащилъ ее къ камню, который порядочно занесло снѣгомъ.

Отодвинувъ камень, Войдыло втащилъ въ отверстіе подземнаго хода рагутисницу и, положивъ ее на землю, вынулъ изъ за пазухи головню, бремень и огниву и началъ добывать огонь; головня запылала. Положивъ рагутисницу на спину, онъ привязывалъ ее кушакомъ къ себѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Онъ былъ хоть и не высокаго росту, но очень силенъ, а потому ему эта ноша не казалась тяжелою.

Долго онъ пробылъ подъ землей, такъ что Ягаило уже отчаялся увидѣть его и думалъ, что конюха его поймали на мѣстѣ похищенія. Эта неудача за собою влекла страшныя послѣдствія и потому Ягаило придумывалъ планъ для своего оправданія: онъ даже рѣшился во всемъ запереться и все свалить на Войдылу. Но вотъ, наконецъ, онъ слышитъ голосъ Войдылы, который спрашиваетъ гдѣ онъ?

Здѣсь, отвѣчалъ Ягаило.

Черезъ минуту предъ нимъ предсталъ его конюшій, ведя за руку Поату, она была одѣта въ костюмъ рагутисницы.

Ягайло вскрикнулъ отъ радости; герой и героиня мои бросились другъ другу въ объятія.

— Ну, мѣшкать нечего, садитесь въ кибитку, тамъ нацѣлуется въдоволь,—сказаль торжествующій Войдыло, снова весь перепачкавшійся въ глину.

Ягайло посадилъ Пояту въ кибитку и, наскоро укутавъ ее мѣдвѣжьимъ козухомъ, помѣстился рядомъ съ нею.

Войдыло ударилъ по лошадамямъ и скоро герои наши были на дорогѣ въ Еввинскій монастырь.

— Ты за мной, князь Яковъ пріѣхаль, а не за Анной?—Спрашивала Поятя Ягайлу, смотря на него какъ то странно.

— За какой Анной? Удивленно спрашиваетъ ее Ягайло.

— За Анной Гаштольдовой.....

— Да вѣдь она мертвая, давно ужъ покоится въ могилѣ.

— Да въ могилѣ.... Только она не мертвая, а сегодня, ее видѣла,—говорила съ нею....

Ты меня куда везешь? Спрашиваетъ Поятя.

— Въ Еввинскій монастырь, къ игуменѣ, тамъ ты будешь въ безопасности и тамъ ты примешь вѣру христіанскую....

— Тамъ живетъ красавица Анна?

— Далась тебѣ эта Анна!.... Что тебѣ до мертвой, пусть ее спитъ вѣчнымъ сномъ, ты о себѣ то лучше подумай,—говорилъ Ягайло, цѣлуя Поятю.

— Зачѣмъ ты меня цѣлуешь? Спрашиваетъ его Поятя.

— Какъ зачѣмъ?! Я жить безъ тебя не могу, ... отвѣчаетъ растерявшійся отъ такого вопроса Ягайло.

— А какже Анна—то, какъ же Анна-то; вѣдь она узнаетъ про это?

— Да что ты Поятя?! Господь съ тобою! Ты точно полоумная сдѣлалась... Вѣдь Анна умерла.

— Умерла?.. Когда она умерла?

— Да вѣдь ты сама ее убила?

— Да убила, ножемъ я убила... прямо въ сердце... Только она не умирала, я ее сегодня видѣла, говорила съ нею.... Такая она ласковая, красивая!.... Вѣдь она лучше меня?

— Да кто?

— Анна Гаштольдова....

— Ты Поята безумная! заплакавъ, сказала Ягайло, понявъ наконецъ, что Поята помѣшалась.

— Ты плачешь? О чемъ ты плачешь?... Какое горе тебя сокрушаетъ?

Ягайло, не отвѣчая, продолжалъ плакать.

Въ это время на встрѣчу бѣглецамъ попался князь Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, съ нѣсколькими боярами и со своими псарями.

У Войдыло отъ страху искорчилось лице. Неловко онъ снялъ свою остроконечную шапку, передъ князьями, намѣреваясь поклониться.

— Кого ты везешь? спросилъ Витовтъ, узнавъ Войдылу, и недождавшись отвѣта, заглянулъ въ кибитку.

— А!!!... вырвалось изъ груди Витовта, смотря на Ягайлу.

— Молчи, Витовтъ! поспѣшно сказалъ ему полушопотомъ Ягайло, прикладывая палецъ къ губамъ.

— Гдѣ это ты подхватилъ рагутисницу? Спросилъ тоже полушопотомъ Витовтъ, повертывая своего коня по направленію ѣдущей кибитки.

— Какую рагутисницу? Съ изумленіемъ спросилъ Ягайло.

— А вотъ эту, и Витовтъ показалъ пальцемъ на Пояту, голова которой была украшена повязкой рагутисницы!

Ягайло, замѣтивъ повязку, и самъ не могъ понять какъ она попала на голову Пояты.

— Это не рагутисница, прошепталъ Ягайло.

— А то кто же? Ужъ не войделотка ли Поята, которая тебя съ ума свела? спросилъ Витовтъ, смѣясь. Полно хитрить, Яша, дурачь холопей, только не меня.

Едва только онъ сказалъ послѣднія слова, какъ Поята, откинувъ покрывало съ лица, обратилась къ Витовту.

— Да, я Поята, а ты кто такой?... Спросила она, строго смотря на Витовта.

— Витовтъ сынъ трокскаго князя Кейстута; отвѣчалъ онъ, несмущаясь неожиданнымъ открытіемъ.

— Нѣтъ ты не Витовтъ... нѣтъ... ты бояринъ Гаштольдъ, ты меня повсюду преслѣдуешь... хочешь моей смерти!... Но за меня заступятся, не дадутъ тебя мучить меня... за меня Анни вступятся... твоя жена красавица...

Ну, и пропали мы! прощенталь Войдйло, сидя на козлахъ и трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Витовтъ до крайности удивился словамъ Пяты.

— Что она говорить?! Обратился онъ къ Ягайлѣ.

— Ты, Витовтъ, куда съ отцемъ ѣдешь? Спросилъ въ свою очередь смутившійся Ягайло.

— Выѣхали на охоту, да за непогодою свернули къ вамъ въ Вильну, отвѣчалъ Витовтъ.

— Къ вечеру я буду назадъ, и тебѣ открою тайну; твоей помощи попрошу, а теперь, что видѣлъ ты и слышалъ, молчи... Если дядя Кейстутъ тебя спроситъ: съ кѣмъ ты говорилъ въ кибиткѣ? Скажи на кого нибудь... Ну ступай догоняй отца,—торопливо говорилъ Ягайло.

— Ладно..... Прощай, Ягайло.... сказалъ Витовтъ, поворачивая лошадь и ударивъ ее нагайкою.

— Съ кѣмъ ты говорилъ? Спросилъ Кейстутъ Витовта, когда онъ догналъ его.

— Съ бояриномъ Крюкомъ, отвѣчалъ Витовтъ.

— Между тѣмъ Войдйло началъ еще сильнѣе погонять лошадей.

— Ну и пропали теперь мы! обращаясь къ Ягайлѣ, сказалъ онъ со вздохомъ: князь Витовтъ въ Вильнѣ расскажетъ, что видѣлъ Пяту и за нами пошлутъ погоню.... и пропали мы, пропали!....

— Не бойся, Витовтъ не скажетъ, мы съ нимъ друзья! заключилъ Ягайло.

— Хорошо если не скажетъ... Тогда все шито-крыто... Рагутисница отвѣтитъ за Пяту...—И Войдйло рассказалъ ему, какъ онъ стащилъ въ подземелье пьяную рагутисницу, и положилъ на мѣсто Пяты.

Ягайло, выслушавъ рассказъ о рагутисницѣ, только тутъ понялъ какъ понала повязка Рагутиса на голову Пяты литовскаго бога пьянства и веселія.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Пятой онъ убѣдился, что она помѣшалась. Убийственно было для него подобное открытіе и горько плакалъ онъ, не отвѣчая на безмысленные распросы Пяты.

Но вотъ, наконецъ, погода начала стихать и проясняться. Глазамъ нашихъ путниковъ началъ обрисовываться на блѣдномъ фонѣ Еввинскій женскій монастырь, съ деревянною пятиглавою церковью, съ небольшою колокольнею, кельями и службами, а также съ вы-

сокой деревянной стѣной вокругъ всего монастыря, на углахъ котораго находились четыре башни съ бойницами, за монастыремъ чернѣль посадь.

— Ну вотъ и пріѣхали! закричалъ Войдѣило, останавливая лошадей у воротъ монастырскихъ: ступай, князь, сперва одинъ, къ матушкѣ игуменѣ, поговори съ ней и уладь все, потомъ ужь и здадимъ Поюту съ рукъ на руки. А то вѣдь зря нельзя дѣлать, можетъ она не согласится принять ее, или ктонибудь есть въ монастырѣ изъ Вильны, ну и пропали мы.... говорилъ Войдѣило.

Ягайло повиновался своему конюшему и, выйдя изъ кибитки, подошелъ къ воротамъ и дернулъ за веревку. Раздался звонъ привратнаго колокола. Черезъ нѣсколько минутъ одна половина воротъ отворилась и въ ней появилась привратница.

— Князю Якову многія лѣта! сказала она, узнавъ Ягайлу и низко кланяясь ему.

— Матушку игуменью можно видѣть? Спросилъ князь привратницу, слегка отвѣчая поклономъ на поклонъ.

— Тебѣ, князь, радѣльщику и защитнику греческой вѣры, матушка игуменья всегда рада,—сказала привратница, продолжая отвѣшивать низкіе поклоны.

Ягайло пошелъ къ игуменѣ, которая только что возвратилась отъ обѣдни. Она его приняла очень ласково и закидала его распросами о московскомъ походѣ. Ягайло началъ разсказывать, какъ онъ видѣлъ святыню московскую; игуменья при этомъ заплакала, заплакалъ и Ягайло, но не отъ воспоминаній о святынѣ московской, а просто отъ того, что скорбѣлъ за Поюту. При такомъ состояніи, человекъ почти всегда бываетъ откровененъ, а потому Ягайло, заливаясь слезами, разсказалъ игуменѣ все,—рѣшительно все, не скрывая ничего. Такая откровенность князя, по душѣ пришлась игуменѣ и она согласилась укрыть Поюту, если только она захочетъ принять св. крещеніе. Матушка игуменья! — говорилъ Ягайло: въ душѣ, Поята давно христіанка, она давно просила меня вырвать изъ гнѣзда язычества, да я все медлил—моя вина!... послѣ этого, онъ наскоро разсказалъ о принавахъ помѣшательства Поюты.

— Ничего, князь! не падай духомъ: Господь милосердъ....молись ему и проси его за себя и Поюту... прійметъ она крещеніе, воз-

родится духомъ и тѣломъ, — и молитвами нашими грѣшными и своими—въ умъ придетъ!!.. Господь сказалъ. Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и азъ упокою. На Него возложимъ наше упованіе и благо будетъ намъ... Правда, что она убійца, но вѣдь Господь Іисусъ Христосъ пришелъ не для праведниковъ, а для грѣшниковъ. Лютый разбойникъ, распятый вмѣстѣ со Христомъ нѣсколькими словами покаянія обрѣлъ себѣ царствіе небесное... такъ и она можетъ найти его. Оно для ищущихъ его открыто. Давай, князь, сперва помолимся сказала игуменья, становясь на колѣна передъ кіотомъ гдѣ помѣщались образа.

Слова игуменьи вырвали у Ягайлы цѣлый потокъ слезъ, онъ поспѣшно опустился на колѣна и задушевная молитва его полетѣла въ Источнику утѣшенія.

Послѣ длинной молитвы, игуменья позвала къ себѣ келейницу и приказала впустить въ монастырь княжескую кибитку.

— Пусть возница подъѣдетъ прямо къ моей кельи,—говорила она послушницѣ; послѣдняя поклонилась и вышла вонъ.

— Я ее помѣщу у себя въ кельи,—пусть она будетъ на моихъ глазахъ... сказала игуменья.

Но вотъ подъѣхала кибитка въ крыльцу кельи игуменьи; Ягайло поспѣшилъ къ Поятѣ. Заглянувъ въ кибитку, Ягайло увидѣлъ что она спитъ.

— Я ее внесу, сказалъ Войдыло, намѣреваясь привести слово въ дѣло.

Но лишь только дотронулись до нея, какъ она открыла глаза.

— Пойдемъ, Поятя, сказалъ ей Ягайло.

— Буда?.. Спросила она, мутно смотря на Ягайлу.

— Къ матушкѣ игуменьи...

— Къ красавицѣ Ангѣ?... Ты ее любишь?..

— Поятя! Богъ съ тобою... давай руку... ну, пойдешь,—сказалъ онъ, почти силою вынимая Поятю изъ кибитки.

— Вотъ, Поятя, передъ твоими очами матушка игуменья... не оставь ее,—безумную, безродную сиротинку, будь ты ей матерью, тебя Богъ за это не оставитъ... А я по гробъ буду благодарить тебя,—говорилъ Ягайло, представляя Поятю игуменѣ.

— Ну вотъ я и пришла.... ты меня звала, я и пришла.... сказала Поятя, смотря на игуменью.

Послѣдняя перекрестила ее, и вспрыснувъ святой водой, усадила на скамейку.

Поздно вечеромъ, возвратился Ягайо съ своимъ единымъ въ Вильну, привезя своей матери благословеніе и просфору отъ игуменни Еввинскаго монастыря.

С. Калужнъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

*Окончаніе *).*

Г Л А В А V.

Тяжкое, невыносимое горе налегло на старика Гольдгейма, когда онъ разстался съ Бураковымъ. Понуривъ голову и черезъ силу передвигая ноги, которыя словно одеревенѣли и потеряли способность сгибаться, онъ побрелъ домой. Едва только онъ перешагнувъ порогъ своей моельни, какъ преступность его дѣтей открылась его глазамъ во всей черствой наготѣ ужасающей дѣйствительности: подъ вѣтрадой привольно покоился типографскій станокъ, съ помощью котораго его вѣтренныя дѣти пустили въ ходъ тысячи гнусныхъ прокламацій врагольнаго творчества. Мгновенная радость, поселившаяся въ немъ при мысли, что онъ можетъ теперь спасти себя и своихъ дѣтей, вскорѣ смѣнилась невыразимымъ отчаяніемъ. Внутренній голосъ укорительно говорилъ: цѣною оскверненія и уничтоженія святыни ты хочешь избавиться отъ бѣды. Эти слова терзали сердце старика... Совершенно растерянный отъ страшной, невыносимой борьбы, завязавшейся въ его душѣ, онъ почти безсознательно забрался въ укромное мѣсто моельни, подложилъ огонь и отчаянно бросился вонъ.

* См. Кн. II Вѣст. Зап. Россіи за 1863 г

Тлѣнщійся огонекъ черезъ нѣсколько минутъ высочилъ пламенными языками, охватившими всѣ концы молельни; клубы дыма, возвышаясь къ небосводу, наполняли воздухъ гарью.

Пронрадиваясь, какъ тать нѣчтой, гдѣ ползкомъ, гдѣ обходомъ, добрался наконецъ Гольдгеймъ черезъ широкій дворъ въ свой домъ. Легко представить себѣ, что долженъ былъ чувствовать человекъ, жизнь котораго стелется чистою скатертью безъ всякаго позорнаго пятнышка и которому теперь приходится скрываться отъ людей, словно уголовному преступнику. Въ какомъ-то чаду ковылялъ онъ по лѣстницѣ своего дома, каждыминутно останавливался, вздрагивалъ, потому что ноги отказывались ему служить. Войдя въ кабинетъ, Гольдгеймъ усѣлся въ стоявшее тутъ кресло. Пытка душевная продолжалась, лице его ничего не выражало, порою оно передергивалось, глаза то безцѣльно смотрѣли на одну точку, то перебѣгали съ одного предмета на другой; зная, полученные имъ тычки судьбины ударили по самымъ чуткимъ нервамъ... На улицѣ между тѣмъ поднялся уже крикъ и гамъ; случившійся пожаръ всполошилъ всѣхъ жителей околodka, каждый изъ сосѣдей спѣшилъ обезопасить свой домъ, который преемственно могъ сдѣлаться жертвою ненасытной стихіи. Подоспѣла пожарная команда и своими гасительными снарядами старались унять огонь, грозившій поглотить все и всѣхъ. Не замедлили явиться и уличныя ротозѣи и охотники до сильныхъ ощущеній, словомъ набралось столько народу, что вся улица была запружена людьми, шумъ которыхъ съ частыми вскрикиваньями: ахъ! какъ горитъ! смотрите! да стучъ колесъ подъ пожарными инструментами, разбудили наконецъ старика отъ летаргическаго сна, сковавшаго его душу и тѣло. Но не на радость очнулся старикъ. Онъ началъ обдумывать свой поступокъ, сообразилъ, что по городу пойдутъ двусмысленные толки и пересуды по поводу пожара и грустныя ощущенія кошмаромъ ложились на его душу. Да, горькую чашу судьбы было испить старику за минутное увлеченіе своего сына.

Пожаръ все еще свирѣпствовалъ во всей своей силѣ, пожарная команда все еще суетилась, дѣлала чудеса самоотверженій, чтобы хоть что нибудь отвоевать, едѣ страшнаго врага, — и Бурковъ

вмѣстѣ съ нѣсколькими полицейскими явились въ домъ Гольдгейма. Тамъ былъ произведенъ строжайшій обыскъ, обыскали всѣ потаенныя углы, чердаки, погреба, даже половинки были приводимы; но тщетно, типографскаго станка не нашли, онъ давнымъ-давно превратился уже въ попелъ. Карлъ и Герминія стояли въ одномъ углу двора какъ будто пораженные молніею; они не шевельнули бровью, не мигнули глазомъ; происшедшія передъ ними явленія убили въ нихъ всякое живое отравленіе. Невольно память ихъ перебирала всѣ правдности, которыми подвергся въ такое короткое время ихъ отецъ: его позвали къ намѣстнику, потомъ огонь вспыхнулъ въ домѣ, теперь полиція обыскиваетъ домъ, все это не просто, все это не одна случайность, тутъ навѣрно кроется что-то ужасное... Особенно терзалась Герминія. Слабомерная отъ природы, она не выдержала напора многочисленныхъ сильныхъ впечатлѣній и, какъ подрѣзанный колосъ, грохнулась на землю. Старикъ Гольдгеймъ, свѣсивши голову чрезъ форточку окна, смотрѣлъ повидимому спокойно на исчезновеніе своей жеманки и ждалъ прибытія Буракова. Последний, отдавъ нужные приказы солдатамъ, отправился къ Гольдгейму.

— Неотъенный другъ и спаситель, сказалъ старикъ, крѣпко пожимая руку Буракова; душевный мой привѣтъ и благодарность; у меня не достаетъ словъ, для выраженія того, что чувствуетъ мое сердце, сказалъ еще съ уваженіемъ. Вы спасли меня, мое семейство; пока жизнь будетъ биться въ моемъ старческомъ сердцѣ, я не забуду васъ. Не думайте однакожь, что я теперь совсѣмъ успокоился, меня мучить мысль на счетъ моего сына. Вы знаете — молодость оговлива, сколько горькихъ жизненныхъ уроковъ ни получить, она ни не разумляется: одна волна смѣняется другою, которая, въ свой чередъ, также опасна какъ первая. Мой сынъ теперь парадъ свои сновенія съ колымаки, но кто заручится, что онъ не будетъ продолжать ихъ наполнителей? Кто десятка люди неуправляются съ разумомъ; разъ обожженное, они, какъ дѣти, еще разъ ловятъ руками огонь. Чтобъ они не курались, имъ надо подвергать болѣе ошутительнымъ розысканіямъ, чѣмъ легонькія распечки. Явите божеское сдѣланіе,

прикажете посадить моего сына въ крѣпость; въ тиши и уединеніи кровь его остынетъ; онъ будетъ удаленъ отъ сборища политическихъ утопистовъ. Если вы желаете мнѣ добра, исполните мою просьбу.

Бураковъ остолбенѣлъ отъ такой странной просьбы Гольдгейма; передраги жизни больно крѣпко потеряли старика, думалъ онъ, и совѣтъ лишили его ума.

— Вы удивляетесь, г. Бураковъ? сказалъ старикъ съ наружными хладнокровіемъ. Я вамъ теперь, правда, кажусь чудакомъ? тѣмъ не менѣе я говорю дѣло. Любовь моя къ сыну безгѣрна, но она все-таки не заслоняетъ мнѣ глазъ и я, какъ на ладони, вижу ту страшную будущность, которая стоитъ и теперь за его плечами. Я хорошо изучилъ складъ мыслей моего сына, малѣйшіе изгибы его молодого, своенравнаго характера и пришелъ къ тому роковому заключенію, что почва, на которой онъ стоитъ, очень зыбка. Если онъ останется на свободѣ, общее броженіе умовъ не обойдетъ его, онъ снова столкнется съ поляками, его снова поймаетъ на удочку предательская красота какой-нибудь безмозглой и безсердой патріотки. Тогда или его убьютъ въ лѣсу, или позорно казнятъ на площади, или ушлютъ далеко отъ родныхъ, гдѣ онъ будетъ коротать свой грѣшный вѣкъ (при этихъ словахъ у старика заструились слезы)... Тогда ужъ не поможетъ раскаяніе: уиѣлъ ѣсть кислые плоды, уиѣи наслаждаться оскоминой. Не такъ ли, милостивый государь? Но теперь еще можно отстранить опасность. За желѣзной рѣшеткой сынъ мой не будетъ въ состояніи вредить самому себѣ. Вотъ гдѣ разгадка моей просьбы, которая показалось вамъ такою странною.

— Да, да, г. Гольдгеймъ, вы правы, сказалъ Бураковъ. Крѣпостныя стѣны окажутъ свою цѣлебную силу на вашего сына, одержимаго конономаніей; онъ предохранятъ его отъ норчи, которою поляки такъ мастеровски изводятъ молодыхъ людей. Онъ тамъ останется до тѣхъ поръ, пока мятежники не перестанутъ безчинствовать.

— До гробовой доски я васъ не забуду; вы одинъ спасли меня, старика-безталаннаго.

— Развѣ вы мало сдѣлали для меня? сказалъ Бураковъ. И теперь только радуясь, что мнѣ привелось отслужить вамъ чѣмъ-нибудь. Будьте спокойны, г. Гольдгеймъ, ваша воля будетъ исполнена; до свиданья.

Выйдя на дворъ, Бураковъ увидѣлъ Карла, стоящаго возлѣ своей сестры Герминіи, только что оправившейся отъ недавняго обморока. Онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «идите молодой человекъ за мною.» Герминію передернуло, а Карлъ, словно одурѣлый, мутными глазами мѣрилъ съ ногъ до головы человека, желающаго разлучить его съ отцовскимъ кровомъ и всѣми радостями. Черезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ и спросилъ незнакомаго ему чиновника:

— Куда, мил. государь хотите меня вести?

— Вѣстимо, куда, сказалъ Бураковъ съ явнымъ оттѣнкомъ холодности.

— Но я хочу знать, куда именно.

— Въ крѣпость, если вы любопытствуете, сухо отвѣтилъ Бураковъ.

— За какіе это проступки? Что я такого предосудительнаго сдѣлалъ?

На вопросъ Карла, Бураковъ указалъ пальцемъ на пепелище молельни.

— Ваши грѣхи, сказалъ онъ, сами за себя говорятъ; слова мои не нуждаются, думаю, въ комментаріяхъ, сказалъ Бураковъ многозначительно. Я вамъ совѣтую не хорохориться; будьте воздержны на языкъ и ступайте, куда велятъ. Эти слова ошѣпили Карла. Онъ хотѣлъ уже отправиться съ Бураковымъ въ странное новоселье, но Герминія, какъ помѣшанная, бросилась въ слѣдъ брату и судорожнымъ движеніемъ сжала его въ свои объятія.

— Жизнь моя, дорогой мой братъ! Останься тутъ со мной, надрывающимъ сердце голосомъ кричала она. Батюшка, батюшка! скорѣй сюда, злые люди напали на моего брата и хотятъ похитить у васъ сына.

Старикъ, услыхавъ крикъ, поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ разыгрывалась составленная имъ же трагедія. Герминія, при видѣ приближающагося отца, еще пуще прежняго заплакала, приговаривая:

— Смотри, смотри батюшка! По щекамъ ея струились горячія слезы: Карла отнимають отъ насъ, не жалѣйте денегъ, выручайте его изъ крѣпости, не оставьте его тамъ на жертву отчаянія.

— Что же ты такъ разрюмилась? Увѣщательно сказалъ старикъ, если Карлъ не виноватъ, онъ не будетъ сидѣть въ крѣпости. Деньги тутъ рѣшительно ни къ чему, а распоряженіямъ начальства не перечать. Карла требуютъ въ крѣпость и онъ долженъ идти. Бураковъ съ Карломъ удалились.

Герминія, не смотря на успокоительныя слова отца, сильно тревожилась на счетъ участи брата. Она рѣшилась идти разсказать Аурелии обо всемъ случившемся съ ея отцомъ и братомъ. Она рассчитывала на благосклонность Аурелии, ея неравнодушіе къ Карлу и ласкала себя заранѣе надеждой, что съ помощью Аурелии найдется лазейка для ея погибшаго брата.

— Барыни нѣтъ дома, сказалъ слуга, когда Герминія подошла къ дому Аурелии. Легкая улыбка, скользнувшая по его трехъ-яруснымъ усамъ, явно говорила, что онъ жетъ—подъ диктовку барыни.

— Что ты турусы на колесахъ городишь! Вѣдь она сама звала меня и навѣрно ждетъ моего прибытія.

Слуга видно упрекнулъ себя за свою недогадливость и продолжалъ молчать. Герминія между тѣмъ вынула изъ кармана клочокъ бумаги, написала: «весьма нужное» и обратившись къ слугѣ промолвила: передай записку барыни, а я повременю здѣсь немного.

Докладъ слуги о приходѣ Герминіи произвелъ чрезвычайный переполохъ между всѣми членами собранія, которые продолжали еще препираться о животрепещущихъ вопросахъ любезной своей ойчизны. Каждый ломалъ голову, стараясь отгадать причину прихода сестры измѣнника, который такъ ужасно напакостилъ панамъ-полямкамъ. Рѣшили, чтобы Аурелия повидалась съ ней. Спустя немного, отворилась дверь залы и въ нее вошла тержествующей поступью Аурелия, подъ руку съ Герминією. Подручное хожденіе родовитой шляхтички съ жидовкой разобидѣло всѣхъ до крайности; но чтожь дѣлать, надо было принудить языкъ, можетъ быть эта жидовка принесла хорошія вѣсти.

— Не въ обиду будь вамъ сказано, ясновельможные панове, сказала Аурелия; мы дѣлаемъ все на обумъ, нѣтъ мудренаго, поэтому, что строимъ изъ себя шутовъ съ бубенчиками. Смотрите, мы повѣрили разнымъ небылицамъ и ни съ того, ни съ сего, осудили Карла на смерть. Между тѣмъ ясно какъ день, что онъ преданъ намъ и нашему дѣлу не менѣе всякаго истиннаго патриота. Слушайте, что его сестрица рассказываетъ. Карлъ-теперь арестованъ, но передъ тѣмъ онъ поджогъ молельню, гдѣ находится типографскій станокъ, который полиція хотѣла конфисковать.

Все съ изумленіемъ смотрѣли въ глаза графу.

— Донесенія моихъ лазутчиковъ непреложны, сказалъ графъ, которому слова Аурелия покали, какъ говорится, не въ бровь, а въ глазъ; я еще разъ повторяю: Карла видѣли у намѣстника, при выходѣ онъ любезно перешоптывался съ русскимъ чиновникомъ.

— Вашъ братъ ходилъ къ намѣстнику? спросилъ баронъ Славдскій озадаченную Герминію.

— Нѣтъ, не ходилъ, отвѣтила Герминія, рѣшительно не понимавшая, что тутъ дѣлается, къ чему эти распросы. Отца звали къ намѣстнику, но братъ не былъ у него.

Члены собранія не преминули усумниться въ справедливости словъ Герминіи.

— Вы знаете за-подлинно, что братъ вашъ не былъ у намѣстника? снова спросилъ баронъ.

— Честное слово, я говорю истину, настойчиво сказала удивленная Герминія. Я вамъ въ короткихъ словахъ расскажу событія нашего дома въ послѣднія минуты. Чиновникъ пришелъ звать отца къ намѣстнику, а Карлъ безъ оглядки побѣжалъ оповѣстить васъ объ этомъ, но случилась осѣчка, — его не впустили. Воротился онъ домой на себя не похожъ, лицо осунулось отъ отчаянія. Отецъ тоже пришелъ убитый горемъ. Потомъ пожаръ, потомъ обыскъ, ничего не нашли, потому что все истреблено огнемъ. Брата, безъ дальнѣйшихъ церемоній, спровадили въ крѣпость. Панове! Неужели вы откажетесь помочь ему? умоляющимъ тономъ заключила Герминія.

— Хорошо судилище, нечего сказать, воскликнулъ баронъ Сла-

вадскій, окидывая взглядомъ презрѣнія графа. Чуть-чуть не пролили невинную кровь, принявъ въ уваженіе наговоры какихъ-то агенто́въ сомнительной чѣстности.

На подобнаго рода драконовскихъ основаніяхъ были скроены всѣ польскіе импровизованные трибуналы въ пору революціонную. Одного подозрѣнія достаточно было, чтобы отправить человека на тотъ свѣтъ. О разбирательствѣ дѣла обвиненнаго не было и помину. Драпируясь въ шапку невидимку, эти трибуналы совершали убійства. безнаказанно, не щадивъ ни праваго, ни виноватаго. Много, очень много принесено жертвъ этому варварскому, безразсудному изувѣрству! Графъ, который въ присутствіи Герминіи сидѣлъ словно на маленькихъ угольяхъ, чтобы поскорѣй отдѣлаться отъ коловшаго ему въ глаза живаго упрека, обратился къ ней съ дружелюбными словами:

— Ступайте съ Богомъ, не крушитесь, мы сдѣлаемъ, что можемъ сдѣлать.

А что намъ нужно дѣлать, панове, обратился графъ къ остальнымъ членамъ, когда Герминія вышла, а развѣ не оставить его въ рукахъ москалей? Отъ такого поступка мы никогда не будемъ въ наладѣ. Согласенъ, что я ошибся въ произнесеніи надъ нимъ смертнаго приговора, противъ правды я не иду. Но ударить въ набатъ, чтобы выручили жида изъ опасности, по моему мнѣнію, верхъ глупости. Мы должны заглядить прошлые наши грѣхи, которые бремятъ душу и заставляютъ насъ краснѣть отъ стыда при воспоминаніи, что мы начали ухаживать за жидами, приблизили ихъ къ себѣ. Крутенько пришлось жиду, а намъ что за дѣло? Между нами и жидомъ нѣтъ ничего родственнаго. Онъ норовитъ только, гдѣ бы можно больше поживиться и когда мы, положимъ, Карла избавимъ отъ москалей, снова примемъ въ свою среду, онъ насъ всѣхъ продастъ, пожалуй, за москвскіе рубли. Не значить ли это отогрѣть змѣю усебя на груди? Польша обойдется безъ помощи жидовъ; весело, панове, будетъ, когда Польша выиграетъ свою вѣковую тяжбу и жида не осмѣлятся участвовать съ нами въ дѣлежѣ богатой добычи. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я, панове, подаю мнѣніе, что мы должны

держаться принципа невмѣшательства въ отношеніи къ Карлу. Москали раздѣляются съ нимъ по своему благоусмотрѣнію, наше дѣло — сторона.

— А если Карлъ, въ отиѣстку за невниманіе ваше къ нему, заварить такую кашу, что вамъ всѣмъ будетъ слишкомъ горько ее расхлебывать? Себя онъ спасетъ, спрятавшись за кулисы, а васъ погубить, — небрежно проговорилъ баронъ, котораго раздосадовали выходки графа противъ евреевъ.

— Это ужъ я улажу, безбеспокойтесь, — сказалъ графъ, рисуясь своей находчивостью. Такихъ восторженныхъ юношей, какъ Карлъ не трудно водить за носъ. Я васъ увѣряю, онъ намъ не измѣнитъ, если до сихъ поръ не измѣнилъ. Завтра я напечатаю о немъ статейку въ нашей газетѣ, прославлю его дѣятельность въ пользу повстанья слогомъ панигирика; скажу, что онъ жертвуетъ своею жизнью за ойчизну, Аурелія пошлетъ ему въ знакъ памяти прядь своихъ волосъ, самыя знатныя и первостатейныя пани пошлютъ ему цвѣты и вѣнки. Этимъ я пощекочу самолюбіе Карла, онъ не захочетъ изъ героя превратиться въ пошлаго доносчика и будетъ молчать.

— Но благородно ли такъ поступать, скажите, положи руку на сердце? возразилъ баронъ Славадскій, всплывшій отъ гнѣва. Молодой человѣкъ беззавѣтно отдался польскимъ интересамъ, вопреки совѣтамъ своего отца, своей сестры и какую славную награду дадутъ ему польскіе патріоты! Право, вы должны стыдиться, графъ, вашихъ варварскихъ проэктовъ.

— Я напередъ зналъ, что мои слова не понравятся жидолюбивому пану Славадскому. Съ вашими гуманными теоріями вы далеко не уѣдете, мы должны справляться съ здравымъ разсудкомъ, спросить у него, что выгоднѣе. Лучше чтобы одинъ провалился хоть въ тартарары, чѣмъ пострадало все польское общество. Развѣ вы не знаете, что интересъ общественный поглощаетъ всѣ мелкіе интересы? Это въ порядкѣ вещей.

— А вы, Аурелія, одного мнѣнія съ графомъ, спросилъ баронъ.

— Признаться, сказала Аурелія, я тоже непрочъ, чтобы Карла оставили въ покоѣ, не тревожили больше нашей дружбой. Я ни-

когда не забывала, что онъ инѣ не чета. Онъ инѣ уже до смерти надоѣлъ своими грезами, своєю любовью. А главное, вѣдь онъ намъ теперь не нуженъ, такъ зачѣмъ канитель-то тянуть? Если мы теперь опять начнемъ возиться съ нимъ, онъ, пожалуй, вздумаетъ волочиться за мной, потребуетъ моей руки. Когда же онъ замѣтитъ, что я совершенно равнодушна къ нему, нѣтъ сомнѣнія, что выдастъ насъ всѣхъ москалямъ. Посему намъ, я думаю, было бы благоразумнѣе послушаться совѣта графа.

— Bravo! bravo, Aurelia! въ политической тактикѣ она иногужуцину за поясъ заткнетъ, прорычалъ графъ съ радостью. Умнѣйшая панна, — она хорошо понимаетъ, что съ жидами мы не должны имѣть никакихъ сношеній; оно весьма убыточно для нашей чести. Кто, примѣрно, изъ нашего честнаго собранія согласится сидѣть рядомъ съ жидомъ въ какомъ нибудь клубѣ, считаться наравнѣ съ жидами передъ закономъ, передъ правительствомъ?

— Никто, никто, единогласно завопили члены честнаго собранія.

— Иначе быть не можетъ. Съ погонѣ вѣку жида были рабами, мошенниками, лихоимцами, ихъ постоянно преслѣдовали, гнали съвозъ строй всяческихъ бѣдствій. Стыдъ и срамъ польской шляхтѣ принять жидовъ въ свои нѣдра. И такъ, панове! Карлъ вычеркивается изъ списка защитниковъ польщины.

Г Л А В А VI.

Герминія, не удовлетворившись двусмысленнымъ отвѣтомъ графа, осталась въ прихожей. Можетъ быть, думала она, инѣ удастся еще разъ поговорить съ Ауреліей; опишу ей рѣзкими красками несчастное положеніе брата и она, навѣрно, не откажется помочь ему, своему милому. Да и отдохнуть ей крайне было необходимо: хлопотливая бѣготня во время пожара, обморогъ, арестъ брата, обезсилили нѣжную Герминію до того, что ноги ея мимовольно сгибались. Сидитъ Герминія за дверьми залы собранія, уши насторожила, вся она—вниманіе, боится цроронить полъслова. Доносятся къ ней жгучія рѣчи Бѣсовскаго, жалаять ее без-

пощадно. и она не знает куда дѣваться отъ гнѣва, залокотавшаго въ ея душѣ. Аурелин своимъ откровеннымъ сознаниемъ доконала ее совершенно. Ей стало до наглядности ясно, что братья ея безнадежно погибъ,—погибъ потому, что повѣрилъ искренности поляковъ, ихъ шляхетскому слову гонору. Словно травленный звѣрь бросилась она бѣжать къ брату.

— Надо, непременно надо расквитаться съ ними! Выдай ихъ всѣхъ—дребезжащимъ и прерывистымъ голосомъ говорила Герминія. Отомсти этимъ кровопийцамъ, они хотѣли твоими руками жаръ загребать, они поднимали тебя на смѣхъ, дурачили потѣхи ради, въ твоемъ лицѣ наругались надъ всѣми твоими единовѣрцами. Местъ, местъ, местъ, любезный братъ, на головы этихъ душегубцевъ!

Разсказъ сестры какъ будто столбнулъ Карла съ седьмага неба на землю, устьянную кинжалами остріями кверху. Всѣ волшебныя зданія, прихотливые чертоги, сооруженные его воображеніемъ, рушились теперь и разбились въ дребезги, какъ сосульки крышъ въ оттепель. Куда и какимъ образомъ исчезли высокіе своды, украшенные причудливыми узорами, затѣйливыми карнизами? Какимъ образомъ красивые и кажутся, прочныя стѣны образуютъ теперь кучу непригляднаго мусора, и одинъ только онъ, какъ удѣлѣвшая колонна отъ непріятельскаго погрома, олицетворяетъ собою свидѣтеля минувшаго блеска? Карлъ, который за нѣсколько минутъ передъ непонятной для него катастрофой думалъ, что онъ «за счастьемъ попятамъ несется», теперь растерялся и блуждающими глазами озирался кругомъ. Ошеломила его совсѣмъ нахлобучка злаго рока. Всякій сторонній наблюдатель принялъ бы его за пьяницу, который спился дочертиковъ, пропустилъ всѣ деньги и барахтается на улицѣ, потому что цѣловальникъ съ пинками и насмѣшкой вытолкнулъ его за дверь. Но отрезвленіе взяло наконецъ свое; набравшаяся горечь развѣяла хмельную любовь къ Аурелин, къ польщизнѣ. Досадно, невыразимо досадно было ему, что онъ до сихъ поръ служилъ игрушкой въ рукахъ подлыхъ людей, не догадался, что окружающая его пышная обстановка сколочена изъ ширинъ наживую питку, что онъ прыгалъ, лѣзъ въ

петлю, стараясь побольше угодить польскимъ интересамъ, что онъ не догадался, что привѣтливыя слова польской шляхты — ложь, что падменные лехиты взяли только на прокатъ мантии благородныхъ людей, а потомъ, улучивъ время, явятся во всей прелесть прирожденной имъ кожи.

По дѣломъ вору мука, заключилъ Карлъ свои размышленія, обливаясь горячими слезами. Я измѣнилъ своему законному Государю, не устоялъ противъ польскихъ сладостей, началъ лакомиться ими и отравился. Сбылись обѣщанія поляковъ. Я теперь, дѣйствительно, буду причисленъ къ ихъ славному сонму, — къ сонму *измѣнниковъ*.

Слова замерли на его устахъ, тоска буравила его сердце.

Герминія, видя замѣшательство брата, кинулась ему на шею, горячо начала цѣловать его, стараясь ободрить его своими утѣшеніями.

— Горевать не слѣдуетъ, любезный братъ! Богъ помилуется тебѣ, онъ освободитъ тебя изъ заточенія. Люди коварны, дышатъ ненавистью, — отрой козни поляковъ, пусть они падутъ въ яму; которую рыли для тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая сестрица, сказала Карлъ. Я не одного поля ягода съ поляками: для нихъ измѣна — стихія жизни, интриги знакомы имъ съ пеленъ, а я, хоть и презрѣнный жидъ, на подобныя іезуитскія махинаціи не способенъ. Я, по ребяческой неопытности, вовсе не подозрѣвалъ, что подъ внѣшнею мишурою, золотыми блестками кроется источенная червями сердцевина. Я только видѣлъ лицевую, показную сторону медали, — сошелся съ поляками потому, что вѣрилъ ихъ отрѣшенію отъ религіозной нетерпимости, думалъ, что они перестали носить средневѣковые обноски, искренно желаютъ соединиться съ евреями въ одинъ народъ. Страстно любилъ я Аурелию потому, что такое прекрасное, неземное существо не таитъ въ своемъ сердцѣ адскихъ хитростей. Сладкогласныя пѣсни сирены завлекли меня въ омутъ. Теперь вижу, какъ сглупилъ. Костель подчинилъ себѣ и искажилъ всѣ душевныя проявленія своихъ поклонницъ, направляя по своему для достиженія политическихъ цѣлей. Терроризмъ вторгнулся во всѣ

отправленія народной жизни, во всё тончайшіе изгибы шляхетскаго права, а костель дастъ ему свою санкцію. Но я не буду мстить имъ хоть бы для того, чтобы графъ не нашелъ въ моемъ поступкѣ оправданія своимъ вандальскимъ понятіямъ о евреяхъ.

— Помилуй, любезный братъ, вѣдь что полягамъ здорово, тебѣ смерть. Вѣковать хочешь здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ мрачной кельи узника? Чтобы себя спасти, ты пановъ-поляковъ не долженъ холить и нѣжить. Лжи не нужно говорить, а правду смѣло рѣжь въ глаза, не щади своихъ губителей.

— Милая сестрица! пути Провидѣнія несповѣдимы. Одно изъ двухъ, или Богъ меня избавить, или я подвергнусь всѣмъ наказаніямъ преступника за мои тяжелыя прегрѣшенія. Но вывернуться изъ отвѣтственности кляузами, ябедничествомъ, я не хочу, я не долженъ. Обыкновенно говорятъ: съ больной головы на здоровую не сваливаютъ, но гдѣ дѣло коснется евреевъ, тамъ все идетъ на выворотъ. Какъ только я выдамъ моихъ враговъ, сейчасъ давай звонить во всѣхъ газетахъ, что еврей, пользовавшійся довѣріемъ поляковъ, передалъ своихъ благодѣтелей въ руины москалей. А этихъ газетнымъ толкамъ будетъ вторить голосъ общественнаго мнѣнія, давно уже утверждающаго, что всѣ евреи любятъ балансировать между нашими и вашими, подлещиваться обѣимъ противнымъ сторонамъ (конечно не за разъ), коль скоро они чувтъ добычу. Вотъ что меня останавливаетъ, сестрица. Я не хочу опорочить всѣхъ моихъ единовѣрцевъ, лучше я самъ потерплю.

Герминія сознала себя побѣжденною.

— Прощай, любезный братъ, я пойду, носовѣтуюсь съ бабушкой.

— Отчего дочь моя, ты такъ приуныла? спросилъ Гольдгеймъ вшедшую Герминію, въ лицѣ которой выразалось великое горе.

— Бабушка, бабушка! вскрикнула Герминія и слезы полились, какъ вода изъ переполненнаго стакана. Дорогой нашъ Карлъ — пропащій человекъ. Враги своими поклонами упрятали его въ крѣпость, а благопріятели, за которыхъ онъ жертвовалъ собою, теперь злорадно подставляютъ ему ногу.

— Успокойся, дочь моя, и скажи кто это такъ мерзко поступаетъ съ Карломъ?

— Тѣ, батюшка, съ которыми Карлъ подружился и которымъ онъ отдавалъ свою молодость, свою жизнь, рѣшительно все;—тѣ, батюшка, теперь даже желаютъ его погибели. Когда я была у коноводовъ мятежа, умоляла ихъ, чтобъ они помогли Карлу, шляхетскія замашки выказались въ полномъ блескѣ. Языкомъ своимъ они меня обнадеживали, а въ сердцахъ ихъ таилась ненависть, которая всплыла наружу сейчасъ послѣ моего ухода. Я нарочно подождала немного въ прихожей и убѣдилась своими ушами, что еврей для поляковъ хуже бѣлья на глазу. Воѣ они въ одинъ голосъ порѣшили, что несчастье Карла никого не должно трогать, а наоборотъ радовать, потому что оно даетъ возможность легко отдѣлаться отъ жида, который, при благоприятномъ поворотѣ польскихъ дѣлъ, будетъ имѣть поползновеніе на человѣческія права; а это шляхетскому генору не понутру.

— Видишь, дочь моя, слова мои сбылись, какъ будто я пророчествовала, сказалъ старикъ, видимо повеселѣвшій. Трудно было угадать Карла, чтобъ онъ избѣгалъ поляковъ; мои неоднократныя увѣщанія оставались втунѣ, теперь ропщи на послушаніе отцовскихъ совѣтовъ. Но ты, моя милая дочь, сейчасъ ступай къ нему въ крѣпость, расскажи ему обо всемъ тобою слышанномъ, пусть онъ больше не упорствуетъ въ своихъ дѣтскихъ заблужденіяхъ.

— Недавно я ему сообщила эту пріятную вѣсть, не безъ проини проговорила Герминія, удивленная торопливостью отца. Словно раскаленнымъ желѣзомъ я прикоснулась къ нему, онъ грызъ себя пальцы отъ бѣшенства, проминалъ поляковъ; но рѣшился держать подъ спудомъ нелюбимые революціонные секреты, хотя бы ему это стоило жизни. Я право, батюшка, не знаю стоять ли поляки такой пріязни.

— Повѣрь мнѣ, дочь моя, рано ли, поздно ли мятежники не уйдутъ висящаго теперь надъ ихъ головами меча. День расправы скоро наступитъ, кара уже точитъ свое остріе и гордыя мечты поляковъ развѣшатся очень грустными событіями. Теперь сынъ мой долженъ относиться безразлично какъ къ ясновѣдомымъ мистикамъ, такъ къ яхъ оскорбленіямъ. Полагать и еврей—двѣ вещи несомнѣнныя, ихъ разрознила вѣковѣчная вражда, между

ними образовалась китайская стена, которую ни проломить, ни прострелишь холостыми зарядами мимолетной, поддельной дружбы. По крайней мѣрѣ для Карла, я думаю, не пройдет безслѣдно этотъ жизненный урокъ, онъ будетъ поразборчивѣе въ выборѣ друзей. Какъ только я услышалъ, что поляки начинаютъ ластиться къ евреямъ, увѣрить, что возрожденіе Польши будетъ благодѣтельно для евреевъ, что они не будутъ праздными зрителями общаго праздника и торжества, я сказалъ этимъ лжеблагодѣтелямъ: чтобъ убѣдить насъ въ искренности вашихъ словъ, позвольте намъ хоть взглянуть издадала на то вѣтвистое дерево, подъ тѣнью котораго мы будемъ, повашимъ словамъ, кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Теперь, вѣрно позвольте вы намъ вздохнуть свободнымъ воздухомъ, уничтожьте «гетто», позвольте намъ приобрести поземельную собственность. На эти вопросы мнѣ отвѣчали хохотомъ, а меня самого называли старикомъ, выжившимъ изъ ума. Да, мнѣ достаточно выяснились родѣли поляковъ. Я не разъ и не два остерегалъ Карла отъ ихъ сообщества, приводилъ ему различныя доказательства, но видя, что говорю съ глухонѣмымъ, я съ досадою сказалъ: Карлъ! ты теперь съ дѣтской довѣрчивостью поймаешь на подсыкую удочку, но подождешь конца и ты увидишь, какъ прежніе друзья начнутъ тебя толкать изъ своей среды, когда ты сдѣлаешься для нихъ ненужанъ. Да, дочь моя, поляки мнѣ хорошо знакомы. Впрочемъ ты не сокрушайся о Карлѣ, онъ видитъ дѣлъ и навредитъ изъ крѣпости, съ болѣе просвѣтленнымъ умомъ.

Въ тотъ же вечерній день, Карлъ былъ освобожденъ изъ крѣпости; онъ далъ злыденное обещаніе Буракову пресѣчь свое преступное знакомство съ поляками.

Въ исключеніе дней заключенія въ крѣпости, Карлъ совсѣмъ переродился. Изъ выжара эпохи, шагающаго по ратвинамъ и губамъ дашей обреченной поляны съ невозвратимъ открытъ, онъ явился человѣкомъ степеннымъ, робра котораго уже коцупали дивельно рѣзнаго рода тичелоя. Бровь оснула, глаза перестали искряться ослѣплымъ пламенемъ, жизнь разбита, нѣтъ стражи, нѣтъ томора, кругомъ мучаство, камѣна, коцупальный холодъ, который

леденить своимъ дыханіемъ. Съ лицомъ, сіяющимъ радостью встрѣтилъ старый Гольдгеймъ своего сына, возвратившагося подъ родной кровъ, къ тихой, мирной жизни послѣ столькихъ физическыхъ и нравственныхъ потрясеній. Въ своихъ бесѣдахъ съ Карломъ, отецъ старался избѣгать намековъ на печальное прошлое, чтобы не растравить свѣжихъ ранъ. Во время одной изъ такихъ бесѣдъ, вращавшихся обыкновенно около положенія края, его торговли, промышленности, онъ обратился къ сыну съ слѣдующими словами:

— Ты видишь, мой сынъ, что какое-то бездолье тяготѣетъ надъ этимъ краемъ, дѣла идутъ, какъ говорится, черезъ пень-колоду, застой во всемъ, начиная отъ самой послѣдней промышленности и кончая успѣхами людей въ дѣлѣ просвѣщенія. Поляки бродятъ въ потмахъ, имъ кажется, что они единственные владыки вселенной и все передъ ними должно почитать, комать шапку и цѣловать ручку ясневельможную. Въ потемкахъ, они затѣваютъ кровавыя игрища, шалить, пока не свернуть шеи. Балующичанье и безпардонный произволъ шляхты вредно вліяетъ на весь складъ жизни края и взаимныхъ отношеній. Здѣсь поневолѣ обзаводишься ненавистью къ ближнему, потому что этотъ ближній отравляетъ твою жизнь. Еврею между поляками всегда приходится плохо, самое лучшее для него—это переселиться въ другую страну. Тебѣ, мой сынъ, тоже необходимо ѣхать за границу. Тамъ увидишь другую жизнь, свѣтлую, лучшую, почище здѣшней. Тебѣ, казалось, что еврей мечемъ завоюетъ себѣ права гражданъ, но объѣхавъ нѣсколько цивилизованныхъ странъ Европы, ты убѣдишься, что ничто иное какъ просвѣщеніе господствующаго населенія освободило евреевъ отъ умственного и фанатическаго неравенства, фанатизма и прочихъ вероубовъ, которые, мѣшаютъ имъ приобрести полноправность. Хороша логика! Хотятъ донуть жорову, а на коржъ больно скупы. Въ тѣхъ странахъ еврей такой же гражданинъ, какъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ; религія тамъ, наоборотъ, служитъ еще примирительницей страстей; если онъ когда нибудь возбуждается какими-либо обстоятельствами. То-ли дѣло у насъ! Еврей считается неспособнымъ къ исправле-

нїю общественной должности, онъ лишенъ всякихъ правъ, долженъ подставлять покорно свою безответную голову для щелчковъ шанскихъ. Какъ будто природа, которая обыкновенно называется безстрастною, отдала всѣ блага полякамъ, а евреевъ сдѣлала парїями «Рѣчи посполитой.»

— Батюшка дорогой, сказалъ Карлъ, порываясь говорить.

— Что тебѣ угодно, сынъ мой.

— Если позволите, батюшка, я сдѣлаю одно замѣчаніе на ваши слова.

— Съ удовольствіемъ, говори.

— Вотъ видите, батюшка, я знаю, что вы всегда разсуждаете очень здраво и потому я поставилъ себѣ за правило вѣрить вашимъ словамъ, какъ нѣкоему святому глаголу. Но взглядъ вашъ на вашихъ евреевъ крайне одностороненъ: вы взглянули на нихъ черезъ оптимистскія очки и потому ускользаютъ отъ вашего наблюденія многія темныя линїи.

— Вашихъ евреевъ? Воскликнулъ старикъ съ изумленіемъ. Неужели ты стыдишься твоего происхожденія?

— Признаться, батюшка, я дѣйствительно не могу похвалиться именемъ «еврей», — именемъ, которое возбуждаетъ у всякаго улыбку презрѣнія и которое служитъ браннымъ словомъ *во языцехъ*. Кажется, я шелъ по очень торной дорожкѣ къ счастью, но вдругъ рожонъ, — мое происхожденіе. Вѣдь сами знаете, что во мнѣ лично ничего дурнаго не нашли, а только одно еврейское имя заграждало мнѣ путь къ счастью.

— Я ей-ей въ толкъ не беру, сказалъ старикъ, какъ ты можешь порицать своихъ единовѣрцевъ и оправдывать своихъ враговъ, которые такъ плотно мыли тебѣ голову, безъ малѣйшей вины, въ награду за твою ретивую службу. Скажи, можетъ ли что нибудь быть глупѣе твоихъ словъ. Кажется, довольно ярко, отчетливо обрисовывалась передъ твоими глазами польская честность. Увы! мой сынъ, если теперешній урокъ не умудрилъ тебя, то ты наврядъ ли не оборвешься еще разъ. Ты винишь своихъ единовѣрцевъ совершенно понапрасну. Развѣ только за то, что твои дѣтскія фантазіи не осуществились, ты готовъ взвести на нихъ

разныя обвиненія, видишь въ нихъ причину твоей неудачи. Если поляки такъ хороши, почему же они не сказали тебѣ даже спасибо, когда ты распинался за ихъ польщизну? Много вопросовъ могъ бы я предложить тебѣ, но и этихъ достаточно для умнаго.

— Я не отрицаю, батюшка, что поляки неблагодарны, однакожь это обстоятельство отнюдь не можетъ быть безусловной защитой для евреевъ. Миѣ кажется, что евреи сами предъуготовили и предъуготовляютъ себѣ напасть, по своей собственной винѣ они влечать жалкое существованіе. Будь они, дѣйствительно правы, безъ «пушка на рыльцѣ», то почему же ихъ преслѣдуютъ?

— Да, мой сынъ, твое умозаключеніе можно принять за сливки человѣческой мудрости. Оно дастъ ключъ къ разрѣшенію головомныхъ, сложныхъ вопросовъ объ обоюдныхъ отношеніяхъ между истцомъ и отвѣтчикомъ. Кто пришелъ жаловаться, тотъ значитъ привередничаетъ—и только? Но нельзя ли предположить и того, что есть такіе люди, которые имѣютъ склонность обижать себѣ подобныхъ? Когда наприм., кто-либо жалуется, что извѣстный воръ укралъ у него деньги, сію минуту бери, сажай въ тюрьму не вора, а ограбленнаго, ибо послѣдній виновать. Да, всякаго забитаго, затертаго людскою деспотіей осуждай, потому что онъ, навѣрно, достоинъ такой участи.

— Извините меня батюшка, если я скажу, что вы не хорошо поняли меня. Дѣло дѣлу розъ. Не думайте, что повальное преслѣдованіе евреевъ во всѣ времена и вѣка располагаетъ меня къ поголовному ихъ оужденію; я думаю только, что недуги моихъ единовѣрцевъ составляютъ главнѣйшую причину ихъ неуживчивости съ христіанами и многихъ недоразумѣній, столь горестныхъ подчасъ для самихъ евреевъ. Какъ улитка въ скорлупѣ, они себѣ ночиваютъ въ своеобразномъ міркѣ дикихъ понятій, которыя, не находя себѣ примѣненій къ окружающей ихъ средѣ, тормозятъ правильное теченіе общественной жизни.

— Я бы хотѣлъ узнать, въ какихъ грѣхахъ ты обвиняешь твоихъ единовѣрцевъ, сказалъ старикъ.

— Я ихъ обвиняю, началъ Карлъ докторально-магистрскиимъ тономъ, въ нелюбви ко всему и всѣмъ, что— не они и не ихъ.

Они величаютъ себя народомъ избраннымъ, а на прочихъ людей смотрять какъ на голевъ, чуть ли не лишённыхъ души живою, безсмертною. Еврей до смѣшнаго гордъ своей національною, своею онъ возводитъ на степень божественнаго почитанія, а чужое и въ грошъ не ставитъ. Даже общечеловѣческую науку еврей считаетъ какою-то дребеденью, не стоящею изученія; отъ нея онъ отплевывается, потому что она изобрѣтеніе иновѣрное; не чувствуется въ ней надобности, потому, что въ силу національной гордости, онъ вполне увѣренъ, что въ твореніяхъ его мудрецовъ заключается бездна премудрости и не для чего искать ея по сторонамъ. Еврей хочетъ жить особнякомъ, жметъ отъ иновѣрца и обставляетъ себя баррикадами, состоящими изъ многочисленнаго ряда микроскопическихъ догматовъ, обрядовъ, повѣрій, суевѣрій, налѣностей, которыя въ сущности ни болѣе, ни менѣе какъ наростъ на іудейство. Всякая белиберда, освященная давностью, получаетъ религіозную окраску въ глазахъ еврея; онъ дорожитъ своимъ національнымъ балахономъ какъ существеннымъ элементомъ своей религіи, ибо своимъ національнымъ балахономъ онъ выдѣляется изъ массы «гоимовъ», на которыхъ походитъ ему запрещается. Невѣжество, фанатизмъ евреевъ, благодаря ихъ изолированности, достигли чудовищныхъ размѣровъ; каждый еврей смотритъ въ оба, чтобы въ его домъ не пріютилась язва образованія; дѣтище свое онъ прочитъ въ *ламдона* *), начиняетъ его голову талмудическими бреднями и каббалистикой, не заботясь о воспитаніи живаго члена современнаго общества. Сколько здоровыхъ силъ потрачено, заглохло; сколько блистательныхъ человѣческихъ способностей, которыя могли обогатить сокровищницу человѣческихъ знаній, были засорены талмудическими закорючками! Попробуй еврей жить на европейскую ногу, его уже считаютъ отщепенцемъ, стараются согнуть въ дугу при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ уже позоритъ всего израиля, если живетъ на манеръ «гоимовъ»! Какія жестокія гоненія, какія неописанныя прѣслѣдованія приходится выстрадать еврею отъ своихъ собратьевъ, когда онъ осмѣлился заниматься науками, не бить челомъ передъ раввинскими идеалами и оказывать почтеніе всему доброму, полезному.

* Талмудическій ученый.

откуда бы оно ни исходило. Фанатизмъ не даетъ спуска такому человѣку; онъ борется, идетъ къ своей цѣли по остріямъ иглъ; силы истощаются и онъ сдается на капитуляцію, или если онъ очень крѣпкой нравственной конструкціи, не измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ, то присоединяется окончательно къ христіанамъ. Диковинное ли дѣло, что такой человѣкъ, освободившись изъ подъ пресса фанатизма, долженъ питать отвращеніе къ евреямъ. И вотъ онъ дѣлается смертельнымъ врагомъ всего еврейскаго и за это спасибо раввинскому лжеученію и фанатизму его приверженцевъ. Прибавьте къ этому, батюшка, что евреи своими торговыми, промышленными оборотами напираютъ на эксплуатацію кореннаго населенія. Никто изъ нихъ не обрабатываетъ земли; каждый пускается въ аферу, всѣми правдами и неправдами старается сколотить себѣ капиталецъ. Число ремесленниковъ тоже съ каждымъ днемъ уменьшается, торгашество овладѣло всѣми. Какъ это губительно отражается на экономической жизни страны видно и для слѣпыхъ. Въ мѣстахъ еврейской осѣдлости поразительное несоотвѣтствіе между рабочими руками и потребителями. Тутъ приходится только изощрять стратегическія способности; кто половче, кто похитрѣе, тотъ больше обираетъ; совѣсть, подъ шумомъ бурныхъ житейскихъ дѣлъ, засыпаетъ, гражданское чувство притупляется. Неправы ли послѣ всего этого христіане, что презираютъ евреевъ?

— Черезъ-чуръ зарпортовался ты, мой сынъ; отдохни немного. Всѣ твои нападки на евреевъ не тобою выдуманы, — ты говоришь съ чужаго голоса, съ голоса враговъ евреевъ. А враги эти люди недалекаго ума, и какъ таковые, они не въ состояніи бывать донскиваться первичныхъ причинъ, которыми извѣстное историческое явленіе было обусловлено. Они только замѣчаютъ тѣ факты, которые бьютъ въ глаза, а не понимаютъ то, что они необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ фактовъ и вмѣстѣ образуютъ одну цѣпь, въ которой каждое звѣно поддерживаетъ другое. Въ жизни народа нѣтъ ничего произвольнаго, случайнаго; все совершается по неизмѣннымъ законамъ, дѣйствіе которыхъ непрерывно, безостановочно. Я не отвергаю, что въ жизни евреевъ нагромождилось много недѣльностей, но это произошло не по хотѣнію

вмѣхъ евреевъ, а въ силу неотразимаго хода вещей. Ты осыпала евреевъ громами за ихъ исключительныя стремленія, за ихъ неприязнь къ туземцамъ-полякамъ, но это только отъ того, что ты привыкъ скользить по поверхности наблюдаемыхъ явленій и у тебя не хватаетъ умѣнья нырнуть въ глубину, чтобы различить правяго и виноватаго. Ты не знаешь, что во времена прошедшія, когда человечество коснѣло въ невѣжествѣ, убажканное догматами Рима, р.-католическое духовенство впервые начало враждовать противъ евреевъ, которые были очень опасны для его властолюбивыхъ цѣлей. Духовенство это прикрывало свои чисто-матеріальныя виды оболочкою религій, ревности къ вѣрѣ, а чтобы ловче надуть своихъ ближнихъ, оно позволяло себѣ искажать слова священнаго писанія, толкуя ихъ смыслъ въ сторону, выгодную для себя. Евреи, единственные тогда хранители словъ Божіихъ въ первобытной чистотѣ и неприкосновенности, могли всегда обличать во лжи р.-католическихъ есендзовъ, продѣлать просвѣты въ мрачное зданіе Рима, причеиъ узурчатая твань папскихъ догматовъ, къ которой были обращены взоры всѣхъ католиковъ, разорвалась бы какъ паутина. Духовенство хорошо поняло какой вредъ могутъ ему причинить евреи и потому употребляло всякія іезуитскія измышленія, вводио разныя напраслины, чтобы тѣмъ возбудить легкомысленную чернь противъ нихъ. Въ этому присоединилась зависть. Трудъ, промышленность были въ крайнемъ пренебреженіи; каждый, лежа на боку, хотѣлъ, чтобы счастье само шло къ нему въ руки. Евреи трудились, занимались торговлею, и дѣйствительно, богатѣли. Началось сосредоточеніе капиталовъ страны у евреевъ. Польскіе шляхтичи всякаго ранга сорили деньгами на различныя безпутства, стараясь перещеголять другъ друга свей възбалмошной удалею и по мѣрѣ того какъ ощущалась большая скудость въ карманахъ и виднѣлась невозможность перепархивать съ цвѣтка на цвѣтокъ, тѣмъ съ большею силою закинала въ душахъ панскихъ ярость противъ богачей — евреевъ. Духовенство тоже не отличалось чистотою нравовъ; въ стѣнахъ монастырскихъ зачастую происходили оргіи съ букетомъ самой отвратительной скандальности; оно тоже крѣпко нуждалось въ

денгахъ и съ жадностью поглядывало на евреевъ, у которыхъ состояло въ неоплатныхъ долгахъ. Теперь, кажется, ты уже понимаешь, почему въ Польшѣ евреевъ нѣрѣдко грабили, изгоняли, налагали на нихъ разнаго рода тягостные поборы. Всегда были одни мотивы, — заставляли евреевъ раскошелиться какъ можно щедрѣе, чтобы достало на долю всѣхъ; а забрало религіи заслоною оребролюбивые инстинкты. Вотъ гдѣ исходная точка вражды поладовъ къ евреямъ. Испытывая на себѣ постоянно перекрестный огонь польскаго своевольтва, можно ли было евреямъ проникаться чувствами уваженія и любви къ польскимъ гражданамъ, своимъ угнѣбителямъ? Дальше, ты обвиняешь евреевъ въ иракобѣсім. Но знаешь ли не знаешь, сколько невинной еврейской крови было пролито за то, что они въ средніе вѣка, вѣка ненастные для просвѣщенія, держали свѣтильникъ науки и отстаивали его отъ попушней р.-католическихъ монаховъ? Самые знаменитые корифеи іудейства были вмѣстѣ съ тѣмъ первостатейными медиками, служили при дворахъ королей; евреи засѣдали министрами въ государственныхъ совѣтахъ и обнаруживали высшія дарованія не забывавшію дѣлами страны. Римско-католическіе монахи видѣли, что съ евреями, способствующими развитію наукъ, они не могутъ конкурировать, могутъ потерять весь свой авторитетъ, и для огражденія себя отъ подобныхъ несчастій, они призвали на помощь иезуитскую шаровку: евреевъ обвиняли въ чернокнижнѣ, чародѣйствѣ; а народъ, по милости монашеской опеки, погрязшій въ невольничествѣ, свято вѣрилъ всѣмъ выдумкамъ. Еврей-медикъ, въ случаѣ смерти больнаго, дѣлался жертвою мести родственниковъ, которые полагали, что еврей прописалъ своему пациенту отраву вмѣсто лѣкарства. Папскія ищелки, преслѣдовавшія всякую свободную мысль и принимавшія ее за ересь, смотрѣли на образованныхъ евреевъ, какъ на главныхъ ересіарховъ, которыхъ, во что бы то ни стало, надо уничтожить, сжечь на кострахъ. Недостатка въ средствахъ не было, монахи торжествовали свои побѣды, евреи подвергались разнообразнымъ истязаніямъ, на которыя геній р.-католицизма былъ такъ изобрѣтателенъ. Мало-по-малу общечеловѣческія науки у евреевъ стали ослабѣвать; евреи ушли въ себя,

стремились окопаться, Богъ знаетъ, какими преградами, чтобы вражескія стрѣлы не имѣли къ нимъ доступа. Въ минуту скорби и печали фантазія народная разгуливается по широкому раздолью, она своими восхитительными образами услаждаетъ горькую дѣйствительность; евреи тоже начали мечтать и ихъ мечтательныя наклонности нашли себѣ самое лучшее выраженіе въ религіи, которая дѣйствительно, покрылась густымъ слоемъ суевѣрій. Помню, сынъ мой, ты порицалъ евреевъ за ихъ пристрастіе къ торговлѣ и за ихъ ненависть къ другимъ болѣе производительнымъ занятіямъ. Но и тутъ евреи не совсѣмъ виноваты. Можетъ ли кто, обрабатывать землю, когда онъ ее не имѣетъ? Во многихъ мѣстахъ евреи не имѣли права приобрѣсть поземельную собственность. Предположимъ даже, что подобными правами они повсемѣстно пользовались; но и тогда расчетъ на подобныя права могъ быть обманчивъ: во всякій моментъ могъ быть изданъ королевскій эдиктъ, который повелѣваетъ евреямъ убраться вонъ изъ страны, къ чему же зарывать капиталы въ землю? Одна только торговля—представляла единственный источникъ существованія евреевъ, за нее они и ухватились, какъ за якорь спасенія и при всеобщей лѣнѣ, приобрѣтали огромные барыши. Торговля имѣла за собою еще то преимущество, что она, доставляя богатства, давала евреямъ возможность разжалобить своихъ палачей. При звонѣ денегъ яростныя выкрики враговъ на время умолкали. Впрочемъ евреи оказали значительную услугу свѣту своею предприимчивостью, они первые внесли въ Европу торговый и промышленный духъ, оживили многія страны, которыя до нихъ лежали впускъ и въ нѣкоторой степени содѣйствовали распространенію цивилизаціи. Евреи достойны сожалѣнія теперь, а не осужденія. Прочитай съ вниманіемъ исторію Испаніи и Польши и ты убѣдишься, что поголовное осужденіе твое евреевъ слишкомъ торопливо и неосновательно.

Сознаю свои ошибки, батюшка, сказалъ Карлъ, послѣ продолжительнаго молчанія. Но если такъ, то почему евреи не ослѣвергаютъ клевету, которая распускается объ нихъ людьми неблагонамѣренными?

— Люди, мой сынъ, нелегко расстаются съ старыми предубѣжденіями. Обвиненія противъ евреевъ пережевываются уже нѣсколко вѣковъ, многіе уже убѣдились въ ихъ ложности, а между тѣмъ, пусть только кто нибудь состряпаетъ статейку съ самыми вздорными обвиненіями евреевъ и она найдетъ себѣ сочувствіе во многихъ сердцахъ.

Старикъ подошелъ къ шкафу, наполненному книгами, вынулъ одну изъ нихъ и подалъ Барлу: читай ее, увидишь преуморительныя вещи, сказалъ онъ.

Барлъ пробѣжалъ нѣсколько страницъ и воскликнулъ: страшная дичь. А это пишетъ, продолжалъ отецъ, Вольтеръ, знаменитый писатель, слава котораго неувыдаема. Онъ колетъ своими колюстями евреевъ, рассуждаетъ объ нихъ такъ категорически; между тѣмъ какъ еврейскіе нравы, обычаи, религіозныя воззрѣнія для него книга за 7-ю печатями. Видишь онъ пишетъ, что во Франціи два еврея были сожжены за упрямство ѣсть куриный жиръ. Эти слова могутъ уже служить масштабомъ для измѣренія его знаній въ еврейскомъ бытѣ. Онъ не только не зналъ, что куриный жиръ употребляютъ евреи въ пищу, но даже не озаботился спросить себя: гдѣ это могло случиться въ домѣ еврея, или не еврея? Если у перваго, то явленіе немислимо, а если у послѣдняго, то еврей вѣдь ничего не будетъ ѣсть. Многіе писали и пишутъ а la Вольтеръ, ихъ слова хватаютъ на лету, а слова еврейскихъ защитниковъ остаются голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ.

— Каюсь, каюсь, батюшка, что повѣрлялъ недѣльнымъ розсказаніямъ разныхъ писаекъ о евреяхъ. Но объясните мнѣ, почему евреи такъ сильно ненавидятъ своихъ образованныхъ единовѣрцевъ? Развѣ это тоже неправда?

— Что правда—то правда. Евреи старообрядцы недружелюбно относятся къ евреямъ новаго покроя. Но это тоже въ порядкѣ вещей. Старость неуступчива, когда ведетъ борьбу съ новыми возникающими понятіями. Поступательное движеніе евреевъ на пути прогресса, правда, идетъ туго; но развѣ возможно, чтобы цѣлый народъ нѣсколько тысячъ лѣтъ сжившійся съ своими убѣжденіями, переѣмилъ ихъ какъ мѣняютъ обыкновенно сюртукъ или что ни-

Будь другое? Тѣмъ не менѣ новая жизнь сочтена, обветшавшія формы распадаются, схватки фанатизма съ просвѣщеніемъ продолжаются еще, но онѣ уже менѣ упорны и скоро совсѣмъ прекратятся. Заслуживаютъ ли французскіе или англійскіе евреи упрека въ свѣтобоязни? Тоже самое должно надѣяться, будетъ и съ русскими евреями. Евреи—не отжившій народъ, его исправленіе возможно, грубая кора фанатизма и другихъ пороковъ спадетъ, если снимутъ съ него тяжелыя ограниченія и признаютъ евреевъ полноправными.

— Прости мнѣ, бабушка, сказалъ Карлъ, хватая дрожащія руки отца. Никогда, къ сожалѣнію, не говорилъ ты такъ со мною. Повѣрь, я уже не буду стыдиться своего происхожденія.

— Я несказанно радъ, что ты, мой сынъ, исцѣлился отъ многихъ бредней. Тебѣ еще виднѣется впередъ цѣлая жизнь и ты увидишь, что мои слова сбудутся. Придетъ время и русскіе евреи сбросятъ съ себя оковы невѣжества; но подъ владычествомъ Польши евреи остались бы посмѣшищемъ для всѣхъ.

На этомъ разговоръ кончился.

Карлъ съ сестрой, по совѣту отца, уѣхали за границу. Гольдгеймъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, умеръ честно, радуясь мыслью, что сынъ его возвратился на путь истины.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи. А. Катанскаго.

Спб. 1868. 8° 248 стр.

Одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе занимающихъ въ настоящее время умы лучшихъ членовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, безъ сомнѣнія—вопросъ о соединеніи церквей. Многимъ изъ читателей, безъ сомнѣнія, извѣстно замѣчательное сочиненіе по этому вопросу англійскаго д. Овербека „Свѣтъ съ востока.“ Мы видѣли въ немъ попытки выработать условія, на которыхъ латинство и протестантство могли бы, отринувъ свои односторонности, соединиться съ

православною церковію и обрывать, такимъ образомъ, на западѣ православную католическую церковь. Но самымъ лучшимъ указателемъ пути, по которому должно идти въ стремленіи къ соединенію церквей, безъ сомнѣнія, можетъ и должна служить исторія этого стремленія. Эта исторія, представляя цѣлый рядъ безуспѣшныхъ попытокъ желаемого соединенія, начавшихся тотчасъ же послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной *), и вмѣстѣ указывая причины ихъ безуспѣшности, тѣмъ самымъ указываетъ на то, каковы должны быть новыя попытки для того, чтобы ихъ не постигла участь старыхъ. Раздѣленіе церквей выработалось исторически; исторически, слѣдовательно, должно выработаться и соединеніе ихъ,—теорія всегда останется теоріей. По этому-то намъ кажется, что знакомство съ сочиненіемъ г. Катанскаго, въ виду современнаго направленія христіанскаго сознанія, не безынтересно и небезплодно будетъ читателямъ. Притомъ это сочиненіе имѣетъ еще и другое важное значеніе,—именно, какъ исторія восточной церкви въ первые четыре вѣка послѣ отдѣленія отъ нея церкви западной. Въ вопросѣ о соединеніи церквей, какъ въ единственно серьезномъ вопросѣ, сосредоточивавшемъ на себѣ въ сказанную эпоху все вниманіе греческаго востока, превосходно обрисовывается тогдашнее состояніе восточной церкви. Исторію греческой восточной церкви тогдашняго времени, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ

*) Окончательное отпаденіе западной церкви отъ восточной совершилось 1053 года, а въ 1058 году было отправлено изъ Рима въ Константинополь посольство только что вступившимъ на папскій престолъ (1057) папою Стефаномъ IX, спутникомъ кардинала Гумберта по путешествію 1053 въ Константинополь и личнымъ свидѣтелемъ церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ—съ цѣлію возобновить между церквами прерванныя сношенія. Историческому обзорнiю попытокъ къ соединенію церквей авторъ предпосылаетъ; 1) общій очеркъ исторіи вопроса о соединеніи церквей, и 2) небольшое изслѣдованіе причинъ раздѣленія церквей.

(стр. 31), можно вполне назвать исторіею вопроса о соединеніи церквей. Въ виду всего этого, и особенно потому что у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще болѣе или менѣе полнаго сочиненія по тому вопросу, мы и намѣрены въ возможной полнотѣ представить, если не все содержаніе разсматриваемой нами книги, то по крайней мѣрѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ.

Историческому обзорѣнню попытокъ къ соединенію церквей авторъ предпосылаетъ: 1) общій очеркъ исторіи вопроса о соединеніи церквей, и 2) небольшое изслѣдованіе причинъ раздѣленія церквей.

По мнѣнію г. Катанскаго, вопросъ о соединеніи церквей, не смотря на свое медленное разъясненіе, въ теченіи 8 вѣковъ двинулся на столько, что въ настоящее время можно уже подмѣтить нѣсколько періодовъ въ его развитіи. „Именно, онъ прошелъ два періода, и въ настоящее время для него наступаетъ третій. Изъ вопроса, рѣшаемаго официально путемъ правительствами и духовенствомъ той и другой стороны, посредствомъ обоюдныхъ договоровъ словесныхъ и сдѣлокъ на бумагѣ, онъ превращается—около времени реформаци, съ паденіемъ Греческой Имперіи, съ умноженіемъ различныхъ орденовъ въ западной церкви, въ особенности съ появленіемъ іезуитскаго ордена и другихъ близкихъ къ нему по духу,—въ вопросъ, рѣшаемый въ средѣ народныхъ массъ средствами нравственными по преимуществу, и только въ рѣдкихъ случаяхъ официальными“. Но, такъ какъ и это не привело къ давно ожидаемому единенію церквей, то за рѣшеніе этого вопроса берется наука, „надѣясь, что своимъ безпристрастіемъ она слумѣетъ умиротворить церковь Христову, что она найдетъ чистую истину, которая привлечетъ къ себѣ всѣ христіанскія общества“ (стр. 3—4). Въ настоящемъ сочиненіи авторъ не показываетъ, чего мы можемъ и должны ждать отъ дѣятельности науки, а отсылаетъ читателя къ своей статьѣ, помѣщенной

въ „Прав. обзорѣни“ за 1865 годъ, янв. и февр., подъ заглавіемъ „Вопросъ о соединеніи церквей“. *),

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ коротенькій очеркъ обстоятельствъ, подготовившихъ окончательное распаденіе церквей въ XI вѣкѣ (стр. 5—22). Мы укажемъ здѣсь только сущность дѣла. По мнѣнію автора, „обстоятельства, подготовившія раздѣленіе церквей, были двоякаго рода: они возникли на почвѣ давняго междунаціональнаго соперничества національностей греческой и латинской. На этой почвѣ, благодаря множеству благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, сперва явилось соперничество между представителями восточной и западной церкви — константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папою, а потомъ непріязнь и между всѣмъ духовенствомъ восточнымъ и западнымъ, принявшимъ сторону своихъ представителей. Другаго рода причины скрывались въ различномъ направленіи церквей восточной и западной, вслѣдствіе чего явились раз-

*) Въ этихъ статьяхъ авторъ говоритъ, что наука «не пойдетъ далеко на практическомъ поприщѣ примиренія церквей», во 1-хъ, потому, что она въ этомъ случаѣ является проникнутою стремленіемъ служить не истинѣ, а напередъ заданной цѣли, и такимъ образомъ, потерявъ характеръ искренней служительницы истины, всего менѣе можетъ достигнуть своей цѣли, и можетъ лишь со всѣхъ сторонъ, представлять протестъ противъ нечисто веденнаго дѣла; во 2-хъ потому, что основываясь на индифферентизмѣ, она не можетъ имѣть необходимой для примиренія церквей нравственной силы, нравственнаго вліянія на общество, такъ какъ «индифферентизмъ въ сущности вовсе не есть сила, а скорѣе отрицаніе всякой силы, — слѣдствіе затѣннаго сознанія безсилія человѣческаго дать удовлетворительный, положительный отвѣтъ на множество требующихъ рѣшенія вопросовъ». «Подобная мѣра была бы дѣйствительна только тогда, когда бы масса христіанъ потеряла всякую энергію мысли и чувства» (Прав. обоз. февр. 1865 г., стр. 167—170). Авторъ, далѣе полагаетъ, что для того, чтобы соединеніе церквей было достигнуто, «для запада нужно главнымъ образомъ духовное самоотреченіе, самоосужденіе, — а для востока — политическо-матеріальное возрожденіе, которое поведетъ за собою внутреннее оживленіе и уничтожить ту недовѣрчивость и желчь, какія появляются у него въ сношеніяхъ съ западомъ» (Тамже стр. 174).

ности во взглядахъ, въ ученіи и въ учрежденіяхъ той и другой. Причины перваго рода нанесли ударъ искреннему сердечному *единодушію*, а причины втораго рода—*единомыслію* въ отношеніяхъ между церквами. Тѣ и другіе вмѣстѣ и произвели въ 1053 году окончательное отпаденіе западной церкви отъ восточной (стр. 5—29).

Послѣ окончательнаго распаденія церквей тѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ непреодолимѣе становились преграды къ возстановленію церковнаго мира, какъ въ чувствахъ, такъ и во взглядахъ обѣихъ сторонъ, потому что соперничество между представителями церквей константинопольской и римской, а потомъ непріязнь и между всѣмъ восточнымъ и западнымъ духовенствомъ—теперь переходитъ въ народныя массы, получая при этомъ характеръ религіозной нетерпимости, усилившейся до невѣроятной степени, благодаря особенно крестовымъ походамъ; разности во взглядахъ, въ ученіи и учрежденіяхъ той и другой церкви, растутъ все болѣе и болѣе. А между тѣмъ, „никогда не переставала та и другая сторона желать взаимнаго единенія,“ отчасти по естественному чувству сожалѣнія о церковномъ разрывѣ, болѣе же, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, и отчасти, также—наконецъ, изъ за стремленія папъ подчинить своей власти восточную церковь *). Вслѣдствіе всего этого, почти одновременно съ актомъ окончательнаго отпаденія западной церкви отъ восточной, начинается цѣлый рядъ безуспѣшныхъ попы-

*) Это мы будемъ ясно видѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи;—это же можно видѣть и въ новѣйшихъ попыткахъ папъ. (См. «Голосъ съ христіанскаго востока въ отвѣтъ на посланіе папы Пія IX, касательно соединенія восточной церкви съ римской», протоіеря Г. В. Васильева, «Странникъ» № 8 и 9, 1862 г.) Первый вопросъ, въ числѣ имѣющихъ быть представленными на обсужденіе предстоящаго собора въ Римѣ,—соединеніе греческой церкви (или точнѣе ея подчиненіе съ католическою, см. «Бир. Вѣд.», № 251, 1868 г.

токъ къ возстановленію церковнаго мира, къ соединенію церквей греческой и римской (стр. 29—30).

Г. Катанскій избралъ для своего очерка первые четыре вѣка послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, когда вопросъ объ ихъ соединеніи „только что появился и былъ въ первомъ періодѣ своего развитія, когда онъ рѣшался по преимуществу на православномъ греческомъ востокѣ, и когда еще существовала Греческая Восточная Имперія“ (стр. 4—5).

Исторія отношеній между церквями въ этотъ періодъ времени (съ XI вѣка до половины XV вѣка—до паденія Византійской Имперіи), сама собою распадается на двѣ части: 1) на исторію отношеній съ половины XI до полов. XIII „это періодъ первыхъ крестовыхъ походовъ и существованія латинской имперіи“, „время постоянныхъ международныхъ столкновеній православныхъ съ латинянами, и вслѣдствіе того—постепеннаго созрѣванія въ народныхъ массахъ антипатій другъ къ другу“. и 2) съ половины XIII до половины XV вѣка, — когда столкновеній уже не было, и когда были политическія обстоятельства, по которымъ вопросъ объ единеніи съ Римомъ находилъ себѣ больше сочувствія на востокѣ: это время ліонской уніи и флорентинскаго собора (стр. 31—32). Вслѣдствіе этого, и сочиненіе г. Катанскаго распадается на двѣ части: часть 1-я, съ 1053—1261 годъ, подраздѣляющаяся на двѣ главы: 1-я, съ 1053 по 1204 годъ, и 2-я—съ 1204 по 1261 годъ; часть 2-я съ 1261 по 1453 годъ, подраздѣляющаяся на двѣ главы: 1-я, время ліонской уніи, съ 1261 по 1300, и глава 2-я—съ 1300 по 1416 г.; къ нимъ присоединенъ еще очеркъ флорентинской уніи (1415—1453 г.).

Глава 1-я трагуетъ *о состояніи вопроса о соединеніи церквей греческой и латинской въ первое время послѣ окончательнаго ихъ раздѣленія (1053—1204)*. Прежде всего авторъ знакомитъ насъ съ обстоятельствами, вслѣдствіе

которыхъ сознание религіознаго раздѣленія между греками и латинянами до XI вѣка, принадлежавшее преимущественно іерархіи и высшимъ образованнымъ классамъ той и другой стороны, проникло довольно глубоко въ народныя массы, до того, что по выраженію Никиты Хоніата, „Между ими (латинянами) и нами (греками) утвердилась величайшая пропасть вражды; такъ что они не могутъ соединиться душами, хотя и бывають во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живутъ въ одномъ и томъ же домѣ“ *). Эти обстоятельства очень важны, такъ какъ выродившеюся изъ нихъ народною антипатіею главнымъ образомъ обусловливалась безуспѣшность, даже относительная, всѣхъ послѣдующихъ попытокъ къ соединенію церквей, и мы должны обратить на нихъ вниманіе. Онѣ были слѣдующія. Около XI вѣка промышленность и торговля въ Греческой Имперіи, благодаря стѣснительнымъ мѣрамъ правительства и отсутствію общественной безопасности, совершенно пали, но въ то же время усилились здѣсь предприимчивые Италіанцы и, пользуясь важными привилегіями, постепенно захватили всѣ промыслы, а стало быть и капиталы въ свои руки. Въ половинѣ XII вѣка въ Константинополѣ основана контора генуезцевъ. Латиняне теперь появились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ и, какъ понимавшіе, что если капиталы въ ихъ рукахъ, то все и всѣ въ ихъ рукахъ, „стали, по словамъ упомянутаго уже нами Н. Хоніата, высказывать гордость и дерзость, такъ что не только враждовали съ римлянами (греками), но не обращали вниманія на царскія угрозы и повелѣнія“. Они, по словамъ исторіи Киннама, многимъ знатнымъ и по родству близкихъ къ царю лицамъ наносили удары и жестоко оскорбляли ихъ другими способами **). Понятно, каково должно было быть чувство гре-

*) Визант. ист. Н. Хоніата, въ русск. изд., т. 1 стр. 383, Слб. 1860.

***) Визант. ист. Киннама, въ русск. изд., стр. 313.

ковъ къ разбогатѣвшимъ на его счетъ и притомъ крайне возгордившимся иностранцамъ! А такъ какъ, съ одной стороны, эти иностранцы были латиняне, имѣли свои церкви, гдѣ совершалась служба не по обычаямъ и обрядамъ восточной церкви, а съ другой—еще у всѣхъ въ свѣжей памяти были недавно объявленный религіозный разрывъ и оскорбленіе восточной церкви представителемъ западной; то чувство нелюбви и озлобленія къ иноземцамъ очень легко могло получить религіозный характеръ и перенести озлобленіе съ людей на церкви.

Усиленію этого чувства взаимной непріязни помогли, начавшіеся съ конца XI вѣка (1096), крестовые походы, которыхъ сухопутный путь въ Палестину лежалъ черезъ византійскую имперію. Передовыя толпы крестоносцевъ, люди вскормленные въ разбояхъ, ознаменовали путь свой грабежемъ, насиліемъ и душегубствомъ. Отъ нихъ, по словамъ Мишо, подданные Греческой Имперіи претерпѣли болѣе, чѣмъ самые турки отъ ихъ первыхъ подвиговъ *). А это естественно возбуждало въ грекахъ ненависть къ крестоносцамъ и къ церкви римской, подъ знаменіемъ которой они шли. Эта ненависть заявила себя въ такихъ крупныхъ фактахъ, какъ способствованіе къ гибели во второмъ крестовомъ походѣ огромной арміи Конрада III и стотысячной арміи Людовика VII и истребленіе латинянъ, въ томъ числѣ и папскаго легата кардинала Іоанна, въ Константинополѣ (въ 1182 или 1183 году). А это, въ свою очередь, не могло не возбудить ненависти къ грекамъ и ихъ церкви въ латинянахъ, очень хорошо знавшихъ постановленіе клермонскаго собора, что всякое насиліе, сдѣланное воинамъ креста, должно быть наказываемо проклятіемъ. Латиняне, по словамъ Хоніата, считали грека *существомъ отверженнымъ отъ Бога*, и свою ненависть ясно обнару-

*) Исторія крест. похода, въ русск. изд., т. 1, стр. 147.

кили какъ въ описываемомъ Коніатомъ завоеваніи Фессалоники **), такъ и въ завоеваніи Константинополя, о чемъ мыъчь впереди.—Какое же послѣ всего этого имѣли значеніе въ рассматриваемый періодъ времени попытки къ соединенію церквей, что они были такое и чѣмъ они обыкновенно кончались? спрашиваетъ авторъ.—„Состояніе востока и запада было таково, что прервать связь между собою они не могли, еслибъ даже и желали того отъ души; припомнимъ только, что это были времена предшествовавшія и обнимавшія 1-й, 2-й и 3-й крестовые походы. Не смотря на взаимную антипатію, востоку и западу нужно было соединиться противъ общихъ враговъ, мусульманъ“.— „Эти нужды и обязанности сознавалъ отчасти папа; въ особенности же чувствовали греческіе императоры, тѣснимые мусульманами, призывавшіе крестоносцевъ къ себѣ на помощь, губившіе потомъ своихъ же защитниковъ. и опасавшіеся, чтобы ихъ хитрыя и враждебныя мѣры не слишкомъ озлобляли папу, заправлявшаго умами и силами всего запада. Откуда выходили стремленія Константинополя войти въ сношенія и переговоры съ Римомъ, и Римъ—завязать переговоры съ Византією о церковномъ мирѣ“.— Эти сношенія являлись всегда какъ-то по случаю, скоро исчезали, не оставляя никакого слѣда, и возникали опять

***) Рассказъ Хоніата чрезвычайнo характеристиченъ. „Латиняне, говоритъ онъ, съ оружіемъ въ рукахъ врывались въ православные храмы Фессалоники, умерщвляя всѣхъ, кого тамъ встрѣчали; они полагали на землю св. иконы Христа и Его угодниковъ и, если находили на нихъ какое нибудь украшеніе, срывали его, какъ попало, а самыя иконы выносили на перекрестки, для поправія прохожими, или жгли ихъ для варенія пищи; некоторые изъ нихъ, вошедъ на престолъ, плясали на логѣ, распѣвая какія-то варварскія, отвратительнѣйшія, народныя пѣсни, а потомъ самымъ постыднымъ образомъ сквернили вокругъ священнаго мѣста; икро, истекающее изъ гроба мученика св. Димитрія, черпали они кувшинами и вливали въ рыбныя жаровни, смазывали имъ обувь и нечестиво употребляли его и на другія потребности“: Н. Коніата, т. 1, стр. 360—369.

при новомъ, представившемся поводѣ. Это происходило съ одной стороны отъ того, что вопросъ о соединеніи церквей былъ (ще дѣломъ новымъ, съ другой же отъ того, что императоры водились въ своихъ сношеніяхъ обстоятельствами времени, а папамъ некогда было всецѣло предаться дѣламъ этого рода,—все вниманіе ихъ поглощено было борьбою съ нѣмецкими императорами и крестовыми походами. Вообще отрывочность, непоследовательность и незначительность стремленій къ соединенію церквей—отличительная черта этого періода“.

До начала крестовыхъ походовъ начинъ дѣла были со стороны папъ. Спустя четыре года послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной было отправлено въ 1057 г. изъ Рима въ Константинополь посольство только что вступившимъ на папскій престолъ Стефаномъ IX, спутникомъ кардинала Гумберта по путешествію и личнымъ свидѣтелемъ церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ. Это, сколько извѣсто, не обусловливалось никакими внѣшними обстоятельствами, а было, по мнѣнію автора, выраженіемъ сознанія папы Стефана, что Гумбертъ жестоко оскорбилъ греческую церковь, и что, во всякомъ случаѣ, если на комъ, то на папѣ, личномъ свидѣлѣ горестнаго разрыва, лежитъ обязанность возобновить прерванные между ними сношенія. Впрочемъ положительно ничего не извѣстно,—письма папы до насъ не дошли, и самое посольство, не достигши цѣли своего путешествія, принужденно было при вѣсти о смерти Стефана воротиться съ пути. Мало также извѣстно положительнаго и о дальнѣйшихъ попыткахъ къ восстановленію мира между церквами, хотя, по мнѣнію автора, „можно догадываться, что изъ начала скрывалось уже не въ одномъ папскомъ дворѣ, а и въ византійскомъ,“ такъ какъ все болѣе и болѣе усилившаяся нападенія турокъ сельджуцкихъ заставляли обращаться съ просьбою о помощи къ западу, и, такъ какъ западомъ

заправлялъ Римъ, то необходимо было прибѣгать къ дѣлу, интересовавшему Римъ. Перечислять всѣ сношенія мы не имѣемъ возможности, да и нѣтъ особенной нужды, потому что въ большинствѣ случаевъ, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, приходится гадать. Слѣдуетъ только замѣтить, что болѣе крупные факты относятся къ царствованію Алексѣя и Мануила (1143—1180 г.) Комниновъ, наиболѣе вредившихъ крестоносцамъ и побуждаемыхъ къ этимъ сношеніямъ, сверхъ прочаго, желаніемъ получить корону западныхъ императоровъ. Папъ же побуждали къ этимъ сношеніямъ какъ интересы крестовыхъ походовъ, такъ и враждебныя отношенія къ папамъ западныхъ императоровъ Генриха V и Фридриха I Барбароссы.

Ко времени Алексѣя Комнина, современника перваго крестоваго похода относятся два сохранившіеся до насъ факта, въ которыхъ выразились стремленія къ соединенію церквей: Алексѣй Комнинъ, услышавъ, что папа Паскалій II потерпѣлъ страшное униженіе, около 1112 г. отправляетъ къ папѣ пословъ, предлагая ему свои услуги и изъявляя готовность отправиться въ Римъ для принятія западной императорской короны,—вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывая готовность подчиниться „апостольскому престолу;“ слѣдствіемъ этого было торжественное посольство отъ папы, состоявшее изъ 600 человекъ. „Но все это, скажемъ вслѣдъ за авторомъ словани Баронія, разрѣшилось одними словами.“ Такой исходъ имѣлъ и другой фактъ—публичный диспутъ въ Константинополѣ между Евстратіемъ, архіепископомъ никейскимъ и Гроссоланомъ или Хриссоланомъ, архіепископомъ миланскимъ, между 1110 и 1113 годами.

Такой же исходъ имѣли и многочисленныя сношенія, бывшія въ царствованіе Мануила Комнина: отправившаго армія Конрада III и Людовика VII, и желавшаго короны западной имперіи,—въ виду войны съ папою Фридриха I Барбароссы, угрожавшаго папѣ низверженіемъ съ престо-

да. Замѣчательны особенно, по принимавшимъ здѣсь главное участіе личностямъ: 1) торжественный публичный диспутъ между Ансельмомъ, еписк. гафельбергскимъ, и архіеписк. Никитою никомидійскимъ, главою коллегіума, учрежденнаго Комнинами для поддержанія образованія, въ 1146 г., на которомъ присутствовали множество грековъ и латинянь, императоръ и патріархъ, и на которомъ много глубокихъ истинъ и справедливыхъ упрековъ высказано было со стороны Никиты представителю папы, и 2) соборъ въ Константинополѣ въ 1170 г. „Соборъ этотъ представляетъ собою попытку заключительную, заканчивающую собою періодъ Комниновъ, рядъ попытокъ къ уніи съ извѣстнымъ характеромъ, выразившимся въ извѣстной формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ и попытку важнѣйшую во всемъ разсматриваемомъ періодѣ. Это былъ довольно многочисленный соборъ; на немъ кромѣ грековъ были важнѣйшіе кардиналы римскіе (*primi cardinalium*) и многіе епископы. Подробнаго описанія не дошло до насъ. Извѣстенъ только его результатъ и немногія изъ мыслей защитниковъ православія, приводимыя Аляціемъ“. Важнѣйшимъ лицомъ здѣсь былъ патріархъ константинопольскій Михаилъ Анхіаль. На убѣжденія императора въ необходимости единенія съ латинянами, — который между прочими невыгодами церковнаго разъединенія, представлялъ, какъ латиняне и варвары опустошаютъ города Греціи и разоряютъ ея храмы, — патріархъ отвѣчалъ рѣчью, которую заключилъ слѣдующими горячими словами: „пусть господствуетъ надо мною какою нибудь агарянинъ, — это останется дѣйствіемъ только наружнымъ, но я не допущу себя согласиться съ италіанцемъ, потому что это уже будетъ относиться къ области моего ума. Ему я не сочувствую, хотя и покарюсь; когда же я соглашаюсь съ нимъ въ вѣрѣ, то разрываю связь съ Господомъ моимъ, котораго латинянинъ вытѣняетъ изъ моего сердца.“ **Почти**

этого говорить Анциранъ, „императоръ, соборъ и весь сенатъ рѣшили совершенно разорвать всякую связь съ папою и его единомышленниками, остальное предоставляя на судъ Божій. Ихъ (латинянъ) не предали полному отлученію.... Но положили не возобновлять попытокъ къ соединенію съ латинянами!...

Послѣ Мануила, около третьяго крестоваго похода (1189—1192), положеніе Греческой Имперіи начало мѣняться къ худшему,—начались смуты, императоры царствовали кратковременно, у нихъ не доставало ума, чтобы держаться политики Алексѣя и Мануила Комниновъ. Только предъ началомъ четвертаго крестоваго похода опять появляются сношенія между Римомъ и Константинополемъ, но характеръ ихъ измѣняется, потому что для Рима „прошли тяжелыя времена борьбы съ гогенштауфенами, и наступила съ Иннокентіемъ III (съ 1198 г.) самая блестящая эпоха этой борьбы, поднявшей папу на высоту его могущества,“ а между тѣмъ въ это же время для Греческой Имперіи „кончились болѣе или менѣе счастливыя времена и настали смутныя, настали времена слабыхъ или недостойныхъ императоровъ.“ Въ отвѣтъ на дружественное посланіе Алексѣя I Ангела, по случаю вступленія Иннокентія III на папскій престолъ, этотъ послѣдній отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ рѣшительно и рѣзко требовалъ себѣ отъ грековъ повиновенія, какъ главѣ и средоточію христіанства; папа заговорилъ здѣсь въ первый разъ, обращаясь къ восточнымъ императорамъ, языкомъ повелителя царей, раздавателя императорскихъ вѣнцовъ и карателя непокорныхъ свѣтскихъ властей. Эти сношенія составляютъ переходъ къ сношеніямъ временъ латинской имперіи *).

*) Слѣдуетъ еще упомянуть одинъ изъ весьма мало извѣстныхъ фактовъ. Въ біографіи Ансельма у Баронія мы встрѣчаемъ извѣстіе о соборѣ въ Барѣ, апулійскомъ городѣ, 1096 г. Акты этого собора потеряны. Извѣстно только изъ Баронія, что Урбанъ II совалъ этотъ соборъ вслѣдствіе озабоченности мыслию о со-

Въ заключеніе главы авторъ показываетъ, какъ вообще въ это время относилась къ вопросу о соединеніи церквей православная іерархія. „Одни, говоритъ авторъ, вѣроятно весьма не многіе, выводили разрывъ церквей изъ простаго оскорбленія, взаимнаго раздраженія церквей (*parva quaedum offendicula*), признавая за тою и другою церковію *однѣ духъ*, одно направленіе (*ex uno eodemque spiritu multos fecerint*); такъ думалъ Василій архидскій“ *). На константинопольскомъ соборѣ 1170 г. высказанъ былъ Михаиломъ Анхіаломъ во многихъ отношеніяхъ совершенно противоположный взглядъ. Этотъ взглядъ уже извѣстенъ намъ. Первый ближе подходилъ ко взгляду высшихъ классовъ общества, близкихъ къ политикѣ и правительству, второй — имѣлъ много сходнаго съ взглядами народными. „Никитю никоидійскимъ высказанъ былъ третій взглядъ, составляющій среднее между первыми двумя, возвышающійся до философско-историческаго пониманія сущности латинства и православія, хотя и не вполне.“ Онъ вникаетъ во внутреннюю фязіономію той и другой церкви, и видитъ въ одной изъ нихъ стремленіе къ невѣжеству и деспотизму въ вѣрѣ, а въ другой (православной) — къ просвѣщенію и свободѣ. На фактъ появленія въ православной церкви ереси онъ указываетъ какъ на доказательство своей мысли и преимущества православной церкви предъ римскою. Наконецъ, допуская на время, что греческая церковь подчи-

единеніи грековъ съ латинянами, чтобы не оставались болѣе греки схизматиками.“ На соборѣ были греки — италійскіе или восточные, не извѣстно. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Ансельмъ, архіепископъ кентенбургскій. Рѣчь его, основанная на св. Писаніи и доводахъ разума, повергла православныхъ въ уныніе, и папа, по словамъ Вильгельма мельмесбурійскаго, сильный согласіемъ всѣхъ, произнесъ анаѳему на иномыслящихъ.

*) Этотъ взглядъ раздѣлялъ Бернардъ св.; сюда безъ сомнѣнія принадлежала большая часть тѣхъ, которые съ такимъ жаромъ спорили объ исхожденіи Св. Духа, считая этотъ догматъ единственнымъ пунктомъ разногласія между церквами, какъ напр. Ансельмъ, Гроссолапъ, Евстратій никейскій, и др.

Нѣлась папѣ, онъ яркими красками рисуеъ печальныя, но необходимыя послѣдствія этого соединенія церквей. „Если первосвященникъ римскій, говоритъ онъ, хочетъ съ выскога, гордаго своего престола, и какъбы съ высоты, бросать намъ свои законы, если онъ имѣетъ притязаніе быть нашимъ судьей и судьей нашихъ церквей и даже господствовать надъ нами не съ нашего согласія, а самовольно, по своему усмотрѣнію; то какъ могутъ существовать между нами братскія или отеческія отношенія? Мы должны въ этомъ случаѣ называть себя и быть настоящими рабами, а не сынами церкви. Если бы это было необходимо... то осталось бы одно, чтобы римская церковь одна пользовалась свободою по своему изволенію; она предписывала бы конечно законы другимъ церквамъ, но за то сама оставалась бы безъ закона, и была бы не кроткою матерью для своихъ дѣтей, а суровою и самовластною повелительницею рабовъ. Къ чему послужило бы тогда знаніе св. Писанія? Къ чему образованіе науками и литературою? Къ чему ученныя наставленія учителей? Къ чему благородныя способности греческихъ ученыхъ? Власть римскаго первосвященника, которая, какъ ты говоришь, выше всѣхъ, одна дѣлаеъ это излишнимъ. Тогда онъ одинъ епископъ, онъ одинъ учитель, онъ одинъ наставникъ, онъ одинъ какъ единый пастырь, отвѣчаеъ предъ Богомъ за всѣхъ тѣхъ, которые ввѣрены ему одному!“ (стр. 33—74).

Во 2-й главѣ авторъ обозрѣваеъ *„попытки къ соединенію церквей во время господства латинянъ въ Константинополѣ съ 1204—1261 г.“*

„Все различіе между предшествующими временами и временами основанія и 58 лѣтняго существованія латинской имперіи состояло,“ говоритъ авторъ, „въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ столкновенія латинянъ съ православными проявились въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, несравненно быстрее созрѣвали религіозныя и политическія аргументы“

тинатіи востока и запада.“ Мы приводили выше слова Н. Хоніата о враждѣ, утвердившейся между греками и римлянами, или вѣрнѣе, между православными и латинянами; теперь эта вражда уничтожала всякое единодушіе, но все таки допускала возможность жить вмѣстѣ. Теперь она перешла въ ненависть до такой степени, „что одни лишаютъ другихъ даже человѣческаго имени, считаютъ своихъ противниковъ не болѣе, какъ собаками, бѣлыми агарянами.“

„Прежде они только видѣли, что лежитъ между ними глубочайшая пропасть вражды; а теперь измѣрили, какъ глубока бездна, ихъ раздѣляющая, достали до самаго ея дня.“

Во главѣ этого періода времени стоитъ завоеваніе латинянами Константинополя и основаніе латинской имперіи. По мнѣнію автора, „на самое основаніе этой имперіи нужно уже смотрѣть, какъ на попытку запада *силою оружія* подчинить восточную церковь римскому папѣ.“ „Впрочемъ эта цѣль,“ добавляетъ онъ, „ни для папы, ни для крестоносцевъ не выяснилась сразу, какъ только объявленъ былъ четвертый крестовой походъ; не совсѣмъ ясна она была для нихъ даже и тогда, когда уже положено было идти на Константинополь. Ваятіе послѣдняго латинянами обставлено было многими случайными обстоятельствами, а вовсе не было дѣломъ опредѣленнаго, заранѣе задуманнаго кѣмъ либо плана, не было дѣломъ политики Рима.“ Мы не станемъ останавливаться на разсказѣ автора о томъ, какъ крестоносцы,—по предложенію царевича Алексѣя, отецъ котораго Исаакъ Ангелъ былъ низверженъ съ престола Алексѣемъ I Ангеломъ, вслѣдствіе торговыхъ расчетовъ венеціанцевъ и воинственныхъ замысловъ бароновъ и рыцарей, въ связи съ церковными стремленіями латинскаго духовенства и набожными расположеніями крестоносцевъ,—завоевали Константинополь для Алексѣя и его отца за обѣщаніе богатаго вознагражденія и подчиненія папѣ восточной церкви; какъ затѣмъ, Алексѣй II, возбудившій въ на-

родѣ всеобщую ненависть мѣрами въ пользу латинянъ, налъ отъ руви Мурцуфма, который рѣшительно отказался отъ подчиненія папѣ восточной церкви, и какъ наконецъ крестоносцы 12 апрѣля 1204 года окончательно овладѣли Константинополемъ, избрали Балдуина, графа фландрскаго, въ императоры, и папѣ, прежде осуждавшему поведеніе крестоносцевъ, теперь, по словамъ Мишо, казалось, что завоеванія ихъ необходимы для славы Божіей и славы на-мѣстника Христова на землѣ.

Паденіе Константинополя свершилось, — основана латинская имперія на мѣстѣ православной; во всѣ покоренныя провинціи посланы латинскіе епископы и священники, православные священники изгнаны, лишены имущества и всѣхъ правъ; но все это нисколько не помогло дѣлу папѣ, а привело лишь къ тому, что въ каждомъ поступкѣ грековъ, отъ начала и до конца этого 57 лѣтняго періода, проглядывало желаніе лучше умереть, но сохранить вѣру своихъ предковъ; греки, по словамъ Хоніата, не допускали *ти на одну минуту* мысли о дружелюбіи съ латинянами. „Не могли пройти безслѣдно для православныхъ такіе факты при вторичномъ вступленіи крестоносцевъ въ Константинополѣ, какъ поруганіе надъ св. иконами, низверженіе въ нечистыя мѣста мощей св. мучениковъ, выбрасываніе на землю тѣла и крови Господней и питье вина изъ священныхъ сосудовъ. Должно было обливаться кровію сердце каждаго православнаго, когда въ его глазахъ подвергался разграбленію, оскверненію и поруганію величественный храмъ св. Софіи, когда драгоценный его престолъ крестоносцы рубили и раздѣляли между собою на части, когда для изнесенія изъ храма сокровищъ, вводили въ него вьючныхъ животныхъ, когда при этомъ проливалась въ храмъ кровь этихъ животныхъ, скользившихъ на мраморномъ помостѣ, падавшихъ и поднимаемыхъ ударами копій, когда ихъ кровь смѣшивалась съ другими нечисто-

тами, когда, наконецъ, въ довершеніе всего непотребнаго женщина пѣла непристойныя пѣсни и плясала на патриаршемъ мѣстѣ. Что могъ чувствовать кромѣ крайней ненависти къ латинянамъ, и въ частности къ латинскому духовенству, народъ, когда видѣлъ вмѣстѣ съ солдатами латинскихъ монаховъ и аббатовъ—предававшихся грабежу, похищавшихъ драгоценныя сокровища святыни: мощи святыхъ, иконы, кресты, книги и другіе уважаемые предметы христіанской древности? Но этого мало. Какого рода чувства долженъ былъ питать православный народъ, когда вмѣстѣ съ поруганіемъ и разграбленіемъ святыни латиняне воздвигли на православныхъ гоненіе, когда не только свергали съ престоловъ православныхъ архіереевъ и на мѣста ихъ поставляли своихъ кардиналовъ, но и весь народъ, священниковъ и монаховъ принуждали къ своему образу мыслей, когда „противящимися имъ гнушались въ глубинѣ души, какъ еретиками, явно и жестоко наказывали и предавали ихъ мученіямъ, какъ нѣкогда цари-гонители вѣры“ *). Папа Иннокентій III, описавъ всѣ недостойныя дѣла крестоносцевъ при вторичномъ ихъ вступленіи въ Константинополь, говоритъ: „послѣ всего этого греческая церковь при всѣхъ своихъ страданіяхъ не пожелаетъ возвратиться къ повинновенію апостольскому престолу и, видя въ латинянахъ только примѣры разврата и дѣла тьмы, по неволѣ возненавидитъ ихъ болѣе, чѣмъ псовъ“ *).

Предреченіе его вполне исполнилось. Латиняне всюду были окружены самыми непримиримыми врагами. Быстро начали образоваться грозныя, полныя ненависти дружины. Явились три царства: Эпирское, Трапезунтское и Никейское, сильныя, благодаря возбужденію въ народѣ патристически религіозныхъ чувствъ. Въ 1237 г., чрезъ 32 или

*) См. Н. Хониата, т. II, стр. 321—324; и Leo Allat. de petr. consens., lib. II, cap. XIII, p. 694—695.

*) Regest. lib. VIII, ep. 133.

33 года по основаніи, латинская имперія заключалась уже въ однихъ стѣнахъ Константинополя. Ничто не могло примирить грековъ съ иновѣрнымъ владычествомъ. Однакожь и это время не обошлось безъ попытокъ со стороны даже самыхъ православныхъ къ соединенію церквей. Но это было дѣло политики вновь возникшихъ ивъ развалить византійской имперіи православныхъ государствъ. Владѣтели ихъ, для своей великой, постоянной цѣли изгнать изъ Константинополя латинянъ, позволяли себѣ пользоваться всѣми средствами. Греческіе владѣтели, благодаря частнымъ династическимъ спорамъ, не могли дружно бороться съ латинянами, и вотъ при дворахъ императоровъ эпирскаго, и особенно никейскаго, не разъ начинались переговоры съ Римомъ въ то время, когда имъ нужно было усунуть бдительность латинянъ, особенно же ослабить религиозными переговорами ревность папы, въ рукахъ котораго сосредоточивались средства къ поддержанію падавшей латинской имперіи; или когда при этомъ имъ грозили другіе враги.

Важнѣйшія попытки къ церковному миру между восткомъ и западомъ начинаются съ 30 годовъ XIII ст., чрезъ 28 лѣтъ послѣ основанія латинской имперіи. „Съ этого времени стало особенно ясно паденіе латинской имперіи съ одной стороны, и рѣшительно уже обозначилось важное историческое значеніе имперіи никейской, какъ возстановительницы господства грековъ въ Константинополь, съ другой.“ „Теперь папа и латиняне сами стали въ положеніе нуждающихся въ мирѣ съ греками, для того, чтобы сколько нибудь обезопасить латинскую имперію отъ ихъ побѣдоносныхъ набѣговъ и завоеваній. Съ другой стороны, чѣмъ ближе клонилось дѣло къ осуществленію постоянной цѣли никейскихъ императоровъ, тѣмъ естественно все дороже и дороже дѣлались ведущія къ этой цѣли средства и настойчивѣе прежняго являлось желаніе удалить

всѣ препятствія къ ея достиженію, т. е., обманывать мирными предложеніями, когда нужно было по обстоятельствамъ, бдительность папы и латинянъ.“ Такъ во все царствованіе Іоанна Ватакиса, императора никейскаго, благодаря завоеваніямъ котораго, послѣдній латинскій императоръ Балдуинъ II (1237 — 1261) провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по Европѣ, вымаливая у папы и западныхъ государей помощи,—тянутся переговоры съ Римомъ. Около года (1233) тянулся соборъ въ Никеѣ и Нимфеѣ; православные укоряли латинянъ, латиняне—грековъ; послѣ нѣсколькихъ засѣданій папскіе легаты отказались отъ дальнѣйшаго участія въ соборѣ; да и самымъ православнымъ, напередъ ясно было, что ничего путнаго не выйдетъ изъ этихъ засѣданій,—но все таки соборъ прерванный въ концѣ января, опять начинается въ апрѣлѣ; опять являются папскіе легаты, не разъ жалуются на соборъ императору; не разъ грозятъ оставить соборъ, и все таки остаются. Кончается тѣмъ, что 10 мая 1233 г., послѣ чтенія латинскаго исповѣданія вѣры словами папы Дамаса, православные произнесли анафему на исповѣдующихъ исхождение Св. Духа „и отъ Сына;“ въ свою очередь и противная сторона анаематствовала православныхъ словами будто бы Кирилла александрійскаго. Нунціи удалились изъ собранія съ слѣдующими словами, обращенными въ собранію православныхъ: „находя, что вы еретники, мы и оставляемъ васъ, какъ такихъ именно людей,“ на что православные кричали имъ вслѣдъ: „вы сами еретики!“

Но и послѣ этого не предоставили дѣло волѣ Божіей. Въ 1249 году папскій легатъ изъ востокъ Лаврентій пишетъ папѣ, что онъ замѣтилъ въ императорѣ и новомъ патріархѣ (Манулѣ Критопулѣ) явные признаки желанія воссоединиться съ римскою церковію. Папа въ отвѣтъ на это въ томъ же году послалъ легата Іоанна де-Парму уже прямо въ Никею. Въ 1262 г. Іоаннъ Ватакисъ, въ виду того,

что отчаянное положеніе Балдуина II, опять отправившагося на западъ просить помощи противъ грековъ, могло вызвать новый крестовый походъ, счелъ полезнымъ показывать папѣ, что ему не слѣдуетъ много печалиться о паденіи латинской имперіи, которая видимо не могла болѣе существовать, что у папы и безъ нея будетъ въ Константинополѣ имперія, которая готова признавать его верховную апостольскую власть. Были отправлены изъ Никеи послы въ Римъ,—главными условіями было „возвратить никейскому императору Константинополь;“ папа принялъ пословъ очень ласково и не прочь былъ сдаться на умѣренные предложенія никейскаго императора, такъ какъ лучше имѣть хоть что нибудь, чѣмъ ничего,—но смерть папы Иннокентія IV (ум. 1254) и императора Іоанна (ум. 1255), прекратила эти затѣи. Преемникъ Иннокентія, Александръ IV хотѣлъ продолжить переговоры, соглашаясь на условія предложенныя умершимъ императоромъ; но преемникъ Іоанна—Федоръ Ласкарисъ (1255—1259), будучи увѣренъ въ несбыточности соединенія церквей, и что и безъ подчиненія папѣ восточной церкви латинская имперія не избѣжитъ его рукъ, совершенно сбросилъ съ себя маску, которую по временамъ надѣвали его предшественники,—не захотѣлъ даже видѣть папскаго легата. Легатъ доѣхалъ до Беріи (въ Македоніи), откуда, по приказанію Ласкариса былъ возвращенъ назадъ. Этимъ и заканчивается рядъ попытокъ въ періодъ латинской имперіи.

Переходя къ разсмотрѣнію 2-й части сочиненія, въ которой разсматриваются лонская и флорентійская уніи, мы должны еще упомянуть о человѣкѣ, бывшемъ въ только что описанномъ нами періодѣ какъ предвозвѣстникомъ уній, родившихся главнымъ образомъ изъ политическнхъ соображеній, но, отчасти, и изъ протеста нѣкоторыхъ личностей противъ ненависти къ активизму, дошедшей въ народѣ до крайней степени своего развитія. То былъ Никифоръ

Влеммидь—безпристрастный и добросовѣстный человекъ, знаменитый ученый инокъ, съ умомъ сосредоточеннымъ, самостоятельнымъ, неспособный втягиваться въ интересы времени, не преклонявшійся ни передъ кѣмъ, не побоявшійся явно вооружиться противъ императора Юанна Ватакиса за его незаконную связь съ Маркесиною; онъ-то явно склонялся въ пользу мира съ латинскою церковію. Для его холоднаго ума многое, въ чемъ народъ и отчасти духовенство обвиняли латинянъ, не имѣло смысла,—такъ какъ на злоупотребленія латинянъ онъ смотрѣлъ какъ на частныя дѣйствія частныхъ членовъ латинской церкви. Въ общемъ сознаніи православнаго духовенства отступленія латинянъ въ догматахъ представлялись болѣе или менѣе ясно въ связи съ общимъ началомъ, одушевляющимъ латинство. „Разсторгни связь съ общимъ церковнымъ сознаниемъ, Влеммидь съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ то внутреннее чутье, которое заставляло въ латинскихъ отступленіяхъ видѣть болѣе, чѣмъ случайное уклоненіе отъ истины, которое указывало ложное начало, его одушевляющее. Латинскія нововведенія представлялись ему отдѣльными пунктами безъ твердой основы, безъ почвы, и слѣдовательно не способны были устоять предъ всеразрѣшающей диалектикой человѣческаго ума“. Въслѣдствіе этого, вѣроятно всего, началъ онъ на досугѣ, большею частію тайно, такъ какъ народъ не раздѣлялъ его мнѣній, собирать свидѣтельства св. книгъ, подтверждающія латинское ученіе, и писать на тему *) (стр. 75—118).

II часть сочиненія г. Катанскаго обвиняетъ, какъ мы сказали уже вначалѣ; *исторію попытокъ къ соединенію цер-*

*) Известны два сочиненія, имѣющія одно заглавіе: „De processione Spiritus Sancti“ — Allatii Graec. Orth. t. 1. Онъ доказывалъ въ нихъ, что если греческіе отцы, говоря объ исхожденіи, Св. Духа, прямо не употребляютъ формулу; *изъ Сына, то обыкновенная формула ихъ чрезъ Сына* всегда употреблялась ими въ смыслѣ однозначушемъ съ формулой изъ Сына.

своей греческой и латинской въ периодъ времени отъ 1361 г. возвращенія Константинополя во власть православныхъ, до 1456 г.—взятія Константинополя турками. Это періодъ знаменитыхъ уній: ліонской и флорентинской: плодъ крестовыхъ походовъ и ближайшимъ образомъ 57 лѣтняго существованія латинской имперіи, результатъ предшествовавшихъ двухвѣковыхъ отношеній между православными и латинянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ указатель послѣдующихъ—указатель того, какое направленіе приметъ вопросъ о соединеніи церквей въ дальнѣйшемъ періодѣ его развитія. Греческіе императоры по возвращеніи въ ихъ власть Константинополя настойчивѣе и серьезнѣе прежняго стали стремиться къ соединенію съ латинянами. Къ этому побуждали: 1) притязанія запада на случайно доставшуюся ему и потомъ отнятую у него восточную имперію, 2) все болѣе и болѣе страшныя нападенія турокъ, отнимавшихъ провинцію за провинцію. Въ этой крайности, единственной надеждой для греческихъ императоровъ былъ папа, который одинъ могъ располагать военскими силами запада. Въ виду этихъ надеждъ, съ одной стороны, и опасностей съ другой, императорамъ казались неизбежными болѣе или менѣе важныя уступки папѣ, и по ихъ мнѣнію это долженъ былъ сознавать всякій, кто дорожилъ счастьемъ своего отечества и своею собственною безопасностію. Смотри на дѣло съ этой точки зрѣнія, императоры не задумывались считать врагомъ отечества всякаго, кто не раздѣлялъ ихъ мыслей, и считали себя въ нравѣ употреблять противъ такихъ людей внѣшнія принудительныя мѣры. Между тѣмъ ненависть къ латинянамъ, къ тому времени, превратилась въ великую народную силу, жившую въ народѣ и двигающую народъ. И чѣмъ болѣе росло въ императорахъ стремленіе къ уній, тѣмъ болѣе росла и эта народная сила ненависти въ латинствау и его сторонникамъ. Кромѣ того, теперь, въ самомъ духовенствѣ не стало прежняго единенія

относительно вопроса о соединеніи съ римскою Церковію. „По удаленіи враговъ, и между тѣмъ при существованіи въ массахъ прежней ненависти къ латинянамъ, дошедшей въ послѣднее время до крайней степени, въ мысли нѣкоторыхъ лицъ естественно явилась реакція въ пользу примиренія съ латинянами; римская церковь стала представляться имъ вовсе не въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, въ какомъ представлялась она народу“. Отсюда, при содѣйствіи еще отчасти увлеченія политическими разсчетами и искреннего желанія добра отечеству, явилось раздѣленіе въ прав. духовенствѣ; „отсюда серьезныя попытки, съ одной стороны, измѣнить православію, съ другой—всѣми силами защитить его.“ Вопросъ о соединеніи церквей въ это время для греческаго народа сталъ вопросомъ народнымъ, сдѣлался для него яблокомъ раздора, ведя за собою болѣе серьезныя и рѣшительныя, чѣмъ прежде, попытки къ его разрѣшенію и серьезную оппозицію противъ этихъ попытокъ. „Востоку этотъ вопросъ стоилъ многихъ жертвъ, страданій и врови.“ Что же касается запада, то онъ примыкалъ къ этому вопросу со стороны; вопросъ этотъ занималъ собою одного папу и еще немногихъ лицъ, и занималъ болѣе или менѣе, смотря по состоянію самаго папства когда папство было могуче, имъ занимались довольно много; когда оно падало,—о немъ забывали вовсе“ (стр. 118—124). Весь этотъ періодъ распадается главнымъ образомъ на два отдѣла: 1) время лійонской уніи, и 2) время отъ конца лійонской уніи до уніи флорентинской.

Глава I-я представляетъ очеркъ лійонской уніи. Лійонская унія своими характерическими особенностями выдѣляется изъ ряда всѣхъ попытокъ къ соединенію церквей на довольно большую высоту. Вслѣдствіе „нѣкотораго возрожденія или лучше возбужденія въ это время греческаго народа“, съ одной стороны, и „наибольшей высоты папской власти на западѣ“—съ другой, во время лійонской уніи дѣ-

до велось болѣе серьезно, послѣдовательно, энергично, чѣмъ когда нибудь. Въ ней, какъ въ картинѣ, обрисовалось все, что создала исторія предъидущихъ двухъ столѣтій на почвѣ отношеній между церквами. „Здѣсь всѣ элементы, создавшіеся въ нѣдрахъ восточной церкви, обнаружили себя такъ, какъ ни прежде, ни послѣ, выдержали себя вполне до конца, какъ не выдерживали никогда.“ „Одно, въ чемъ уступаетъ унія ліонская флорентинской, это то, что въ послѣдней тенденціи папы и кардиналовъ обнаружилия полнѣе, чѣмъ въ ліонской.“ Вообще, съ точки зрѣнія автора, ліонская унія есть типъ попытки въ соединенію церквей въ періодъ съ XI в. до XVI. Въ исторіи ліонской унии авторъ различаетъ четыре главные періоды. Всѣ стремленія и партіи въ православномъ мірѣ обозначились не сразу; не сразу заявили они себя собственными имъ дѣйствіями. „Былъ довольно большой десятилѣтній промежутокъ между возвращеніемъ Константинополя во власть православныхъ и собственно ліонскимъ соборомъ. Въ этотъ десятилѣтній періодъ, отъ 1261 года до 1271, отъ папы Урбана IV до папы Григорія X, созрѣвало то, что поразительно заявило себя съ 1271 года.“ Сношенія въ этотъ десятилѣтній періодъ были очень частыя, почти постоянныя *), но повидимому все шло север-

*) Вотъ перечень сношеній за это время послѣ перваго неудачнаго посольства въ Римъ 1261—съ цѣлію умилостивить папу, раздраженнаго потерей Константинополя. Въ 1262 г. Михаилъ Палеологъ, имѣя въ виду, что папа Урбанъ IV велѣлъ пролонгировать крестовый походъ, съ цѣлію, между прочимъ, восстановления латинской имперіи, опять завязалъ съ папою религиозные переговоры. „Называя папу преемникомъ св. Петра и своимъ духовнымъ отцемъ, императоръ жаловался, что папа, вмѣсто строгаго хрненія христіанскаго единенія и любви между христіанами, возбуждаетъ между ними войны, что онъ отлучаетъ государствъ единственно за миръ съ греками; въ заключеніе предлагалъ Урбану миръ съ своей стороны, и просилъ его неслать въ Константинополь уполномоченныхъ для разсужденій о ссудженіи ирравей.“ Не дождавшись отвѣта на это письмо,

ленно по прежнему. По словамъ Пахимера, императоръ и его приближенные чувствовали теперь особенно живо потребность примиренія съ папою, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ. Но по словамъ того же Пахимера, на основаніи прежнихъ опытовъ, „предстоятели церкви принимали это дѣло легко и поверхностно“; они вели себя такъ, какъ и ихъ предшественники: „еще менѣе могла ожидать чего нибудь серьезнаго отъ затѣявшагося сношенія съ Римомъ, масса. Да, вѣроятно, и самъ императоръ не зналъ, чѣмъ все это кончится.“ „На самомъ же дѣлѣ обстоятельства все болѣе и болѣе вовлекали императора и папу въ переговоры относительно уніи и заставляли ихъ дѣйствовать все прямѣе и рѣшительнѣе прежняго,“ Папѣ теперь уже нечего было терять на востокѣ, а потому онъ теперь пересталъ искать благосклонности императора и намѣренъ былъ, отложивъ прежнюю уступчивость, достигнуть и на востокѣ всѣхъ тѣхъ результатовъ для своей кафедры, какихъ онъ достигъ къ этому времени на западѣ. Византійскому императору нужна была помощь противъ враговъ—

М. Палеологъ въ 1263 г. снова писалъ папѣ въ томъ же духѣ; здѣсь, между прочимъ, онъ говоритъ, что нашелъ вѣрное средство уладить все дѣло, что единственная причина безуспѣшности всѣхъ прежде бывшихъ попытокъ заключалась въ недостатокъ переводчиковъ, равно знающихъ и латинскій и греческій языкъ, а теперь онъ нашелъ вполне пригоднаго человѣка Николая, еп. кротонскаго, по происхожденію грека, по воспитанію латинянина, который уяснилъ ему (императору) ученіе рим. церкви и онъ нашелъ его согласнымъ съ ученіемъ вост. отцевъ. Въ отвѣтъ на письма 1262 г. папа выражалъ радость по поводу уніи, указывалъ важность ея для Вост. имперіи и въ заключеніе давалъ замѣтить, что пока императоръ не подчинится римскому престолу, онъ, папа, не дозволитъ ни одному латинянину оказать ему, императору, помощь. Въ отвѣтъ на письмо 1263 г. папа убѣждалъ императора поспѣшить исполненіемъ своихъ намѣреній и слѣдовать во всемъ его легатамъ францисканцамъ и еп. Николаю. Но въ то же время М. Палеологъ продолжалъ воевать противъ алайскаго князя, владѣтеля остатковъ латинскихъ владѣній—вассала папы, а папа, съ своей стороны, продолжалъ возбуждать крестовый походъ для восстановленія латинской им-

турокъ и западныхъ претендентовъ на его престолъ; папа охотно обѣщала эту помощь, но прежде требовала отъ императора безусловнаго *подчиненія* ему восточной церкви, и чтобы понудить къ этому, приказала въ тоже время проповѣдывать крестовый походъ противъ него.

Съ папою Григоріемъ X начинается второй и самый важный періодъ лійонской уніи. Дѣло идетъ быстро, безостановочно. Григорій, до своего избранія, былъ въ Палестинѣ, видѣлъ ея плачевное состояніе и смотрѣлъ на Константинополь, какъ на оплотъ христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ. Вслѣдствіе этого Григорій (1272) еще съ дороги писалъ Михаилу Палеологу о своемъ пламенномъ желаніи церковной уніи и „по прибытіи въ Римъ, черезъ четыре дня послѣ своего посѣщенія, уже объявлялъ буллою объ имѣющемъ быть въ 1274 г. 1 мая на вселенскомъ соборѣ въ Ліонѣ разсужденіи по тремъ вопросамъ: о схизмѣ грековъ, какъ онъ выражался, о жалкомъ состояніи св. земли и объ умноженіи пороковъ и заблужденій въ церкви.“

періи. Между тѣмъ труды папскихъ легатовъ въ Константинополь имѣли своимъ результатомъ исповѣданіе вѣры, составленное греками и посланное въ Римъ. Папа Климентъ IV, преемникъ Урбана IV, нашелъ это исповѣданіе недостаточнымъ и послалъ императору и епископамъ подробное исповѣданіе вѣры римской церкви съ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ догматовъ, таинствъ, частныхъ мнѣній западныхъ, въ особенности же ученія о первенствѣ и власти своей катедры. „При этомъ, для прочности единенія, требовала со стороны императора и гр. епископовъ собственноручныхъ подписей подъ посылаемымъ исповѣданіемъ вѣры; но совершенно отвергала предложеніе о предварительномъ замиреніи церкви и восстановленіи между обѣими сторонами любви прежде догматическихъ разсужденій. „Абсолютнѣе папскій, недопускающій никакихъ уступокъ, обозначился теперь вполне.“ М. Палеологъ не рѣшился еще въ это время исполнить требованіе папы и прекратилъ (1267) прямые сношенія съ нимъ, хотя имперіи стала грозить серьезная опасность, такъ какъ 27 мая 1267 г. во дворцѣ самаго папы заключенъ былъ союзъ между Карломъ Анжуйскимъ, королемъ Сициліи, и бывшимъ латинск. импер. Балдуиномъ II, съ цѣлію опять завоевать Константинополь.

Вскорѣ прибыло въ Римъ и посольство отъ М. Палеолога съ предложеніемъ уніи. Въ отвѣтномъ письмѣ папа требовалъ, чтобы греки признали присланное въ Константинополь Климентомъ IV исповѣданіе вѣры, и на этомъ только условіи соглашался на единеніе; если и звалъ императора и епископовъ на ліонскій соборъ, то спѣшилъ замѣтить, что приглашаетъ ихъ не для догматическихъ разсужденій, а единственно для удостовѣренія въ ихъ подчиненіи римской церкви; только по исполненіи всего этого, папа обещалъ помощь. „Въ то же время онъ не позволялъ венеціанамъ возобновлять перемиріе съ Михаиломъ и написалъ ко всемъ европейскимъ королямъ и принцамъ, чтобы они имѣли въ готовности войска.

„Выслушавъ посольство отъ папы, императоръ рѣшился дѣйствовать въ пользу уніи и прежде всего дѣйствовать убѣжденіями.“ Онъ старался представить епископамъ воссоединеніе съ римскою церковію дѣломъ ничтожнымъ, имѣющимъ существовать только номинально. Условія воссоединенія рекомендовалъ имъ, какъ самыя легкія. Вотъ эти условія: православная церковь должна признать первенство папы, обращаться къ нему съ апелляціями и почитать его въ молитвахъ при богослуженіи. Эти условія, по его словамъ, или сами въ себѣ чистая форма, или по своей неудобноисполнимости, должны непременно обратиться въ формальность.“ Въ то же время онъ изображалъ ужасы войны, представляя тогдашнія обстоятельства до крайности опасными. Но убѣжденія не помогли; отъ лица епископовъ хартифилаксъ Іоаннъ Беккъ, знаменитый ученый того времени, высказалъ императору, что хотя латиняне и не называются еретиками, но на самомъ дѣлѣ еретики. „Эта неудача, раздраживъ императора, нисколько не отклонила его отъ предположенной цѣли. Около него уже въ это время начала образовываться партія приверженцевъ уніи; къ нему применили: арми-

диаконы Мелетиніонъ и Метохитъ и протоапостоларій Георгій Кипрскій. Съ ними-то вмѣстѣ началъ дѣйствовать теперь императоръ.“ Заклучивъ Векка въ темницу, императоръ хотѣлъ литературнымъ образомъ убѣдить іерархію въ православіи латинянъ. Когда и это не удалось, императоръ, съ своими сторонниками, рѣшился привлечь на свою сторону главу и опору православныхъ— Векка. Тюремное заключеніе родственниковъ, особенно же сочиненія Влеммида и др. защитниковъ уніи поколебали Векка,—человѣка, хотя довольно честнаго, но съ характеромъ гибкимъ, уклончивымъ, не чуждаго политическихъ разчетовъ, а главное—человѣка, не имѣвшаго подъ своими ногами твердой почвы, неспособнаго, какъ народъ, инстинктивно чувствовать всю невозможность единенія съ латинянами, и не возвысившагося въ то же время до философско-историческаго пониманія разностей между востокомъ и западомъ въ религіозномъ отношеніи, а стоявшаго на зыбкой и удободвижимой почвѣ діалектики и софистики.—Въ то же время и противная партія сдѣлала весьма рѣшительный шагъ. Чтобы народъ былъ убѣжденъ въ твердости іерархіи, патріархъ рѣшился написать и разослать во всѣ мѣста констант. патріархата посланіе съ клятвою, что онъ никогда не согласится на дѣло, задуманное императоромъ и Веккомъ.

Между тѣмъ приближался ліонскій соборъ и оружіе Карла Анжуйскаго сдѣлало успѣхи; императоръ, несмотря на публичный протестъ іерархіи, рѣшился отправить на западъ своихъ уполномоченныхъ. Удаливъ патріарха, онъ назначилъ послами, со стороны іерархіи, Германа, бывшаго конст. патріархомъ, Теофана, митрополита никейскаго, и съ ними нѣсколько клириковъ, съ своей же: великаго логовета Георгія Акрополита, протовестіарія Панарета и главнаго переводчика Верріота. Граматы, которыми императоръ снабдилъ своихъ пословъ, содержали слѣдующее:

въ императорской—папа титуловался первымъ (государемъ) первосвященникомъ, вселенскимъ папою и отцемъ всѣхъ христіанъ; затѣмъ сполна повторено было исповѣданіе вѣры Климента IV; но при этомъ императоръ просилъ папу, чтобы онъ дозволилъ греческой церкви сохранить символъ безъ прибавленія и удержать всѣ обряды, бывшіе до раздѣленія, не противныя древнимъ церковнымъ постановленіямъ. Въ грамотѣ, написанной отъ лица 26 митрополитовъ, изъ подчиненныхъ имъ епископовъ и константиноплира, безъ означенія впрочемъ именъ, и составленной, по мнѣнію автора, безъ вѣдома епископовъ, говорилось, въ весьма впрочемъ слабыхъ выраженіяхъ, о покорности іерархіи папѣ и упорствѣ патріарха, удалившагося, по этому поводу, въ монастырь, наконецъ о томъ, что епископы изберутъ новаго патріарха, если Іосифъ останется при своемъ прежнемъ мнѣніи. Слѣдствіемъ этого было то, что на четвертомъ торжественномъ засѣданіи ліонскаго собора, 6 іюля 1274 г., послѣ торжественной папской рѣчи, въ которой Григорій объявилъ, что *греки свободно и безъ всякихъ временныхъ расчетовъ* покорились апостольской каедрѣ, а теперь явились засвидѣтельствовать ему покорность, по прочтеніи грамотъ произнесена была отъ лица императора великимъ логоетомъ присяга папѣ, въ которой императоръ отрекался отъ *схизмы* и признавалъ верховное главенство папы. Папа умилился: во время слѣдовавшаго за присягою пѣнія „Тебе Бога хвалимъ“, стоялъ безъ митры и проливалъ слезы. Послѣ пѣнія гимна и послѣ папской торжественной рѣчи, папою и латинянами пропѣтъ былъ символъ на латинскомъ языкѣ, а патр. Германомъ на греческомъ съ прибавленіемъ „и отъ Сына“ и съ двукратнымъ повтореніемъ этого прибавленія., „Такъ кончилось“, говоритъ авторъ, „засѣданіе ліонскаго собора и, повидимому, такъ легко, безъ всякихъ споровъ и разсужденій, совершилось соединеніе церквей!“ „По формѣ,

официально, казалось, все сделано для воссоединения церквей; но только по формѣ.—„Съ возвращеніемъ пословъ и даже ранѣе, еще за нѣсколько времени до ихъ отправленія въ Лионъ, наступилъ новый (третій) періодъ лионской уніи.“

Наступило время слова обращать въ дѣла. Мы видѣли, какой успѣхъ имѣли устные и письменныя убѣжденія императора. „Епископы теперь прямо заявили императору, что, *хотя бы дѣло соединенія пошло и успѣшно, они не примутъ его.* Кромѣ того они расторгли общеніе съ епископами, принявшими сторону императора, поносили и самого императора.“ Новыя ласки и различнаго рода представленія тоже не имѣли успѣха. Тогда императоръ, отобравъ подписки отъ тѣхъ лицъ, которыя держались его стороны, объявилъ, что намѣренъ наказать своихъ недоброжелателей. Но мѣры жестокости *) не помогли,—онѣ только усилили въ православномъ духовенствѣ и народѣ ненависть къ уніи. Эта ненависть еще болѣе усилилась, когда, по возвращеніи пословъ въ собора, 9 января 1275 прекращено поминованіе патріарха Іосифа, 16 янв. во время литургіи, въ присутствіи императора и папскихъ легатовъ, торжественно прочитаны были Евангеліе и Апостолъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ и провозглашено имя папы съ титуломъ верховнаго архіерея апостольской церкви и вселенскаго папы, и такимъ образомъ не осталось никакого сомнѣнія, что унія дѣйствительно состоялась, и когда императоръ, побуждаемый папами (особенно Николаемъ III) къ утвержденію уніи, видя, что ни его мѣры,

*) Въ самомъ началѣ своихъ насильственныхъ дѣйствій, онъ приказалъ риторамъ Оловала и Іоанна Мелія, племяннику Іосифа и пѣк. др., избивъ и обвѣшавъ внутренностями животныхъ, водить въ торжественной процессіи по городу „около же церкви подвергать еще большому безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ.“

ни ученые доводы Векка *), постановленнаго вмѣсто Іосифа патріархомъ, ни къ чему ведутъ, еще усилилъ мѣры жестокости.

Въ началѣ обрзовалось три партіи: партія императорская ничтоженная по числу, это партія прямыхъ защитниковъ уніи. Затѣмъ партія народная, во главѣ которой были иноки—это партія крайнихъ противниковъ уніи. Наконецъ партія средняя—духовенство. Многіе, не примиряясь ни за что внутренно съ уніей, мирились съ нею наружно, извиняя себя въ лицемѣрии обстоятельствами времени, но гораздо болѣе было людей, которые крѣпко держались своихъ убѣжденій, за что и принуждены были страдать или спасаться бѣгствомъ. Мѣры императора показали, что унія ведётъ прямо къ латинству, и теперь очень многіе, еще болѣе чѣмъ прежде, стали непріязненно смотрѣть на умѣренную партію. Дошло до того, что, по словамъ Пахимера, „многіе, сильно отвращаясь отъ итальянцевъ, стали гнушаться и нашими священными предметами и бросали ихъ то въ рывины, то на горы, какъ вещи не заслуживающія никакого уваженія.“ Возмущеніе, будто во имя православія, дукса патрасскаго, Іоанна, показало, что даже родственники императора *) не

*) „Сочиненія Векка собраны Львомъ Алляціемъ въ его сочиненіи“ „Graec. Orthod.“ Т. I et II. Веккъ писалъ, по Пахимеру, пять (Пах. кн. 6: гл. 23), по Фабрицію шесть расужденій о Св. Духѣ (Vib. Graec. Alb. Fabricii p. 384)“.—Пользуясь трудами Влеммида и Никиты маронейскаго, архіеп. вессалоникскаго, Веккъ и самъ старался собрать какъ мажно болѣе выдержекъ изъ св. Писанія и отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*, и затѣмъ доказывалъ что частица *чрезъ* замѣняется очень часто частицею *отъ*, что эти частицы употребляются безразлично и, стало быть, когда говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*, то вмѣстѣ съ тѣмъ говорится уже и объ исхожденіи Его изъ Сына, отъ Сына.“

*) Таковы были: Кантакузень, Іоаннъ и Андроникъ Палеологи, Іоаннъ Тарханіотъ, Мануилъ и Исаакъ Рауль и др. Въ возму-

сочувствуютъ ему изъ за религіозныхъ убѣжденій. Появились пасквили. Изступленный дикими мыслями и подозрѣніями, императоръ казнилъ даже родственниковъ и вообще производилъ ужасы. „О томъ, что тогда имъ сдѣлано, говоритъ Пахимеръ, стоитъ писать не чернилами, а слезами“.

„Но ему, равно какъ и уніи, готовился новый рѣшительный ударъ. По словамъ Пахимера, папа Мартинъ V, узнавъ, въ какомъ состояніи находится въ восточной церкви дѣло примиренія и подозрѣвая, что все бывшее имѣло характеръ насмѣшки, а не дѣйствительной истины, 18 ноября 1281 г. произнесъ на императора отлученіе. Императоръ все таки не уничтожилъ договора, опасаясь, чтобы опять обстоятельства не поставили его въ необходимость обрѣтаться къ папѣ. „Разсторгнувъ связь со всѣмъ окружающимъ, вооруживъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, заставивъ говорить противъ себя и свою собственную совѣсть, потерявъ миръ душевный“, и наконецъ, имѣвъ „случай испытать еще разрывъ съ тѣмъ, изъ за мира съ которымъ испортилъ всѣ свои отношенія“, — этотъ все таки замѣчательный, по своему уму и любви къ отечеству достойный лучшей доли, императоръ Михаилъ кончилъ свою жизнь полную тревогъ 1282 года, „возбудивъ всеобщую радость своею смертію“, и „по настоянію всего народа, собственнымъ своимъ сыномъ былъ лишенъ погребенія“. Съ нимъ кончается третій періодъ ліонской уніи. Въ примѣчаніи авторъ представляетъ прекрасную характеристику императора Михаила и заключаетъ ее слѣдующимъ, вполне вѣрнымъ, отзывомъ: „какъ государственный человѣкъ, Михаилъ съ честію трудился на сво-

щеніи принимали также участіе одна изъ сестеръ императора, двѣ племянницы, сноха, вдова севастократора. Когда ихъ спрашивали, почему они такъ поступили, они публично отвѣчали, что причиной такого ихъ поведенія была ненавистная для нихъ унія.

емъ поприщѣ. Для правильнаго сужденія о немъ нужно отличать въ немъ государственнаго дѣятеля отъ религіознаго, и въ извѣстной степени извинять недостатки его нравственнаго характера обстоятельствами времени. Легко было его сыну и преемнику Андронику быть болѣе нравственнымъ послѣ того, что сдѣлалъ для безопасности имперіи со стороны запада его отецъ“.

Со вступленіемъ на престолъ Андроника наступаютъ послѣднія времена ліонской уніи. „Теперь ничто уже не располагало поддерживать прежній порядокъ вещей; особенныхъ нападеній съ запада ожидать было нельзя *); недовольство уніей въ народѣ достигло послѣднихъ предѣловъ“. Наступила реакція. Перечислять факты, сообщаемые авторомъ мы не имѣемъ возможности, да и нѣтъ существенной нужды, такъ какъ они свидѣтельствуютъ лишь, такъ сказать, о попыткахъ совершенно уничтожить не только возможность соединенія церквей, но даже и самую мысль объ этой возможности; а о ненависти крайней партіи противниковъ уніи мы уже упоминали. Замѣтимъ только что крайняя партія, заправлявшая теперь дѣлами церкви, дошла до крайностей схожихъ, только менѣе оправдываемыхъ, съ крайностями Михаила Палеолога: собирались соборы, очень похожіе на извѣстный разбойничій соборъ, заранѣе авторизованные императоромъ; „на нихъ не

*) „Отлученіемъ М. Палеолога развязаны были руки его противнику Карлу; Карлъ тотчасъ же рѣшился и съ суши и съ моря напасть на визант. имперію. Но Михаилъ ловкимъ оборотомъ своей политики разбилъ его силы, разбудивъ противъ него войну въ Сициліи, и такимъ образомъ отвлекъ половину его силъ. Надъ другой половиной онъ одержалъ блистательную побѣду подъ Бѣлградомъ: эта побѣда сопровождалась совершеннымъ истребленіемъ Карловыхъ войскъ. Карлъ, пораженный этою побѣдою, а еще болѣе смертію своего сына, убитаго на войнѣ въ Сициліи, вскорѣ умеръ съ горя. При Андроникѣ потомки Карла затянулись въ другія войны“. Сынъ Карла даже предлагалъ сыну Андроника свою дочь, родившуюся отъ дочери послѣдняго латинскаго императора Балдуина II.

было разсужденій,—туть совершался одинъ судъ и слышались одни судебные приговоры: „пустъ приведуть такого-то“, „пустъ его выведуть“; съ противникомъ собора поступали какъ съ оскорбителемъ величества. Осужденію подвергались всѣ, кто хотя сколько нибудь сочувствовалъ уніи, или покрайней мѣрѣ терпѣлъ ее или даже имѣлъ общеніе со сторонниками ея; омывали жертвенники, на которыхъ они священнодѣйствовали, выливали, какъ нечистоту, миро, ими освященное и проч. „Даже у патріарховъ александрійскаго Аванасія и антиохійскаго Θεодосія, жившихъ въ то время въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ согласіемъ на низложеніе епископовъ, потребовали отреченія отъ уніи, такъ какъ ревнителямъ православія и они казались уже запятнавшими себя, хотя они имѣли общеніе не съ латинянами прямо, а только съ тѣми, которые приняли латинянъ въ общеніе“. Но и послѣ всего этого споры объ исхожденіи Св. Духа долго и упорно продолжались; догматическіе споры наконецъ окончательно стали покровомъ для интригъ,—даже Георгій, патр. конст., осудившій Векка уже при Андроникѣ, за сочиненіе своего ученика былъ обвиненъ въ ереси и низверженъ. Веккъ и др. главные сторонники уніи остались вѣрны себѣ до конца, не смотря на всѣ страданія. Въ заключеніе главы авторъ представляетъ довольно вѣрную и меткую характеристику Векка, Мелитинота и Метохита.

2-я глава содержитъ „обозрѣніе попытокъ къ соединенію церквей между ліонской уніей и флорентинскимъ соборомъ (1300—1416)“. Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемся только исключительно съ дипломатическими сношеніями греческихъ императоровъ съ латинскимъ западомъ. Не только народъ, но даже прав. іерархія, совершенно устраняла себя отъ этого дѣла. Въ Греціи даже скрывали отъ народа сношенія съ латинянами. Да и самыя эти сношенія императоры (исключая Іоанна Палеолога) вели какбы

неохотно, будучи вовлечены въ это дѣло самимъ западомъ. Прежде всего мы видимъ поддерживаемый папою, но неосуществившійся по своей несвоевременности планъ, графа Карла Валуа—брата короля французскаго Филиппа красиваго, претендента, по женѣ, на византійскую корону, устроить всеобщій крестовый походъ для завоеванія византійской имперіи. Затѣмъ начали брать верхъ другія уже соображенія: претензіи на константинопольскій престолъ начали уступать стремленію противодѣйствовать успѣхамъ мусульманъ и религіозно-политическій союзъ съ православными греками занялъ мѣсто войны съ ними. Черезъ 20 лѣтъ послѣ плана Карла Валуа, явился новый планъ крестоваго похода для освобожденія св. земли; Сануто, пылкій венеціанецъ,—творецъ этого плана, на основаніи тщательнаго, серьезнаго изученія прежнихъ неудачныхъ опытовъ войны съ невѣрными, мирную унію римской Церкви съ Церковію православною, греческою, полагалъ, какъ главнѣйшее средство къ осуществленію этого плана, убѣждая противниковъ своихъ, „что завоеваніемъ константинопольской имперіи, они рѣшительно ничего не достигнутъ, только разрушать, но никоимъ образомъ не сохранятъ ее для себя, только окажутъ своими завоеваніями услугу туркамъ“. Но, по словамъ Мишо, „современники только хвалили проектъ Сануто, но осуществляютъ его никогда не думали“. За все это время мы встрѣчаемъ только въ 1325 г. письмо императора Андроника, который на предложеніе Сануто отвѣчалъ общими фразами, въ родѣ наприм., что онъ радъ быть въ мирѣ со всѣми и въ частности, въ особенности, съ христіанами.

При Андроникѣ III (1328—1341), не связанномъ, подобно своему предшественнику, отношеніями къ ліонской уніи и болѣе послѣдняго тревожимомъ турками, при византійскомъ дворѣ пробуждается мысль войти въ сношенія съ западомъ, просить помощи бѣдствующей имперіи, тѣмъ

болѣе, что теперъ и „западъ, устрашаемый возраставшими успѣхами турокъ, болѣе чѣмъ прежде расположенъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ Сануто, что нужно поддержать константинопольскую имперію“. Но эта мысль высказывается очень слабо, осторожно. Услышавъ о намѣреніяхъ императора отъ своихъ миссіонеровъ, папа отправляетъ на востокъ двухъ епископовъ съ письмами къ императору и патріарху, — но ни тотъ ни другой ничего не сдѣлали, — прав. іерархи даже положили не имѣть никакого дѣла съ папскими нунціями и не вступали въ разсужденія. Черезъ два года папа Венедиктъ XII опять услышалъ отъ венеціана Дандоло „о желаніи императора и будто бы всѣхъ грековъ соединиться съ римскою церковію, и опять въ 1337 пишетъ въ Константинополь и проситъ прислать въ Авиньонъ — гдѣ теперъ жилъ папа, уполномоченныхъ хлопотать по этому дѣлу. Въ 1339 пришелъ въ Авиньонъ отъ Андроника III архимандритъ Варлаамъ, но безъ писемъ императора и патріарха. Варлаамъ только раскрылъ патрѣ всю невозможность соединенія церквей *)

*) Слова Варлаама такъ вѣрно характеризуютъ весь ходъ сношеній греческихъ императоровъ съ рим. папами по вопросу о соединеніи церкви греческой и римской, что мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ характеристичныхъ частей рѣчи Варлаама. „Знайте, говоритъ онъ, что не народъ греческій послалъ меня къ вамъ, но одинъ императоръ и притомъ въ тайнѣ, такъ что, если не пошлютъ ему помощи, онъ не дерзнетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами... Императоръ не смѣетъ объявить своего намѣренія, потому что многіе изъ знатныхъ лицъ и изъ народа, опасаясь, чтобы онъ не вздумалъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ М. Палеологъ, будутъ искать случая умертвить его... Знайте еще и то, что не столько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаетъ васъ чуждыми грекамъ, сколько ненависть, которую получили къ вамъ по причинѣ жестокихъ волъ, которыя вы имъ причинили и доселѣ еще ежедневно причиняете, и соединеніе не можетъ совершиться, если не уничтожится эта ненависть чрезъ какое нибудь благодѣяніе, съ вашей стороны имъ оказанное, безъ чего васъ не захотятъ даже и слушать“. Послѣ того, какъ латиняне, приславъ помощь грекамъ расположатъ къ себѣ, та-

Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ царствованіе Іоанна Кантакузена (1341—1355), не смотря на усилившіяся въ его время бѣдствія имперіи внутреннія и внѣшнія; онъ еще менѣе чѣмъ Андроникъ возлагалъ надежды свои на помощь запада и связанный съ нею вопросъ о соединеніи, и рѣшился лучше соединиться съ турецкимъ султаномъ Орканомъ, выдавъ за него свою дочь. Его сношенія о соединеніи церкви имѣли цѣлію только изгладить изъ ума папы и западныхъ христіанъ неблагопріятныя слухи на счетъ связи его съ турками, расположить въ свою пользу сердца западныхъ христіанъ, и такимъ образомъ, если удастся, найти себѣ помощь на западѣ. Письмо его къ папѣ Клименту VI (1342—1352)—слова Варлаама, только въ менѣе рѣзкихъ чертахъ.

кимъ образомъ, послѣднихъ, они могутъ уже, по мнѣнію Варлаама, приступить и къ рѣшенію вѣковыхъ распрій между востокомъ и западомъ. Но опять Варлаамъ не скрываетъ, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни насиліе, ни соглашеніе при папскомъ дворѣ нѣсколькихъ образованныхъ людей. По его мнѣнію, о первомъ и говоритъ нечего, что же касается до послѣдняго, то, конечно, выборные изъ православныхъ очень легко согласятся съ папскими депутатами, но изъ этого не будетъ слѣдовать, что дѣло кончено. „Когда наши послы возвратятся на востокъ“ они не въ состояніи будутъ заставить народъ думать такъ, какъ они жежду собою согласились; найдутся люди, которые по зависти, по тщеславію или, быть можетъ, убѣжденные, что поступаютъ хорошо, скажутъ народу: братья, остерегайтесь, чтобы васъ не обольстили; эти люди (послы) или подкуплены подарками или поддались суетности, потому и проповѣдуютъ; не измѣняйте ничего изъ того, что содержите. Такимъ образомъ, болѣе понимающіе дѣло и соглашавшіеся съ вами не смогутъ ничего сдѣлать и только подвергнуть себя опасности“. Для убѣжденія народа единственнымъ средствомъ можетъ служить, по мнѣнію Варлаама, вселенскій соборъ, всегда пользующійся въ глазахъ народа большимъ авторитетомъ (*quasi quae a generali consilio determinata fuerint. Omnes orientales libenter haec recipient et nemo erit, qui contradicat*). Возраженіе, почему же не принятъ былъ лонскій соборъ, Варлаамъ рѣшаетъ такъ: *Hi Graeci, qui interfuerunt isti Conesilio non fuerunt missi neque a quatuor Patriarchis...; neque a populo, sed a solo imperatore*“. *Altat.* „De Consens. p. 739, 799, 693, 790.

Время усиленных сношеній, между дворами папскимъ и императорскимъ наступило только со вступленіемъ на престолъ послѣ Кантакузена, принявшаго монашество, Іоанна Палеолога (1355—1391). „Поставленный въ невыгодное положеніе при своемъ вступленіи на престолъ, имѣя себѣ соперника въ лицѣ сына Іоанна Кантакузена Матѳея, (который объявилъ себя также императоромъ),—болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, угрожаемый турками, которые вторглись теперь уже въ европейскія области имперіи, завоевали многіе города Фракіи,—не обладая кромѣ того, твердостію характера и дарованіями,—Іоаннъ почувствовалъ себя въ отчаянномъ положеніи и, какъ свойственно чело-вѣку въ такомъ состояніи духа, остановился на самыхъ необычныхъ, мечтательныхъ, безумныхъ планахъ“. „Ему казалось, что одно подчиненіе папѣ спасетъ имперію, и вотъ, забывъ предшествующіе опыты, онъ начинаетъ дѣйствовать легкомысленно, очертя голову“: Начавъ тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1355 г., съ заключенія съ папою Иннокентіемъ VI акта подчиненія (безъ насилія впрочемъ *) греческой Церкви—римской, съ своей стороны, и—обязательства помогать имперіи**), съ его стороны, Іоаннъ Палеологъ, вслѣдствіе успѣховъ турокъ ***),

*) Общія употребить всѣ возможные мѣры къ подчиненію всѣхъ народовъ имперіи папѣ, императоръ прибавляетъ: „но, такъ какъ время ожесточило сердца народа, такъ какъ его съ трудомъ можно отвлечь отъ того, съ чѣмъ онъ сроднился, то и поставить его на новый путь можно не иначе, какъ дѣйствіями мудрыми и умѣренными“...

**) Предлагаемая Иннокентію въ заложники своего сына Мануила, Іоаннъ требовалъ, чтобы папа представилъ ему 15 транспортныхъ судовъ, 5 галеръ, 500 чел. конницы и 4000 чел. пѣхоты на 6 мѣсяцевъ, для войны съ турками.

***) Въ 1361 году турки взяли ближайшій къ Константинополю городъ Адрианополь,—вскорѣ владѣнія императора ограничивались стѣнами столицы, да и здѣсь императоръ, начавъ строить укрѣпленія,—по приказанію турокъ, долженъ былъ разрушить ихъ.

и безсилія имперіи съ одной стороны, и стремленія папъ подчиненіемъ себѣ греческой церкви поднять свой упавшій авторитетъ съ другой, дошелъ до необходимости прибыть въ Римъ (1369), исполнить всѣ тѣ унижительные обряды, какимъ подвергались представлявшіеся папѣ западные государи и прочитать въ торжественномъ собраніи исповѣданіе вѣры, присягу въ вѣрности папѣ и отреченіе отъ оливмы (professionem, iugamentum et abjurationem).

Всворѣ за тѣмъ папскій престолъ очутился въ такой же почти опасности, въ какой и византійская имперія; начался, такъ называемый, великій расколъ (1378) и др. бѣдствія. Папѣ было уже не до подчиненія себѣ восточной Церкви. Кроме того, задержаніе за долги въ Венеции на возвратномъ пути изъ Рима, необходимость призвать себя данникомъ султана Амурета, съ обязательствомъ ходить по его приказанію на войну вмѣстѣ съ турками (1374), сокращеніе власти, и то ограниченной, только въ стѣнахъ Константинополя, безплотность многочисленныхъ папскихъ буллъ, проповѣдывавшихъ крестовый походъ противъ турокъ и т. п.—убѣдили императоровъ византійскихъ въ бесполезности обращеній къ папѣ.

Вслѣдствіе этого, съ 1378 по 1415 г., вопросъ о соединеніи церквей не пересталъ быть даже предметомъ дипломатической переписки *). Мануиль Палеологъ (1391—1425) пытался было обратиться къ рыцарскому духу запада, но и это не помогло. Затѣмъ пораженіе турокъ Темерланомъ и междоусобія въ домѣ Баязета доставили восточной имперіи 20 лѣтъ покоя, и вслѣдствіе этого византійскій императоръ не имѣлъ нужды прибѣгать не только къ посредничеству папы, но и вообще къ помощи запада. Такъ что, только около 1415 г. Мануиль возобновляетъ

*) Мы встрѣчаемъ за весь этотъ періодъ только единственное посольство къ папѣ Мануила Палеолога; въ то время когда Баязеть осаждалъ Константинополь (1399 году).

Сношенія съ западомъ, которыя имѣли слѣдствіемъ флорентинскую унію“ (стр. 190—236),

Имѣя въ виду, что есть уже на русскомъ языкѣ прекрасное сочиненіе, посвященное флорентинской уніи, съ другой—находя свое сочиненіе и безъ того длиннымъ, авторъ представляетъ, въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, только *общій очеркъ флорентинской уніи (1415—1453)*. Сношенія, приготовившія флорентинскій соборъ, начались 1414 г. Въ этомъ году на констанскомъ соборѣ присутствуютъ греческіе послы (21 чел.), впрочемъ безъ полномочія хлопотать объ уніи *). Въ 1415 г. отправленъ былъ съ востока на конст. соборъ посолъ Евдемонъ, уже прямо съ цѣлію хлопотать по дѣлу уніи. Съ этого времени начинается цѣлый рядъ почти непрерывныхъ сношеній между Римомъ и Константинополемъ, въ которомъ императоръ не беретъ на себя, какъ было въ лійонской уніи, главной ответственности или, лучше сказать, главной роли: онъ боится ответственности предъ народомъ и іерархіею, избѣгаетъ по возможности принужденія и послѣдственности при рѣшеніи вопроса. Онъ передаетъ дѣло на ответственность православной іерархіи; іерархія латинская и православная становятся лицомъ къ лицу,—дѣло принимаетъ *видъ* вселенскаго собора, и на соборахъ въ Феррарѣ и Флоренціи присутствуютъ не только императоръ и патріархъ константинопольскіе, но и представители другихъ патріаршихъ престоловъ. На флорентинскомъ соборѣ (съ 9 апр. 1437 г. до 6 июля 1439 г.) впрочемъ не удалось ни стремленія одной стороны убѣдить другую, ни примирительныя формулы; греческіе епископы принуждены были уступить лат

*) Что дѣло здѣсь шло объ уніи, намъ кажется можно заключить отчасти и изъ того, что, между прочимъ, по этому дѣлу былъ и знаменитый лѣтовскій митрополитъ Григорій Семивлаха.

тинянамъ, вслѣдствіе хитрыхъ мѣръ папы. Но хитрыя мѣры и произвели только *флорентинскую* унію.

Уступая необходимости, отовсюду опутанные сѣтями, не желая умереть съ голоду или перенести всё бѣдствіе дальняго пути безъ всякихъ средствъ, греческіе епископы во глубинѣ души рѣшили, что заключенный ими миръ съ латинянами—одна пустая форма, существующая только на бумагѣ, не участвовали съ латинянами въ богослуженіи и „по прибытіи въ Грецію открыто и съ глубокою горестію говорили, что они продали вѣру, измѣнили православію. Вслѣдствіе этого только 12 дек. 1452, не болѣе какъ за 4 мѣсяца до окончательнаго паденія Константинополя, среди отчаяннаго положенія дѣль, была объявлена унія въ храмѣ св. Софіи, при самомъ немногочисленномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, хотя прежде этого были смуты въ прав. церкви, шла полемика и были даже горячіе приверженцы уніи: Виссаріонъ никейскій, Исидоръ митрополитъ русскій и одинъ за другимъ бывшіе патріархами: Митрофанъ кизическій и Григорій Мамма, а также нѣкоторые другіе. Но еще прежде своего объявленія эта унія нѣсколько разъ—и въ Іерусалимѣ (1143), и въ Константинополѣ (около 1450 г.), была отвергнута всѣми іерархами востока. Взятіе турками Константинополя (29 мая, 1453), сдѣлавъ излишними всякіе хлопоты о помощи, не существовавшей болѣе имперіи, нанесло рѣшительный ударъ флорентинской уніи“ (стр. 236—242).

Въ заключеніе всего своего сочиненія авторъ повторяетъ, высказанную уже вышамъ, главную причину безуспѣшности всѣхъ вообще попытокъ къ соединенію церквей. „Невозможно было, чтобы истинное начало, одушевлявшее православіе, и односторонне ложное, проникавшее католичество, не уничтожая другъ друга, примирились между собою“. „Многихъ“, говоритъ далѣе авторъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ защитникомъ православія Маркомъ ефесскимъ,

„соблазняла мысль, что можно отыскать нечто среднее между двумя учениями. Но можно найти оборотъ рѣчи, который бы, имѣя обоюдное значеніе, выражалъ нечто среднее между двумя учениями; а ученіе среднее между двумя противоположными объ одномъ и томъ же предметѣ—невозможно: ибо оно должно быть чѣмъ-то среднимъ между истиною и ложью, положеніемъ и отрицаніемъ“.

„Итакъ“, заключаетъ авторъ, „на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появлялись стремленія къ соединенію церквей. Они являлись, если такъ можно выразиться, какъ жалкія растенія на самой тонкой поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ“ (стр. 242—245).

Мы передали, по возможности, сущность содержанія разсматриваемой нами книги.

Въ русской богословской наукѣ до сихъ поръ не было систематическаго труда ни по исторіи восточной Церкви, послѣ отпаденія отъ нея церкви западной, ни по исторіи вопроса о соединеніи церквей. Мы имѣли доселѣ только отрывочныя и въ добавокъ не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительныя изслѣдованія по отдѣльнымъ пунктамъ этого важнаго предмета *). Г. Катанскому принадлежитъ заслуга перваго систематическаго изслѣдованія значительнаго, очень важнаго періода исторіи попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской. Г. Катанскому предстояла и громадность неразработаннаго матеріала, и крайняя бѣдность безпристрастныхъ приготовительныхъ трудовъ; и увлекающій религиозный интересъ. Заслуга автора тѣмъ значительнѣе, что съ трудолюбіемъ и добросо-

*) „Исторія флорентинскаго собора“. Москва, 1247 года. „Латинскіе императоры въ Константинополѣ“—Медовскаго,— „Состояніе прав. церкви въ Греческой имперіи во время владычества латинянъ въ Константинополѣ.“—Приб. къ „Твор. св. отцевъ“ ч. XVI и др.

вѣстностію коллектора, онъ умѣетъ соединить тактъ и разборчивость критика-ислѣдователя, избирая изъ запаса матеріала только существенное, по возможности провѣряя и объясняя его. Во многихъ мѣстахъ автору приходилось черпать изъ крайне скуднаго и не вполне достовѣрнаго источника, — приходилось, какъ онъ самъ выражается, „догадываться“ (см. стр. 48, пр. 1, — стр. 59, пр. 1, — стр. 36, 42, 57, 60, 64 и др.). Это-то и даетъ поводъ къ мысли, на сколько вообще были вѣрны источники, которыми пользовался авторъ? На стр. 42 авторъ говоритъ: „конечно, быть можетъ, дѣло преувеличено историками, прибавлены ими нѣкоторыя лишнія подробности“. Мы имѣли уже случай указать, какъ вообще писались сочиненія о раздѣленіи церквей и дальнѣйшей ихъ жизни *). Мы сказали тамъ, что по этому вопросу нѣтъ ни одного безпристрастнаго сочиненія. Въ виду этого нельзя не пожалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ предварительно ознакомить читателей съ источниками своего сочиненія, со степенію ихъ достовѣрности. Намъ кажется, что вѣра въ авторитетъ — безъ всякихъ основаній — есть не болѣе, какъ произвольное, субъективное мнѣніе. Вѣра въ истину повѣствованій предполагаетъ собою вѣру въ истинность и непреложность повѣствователей. Но такая вѣра требуетъ, въ свою очередь, основаній. А для этого нужно доказать достовѣрность повѣствователей, раскрыть достоинство авторитета; этого-то авторъ и не счелъ нужнымъ сдѣлать.

Нельзя также не пожалѣть и о томъ, что авторъ во имя *объема своего сочиненія* отказался отъ обстоятельнаго изложенія такихъ интересныхъ и важныхъ фактовъ, какъ партіи въ православномъ восточномъ обществѣ при императорѣ Михаилѣ Палеологѣ, во время ліонской и фло-

*) „Странникъ“ июль, отд. III. „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей“.

рентинской уніей. Вслѣдствіе желанія автора соблюсти *объемъ своего сочиненія* выплю напр. то, что возникновеніе сношеній между востокомъ и западомъ о соединеніи церквей, приведшихъ къ флорентинской уніи, совершенно не уяснено. Если ужъ автору такъ желательно было соблюсти *объемъ сочиненія*, то кажется, если не безъ пользы, то положительно безъ вреда, можно было сократить *объемъ очерковъ* предпосылаемыхъ авторомъ въ каждой части и главъ сочиненія, самому изложенію событій.

Наконецъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что заключительныя слова автора: „и такъ, на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появлялись стремленія къ соединенію церквей; онѣ являлись, если можно такъ сказать, какъ жалкія растенія на поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ“ противорѣчатъ давности обще извѣстнаго и во всякомъ богослуженіи употребляемаго церковнаго прошенія: „о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ“. Мы не можемъ допустить, чтобы и эта молитва церкви появилась на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила церковь. Не было въ исторіи событій, гдѣ бы нерелигіозные интересы не примѣшивались къ религіознымъ вопросамъ. Это мы видимъ напр. въ исторіи всѣхъ вселенскихъ соборовъ;—но однако это не могло уничтожить лежавшей въ основѣ событій религіозной идеи. Поэтому намъ кажется, что основная мысль сочиненія, высказанная въ заключеніи, не вполне вѣрна; это можно видѣть даже изъ тщательнаго разсмотрѣнія фактовъ приводимыхъ самимъ же авторомъ.

Евгеній Дилевскій.

(Странникъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О НАЗВАНІИ КІЕВСКОЙ РУСИ РОССІЕЙ.

Не очень давно было толкованіе о томъ, будто кіевская и вся западная *Русь* не называлась *Россіей* до ея присоединенія къ Руси восточной; будто и названіе *Малой Россіи* или *Малороссіи* придано кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью великою или московскою. Чтобы уничтожить навсегда этотъ несправедливый и не русскій толкъ, надо обратить его въ историческій вопросъ: когда въ Кіевѣ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ своенародныя имена *Русь*, *русскій*, начали замѣнять, по греческому произношенію ихъ, именами *Россія*, *россійскій*?

Отвѣтъ: съ девяностыхъ годовъ XVI-го вѣка, въ правленіе короля Жигимонта III-го, то есть, вскорѣ послѣ того, какъ земля кіевская и все княжество литовское были присоединены къ Польшѣ, на люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Основаніемъ такого отвѣта служатъ того временныя акты письменные и книги, печатанныя въ разныхъ областяхъ русскихъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Приведу свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

1) Вотъ *первая* книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ типографіи печерской лавры—*Часословъ*, 1617 года. Въ предисловіи къ ней іеродіакона Захарія Бопыстенскаго сказано: «Се, правовѣрный христіанине и всякъ благоговѣйный читателю, отъ нарочитыхъ мѣботъ въ *Россіи* кііевскихъ, сирѣчь лавры печерскія...»

2) Въ послѣсловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1619 г., типографъ Памва Берында говоритъ къ читателю о лаврѣ печерской: «се убо приноситъ ти... матеръ твою *вз Россіи Малой*.»

3) Въ *Поученіяхъ св. Дороея*, напечатанныхъ 1628 г., лаврскій намѣстникъ Филоей Кызаревичъ съ братіей говорятъ, что сія книга издана въ общую пользу «великаго и славнаго народа *россійскаго* и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска.»

4) Основательница кievскаго богоявленскаго братства, Анна Гулевичевна Лозкина, въ своей записи о томъ 1615 года, говоритъ, что она учреждаетъ его—«правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ *народу россійскаго*, въ повѣstechъ воеводствъ кievскаго, волынскаго и брацлавскаго будущимъ.»

5) Въ «реестрѣ братскомъ,» тогда же начатомъ, сказано: «Начинаемъ сіе душеспасительное, друголюбное братство церковное въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ... на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи *нашему россійскому роду*» и т. д.

6) А вотъ еще стихъ изъ *Вършей* ректора кievобратской школы, Кассіана Саковича, на погребеніе гетмана Петра Конашевича—Сагайдачнаго, напечатанныхъ 1622 г.:
«Зоставивши теды намъ святню въ *Россіи*.»

7) Окружная грамота, напечатанная въ Кіевѣ 1629 года, начинается такъ: «Іовъ Борецкій, милостію Божією архіепископъ митрополитъ Кіевскій, и Галицкій и *всєя Россіи*, всѣмъ посполито *Россійскаго рода*, такъ въ коронѣ польской, яко и у великомъ князествѣ литовскомъ, всякого достоинства, духовного и свѣтцкаго, высокаго шляхетнаго и низшаго посполитаго стану людемъ...»

Но довольно о Кіевѣ; обратимся къ землѣ Галицкой.

8) Тамъ львовское братство въ своей типографіи прежде всего издало *Грамматику*, 1591 года, въ наставленіе «многoименитому *россійскому роду*.» Въ ней упоминается о пришествіи патріарха Іереми «во страны *Россійскія*;» митрополитъ кievскій и галицкій Михаилъ (Рагоза) именуется «архіепископомъ *всєя Россіи*.»

9) Того же 1592 года львовское братство обращалось въ Москву къ царю Феодору Ивановичу, съ просительными посланіями, въ которыхъ именуютъ его «свѣтлымъ царемъ *Россійскимъ*,» вспоминаютъ «князя Владимира, крестившаго весь *російскій родъ*» и т. п.

10) Минуя другія акты и книги, назову еще *Октоихъ*, изданный—во Львовѣ 1630 года; тамъ сказано въ посвященіи о братствѣ—«въ градѣ Леондополи *Малыя Россіи*.»

Въ землѣ волынской находимъ тоже.

11) Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ, известна книга *Василія Великаго* (о постничествѣ), издавшею 1594 года. Въ ея предисловіи встрѣчается такое выраженіе: «вы же, о православный *россійскій народъ!*»

12) Въ мѣстечкѣ Рохшановѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, Кириллъ Транквилюнъ—Ставровецкій напечаталъ 1619 года свое *Евангеліе учительное*. Въ одномъ предисловіи говоритъ онъ: «ревностію поревновахъ о спасеніи братіи моеи, рода моего *Російскаго*.» Въ другомъ предисловіи встрѣчается выраженіе: «по всей землѣ *Російской*.»

Такое же употребленіе именъ «*Россія, Россійскій*» было тогда и на сѣверо-западѣ русскомъ.

13) Въ столичномъ городѣ литовскаго княжества Вильнѣ, гдѣ была долго и резиденція митрополитовъ кievскихъ, Михаилъ Рогоза первый изъ нихъ сталъ писать въ своемъ титулѣ: «всѣя *Росіи*» или «всѣя *Россіи*,»—какъ это видно изъ подлинныхъ актовъ 1590—1599 годовъ. Такъ продолжалъ писать и его преемникъ, униатскій митрополитъ Ипатій Потѣй, въ 1600—1608 годахъ. А прежніе митрополиты кievскіе, бывшіе до Михаила Рогозы, писали: «и всѣя *Руси*» или «всѣя *Русіи*.» Такъ писали въ своемъ титулѣ и московскіе митрополиты, бывшіе до учрежденія патриаршества въ Москвѣ. Первый патриархъ московскій Іовъ писалъ уже: «и всѣя *Росіи*» въ 1580—1586 годахъ.

14) Въ предисловіи къ *Евангелію учительному* патриарха Баллиста, напечатанному 1616 года въ Евью, коштомъ Богдана Огинскаго, сказано, что русскій переводъ этой книги—«выданъемъ изъ друку, на всѣ широкіи славного и старожитного народа *Россійскаго* краины разослапъ...»

15) Жители города Ратна, въ 1614 году писали къ преемнику Потѣя, Іосифу Рудкому, о непринужденіи ихъ къ уни: «отче архіепископе всего *россійскаго языка!*»

Но возвратимся къ Кіеву. По возобновленіи здѣсь православной митрополіи въ 1620 году, митрополиты Іовъ Берекскій, Исаія Кописскій, Петръ Могила, продолжали писать въ титулѣ: «и всѣя *Россіи*.»

Приведу нѣсколько выраженій изъ писаній Петра Могилы.

16) Въ его предисловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1636 года, читаемъ: «святого великого *россійскаго князя Владиміра*»—«и всей *церкви православной Россійской*»—«презацный *народъ Россійскій.*»

17) Въ его пригласительномъ листѣ къ луцкой братіи на кievскій соборъ 1640 года, сказано: «отъ немалаго часу вся православная *церковь россійская*, будучи отъ апостатовъ въ великомъ преслѣдованіи, не могла прийти до того, абы волковъ драпѣжныхъ отдалити отъ себе.»

18) Въ грамотѣ патріарха Теофана, писанной въ январѣ 1621 года, при отъѣздѣ его изъ Кіева, сказано: «смиренія нашего благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ *малой Россіи*... сыномъ *церкви Россійскія* восточныя.»

19) Гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ своемъ бѣлоцерковскомъ универсалѣ, 1648 года писалъ: «Вамъ всѣмъ обще *Малоросіяномъ* о томъ доносимъ, такъ и до компаніи военной, на подлежащее съ нимижъ Поляками дѣло военное васъ вызываемъ и заохочуемъ. Бому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на унѣю претворяемая; кому зъ васъ любима цѣлость отчизны вашей, *Украины Малоросійской*...»—о увольненіи отъ бѣдъ лядскихъ всего *народа Малоросійскаго*... и т. п.

20) Въ заключеніе, привожу отрывокъ изъ отвѣтнаго письма Гетману Хмельницкому отъ Запорожской Сѣчи, писаннаго 3 января 1654 года, передъ наставшимъ уже присоединеніемъ Малороссіи къ великой Россіи. «А замыслъ вашъ, щобъ удалися и буди зо всѣмъ *народомъ Малоросійскимъ*, по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію великодержавнѣйшого и пресвѣтлѣйшого *монарха Россійскаго*, за слушный быти признаваемъ, и даемо нашу войсковую вамъ порадую, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизны нашей *Малоросійской*...»

М. Максимовичъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ МОНАСТЫРЯХЪ ВОЛЫНСКОЙ ЕПАРХІИ; ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ.

1) *Туминскій* 1), крестовоздвиженскій монастырь въ с. Туминѣ, Луцкаго уѣзда, основанный князьями Четвертинскими въ 1635 году, для игумена, двухъ іеромонаховъ и послушника. Основатели снабдили монастырь и достаточнымъ фундушемъ для содержанія монашествующихъ, положивши для нихъ условіемъ, чтобы они находились подъ благословеніемъ и въ послушаніи константинопольскаго патріарха и митрополита кievскаго. Но въ 1690 году князь Николай Святополкъ Четвертинскій, каштелянъ минскій, записывая монастырю 30,000 злотыхъ польскихъ и подтверждая дарованное монастырю его предками, съ нѣкоторыми прибавленіями, завѣщаетъ монастырю быть въ послушаніи римскаго папы, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ значится въ его завѣщаніи, что прежніе игумены не могли имѣть никакихъ сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ; подъ защитою этой, на словахъ только, а не на самомъ дѣлѣ, бывшей зависимости, не оказывали повиновенія ни епископу луцкому, ни митрополиту кievскому; а отъ сего происходили въ монастырѣ всякіе безпорядки, для устраненія которыхъ Николай Святополкъ Четвертинскій не находилъ лучшаго средства, какъ единеніе съ римскою церковію 2). Изъ каталога униатскихъ монастырей 1775 г. мы видимъ, что въ это время къ туминскому монастырю приписанъ былъ четвертинскій монастырь 3). Туминскій монастырь упраздненъ въ настоящемъ столѣтіи.

2) *Бѣлостокскій*, воздвиженскій монастырь въ с. Бѣлостокуѣ, Луцкаго уѣзда, основанъ Симеономъ Гулевичемъ Божитинскимъ, писаремъ земскимъ луцкимъ, впоследствии епископомъ перемышльскимъ, какъ это видно изъ записи его, данной монасты-

1) Передъ туминскимъ монастыремъ опущены свѣдѣнія о заглечкомъ и кременецкомъ монастыряхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены будутъ по окончаніи производящагося о нихъ дѣла. *Прим. Редакции.*

2) Архивъ историко-стат. ком. при вол. сем.

3) Каталогъ базил. мон. Почаевъ 1775 г.

рю сему 1636 г. 30 января и 31 января тогоже года заявленной въ г. Луцкѣ 1). Передъ 1695 годомъ былъ въ этомъ монастырѣ игуменомъ **Феодосій Падальскій**, избранный въ этомъ году въ игумены братства луцкаго 2). Подъ 1690 г. упоминается настоятель бѣлостокскаго монастыря **Аванасій Падальскій**, котораго православный луцкій епископъ **Аванасій Шумлянскій** посылалъ въ низкиничскій монастырь забрать имущество этого монастыря, по поводу нашествія на него татаръ 3). Въ почаевскомъ униатскомъ **Богогласникѣ** 1825 года есть пѣснь чудотворной иконѣ Пресв. Богородицы въ монастырѣ бѣлостокскомъ, гдѣ говорится, что икона эта прославилась чудесами около полутора ста лѣтъ назадъ 4). Если справедливо это извѣстіе, то прославленіе чудотворной иконы относится ко временамъ православія монастыря. Въ этомъ монастырѣ была постоянная резиденція сначала православныхъ, а потомъ—униатскихъ епископовъ. По возвращеніи монастыря православію въ настоящемъ вѣкѣ, осталось принадлежащимъ монастырю одно только селеніе **Бѣлостокъ**, тогда какъ прежде принадлежало ему нѣсколько селеній 5). Въ бывшемъ бѣлостокскомъ монастырѣ съ 1843 по 1863 года помѣщалось православное духовное училище, нынѣ переведенное въ г. **Житомиръ**.

3) *Гоцанскій* монастырь въ м. **Гоцѣ**, **Острожскаго** уѣзда основанный въ 1639 г. княгинею **Региною Соломерецкою**, каштеляншею смоленскою, изъ дома **Гойскихъ**, которая подарила монастырю г. **Курозваны**. Основательница „тогда же надавъ оному монастырю фундушъ, предоставила право, чтобы оный монастырь на вѣчныя времена оставался для монаховъ греческаго исповѣданія, монахамъ же униатскимъ, состоящимъ въ соединеніи съ римскою церковію, вовсе бы тамъ не имѣть мѣста. Но впоследствии времени униатскіе монахи, не взирая на то, завладѣли онымъ монастыремъ“ 6). Въ 1816 г. взяты

1) **Почаев. арх. дѣло** 1636 г. № 61, книги № 120.

2) **Памят. Кіев. воим. для разбора древ. актовъ.**

3) **Рукоп. Инвент. Зимн. мон. при арх. волын. сем.**

4) **Богогласникъ**, 1825 г., № 123.

5) **Волын. Губ. Вѣд.** 1865 г. № 5.

6) „**О вѣшторахъ базилианскихъ**“, **Почаев. арх.**, книга № 94.

были въ православную острожскую семинарію книги изъ гошанскаго базилианскаго монастыря 9).

4) *Низкиничскій* монастырь въ с. Низкиничяхъ, Владимірскаго уѣзда, основанъ Адамомъ Григорьевичемъ— съ Брусидова—Киселемъ, сначала каштеляномъ, а потомъ—воеводою кievскимъ, и супругою его Анастасіей Богушевиченой Киселевой, по записямъ заявленнымъ 1643 г. въ Луцкѣ и 1646 г. въ Кіевѣ. До основанія монастыря была въ Низкиничяхъ приходская церковь, находившаяся подъ валомъ замковымъ, впоследствии монастырскимъ, на мѣстѣ которой еще въ концѣ XVIII в. стоялъ старый дубовый крестъ. При этой церкви погребены были предки Адама Киселя: прадѣдъ его, неизвѣстный по имени, сынъ рожденнаго отъ княжны Святополковны Четвертинской Александра Киселя и Немиричевны; дѣдъ фундатора Гнѣдошъ Кисель, легшій въ битвѣ подъ Оршею при Сигизмундѣ Августѣ I; отецъ фундатора Григорій Кисель, легшій въ битвѣ подъ Улою въ царствованіе Сигизмунда III, при гетманѣ Григоріѣ Ходкевичѣ; братья Григорія Киселя, дяди Адама—Павель и Гаврииль, убитые въ прусской экспедиціи, и братъ фундатора Николай, также убитый на войнѣ въ Пруссіи. За души погребенныхъ здѣсь предковъ своихъ Адамъ Кисель и устроилъ монастырь низкиничскій и заботился о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ его 1). Издатель Цвѣтной Тріоди 1642 года, посвящая Адаму Киселю Тріодъ, писалъ: „Вельможность ваша очень любитъ читать Св. Писаніе и пѣніе церковныхъ гимновъ, для чего держите при себѣ духовныхъ отцовъ иноковъ и строите для нихъ удобные монастыри 2). Въ 1648 году Адамъ Кисель записалъ монастырю землю въ Гошѣ и кромѣ того 1500 зл. польскихъ на Сѣдлщахъ, въ землѣ Хелмской, и пожертвовалъ колоколъ съ своимъ гербомъ. Въ 1649 г. Николай Кисель записалъ монастырю на Низкиничяхъ 1000 зл. польскихъ. Въ монастырѣ этомъ существовалъ образъ Богоматери, считавшійся чудотворнымъ. Были также и портреты родителей Адама—Григорія и Евфросиніи

1) Архивъ волын. сем. 1816 г. № 57.

2) Рукоп. инвент. низкинич. мон. при арх. волын. сем.

3) Обзоръ русск. дух. лит., Филарета ч. I.

Киселей. Адамъ Кисель умеръ на 53 году своей жизни, 3 мая 1653 года. Тѣло его погребено въ церкви монастыря низкиничскаго, въ предѣлѣ Св. Георгія 1). Въ 1659 г. умерла и супруга Адама Анастасія. Низкиничы, по записи Адама Киселя, перешли къ племяннику его, сыну Николаю Киселя, послѣ смерти котораго достались сестрѣ его Иларіѣ Николаевнѣ, вышедшей замужъ за Даніила Стемпковскаго. Эти преемники Адама Киселя утвердили фундушевыя записи его монастырю низкиничскому. Въ 1662 г. Низкиничы отданы были въ аренду Кадевичамъ Копчинскимъ ; а съ 1680 г. являются поссессорами значительной части Низкиничъ Догналь-Цирины. 18 мая 1686 г. Юрій Цирина записалъ низкиничскому монастырю 4300 зл. польскихъ. Но съ 1690 г. начинаются страшныя насилія и притѣсненія монастыря со стороны Догналь-Цириновъ, доведшія его до раззоренія и измѣны православію. Въ 1690 г., по поводу навѣтовъ татарскихъ и козацкихъ, проректоръ монастыря епископъ луцкій Аеанасій Шумлянскій, въ епархіи котораго находился монастырь, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы отцы низкиничскіе, забравши все монастырскія принадлежности и документы, переѣхали на время въ Луцкъ, для исполненія каковаго распоряженія присталъ въ низкиничскій монастырь итумена бѣлостокскаго монастыря Аеанасія Падальскаго. Монахи низкиничскіе, забравши монастырское имущество, выѣхали изъ монастыря ночью и, чтобы скрыть слѣдъ,

1) Надъ гробомъ Адама Киселя была мраморная статуя, на верху которой были два гипсовые льва (гербъ Киселя), а въ рукѣ статуи „буздыганъ“ богатый, захваченный около 1690 г. козаками. Внизу статуи — двѣ надписи на польскомъ и латинскомъ языкѣ. Последняя говоритъ: „Мраморъ сей заключаетъ въ себѣ знаменитую отрасль фамиліи Свентольдичей, свѣтъ и украшеніе республики, Адама съ Брусилова Киселя, сначала каштеляна черниговскаго и кievскаго, потомъ палатина брацлавскаго, прославившагося храбростію и воинскимъ искусствомъ: въ царствованіе Сигизмунда при Хотинѣ противъ турокъ, въ Пруссіи — противъ шведовъ, въ царствованіе Владислава IV — противъ москвитянъ. Онъ носивъ былъ въ Москву для заключенія мира, въ силу котораго присоединено въ республикѣ воеводство Сѣверское; укротилъ все кочевіе козацкое и среди заботъ объ этомъ дѣлѣ умеръ 3-го мая 1653 г., въ 53 году своей жизни.“

куда они выѣзжаютъ, распустили молву, будто они отправляются въ загоровскій монастырь на праздникъ. Но едва только отъѣзжали они около полторы мили, какъ напали на нихъ—Юрій, Михайлъ и Николай Цирины, молодые люди, переодѣтые татарами. Они прибили монаховъ, разграбили ихъ возы и забрали документы и серебряныя вещи. Низкиничскіе монахи узнали переодѣтыхъ Цириновъ и подали на нихъ протестацію. Когда по этому случаю начать бытъ въ коронномъ любельскомъ трибуналѣ судебный процессъ,—то Юрій и Николай Цирины, выдавая себя за дѣдичей Низкиничъ и фундаторовъ и ктиторовъ монастыря, обратились къ хелмскому епископу Александру—Августину Лодзятѣ съ просьбою, чтобы монастырь низкиничскій, какъ основанный при католическихъ владѣтеляхъ, онъ взялъ отъ епископа луцкаго дивунита подъ свою протекцію и юрисдикцію. При этомъ они въ оправданіе своего насилія говорили, будто бы луцкій епископъ Аеанасій Шумлянскій хотѣлъ присвоить себѣ серебро, принадлежности и документы монастырскіе и забралъ въ Луцкъ, въ противодѣйствіе чего они и отобрали у монаховъ монастырское имущество. А Лодзята епископъ хелмскій, повѣривши имъ, что они—дѣдичи и фундаторы монастыря, взялъ его въ свою юрисдикцію и попеченіе, обязавши Догналъ—Цирина возвратить монастырю захваченное. Поэтому случаю возникли между хелмскимъ и луцкимъ епископами споры, во время которыхъ монахи низкиничскіе разошлись по другимъ монастырямъ. Когда умерли означенные епископы хелмскій и луцкій, дѣло о монастырѣ было забыто 1). А между тѣмъ Юрій Догналъ—Цирина, представляясь дѣдичемъ Низкиничъ, записать въ 1703 г. монастырю часть Низкиничъ и денежную сумму; но потомъ, опасаясь, чтобы монастырь не поднялъ головы и не доискался своихъ правъ, дѣлалъ монастырю разныя насилія и угнетенія, жаловался на монаховъ епископамъ, не давалъ монахамъ долго жить къ монастырѣ, скрывалъ у себя монастырскія фундаментальныя записи и серебро, вырывалъ даже записи въ пользу

1) Такъ передаетъ инвентарь низкиничскаго монастыря. Въ исторіи Уніи В. Камеискаго есть еще извѣстіе, что въ луцкой епархіи бискупъ Заленскій насильно обратилъ къ уніи монастыря низкиничскій и всѣхъ монаховъ велѣлъ обрѣчь по римски. стр. 47.

монастыря изъ городскихъ книгъ, выдавалъ себя дѣдичемъ низкинничскимъ и ктиторомъ монастыря и на этомъ основаніи выбиралъ суперіора для монастыря. Юрій Догналь—Цирина умеръ 1722 г., оставивъ Низкиничи сыну своему Франциску. Этотъ послѣдній въ томъ же 1722 году велѣлъ избить суперіора низкинничскаго Ионаша Визлинскаго, который и умеръ отъ этихъ побоевъ. Когда по смерти Августа II, при избраніи новаго короля, „наступили московскіе и козацкіе навѣты“ Францискъ Цирина спряталъ свое имѣніе въ низкинничской церкви, и туда посылалъ за разными вещами слугу своего Михаила Калинскаго. Однажды Калинскій нашель здѣсь монастырскіе документы и показалъ ихъ тогдашнему викарію монастыря Николаю Олесницкому, а этотъ послѣдній взялъ эти документы къ себѣ. Не найдши ихъ въ сундукахъ, Францискъ Цирина избилъ сначала Калинскаго, а потомъ и Олесницкаго. Это было въ 1735 году. Въ 1741 году переведенъ былъ изъ унѣвской обители въ настоятеля низкинничскаго монастыря Іеронимъ Оземкевичъ. Онъ отыскалъ монастырскіе документы и въ 1744 г. написалъ инвентарь ихъ. Но въ этомъ же году Асавасій Шептицкій сдѣлалъ его официаломъ галицкой епархіи. Послѣ Оземкевича низкинничскимъ настоятелемъ былъ Марделлій Билинскій. Свѣдѣнія о монастырѣ, по недоконченному инвентарю, продолжаются до 1768 года 1). Къ концу XVIII в. низкинничскій монастырь вошелъ въ долги 2). Онъ упраздненъ въ настоящемъ вѣкѣ.

5) *Монашескій* женскій монастырь, иначе называвшійся *Поповъ манахъ*, Владимірскаго уѣзда, основанный Адамомъ Киселемъ для матери своей Евфросиніи, которая и была въ этомъ монастырѣ игуменьей. Записями 18 августа 1646 г. въ Гощѣ, и 10 октября того же года въ Новгородѣ—Сѣверскомъ Адамъ Кисель пожертвовалъ этому монастырю сумму и грунты съ подданными 3), а именно — деревню Поповку и сумму на с. Иваничѣ 4). Евфросинія Киселева умерла раньше 1653 г. 5)

1) Инвент. низкиннич. мон., при арх. волни. сем.

2) Почасв. арх., дѣло 1781 г. № 809.

3) Инвент. низкиннич. мон., при арх. вол. сем.

4) Почасв. арх., № 138, л. 27.

5) Инвент. низкиннич., при арх. вол. сем.

Неизвестно, когда этот монастырь перенесенъ въ г. Владимиръ. Въ 1670 году онъ былъ уже униатскимъ 1); а въ 1836 году присоединенъ къ полонскому униатскому женскому монастырю 2).

6) *Страклокскій* монастырь въ с. Страклокъ, Дубенскаго уѣзда, основанъ въ 1665 году вдовою Анною Пузиной, женою подсудка кременецкаго Михаила Пузины. Въ завѣщаніи своемъ основательница, отказывая на содержаніе монастыря недвижимое имущество и капиталъ наличными деньгами, прямо выражаетъ волю свою, чтобы устроенный ею монастырь и монашествующіе, которые будутъ жить въ немъ, всегда находились въ православіи и подъ вѣдѣніемъ православныхъ пастырей, и чтобы игуменъ монастыря свободно избираемъ былъ самою братіею, и если бы кто либо изъ дѣтей ея или потомковъ и другой кто либо, въ чьихъ рукахъ будетъ ея имѣніе, былъ другаго исповѣданія, а не православнаго - восточнаго, того она завѣщаніемъ своимъ устраняетъ отъ всякаго вліянія и власти надъ монастыремъ 3). Ему принадлежали имѣнія— Волица, Стракловъ и Комаровка 4); сѣвращенъ въ унию, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка, и въ первой четверти настоящаго столѣтія присоединенъ въ кременецкому базилианскому монастырю 5).

7) *Шумскій* женскій православный монастырь въ м. Шумскѣ, Кременецкаго уѣзда, существовавшій на томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтъ десять тому назадъ построены шумскій костелъ 6).

8) *Поддубецкій* монастырь въ селѣ Поддубцѣхъ, Луцкаго уѣзда 7). По извѣстію одной пѣсни почаевскаго униатскаго Богогласника, „здавна“ находился здѣсь чудотворный образъ Богоматери 8).

9) *Преображенскій* Острожскій монастырь. Онъ основанъ

1) Поч. арх., № 138., л. 27

2) Визита Полон. мон. при арх. волын. сем.

3) Почаев. арх., дѣло 1790 г. № 1038.; книги, № 122.

4) Тамъ же, дѣло 1727 г., № 284.

5) Тамъ же, № 138. л. 9.

6) Отношеніе вол. конс. въ кремен. судѣ, отъ 20 сент. 1858 г., за № 7553-мъ.

7) Почаевс. арх. №№ 1284, 1331 и 1345.

8) Богогласникъ, 1825 г., № 120.

еще въ 1620 г. Анной Алоизою Ходкевичевою изъ рода князей Острожскихъ для іезуитовъ, и обращенъ въ православный по воссоединеніи Волыни съ Россіей. Указомъ святѣйшаго синода отъ 24 мая 1795 г. острожскій преобразенскій монастырь назначенъ для жительства минскаго викарія, житомирскаго епископа, а съ 1797 года помѣщалась здѣсь и православная острожская семинарія. Преобразенскій православный монастырь четыре раза подвергался пожарамъ: 1799 г., 1809, 1812 и 1821 г. — Послѣдній пожаръ окончательно испортилъ монастырскія зданія. Поэтому монастырь былъ упраздненъ, а архіерей и семинарія переселились сначала въ м. Аннополь, а потомъ въ г. Кременецъ 1).

*Н. Петровъ.
(Вол. Еп. Вѣд.)*

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ ОТКРЫТІИ ВЫСШАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Какъ скоро возникнетъ въ сознаніи общества такой или другой насущный вопросъ, вопросъ дня, онъ настойчиво требуетъ своего практическаго разрѣшенія. Къ особенностямъ подобныхъ вопросовъ слѣдуетъ отнести то, что они живо интересуютъ собой все общество. Со всей справедливостію это можно приложить къ вопросу объ открытіи высшаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ, этомъ центрѣ сѣверо-западнаго края. Мысль объ открытіи тамъ подобнаго заведенія представлялась со всей своей неотразимостію еще покойному графу М. Н. Муравьеву, бывшему генералъ-губернатору этого края, въ самый сильный разгаръ польскаго мятежа. Но въ ту пору этотъ вопросъ не получалъ практическаго разрѣ-

1) Очеркъ истор. прав. школы на Волыни, въ трудахъ К. Д. А. за февр. 1867 г. — Кромѣ перечисленныхъ монастырей, упоминаются еще униатскіе монастыри Волынской губерніи: злочевскій Дубенскаго уѣзда, верховскій и пугинскій Ковельскаго уѣзда. См. Почаев. арх. №№ 138, 631 и др.; но эти монастыри едва ли основаны православными. О пугинскомъ же монастырѣ положительно извѣстно, что онъ основанъ въ половинѣ XVIII в. для униатовъ помѣщиками Вильгами.

шенія, и ему суждено было возникнуть съ новой силой въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ—быть или не быть высшему учебному заведенію въ Вильнѣ? если быть, то какому именно—университету, или духовной академіи съ историко-филологическими факультетами? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ съ полной основательностію, мы скажемъ нѣсколько словъ о мѣстныхъ условіяхъ и потребностяхъ края.

У всѣхъ еще въ свѣжей памяти послѣднее польское возстаніе 1863 года, сильно взволновавшее наше общество, большая часть котораго была поражена совершенной неожиданностію этого явленія: до 1863 года мы почти ничего не знали, что дѣлалось въ бывшемъ царствѣ и сѣверо-западномъ край. Только мятежъ—событіе, долго и обдуманно подготовлявшееся, показало намъ опасность, а послѣдующее изслѣдованіе этого явленія раскрыло его причины:—политическое движеніе было задумано въ широкихъ размѣрахъ, оно обнимало собой далеко не одну территорію бывшаго Царства Польскаго, но простирало свои виды на сѣверо-западные и южныя губерніи русскаго государства.

Въ настоящее время всѣми признается безспорнымъ тотъ фактъ, что сѣверо-западные губерніи составляютъ исконное русское достояніе, что «до времени Чарторыйскаго и Чацкого этотъ край не только былъ русскимъ въ народной массѣ, каковыи онъ всегда былъ и, безъ сомнѣнія, останется, но и большинство шляхты, не зная по-польски, тамъ говорило и писало по-русски. Нынѣшній польскій патриотизмъ въ западно-русскихъ губерніяхъ, какъ начало революціонное и противугосударственное, возникъ недавно; онъ сталъ силою подъ русскимъ владычествомъ въ теченіи настоящаго столѣтія, особенно съ той поры, когда онъ сталъ синонимомъ католицизма; до раздѣленія Польши западный край тяготѣлъ въ Россіи точно также, какъ лань онъ, въ видѣ мѣстной шляхты, тяготѣлъ въ фантастическому мѣстному королевству» *). Необходимо сознаться, что противурусское, противугосударственное направленіе дѣйствительно существуетъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, что истинно-русскими людьми остаются

*) «Вилн. Вѣстн.» 1869 г., № 24.

въ этомъ краѣ только два бѣдныхъ класса—крестьяне и духовенство,—крестьяне кромѣ того представляютъ собой силу, нисколько непроевѣтленную образованіемъ, такую силу, дѣятельное служеніе которой для государства и отечества начнется только въ будущемъ. Большая часть остальной массы населенія, принадлежащая къ наиболѣ развитымъ и—особенно нужно помнить—зажиточнымъ классамъ, враждебна русскимъ интересамъ и въ этомъ смыслѣ усердно волнуетъ другіе классы въ ущербъ этимъ интересамъ. Въ виду этого, весьма любопытно прослѣдить—какимъ образомъ произошла эта измѣна своей родной вѣрѣ, своему народу, однимъ словомъ своей національности со стороны высшихъ классовъ общества. Это съ одной стороны раскроетъ предъ нами тактику нашихъ враговъ, а съ другой можетъ привести къ нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ относительно нашей собственной дѣятельности въ этомъ случаѣ. При изложеніи мы постараемся придерживаться польскаго историка-публициста, чтобы показать всю справедливость того значенія образованія въ дѣлѣ національнаго воспитанія народа, какое мы приписываемъ ему.

«Литва, говоритъ польскій публицистъ-историкъ, стала по духу и стремленіямъ польскою страной въ то самое время, какъ въ административномъ отношеніи она сдѣлалась русскою провинціей. Главнымъ орудіемъ, употребленнымъ Провидѣніемъ (?), представляетъ тотъ же публицистъ, къ развитію революціонной наклонности Литвы, было университетское образованіе. Въ этомъ отношеніи Чарторыйскій и Чацкій были первыми заговорщиками въ Литвѣ; они были великими мастерами занѣманскаго патріотизма.» Подъ руководствомъ ихъ самихъ и данныхъ имъ инструкцій, «достаточно было трехъ ученическихъ поколѣній для проникновенія всей массы одиннадцати-милліоннаго народа революціонными тенденціями» *). Далѣе у того же писателя говорится, что Вильна служила обильнымъ и единственнымъ источникомъ, развивавшимъ вокругъ себя революціонное ученіе и польскія тенденціи, которыя польскій писатель называетъ «духомъ правды и свободы.» Виланскій университетъ каждый годъ «высѣивалъ созрѣвшія сѣмена»

*) «Stoa Polska 1900 г. 243—244 г.

этого ученія; «воспитываемыя имъ поколѣнія, слѣдовавшія одна за другимъ, какъ будто новыми слоями покрывали народную ниву отъ Дняпра до Буга, отъ Двины до Нѣмана. Провинціи жили и питались этой пищей, которая исходила изъ центра Литвы—Вильны.» Такимъ образомъ Чарторыйскій и Чацкій—первый, какъ кураторъ виленскаго учебнаго округа, а второй, какъ визитаторъ училищъ губерній волынской, подольской и кievской—были главными двигателями полонизаціи края. Испробовавши многія средства къ искорененію русской національности, они наконецъ схватились за народное образованіе, какъ самое вѣрное средство польской пропаганды. Университетъ, лицей и гимназіи поглотили все ихъ вниманіе; въ нихъ они распространили польскія начала, направленные къ тому, чтобы прежде всего сплотить шляхту въ одно польское учрежденіе и сдѣлать ее проводникомъ польщизны въ народѣ. За непосредственную полонизацію народа они предполагали взяться послѣ.

Духъ учебной польской пропаганды скоро привился шляхетскому сословію и такъ глубоко укоренился, что изъ среды этой молодежи развилась сама собой пропаганда, которую полонизаторы пронесли по всему краю. Юношество, воспитанное въ училищахъ, проникнутыхъ системой ополяченія, подъ руководствомъ профессоровъ, подобныхъ Желевелю, Онацевичу и другимъ, выбраннымъ Чарторыйскимъ, впоследствии дало изъ среды себя тысячи самыхъ ярыхъ фанатиковъ—враговъ всего, что носить на себѣ русское имя, и тѣхъ проповѣдниковъ польскаго дѣла, которыхъ необузданныя, пламенные рѣчи сильно дѣйствуютъ на молодыхъ слушателей. Данныя, которыя представляетъ «Вил. Вѣстн.» на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ канцеляріи виленскаго учебнаго округа, показываютъ намъ, что всѣ учебныя заведенія были пропитаны революціонными стремленіями, между молодежью существовали различныя тайныя общества, которыя назывались на языкѣ начальства учебныхъ заведеній «невинными союзами между учениками университета» и которыя перешли сначала въ общества «вспомоществованія бѣдныхъ учениковъ» и «друзей полезныхъ увеселеній», а впоследствии извѣстны были

подъ именемъ «променистовъ», «тайнаго общества фнларетовъ» и устроены были по примѣру «общества шубравцевъ» въ Вильнѣ и «общества друзей науки» въ Варшавѣ. «Не имѣя отечества, мы должны любить его еще сильнѣе! Увы? не забывайте этой великой добродѣтели, знаменующей качество великихъ поляковъ. Оно лишь одно можетъ принести вамъ славу и благодарность согражданъ, если только вы ихъ ищете!» **)... вотъ что восклицали и старые, и малые въ учебныхъ заведеніяхъ, а вслѣдъ затѣмъ и вездѣ. Увлекаемые такимъ потокомъ революціонной дѣятельности, возбужденные до послѣдней степени, юноши съ замираемъ сердца то и дѣло, что провозглашали: «конституція, вольность, ровность, неподлежность!» Такимъ образомъ образованіе для нихъ было не цѣлью къ возвышенію матеріальнаго и нравственнаго состоянія страны, а средствомъ для ополченія края совѣмъ не польскаго. Связанные тѣсной дружбой, равно энергическіе—Чарторыйскій и Чацкій думали воспользоваться превосходствомъ шляхты въ образованіи и ея вещественной состоятельности, дабы возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года съ подчиненіемъ ей Малороссіи и Кіева. Чарторыйскій не послушался даже убѣжденій императора Александра I ***).

Усерднымъ сотрудиномъ стремленій Чарторыйскаго и Чацкаго сдѣлалось въ это же время еще новое сословіе—католическое духовенство. Именно въ это время произошло тѣсное сближеніе между польщицкой и католичествомъ и названія полякъ и католикъ сдѣлались синонимами. Приходскія школы поступили подъ непосредственное завѣдываніе католическаго духовенства: латинскій ксендзъ въ своемъ приходѣ являлся скорѣе польскимъ политическимъ агентомъ, чѣмъ служителемъ своей церкви. Въ теченіи короткаго времени римская церковь до такой степени усвоила себѣ идею польщицки, что освятила всѣ революціи, всѣ злодѣянія бандитовъ и даже присвоила священное значеніе польскому языку въ своемъ богослуженіи,—та самая церковь, которая въ

***) «Вил. Вѣсти.» № 22.

****) См. Богдановича о I-й эпохѣ преобразованій Александра I.

другихъ странахъ еще и теперь не дозволяетъ совершать богослуженіе на народномъ языкѣ.

Послѣ всего того, что мы сказали относительно распространенія польскихъ стремленій въ сѣверо-западномъ краѣ и вліянія тамъ въ одно время двухъ различныхъ силъ—политической и религіозной, путемъ образованія въ учебныхъ заведеніяхъ съ университетомъ во главѣ,—необходимость открытія чисто-русскаго высшаго учебнаго заведенія въ сѣверо-западномъ краѣ представляется со всей очевидностію. Этотъ край зараженъ въ лицѣ большей части своей передовыхъ людей польскими стремленіями, стоящими въ глубокой, непримиримой враждѣ съ русскими интересами. Во имя своихъ національных интересовъ, Россія должна пресѣчь развитіе этихъ стремленій и, руководясь тѣми же самыми принципами, должна противопоставить образованію—образованіе, разумной силѣ—ту же самую силу. Въ самомъ дѣлѣ—для того, чтобы обрусить сѣверо-западный край (а къ этому направлены въ настоящее время всѣ заботы правительства и общества), намъ необходимо возвысить въ немъ русскую народность, русскій духъ, умственное развитіе въ русскомъ духѣ, до такой степени, чтобы оно имѣло перевѣсъ надъ польскими стремленіями. Образованіе въ русскомъ духѣ, т. е. съ отстраненіемъ искусственнаго возбужденія польскихъ стремленій, составляетъ единственное средство успѣшно дѣйствовать на пути обрусенія края, — и чѣмъ слабѣе будетъ это возбужденіе, тѣмъ успѣшнѣй совершится желанное обрусеніе. Потому-то высшее учебное заведеніе съ его просвѣтительнымъ, цивилизующимъ вліяніемъ вокругъ себя, въ центрѣ сѣверо-западнаго края—было бы явленіемъ въ высшей степени отраднымъ, и остается только желать, чтобы оно было какъ можно скорѣе устроено. Мы не можемъ сомнѣваться ни одной минуты въ полной цѣлесообразности предположеннаго устройства высшаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ. Мы видѣли, съ какою успѣхомъ воспользовались этимъ средствомъ колонизаторы сѣверо-западнаго края; ихъ примѣръ въ этомъ случаѣ весьма важенъ: пользуясь образованіемъ, они успѣли подавить въ сердцахъ многихъ ихъ национальное чувство привязанности къ родной странѣ, вѣрѣ, род-

нельзя обмануть, — намъ же въ дѣлѣ обустройства края нужно воскресить въ сердцахъ русскихъ по происхожденію людей утраченныя чувства любви къ своей національности. Если бы намъ понадобились новые примѣры въ доказательство той мысли, что образованіе составляетъ самую лучшую мѣру въ дѣлѣ національнаго воспитанія цѣлаго народа или одного класса общества, мы можемъ найти ихъ у своихъ сосѣдей — нѣмцевъ : они всегда начинаютъ дѣло національнаго перевоспитанія съ образованія... И такъ, образованіе, устройство для этой цѣли высшаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ — вотъ насущный вопросъ дня. Заведенію, слѣдовательно, быть; но какому — университету или духовной академіи съ историко-филологическимъ факультетомъ?

Нельзя не радоваться тому, что вопросъ объ учрежденіи въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія возбудилъ вниманіе и общества и журналистики. Но всего пріятнѣе, что люди, знающіе мѣстныя потребности и потому серьезно относящіеся къ этому важному вопросу, *безъ всякихъ колебаній* высказались за академію, какъ за средоточіе здѣсь науки и высшаго образованія, а мнѣніе это, сколько намъ извѣстно, поддержали своимъ авторитетомъ и мѣстныя власти — какъ свѣтская, такъ и духовная. Ходятъ впрочемъ слухи, что нѣкоторые изъ сочувствующихъ скорѣйшему осуществленію мысли объ открытіи духовной академіи съ филологическимъ при ней отдѣломъ, желали бы видѣть при ней и юридическій факультетъ. Такое прибавленіе къ академіи мы находимъ не совсѣмъ соответствующимъ цѣли учрежденія и даже — едва ли возможнымъ, не потому, разумѣется, чтобы мы считали юридическое образованіе бесполезнымъ для здѣшняго края, а потому что открытіе при академіи юридическаго факультета будетъ вліять на измѣненіе самаго характера академіи; и пожалуй на ея существованіе. Такая академія съ двумя свѣтскими факультетами, если бы и осуществилась, то показала бы собою первый примѣръ въ Россіи университета съ богословскимъ факультетомъ; а это едва ли мыслимо у насъ въ Вильнѣ въ настоящее время, когда этого нѣтъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Устройство при академіи юридическаго факультета неизбежно

должно вызвать новыя значительныя и трудныя, въ настоящее время, издержки и эта трудность еще болѣе должна усилиться при теперешнемъ недостаткѣ профессоровъ. Поэтому желаніе видѣть при академіи юридическій и, пожалуй, и естественный факультеты, можно сказать, равносильно тому, чтобы — или вовсе не быть въ Вильнѣ ничему, или быть университету, но отнюдь не духовной академіи съ филологическимъ факультетомъ.

За тѣмъ, если обратимъ вниманіе на составъ, предѣлы и характеръ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ академіяхъ, то мы должны сказать, что въ нихъ дается и теперь весьма почетное мѣсто историко-филологическимъ наукамъ, безъ нихъ и теперь невозможно вполнѣ богословское образованіе. Совмѣщеніе по этому въ духовной академіи историко-филологическаго факультета представляется возможнымъ и удобнымъ, какъ по самому характеру наукъ, такъ и потому, что открытіе историко-филологическаго факультета потребуетъ меньше профессоровъ и меньше средствъ. Для мѣстнаго русскаго юношества, желающаго посвятить себя на служеніе церкви, что при теперешнихъ реформахъ въ духовномъ вѣдомствѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вполнѣ возможно, такъ какъ доступъ открытъ всѣмъ, — или же на педагогическую дѣятельность въ здѣшнемъ краѣ, открытіе въ Вильнѣ духовной академіи съ упомянутымъ факультетомъ весьма сподручно. Высшее образованіе, какое молодые люди будутъ получать въ духовной академіи и состоящемъ при немъ историко-филологическомъ факультетѣ, будетъ полнымъ довершеніемъ того образованія, какое они получаютъ въ нашихъ семинаріяхъ и гимназіяхъ, въ которыхъ преобладаетъ классическое образованіе и изъ которыхъ они выносятъ достаточную подготовку для продолженія курса въ академіи и историко-филологическомъ факультетѣ.

Вил. Вѣст.)

ЗАМѢТКА О МѢРАХЪ ПРУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛЬСКО-ПРУССКИХЪ ПРОВИНЦІЙ.

Правительственныя мѣры, дѣйствующія въ сосѣдней съ нами Пруссіи по отношенію къ польщизнѣ познанской области замѣчательны тѣмъ, что упразднили въ Пруссіи почти окончательно такъ называвшійся вопросъ польскій. Мѣры эти тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онѣ имѣютъ въ виду не *отмеченіе нѣкогда нѣмецкихъ провинцій*, какъ старается напр. русское правительство обрусить край русскій, а *отмеченіе провинцій чисто польскихъ*. Несомнѣнная польза этихъ мѣръ выразилась между прочимъ въ слѣдующихъ фактахъ: 1) во время мятежа 1848 года само прусское *землевладѣніе* отстояло $\frac{1}{2}$ области для прусскаго управленія; 2) во время мятежа 1863 года волненія происходили только на окраинѣ, смежной съ царствомъ Польскимъ и были далеки отъ кровопролитія, 3) въ настоящее время есть уже въ Познани *Киртмеры* вмѣсто *Вишневскихъ*.

Значеніе и успѣхъ правительственныхъ мѣропріятій прусскихъ главнѣйшимъ образомъ зависятъ отъ того, что польскій вопросъ нѣмцы разрѣшали и разрѣшаютъ двоякимъ путемъ: 1) *путемъ историческихъ указаній* и 2) *путемъ строгой національной политики*.

Мы познакомимъ читателей только съ нѣкоторыми подлинными выдержками изъ официальныхъ и офиціозныхъ брошюръ, изданныхъ въ Пруссіи—не для вразумленія поляковъ, а для установленія правильнаго взгляда на польскія дѣла въ самихъ же прусакахъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ, весьма убѣдительно показываютъ, что нѣмцы не только *отлично знаютъ* польскую исторію и *ни на минуту не забываютъ ея*, по выучились еще весьма многому изъ опыта. Таковы напримѣръ брошюры:

- 1) Aufschlüsse über die jüngsten Ereignisse in Polen, 1846 г.
- 2) Die polnischen Forderungen in Betreff der Provinz Posen gegenüber dem Recht, den Verträgen und der Thatsachen. Berlin 1861 г.
- 3) Das Großherzogthum Posen und die Polen, сочиненіе бывшаго познанскаго депутата, составляющее сводъ работъ по польскому вопросу. 1861 г.
- 4) Anklage Schrift des Ober-Staats Anhalts bei dem Königlichen

Kammer-gerichte wegen Hochverraths, 1864 г. изданная слѣдственною комиссіей и многія другія *).

Вотъ какъ смотрять на польскій вопросъ пруссаки: „Польскій вопросъ, говоритъ авторъ брошюры: Die polnischen Forderungen..., не только вопросъ о могуществѣ и безопасности прусскаго государства, но вопросъ долга правительства и всего прусскаго народа относительно нѣмецкаго населенія Познани. Никогда прусское правительство не согласится на уступки, которыя не лежатъ ни на какихъ его обязательствахъ и которыми оно стало бы виновно въ томъ, что отдало на жертву нѣмецкую національность и приобрѣтенія, сдѣланныя нѣмецкимъ трудомъ и нѣмецкимъ развитіемъ. Если бы кто либо, подъ вліяніемъ такихъ совѣтовъ, покусился поддерживать своимъ вмѣшательствомъ неисполнимыя польскія требованія, то весь прусскій народъ станетъ, какъ одинъ человекъ, для защиты своего права и своихъ единоплеменниковъ“.

Вотъ какъ знаютъ польскую исторію и руководствуются ея указаніями пруссаки: „что несвѣдующіе французы, говоритъ авторъ брошюры Das Grosherzogthum Posen und die Polen, не знаютъ ни поляковъ, ни ихъ исторіи, то это въ порядкѣ вещей; но нельзя искренно не пожалѣть, что многіе нѣмцы и въ ихъ числѣ люди, занимающіе высшія правительственныя должности, не жившіе или мало жившіе среди поляковъ, не только не имѣютъ о нихъ вѣрнаго, но напротивъ, объ ихъ характерѣ имѣютъ даже совершенно ложное мнѣніе (sondern eine durchaus falsche Ansicht). При наружномъ спокойствіи, въ Познанской области пала-таться на безопасность было бы преступною утѣренностію (strafbare Sicherheit)“... И въ другомъ мѣстѣ: „Горькій и тяжкій снятъ 1846—48 гг. нисколько не привелъ поляковъ ни къ раскаянію, ни къ вразумленію и снова возобновились извѣстною частью польскаго населенія до приторности—bis zum Ekel—набитыя жалобы и всѣ общія революціонныя козни, съ подметными письмами плакатами, которыя съ полнымъ правомъ можно на-

*) Во 2-мъ томѣ извѣстнаго сочиненія В. Ф. Ратча: Свѣденія о польскомъ мятежѣ, Вильна 1868 г., находится весьма много выдержекъ изъ вышеозначенныхъ сочиненій—откуда мы почерпали свои свѣденія.

звать regretum mobile... Что предстоит Познаню, если представить настоящее настроение безответственному его развитию? Тоже, что было за 15 лѣтъ—и дѣло разрешится мятежомъ”.

Вотъ что сдѣлало прусское правительство для упроченія своего господства въ польскихъ провинціяхъ: „Создавъ однажды въ познанской области, государственными средствами и всею правительственною властію прусскіе элементы столь сильными, что они не только могутъ противодѣйствовать полонизму, но постепенно уже стали сами поглощать польскія стихіи, правительство предоставило дальнѣйшее веденіе германизации частнымъ интересамъ и борьбѣ обѣихъ національностей. Правительство *ослажъ своимъ вниманіемъ содѣйствуетъ усиленіемъ прусскаго* скорѣе достигнуть того дня, въ который борьба прекратится и заботливо слѣдить, чтобы по всемъ вѣтвямъ общественной жизни водворить для достиженія цѣли могучую нравственную силу—*силу прусскаго повсемѣстнаго преобладанія*. Правительство усиленіемъ мѣстной администраціи соразмѣряетъ численность личнаго состава чиновниковъ такъ, чтобы дополняя ими вліяніе мѣстнаго нѣмецкаго элемента удержать перевѣсъ за пруссизмомъ надъ вліятельными элементами, которые служатъ полонизму. При подобномъ основаніи правительство естественно избѣгаетъ служащихъ поляковъ, такъ что въ 1861 году всѣхъ служащихъ поляковъ было не болѣе 70 человекъ. Такое ограниченное количество ихъ достигнуто, преимущественно, *калѣфикаціей* т. е. экзаменомъ, котораго не выдерживаютъ они вълѣдствіе поверхностнаго усвоенія науки, нѣмцы же служатъ даже на тѣхъ мѣстахъ, которыя требуютъ знанія польскаго языка”.

С. Шолковичъ.

(Вил. Вѣст.)

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА О ПОЛЯКАХЪ И РУССКИХЪ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Въ сосѣдственной и, по дипломатическимъ приличіямъ, дружественной намъ державѣ польщизна поднимаетъ голову. Галиційскіе поляки съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшенія вопроса о своей сеймовой резолюціи, утвержденіе или отринутіе которой, по ихъ убѣжденію, приблизитъ или отодвинетъ первый

шагъ къ неизбежному будто бы «отбудованію Польши.» Эта резолюція требуетъ, какъ извѣстно, полной и безусловной административной отдѣльности Галиціи почти на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ выдвинулось на политическую сцену полунезависимое Венгерское королевство. Вазалось бы трудно ожидать, чтобы, послѣ всѣхъ опытовъ, сильно распатавшихъ искусственное зданіе разношерстной австрійской имперіи, желанія поляковъ были удовлетворены вполне : тѣмъ не менѣе въ нашъ вѣкъ политическихъ фокусъ-покусовъ и самыхъ невозможныхъ шахматныхъ ходовъ позволительно ожидать всего. Весьма возможно, что гр. Бейсть, радѣющій о своей личной популярности у австрійскихъ народовъ на счетъ габсбургской монархіи, можетъ сдѣлать еще одну ампутацію, обрѣзавъ нити, которыми пришить галиційскій лоскутъ къ австрійско-императорской мантинѣ. Тогда подъ бокомъ у Россіи будетъ создана quasi-дружественнымъ ей государствомъ такая комбинація, которая не можетъ не отразиться и на нашихъ внутреннихъ интересахъ.

Поляки, вѣковыми опытомъ доказавшіе свою неспособность обитать на дѣйствительной почвѣ, нисколько не скрываютъ своихъ сумасбродныхъ плановъ, по которымъ первымъ рѣшительнымъ актомъ въ дѣлѣ возстановленія древней Польши должно быть пораженіе и обезсиленіе Россіи. Всѣ ихъ фантастическіе замыслы, вся внутренняя работа, всѣ натужныя усилія направлены къ единственно завѣтной цѣли—создать такое положеніе дѣлъ, въ результатѣ котораго возникла бы война между Россією и Австрією, пальцами которой они хотятъ вытащить для себя изъ боеваго огня каштаны. Столь желанная поляками галиційская автономія должна имъ предоставить, по ихъ расчетамъ, всѣ способности къ возбужденію между сосѣдственными государствами войны. Тогда Австрія, ради собственнаго спасенія, подниметь мольбъ знамя Польши; по этому сигналу соберутся на поле брани поляки со всѣхъ концовъ свѣта; «Москва» будетъ уничтожена, а Польша, какъ фениксъ изъ пепла, воскреснетъ въ своихъ древнихъ предѣлахъ.

Конечно, все это — утопія, способная лишь вызвать улыбку

созащія. Польское оружіе намъ не страшно, нравственное ничтожество польской боевой силы намъ хорошо извѣстно. Но если дѣйствительно на нашей границѣ возникнетъ польская автономія въ томъ видѣ, какъ она проектирована въ галиційской резолюціи, то въ отношеніяхъ русскаго государственнаго начала къ подданнымъ нашихъ привислянскихъ губерній можетъ произойти путаница, могутъ замѣшаться неприятыя осложненія, способныя задерживать ходъ нашего внутренняго развитія и истощать наши матеріальныя силы. Не польское оружіе для насъ опасно, но опасны тѣ безконечныя интриги, для которыхъ въ автономической Галиціи откроются широкіе пути, но опасенъ тотъ революціонный очагъ, изъ котораго, благодаря близкому сосѣдству, будетъ перебрасываться сирадное пламя въ населенія нашей польской провинціи. А зная по опыту, какимъ чуткимъ эхомъ откликается каждый польскій звукъ за границею въ фанатическомъ клирѣ и не менѣе фанатической шляхтѣ привислянскихъ губерній, нельзя считать проектированную комбинацію въ Галиціи настолько ничтожною, чтобы не указать на средства, могущія противодействовать ея зловерднымъ послѣдствіямъ.

Бъ стыду нашему, мы лишь недавно открыли, что есть въ Австріи славянское племя, судьбу котораго злая исторія безжалостно связала съ судьбою галиційныхъ поляковъ; что племя это *русское* (а не *рутенское* какое-то, какъ насъ завѣряли прежде), которое поляки стараются унедобить себѣ всѣми неправдами, чтобы умножить свою численную силу, но которое съ отчаяннымъ усиліемъ отбивается отъ своихъ исконныхъ враговъ и состоитъ съ ними въ ежеминутной напряженной борьбѣ за свое существованіе, что племя это, слѣдуя своимъ естественнымъ симпатіямъ, давно уже обращаетъ умоляющіе взоры къ Россіи, отъ которой ждетъ защиты и спасенія, и всѣми своими инстинктами жаждетъ сліянія съ нами. Вотъ та сила, которая, при нравственной поддержкѣ съ нашей стороны, можетъ для насъ послужить крѣпкимъ оплотомъ противъ польскихъ замысловъ. Эта сила въ состояніи спарализовать всю ядовитость направляемыхъ противъ насъ козней тамъ, гдѣ ослѣпляютъ безсильными сотысячные корпуса съ игольчатыми винтовками.

Поляки понимаютъ это, и при всякомъ случаѣ, подъ разными предлогами, стараются искоренить въ нашихъ соотечественникахъ вароудши русскихъ симпатій, въ томъ разчетѣ, чтобы Россія не воспользовалась ими во вредъ Польшѣ. Этому плану опомяченія русскихъ галичанъ слѣдуютъ поляки и въ качествѣ представителей Галиціи въ рейхсратѣ. Безстыдство свое они протерли до того, что недавно устами денутата своего, Зыбликевича, требовали, чтобы министерство просвѣщенія лишило русско-уніятскую семинарію казеннаго денежнаго фонда въ томъ вниманіи, что заведеніе это способствуетъ-де развитію въ священникахъ, а чрезъ нихъ и въ народѣ, симпатій къ «москалямъ». Поляки знаютъ, что начинающееся возрожденіе народнаго духа въ русскихъ массахъ происходитъ, благодаря влиянію духовенства; поэтому они хотѣли бы отнять у спеціально-русскаго заведенія всякія средства къ образованію русской молодежи. Съ прискорбіемъ замѣчая, что уніятское духовенство стоитъ теперь на одинаковой ступени образованія съ латинскими ксендзами, они желали бы ввергнуть это духовенство въ неисходное невѣжество, какъ было во времена независимой Польши, чтобы безпрепятственно употребить русскій народъ, лишенный патристическаго водительства, для своихъ политическихъ цѣлей. Соображая, что грамотность ведетъ къ размышленію, а размышленіе приводитъ къ историческимъ воспоминаніямъ, благопріятствующимъ великому русскому народу, польская сеймовая фракція расположена даже запретить угнетенному галицкому народу учиться грамотѣ. Въ счастію, при настоящемъ порядкѣ вещей, поляки не вользуются пока властію въ такой мѣрѣ, чтобы привести эту часть своего святотатственнаго плана въ исполненіе. Вотъ почему, между прочимъ, русскіе галичане обнаруживаютъ страстное претивленіе введенію въ Галиціи автономіи: они, несчастные, горькимъ опытомъ извѣдали, что предоставленіе полякамъ нѣгѣйшей тѣни господства въ этой провинціи сопровождалось обыкновенно пагубою для русскаго народа.

Слѣдуетъ, однако жъ, отдать справедливость нашимъ антагонистамъ въ томъ, что они изъ всаозможныхъ возможностей умѣютъ извлекать для себя выгоду. Но изъ возможности оставить

разливающееся въ русскомъ народѣ образованіе, они успѣли эксплуатировать для польскихъ интересовъ и эту жажду къ обученію, пробудившуюся въ русскихъ галичанахъ. Такимъ подводомъ изъ широкаго русла народной жизни поляки отвели въ сторону обильный потокъ русскихъ силъ и раздѣлили нашихъ единоплеменниковъ на партіи. Извѣстно, что въ средѣ галицкихъ русскихъ образовалась фракція такъ называемыхъ украинофиловъ, единственно по инициативѣ поляковъ и при ихъ дѣятельной поддержкѣ. Цѣль этой партіи состоитъ въ томъ, чтобы удержаніемъ народа на узкой тропѣ малорусскаго партикуляризма заглушить въ немъ всякое проявленіе обще-русскихъ симпатій и не допускать до сознанія общности его духовныхъ интересовъ съ великорусскимъ народомъ. Для этого издаются на малорусскомъ подрѣчьи такъ называемую кулишовкою буквари, учебники, беллетристическія сочиненія и даже св. писаніе; собираются памятники исключительно малорусской бытовой жизни, пропагандируется исторія Руси въ неблагопріятномъ для насъ свѣтѣ и т. п. Украинофилы крѣпко держатся за свою обрядовую унію, потому что она обезпечиваетъ имъ сохраненіе малорусскаго элемента, а будетъ ли Галичина (восточная) принадлежать Австріи, или Россіи—это для нихъ безразлично, потому что украинофильское направленіе очевидно не имѣетъ никакой будущности. Сепаративныя стремленія, этого нравственно-убогаго кружка выражаются въ малорусскомъ журналѣ «Правда» и въ членской организаціи, подъ именемъ «Просвіта» (просвѣщеніе). Главнѣйшими воноводами украинофильской фракціи, безсознательно радѣющей польскимъ интересамъ, служатъ: д-ръ Сушкевичъ, пр. Вахнянинъ, Партицій и Заревичъ. Къ сожалѣнію, въ составъ ея входитъ много воспитателей юношества и народныхъ учителей. Понятно поэтому, какъ много вреда могутъ причинить эти люди славяно-русскимъ интересамъ, тѣмъ болѣе, что украинофильская партія явно покровительствуется австрійскимъ правительствомъ, а въ кассѣ общества «Просвіта», какъ насъ извѣщаютъ, никогда не выводятся *Франки и талеры*.

Къ счастью, большинство галицко-русскаго народа, и при томъ

самая здоровая и интеллигентная часть его, группируется вокруг львовских русских органовъ «Слова,» служащаго выраженіемъ наиболѣе просвѣщеннаго галицкаго общества, и «Слова до громадь,» предназначеннаго для простолюдиновъ. Поборники и представители этой партіи, именуемой поляками московскою и святомюрскою, ясно сознавая свое славянорусское призваніе, дѣйствуютъ въ крѣпкой солидарности съ обще-русскими интересами, и всѣми своими силами стремятся къ духовному и политическому сліянію съ великимъ русскимъ народомъ: А въ чаяніи своего свѣтлаго воскресенія, какъ они называютъ будущую счастливую эпоху включенія Галичины въ общее русское отечество, галицкіе патріоты зорко и бдительно оберегаютъ возлюбленный ими народъ отъ поглощенія его поляками и неустанно борются противъ злокозненныхъ интригъ этихъ заклятыхъ и непримиримыхъ враговъ Руси. Въ главѣ патріотическихъ стремленій русскихъ галичанъ стоятъ, кромѣ гг. Дѣдицкаго и Площанскаго, редакторовъ-издателей двухъ вышеупомянутыхъ газетныхъ органовъ, еще отецъ протоіерей Петрушевичъ, прот. Наумовичъ, Е. О. Павлевичъ, бывший гостемъ на московской этнографической выставкѣ въ 1867 году и делегатомъ на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1868 г., Д. М. Булачковскій и Ю. М. Геровскій. Первые четыре, по преимуществу, работаютъ орудіемъ слова и силою убѣжденія, а послѣдніе, какъ дѣятели молодые и энергическіе, самоотверженно истощаются въ усиліяхъ, не щадя матеріальныхъ средствъ и личныхъ трудовъ, чтобы расчислить патріотической пропагандѣ возможно большій кругъ дѣйствія, олицетворить животворную идею въ жизни и мѣстныхъ учрежденіяхъ въ осязательныя формы и приумножить количественно и качественно галицко-русскую живую силу.

Мы нарочно вдались въ подробное разсмотрѣніе духовнаго быта несчастной горсти нашихъ соплеменниковъ, искусственно оторванной отъ обще-русской жизни, съ тою цѣлію, чтобы дать наглядное указаніе: гдѣ слѣдуетъ искать надежныхъ союзниковъ противъ нашихъ враговъ, тайныхъ и явныхъ, — такихъ именно союзниковъ, содѣйствіе которыхъ обусловлено не временными только соображеніями, но условіями постоянно-прочными, каковы:

племенное тождество, общность цѣлей и интересовъ. Обидно и больно сознавать, что одна частица этой горсти поведена поляками въ фальшивую сторону, неблагопріятную славяно-рускимъ цѣлямъ, а другая, оскорбляемая нашимъ равнодушіемъ, позорная поляками и пресѣдуемая польско-нѣмецкою полиціею, конвульсивно изнываетъ въ своихъ благородныхъ стремленіяхъ, безъ привѣта, безъ достаточной матеріальной поддержки, безъ дружнаго сочувствія... А будь съ нашей стороны надлежащее воздѣйствіе, сепаратизмъ въ галицко-русской семьѣ не имѣлъ бы мѣста, и плодотворная дѣятельность галицкихъ патриотовъ крѣпко обезпечила бы позицію нашу противъ польскихъ разрушительныхъ замысловъ. Между тѣмъ, въ географическомъ центрѣ галицко-русскаго патриотизма, во Львовѣ, мы не имѣемъ до сихъ поръ даже своего консульства, объ учрежденіи котораго тщетно и давно уже взываютъ наши братья къ русскому правительству.

Но ежели равнодушіе наше къ доблестнымъ соплеменникамъ, отстаивающимъ русскую идею противъ жертващаго вѣянія полонизма, до сихъ поръ сходило безъ особенно вредныхъ для насъ послѣдствій, то теперь, въ виду польско-галиційской автономіи на границѣ нашей привислянской территоріи, пассивная политика была бы непростительнымъ небреженіемъ къ нашимъ прямымъ государственнымъ выгодамъ.

(Веч. Газ.)

ПОСЪЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ПАТРИАРХІИ ПАПСКИМЪ ЛЕГАТОМЪ, СЪ ЦѢЛЮ ПРИГЛАШЕНІЯ НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫИ ПАПЮ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ РИМЪ.

Въ воскресенье, 16-го текущаго мѣсяца (марта), въ 2 часа по полудни, по предварительномъ соглашеніи, пришелъ въ патриархію тамошній католическій архіепископъ и папскій полномочный, въ сопровожденіи начальника лазаристовъ и двухъ другихъ аббатовъ, съ цѣлю вручить мѣстоблюстителю и намѣстнику alexандрійскаго престола, г. Нилу, въ присутствіи преосвященныхъ епископовъ пилусійскаго, трипольскаго и киринейскаго, приглашеніе папы на имѣющей быть въ Римѣ вселенскій соборъ.

Отдѣлъ I V.

Послѣ обычныхъ привѣтствій полномочный папскій обратился къ мѣстоблюстителю и намѣстнику съ рѣчью на французскомъ языкѣ :

„Ваша досточтимость, конечно, знаетъ цѣль настоящаго моего посѣщенія. По порученію, данному мнѣ его святѣйшею рукою, я имѣю вручить вамъ посланіе, коимъ здѣшній престолъ приглашается въ Римъ на вселенскій соборъ.“

Мѣстоблюститель и намѣстникъ (по французски же); „Посланіе, которое ваше преосвященство имѣете вручить намъ, одинаково съ тѣмъ окружнымъ посланіемъ блаженнѣйшаго папы древняго Рима, которое было напечатано во многихъ газетахъ, или нѣтъ?“

Католическій епископъ: „Да, совершенно одинаково.“

Мѣстоблюститель и намѣстникъ: „Расположеніе его блаженства, римскаго папы, къ возсоединенію вселенской церкви Спасителя нашего поистинѣ весьма похвально: объ этомъ издревле вся православная церковь возсылаетъ пламенные молитвы къ начальнику мира и совершителю вѣры, и въ свою очередь здѣшній достоючтенный апостольскій престолъ преславнаго апостола Марка, знаменитый первосвятитель коего и свѣтлыиъ православія св. Кириллъ нѣкогда, что безъ сомнѣнія вамъ не безызвѣстно, возсѣдалъ лицомъ къ лицу съ папою римскимъ Целестиномъ на третьемъ св. вселенскомъ соборѣ. Такимъ образомъ, означенное расположеніе присуще обѣимъ сторонамъ, т. е. и мы и вы желаемъ полнаго единенія церкви. Но, къ несчастію, видимъ только и ограничивается общій знакъ согласія, въ дальнѣйшемъ же существуетъ явное разногласіе. Чтобы не прибѣгать къ другимъ доказательствамъ, обратимъ вниманіе на тоже самое новое окружное посланіе блаженнѣйшаго папы, каковымъ здѣшній достоючтенный престолъ приглашается на имѣющій быть въ Римѣ вселенскій соборъ. По многимъ, и особенно по тремъ главнымъ причинамъ, настоящее посланіе рѣшительно не можетъ быть принято. Во первыхъ потому, что оно нарушаетъ и испровергаетъ равенство святыхъ Божіихъ церквей, и ихъ независимость; оно утверждаетъ, что римскій престолъ есть владыка и глава прочихъ самостоятельныхъ престоловъ, и въ такомъ тонѣ осмиваетъ вселенскій соборъ; между тѣмъ какъ римскому престолу, какъ во всемъ на-

вѣстно, предоставлено святыми вселенскими соборами только преимущество чести, а не главенство надъ другими церквами; съ другой стороны, самъ собою онъ не можетъ созывать вселенскаго собора безъ предварительнаго согласія прочихъ святѣйшихъ патріарховъ. Во-вторыхъ потому, что его блаженство папа старается убѣдить насъ, что только въ Римѣ обитаетъ спасеніе, тамъ лишь находится средоточіе истинной церкви, тамъ только благодать Божія дѣйствуетъ, по силѣ, какъ говорить онъ, дарованнаго Спасителемъ св. Петру особеннаго права; между тѣмъ благодать Божія и божественное достоинство церкви Христовой не ограничивается Римомъ или какою-либо другою опредѣленною мѣстностью, но дѣйствовала и дѣйствуетъ по всей вселенной, наполнила и озарила всѣ концы земли, и церковь основана повсюду преемниками боговдохновенныхъ апостоловъ, которыми, какъ трубами, дѣйствовалъ Духъ Святой. Въ третьихъ потому, что вселенскій соборъ онъ созываетъ въ праздникъ непорочнаго зачатія Богородицы, но такого догмата церковь совсѣмъ не знаетъ, и онъ только недавно столь дерзостно введенъ подобно другимъ нововведеніямъ. Но зачѣмъ все это? Если блаженнѣйшій папа древняго Рима искренно желаетъ умирненія и воссоединенія всей Христовой церкви, то пусть онъ обращается съ своими посланіями, какъ братъ и какъ равный къ равнымъ, къ другимъ святѣйшимъ патріархамъ и независимымъ церквамъ, и предварительно совѣщается съ ними относительно изысканія способа для сей цѣли; самымъ же лучшимъ способомъ было бы слѣдовать указанію исторіи и измѣнить настоящее состояніе римской церкви, возстановивъ оное въ древнемъ видѣ. Поступая же не такъ, онъ напрасно тратитъ свои усилія: раздѣляющая насъ бездна увеличивается болѣе и болѣе.

Католическій епископъ: „Послѣдовавшее со стороны святѣйшаго отца созываніе вселенскаго собора—законно: онъ имѣетъ на это право, такъ какъ онъ есть глава и владыка церкви, какъ преемникъ блаженнаго Петра. Впрочемъ я пришелъ сюда не спорить, а лишь выполнить возложенное на меня порученіе. Поэтому я считаю долгомъ прекратить споръ.“

Мѣстоблюститель и наместникъ: „Пусть. Но мы не приемлемъ такихъ притязаній, какъ противныхъ догматамъ церкви,

Глава коей есть самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ; право же созывать вселенскій соборъ принадлежить другому, а не папѣ: неложный свидѣтель сему исторія церкви.“

Католическій епископъ: „Что глава церкви папа, это явно изъ того, что къ нему относятся какъ къ посреднику (посредникъ же естественно имѣеть и высшее право). Вы конечно знаете, что здѣшняя церковь есть престолъ апостола Марка, который былъ рукоположенъ во епископа александрійскаго блаженнымъ Петромъ; слѣд. александрійскій долженъ подчиняться римскому. И развѣ Аѳанасій великій не обращался къ римскому, какъ къ посреднику?“

Мѣстоблюстителъ и намѣстникъ: „Рукоположеніе св. Марка апостоломъ Петромъ не заключаетъ въ себѣ признака главенства. Скажу даже вамъ, что всѣ апостолы равночестны и равновелики по достоинству, какъ пріявшіе всѣ одну и ту же благодать Св. Духа. И если римскій престолъ хвалится Петромъ, то еще болѣе можетъ хвалиться имъ антиохійскій, какъ первый среди патріарховъ, потому что тамъ прежде всего оный блаженный апостолъ училъ и столько времени епископствовалъ. И опять, если римскій хвалится древностію, то несравненно болѣе права имѣеть говорить о себѣ это александрійскій, который издрѣвле былъ вторымъ по порядку, и лишь послѣ, когда столица была перенесена въ Константинополь, епископу этого города предоставлено второе мѣсто по порядку: Наконецъ, если Аѳанасій Великій, преслѣдуемый арианствующимъ императоромъ и арианами обращался къ римскому престолу, то это отнюдь не указываетъ на главенство. Сколько бывало случаевъ, что патріархи относились другъ къ другу, прося братскаго участія; но изъ этого не выводили того заключенія, что тотъ, къ кому обращаются, есть глава надъ другимъ“.

Католическій епископъ: „Но для достиженія столь великой и желанной цѣли, по моему мнѣнію, вы должны нѣкоторые пункты разногласій оставить безъ вниманія и не останавливаться лишь на мелочахъ“.

Мѣстоблюстителъ и намѣстникъ: „Это вѣрно и кто этого не желаетъ? Но здѣсь вопросъ касается не мелочей, а важнаго предмета. Чтобы не распространяться, мы снова повторяемъ вамъ, что такъ какъ настоящая попытка блаженнѣйшаго

папы оказалась безуспѣшною, то онъ, если только желаетъ соединенія католической церкви, долженъ написать каждому изъ патриарховъ и сообразоваться съ ихъ общимъ мнѣнiемъ относительно того, что должно дѣлать, избѣгая при этомъ всякой мысли о главенствѣ и всякаго догмата противнаго церкви. Тогда можетъ быть послѣдуетъ какой нибудь успѣхъ въ этомъ дѣлѣ“.

Послѣ нѣкоторыхъ еще собесѣдованiй о настоящемъ предметѣ легатъ папы удалился вмѣстѣ съ сопровождавшими его, унеся съ собою и напское приглашенiе, такъ какъ оно осталось не принятымъ.

(Христ. Чтенiе).

НОВОСТИ ИЗЪ РИМА.

Пятидесятилѣтнiй юбилей Папы.—Тайная вечеря въ Ватиканѣ.—Совѣщанiя конгрегацiй по поводу предстоящаго вселенскаго собора.—Антиримскiй соборъ представителей наукъ въ Неаполѣ.—Царство въ настоящее время и во время господства Византии въ Римѣ.

Недавно Римъ праздновалъ пятидесятилѣтнiй юбилей священнической службы папы, который наступилъ 8 апрѣля н. с. Торжество началось тридцатимью въ Латеранѣ и кончилось блестящею иллюминацiею. Папа самъ лично священнодѣйствовалъ въ этотъ день въ соборѣ Петра. Всѣ города Церковной Области прислали депутацiи съ подарками, состоящими изъ продуктовъ ихъ промышленности или мѣстности. Кромѣ того, прибыли многочисленныя депутацiи изъ всѣхъ странъ мiра, и также не съ пустыми руками. Слышно, что Ватиканъ заваленъ ящиками, и о цѣнности подарковъ ходятъ въ Римѣ баснословныя слухи. Разсказываютъ, будто бы императрица Евгенiя прислала папѣ золотой пирогъ. Что отношенiя Рима къ Францiи не испортились вслѣдствiе извѣстнаго письма Пiя IX къ архиепископу парижскому, видно уже изъ того факта, что маршалъ Нiель разрѣшилъ въ Эльзасѣ вербовку волонтеровъ въ папскую армiю. Римляне поднесли папѣ золотую чашу, для подарковъ, украшенную драгоценными камнями и весьма изящнаго рисунка. Она стоитъ 30,000 франк. Рисунокъ ея сдѣланъ

талантливымъ герцогомъ Сермонетою, который теперь совершенно ослѣпъ. Папа выказалъ въ послѣднее время необыкновенную бодрость и адорове. Несмотря на утомительныя религиозныя церемоніи, которымъ обыкновенно въ Римѣ сопровождается страстная недѣля и пасха, папа принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ, онъ уже въ 10 часовъ утра присутствовалъ на обѣднѣ въ сикстинской капеллѣ, въ 11 перенесъ святыя дары изъ сикстинской въ паулинскую капеллу, убранную въ видѣ гробницы, а въ $\frac{1}{4}$ 12-го онъ съ loggia собора давалъ торжественное благословеніе народу. Огромная площадь передъ соборомъ была буквально биткомъ набита народомъ.

Съ бастіоновъ крѣпости св. Ангела раздался громъ пушекъ, заиграла военная музыка, и Пій IX вошелъ въ соборъ святаго Петра совершить омовеніе ногъ. Роль апостоловъ изображаютъ 13 священниковъ различныхъ націй. Папа моетъ имъ правую ногу, цѣлуетъ ее и даритъ каждому букетъ и золотую медаль, цѣнностью въ 16 римскихъ эску (85 фр.)

Послѣ омовенія ногъ папа отдыхаетъ немного и закусываетъ, а апостолы отправляются въ верхнюю залу собора, гдѣ для нихъ приготовленъ роскошный обѣдъ. Папа вскорѣ приходитъ къ нимъ, и начинается св. вечера. Кардиналы-діаконы повязываютъ папу бѣлымъ передникомъ, обшигиваютъ кружевами, кладутъ ему въ руку глиняную ложку, одинъ изъ монсигоровъ приноситъ миску съ постнымъ супомъ, и папа разливаетъ его апостоламъ, которые кушаютъ съ аппетитомъ обыкновенныхъ смертныхъ. Послѣ супа папа наливаетъ апостоламъ вина и накладываетъ имъ еще три кушанья изъ рыбы и зелени, потомъ благословляетъ ихъ и уходитъ. Апостолы остаются еще цѣлый часъ за столомъ, и тѣ кушанья, которыхъ имъ не съѣсть, они въ корзинахъ забираютъ съ собою. Всѣ эти обряды привлекаютъ громадныя толпы любопытныхъ зрителей. Во время омовенія ногъ въ настоящемъ году болѣе 50,000 народу тѣснилось въ соборѣ, и всѣ задыхались, не исключая и швейцарской стражи, которую женщины, страстныя любительницы религиозныхъ зрѣлищъ, заставили отступить къ самому выходу. Весь дипломатическій корпусъ, принцъ пармскій, герцогъ баденскій и маленькій князь монакскій присут-

ствовали при всѣхъ церемоніяхъ въ особенно устроенныхъ для этой цѣли трибунахъ. Въ пятницу пала снова присутствовалъ на преждеосвященной обѣднѣ и на торжественномъ перенесеніи даровъ изъ сикстинской капеллы. Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея священнодѣйствія папы возбуждаетъ невольно вопросъ: какъ будетъ смотрѣть исторія на Пія ІХ? Какъ на загадку, какъ на разочарованіе, или какъ на предостереженіе исторіи? Почему будетъ судить о немъ потомство? По его планамъ реформъ, по его ошибкамъ, по его уступкамъ, по его либерализму, или по его внезапнымъ проявленіямъ деспотизма? Будетъ ли оно судить о немъ по его конкордату съ Австрією и его апостолическимъ письмамъ къ Англіи, по его бѣгству изъ Рима, по его высокоумному поведенію въ Гаэтѣ, по его заботливости о христіанскихъ мощахъ, по его прежнимъ стараніямъ приобрести популярность, или по его нынѣшнему презрѣнію къ идеѣ единства Италіи? Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Піи ІХ, по собственному своему выраженію, занимаетъ въ исторіи мѣсто пограничнаго пункта, отъ котораго расходятся противоположныя пути.

Въ Римѣ дѣятельно происходятъ совѣщанія конгрегацій, которыя могутъ быть названы приготовительнымъ парламентомъ къ вселенскому собору, и значеніе ихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ далеко не маловажно. Можно уже теперь сказать навѣрное, что соборъ будетъ только орудіемъ въ рукахъ этихъ конгрегацій. Подразумѣвается, что среди епископовъ не возникнетъ разногласія, и что они покорно станутъ соглашаться на проекты постановленій, вырабатываемые въ настоящее время. Такимъ образомъ возможность преній устраняется; но наврядъ ли, это будетъ пріятно всѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя при своей покорности св. престолу все же чувствуютъ себя свободными членами великаго организма католической іерархіи. Между тѣмъ въ послѣдніе дни здѣсь разнесся странный слухъ: говорятъ, несмотря на всѣ приготовленія, соборъ не будетъ открытъ или будетъ отложенъ, что почти одно и то же. Многіе епископы будто бы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отказались присутствовать на немъ, и въ слѣдствіе этого партія, не желавшая собора, указыва-

еть на недостаточность авторитета его рѣшеній, въ случаѣ сѣзда небольшого числа лицъ. Известно, что и въ коллегіи кардиналовъ далеко не всѣ члены ожидаютъ особенно блестящихъ результатовъ отъ собора; многіе опасаются, что постановленія его не будутъ одобрены и приняты нѣкоторыми государствами Европы, а это сильно поколеблетъ достоинство св. престола. Но если всѣ препятствія будутъ устранены, и соборъ откроется, то долго ли продлится онъ? Газета „Monde“ отвѣчаетъ на это: Тридентскій соборъ продолжался восемнадцать лѣтъ, но это былъ длиннѣйшій изъ всѣхъ девятнадцати соборовъ, и дѣйствительные труды его были окончены въ пять лѣтъ. По вычисленіямъ этой клерикальной газеты, предстоящій вселенскій соборъ долженъ закрыться лѣтомъ 1870 года, если не встрѣтятся какихъ нибудь непредвидѣнныхъ событій. Въ случаѣ же возникновенія новыхъ вопросовъ, они будутъ разработаны въ теченіе лѣта, и закрытіе собора послѣдуетъ зимою 1870—1871 г. Нечего говорить, что все это одиѣ предположенія. Недавно графъ Риччарди издалъ воззваніе въ Неаполѣ, въ которомъ предлагаетъ противопоставить римскому вселенскому собору анти-римскій въ Неаполѣ. Мысль эта нашла поддержку во многихъ свободномыслящихъ кружкахъ. Если демонстрація эта состоится въ небольшихъ размѣрахъ, то она будетъ, конечно, совершенно безцѣльна и можетъ принять комическій характеръ; если же она состоится въ большихъ размѣрахъ, то она задавитъ римское собраніе и превратитъ незваныхъ судей въ подсудимыхъ. Международный конгрессъ представителей науки, засѣдающій одновременно съ вселенскимъ соборомъ въ одномъ изъ итальянскихъ городовъ, не только отвлечетъ общественное вниманіе отъ конференціи прелатовъ, но выкажетъ всю несостоятельность послѣдней отчаянной попытки римскаго престола. Хотя римскій соборъ не грозитъ ни малѣйшею опасностью развитію человѣчества, хотя эти судорожныя усилія папства будутъ только способствовать его гибели; тѣмъ не менѣе мысль о схваткѣ сторонниковъ папства съ фалангою представителей науки представляется въ весьма обаятельномъ свѣтѣ, и анаеема, которую изречетъ римскій соборъ противъ неаполитанскаго собранія, найдетъ себѣ, конечно, нежеланно и роковой отголосокъ въ всеобщемъ смѣхѣ.

Было время, когда папы еще назвались римскими епископами, когда они не думали не только о свѣтской власти, но даже о духовномъ преобладаніи надъ христіанскимъ міромъ; въ то время приговоры и изреченія папъ чтились всѣми. Римъ съ своими окрестностями, равно какъ и экзархатъ Равенскій, были просто византійскою провинціею и назывались римскимъ герцогствомъ. Папы были подданными греческихъ императоровъ, подобно прочимъ гражданамъ. Они вели жизнь простую, не мѣшались въ свѣтскія дѣла, раздавали огромныя суммы бѣднымъ, и помогали средней Италіи защищаться противъ лонгобардовъ. Въ то же время они по возможности защищали италіянцевъ отъ угнетеній византійскихъ намѣстниковъ и вообще играли роли помощниковъ всѣхъ несчастныхъ. Въ 727 г. римляне возстали, прогнали греческаго намѣстника и объявили герцогство республикою, а папу ея свѣтскимъ главою. Хитрый грекъ Захарій, бывшій папою въ 741 г., устроилъ дѣло такъ ловко, что лонгобардскій король Луипрандъ уступилъ папамъ города и области, отнятыя имъ у Византіи. Это было началомъ свѣтской власти папы. Къ этимъ областямъ присоединились земли, которыя каролинги дарили папамъ, въ награду за свое коронованіе, и, наконецъ, папская власть окончательно утвердилась побѣдою въ столѣтней борьбѣ съ нѣмецкою имперіею. Чѣмъ же стали папы послѣ того, какъ они достигли своей давно желанной цѣли? Они стали политиками, войнами и интриганами, начали произносить приговоры надъ жизнью и смертью цѣлыхъ народовъ и разсылать во всѣ стороны своихъ палачей истреблять ереси. Въ продолженіе половины тысячелѣтія Римъ произносилъ смертныя приговоры и превращалъ благочестивыхъ королей въ убійцъ. Настоящее время зашло еще дальше; оно воздвигало цѣлыя груды труповъ, чтобы утвердить: что такое папы теперь, мы укажемъ на кровавыя жертвы 1849 и 1867 г., и эти бозмолвныя жертвы окажутся самыми краснорѣчивыми свидѣтелями. Въ день празднованія 50 лѣтняго юбилея своего священнодѣйствія, любуясь своими жандармами, зуавами, драгунами и пушками, принимая поздравленія и приношенія европейскихъ государей и благочестивыхъ пилигримовъ, Пій IX, быть можетъ, съ грустью вспомнить то время, когда папы были еще простыми

епископами. Онъ невольно долженъ былъ сознаться, что весь этотъ вышній блескъ не можетъ вознаградить за упадокъ внутренней силы папства. Конецъ свѣтской власти, за которую онъ такъ судорожно цѣпляется, близокъ, очень близокъ и онъ не можетъ не видѣть этого.

(Веч. Газ.)

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ И ПАНЪ ДУХИНСКІЙ.

Бѣглая польская шляхта, обыкновенно называемая эмиграціею, представляетъ поистинѣ жалкій кружокъ людей, страдающихъ психическою болѣзнію, извѣстною въ медицинѣ подъ именемъ однопредметнаго помѣшательства. Въ ихъ поврежденномъ мозгу крѣпкимъ гвоздемъ засѣла idea fixa восстановления Ржечи-Посполитой, и для достиженія своей несбыточной цѣли бѣдныя пациенты предлагаютъ разныя фантастическія и бессмысленныя средства, къ которымъ слѣдуетъ относиться, какъ къ проявленіямъ ихъ патологическаго состоянія. Поэтому польскіе органы, издающіеся на чужой землѣ, безъ малѣйшаго преувеличенія, представляются сборниками сочиненій, писанныхъ въ желтомъ домѣ. Возьмемъ на удачу № 103 *Неподлестности*, издающейся въ Цюрихѣ. На первомъ планѣ статья подъ названіемъ: *Трехсотлѣтняя годовщина моблинской унии*. Чего здѣсь нѣтъ! это самый безпорядочный бредъ разстроенной души, не имѣющій нисколько точки опоры въ дѣйствительности, бредъ, цитировать который было бы жестоко, потому что онъ можетъ имѣть значеніе только для врачей-психіатровъ. Далѣе слѣдуетъ воззваніе къ „родакамъ“ какого-то Беднарчика, „бывшаго полковника войскъ народовыхъ и оттоманскихъ,“ жительствоващаго въ Батиньелѣ. Это воззваніе, какъ ни бессмысленна его исходная точка, все таки не лишено хоть грамматическаго смысла и представляетъ поэтому симптомъ умопомѣшательства не въ столь развитой степени. Бѣдный полковникъ воображаетъ своихъ соотечественниковъ не только при Вислѣ, Одерѣ и Виліи, но и при Бугѣ и Днѣпрѣ. Вызываетъ онъ къ своимъ родакамъ, чтобы всѣ немедленно и дружно соединились въ одинъ голосъ и увѣнчали польскою коро-

НѢЮ того, въ комъ бьется польское сердце, т. е. ни божѣ, ни менѣ, какъ принца Наполеона. „Въ немъ одномъ всѣ наши предводители видятъ силу, которая въ состояннн поднять край изъ неволи; подъ его только штандартомъ воскреснетъ людъ и *дамая шляхта*.“ Увы, средство это уже оказалось на практикѣ ни куда негоднымъ, потому что гораздо раньше оттоманскаго и народоваго полковника, именно въ 1862 году. Бѣглая шляхта возвела на несуществующій польскій тронъ злоуполучнаго принца (фактъ историческій), но подвиги его на пользу польской справы не вошли дальше неприличной фразеологии во французскомъ сенатѣ. Есть, впрочемъ, въ томъ же самомъ номерѣ одинъ документъ, весьма интересный, стоящій серьезнаго вниманія. Онъ изобличаетъ недостойную продѣлку одного изъ такъ называемыхъ передовыхъ польскихъ мыслителей и борцовъ за ойчизну, прославленнаго пана Духинскаго, который, подъ возвышенно-патріотическимъ предлогомъ, надулъ свою братію самымъ наглымъ образомъ. Въ 1863 году онъ напечаталъ въ Парижѣ воззваніе, шарлатанскіе приемы котораго едва ли не превосходятъ приемы извѣстнаго Дулькамары. Вотъ оно: „Вываю къ вамъ, мои соотечественники, чтобы вы собрали для пользы ойчизны капиталъ въ 13,800 фр. При помощи Божіей и этого вашего пожертвованія, я напишу въ теченіе трехъ лѣтъ исторію Польши, въ составъ которой войдутъ: *Принципы польскихъ дѣлнй* (три части), *новгородскій памятникъ, дополненія, первая основанія исторіи церковей—польской и московской, картинная галерея*. Этотъ капиталъ необходимъ мнѣ въ теченіе трехъ лѣтъ на мое содержаніе, на писаря, на ученыхъ путешествія и на уплату старыхъ долговъ моихъ въ Бѣлградѣ, Стамбулѣ и Парижѣ....“ Документъ оканчивается слѣдующими словами: „Спѣшите же, мои земляки, дабы не оставить на своей совѣсти укора, дабы потомъ никто—ни свои, ни чужіе—не могъ попрекнуть васъ въ томъ, что вы были равнодушны къ моему зову. Армія и дипломатія, которыя приношу я на алтарь ойчизны, совершенно обезпечиваютъ вамъ пообѣду. Теперь я еще въ цвѣтѣ силъ и чувствую жажду труда. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ (чего не допусти Боже) здоровье можетъ замѣнить, силы ослабнуть, стремленія угаснуть....“

Возвѣдъ за этимъ одинъ изъ прихвостней Духинскаго, Тренон-

скій, пустиль подобное же воззваніе въ еще болѣе велегрѣчи-вомъ духѣ, гдѣ Духинскій названъ „геніемъ и новымъ окомъ человѣчества,“ и гдѣ говорилось, что сей ученый шарлатанъ „знаетъ все, что до сихъ поръ одному лишь Богу было вѣдомо.“ Серіозно выслушали эту ерунду простоволосые земляки, и въ кассу Духинскаго дѣйствительно полились крупныя приношенія. Для какой цѣли употребилъ Духинскій обманомъ собранныя деньги, неизвѣстно даже самой эмиграціи; но вѣрно то, что прошло уже два раза по три года, а о чудодѣйственномъ талисманѣ, долженствовавшемъ вылиться изъ головы польскаго мыслителя, замѣнить для поляковъ армію и дипломатію и обезпечить верхъ надъ москалями, — объ этомъ талисманѣ ничего не слышно. Сама эмиграція, наконецъ, смекнула, что надули ее самымъ грубымъ образомъ и въ № 103 *Неподделности* требуетъ отъ новѣйшаго Дулькамары отчета. А онъ, бѣднaja, такъ таки и не пошелъ дальше своей теоріи о туранахъ, надъ которою теперь подсмѣивается вся мыслящая Европа. Вотъ на какой цинизмъ способенъ первѣйшій изъ польскихъ верховодниковъ, имѣющій наглость величаться чуть не полубогомъ. Да успокоится же въ размѣшанной имъ грязи его развѣнчанная тѣнь! Въ концѣ концовъ оказывается, что ни сила, кроющаяся въ принцѣ Наполеонѣ, ни даже великое могущество пана Духинскаго никакъ не могутъ одолѣть препятствій къ восстановленію истлѣвшей Речи-Посполитой.

(Веч. Газ.)

ИЗЪ ХОЛМА.

Преосвященный холмскій Михаилъ собралъ 14 карта все находящееся въ Холмѣ духовенство на совѣщаніе объ изданіи епархіальной газеты, которая съ одной стороны должна быть органомъ духовной власти, а съ другой — помогать разъясненію нуждъ епархіи и содѣйствовать соединенію разрозненныхъ на Руси элементовъ. Для обсужденія этого важнаго, особенно для истинныхъ русскихъ, вопроса, составленъ комитетъ изъ трехъ членовъ, которые въ самомъ скоромъ времени должны представить планъ

газеты. Говорятъ, что газета будетъ издаваться *литературнымъ* русскимъ языкомъ (значить, безъ приѣси мѣстныхъ выраженій и словъ?), содержаніе же ея будетъ по преимуществу духовное, а первое мѣсто будутъ занимать распоряженія правительства и сархіальныхъ властей.

(Свер. Лист.)

ОДЕРЖАНИЕ 12-ой кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ь I.

12. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ И УНИИ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ. — *Свѣдѣнія* о Полоцкомъ Базилянскомъ Софійскомъ монастырѣ. Акты этого монастыря, начатія въ 1746 году по повелѣнію Ираклія Лисовскаго, прото-консультора литовской базилянской провинціи, главнаго викарія и оффиціала полоцкой архіепископіи. Стр. 39.

О Т Д Ъ Л Ь II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ параграфы о Кіевѣ, Миланла Максимовича. Стр. 69.
Свѣщ. А. Иванцовъ-Платоновъ.

О Т Д Ъ Л Ь III.

ВНИМОЕ гоненіе римско-католической церкви и ея духовенства въ Россіи. Стр. 35. *Свѣщ. Фанель Пашута.*

О Т Д Ъ Л Ь IV.

ГАЙЛО, историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, часть 2-я, глава 2-я, похищеніе Пяты (продолж.) Стр. 255. *С. Калугинъ.*
ЕВРЕИ въ Варшавѣ во время послѣдняго польскаго мятежа (окончаніе). Стр. 267.

БИБЛИОГРАФІЯ. Исторія попытокъ къ соединенію церковей греческой и латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи. А. Катанскаго. Стр. 291. *Е. Дилевскій.*

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — *О названіи* кіевской Руси Россіей. Стр. 336. — *Краткія свѣдѣнія* о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ волынской епархіи, въ настоящее время не существующихъ. Стр. 340. — *Предположеніе* объ открытіи высшаго учебнаго заведенія въ Вильгѣ. Стр. 347. — *Замѣтка* о мѣрахъ прусскаго правительства относительно польско - прусскихъ провинцій. Стр. 355. — *Вечерняя газета* о полякахъ и русскихъ въ Галиціи. Стр. 357. — *Посвященіе* александрийской патріархіи папскимъ легатомъ, съ цѣлю приглашенія на предполагаемый папою Вселенскій соборъ въ Римѣ. Стр. 363. — *Новости изъ Рима.* Стр. 367. — *Польская Эмиграція* и панъ Душицкій. Стр. 372. — *Изъ Холма.* Стр. 374.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1869 годъ выходитъ съ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, — въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ А. Сыркина, б. Феннера, Въ С.-Петербургѣ, — у комиссіонера „Вѣстника“, книгопродавца А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ Москвѣ, — у такогожъ комиссіонера, книгопродавца А. Н. Черепантова, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. Черемина. Въ Варшавѣ, — у книгопродавца г. Кожанчикова. Въ Ковнѣ, — въ книжномъ магазинѣ Косогорова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей Вильны, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ Вильну.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу Говорскому, въ Вильну.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ — для первыхъ по 5 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 1867 годы — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“, за *истекшіе* годы не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не менѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

СОДЕРЖАНИЕ 12-ой кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

№ 13. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ И УНИИ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ. — **Свидѣнія** о Новомъ Базилянскомъ Софійскомъ монастырѣ. Акты этого монастыря начаты въ 1746 году по повелѣнію Праклія Лисовскаго, протопресвитера литовской базилянской провинціи, главнаго викарія и офіціала полоцкой архіепископіи. Стр. 39.

ОТДѢЛЪ II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ параграфы о Кіевѣ, Михаила Максимовича. Стр. 40.
Свѣдѣнія А. Иванцовъ-Платоновъ.

ОТДѢЛЪ III.

МНИМОЕ гоненіе римско-католической церкви и ея духовенства въ Россіи. Стр. 35. **Свѣдѣнія** Фавстъ Пашута.

ОТДѢЛЪ IV.

ИГАЙЛО, историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, часть 2-я, глава о похищеніи Пааты (продолж.) Стр. 255. **С. Казушскій.**

ЕВРЕИ въ Варшавѣ во время послѣдняго польскаго мятежа (оконч.) Стр. 267.

БИБЛОГРАФІЯ: Исторія попытокъ къ соединенію церкви греческой и латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи. А. Катанскій. Стр. 291. **Е. Дилевскій.**

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **О названіи** Великой Руси Россіей. Стр. 336. — **Историческія свѣдѣнія** о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ волынской епархіи, въ настоящее время не существующихъ. Стр. 340. — **Предположеніе** объ открытіи новаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ. Стр. 347. — **Замѣтка** о мѣрахъ прусскаго правительства относительно польско-прусскихъ провинцій. Стр. 355. — **Вечерняя** газета о полякахъ и русскихъ въ Галиціи. Стр. 357. — **Посвященіе** александрийской патріархіи папскимъ дипломомъ, съ дѣлю приглашенія на предполагаемый папою Вселенскій соборъ въ Римѣ. Стр. 363. — **Новости** изъ Рима. Стр. 367. — **Политическая** Эмиграція и панъ Душинскій. Стр. 372. — **Изъ Хома.** Стр. 374.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во все мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ комисіонерамъ „Вѣстника“ А. О. Базунова въ С. Петербургѣ и А. Н. Орапонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: „Очерки бѣлорусскаго Полесья“ (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI, — 1868.

КНИЖКА X.

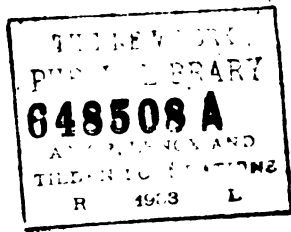
ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

—
1868.

Дозволено ценсурою. 20-го декабря 1868 года. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“
Въ будущемъ 1869 году.

(СЕДМОМЪ).

Шестилѣтнее существованіе „Вѣстника Западной Россіи“ настолько уяснило характеръ его и направленіе, что мы можемъ избавить себя отъ всякихъ на эту тему объясненій съ читающею публикой. Шестилѣтнее существованіе изданія спеціальнаго, провинціального, съ трудомъ пробивавшагося сквозь сплошную массу препятствій внѣшнихъ и внутреннихъ, и неуклонившагося ни на шагъ отъ принятаго однажды направленія, служить наглядною порукой и прочности изданія, и его цѣлесообразности, и вниманія къ нему патріотической части русской интеллигенціи края и отечества. Усилившіяся въ теченіи послѣдняго года и достигавшія нерѣдко крайняго безобразія нападки на „Вѣстникъ“ и его дѣятелей со стороны нѣкоторыхъ газетъ несомнѣнно доказываютъ, что это изданіе сильно перечитъ ихъ теоріямъ, симпатіямъ и намѣреніямъ и бодро стоитъ на стражѣ началъ охранительныхъ, патріотическихъ.

Такіе признаки жизненности нашего изданія и продолжавшагося на него запроса побуждаютъ насъ, съ вѣрою въ помощь Божію и надеждою на нравственную и матеріальную поддержку со стороны людей истинно-русскихъ, приступить къ продолженію нашего дѣла и въ слѣдующемъ 1869-мъ году.

1 КНИГА DEC 14 1931

„Вѣстникъ Западной Россіи“ будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣль I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ и съ приращеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣль II.

Очерки и рассказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи,— научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ,—свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологій.

Отдѣль III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе наладокъ на Вѣстникъ,— опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣль IV.

Повѣсти, рассказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ

связи съ ея прошедшею исторіею,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и разныя мѣлкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи. Объявленія и проч.

„ВѢСТНИКЪ“

будеть выходить съ января мѣсяца книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- ВЪ ВИЛЬНѢ—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ **А. Г. Сыржина** (б. Сенъковскаго).
 ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ—у комиссіонера „Вѣстника“, книгопродавца **А. Ф. Вазунова**, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.
 ВЪ МОСКВѢ—у такогожъ комиссіонера, книгопродавца **А. Н. Оерапонтова**, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря.
 ВЪ ВАРШАВѢ—у книгопродавца г. **Божанчикова**.
 ВЪ КОВНѢ—въ книжномъ магазинѣ **Косогорова** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 5 р., съ доставкою на домъ 7 руб., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволят стноситься съ своимъ требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: **Вѣстникъ Западной Россіи, из Вильны.**

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору-издателю „Вѣстника“ *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*, въ Вильну.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дѣлается уступка: за 18⁶³/₆₃ годъ, для жителей Вильны, по 4 руб., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶⁴/₆₄ годъ, для первыхъ по 5 руб., для послѣднихъ по 6 руб., 50 коп. за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 1867 годы — для первыхъ по 6 руб. для послѣднихъ по 7 руб. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не менѣе 10-ти экземпляровъ, дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ: не менѣе 25—10% 50—15% и 100—20%.

Редакторъ - издатель **В. Говорскій.**

Редакторъ-сотрудникъ **И. Эрмицъ.**

I.

№ 11.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда по дѣлу, заведенному полоцкимъ архіепископомъ Гавріиломъ Колендою объ отнятіи отъ униатовъ заблудовской церкви и введеніи въ ней греческаго богослуженія конюшимъ Великаго Княжества Литовскаго Богуславомъ Радзвилломъ 1664 г. (*).

Лета отъ нароженя Сына Божого тысяча шетьсотъ пятого мѣсеца Октября третого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ на завтрее по светомъ михале святе Римскомъ припалыхъ и судовне

(*) Этотъ документъ разъясняетъ нѣсколько важныхъ обстоятельствъ. Во первыхъ представлено въ судѣ объявленіе, что церковь Заблудовская съ самаго своего основанія принадлежала православнымъ и что притизанія на оную униатовъ рѣшительно неправильны. Во вторыхъ ревность, съ какою князь Богуславъ Радзвиль отстояваетъ права церкви православной, заставляеть до-

въ Городне порядкомъ правнымъ одправованныхъ, передъ нами Константымъ Александровичомъ судьей, Томашомъ Воловичомъ подсудкомъ, Петромъ Хребтовичомъ писаромъ, врадниками судовыми повету Гродненского, вгды съ порадку реестрового ку сужению припала справа Бозе превелебного его милости ксендза Габріеля Коленды, архиепископа Полоцкого, Витебского, епископа Мстиславскаго, администратора Верезвецкого, Лещинского, Супраслского архимандрыты метрополіи Кіевское, Галицкое и всея Руси администратора зъ ясне освещенымъ ксенжатеу его милостью Богуславомъ Радивиломъ, конюшимъ Веливого князтва Литовского, старбстою Бранскимъ и Пошырвинскимъ, яко опекуномъ, зъ докладомъ освещеное ксенжнички ее милости панны Анны Марыянный Радивилонны воеводянки Виленской, по родычу ее милости не только маетности Заблудовая, але и всехъ добрь сукцессорки, за позвоу и декретомъ суду головного Трибунального въ неузнаню форумъ той sprawy, але на скуточную доземства отослания росправы, менечы, ижъ бы черезъ яснеосвещеного ксенжати, его милости пана конюшого, по обняту маетности Заблудовское ошекою, одняте церкви Заблудовское, на фалу Божую Успления Панны Пренасветное Марыей одъ светое памети въ Богу змарлого небощика его милости пана Грегорего Ходкевича каштеляна Виленского на унию

гадываться, что и онъ принадлежалъ къ этой церкви; въ противномъ случаѣ, еслибъ былъ католикомъ, онъ не рѣшился бы идти противъ уніи, покровительствуемой католицизмомъ и дѣйствовать въ противность интересамъ латынской церкви. Наконецъ, въ этомъ документѣ упоминается о пактахъ, то есть договорахъ между православной Русью и уніятами заключенныхъ. Смыслъ этихъ договоровъ могъ бы разъяснить многія обстоятельства, относящіяся къ исторіи уніи; но, въ сожалѣнію, этихъ договоровъ между актами центрального архива до сихъ поръ отыскать не было возможности.

светую съ костеломъ Римскимъ фундованую вжо въ року давно прошломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ третимъ, о впроважене якобы черезъ княжати его милости до тое церкви унияцкое дызунитовъ, ку сужению нашому припала справа, а стороны черезъ ене-рала приволаныи были къ особе жалобивого въ Бозе велебнаго его милости ксендза коленды наместникъ Супраслскій, велебный отецъ Антоній Парфеповичъ зъ умоцованымъ своимъ паномъ Матеемъ Скурафомъ, а одъ янеосвецоного ксенжати его милости пана конюшого Великого Княвства Литовского слуга его ксенжацкое милости панъ Станиславъ Шышка до дня пятого месеца Октября на умоцованого потребоваль, чо-го и мы оному позволили. За которымъ то обладомъ, гды ажъ на дню девятомъ октебра приволана была, отъ превелебного его милости ксендза архиепископа Полоцкого акторату справа, тотъ же его ксенжнятской милости слуга зъ умоцованымъ паномъ Андре-емъ Корейвою становиль, который тотъ умоцованный отъ янесосвецоного кнежати его милости, хотечы ее о таковомъ обвиненю усправедливить, на копию справъ наказу врадъ упрашалъ, въ которомъ и томъ, яко прав-номъ потребованю, назначившы день трети росправы зо всехъ справъ, абы отъ превелебного его милости ксендза архиепископа были противной стороне даны копии наказали. За которымъ наказомъ нашимъ, гды на дню трынадцатымъ приволана была спра-ва жалобивого его милости ксендза Коленды, пле-нипотентъ кривды хвале Божое доходечи за фунду-шомъ о церковь Заблудовскую, за унияцкую, а про-тивнымъ способомъ слуга и пленипотентъ способомъ ксенжати его милости панъ Шышка съ паномъ Ко-рейво о невинности ксенжа его милость не отбераль, дызунитовъ до тое церкви не впровожалъ, але тая церковь Заблудовская одъ давного часу не унятомъ,

але людемъ реликгии Кгрецкое, въ унией съ костеломъ святымъ Римскимъ по будущимъ належала, яко и належить доводити хотель, священникъ Забудовскій и сындыкъ тое церкви, именемъ велебного его милости отца Антония Винницкого, митрополиты Киевского и всего огульне духовенства религии Кгрецкое въ уни не будучое, чынечы въ той справе о церковь Забудоскую, которая зъ вековъ въ дыспозыцей метрополиты Киевского, Руси сторожитное зоставала, приповедане зъ одмовою въ тотъ способъ писаною на письме подаль: По которомъ подмною тое обмовы моцою артыкулу двадцать четвртого зъ розделу четвртого, абы была одложена до роковъ прышлыхъ тая справа, взглядомъ поданое обмовы афектоваль, Мы врадъ въ той справе ихъ милостей особъ вышъ речоныхъ, за позвомъ по яснесвещоного ксенжати его тилости пана Богуслава Радивила конюшого Великого Князства Литовского, старосты Бранского и Пошырвинскаго, зъ докладомъ яснесвещоного княжны ее милости панны Анны Марианны Янушовны Радивиловны, воеводянки Виленское, якобы позваный ксенжа его милость, обнявшы маетность Забудовъ опекою, церковь въ томъ месте Забудовъ будучою Успления Пречистое Богородицы Марые и Чудотворца великого Микола, на унию съ костеломъ Римскимъ фундованую, яко о томъ ширей въ позвы жалобы есть описано, на набоженство дызунитовъ подать мель; въ котерой справе. попеважъ обмова до насъ владу на письме подана есть одъ отца Іана Кудрыцкого свещеника Забудовское церкви одъ Прокопа Русиновича сындыка, афектуючи, абы за принятемъ оное и сусцептованемъ, моцою артыкулу двадцать четвртого зъ розделу четвртого, была до роковъ прышлыхъ тая справа сусцептована, до которое тое обмовы и мы врадъ стосуючысе моцою артыкулу по-

даново суспендуемъ. Одъ которого то нашего декрету, иже есмо яко въ слушномъ и правномъ аффектованю особъ менованыхъ суспензу учинили, отецъ Антоній Парфеновичъ намесникъ Супраского монастыру, менечы уближене справедливости светое, въ томъ цункте до суду Головного Туибунального апелеваль, которое и мы въ терминъ належный росправы за тоєю апеляцыю допустили, а потомъ заразомъ самъ добровольне одступившы тое апеляцые, на томъ декрете нашомъ пересталь, которая справа, яко се предъ нами одправовава, есть до книгъ земскихъ записана.

Изъ актовой книги за 1664 1666 г. виленскаго центрального архива.

2.

Окончательное опредѣленіе гродненскаго земскаго суда, по силѣ котораго православная цервовъ въ м. Заблудовѣ отдана уніатамъ съ уплатою за нѣсколько лѣтъ десятины. Въ опредѣленіи этомъ прописывается сеймовое постановленіе касательно нѣкоторыхъ уступокъ уніатовъ въ пользу православныхъ.
1666 г. (*).

Лета отъ нароженя Сына Божего тисеча шестсотъ шестьдесять шостого, месеца Октебра семого дня.

(*) Этотъ документъ составляетъ продолженіе предъидущаго. Онъ заключаетъ въ себѣ много весьма важныхъ обстоятельствъ, какъ то: постановленіе варшавскаго сейма 1635 года, которому представлена была общая просьба объ оставленіи православныхъ церквей въ управленіи ихъ духовенства. Это событіе произошло за тридцать лѣтъ до составленія настоящаго документа, въ продолженіи которыхъ православное духовенство постоянно владѣло

На рокахъ судовыхъ земскихъ по святомъ Михале святе Римскомъ водле права припалыхъ и судовне у Городне отпраованыхъ, передъ нами Константымъ Александровичомъ судьбою, Томашомъ Воловичемъ подсудкомъ, Петромъ Хребтовичомъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городненского, кгда съ порадку реестрового ку суженю припала справа ясне вельможного въ Бозе превелебного его милости ксендза Габриеля Коленды, метрополиты Киевского, Галицкого, и всея Руси, архимандриты Супраского зъ ясне освещонымъ княжатеми его милостю Богуславомъ Янушевичомъ Радивиломъ, копяшимъ Великого Князтва Литовского, Бранскимъ и Попырвинскимъ старостю, и ясне освещоною ксенжною ее милотю Анною Марьею Янушевичовною Радивиловною воеводянкою Вилепскою, Богуславою Радивиловою, конюшиною великого князтва Литовского, малжонкою освещоного княжати его милости за позволъ въ речы нижей мененой вынесенымъ, до которое справы, за прыволанемъ черезъ енерала сторонъ до права одъ вельможного его милости ксендза метро-

этою церковью, слѣдственно обвиненіе Радзивилла въ 1665 году, якобы онъ ввелъ въ эту церковь уніатовъ воплнѣ неоснователь- но, потому что православные имѣли въ своемъ вѣденіи заблудов- скую церковь болѣе 20 лѣтъ прежде вступленія Богуслава Радзи- вилла во владѣніе имѣніемъ Заблудово. Самая фундація церкви, какъ сказано въ предъидущемъ документѣ и повторяется неоднократно въ настоящемъ, произошла въ 1564 году, когда еще объ уніи и слуху не было. Это обстоятельство доказываетъ несомнен- ную подложность представленнаго противниками Радзивилла акта, взятаго якобы изъ книгъ трибунала, въ которомъ говорится, что церковь заблудовская построена была Хоткевичемъ, для уніатовъ, которыхъ въ то время вовсе еще не было. Да и самаго этого документа въ оригиналъ нигдѣ отыскать невозможно. Земскій судъ, не смотря на видныя доказательства неосновательности тре- бованій уніатовъ, присудилъ имъ заблудовскую церковь, а съ Радзи- вилла велѣлъ взискать 4,400 золотыхъ за невзность имъ десятины въ пользу уніатовъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

политы Киевского, умоцованный при бытности самого его милости, моцъ себе до тое справы отъ него злецовую маючы, панъ Криштофъ Чижевскій, а одъ освещенныхъ княжатъ ихъ милости нозванныхъ умоцованный за моцою листовною правною панъ Михаль Миневскій, при бытности слугъ освещеного княжати его милости пана Криштофа Кривца, старосты Заблудовскаго и пана Станислава Шышки становили; за тымъ пленипотентъ акторовъ поданя и положеня по освещенныхъ княжатъ ихъ милости, въ маестности и дворе Заблудовю въ повете Городненскомъ лежачомъ, позву черезъ енерала его королевское милости повету Городненского Александра Сороку, передъ его милостю паномъ писаромъ земскимъ Городненскимъ признанымъ и року за тымъ припалаго доведши и трое воланя пильности на томъ позве описаное рукою тогожъ его милости пана писара назначеное оказавшы и продуковавшы впредъ декретъ владу нашего съ прошлыхъ роковъ межы его милости есендзомъ метрополитою, а межъ освещенымъ княжатею его милости конюшымъ великого князтва Литовского о одняте церкви Заблудовское на хвалу Божую заложения, Успения Богородицы Марыи и светого великого Чудотворца Микола, одъ годное памети въ Богу зошлого ясне освещеного его милости Грыгоря Хоткевича каштеляна Виленского, на унию съ костеломъ святымъ Римскимъ фундованое, о впроваженю до тое церкви униятское дызуництовъ, о задержаню одъ заложения позву провизыи по часъ которое справы передъ нами активаное свещеникъ Заблудовское церкви, релии дызуницкое, на имя Янъ Будрицкій и Прокопъ Русиновичъ, который менилъ се бытъ сындыкомъ тое церкви, обмову до насъ владу на письме, именемъ якобы велебного отца Антонего Влницкого метрополиты Киевского, дызуницкого, ме-

нечы о заручено пактъ межы народомъ Кгрецкимъ, то есть униатами а дызунитами постановленныхъ, просечы несужена на онъ часъ тое справы, але откладу оное до другихъ роковъ, моцю артыкулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого, на мунимента, то есть, на показане менованыхъ пактъ, подавши, а по прочитаню тое обмовы, поменены особы приняты оное устное просили и тые пакта на пришлыхъ рокахъ, яко теперешнихъ покладать декляровали. Якожь мы врадъ на онъ часъ тую обмову принявши моцю помененого артикулу на показане тыхъ пактъ, до теперешнихъ роковъ позволили, что декретомъ нашимъ зъ роковъ прошлыхъ михаловскихъ, въ року прошломъ тисеча шесть сотъ шестьдесятъ пятомъ месеца октября третего дня ферованымъ и выданымъ, требуючи, абы впередъ сторона позваная тому декретови досыть учинила, то есть, албо тые пакта показала, албо тежь место показаня мунимента подлугъ того артыкулу менованого заплатила кгда сторона позвана вступовать въ право не можетъ, ажъ первейшому декретови досыть учинить. На што умоцованый позваныхъ, поставившы помененого священника Заблудовскаго дызунита и Русиновича сындыка, водлугъ тогожь артыкулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого место плаченя муниментовой вины, до присегн оныхъ бралъ; умоцованый зась жалобливого вносилъ то, же поменены особы тое присеги выконать не могутъ, албовемъ не зъ ними справа, але зъ освещенымъ княжатею его милостю, а тые особы только на проволоку справедливости светое абы тая справа ку розсудку зъ княжатею, его милостю не приходила, але проленкгована была, такову зъ воли княжати его милости подали обмову, за чымъ абы княжа его милостю самъ тому декретови досыть учинилъ, наказу у насъ владу просилъ,

на што умоцованый княжати его милости, репликующы, поведиль, же тотъ Русиновичъ не на жадную зволюку справедливости светое, але власне хочеты помененные пакта продуковать такуюю обмову подалъ, начомъ водле першого домованя и до присеги оноу беру и узнаня оному прошу: въ томъ ма врадъ розсудокъ чынечы впередъ, абы тотъ Русиновичъ помененные пакта межы народомъ Кгрецькимъ поставленные, которые продуковать на першыхъ рокахъ декларовалъ, теперъ передъ нами только для щегульной информации покзалъ наказали, а за неуказанемъ оныхъ тотъ Русиновичъ на томъ, яко съ прошлыхъ, такъ-рочныхъ роковъ Михаловскихъ, не на жадную зволюку сторонамъ, право ведучымъ, взялъ, але справедливе, же ведле обмовы до насъ поданое взглядомъ пактъ на церковь Заблудовскую межы народами Рускими будучыхъ, на теперешнихъ рокахъ мель доводити и показати; которыхъ ижъ теперъ жадныхъ передъ нами не продукovali пактъ, до присеги се, место пактъ покладаня обералъ, и мы врадъ место вины муниментовое, водле того артикулу двадцать четвертого зъ розделу четвертого и водле декрету нашего тогорочного, присегу всказуемъ Прокопови Русиновичови, которую онъ дня завтрешного, то есть осмого месеца Октебра выконать маеть, а по выконаню таковой присеги, обудвумъ сторонамъ далей въ право поступовать наказали есмо. Якожь дня осмого месеца октебра тотъ Русиновичъ, чинечы досыть декретови нашему, тую присегу, зъ роты себе черезъ енерала читаную выконалъ, ВЪ ТЫЕ СЛОВЫ: Ja Prokop Rusinowicz przysięgam Panu Bogu Wszehmogoncemu w Trojcy świętej Jedynemu na tym, iako s przeszłych roków tak rocznych Michałowskich wziąłem nie na żadną zwłokę stronom prawo wiodącym, ale sprawiedliwie na to, że wedle obmowy do sądu podanej, względem pact na cerkiew Zabłudowską między narodami

Ruskiemi będących, na terazniejszych rokach miałem dowodzić i pokazać, na czym iako sprawiedliwie przysięgam tak mnie Panie Boże pomóż, a jeśli niesprawiedliwie Panie Boże mnie ubiy. А по выконаню той присеги тотъ же умоцованый стороны поводовое панъ Чыжевский, поднесшы запозовъ, жалобу зъ него стороны своей читать хотель, тогда пленипотентъ стороны позваное панъ Миневский, продукуючи конституцию року тисеча шестьсотъ сорокъ первого, вносишь то, же тая справа не нашому земскому, але сеймовому розсудкови подлегаеть, зачымъ неузнана передъ собою форумъ, але одослана оное водле помененой конституции на сеймъ, у насъ владу просишь; на што умоцованый стороны поводовое противо ексципованю въ той справе форумъ декретъ трибунальскый, въ року тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятымъ, месеца мая дванадцатого дня у Вильни ферованый читаль, егды въ той справе межы ясне перевелебнымъ его милости ксендзомъ метрополитою Киевскимъ а межы тымъ же ясне освещонимъ княжатею его милостю у суду головного трибунального, о тую церковь справа точила, и гды тамъ же съ тоею же конституциею вышей цытованою отъ ксенжати его милости ставано де форо, афектуючы въ той справе до належного владу отослана, якожь судъ головный трибунальскый не узнавшы передъ собою въ той справе форумъ. до владу належного земского Городенского на skutочную росправу заложившы, такъ на владъ въ допущеню, яко и на сторону въ заживаню дьякый отослаль, за которымъ отосланемъ егды въ року прошломъ тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятомъ о тожь на рокахъ Михаловскихъ агитовалася справа, при контроверсы ясне превелебного его милости ксендза метрополиты, не хотечы и въ самой речи росправить; менечы, ижь бы тая церковь въ Заблудовю не унии, але дызунии належати мела, чого

пробовать хочечы, не екщышующи форумъ, тотъ свещенникъ дызунитскій Іанъ Кудрицкій и Прокаль Русиновичъ сындыкъ, черезъ поданую обмову на писме именовъ велебного отца Антонего Винницкого, метрополиты Киевского дызунитского въ продуковане пактъ межы народомъ релии Кгречкой, моцою артикуду двадцать четвертого зъ розделу четвертого, до роковъ теперешнихъ суспенсу одержаль, въ чомъ мы врадъ стосуючы се до того цытованого артыкуду до тое суспенсы подлугъ поданое обмовы поззволили и абл на термине нынейшомъ для информации насъ самихъ тые пакта на которые и забирали, продукованые были, наказали, которыхъ и теперь передъ нами жадныхъ не продуковали пактъ, съ тыхъ намъ водлугъ декрету нашего такъ рочного присегу, до которое се сами забирали, место вины муниментовое, наказали Прокопови Русиновичови, который самъ сындыкомъ менилъ се бытъ, выконать, по которого по выконаню присеги на дню осмомъ черезъ Русиновича, кгда зъ наказу нашего въ самой справе процедовать наказали, теды умоцованый одъ ясне освещеного ксенжати его милости панъ Миневскій, при бытности до той справы слуги кнежати его милости, не хочечы се въ той справе передъ нами и теперь усправедливити, менечы ижъ бы то не розсудкови нашему, але саймови самому судить належало, форумъ екщышующы, констытуцые две, меновите, року тисеча шестьсотъ сорокъ первого и року тисеча шестьсотъ тридцать третего, а набардзей до тое екщышущи о форумъ за головнейшую тисеча шестьсотъ сорокъ первго року констытуцыю цытуючы де форо ставаль, поведаячы, же за короля его милости светобливое памети Владислава четвертого, же кгда о забране цркви, либо о кгрунты церковные идетъ, теды о то не судъ земекій, але на сейме, передъ всею речью посмели-

тою росправа быти маеть, отослана на сеймъ потребоваль. На што панъ Скурать, репликуючи и ставяючы при декрете суду головного Трибунальнаго въ дате вышъ помененомъ року въ тойже справе ферованомъ доводилъ, яко не иншому судови ено розсудкови владу, вашихъ милостей тая справа належитъ, а до того пры отправованой той справе самъ ясне превелебный его милость ксендзъ метрополита Киевски, при контрадикции умоцованыхъ съ прочитаное тое конституции, тисеча шесть сотъ сорок первого року, кгда бы о фундушъ королевъ ихъ милости, а не шляхецкое фундацыи шло, тою конституцыею заслоняться бы мель, поведилъ, на которую яко манифестацыя против тое конституции одъ велю ихъ милостей такъ духовныхъ яко свецкого стану занесена есть на сеймъ, покладалъ, которая, абы въ сесь декретъ нашъ инсерована была. потребоваль. По прочитаню той манифестацыи умоцованый ясне превелебного его милости ксендза метрополиты Киевского. при декрете трибунальскомъ ставяючы, актыкацыю фундушю ясне вельможного его милости пана Грегоро Хоткевича кастеляна Виленского, гетмана великого князтва Литовского, въ дате року тисеча шесть сотъ шестьдесятъ четвертого месеца Юля первого дня съ книгъ суду головного трибунального выданую на ту церковь Заблудовскую, яко не дызунія, але унии съ костеломъ святымъ Римскимъ есть фундавана, тотъ фундушъ на тую церковь наданный покладалъ и яко много провизыи на тую церковь попови, дяконови и канторови на кажды рокъ приходитъ доводилъ, недопущена тое неслушное эксцепции, яко только на проволоку справедливости светое неслушное вношное зоживаеть ухиления тыхъ конституций на сторону а узнаня въ чой справе форумъ и наказу процедованя потребоваль. Мы врадъ поневажъ же

Фундушь на церковь Заблудовскую не отъ королей ихъ милости, але яко шляхецкая фундацыя отъ годное памяти его милости пана Грыгоря Александровича Хоткевича справлений оказалъ, експедицію стороны позваное на сторону ухиливши, въ той справе форумъ, стосуючы се до декрету суду головного Трибунального, передъ нами покладаного, передъ собою узнавши, процедовать наказуемъ. По которомъ то наказе нашомъ, жесмо тое справы на сеймъ не одослали, сторона отпорная протестовавшысе, запоколькокротнымъ приволанемъ енеральскимъ въ самой речи до отказу не становила, за тымъ умоцованный стороны поводное, при бытности въ Бозе превелебного ясне вельможного его милости ксендза метрополиты Киевского, панъ Криштофъ Чыжевскій доводечи кривды и жалобы позевъ поднесшы, жалобу зънего широчей въ томъ позве по ксенджати его милости и ксенжны ея милости описаную чыталъ тыми словы о то и таковымъ способомъ, ижъ кгды въ року давно прошломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ третемъ месеца Юню семого дня годное памяти зъ того света зошлый ясне вельможный панъ Григорый Хоткевичъ, панъ Виленски, гетманъ найвысшій Великого Князтва Литовского съ побожности и ласки своей, на честь и хвалу пану Богу Всевышнему церковь въ маестности своей вечистой, въ Заблудовю, въ поветъ Городенскомъ лежачую заложена Внебовзятя Пренасветшой Паны збудоваль и абы хвала уставичне отпрованна быть могла певное надане на тую церковь и на каплана релии Кгрецкой въ унии съ костеломъ Рымскимъ зостаючой *) лекговавшы, вечными часы ненарушии фундоваль, яко о томъ вся речь

*) Отъявленная ложь. Унія возникла послѣ 1563 года чрезъ 33 года, на брестскомъ соборѣ 1596 года.

ВЪ ТОМЪ ФУНДУШУ ОПИСАНА, ЛЕЧЬ ВЕЛЬМОЖНЫЙ ВАШ
 МИЛОСТЬ ПАНЬ КОНЮШЫЙ, НАБЫВШЫ ТУЮ МАСТНОСТЬ
 Заблудовъ, не ведаеть зъ якои оказни завзявшы не-
 якій противу вере светой Унияцкой ранкорь, ниче-
 го недбаючы на право посполитое и лезде себе оное
 новажаючы, взрушаючы покой посполиты, наступу-
 ючы на право и таковой даровный фундушъ, чы-
 нечы великую опспресью церкви светой въ унии съ
 светымъ костеломъ Римскимъ зостаючой. до тое цер-
 кви Заблудовской, где отъ веку уния была и на унию
 фундовано. дызунитовъ впровадилъ еси, въ чомъ
 ксеендзъ метраполита взявшы певную ведомость, же
 тамъ передъ тымъ уния была и на унию фундовано,
 яко належитый пастыръ и директоръ всихъ церквей
 святыхъ въ унии зъ костеломъ Римскимъ зостаючыхъ,
 постерегаючы, абы уйма веры светой и церквямъ не
 было, але далее помножене брать могла, о которое
 неслушное одняте одъ унитовъ той церкви, а о напро-
 важене дызунии хотечы о то зъ верностию вашей
 милости правомъ чынить, якожь егды о то зъ ваш-
 мостями правомъ превелебный ксеендзъ метрополита
 чынить за позвомъ и декретомъ суду головного три-
 бунального отосланы на skutочну росправу по ва-
 шей милости на прошлыхъ рокахъ Михаловскихъ у
 Городне сужоныхъ зачалъ правомъ, где теды за по-
 даною обмовою до владу отъ священника Заблудов-
 ского и сындыка, афектуючы суспенсы на мунимента
 до пришлыхъ роковъ моцю артыкулу въ декретъ вы-
 ражномъ врадъ допустилъ одклати и тое суспенсы
 узычылъ, на которомъ термине декларовали тые осо-
 бы, одъ которыхъ обмова подана была, яко тая цер-
 ковь зъ давныхъ часовъ не унитомъ, але дызунитомъ
 належить, документа показати и за ними ся
 skutочне на жалобу жалобливого справяти. По про-
 читаню того позву покладалъ процесъ отъ его ми-

лости ксендза метрополиты на позванныхъ взвышъ мененой акцыи до книгъ головныхъ трибунальныхъ въ року тисеча шестьсотъ шестдесять четвертымъ, за взятемъ ведомости о помененомъ фундушю донесенный и въ томъ же року месеца июля первого дня съ тыхъ книгъ выданный, такъ же и фундушомъ взглядомъ неотданое разнымъ збожемъ священникови тое церкви и дяконови легованое провизыи доводити, ижъ на каждый годъ повинно даватъ десетины, яко тотъ фундушъ описуетъ, меновите. священникова жыта на годъ копъ пятьдесятъ, канторови церковному жыта копъ двадцать пять, томужъ ечменю копъ двадцать пять, которого того збожа отъ чиненого процесу черезъ тры лета не отдавано, всего жыта учинить копъ триста семдесять и пять. ечменю такъ же копъ трыста семдесять и пять, и особливе коледы зъ каждого пляцу на каждый годъ такъ на священника, яко и на дякона по грошы чотыры, чого всего учинить готовымъ грошомъ такъ за жыто яко и за ечмень, водлугъ торгу чотыры тисечи шестдесять пять золотыхъ Польскихъ. Ещо на дальшый доводъ двомъ капланомъ, то есть, Теодорови Пониквицкому и Яну Шашце подле фундушю покладаного, яко тая церковь не на дызуню, але на унию съ костеломъ сятымъ Рыжскимъ фундована есть до присеги бралъ, а по присезе тое церкви Заблудовской на унию. и провизыи отъ учыненого процесу, которая водле поррахунку сумою чынить чогыры тисечи двесте шестдесять пять золотыхъ польскихъ, стороне своей присужена и всказу на маетности ясне освещеного ксенжати его милости Заблудовю въ повете Городенскомъ лежачой где о то позовъ есть покладанный, потребоваль и на подане тое церкви унии светой, придане енераловъ Миколая Кулишевского а Андрея Миленкого афектоваль и взглядомъ всказу за неотданое

провизы той церкви унияцкой належитой, подле выразного фундушу, на отправу порядкомъ правнымъ приходить наказу и вольности домовлять. А какъ мы врадъ врадъ въ той справе ясне вельможного въ Бозе превелебного его милости ксендза Кгабриеля Коленды метрополиты Киевского, Галицкого и всея Руси, зъ ясне освещоннымъ княжатею его милостию Богуславомъ Радивиломъ конюшымъ великого князтва Литовского и ясне освещоною кнежною Анною Марыею Радивиловною воеводянкою Виленскою, Богуславою Радивиловою малжонкою его кнежацкое милости, за позвомъ о неслухное черезъ княжата его милости одняте церкви, въ месте Заблудовою въ повете Городенскомъ лежачой, заложене Успения пресвятой Богородицы и светого великого чудотворца Миколы, одъ светобливое памети зопшого съ сего света ясневельможного его милости пана Грыгория Хоткевичаа каштеляна Виленского. гетмана великого князтва Литовского на хвалу Божую духовешству релии Кгрецкое въ унии светой съ костеломъ Римскимъ будучому, о впроважене до тое церкви дзунитовъ, прытомъ о неоддане провизы рознымъ збожемъ капланови, дяконови и канторови при той церкви будучымъ, тою же фундацыею лекгованое, и назначное, за тымъ до уступеня тое церкви и оддане помененое провизы одъ учыненой въ той акцыи процесу. Въ которой справе, по ухилению нашомъ ексценцыи, черезъ умоцовавного отъ княжати его милости вношное о форумъ. на сторону, и по наказе нашомъ сторонамъ далей въ право поступовать въ дальшомъ поступку правномъ, поневажъ умоцованный позваныхъ ксенжати ихъ милости протестовавшысе за поколькократнымъ зъ наказу нашего привольванемъ енеральскимъ до отказу въ самой речы не одбываль: про то мы врадъ княжати ихъ милости,

яко права непослушныхъ, въ року завитомъ на упадъ
 даемъ и въ самой справе при покладныхъ фундушю,
 процессахъ и иныхъ документахъ правныхъ, еще
 на дальшы доводъ двомъ священникомъ, то есть Те-
 одору Пониквицкому и Яну Шашку, на томъ яко
 гая церковь въ Заблудовю на память Успения пресвя-
 той Богородицы и светого великого чудотворца Ми-
 колы, черезъ ясне вельможного его милости пана
 Григория Хоткевича каштеляна Виленского на хвалу
 Божую съ костеломъ светымъ Римскимъ, релии уни-
 ацкое, и не дызунитомъ фундована есть, которую
 дотоль дызуниты держать, а на томъ яко провентъ
 подле фундушю тогожь светобливой памяти, отъ учи-
 ного процессу на княжати его милости и позву вы-
 несеного презъ тотъ часъ имъ унитомъ не дохдилъ,
 присегу всказуемъ и день выконаня оной, поневажь
 свято у понеделокъ Пресвятой Богородицы Покровы,
 дня дванадцатого месеца Октебра назначаемъ, на
 которомъ припаломъ дню помененыя отцове священ-
 ницы. досить чынечы декретови нашому, ведле сее
 роты присегу выконали въ тые слова: Ja Theodor Po-
 nikwicki a Ja Jan Szaszko swieczescęnicy przysięgamy Panu Bogu Wzzech-
 mogaącemu w Troycy ś. iedynemu, na tym, iako ta cerkiew w Zablu-
 dowiu na pamięć Uspienia Preczystoy Bohorodzicy y swietoho wielikoho
 czudotworecy Mikoły przez Jasnie wielmożnego Imci pana Chodkiewicza
 kasztelana Wileńskiego na chwa ę Rożę s kosciółem świętym religii uniac-
 kiej, a nie disunitom fundowana iest, którą dotąd dysunicy trzymaia. y
 na tym iako provent wedle funduszu tegoż zeszlęgo świętobliwey pamięci,
 od uczynionego processu ua xięca Imsci y pozwu wyniesionego przez ten
 czas nam uniatom nie dochodził, na czym iako sprawiedliwie przysigamy
 tak nam P. Boże pomóż y Jego męka święta Amen. А за выкономъ
 присеги подлугъ домовянясе умоцованого отъ ясне
 превелебного его милости ксендза метрополиты и до-
 веденемъ черезъ покладаные документа, тую церковь
 въ месте Заблудовю унии святой присужаемъ и за-
 разомъ на подане помененое церкви съ плацомъ и

трема волоками межы бгрунтами мескими и зо всеми принадлежностями, подлугъ фундушу до ее належачыми, двоухъ енераловъ Андрея Миленского и Николая кулишеского придаемъ, которые по поданемъ княжати его милости въ чотырохъ неделяхъ обвещени, до маетности Заблудова зъехати и тую церковь Заблудовскую зъ плацомъ, зъ волоками и зо всеми до нее принадлежностями до посесыи его милости ксендза метрополиты подати мають. А взглядоужъ належное провизыи, яко се домовляно съ поражунгю сумою отъ заложеня позву, черезъ тры лета недоходячое, и выкладами правными, всего сумою чотыры тысячи чотырыста золотыхъ польскихъ, на маетности ясне освещоного княжати его милости и княжныи ее милости названомъ Заблудовю, на который о то позовъ покладанъ, ку отправе за всказаную суму впередъ черезъ енераловъ, которыхъ симъ декретомъ и особливымъ листомъ нашимъ на то придаемъ, потомъ и черезъ насъ врадъ порядкомъ правнымъ приходитъ его милости ксендзу метрополите Киевскому зъ закладомъ на спротивного водле важности речн осужное заруку вольность оставуемъ. Которая справа, яко се передъ нами врадомъ отправовала, есть до книгъ земскихъ справъ судовыхъ повету Горденского записана.

Изъ актовъ книги за 1664—66 годъ виленскаго центрального архива.

3.

Дарственная запись князя Константина Острожскаго, супруги его княгини Татьяны и сына ихъ князя Ильи — туровской Преображенской церкви на садъ съ пасѣвою, поля и сѣножати. 1508 г.

Въ лѣто -го (7016) году, мѣсеца Мая 2 дня, при дръжавѣ посподаря короля его милости великого князя Жигмонта. Я князь Костентинъ Ивановичъ Острозкый, гетманъ господаря короля его милости великого князя Жигмонта, староста Луцкый и Браславскый и Вѣницкый, маршалокъ Волынской земли, и зъ женою моею княгинею Татьяною, и зъ сыномъ нашимъ княземъ Ильею, надали есмо въ Туровѣ и записали у евангеліи ко церкви Божіей къ Преображенію Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, надали есмо садъ съ пасѣвою, и ноля съ сѣножатями, и съ озеры и зъ заможками, на сюй сторонѣ на передсѣльи села Вереспницкого, на сюй сторонѣ Воронинѣ отъ замку, присвещеникохъ святого храма Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на имя священниковъ Митрофана и Матеѣя, вѣчно и на вѣкы непорушно. А еслибы потомъ хто бы хотѣлъ тое наше наданье нарушити, кгрунтъ церковный отдалити отъ церкви Божіей и Святого Спаса, тому судить Госнодь Богъ и Пресвята Его Мати, и да будетъ причтенъ съ тыми, которые суть прокляты Святыми Отцы на святыхъ седми соборѣхъ.

Запись эта находится въ туровскомъ евангеліи XI тома, хранящемся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки. Найдено оно въ 1865 г. Н. И. Соколовымъ въ Туровѣ. Форматъ

евангелія—малая четвертка (4 вершка въ ширину, мѣ-
сте 5 в. въ длину). Евангеліе это—недѣльное апракосъ;
зсѣхъ страницъ 20, откуда видно, что это—отрывокъ,
начинающійся причтею о десяти двѣхъ. Два листа изъ
таого отрывка (5 и 6) напечатаны въ 1-й книжкѣ (1867
г.) XI тома Записокъ Императорской Академіи Наукъ,
въ статьѣ академика И. И. Срезневскаго Свѣдѣнія и замѣ-
тки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,
стр. 30—33. Дарственная запись 1508 г. помѣщается
на поляхъ 2-го листа, на оборотѣ. Далѣе слѣдуетъ су-
дебное засвидѣтельствованіе на польскомъ языкѣ, что за-
пись эта явлена съ пинскомъ земскомъ судѣ въ 1782 г.
и записана подъ 31 числомъ мѣсяца октября; и нако-
нецъ засвидѣтельствованіе мостратора, помѣченное 6
іюля 1790 года.

4.

Дарственная запись князя Константина Ива-
новича Острожскаго, супруги его княгини
Татьяны и сына ихъ князя Ильи—туров-
ской Преображенской церкви на три поля съ
припашьми и сѣножатъми. 1513 г.

Въ лѣто -го (7021) году, мѣсеца Февраля 10 дня,
при дръжавѣ господаря короля его милости великого
князя Жикгимонта. Я князь Костентинъ Ивановичъ
Острозкій, панъ виленскій, гетьманъ господаря короля
его милости великого князя Жикгимонта. староста
Луцкый и Брасловскый и Вѣницеый, маршалокъ Во-
лынскои земли, и зъ женою моею княгинею Татьяною
и зъ сыномъ нашимъ княземъ Ильею, надали есмо
въ Туровѣ и записали у евангеліи ку церкви Божіей
къ Преображенію Господа Бога Спаса нашего Іисуса

Христа три поли на предѣльи села Вересницкого, и зъ принашьми, и зъ сѣножатъми, и зъ замежками, по самую речку и долину, при священникохъ святого храма Преображенія Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа, на имя священниковъ Митрофана и Матѣя, вѣчно и на вѣки непорушно. А еслибы потомъ кто бы хотѣлъ тое наше наданье нарушити и той кгрунтъ отдалити отъ церкви Божіи Святого Спаса, тому судить Господь Богъ и Пресвятая Его Мати, и да будетъ причтенъ съ тыми, которыи суть провляты Святыми отцы на святыхъ седми соборѣхъ.

Запись эта помѣщается на оборотъ 9 листа туровскаго евангелія XI вѣка. Въ концѣ слѣдуетъ судебное засвидѣтельство на польскомъ языкѣ, что запись эта явлена въ Пинскомъ земскомъ судѣ въ 1791 г. и записана подъ 31 числомъ мѣсяца октября.

II.

О ЗАПАДНО-РУССКИХЪ АРХИМАНДРІЯХЪ.

Въ западной Россіи во время польскаго владычества было два рода *архимандрій*. Перваго рода архимандріями назывались тѣ монастыри, настоятели которыхъ носили титулъ архимандритовъ, подобно настоятелямъ нынѣшнихъ первоклассныхъ монастырей. До уніи эти настоятели, какъ и въ настоящее время, назначались и утверждались митрополитами или мѣстными епископами и находились въ полной отъ нихъ зависимости. Со времени уніи, когда всѣ монастыри, какъ перешедшіе въ унію, такъ и повдѣе образовавшіеся, составили особую конгрегацію, извѣстную въ исторіи подъ именемъ *базиліанскаго ордена*, всѣ настоятели безъ исключенія назначались *генераломъ* ордена, или, какъ его еще иначе называли, *протоархимандритомъ*, который по конституціямъ ордена, избирался изъ простыхъ монаховъ, на четыре года, и въ то же время былъ настоятелемъ какого нибудь монастыря. Другаго рода *архимандріи* назывались тѣ монастыри, которые получили фундуши отъ литовскихъ князей или отъ польскихъ королей. Эти монастыри считались какъ бы собственностью короны (*beneficio*), и по усмотрѣнію королей могли быть отдаваемы въ пожизненное владѣніе, за какія нибудь заслуги, лицамъ какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. Судьба такихъ монастырей всегда была незавидна. Лица, получившія отъ короля привилеіи на какую нибудь архимандрію, старались только о томъ, чтобы получить отъ ней какъ можно больше выгодъ. Отъ того монастыри эти большею частію находились

въ крайнемъ упадкѣ. Случалось такъ, что въ монастырѣ не было ни одного монаха, кромѣ одного архимандрита. Въмѣсто монаховъ онъ содержалъ въ монастырѣ ближайшихъ родственниковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Не лучше было положеніе монастыря, если управлялъ имъ человекъ свѣтскаго званія. Еще болѣе жалкая судьба была этихъ монастырей по смерти архимандритовъ. Каждый изъ сосѣднихъ владѣльцевъ старался захватить что нибудь изъ монастырскихъ фундушей, и будущему архимандриту приходилось вести нескончаемые процессы о захватѣ земель и угодій монастырскихъ. Такъ было до начала XVII столѣтія, т. е. до образованія униатскаго базилианскаго ордена. Базилиане позаботились хоть сколько нибудь исправить зло. На первой же конгрегаціи новгородской въ 1617 г. они постановили выхлопотать у короля привилей, по которому всѣ высшіе іерархическіе мѣста и должности въ церкви должны быть отдаваемы только монахамъ этого ордена и при томъ съ согласія и по рекомендаціи ордена. Этотъ привилей былъ выданъ ордену Владиславомъ IV въ 1635 г. Въ этомъ привилей Владиславъ IV, за себя и за своихъ предковъ, объявляетъ: „архіепископствъ, архимандрій и игуменствъ никому другому не давать, какъ только монахамъ базилианскаго ордена.“ Этотъ привилей былъ подтверждаемъ неоднократно не только королями, но и сеймовыми конституціями. Такъ въ конституціи 1775 г. сказано: „Всѣ права и привилей, данныя нами и нашими предками базилианскому ордену вообще и ихъ монастырямъ въ частности, подтверждаемъ и оставляемъ въ прежней силѣ. Въ конституціи 1764 г. на проектъ посла земли Рожанской—Вишоватого, чтобы церковныя бенефиціи были даваемы въ награду не только монахамъ базилианамъ, но и свѣтскому русскому (униатскому) клиру, сказано: „Важнѣйшіе бенефиціи церковныя должны быть отдаваемы только *тѣмъ* лицамъ, при содѣйствіи которыхъ св. унія отъ ея начала и до настоящаго времени была счастливо поддержана, распространена и теперь держится. А такъ какъ всѣмъ этимъ она обязана базилианамъ, то отнимать отъ нихъ церковныя бенефиціи и высшія іерархическія мѣста и должности, и *давать свѣтскому клиру*, значило бы идти на перекоръ двухсотлѣтнему опыту, подтверждающему, что только *этимъ*

способомъ держалась унія, и ее саму подвергать явной опасности, чему явнымъ доказательствомъ служатъ недавнія украинскія событія.“

Получивши подобныя права и привилеи, базилиане съ своей стороны старались предупредить могущія вкрасться въ орденъ злоупотребленія, т. е. непомерное стремленіе монаховъ къ пріобрѣтенію доходныхъ бенефицій и неизбежныя при этомъ интриги и занесиванія у сильныхъ міра. Съ этой же цѣлью на первой базилианской конгрегаціи было постановлено, чтобы всѣ члены ордена, при постриженіи въ монашество, кромѣ трехъ обыкновенныхъ обѣтовъ монашескихъ: дѣвства, нестяжательности и послушанія, давали еще *четвертый* обѣтъ—„о недопомоществѣ высшихъ іерархическихъ мѣстъ и должностей.“ Это постановленіе въ актахъ конгрегаціи такъ мотивировано: „Такъ какъ въ силу правъ духовныхъ и по утвердившемуся обычаю въ церкви, на духовныя достоинства должны быть возводимы только лица монашествующія,—чего измѣнить нельзя, да и несправедливо было бы; съ другой стороны, чтобы этимъ путемъ не вкралась въ нашъ орденъ страсть незаконными средствами искать и добиваться высшихъ церковныхъ мѣстъ и должностей: то во избѣжаніе этаго мы постановляемъ и утверждаемъ на вѣчныя времена, чтобы каждый, поступающій въ нашъ орденъ, сверхъ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ давалъ еще обѣтъ на то, что онъ ни тайно или явно, самъ собою или посредствомъ другихъ, не будетъ искать и добиваться высшихъ должностей какъ монастырскихъ, такъ и церковныхъ, особенно свѣтскихъ. А если кто осмѣлится сдѣлать это, тотъ уже тѣмъ самымъ лишитъ себя права на полученіе этихъ мѣстъ, и никто другой не можетъ избрать и поставить его на это мѣсто, и гдѣ монахи профессы имѣютъ право голоса, онъ не будетъ имѣть этого права до смерти.“

Этотъ обѣтъ,—замѣчаетъ Олешевскій *), авторъ рукописи,

*) *Олешевскій*, сначала генеральный прокураторъ базилианскаго ордена, потомъ настоятель разныхъ монастырей, виленскаго, минскаго, борунскаго и тороканскаго, наконецъ былъ *консульторомъ* или совѣтникомъ ордена 1720 года. Извѣстенъ какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ правъ и конституцій базилианскаго ордена. Написалъ нѣсколько книгъ въ защиту своего ордена, къ

подъ заглавіемъ: „*Обясненіе нѣкоторыхъ правъ и конституцій базилианскихъ*,”—установленъ по подражанію іезуитамъ, у которыхъ объѣтъ этотъ свято исполнялся, и никто изъ нихъ самъ собою не добивался высшихъ мѣстъ.

Но не всегда и не всѣ члены ордена считали обязательнымъ для себя 4-й объѣтъ, особенно митрополиты и епископы. Они самопроизвольно, безъ согласія ордена, возводили многіе монастыри на степень архимандрій, въ смыслѣ королевскихъ бенефицій, и по собственному усмотрѣнію давали на нихъ презенту своимъ кліентамъ, или же сами получали привилегію подчасъ на нѣсколько архимандрій. Отъ того весьма часто происходили непріятныя столкновенія ордена съ прелатами и даже протесты и жалобы въ Римъ. Такъ въ 1661 года на конгрегаціи жировицкой, базилиане протестовали на незаконное возведеніе въ архимандрію, благодаря слабости митрополита Антонія Селявы, слѣдующихъ монастырей: полоцкаго, черейскаго, дубенскаго, гродненскаго, брестскаго, минскаго и мстиславскаго. На этой же конгрегаціи постановлено было отправить въ Римъ одного изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ ордена, Якова Сушу, еп. холмскаго. По распоряженію изъ Рима была созвана конгрегація въ Брестъ въ 1666 г., подъ предсѣдательствомъ нунція Игнатія Пигнателло. Нунцій открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью, обращенною къ присутствующимъ на конгрегаціи епископамъ и другимъ представителямъ ордена: „Дошло до моего свѣдѣнія, что въ орднѣ произошли большія беспорядки, что прелаты возвели многіе монастыри на степень архимандрій и сами владѣютъ ими, а нѣкоторые имѣютъ даже въ своемъ владѣніи по нѣскольку архимандрій, что въ этихъ монастыряхъ весьма мало монаховъ, а это отъ того, что доходы монастырскіе обращаются не на монаховъ, а на прелатовъ.“ По этому, нунцій совѣтуетъ дѣлѣ митрополиту, который на этой же конгрегаціи былъ избранъ протоархимандритомъ, принять зависящія отъ него мѣры

числу которыхъ, кромѣ упомянутой рукописи, относится *Refutacya informacyi X. Jezuitow Połockich o dobrach do ich collegium należących*, напечатана въ Вильнѣ 1699 году. Другая книга упомянутая выше, рукопись на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Objasnienie niektórych konstytucy zakonnych Reguły S. O. naszego Bazylego W.*

ь уничтоженію новыхъ архимандрій, отнять ихъ у тѣхъ пратовъ, которые незаконно владѣютъ ими и передать ихъ въ вѣдѣніе ордена *).

Коленда созываетъ конгрегацію въ Вильнѣ, на которой за- тавляетъ Марціана Бѣлосора, епископа пинскаго, отречься отъ архимандріи виленской, такъ какъ виленскій Троицкій монастырь имѣлъ привиллегію Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира на свободное избраніе старшихъ или настоя- телей монастыря; Венедикту Глинскому, который получилъ привилей на владимірскую епископію, объявилъ, что онъ не посвятить его въ епископы до тѣхъ поръ, пока онъ не отка- жется отъ архимандріи кобринской. Глинскій не сдержалъ своего обѣщанія,—кобринскій монастырь былъ наполненъ свѣт- скими людьми,—не было ни одного монаха. Конгрегація но- вогрудская 1671 года силою отняла у него этотъ монастырь; точно также поступила она и съ Марціаномъ Бѣлосоромъ, епископомъ пинскимъ и туровскимъ, который выгналъ мона- ховъ изъ лавришовскаго монастыря и посадилъ тамъ брата своего съ женою и дѣтьми. По смерти митрополита и прото- архимандрита ордена Гавріила Коленды; наступили тяжелыя времена для ордена. Своеволие и беспорядки снова возоб- новились и продолжались до избранія новаго митрополита. Тѣ, у которыхъ только что отняты были архимандріи, опять овладѣли ими и отдали ихъ въ распоряженіе свѣтскихъ людей. Орденъ ничего не могъ сдѣлать съ ними, потому что не было кому протестовать,—у него не было такихъ протекторовъ силь- ныхъ, какъ Коленда митрополитъ.

Наконецъ въ митрополиты избранъ Кипріанъ Жоховскій, а протоархимандритомъ Пахомій Огилевичъ. Базиліане съѣха- лись на конгрегацію въ Жировицы 1675. Они просили митро- полита, чтобы онъ, во 1-хъ, по примѣру Рутскаго, не умно- жалъ архимандрій; 2) чтобы уничтожены были по крайней мѣрѣ виленская, черейская и минская архимандріи и 3) безъ совѣ- та и согласія съ протоархимандритомъ никого не возводилъ на высшія должности.

Жоховскій согласился на уничтоженіе упомянутыхъ архи-

*) Акт. Конгрегаціи Брестской, Рукопись.

мандрій, но только по смерти тѣхъ лицъ, которыя теперь владѣли ими.

Таже исторія повторялась и послѣ Жоховскаго, до Лва Залескаго. Ни угрозы, ни обѣты не могли удержать разившейся между базилианскими монахами страсти всякими средствами получать привилеи на архимандрін безъ вѣдома и безъ согласія ордена. Базилиане долговременнымъ опытомъ убѣдились, что 4-й обѣтъ потерялъ всякую силу, и потому на конгрегации 1708 г. въ Новогрудкѣ опредѣлено было окончательно уничтожить 4-й обѣтъ. По совѣту митрополита, особомъ статей договора съ митрополитомъ, или такъ называемаго Лехиса, поручили все это дѣло митрополитамъ, которые должны были преслѣдовать, наказывать и отсылать въ вѣдомство ордена тѣхъ, которые самовольно будутъ искать вышихъ должностей.—

„Такъ—то,—заключаетъ Олешевскій, — орденъ отстаивалъ свои права, противъ насилій и злоупотребленій прелатовъ. И орденъ нашъ могъ бы хвалиться умноженіемъ славы Божіей (т. е. распространеніемъ уни), равно какъ и распространеніемъ своихъ монастырей и увеличеніемъ числа монаховъ; но увь, не многимъ чѣмъ можемъ мы гордиться и хвалиться; напротивъ, много вкралось въ нашъ орденъ такого, о чемъ нельзя даже подумать безъ боли въ сердцѣ: все это произошло отъ того, что мы во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и замыслахъ не имѣли единодушія, что одинъ установилъ и утвердилъ полезнаго и благодѣтельнаго для ордена, то другіе, мало того, что не считали обязательнымъ для себя, но и дѣлали насилія правамъ, привилегіямъ, фундушамъ и конституціямъ ордена. Акты конгрегаций ясно показываютъ, что орденъ нашъ почти никогда не имѣлъ покоя отъ прелатовъ. Такъ, начиная съ Антонія Сѣлявы, почти каждый изъ нихъ для полученія теплаго мѣстечка, сперва старался ускользнуть изъ послушанія ордену, а получивши такое мѣстечко, поступалъ самовольно, не боялся и не хотѣлъ знать власти протоархимандрита.“—

„Кому неизвѣстны,—продолжаетъ тотъ же базилианскій писатель, — королевскіе привилегіи, данныя *вмисскому Сямо-Трошскому* монастырю на свободное избраніе старшихъ ии

титularныхъ архимандритовъ на 4 года — и какъ этотъ монастырь противился желанію одного прелата *) присоединить его къ пинской епископіи. Кто не знаетъ, что мивская Вознесенская архимандрія съ 1633 года присоединена къ церкви и монастырю Свято Духовскому и привилеемъ Короля Владислава IV обращена въ игуменство? А кто будетъ противорѣчить тому, что монастырь *лавришовскій* имѣлъ одинаковые права и привилегіи съ виленскимъ монастыремъ и который теперь, благодаря тѣмъ, которые нарушили эти права и хлопотали себѣ привилей на полное и безотчетное владѣніе его обширными фундами, не можетъ содержать и одного іеромонаха, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ большіе праздники и въ воскресные дни могло отправляться богослуженіе въ церкви. А что сказать объ архимандріи *зродненской*, въ которой церковь основана Богушемъ Боговолиновичемъ, писаремъ короля Александра, въ честь мучениковъ Бориса и Глѣба, на земскомъ фундашѣ. Стыдно сказать, что тамъ въ недавнее время все заросло крапивой, а церковь безъ крыши, такъ что это пустое зданіе служить страшилищемъ и пугаломъ для мѣстныхъ жителей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1693 годъ во время сейма. Тогда какъ во всѣхъ костелахъ славилось имя Божіе, одна только наша церковь была пуста и служила посмѣшищемъ свѣту, не смотря на то, что имѣла фундашъ съ нѣсколькими десятками крестьянъ.“

„Нельзя безъ особенной жалости вспомнить и о *черейскомъ* монастырѣ, получившемъ фундацію отъ знаменитой фамиліи Сапѣговъ. Пока этотъ монастырь былъ простымъ игуменствомъ *starszenstwo*: по красотѣ и богатству церкви и вообще по своему прекрасному мѣстоположенію онъ могъ считаться райскимъ жилищемъ славы Божіей. Но какъ скоро сдѣлался архимандріею; то не только монастырь пришелъ въ развалины, но и самая церковь, обезображенная соломенною крышею, угрожаетъ скорымъ паденіемъ. Нечего уже говорить о другихъ архимандріяхъ на Воляни, какъ напр., о *жидичинской*, которая когда то считалась *золотымъ яблокомъ*, а теперь едва можетъ содержать одного или двухъ монаховъ, а церковь стоитъ на

*) Марціана Бялзора, епископа пинского.

подпорахъ. *Дорогобужская* тоже обнищала и напоминаетъ о себѣ только полуразвалившимися стѣнами своей церкви.—Архимандрія *браславская* около 1718-го года, переходя отъ одного владѣльца къ другому, наконецъ пришла въ такой упадокъ, что иногда и одного монаха не могла содержать, а церковь пришла почти въ такой же упадокъ.“

„Благодаря тѣмъ же привилегированнымъ архимандритамъ, мало того, говорить тотъ же базилианскій писатель, что монастыри пришли въ упадокъ, потому что каждый изъ нихъ больше заботился о благосостояніи своего кармана, чѣмъ о благосостояніи архимандріи,—они еще лишились многихъ фундушей и разныхъ суммъ, записанныхъ на разныхъ имѣніяхъ. Такъ напр. виленскій монастырь (Св. Троицы) потерялъ два фольварка подъ названіемъ *Свентимики* и *Пуреники* въ ковенскомъ уѣздѣ съ семью деревнями, пожертвованными монастыремъ княземъ Матеемъ Никитичемъ Головчинскимъ.

Тожѣ самое случилось и съ суммами, записанными на разныхъ имѣніяхъ, благодаря той же заботливости архимандритовъ. Гдѣ напр. сумма *Скумина*, записанная Благовѣщенской часовнѣ (при церкви вилен. Троиц. монастыря) на имѣніи Божейковъ? Гдѣ сумма часовни *Шостаковской* фундаціи Исайковскихъ, записанная на Осциновщинѣ? Сумма кievличовская, сумма колендзинская на алтарь Св. Креста, сумма дубовичовская на акаеистъ Божіей Матери, да и еще много другихъ, о которыхъ нечего и упоминать—гдѣ онѣ? Всѣ онѣ перешли въ чужія руки....“

„Перейдемъ теперь къ архимандріи дерманской и дубенской, и спросимъ, отъ чего эти монастыри, славящіеся когда то многочисленностью монаховъ и особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ, — теперь извѣстны только по имени, и со дня на день приходятъ все въ большія и большія развалины? Вѣроятно намъ скажутъ, что эти архимандріи пришли въ такой упадокъ отъ того, что потомки князя Острожскаго начали отнимать понемногу фундуши своихъ предковъ. Но все таки и изъ тѣхъ фундушей, которые остались во владѣніи этихъ монастырей, можно было бы содержать двухъ или трехъ иноковъ; но чѣмъ же тогда будутъ пользоваться ихъ архимандриты? Стыдно описывать состояніе трокской архимандріи, осно-

ванной великимъ княземъ литовскимъ, Витовтомъ. Эта архимандрія имѣла не малое количество земли и десятины на нѣкоторыхъ имѣніяхъ; теперь почти все это потеряла, благодаря особенной заботливости своихъ архимандритовъ.“

„Не стану говорить о другихъ, менѣ мнѣ извѣстныхъ архимандріяхъ. Но и изъ упомянутыхъ уже видно, что на нихъ не было благословенія Божія, что онѣ всегда находились въ галкомъ положеніи;—а это потому, что архимандриты заботились не о томъ, что Христово, но о собственныхъ выгодахъ. Не было между ними тѣхъ древнихъ, достойныхъ подражанія святыхъ отцовъ и архимандритовъ, Пахоміевъ, Макаріевъ, Феодоровъ Студитовъ, Антоніевъ и Феодосіевъ Печерскихъ, юстославныхъ Поцѣевъ и Рудкихъ, которые имѣли въ своемъ управленіи по нѣсколько тысячъ иноковъ, — не такъ, какъ въ наши времена, что гдѣ архимандритъ, тамъ только и видѣнъ архимандритъ съ толпою свѣтскихъ людей; а что касается до иноковъ, то архимандриты почему то не любятъ ихъ. Отъ того то соблазнъ міру, а намъ униженіе.“

Такъ заканчиваетъ свой обзоръ состоянія униатскихъ заодно-русскихъ архимандрій одинъ изъ лучшихъ базилианскихъ писателей.

Троцкая Архимандрія.

Городъ Троки одинъ изъ древнѣйшихъ литовскихъ городовъ. Основаніе его польскіе историки и лѣтописцы относятъ въ 1150 г. (*).—До 1320 г., т. е. до перенесенія Гедиминомъ столицы въ Вильну, г. Троки былъ нѣкоторое время столичнымъ ородомъ Литвы. Въ настоящее время Троки одинъ изъ бѣднѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Виленской губерніи. Городъ этотъ круженъ большимъ или главнымъ трокскимъ озеромъ, Галья, которое раздѣляется довольно значительными островами на нѣсколько меньшихъ озеръ, которыя въ разное время имѣли разныя названія, какъ напр. озеро Лука, озеро Бобрукъ, Олазка, Ширинайтисъ, Татарское.—Живописные, по мѣстамъ возвышенныя берега озера, усѣяннаго множествомъ острововъ, придаютъ особенную красоту городу. На одномъ изъ этихъ ост-

(*) Лукашевича Образ Litwy ч. 1 стр. 93.

рововъ видны и до сихъ поръ развалины замка, построеннаго литовскимъ княземъ Кейстутомъ. Троки замѣчательны въ исторіи Литвы между прочимъ тѣмъ, что здѣсь были посѣяны первыя сѣмена православной вѣры, которая утвердилась потомъ въ Вильнѣ, бывъ запечатлѣна мученическою кровью св. Антонія, Иоанна и Евстафія, и наконецъ распространилась по всей Литвѣ.

Многіе изъ литовскихъ князей до Ягеллы не только не иѣшали принимать христіанство своимъ подданнымъ, но и сами добровольно, по искреннему убѣжденію; крестились по восточному обряду. Здѣсь достаточно указать для примѣра на Войшелга, сына Миндовга, который не только крестился по греко-восточному обряду, но принялъ даже санъ инока, отказавшись отъ престола по смерти отца своего въ пользу холмскаго князя Шварна Даниловича. По такимъ же побужденіямъ приняла христіанство два племянника Миндовга Товтивиль и Довмонтъ, знаменитый въ исторіи Пскова. По рассказамъ летописцевъ, Довмонтъ прибылъ въ Псковъ изъ Завилейскаго княжества съ значительнымъ числомъ литовцевъ и посвятилъ услуги свои новому отечеству. При его содѣйствіи приняла христіанство и сестра его, бывшая за литовскимъ княземъ Гордономъ, и дѣти ея. Третій племянникъ Миндовга, Твойдентъ, если самъ не крестился, то за то сынъ его не только принялъ св. крещеніе по греко-восточному обряду, но и постригся въ иноческій санъ подъ именемъ Елисея и былъ настоятелемъ въ основанномъ имъ же лавришовскомъ монастырѣ близъ Новгорода въ нынѣшней Мѣнцкой губерніи (*).

Но изъ всѣхъ этихъ обращеній въ христіанство литовскихъ князей, до перенесенія столицы въ Вильну, особенное значеніе имѣло обращеніе сына Миндовга Войшелга. Этотъ князь призванный литовскимъ народомъ на княжескій престолъ по смерти Шварна, хотѣлъ, чтобы и въ народѣ распространилась та вѣра, которую онъ самъ исповѣдовалъ. Лѣтописцы русскіе, свидѣтельства которыхъ принимаетъ Набруть, (т. IV 230) рассказываютъ, что этотъ князь въ 1265 г. отправилъ посольство въ Новгородъ Великій къ Святославу Ярославичу, прося о при-

(*) Кояловичъ—Miscellanea p. 8.

ныхъ русскихъ проповѣдниковъ, въ особенности изъ псковитянъ, которымъ лучше были извѣстны и языкъ и обычаи литовцевъ. Но и безъ этихъ миссіонеровъ, около этого времени могли появиться въ сосѣдней Литвѣ русскіе проповѣдники, а подъ покровительствомъ князя проповѣдывать и распространять христіанство. Такіе проповѣдники могли появляться не только изъ сосѣдней Руси, но изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ тогдашней Руси. Многие, какъ изъ простаго народа, такъ изъ духовенства, чтобы укрыться отъ преслѣдованія и притѣсненія татаръ, охотно переселялись въ родственную Литву, избежавшую татарскаго ига.

Таково было состояніе христіанства въ Литвѣ до Гедиминаши до перенесенія столицы Литовскаго княжества въ Вильну. Все это достаточно показываетъ, что въ XIV в. христіанство въ Завилейскомъ княжествѣ, а слѣдовательно и въ Трокахъ, шло весьма значительное число своихъ послѣдователей гречко-восточнаго исповѣданія. Какъ велико могло быть число православныхъ въ Трокахъ, яснымъ доказательствомъ тому служитъ то, что въ началѣ XIV ст. здѣсь существовали уже три церкви: во имя св. Николая, рождества Христова и пресвятой Богородицы, а при ней и монастырь, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ *трокской архимандріи*.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой архимандріи на основаніи тѣхъ памятниковъ, которые сохранились до настоящаго времени въ архивѣ виленскаго Св. Троицкаго монастыря. Изъ этихъ памятниковъ только нѣсколько напечатано въ актахъ г Вильны и Трокъ.

Трокская архимандія одна изъ древнѣйшихъ архимандрій въ Литвѣ. Ея цвѣтущее состояніе въ началѣ, и потомъ постепенный упадокъ и запустѣніе напоминаютъ вообще печальную судьбу православія во всемъ Западно-русскомъ краѣ. Архимандрія эта, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ подлинныя документы, основана въ концѣ XIV столѣтія, именно въ 1384 г. великимъ княземъ литовскимъ Александромъ Витовтомъ. Этотъ князь построилъ въ Трокахъ двѣ церкви: одну во имя *Рождества Христова*, а другую во имя *Рождества Пречистой Богородицы* съ монастыремъ. Обѣ эти церкви съ монастыремъ и составляли первоначально такъ называемую трокскую архи-

мандрію. Въ послѣдствіи къ ней принадлежала еще церковь во имя св. *Георгія* Великомученика, основанная Сапѣгами на островѣ. Каждая изъ этихъ церквей имѣла свои фундуши, которые вмѣстѣ составляли фундушъ трокской архимандріи. Такъ Пречистенскій монастырь получилъ значительный фундушъ отъ своего основателя. Какой это былъ фундушъ и въ какомъ именно размѣрѣ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуеетъ запись великаго князя Витовта, представленная въ 1535 г. тивуномъ жмудскимъ Андреемъ Илковскимъ трибунальному королевскому суду и внесенная въ трибунальныя книги: „Мы велики князь Витовтъ, во св. крещеніи Александръ нареченны, дали мы на пробу и жоданье княгини нашею Великою Ульяны къ монастырю нашему трокскому рожества светое пречистое озера трокскаго луку ажъ до великое дороги; гдѣ-жь и камень на горѣ казали есмо передъ собою положить, а другій камень за озеромъ противъ того камня, близко рогу, что на горѣ. . . . Актому еще придали есмо къ тому-жь монастырю трокскому пустовщизну найме (по имени) меловщизну за звѣриномъ надъ озеромъ Кголвеломъ. . . ., а не надобе никому тое данины нашею рушити. А въ тотъ монастырь и въ тую луку не маются вступоваты, ни митрополитъ, ани владыка, ани воевода трокки, а игумень збожныхъ куницъ здавати ани которыхъ подачю митрополуту; . . не знати ему никого, одно насъ господари“ 1).

На основаніи этой записи трокская архимандрія всегда принадлежала къ числу королевскихъ бенефицій. Второй наиболѣе замѣчательный фундушъ подъ именемъ Янкишки, трокскій пречистенскій монастырь получилъ отъ княгини Нелединской, урожденной Кунчевичъ. Какъ великъ былъ этотъ фундушъ и сколько онъ могъ приносить монастырю дохода, это легко видѣть изъ подлинной записи княгини, явленной въ трокскомъ земскомъ судѣ въ 1568 г. „Я княгиня Андревая Нелединская чню явно симъ.... ижъ.... одну пустовщизну на имя Янкишки, на которой земли дворець поселила,.... сама по своей доброй волѣ для душевнаго збавенія своего дома записала есмы на церковь Божию рожества пречистое Богоматери на монастырь Троцкій..... на вѣчныя часы то есть, одно поле 2).... на пятнадцать бочекъ

1) Акт. Вильна г. П. р. 145 № 56.

2) Янкишки (и гдѣ Шаховница).

сѣнія, которое поле лежит по одной сторонѣ дороги, подлѣ поля его милости пана Ераамуса Довгерда, судіи земского,.... а другое поле 1) недалеко отъ двора его милости пана Остафія Горностая Величковскаго подлѣ гая вырубанаго по обеимъ сторонамъ дороги, котораго поля и съ зарослями также на *пестнадцать* бочекъ сѣнія, маеть игумень Троцкій Феодръ и потомки его, которые по животѣ его игуменами будутъ тые два поля,.... и той дворецъ, который я на той пустовщинѣ Янкишки поселила, со всемъ будованемъ и статкомъ домовымъ, (скотомъ) быдломъ рогатымъ и нерогатымъ и съ житомъ засѣяннымъ по животѣ моимъ вѣчными часы держати и уживати мауть: къ тому же дворцу церковному придали есмы на тотъ же монастырь Троцкій поробка своего для послуги...“ 2).

Кромѣ фундуша князя Витовта и княгини Нелединской, въ привилеѣ Яна Казимира, данномъ о Пашковскому на трокскую архимандрію, упоминаются еще какія то деревни, пожалованныя Пречистенскому монастырю королемъ Александромъ; но какія это деревни и въ чьихъ рукахъ онѣ были, въ привилеѣ не упоминается.

Съ 1528 г. королевсій подскарбій Иванъ Андрѣевичъ ежегодно платилъ по 70-ти копѣ грошей литовскихъ Пречистенскому монастырю и одну свѣчу въ церковь къ иконѣ Божіей Матери. Съ 1554 г. онъ сталъ давать еще десятину съ имѣнія своего Вевья. Кромѣ того, при его содѣйствіи, какъ уви-

1) Матеевщина.

2) Встарину количество земли большею частію измѣряли количествомъ высѣваемаго на ней хлѣба, этотъ обычай сохранился и до нынѣ въ Западной Россіи. Самая большая и главная единица мѣры вмѣстимости, какъ встарину, такъ и теперь, была бочка, только объемъ ея въ прежнія времена былъ больше нынѣшняго. Въ 1557 г. предписано было ввести во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ бочку, которая равнялась бы 4-мъ краковскимъ корцамъ. Ту же бочку конституція 1613 г. (Vol Leg. т. III § 200) сдѣлала обязательною мѣрою для всей Литвы. Бочка эта равнялась 72 большимъ гарнцамъ, а этотъ 2-мъ малымъ гарнцамъ. Въ 1765 г. предписано было, чтобы литовская бочка раздѣлялась на 4 четверти, четверть на 2 осмины, осмина на 2 шестнасти, на 4 2 большіе гарнцовъ или на 9 малыхъ. Такъ какъ на литовскомъ моргѣ (1600 сажень или 2/3 десятины) высѣвается не болѣе двухъ осминъ ржи, то упомянутая пустошь равнялась 80 десятинамъ.

димъ ниже, былъ отнятъ незаконно захваченный монастырскій фундушъ, пожалованный Витовтомъ. Въ 1612 г. трокскій на-мѣстникъ Иванъ Бака, бывшій опекуномъ трокской архимандріи, завѣщалъ дѣтямъ своимъ, чтобы они ежегодно давали Пречистенскому монастырю копу грошей и двѣ бочки ржи, но этого завѣщанія, какъ видно изъ жалобы священника Филиппа Ивановича и позва трокскаго вознаго, не было исполнено ими.

Въ 1624 г. Иванъ Богдановичъ Сапѣга, по согласію съ четырьмя своими братьями, уступилъ Пречистенскому монастырю упомянутую выше церковь Св. Георгія, построенную его предками на островѣ съ принадлежащимъ ей фундушомъ т. е. островъ на озерѣ Бражольскомъ, на которомъ засѣвалось около 4 бочекъ, и часть земли съ лѣсомъ и мельницею на рѣчкѣ Бразолѣ, между землею Ивана Гавриловича Гротольскаго (тогдашняго владѣльца Величкова) и Аврама Войны, епископа виленскаго (владѣльца Михнишекъ) 1).

Церкви Рождества Христова принадлежало нѣсколько плацовъ въ Трокахъ и корчма, пожалованная Сигизмундомъ Августомъ, съ правомъ свободной продажи пива, меду и пр. Этотъ привилей былъ подтвержденъ и Августомъ II въ 1713 г. 13 марта. Вотъ фундушъ, который первоначально принадлежалъ трокской архимандріи.

1) Какъ велики были эти угодья, можно видѣть изъ *протестации*, поданной Вѣтринскимъ, трокскимъ архимандритомъ въ 1718 г. въ гродскій судъ Виленскаго воеводства противъ Станислава трокскаго подстаросты и Ивана, войта трокскаго, родныхъ братьевъ Селявовъ, и другихъ чиновниковъ г. Трокъ: еще во время жизни блаженной памяти Ивана Богдановича Сапѣги, въ 1580 г. купилъ за четыре копы литовскихъ грошей старой монеты... землю подъ названіемъ Левшаны, отъ татарина Левшука, сначала на пятнадцать бочекъ, потомъ еще на пятнадцать, а затѣмъ еще на 8 бочекъ, что вмѣстѣ составитъ 38 бочекъ; да сверхъ того два сѣнокосныхъ луга съ хуторами, подлѣ озера Ванюка, и всю эту землю тотъ же блаженной памяти Иванъ Богдановичъ Сапѣга, по ревности своей къ славѣ Божіей и для распространенія униі, отцамъ василіанамъ, уже бывшимъ тогда въ униі, на церковь архимандріи трокской, подъ именемъ св. Георгія, даровалъ на вѣчныя времена. Слѣдовательно на нынѣшнюю мѣру фундушъ этотъ равнялся 100 слишкомъ десятинамъ.

Кто былъ первымъ архимандритомъ или по крайней мѣрѣ опекуномъ этой архимандріи, неизвѣстно. Первый архимандритъ, который упоминается въ документахъ, это нѣкто Іоакимъ, на имя котораго въ послѣднихъ годахъ XV ст. выдана грамота княземъ литовскимъ Александромъ о неподсудности трокской архимандріи митрополитамъ. Политическія неурядицы въ Литвѣ и Польшѣ были причиною того, что въ этомъ монастырѣ долгое время не было ни архимандритовъ, ни монаховъ, и потому не удивительно, что монастырская собственность была расхищаема или мѣстными городскими жителями или сосѣдними помѣщиками.

Въ 1584 г. опекуномъ этой архимандріи назначенъ былъ тивунъ трокскій Андрей Илговскій. Онъ нашелъ эту архимандрію въ самомъ жалкомъ положеніи. Какой то панъ Станиславъ Стравинскій отнялъ фундушъ, пожалованный Пречистенскому монастырю Витовтомъ, т. е. пустошь Меловщиану; монастырь остался безъ всякихъ средствъ къ существованію, не осталось ни одного монаха въ монастырѣ, жилъ только при церкви одинъ священникъ, да и тотъ, какъ сказано въ жалобѣ вышеупомянутаго тивуна, поданной въ королевскій трибунальный судъ, *поживеня слушнаго не маєть и про велики недостатокъ свой муситъ прочь итти*. По ходу дѣла не видно, чтобы приняты были судомъ какія нибудь мѣры къ отнятію монастырской собственности у Станислава Стравинскаго. Черезъ пять лѣтъ священникъ Василій Федоровичъ подалъ жалобу по этому дѣлу на Станислава Стравинскаго въ трокскій земскій судъ, который съ своей стороны сдѣлалъ только *напоминаніе* пану Стравинскому, чтобы онъ возвратилъ монастырю Меловщиану. Пока пану Стравинскому дѣлали напоминаніе, онъ успѣлъ между тѣмъ передать ее своему наслѣднику Еразмусу Стравинскому. Около того же времени трокскій мѣщанинъ католикъ Толоконскій отнялъ плацы, на которыхъ жило 12 крестьянъ огородниковъ, принадлежавшихъ Рождественской церкви.

По смерти священника Василія Федоровича, привилей на эту архимандрію получилъ священникъ Филипъ Ивановичъ Лимонтомъ, рукоположенный и презентованный митрополитомъ Рагозою. До прибытія его въ Троки ключи отъ церкви и

отъ монастыря были у подвоеводы трокскаго Ивана Баки. При содѣйствіи Баки Филипъ Ивановичъ завелъ процессы въ трокскомъ земскомъ судѣ съ Еразмусомъ Стравинскимъ о незаконномъ владѣніи Меловщиною, и съ Толоконскимъ о незаконномъ присвоеніи плацовъ и крестьянъ огородниковъ, принадлежащихъ Рождественской церкви. Процессъ съ Толоконскимъ кончился мировою въ 1615 году. Эти процессы замѣчательны между прочимъ въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствуютъ о своеволіи польской шляхты, которая подчасъ не признавала обязательными для себя рѣшенія даже королевскихъ трибунальныхъ судовъ, не говоря уже о судахъ нисшей инстанціи, такъ что по одному и тому же дѣлу, окончательно рѣшенному судомъ въ пользу истца, приходилось жаловаться суду нѣсколько разъ, и если удавалось ему возвратить свою собственность, то не иначе, какъ при содѣйствіи сильныхъ протекторовъ. Еще большія обиды и притѣсненія испыталъ упомянутый священникъ отъ католическихъ монаховъ, ксендзовъ Николаевского трокскаго костела. Настоятель этого монастыря ксендзъ Зеленеваскій приказалъ сломать изгородь на огородахъ церковныхъ, и свезти дерево (около 37 возовъ) въ монастырь; сверхъ того онъ захватилъ почти третью часть церковнаго огорода; когда священникъ хотѣлъ остановить такое явное насиліе, монахи ксендзы, товарищи Зеленеваскаго, прогнали его собаками. А когда тотъ же священникъ, встрѣтившись съ тѣми же монахами, сказалъ имъ, что онъ будетъ жаловаться на нихъ и на ихъ настоятеля, они отвѣчали ему: „вѣдай де о томъ певне, ижъ ксендзъ Зеленеваскій довѣдовшися того, же ся ты за огороды церковные на насъ протестуешъ, тѣлы дей за то ксендзъ Зеленеваскій, або мы самы кажемъ тебѣ на той дорозѣ перенявши а подле того слупа (стола) мурованнаго тебе гвалтомъ положивши кажемъ отбить руки и ноги, и кажемъ дей тебе, абысь тою дорогою nigdy не ходилъ, бо дей конечно будешъ такъ обложоный, же и душа твоя од тѣла отлетить..“ Всѣ упомянутыя здѣсь обиды и притѣсненія были освидѣтельствованы вознымъ съ понятными по просьбѣ священника, жалоба его записана въ городскія книги. Жалоба эта осталась безъ всякихъ послѣдствій; это видно изъ того, что чрезъ 67 лѣтъ, Левъ

Заленскій, тогдашній администраторъ уніатской митрополіи, опять просилъ внести копію этой жалобы въ гродскія книги.

Около этого времени трокская архимандрія перешла въ руки уніатовъ, какъ это видно изъ передаточной записи трокскаго землянина Данила Солтана, по которой онъ уступилъ, вѣроятно съ согласія короля, свое право на эту архимандрію уніатскому митрополиту Рущкому, который тотчасъ же отдалъ ее въ вѣденіе недавно учрежденнаго уніатскаго монашескаго ордена, извѣстнаго подъ именемъ *базилиановъ*.

Православные жители Трокъ, противъ воли и желанія которыхъ совершилась эта передача древнѣйшей въ Литвѣ православной святыни въ руки враговъ православія, тотчасъ же извѣстили виленское православное Свято-Духовское братство, которое тогда было единственнымъ оплотомъ православія въ Литвѣ. Братство съ своей стороны употребило все усилія къ возвращенію православнымъ этой святыни. Въ 1624 году братство дѣйствительно получило разрѣшеніе отъ правительства возвратить православнымъ трокскую архимандрію и передать ее въ вѣденіе виленскаго Свято-Духова монастыря. Но базилианамъ тоже не хотѣлось выпускать изъ рукъ разъ захваченной добычи. При содѣйствіи своего протоархимандрита Рафаила Корсака, впоследствии митрополита, они стали опять хлопотать объ отнятіи у православныхъ трокской архимандріи. Дѣйствительно, чрезъ два года по вступленіи на уніатскую митрополію, т. е. въ 1638 г. Рафаиль Корсакъ выхлопоталъ у Владислава IV привилей, по которому трокская архимандрія навсегда уступалась базилианамъ виленскаго Свято-Троицкаго монастыря 1).

Съ переходомъ въ вѣденіе базилианскаго ордена, трокская архимандрія, какъ получившая свой фундушъ отъ короны, по прежнему принадлежала къ числу королевскихъ бенефицій, съ тѣмъ только различіемъ, что право *презенты*, на основаніи привилея Владислава IV, принадлежало исключительно уніатскому митрополиту. Уніатскіе митрополиты мало заботились о благосостояніи трокской архимандріи. Почти въ теченіи всего XVII ст. посылали туда своихъ арендаторовъ, которые

1) Акт. гор. Вильны ч. II № 60.

и не думали содержать монаховъ, или давать порядочное содержаніе священнику.

Янъ Казиміръ, выдавая въ 1636 г. привилей на трокскую архимандрію презентованному митрополитомъ *Антоніемъ Съявою Пашковскому*, обязалъ его, чтобы онъ *испрямленно* содержалъ въ монастырѣ монаховъ. Но это обязательство не было исполняемо до конца XVII-го ст., какъ это видно изъ привилей Августа II-го, даннаго по просьбѣ базилианъ, совѣтнику или консультору ордена Іосифу Сапоровичу. „До сихъ поръ эта архимандрія, раздробленная и опустошенная сосѣдними владѣльцами, оставалась вакантною; потому что оо. митрополиты имѣли тамъ только арендаторовъ, а монаха или священника, который бы на этомъ мѣстѣ служилъ Богу и молился бы за насъ и за нашихъ предшественниковъ, тамъ не было.“

Къ концу XVII ст. монастырь Пречистенскій отъ времени и безъвременья пришелъ въ ветхость, а въ 1713 году совершенно разрушился, какъ свидѣтельствуеетъ объ этомъ Іосифъ Сапоровичъ въ арендномъ контрактѣ, заключенномъ съ Антоніемъ Ростовскимъ. Спустя нѣсколько времени архимандритъ Люцидъ Войниловичъ на разныя средства выстроилъ новый деревянный монастырь, но и онъ не долго просуществовалъ. Въ 1794 г. во время пожара, истребившаго городъ Троки, сгорѣлъ и этотъ монастырь.

Въ эти несчастныя времена политическихъ безпорядковъ и революцій въ Польшѣ и въ Литвѣ, трокская архимандрія потеряла почти всѣ свои владѣнія. Фондушемъ Нелединской еще въ 1590 г. незаконно овладѣлъ татаринъ Айсъ Ахматовичъ. Завѣдывавшій въ то время архимандріею священникъ Рождественской церкви подалъ на него жалобу въ трокскій подкоморскій (межевой) судъ. По распоряженію суда подкоморій Богданъ Огинскій опредѣлилъ границы этого фонда въ декретѣ отъ 1590 года августа 9-го дня и приказалъ татарину возвратить Янкишки трокской архимандріи.

Частая смѣна архимандритовъ и владѣльцевъ сосѣдняго капитульнаго имѣнія Михнишекъ, была причиною того, что границы фонда Нелединской затерялись и часть Янкишекъ отошла къ Михнишкамъ. Назначенный въ 1780 г. на эту ар-

архимандрію Діонисій Чадай просилъ судъ назначить комиссію для возстановленія древнихъ границъ фундуша Нелединской, какъ онѣ опредѣлены были въ декретѣ Огинскаго въ 1590 г. По желанію Діонисія въ 1781 году, въ присутствіи трокскаго вознаго, владѣльца Михнишекъ, епископа Іосифа Лопацинскаго и нѣсколькихъ крестьянъ, которымъ хорошо были извѣстны границы того и другаго владѣнія, были приведены и возстановлены древнія границы Янкишекъ 1).

Возстановивши границы фундуша княгини Нелединской, т. е. Янкишекъ, Діонисій Чадай сталъ хлопотать о возвращеніи трокской архимандріи фундуша Сапѣговъ, т. е. острова съ принадлежащими къ нему пахатными землями, лѣсомъ, лугами и съ Георгіевскою церковью. Фундушъ этотъ, какъ сказано выше, былъ отнятъ владѣльцами староства бражольскаго. Въ 1782 г. собрались на сеймикъ представители Трокскаго воеводства. Діонисій Чадай представилъ сейму всѣ документы неоспоримой принадлежности этого фундуша трокской архимандріи. Сеймъ, разсмотрѣвши представленные ему документы, присудилъ возвратить трокской архимандріи островъ съ каменною церковью, между трокскимъ замкомъ, также съ звѣринцомъ и другими принадлежностями. Это постановленіе сейма внесено въ городскія книги въ томъ же 1782 г. февраля 5-го.

Около 20 лѣтъ трокская архимандрія спокойно владѣла упомянутыми фундушами; между тѣмъ умеръ Діонисій Чадай; Михнишки достались въ пожизненное владѣніе прелату Длус-

1) Эти границы такъ опредѣлены въ протоколѣ этой комиссіи 1781 г. 13 сентября: „Идучи изъ Трокъ по направленію къ Михнишкамъ по правой рукѣ отъ груши, гдѣ съ давнихъ временъ былъ копецъ (курганъ), а теперь восемь лѣтъ тому назадъ съоранъ Иваномъ Янковскимъ, а отъ этого копца вплоть до большой дороги отъ Трокъ до Сольсеникъ, мимо Величкова и до кургана (копца), насыпаннаго при этой дорогѣ, а отъ этого кургана вправо нѣскольکو отъ большой дороги до кургана, отдѣляющаго величовскія земли, а отъ этого кургана просто идучи къ двумъ липамъ, посаженнымъ на границѣ, а отъ этихъ липъ къ дорогѣ изъ Величкова къ Михнишкамъ и т. д.“

скому. Величково 1) купилъ бывшій судья трокскій. Въ краѣ начались неурядицы. Пользуясь этими обстоятельствами, новый владѣлец Величкова Василевскій приказалъ срубить *липу* на границѣ базилянскихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы уничтожить слѣды старой границы, и потомъ сталъ по частямъ присоединять базилянскія владѣнія къ своимъ. Преемникъ Діонисія Чадаа Амвросій Сынгаевскій заявилъ объ этомъ въ 1817 г. авг. 18 Трокскому граничному апелляціонному суду. Апелляціонный судъ поручилъ провѣрить границы смежныхъ владѣній граничному суду 1-й инстанціи, который однако не могъ исполнить этого потому, что не оказалось будто документовъ на Михнишки. Сынгаевскій просилъ апелляціонный судъ назначить особую комиссію съ участіемъ духовнаго депутата, съ тѣмъ, чтобы она провѣрила и возстановила древнія границы Янкишекъ, какъ онѣ опредѣлены были въ подкоморскомъ декретѣ 1781 г., и сверхъ того назначилъ землебра, который бы на мѣстѣ освидѣтельствовалъ убытки причиненные порубкою лѣса въ дачахъ монастырскихъ владѣльцами Михнишекъ и Величкова. Смерть владѣльца Михнишекъ прелата Длусскаго приостановила ходъ начатаго процесса. Между тѣмъ Василевскій и судья Цивинскій опять сдѣлали покушеніе на расширеніе своихъ границъ на счетъ владѣній трокской архимандріи. Сынгаевскій опять подалъ жалобу въ граничный апелляціонный судъ 28 декабря 1821 г. и въ то же время возобновилъ приостановленный процессъ съ Василевскимъ. Апелляціонный судъ опять отослалъ это дѣло въ граничный судъ 1-й инстанціи, а для освидѣтельствованія порубки лѣса назначилъ особую комиссію. Василевскій, чтобы затануть и запутать дѣло, подалъ апелляціонную жалобу въ граничный губернский судъ, будто бы неправильно составлена слѣдственная комиссія и т. п. Дѣйствительно, дѣло затанулось на неопредѣленное время, до 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Возвратимся теперь къ фонду Рождественской церкви,

1) *Величково* принадлежало первоначально Августину Крупичу, потомъ Николаю Толукайшѣ, затѣмъ Матвѣю Горотовскому, послѣ него Товянскому, который продалъ его Гопенамъ, а тѣ Чижамъ, у которыхъ въ 1816 г. купилъ Петръ Василевскій.

которая также входила въ составъ трокской архимандріи. Церковь эта была разрушена до основанія около 1704 года, именно во время войны Августа II-го съ королемъ Шведскимъ. Большая часть Трокъ была обращена въ развалины. Духовенство, какъ католическое, такъ и уніатское за неимѣніемъ пристанища, разошлось по разнымъ мѣстамъ. Католическіе монахи, доминикане, воспользовались этими несчастными обстоятельствами для своихъ цѣлей. Возвратясь въ Троки, они не захотѣли почему то основаться на старомъ своемъ пепелищѣ: имъ особенно понравилось то мѣсто, гдѣ была прежде православная, а потомъ уніатская Рождественская церковь. На этомъ мѣстѣ они построили свой деревянный костель съ монастыремъ; завладѣли также и другими плацами, принадлежащими Рождественской церкви. Левъ Заленскій, тогдашній уніатскій митрополитъ, протестовалъ противъ такого насилія. При его содѣйствіи и по просьбѣ архимандрита Іосифа Сапоровича, Августъ II подтвердилъ грамоты и привилеи, данные его предшественниками на плацы и на медовую корчму трокской Рождественской церкви. Іосифъ Сапоровичъ, получивши эти привилеи, не успѣлъ однако завести полного процесса съ доминиканами. Онъ скоро умеръ. Преемникъ его Михаилъ Вѣтринскій, провинціалъ базилианскаго ордена, собравши всѣ необходимые документы, въ 1719 году подалъ жалобу на трокскихъ доминикановъ въ главный трибунальный судъ литовскій. Внутренніе безпорядки и мятежи, происшедшіе около этого времени въ Польскомъ Королевствѣ, внѣшнія войны и наконецъ удаленіе Вѣтринскаго съ трокской архимандріи, пріостановили ходъ дѣла. Преемники Вѣтринскаго почему то ладили съ о. доминиканами и не возобновили начатаго Вѣтринскимъ процесса. Въ 1794 г., во время всеобщаго пожара въ Трокахъ, сгорѣлъ и доминиканскій монастырь съ костеломъ. Бывшій въ это время трокскій архимандритъ Антоній Сынгаевскій просилъ трокскихъ доминиканъ, чтобы они позволили ему воостановить на этомъ мѣстѣ церковь во имя Рождества Христова, а сами бы построили себѣ монастырь на прежнемъ мѣстѣ и на своемъ фундушѣ. Мѣсто это понравилось также одному трокскому кзраиму, который нашелъ весьма выгоднымъ и для себя и для отцовъ доминикановъ

выстроить здѣсь корчму. Онъ сообщилъ объ этомъ доминиканскому пріору, который, убѣдившись доводами караима, дѣйствительно нашель болѣе выгоднымъ для себя и для своего общества, чтобы здѣсь стояла корчма, а не уніатская церковь. „И такъ, восклицаютъ Сынгаевскій,—на томъ мѣстѣ, гдѣ столько лѣтъ приносилась безкровная жертва, гдѣ каждый христіанинъ въ благоговѣйномъ смиреніи славославиль Бога,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ не только никогда не бывало никакого караима, но и ни одинъ невѣрный не смѣлъ ступить ногою, въ этомъ мѣстѣ ксендзы доминикане, не обращая вниманія на протестъ трокскаго архимандрита, позволили въ 1818 г. каранму-жиду поставить корчму, вырыть остатки христіанъ, погребенныхъ въ склепахъ, съ униженіемъ для всего христіанскаго населенія Трокъ и вопреки всякому праву, Божественному и человѣческому, изъ за какого нибудь десятка золотыхъ *поземнаго*, позорили и осквернили священное мѣсто.“ Не смотря на протестъ Сынгаевскаго, ваявленный въ 1818 г., ксендзамъ доминиканцамъ трокскимъ и потомъ признанный въ томъ же году 1-го мая въ межеровъ трокскомъ судѣ, корчма по прежнему существовала на мѣстѣ святилища Господня. Въ прошеніи, поданномъ на высочайшее имя, Сынгаевскій просилъ, чтобы корчма, построенная караномъ съ разршенія ксендзовъ доминикановъ, была снесена и ему дозволено было возстановить на этомъ мѣстѣ церковь во имя Рождества Христова, а также, чтобы и другіе плацы, которыми незаконно завладѣли доминикане и трокскіе мѣщане, были возвращены трокской архимандріи.

Нѣсколько раньше; именно въ 1817 г., тотъ же Амвросій Сынгаевскій началъ процессъ съ староствомъ бражольскимъ, прежніе владѣльцы котораго незаконно отняли въ разныя времена мельницу, луга, лѣса и островъ, принадлежавшіе трокской архимандріи. Такъ какъ староство бражольское не рѣшило въ казну, а по высочайше утвержденному положенію, нельзя было производить размежеванія казенныхъ имѣній съ частными владѣльцами безъ вѣдома и участія казенной палаты, то Сынгаевскій препроводилъ свою жилобу съ документами въ казенную палату, и въ тоже время извѣстилъ ее, что имъ подано уже прошеніе въ трокскій межеровъ судъ о размежеваніи съ сосѣдними владѣльцами. Казенная палата

по этому дѣлу положила такую резолюцію: „Поелику ради бытія при разграниченіи казенныхъ имѣній по Троцкому повѣту при межевомъ судѣ сверхъ уѣзднаго стряпчаго находился съ казенной стороны виленскаго главнаго суда 1-го департамента засѣдатель Забѣлло, коему 20-го прошлаго августа отосланы имѣющіеся въ палатѣ документы о державѣ Бражолѣ, и за симъ къ допущенію трокскаго аббата къ разграниченію отъ державы Бражолѣ не предстоить со стороны казны препятствій, то предписать трокскому земскому суду объявить трокскому аббату Сынгаевскому, что граничное дѣло съ державою Бражолѣ можетъ онъ производить узаконеннымъ порядкомъ, о чемъ граничному суду и засѣдателю Забѣлло дать знать“ 1). Долго пришлось ходить этому дѣлу, подобно другимъ исковымъ дѣламъ архимандріи, по разнымъ межевымъ да граничнымъ судамъ, въ губернское правленіе¹, отъ туда въ казенную палату и обратно, и такимъ образомъ проходило оно цѣлые десятки лѣтъ, между тѣмъ помѣщикъ В-й уже успѣлъ нѣкоторыя части спорной земли заселить своими крестьянами и такимъ образомъ тяжба становилась уже болѣе сложною. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1847 году настоятель виленскаго Свято-Троицкаго монастыря архимандритъ Евсевій, видя еще новыя покушенія сосѣднихъ владѣльцевъ къ нарушенію границъ трокской архимандріи и желая возвратити прежде отнятыя угодія, просилъ епархіальное начальство содѣйствовать къ уничтоженію напередъ тѣхъ покушеній, дать ходъ дѣлу въ трокскомъ межевомъ судѣ производившемуся объ отнятій у разныхъ лицъ, незаконно завладѣвшихъ собственностью трокской архимандріи. Литовская духовная консисторія въ 1853 г. снеслась по этому дѣлу съ разными присутственными мѣстами. По распоряженію гражданскаго начальства, трокскій уѣздный землемѣръ Струсевичъ, въ присутствіи окружнаго начальника, уѣзднаго стряпчаго, становаго пристава, дѣснаго, тяжущихся сторонъ, депутатовъ и понятыхъ въ 1855 году составилъ съ природы планъ владѣній

1) Подлин. отношеніе виленской казенной палаты отъ 19-го октября 1817 г. № 5212.

трокской архимандріи , на которомъ показано безпорной земли, принадлежащей трокской Аримандріи 49 десятинъ, 1623 сажени, и спорной 150 десятинъ и 1421 сажень. Дѣло это по освидѣтельствуваніи въ губернской чертежной , препровождено въ губернское правленіе , а губернское правленіе въ 1856 году, считая съ своей стороны невозможнымъ удовлетворять претензію мнастыря , препроводило въ литовскую духовную консисторію планъ , полевой журналъ, письменное производство и всѣ документы по этому дѣлу. Духовная же консисторія, сообразивъ безнадежность дальнѣйшаго по сему дѣлу производства , въ то время при тогдшнемъ составѣ мѣстныхъ чиновниковъ и при ихъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ интересамъ православныхъ учреждений , препроводила эти документы отъ 5-го апрѣля 1856 года, въ виленскій Свято-Троицкій монастырь. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости усложнило это дѣло, такъ какъ они дѣлались уже собственниками той земли (монастырской), на которой беззаконно поселены были своимъ помѣщикомъ еще въ такъ недавнее время; а высылка одного изъ помѣщиковъ В-го , соприкосновеннаго къ этому дѣлу, болѣе и болѣе запутывала и затрудняла рѣшеніе этого дѣла въ пользу монастыря. Когда прояснится хаосъ , монастырь можетъ еще вступить въ свои безспорныя права.....

Кромѣ упомянутыхъ церквей, т. е. Рождественской, Пречистенской съ монастыремъ, Георгіевской и Николаевской, въ документахъ упоминаются еще церкви: Воскресенія Христова, святой Троицы и Благовѣщенія. Рождественская церковь находилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ казначейство; Пречистенская церковь съ монастыремъ , находилась на возвышенномъ берегу озера Гальва, ея фундаментъ сохранился доселѣ; основаніе Георгіевской церкви открыто недавно: она имѣла форму креста, разрушена въ половинѣ XVII-го ст. во время войны съ Россією. Церковь св. Николая, по преданію, была на томъ мѣстѣ , гдѣ впоследствии былъ костелъ бернардинскаго монастыря ; церковь св. Троицы находилась за строеніями Рождественской церкви , недалеко отъ нея. Мѣсто существованія другихъ церквей неизвѣстно. Въ послѣднее время въ Трокахъ существовала только одна убогая деревянная церковь, въ на-

многъ домъ, занимавшемся дотолѣ корчмою, между тѣмъ зблизилъ ея красовались великолѣпные католическіе костелы. Наконецъ заботами и стараніями ревнителей православія въ здѣшнемъ краѣ, на собранныя и пожертвованныя суммы въ 1862 году заложена, а чрезъ годъ въ самый разгаръ мятежа, горжественно освящена каменная церковь во имя Рождества пресвятыя Богородицы, въ память первоизданной Рождество-Богородицкой церкви. Освященіемъ этой церкви начался рядъ подобныхъ торжествъ св. православія непрекашающихся доселѣ, и наглядно доказывающій, сколь легко и удобно поднимаетъ здѣсь свою главу православіе и русская народность, какъ только даются движеніямъ ихъ хотя малые просторъ и свобода.

Проф. Щербинскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о древнихъ женскихъ православныхъ монастыряхъ въ г. Вильнѣ: Троицкаго и Благовѣщенскаго и о послѣдующей судьбѣ перваго.

Вильна — столица и гнѣздо греческаго отщепенства (т. е. православія), какъ называютъ ее польскіе писатели, имѣвшая съ древнѣйшихъ временъ не одинъ, какъ кажется, православный мужской монастырь 1), имѣла съ давняго времени до самаго конца 18 вѣка и женскій православный монастырь, первоначально при Троицкомъ монастырѣ, а потомъ при свято-Духовскомъ.

Сущствующія объ этихъ женскихъ православныхъ монастыряхъ свѣдѣнія чрезвычайно кратки и неполны, до сихъ поръ не напечатано ни одной грамоты, которая бы говорила объ основаніи этихъ монастырей или о какихъ либо перемѣнахъ, происходившихъ въ нихъ. Эта неполнота свѣдѣній объясняется отчасти тѣмъ, что эти монастыри существовали не отдѣльно и не самостоятельно вполне, а находились при мужскихъ монастыряхъ, и поэтому какъ бы замѣнялись этими послѣдними.

1) Wilno Крашевскаго т. III стр. 68 и 69.

Особенно мало сохранилось свѣдѣній о древнемъ женскомъ православномъ монастырѣ, находившемся при церкви св. Троицы 1); это главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что всѣ грамоты и различныя бумаги, принадлежавшія этому монастырю, погибли въ 1655 году въ рѣкѣ Вильнѣ при взятіи Вильны войскамъ царя Алексѣя Михайловича.— Но при всей неполнотѣ этихъ свѣдѣній, изъ нихъ все таки ясно видно, что православная и русская Вильна съ древнихъ временъ и до конца 18-го вѣка имѣла женскій православный монастырь; исключеніемъ въ этомъ отношеніи была только первая половина 19 столѣтія.

Ученый составитель 2) вѣдомости за 1829 г. о состояніи уніятскаго женскаго Троицкаго монастыря въ г. Вильнѣ 3) говоритъ, на основаніи Нѣсецкаго, что этотъ монастырь основанъ въ концѣ 16 или въ началѣ 17 вѣка иждивеніемъ Павла Стефана Сапѣги, и говоритъ невѣрно. Монастырь этотъ основанъ не во время уніи и не уніятами, а существовалъ прежде этого по крайней мѣрѣ сто лѣтъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ Стебельскаго: *„Что базильянскія монахини (такъ называетъ онъ православныхъ монахинь, какъ живущихъ по уставу св. Василия В.) съ давнихъ временъ имѣли свой монастырь въ Вильнѣ при церкви св. Троицы, это подтверждается, кромѣ народнаго преданія, тѣмъ, что около 1520 юда въ этомъ монастырѣ, устроенномъ по уставу св. Василия В., жила (какъ говорятъ объ этомъ Валицкій въ предисловіи къ III-й части своей исторіи Коденскаго костела) Екатерина, дочь Яна Симоновича Сапѣги (сначала подляскаго воеводы, потомъ канцлера и гетмана, наконецъ найвысшаго маршалка великаго княжества Литовскаго, бывшаго великимъ посломъ отъ польскихъ королей Казимира IV и Сигизмунда I семь разъ въ Москвѣ и разъ въ Римѣ, гдѣ онъ отрекся отъ греческихъ, т. е. Фотіевскихъ заблужденій) и супруги его Елизаветы Корчевской, подляской кастелянши 4).*

1) Объ этомъ монастырѣ даже не упоминается въ Исторіи російской іерархіи.

2) Проф. вилен. универ. Бобровскій.

3) См. въ арх. вилен. духов. конситсторіи Визитаціи № 26.

4) Dwa wielkie swiatta Стебельскаго ч. II стр. 234, прим. b.

Кѣмъ и когда основанъ былъ этотъ монастырь, неизвѣстно; выраженіе Стебельскаго „съ давнихъ временъ,“ и равносильное этому выраженіе Крашевскаго: панны базильянки поселены около 1600 г. на мѣстѣ стариннаго дѣвичьяго монастыря при церкви св. Троицы 1) даютъ понять, что этотъ дѣвичій монастырь основанъ гораздо ранѣе 1520 годовъ, — хотя упоминаніе объ его существованіи ранѣе 1520 г. мы нашли только въ королевской грамотѣ, данной въ 1514 году Конст. Ивановичу князю Острожскому на построение каменныхъ, вмѣсто обветшалыхъ деревянныхъ, церковей св. Троицы и св. Николая; въ этой грамотѣ король позволяетъ князю Острожскому построить каменную церковь св. Троицы на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стояла деревянная церковь вмѣстѣ съ монастырями 2). Недѣзя сомнѣваться въ томъ, что здѣсь подъ „монастырями“ разумѣются мужской и женскій Троицкій монастырь.

Сказавъ объ Екатеринѣ Сапѣжанкѣ, жившей около 1520 г. въ женскомъ монастырѣ при церкви св. Троицы, Стебельскій непосредственно затѣмъ говоритъ, что „потомъ этотъ монастырь былъ забытъ и оставленъ, вслѣдствіе отщепенства, принесеннаго изъ Греціи, и стоялъ въ запустѣніи въ продолженіи долгаго времени, пока около 1600 г. не возобновилъ и не поднялъ его кіевскій митрополитъ Ипатій Потѣй вмѣстѣ съ виленскимъ архимандритомъ Велиаминомъ Рутскимъ 3).“ Не будемъ приписывать этихъ словъ о запустѣніи женскаго

1) Wilno Крашевскаго т. III стр. 74.

2) Wilno Крашевскаго т. III стр. 49. Приводя это мѣсто грамоты по іерархіи Дубовича, у котораго оно заимствовано Крашевскимъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ подлинной грамотѣ, напечатанной въ собраніи древнихъ грамотъ и актовъ Семенова, сказано „не съ „монастырями“, а „монастыремъ“ (cum monasterio) см. Собраніе древнихъ грамотъ ч. II стр. 13. Эта разность въ чтеніяхъ у Дубовича и Семенова отчасти объясняется тѣмъ, что у Семенова эта грамота напечатана по подлиннику, въ которомъ во многихъ мѣстахъ выцвѣли чернила, что видно изъ стоящихъ во многихъ мѣстахъ точекъ, такъ что окончаніе monasterio можетъ быть, поставлено по догадкѣ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ въ грамотѣ стояло monasteriis, какъ у Дубовича.

3) Стебельскій т. II стр. 235.

православнаго монастыря при церкви св. Троицы намѣренной недобросовѣстности почтеннаго уніятскаго писателя, а скорѣе объяснимъ это недостаткомъ имѣвшихся у него историческихъ данныхъ. Но что этотъ монастырь и послѣ 1520 г. не оставался пустымъ вслѣдствіе греческаго отщепенства, т. е. вслѣдствіе того, что онъ былъ православнымъ, это видно изъ грамоты Сигизмунда III-го, 1589 года іюля 21, православнымъ мѣщанамъ г. Вильны о порядкѣ братства ихъ при церкви св. Троицы. Въ этой грамотѣ между прочимъ король говоритъ, что „черпцомъ, тежъ черницамъ въ каждомъ тыдню водлугъ преможенья братскаго на страву давати мають 1), т. е., что православное братство ежегодно по мѣрѣ своихъ средствъ должно давать на пищу монахамъ и монахинямъ. Такъ какъ это братство находилось при Троицкомъ монастырѣ, при которомъ находился и женскій монастырь, и такъ какъ въ это время не было въ Вильнѣ другаго женскаго православнаго монастыря, то подѣ „черницами“ можно только разумѣть монахинь Троицкаго монастыря. Такимъ образомъ мы находимъ по крайней мѣрѣ слѣды существованія этого монастыря и въ самомъ концѣ 16-го вѣка. Да и странно было бы предположить, чтобы пришелъ въ запусѣніе православный женскій монастырь въ западно-русской столицѣ православія въ 16-мъ вѣкѣ, когда она была слишкомъ богата своими силами, имѣя значительно большую половину православнаго населенія. Не въ концѣ 16-го вѣка и не вслѣдствіе своего отщепенства, какъ говоритъ Стебельскій, опустѣлъ для православныхъ виленскій женскій монастырь, а опустѣлъ онъ въ началѣ 17-го вѣка, когда по волѣ Сигизмунда III-го былъ окончательно отнятъ у православныхъ Троицкій монастырь отщепенцемъ отъ вѣры отцевъ Ипатіемъ Потѣемъ. Въ это время, надобно думать, православныя инокини покинули свой древній монастырь; но не удалились изъ главнаго на сѣверозападѣ Руси центра борьбы православія съ уніятствомъ и латинствомъ, а вблизи прежняго своего пристанища основали новое при церкви св. Духа.

1) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Семенова ч. II-я № 4 стр. 10.

Объ устройствѣ православнаго женскаго монастыря при церкви св. Троицы ничего не извѣстно. Находился онъ, вѣроятно, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи основался базильянскій женскій монастырь, т. е. совершенно рядомъ съ Троицкимъ монастыремъ, при Троицкихъ воротахъ съ правой стороны. Изъ прилагаемаго въ концѣ нашей замѣтки документа видно, что этому монастырю передъ уніею принадлежали нѣкоторыя имѣнія.

Новый монастырь, въ который переселились православныя виленскія инокини въ годину великихъ бѣдствій для всѣхъ православныхъ, находился въ предѣлахъ нынѣшняго св. Духовскаго монастыря и назывался Благовѣщенскимъ, по имени находившейся въ немъ церкви Благовѣщенія. Церковь эта—малая и ветхая—находилась по правой сторонѣ церкви св. Духа на обширномъ церковномъ дворѣ св. Духовскаго монастыря. При этой церкви и находился второй виленскій женскій православный монастырь, состоявшій частію изъ каменныхъ, частію деревянныхъ зданій 1).

Основаніе монастыря приписываютъ разнымъ лицамъ; Крашевскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что Благовѣщенскій монастырь основанъ тою Екатериною изъ дома Сапѣговъ, о которой было говорено выше, и которая жила, по свидѣтельству Стебельскаго, около 1520 г. въ Троицкомъ монастырѣ 2); другіе передаютъ просто молву о томъ, что этотъ монастырь основанъ еще королевою Еленою, не отвергая, ни подтверждая впрочемъ справедливости этого преданія 3). Но если существованіе прежде начала 17 вѣка мужскаго свято-Духовскаго монастыря болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ нѣтъ пока данныхъ для того, чтобы признать существованіе этого монастыря ранѣе 17 вѣка 4), то тѣмъ болѣе сомнительно, по совершенному отсутствію свидѣтельствъ, существованіе при

1) См. Wizerunki т. 23, стр. 23 и 24.

2) Wilno Крашевскадо т. III-й стр. 66. кажется, что Крашевскій, заимствовавшій свѣдѣнія объ упомянутой Екатеринѣ у Стебельскаго, смѣшалъ здѣсь Благовѣщенскій монастырь съ Троицкимъ,

3) Wizerunki т. 23 стр. 24.

4) См. Епарх. Вѣдом. за 1865 г. № 6 стр. 218—22

св. Духовскомъ монастырѣ Благовѣщенскаго женскаго монастыря. Гораздо сообразнѣе съ ходомъ событій признать, что этотъ монастырь получилъ свое начало въ то время, когда православные въ 1609 г., будучи окончательно вытѣснены изъ Троицкаго монастыря, перенесли и братство и монастырь къ церкви св. Духа. Вмѣстѣ съ мужескимъ монастыремъ, вѣроятно, перенесенъ былъ сюда же и женскій монастырь; такъ что Благовѣщенскій монастырь былъ непосредственнымъ преемникомъ Троицкаго женскаго монастыря. Эту преемственность и объясняется то странное, повидимому, явленіе, что монахинямъ при церкви св. Духа выдается изъ актовыхъ книгъ трибунала выписъ заявленія объ утраченіи всѣхъ документовъ Троицкаго женскаго уніятскаго монастыря 1). Если Благовѣщенскій монастырь былъ преемникомъ Троицкаго женскаго монастыря то понятно, что утраченіе документовъ послѣдняго имѣло значеніе и для перваго, такъ какъ его документы до 1609 года составляли собственность теперешняго православнаго женскаго монастыря, который лишился, какъ видно, своихъ документовъ, а вмѣстѣ съ ними и земель пожертвованныхъ собственно православному монастырю и доставшихся потомъ уніятскимъ монахинямъ 2).

Благовѣщенскій монастырь продолжалъ свое существованіе до самаго конца 18 вѣка. Въ 1651 г. объ немъ упоминается въ духовномъ завѣщаніи жены покойнаго виленскаго мѣщанина и купца Павла Дороеевича—Акилины Стрилюдзянки, которая между прочимъ отказала 100 злотыхъ польскихъ монахинямъ при греческой церкви св. Духа 3). Продолжалъ существовать этотъ монастырь и въ 1756 г., какъ видно изъ помѣщенной въ концѣ выписи, выданной монахинямъ этого монастыря, затѣмъ указанія на его существованіе мы находимъ у Крашевскаго, который перечисляя подъ 1766 г. монастыри и церкви, бывшіе въ управленіи св. Духовскаго монастыря между ними помѣщаетъ и Благовѣщенскій монастырь 4). Въ Исторіи российской Іерархіи говорится, что Благовѣщенскій монастырь упраз-

1) См. въ приложеніи документъ.

2) См. тамъ же.

3) Wizerunki т. 23 стр. 24.

4) Wilno т. 3-й стр. 65 и 66.

днень въ 1795 г., а монахини переведены въ Ильинскій слудкій монастырь. Строеіе въ немъ было все каменное, но уже обветшавшее, слѣдующее: 1. церковь во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы; 2. колокольна; 3. келлій монахинскихъ четыре, покрыты черепицей и внизу оныхъ погреба“ 1). Прежде этотъ монастырь отдѣлялся отъ большого церковнаго двора заборомъ; по закрытіи монастыря заборъ этотъ былъ сломанъ и церковь Благовѣщенія обращена въ теплую часовню при монастырѣ св. Духа. 2) Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о двухъ древнихъ православныхъ женскихъ монастыряхъ въ Вильнѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ православнаго женскаго монастыря при церкви св. Троицы 3).— Годъ поселенія въ немъ уніятскихъ монахинь съ точностію неизвѣстенъ; есть основаніе думать, что это случилось около 1609 года 4). Самыя богатыя пожертванія получилъ этотъ монастырь отъ дома Сапѣговъ. Въ числѣ первыхъ уніятскихъ монахинь поступила въ этотъ монастырь Анна, дочь Павла Стефана Сапѣги, подканцлера в. кн. литовскаго, въ монашествѣ носившая имя Екатерины. Отецъ ея Павелъ Сапѣга на свои средства возобновилъ и устроилъ этотъ монастырь и считался даже его фундаторомъ. Въ то же время въ этотъ монастырь поступила Варвара, дочь Богдана Павловича Сапѣги, минскаго воеводы и Марины Капустянки, изъ рода

1) Т. 3-й стр. 538.

2) Wizerunki т. 23 стр. 24.

3) Бѣ дальнѣйшія свѣдѣнія по преимуществу заимствованы изъ указанной нами выше вѣдомости, находящейся въ архивѣ виленской духовной консисторіи и изъ сочиненія Стебельскаго Chronologia стр. 234—239.

4) Стебельскій говоритъ, что онъ возобновленъ былъ Веніаминомъ Рутскимъ около 1600 г., а составитель вѣдомости о состояніи этого монастыря за 1829 г. относитъ основаніе его къ концу 16 и началу 17 вѣка. Такъ какъ Троицкій монастырь окончательно отошелъ къ уніатамъ въ 1609 годъ, въ этомъ же году сдѣлался архимандритомъ его Велиаминъ Рутскій, то на этомъ основаніи мы полагаемъ, что уніятскія монахини заняли этотъ монастырь около 1609 года. По крайней мѣрѣ въ этомъ 1609 году несомнѣнно этотъ монастырь принадлежалъ уже уніатамъ, потому что упоминается о настоятельницахъ этого монастыря Василисѣ Сапѣжанкѣ (Акты южной и западной Россіи т. 2 № 33.

русскихъ переяславскихъ князей; по смерти своего мужа Романа Волловича, ковенскаго старосты, Варвара постриглась въ этомъ монастырѣ и приняла имя Васялисы. Она избрана была настоятельницею и много сдѣлала для своего монастыря; она обновила и расширила его и увеличила средства дальнѣйшаго его существованія пожертвованіемъ имѣнія Дукшишки, прежде называвшагося Ошмянкою Нарушевичевскою; это имѣніе подарилъ при ея посредствѣ монастырю дядя ея Левъ Сапѣга. Около 1620 г. постриглась въ этомъ же монастырѣ Евдокія, дочь Григорія Тризны, слонимскаго маршалка; она потомъ была настоятельницею бытенскаго уніятскаго монастыря. Около 1640 г. поступила въ этотъ монастырь Евдокія изъ дома Сапѣговъ; въ монастырѣ она носила имя Екатерины и въ послѣдствіи времени была настоятельницею минскаго монастыря.

Изъ этого перечисленія болѣе извѣстныхъ монахинь разсматриваемаго нами монастыря видно, какимъ значеніемъ онъ пользовался въ уніятскомъ мірѣ: изъ него избираются настоятельницы для вновь устраивавшихся уніятскихъ женскихъ монастырей. Даже Иосафатъ Кунцевичъ, когда устраивалъ полоцкій женскій монастырь, перевелъ также сюда изъ Троицкаго монастыря нѣсколько монахинь для распространенія между полоцкими монахинями духовнаго просвѣщенія и ученія ихъ монастырской жизни.

Троицкій женскій монастырь, и послѣ того какъ овладѣли имъ уніаты, продолжалъ существовать рядомъ съ мужскимъ базильянскимъ монастыремъ. Ихъ раздѣляла между собою только каменная стѣна. Въ 18 вѣкѣ монастырь былъ значительно расширенъ, иждивеніемъ Важинской и Радзивиловой, изъ которыхъ у первой жила здѣсь дочь Іоанна, а у другой сестра Цецилія, сдѣлана была пристройка зданія, находившагося рядомъ съ мужескимъ монастыремъ.

Въ женскомъ монастырѣ до самаго конца его существованія не было особой церкви; а къ богослуженію монахини ходили въ мужской Троицкій монастырь. Для того, чтобы удобнѣе было монахинямъ ходить сюда къ богослуженію, устроена была особая галлерей, которая шла изъ женскаго монастыря черезъ колокольню въ Троицкую церковь. Въ ней

монахини имѣли свою небольшую придѣльную церковь, которая находилась съ лѣвой стороны. По преданію, эта придѣльная церковь построена была еще Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, въ то время, когда онъ строилъ всю Троицкую церковь 1).

Эта придѣльная церковь съ лѣвой стороны примыкала къ древней ризницѣ, находившейся при главномъ алтарѣ Троицкой церкви, какъ это видѣлъ, по словамъ вѣдомости, Адрианъ Головня, епископъ оршанскій. Въ послѣдствіи времени, когда базильяне послѣ пожара 1748 г. значительно расширяли и украшали свою церковь, и эта придѣльная церковь была также разрушена, а мѣсто ней общимъ иждивеніемъ монаховъ и монахинь выстроена новая придѣльная церковь, также съ лѣвой стороны, она нѣсколько только придвинута была къ входнымъ церковнымъ дверямъ. Въ ней находился одинъ алтарь; недалеко отъ алтаря на особомъ столѣ стояла (разумѣется 1829 годъ) статуя Иисуса Христа, на стѣнѣ съ лѣвой стороны висѣлъ образъ Божіей Матери съ ликами Василия Великаго и Иосафата Кунцевича. Церковь имѣла двои двери; однѣ—желѣзныя, мѣстами позолоченныя—выходили въ Троицкую церковь, и были завѣшиваемы шерстянымъ зеленымъ занавѣсомъ; другія двери вели на указанную выше галерею.

Кромѣ этой придѣльной церкви монахинямъ принадлежала еще въ Троицкой церкви часть хоръ; эта часть и со стороны, обращенной внутрь церкви, и съ той стороны хоръ, на которомъ помѣщался органъ, закрыта особою деревянною рѣшоткою, устроенною впрочемъ уже въ 1798 г. На хорахъ устроенъ былъ также небольшой алтарь. На хоры ходили изъ монастыря по той же галереѣ, по которой и въ придѣльную церковь. Особого церковнаго причта женскій монастырь никогда не имѣлъ; а монахини или присутствовали на общемъ богослуженіи или отправляли для нихъ базильянскіе монахи особое богослуженіе въ придѣльной церкви.

Монастырю принадлежало нѣсколько имѣній: Дукшишки, Ворни, Цымуты и др. всего 15 сель; имѣнія отдаваемы были

1) Можетъ быть эта придѣльная церковь и прежде назначена была для монахинь прежняго православнаго монастыря.

въ аренду и приносили монастырю въ 1829 г. 5,337 польскихъ золотыхъ и 10 грошей.

Всѣхъ монахинь въ 1829 г. и съ настоятельницею Дамасцевою Важинскою было 12.

Въ монастырѣ находилась библіотека, состоявшая изъ 299 книгъ по преимуществу аскетическаго содержанія и на польскомъ языкѣ; книгъ на славянскомъ языкѣ всего было 14, и притомъ богослужебныхъ; а для чтенія не было ни одной русской книги. Всѣ монахини знали только польскій языкъ; нѣкоторыя только изъ нихъ умѣли читать по славянски; настоятельница знала кромѣ польскаго, французскій и нѣсколько русскій языки.

Около 1826 г, стараніемъ настоятельницы Дамасцены Важинской открытъ былъ при монастырѣ пансіонъ. Воспитаніе въ немъ отличалось чисто свѣтскимъ направленіемъ. Обучали наукѣ христіанской и обрядовой, гражданской исторіи, чтенію, каллиграфіи, ариметикѣ, географіи, польскому, французскому и русскому языкамъ; музыкѣ, танцамъ, шитью и вышиванью. Обученіемъ занимались частію сами монахини, имѣвшія впрочемъ кромѣ того двухъ гувернантокъ, частію приходящіе учителя, преподавателями большей части предметовъ были базильянскіе монахи; для обученія музыкѣ, французскому языку и танцамъ приходили свѣтскіе учителя. Въ 1828 г. въ пансіонѣ было всего 43 воспитанницы; изъ нихъ 23 имѣли столъ и помѣщеніе въ монастырѣ съ платою за это,—7 содержались бесплатно, а 13 приходили только на уроки.

Ө. Е.

(Лит. Эн. Вѣд.)

III.

ПОЛЬСКИЙ ЭЛЕМЕНТЪ НА ЗАПАДѢ РОССІИ.

Въ ряду событій, долженствующихъ занять интересное мѣсто на скрижаляхъ новѣйшей исторіи, является послѣднее польское возстаніе. Назойливый вопросъ требуетъ окончательнаго рѣшенія, историческая судьба польскаго народа должна завершиться разъ навсегда. Послѣднія слова польскаго національнаго героя, „finis Poloniae“, должны остаться неотразимымъ, послѣднимъ приговоромъ народа, отжившаго свой вѣкъ, свое политическое значеніе, въ строгой исторической послѣдовательности мировыхъ и бытовыхъ событій. Такъ рѣшила Европа и весь цивилизованный міръ, и потому нельзя принять во вниманіе развившееся въ настоящее время кокетничанье австрійскаго правительства съ польскими народностями; это одна изъ тѣхъ всегдашнихъ и неизбѣжныхъ уловокъ Австріи, безъ которыхъ она не можетъ существовать, какъ государство нелепо сшитое изъ разноцвѣтныхъ и разнокачественныхъ лоскутковъ, тлѣющее единственно политикою іезуитскаго закала. Сегодня ей выгодно по расчету улыбнуться полякамъ, завтра нѣмцамъ, послѣ завтра венграмъ, хорватамъ, потомъ чехамъ и т. д. Только слѣпые могутъ предполагать въ такого рода политикѣ искреннее чувство; а если поляки это знаютъ и стараются только временно воспользоваться своимъ мнимо-выгоднымъ положеніемъ въ Австріи, то ихъ стараніе ни болѣе ни менѣе, какъ обычное жалкое

и смѣшное увлеченіе. Австрія лучше изучила свои народы, чѣмъ они самихъ себя, поэтому и полягамъ будетъ потакать лишь на столько, чтобъ они могли слѣпо и отлично выполнить ея собственныя планы. Съ окончаніемъ дѣйствующей роли поляковъ, Австрія снова преспокойно приберетъ ихъ въ свои руки и заставитъ молчать, какъ въ 1846 году. Въ мыслящей Европѣ окончательно утвердилось мнѣніе, что разъ падшая Польша, вслѣдствіе радикальнаго разстройства всѣхъ узъ, ссрѣпляющихъ государство, не можетъ достигнуть своего возстановленія и независимости на какихъ бы то ни было началахъ; ея самостоятельность немислима и противуестественна при какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ ряду историческихъ неблагопріятныхъ и противоположныхъ намѣреніямъ поляковъ причинъ, и самый характеръ бурнаго народа мечтательно высокоумный, его легкомысленныя притязанія на возстановленіе Баторіевской Польши, мѣшаютъ уже сами собою успѣху дѣла. Великодушное желаніе императора Александра I, оказавшееся невозможнымъ въ исполненіи, наглядно доказываетъ абсолютную невозможность самостоятельнаго существованія Польши. Спрашиваемъ, что остается дѣлать этому неугомонному народу, слѣпому въ своей дѣтской мечтательности? Какая судьба его ожидаетъ, если онъ не покинетъ своихъ пресловутыхъ надеждъ и упованій, своего необдуманнаго образа дѣйствій? Судьба его несчастная, плачевная, жалкая. Пройдетъ еще поколѣніе не смотря на свое ничтожество, проборется напрасно, и сойдетъ въ могилу со старой любимой пѣсней; но настанетъ критическій судъ новаго поколѣнія, которое пойметъ наконецъ свое положеніе и примирится съ неизбѣжною дѣйствительностью, воспользуется опытомъ неудачныхъ попытокъ своихъ заблуждавшихся отцовъ, извлечетъ истинный смыслъ изъ горькой народной исторіи, простится на вѣки съ мечтами, и юныя, свѣжія свои силы направитъ на путь здоровой дѣйствительности, ступитъ на поприще общепользнаго труда и производительной дѣятельности. Это поколѣніе скажетъ себѣ: «довольно нашей крови и слезъ пролито; эта кровь и слезы только лишнимъ бременемъ ложатся на изнывшую

грудь земли.» И это будетъ спасительный, вѣрный взглядъ на вещи. Но зачѣмъ его окупать такъ дорого, цѣною слезъ и крови! Почему не приблизить, не сдѣлать настоящимъ вѣрное пониманіе вещей!? Друзья мои, западно-русскій! я много пережилъ и передумалъ, съ горестью и сожалѣніемъ смотрѣлъ на ваши дѣтскія попытки и затѣи въ послѣднемъ возстаніи у меня рвалось сердце на части; я жадно сталъ искать истины, прослѣдилъ исторію западнаго края по всѣмъ достовѣрнымъ источникамъ, какіе всѣми считались добросовѣстными, и искренно, душевно убѣдился въ томъ, что теперь смѣло предлагаю на судъ вашъ, въ своей замѣткѣ. Проникнутый любовью къ родному краю, гдѣ я и жилъ и воспитывался, я не могу выдержаться отъ задушевнаго слова къ моимъ собратамъ. Примите же это слово безъ всякихъ предубѣжденій, безъ всякихъ двусмысленностей; пусть оно будетъ первымъ залогомъ примиренія съ дѣйствительностью, зачаткомъ новой жизни, новыхъ понятій, новаго строя! Это одно изъ самыхъ завѣтныхъ желаній моей души я готовъ пожертвовать всѣмъ для поддержки и укрѣпленія въ васъ истиннаго взгляда на вещи, готовъ купить цѣною крови и себѣ и вамъ разъ навсегда и счастье и спокойствіе, безъ которыхъ немислимо никакое развитіе и преуспѣяніе, искажается смыслъ и цѣль прекраснѣйшаго дара жизни, оставляетъ неизгладимое пятно на страницахъ исторіи, горькій упрекъ слѣдующихъ поколѣній... Считаю обязанностью всякаго благомыслящаго, честнаго человѣка, а тѣмъ болѣе заинтересованнаго въ дѣлѣ, прямо и откровенно высказать свои убѣжденія и взгляды... И чувство истины, и долгъ священный въ отношеніи дорогой для каждаго родины, заставляютъ меня прибѣгнуть къ печатному слову для заявленія несчастнымъ моимъ собратамъ тѣхъ взглядовъ и убѣжденій, которые выработаны мною путемъ житейскаго опыта и не менѣе труднымъ научнымъ изслѣдованіемъ историческихъ фактовъ... Повторяю, меня долго мучилъ роковой вопросъ и много времени и трудовъ требовалось на его окончательное рѣшеніе. Съ какимъ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ я на всѣ заслуженныя бѣдствія и несчастія моихъ

родины и моихъ братьевъ по происхожденію, добровольно и безотчетно взявшихъ на свои плечи тяжелый крестъ, вызвавшихъ горькія, неминуемыя послѣдствія своихъ недуманныхъ и преступныхъ дѣйствій; долго и самъ я терпѣлъ и терплю за чужія грѣхи, ждалъ и искалъ роковой развязки мучительнаго вопроса и когда она явилась, я болѣе, повторяю, не въ силахъ воздержаться отъ задушевнаго совѣта. Мнѣ больно и тяжело будетъ встрѣтить недовѣрчивость и сомнѣніе; но я долженъ исполнить священный долгъ свой, и раньше или позже всѣ блуждающіе во мракѣ убѣдятся въ истинѣ и искренности моихъ убѣжденій; я только желалъ бы приблизить ту минуту, когда всѣ недовѣрчивые сами, своимъ же путемъ, отличать свѣтъ отъ мрака, добро отъ зла, пользу отъ вреда, истину отъ лжи. По моему крайнему убѣжденію, незначѣмъ терпѣть болѣе неизвѣстность; довольно натерпѣлись мы изъ за чуждыхъ намъ идей и цѣлей; не слѣдуетъ ждать, чтобы насъ, какъ глуное стадо, привела къ тому сила, къ чему скорѣе и прочѣе приведетъ собственное убѣжденіе, безпристрастное исканіе истины, которой слѣпые только не видятъ. Не нужно намъ насилія, если мы захотимъ нравственно убѣдиться, что это насиліе совершенно для насъ лишнее и вызвано только необходимостью, нашимъ невѣжествомъ, упорствомъ, непониманіемъ своего положенія, своихъ правъ и своей исторіи.

Вы желаете понять, друзья мои, какой смыслъ и вліяніе можетъ имѣть польское дѣло на западѣ *Россіи*?... Разсматривая и изслѣдуя безпристрастно исторію древней Литвы, мы ясно видимъ, чѣмъ формулируются ея отношенія къ Польшѣ, какой характеръ носятъ столкновенія обоихъ народовъ. Чисто непріязненный, враждебный духъ этой вражды выражается въ постоянныхъ, нескончаемыхъ войнахъ и распряхъ. Оба народа рѣшительно не имѣютъ съ собою ничего общаго; оба принадлежатъ къ совершенно различнымъ племенамъ, въ разное время осѣвшимъ и образовавшимся. Слѣдя далѣе за историческимъ развитіемъ, въ соединеніи Литвы съ Польшей мы видимъ только самый обыкновенный фактъ опутанія въ политическія сѣти гру-

баго, физически непобѣдимаго народа, другимъ народомъ, стоящимъ сравнительно на высшей степени цивилизаціи. Борьба Литвы съ Польшей, продолжавшаяся и послѣ ихъ соединенія, въ лицѣ Витольда и Ягеллы, доказываетъ положительно насильственность этого соединенія. И борьба эта не умолкаетъ послѣ смерти обоихъ противниковъ: народъ борется съ народомъ: такъ неединодушны и натянуты ихъ отношенія. Наконецъ восстанавливается наружное согласіе, и то въ духѣ перемирія, дарованіемъ Литвѣ всѣхъ правъ польской конституціи. Но и тутъ гордый, властолюбивый народъ не хочетъ въ душѣ признать равнымъ себѣ не менѣе храброе, воинственное племя литовцевъ, и только притворяется равнымъ, сознавая съ затаенною злобою физическую невозможность инаго образа дѣйствій, открытой вражды и презрѣнія, глубоко затаенныхъ и хитро маскированныхъ. Это соотношеніе двухъ разноплеменныхъ, неестественно связанныхъ народовъ, ясно замѣчается и донинѣ безпристростными наблюдателями. Я знаю, что, быть можетъ, большинство моихъ собратій, фанатически преданное польской пропагандѣ, безотчетно слѣдующее разъ заведеннымъ порядкамъ недалеовидныхъ своихъ предковъ, удивится, этой неслыханной схизмѣ. Но это можетъ произойти и объясниться только невѣжествомъ, закоснѣлостью въ слѣпомъ фанатизмѣ; неспособностью здраваго взгляда на вещи, отсутствіемъ всякой наблюдательности. Для того, чтобъ убѣдиться въ исторической истинѣ моего взгляда, я предлагаю невѣрующимъ обратиться прямо къ исторіи, съ безпристрастіемъ холодной, здравой критики, предварительно освободивъ себя, на сколько возможно, отъ предвзятой мысли и желанія, отъ фанатической закваски. Я увѣренъ, что исторически, взглядъ этотъ неопровержимъ. Что же касается до настоящаго положенія поляковъ, въ отношеніи къ западно-русскимъ, то стоитъ лишь мало-мальски наблюдать за поведеніемъ ихъ въ отношеніи къ намъ, чтобы наглядно убѣдиться въ иезуитской преданности нашихъ мнимыхъ собратовъ. Для наблюденія я предлагаю взять любого кореннаго поляка (Koroniasza) и, захвативъ его врасплохъ, начать съ нимъ бесѣду. Боюсь, чтобы вслѣдствіе

этого наблюденія не пришлось назвать западно-русскихъ, навязывающихъ себѣ имя поляковъ, въ отношеніи къ истымъ полякамъ по просту думаю, что этотъ эпитетъ будетъ совершенно вѣрный, заслуженный; такъ мы до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, вели себя, и какъ долго останемся въ роли лакействующихъ это зависитъ, по меньшей мѣрѣ, отъ насъ самихъ. Возьмемъ на выдержку любого короніаша и посмотримъ, какъ онъ отнесется къ намъ, если мы его съумѣемъ вывести на чистую воду. Онъ во первыхъ обзоветъ всякаго западно-русскаго собрата (?) литовскимъ медвѣдемъ, косопалымъ (такой физиологъ!) дуракомъ, невѣжей и т. п.; станетъ смѣяться надъ произношеніемъ польскаго нарѣчія, назоветъ его варварскимъ искаженіемъ языка, и если вы вслушаетесь въ смыслъ его рѣчи, то легко замѣтите, что онъ вами совершенно пренебрегаетъ и если жалуетъ васъ своимъ высокимъ вниманіемъ, то это только по наружности, имѣя въ васъ нужду, отнюдь не болѣе, какъ во всякомъ холопѣ, исправно несущемъ повинность барщины, болѣе теплаго, живаго чувства и искренности, болѣе благородства въ обращеніи, какъ съ равнымъ себѣ, самому недалезоркому глазу, трудно примѣтить. И если медвѣдь литовскій протянетъ дружественно свою лапу этому мнимому собрату, то посмотрите, съ какою загадочной ироніей, подаетъ ему тотъ указательный палецъ своей левши... Кому изъ медвѣдей приходило до сихъ поръ въ голову дѣлать подобнаго рода пріятныя и поучительныя наблюденія? совѣтую однако попробовать...

Историческое положеніе нѣбогда политически связанныхъ двухъ племенъ въ настоящее время совершенно перемѣнилось и роли ихъ стали иными, при иныхъ условіяхъ. Отжившая свое политическое существованіе Польша, съ одной стороны, боялась своихъ, тогда сильныхъ соседей, съ другой нуждалась въ нихъ, видя въ насильственномъ союзѣ съ ними исключительно свой собственный интересъ, свою личную выгоду и пользу, въ ущербъ конечно союзному племени. Роль и цѣль нынѣшней пропаганды очевидно измѣнилась. Теперь полякамъ нечего бояться

ничтожныхъ и слѣпо преданіями связанныхъ съ ними со-
сѣдей. Нынѣшняя пропаганда для своей доктрины только
сильно въ нихъ нуждается, какъ въ матеріальной поддерж-
кѣ. Спрашивается въ такомъ случаѣ долго-ли потомки
древнихъ литовцевъ, нынѣшніе западно-русскіе, будутъ
холопами своихъ вѣчно-пановъ поляковъ? Сколько времени
продлится ихъ нравственная слѣпота, вѣчное заблужденіе,
отсталый азіатскій фанатизмъ и невѣжество въ отношеніи
къ собственной исторіи, наконецъ ничѣмъ необъяснимое
недоброжелательство въ отношеніи къ русскому элементу?
Долго-ли, зачѣмъ и почему будетъ вліять совершенно чу-
жей элементъ на жалкую настоящую судьбу западно-рус-
скихъ, долго-ли польскій духъ будетъ тяготѣть надъ за-
паднымъ краемъ, искони принадлежащемъ Россіи? Этотъ
край и въ старину, въ эпоху своего политическаго суще-
ствования, былъ подъ вліяніемъ той же Россіи, гораздо бо-
лѣе сильнымъ и естественнымъ, чѣмъ враждебная, хитро
маскированная федерація его съ Польшей. И въ настоящее
время Россія совершенно искренно желаетъ нашего объеди-
ненія съ нею, безъ всякихъ заднихъ, неблагородныхъ цѣ-
лей, и имѣетъ на это тысячу разъ больше правъ, чѣмъ
навязанная намъ на шею какая-то давно кончившая свое
существованіе, коварная Польша. Россія никогда не же-
лала и не желаетъ нашего холопства; она напротивъ ста-
рается вывести и влоронить въ насъ русскій элементъ съ
тою цѣлью, чтобы мы всѣ стали равноправными братьями
русскими, единымъ, въ полномъ, истинномъ значеніи, на-
родомъ, великою могущественною націею, подъ общимъ
скипетромъ россійскаго Монарха. Скажите, западно-рус-
скіе мой братья, что можетъ быть естественнѣе, справед-
ливѣе и благороднѣе этого желанія Россіи!... То ли намъ
готовила Польша, еслибъ какимъ либо чудомъ случился
какой-нибудь успѣхъ въ ея возстаніяхъ? Ея наружное по-
веденіе съ нами ничего не значитъ и благородства ея во-
все не доказываетъ; мало-ли въ чемъ она насъ увѣряетъ,
разсыпается мелкимъ бѣсомъ, юлитъ передъ нами, кокет-
ничаетъ, такъ этому съ дуру и повѣрять? А зачѣмъ же
столько прихвровъ исторіи? Неужели они не достаточны

для нашего вразумленія и здраваго взгляда на вещи? Неужели намъ ихъ еще болѣе нужно? Вспомните и подумайте, сколько боролись древніе (да и нынѣшніе) жители западной Россіи съ польскими панамы, чтобы завоевать себѣ хотя наружное равенство съ ними? А не пришло никому изъ насъ въ голову, зачѣмъ и къ чему намъ польское равенство, что мы имѣемъ общаго съ этими непрошенными, лукавыми друзьями, кромѣ фанатически-глупыхъ увлеченій? Отчего мы не подумали, что мы совершенно чужды другъ другу по происхожденію, по языку, по нравамъ, обычаямъ и преданіямъ? Литва была соединена политически, насильно, т. е. наружно съ Польшей, слѣдовательно права послѣдней были чисто искусственныя, а не родственныя. Но если на то пошло, то и съ этой точки зрѣнія, кто же по вашему имѣетъ болѣе политическихъ правъ на владѣніе и вліяніе въ западной Россіи, Россія, или Польша, принадлежащая вмѣстѣ съ западнымъ краемъ къ территоріи Россіи, и неимѣющая, по своей ничтожности (что доказала въ возстаніяхъ), никакою значенія, никакой силы и слѣдовательно никакихъ политическихъ правъ на свою самостоятельность?... Польша политическая давно пала для того, чтобы не подняться болѣе; ея паденіе было столь же неизбежно, какъ немислимо теперь ея возстановленіе. Ея задача въ исторіи рѣшена, исполнена роль, назначенная ей провиденіемъ въ исторіи всѣхъ государствъ. Пала Греція, пала Македонія, палъ Римъ и т. д.; другъ за другомъ въ строгой исторической послѣдовательности падаютъ государства, чтобы на развалинахъ ихъ строились новыя, умершее и разлагающееся государство даетъ зародышъ и пищу новому, какъ растеніе растенію; это вѣчный законъ природы, и мысль воскрешать разлагающагося трупъ невѣжественна, противуестественна. Чего же мы западно-русіе ожидаемъ теперь отъ трупъ Польши, если и во время могущества нашей непрошенной союзницы, торчали мы при ней не какъ самостоятельный, а только какъ подвластный, порабощенный народъ? Неужели намъ еще хочется, въ двуличномъ смыслѣ, связываться съ чуждою намъ, властолюбивою, вѣчно надъ нами господствующею націею и

носить позорное иго вмѣсто воображаемой самостоятельности? Да, наконецъ, этого сладкаго холопства не дожидаться болѣе тѣмъ изъ насъ, кто на столько недалёкозорокъ, что его еще надѣется и на столько глупъ, что его еще жалеаетъ. Последнее подѣское возстаніе окончательно выдвинуло впередъ роковой вопросъ: можетъ-ли древняя, отжившая Польша добиться когда-нибудь самостоятельности, какіе шансы можетъ она имѣть на свое мечтательное возстановленіе? Всѣ главныя западныя государства, дорожащія, точно также какъ и Россія, внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ и миромъ, очевидно никогда не допустятъ до разрѣшенія этого мира и постараются поддержать законный порядокъ вещей. Надо быть слишкомъ близорукимъ, чтобы убаюкивать себя смѣшными надеждами, какъ наприимѣръ, въ последнее возстаніе, что, дескать, Франція вооруженной силой идетъ на помощь полякамъ! «Вооруженной силой», вѣдь такъ думалось нашимъ несчастнымъ безумцамъ, покидавшимъ занятія и семейства на произволъ жестокой судьбы въ партизантской войнѣ для того, чтобы голодать, мерзнуть и умирать въ лѣсахъ, какъ дикіе звѣри... Нѣтъ, друзья мои! Франція и другія западныя государства не только далеки были отъ неестественной мысли помогать вооруженной силой жалкимъ инсургентамъ, но и въ кабинетныхъ своихъ преніяхъ, послѣ самой апатичной, продолжительной бесѣды, едва рѣшились предложить петербургскому кабинету на благоусмотрѣніе свои безсодержательныя, микроскопическія ноты. И что эти ноты заключали, какой въ нихъ былъ смыслъ?—жалкую иронию надъ причудливыми желаніями и надеждами инсургантовъ, добивавшихся того, чтобы васъ признали стороною воюющею! Какъ будто отъ того вы сдѣлались бы сильнѣй и счастливѣе! И почему удивляться, если эти кабинеты, получивъ на свои ноты отзывъ князя Горчакова, далеко превышающій даже ихъ собственныя предложенія, съ радостью умыли себѣ руки и бросили польскій вопросъ въ долгій ящикъ вѣчнаго забвенія. Стоитъ-ли распространяться послѣ этого о настоящемъ положеніи польскаго вопроса за границей? Не только этотъ пресловутый, назойливый вопросъ дав-

нымъ—давно надоѣлъ всѣмъ, но и польскіе эмигранты, даже во Франціи, не смотря на мнимое сочувствіе, либерализмъ и гуманность французскаго правительства и народа, успѣли надоѣсть этой дружественной (?) націи до того, что братья французы, смотря на нихъ не только равнодушно, но даже презрительно и рады-радехоньки своихъ неугомонныхъ гостей поскорѣе отъ себя выжить какъ можно подальше. Заносчивость, дерзость, постоянныя запущенныя интриги, взаимная перебранка и печатная полемика этихъ вѣчныхъ утопистовъ и узурпаторовъ, дошли до крайнихъ, неистовыхъ предѣловъ и скоро вызовутъ общеевропейскую оппозицію, которая окончательно завершитъ мытарство вѣчныхъ смитальцовъ, вѣчныхъ агитаторовъ, враговъ общественнаго спокойствія и порядка. А если мнимая метрополия наша, западно-русскіе собраты, въ такомъ плачевномъ состояніи, то чего же намъ, повторяю, отъ нея ожидать, если бы даже допустить въ комъ-нибудь изъ насъ дикое, фанатически—глупое желаніе дѣйствовать за одно съ панами поляками?...

Русскіе искони вѣковъ признаютъ въ насъ старое племя, много разъ кровно соединенное съ ними добровольными, естественными, родственными связями, и оспариваютъ свое вліяніе совершенно законно, на историческихъ, неопровержимыхъ фактахъ. Россія хочетъ выдрить въ свои владѣнія и обрусить страну искони ей принадлежащую и отнятую только на время, вслѣдствіе политическихъ эволюцій, соединенную съ Польшей совершенно насильственно, интригами польскихъ пановъ, утрачившихся могущества полудикихъ языческихъ своихъ сосѣдей. Слабая Польша только въ хитромъ соединеніи съ Литвой и Русью стала на нѣкоторое время могущественною; отними у нее тогда захваченныя сосѣднія страны, и она осталась бы, съ коренными своими обитателями, самою ничтожною страню, какъ будто и созданную, для того, чтобы попасть подъ чужое вліяніе и владычество; сами неугомонные, безлутные сыны ея скоро пропили бы свою отчизну. Не трудно вѣдь было подкупленному, пьяному оборвышу шляхтичу кря-

луть на сеймъ безтолковое: „veto!“ и погубить государство.

Древнѣйшіе памятники южно и западно русскіе доказываютъ неоспоримо естественное и историческое право Россіи на владѣніе этими странами;—мало того,—тѣ же древнѣйшіе памятники, при болѣе глубокомъ и добросовѣстномъ ихъ изслѣдованіи, при розысканіи и разработкѣ историческихъ матеріаловъ, приведутъ ученыхъ, а въ слѣдъ за ними и весь цивилизованный міръ къ заключенію, что къ южной и западной окраинахъ Россіи слѣдуетъ искать исторической колыбели нынѣ великой, державной монархіи. Но предоставимъ это изслѣдованіе ученымъ; хотя многіе и не изъ ученыхъ полагаютъ эти догадки совершенно справедливыми и естественными, находя во многихъ развалинахъ церквей, разсыпанныхъ обильно повсюду на югъ и западъ Россіи, памятники зодчества, временъ св. Кирилы и Меодія, св. Владиміра и т. д. слѣдовательно самыхъ отдаленныхъ временъ христіанства.

Взглянемъ теперь на нынѣшнее населеніе южнаго и западнаго края, населеніе въ десять разъ превосходящее численностью слабые остатки польскаго элемента и скорѣе по этому составляющее *народъ* и *націю*, и посмотримъ, есть-ли въ этомъ населеніи осязательный признакъ польскаго духа, дающій право полагать польскій элементъ и польское вліяніе имѣющимъ здѣсь какую-нибудь силу и значеніе. Не найдемъ-ли, напротивъ, доказательствъ совершеннаго отсутствія того и другаго въ этомъ народѣ, не смотря на продолжительное панское иго. Да, особенно въ настоящее время, когда правительство энергичнѣе взялось за обрусѣніе края, за окончательное нравственное единеніе и сплоченіе его съ остальною частью Монархіи, когда этотъ народъ почувствовалъ энергичное дѣйствіе родной ему силы, тогда только выказалось вполне все отвращеніе массы къ польской пропагандѣ и вообще къ польскому вліянію; проявилась рельефно наружу вся затаенная ненависть къ наброшенному казуистически элементу. Народъ, давленный въ теченіи вѣковъ деспотическимъ наплывомъ чужаго племени, вдохнулъ свободнѣе, заявилъ свой истинный духъ,

свои права и желанія, приблизивъ и рѣшивъ, такимъ образомъ, совершенный кризисъ польскаго элемента на западѣ Россіи, этотъ народъ былъ, есть и будетъ чисто русскій. Повторяю, это доказываетъ сохранившійся дониндѣ его языкъ, не смотря на бывшее официальное господство польскаго, его нравы, обычаи и преданія. Въ цѣломъ югѣ и западѣ Россіи, не исключая ни Каменецъ-Подольской ни Виленской губерній, какъ центровъ того и другаго края, народъ говоритъ на *русскомъ* языкѣ, а не на *польскомъ* за исключеніемъ лишь, какъ извѣстно, нѣкоторой части Ковенской губерніи, гдѣ сохранились ничтожные остатки *литовскаго* нарѣчія. Польская, езуитская пропаганда ознаменовалась весьма не многими успѣхами въ этомъ чисто русскомъ народѣ. Если мы вникнемъ въ существо обрядовъ, обычаевъ и нравовъ этого народа, то легко замѣтимъ въ нихъ родственное сходство съ коренными, чисто русскими преданіями; всё предразсудки, суевѣрія—все общее, или сродное. И послѣ великой реформы свободы, дарованной народу обожаемому Монархомъ, народъ этотъ сталъ свободно, самостоятельно развиваться и преуспѣвать въ чисто-русскомъ духѣ, безъ всякихъ насильственныхъ къ тому мѣръ со стороны правительства. И гдѣ же тутъ хотя самый слабый признакъ *польскаго* элемента и вліянія? могло-ли уничтожиться такъ скоро это вліяніе, еслибъ оно дѣйствительно когда-нибудь было и имѣло какую-нибудь силу и значеніе? Не доказываетъ-ли все это, напротивъ, совершенное отсутствіе, безсиліе прошлаго и окончательный упадокъ настоящаго, если оно мыслимо, вліянія, если принципомъ силы признавать духъ *народной массы*. Эта масса, эта сила болѣе чѣмъ въ 10 разъ превосходитъ численностью и значеніемъ каплю польскаго духа, который, весьма сомнительно, могъ сохраниться развѣ въ ничтожныхъ остаткахъ польскихъ выходцевъ и въ худо опоященной горсти туземцевъ. Такъ неужели же эта капля, если она еще держится, можетъ составить какую-нибудь силу, вѣсь и значеніе, можетъ именоваться *вліятельнымъ элементомъ*?! Подумайте мои братья, объ этихъ вопросахъ... Наконецъ, эти ничтожные остатки должны

весьма скоро окончательно и невозвратно ступешаться въ общей массѣ; какой же тогда будетъ имѣть смыслъ *польскій* элементъ на западѣ *Россіи*? Дѣло въ томъ, зачѣмъ намъ *откладывать* надалѣе то, что неминуемо должно совершиться *сейчасъ же*? Зачѣмъ продолжать бесплодную, мучительную агонію? Смерть всему польскому давно совершилась; невозможно отрицать этой истины; чего же скажете, западно-русскіе братья, ждать намъ еще, надѣяться, колебаться; къ чему эта нерѣшимость? Покончимъ разъ на всегда всѣ старые расчеты съ панями поляками, станемъ изъ польскихъ русскими гражданами и благословимъ Провидѣніе, давшее намъ милостиваго великодушнаго Монарха, подъ скипетромъ котораго мы еще можемъ ожить, набрать свѣжихъ, новыхъ силъ. Перерожденные съизнова, на истинномъ пути, мы еще добьемся всякаго преуспѣянія и прогресса! Полно, полно коснѣть намъ въ рабствѣ, пора раскрыть глаза и свободно вздохнуть!

Кровью нашей и слезами, наполнилась родина наша. Тяжело ей отъ напрасныхъ за нее страданій и бѣдствій, пора и ей отдохнуть, зацвѣсти, облиться потомъ мирнаго труда, а не кровью, не слезами, проливаемыми столько лѣтъ напрасно и безумно!...

Братья, западно-русскіе! мнѣ кажется, вы поймете слово истины, согласитесь со мною; я увѣренъ, что мнѣ останется только желать скорѣйшаго осуществленія моихъ завѣтныхъ желаній на практикѣ.

Если моя замѣтка принесетъ для васъ какую нибудь пользу и хоть на сколько-нибудь подвинетъ впередъ дѣло обрусѣнія западнаго края, это будетъ для меня высочайшею наградю за всѣ мои труды и скорби, пережитыя мною для обрусенія моей родины; это будетъ вѣнцомъ всѣхъ моихъ надеждъ и молитвъ, къ милосердому Богу. О, какъ бы я желалъ, чтобы всѣ мои братья думали такъ, какъ я думаю! Да не допуститъ же Провидѣніе оставаться намъ болѣе въ нашемъ тяжеломъ, упорномъ заблужденіи!

Западно-Русскій.

IV.

Я Г А Й Л О.

Историческій романъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 11-я.

Нападеніе на домъ Гаштольда.

Наступилъ день литовскаго языческаго праздника *Вайжганта*. Со всѣхъ сторонъ стекался народъ въ виленское Ромново. Въ этотъ день по всей Литвѣ и Жмуди, гдѣ существовало только Ромново, или находился вайделоть, существовалъ такой обычай: самая красивая дѣвица умоляла Перкунуса о изобиліи льна, обработкой котораго особенно много занимались литовцы. Даже русскіе христіане, жившіе по сосѣдству съ литовцами-язычниками, не чужды были этого обычая, потому что ленъ былъ у нихъ главнымъ производительнымъ продуктомъ, а по своей суевѣрной натурѣ они боялись не воздать почестей языческому богу, который былъ хотя и не христіанскимъ Богомъ, но все-таки, по ихъ понятіямъ, могъ вліять нѣсколько на урожай льна. Такъ было и тутъ, нѣкоторую часть народной массы, наполнившей собою виленское Ромново, составляли русскіе христіане, преимущественно женщины. День былъ ясный и теплый. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ стоялъ; ледъ рѣки Виліи ушелъ въ Нѣманъ...

Громадный храмъ Перкунуса былъ биткомъ наполненъ народомъ.

*) См. 9 кн. „Вѣст. Зап. Россіи.“

Ровно въ полдень начались великія жертвы, которыя приносили самъ криве-кривейто, съ двумя кривейтами, съ множествомъ вайделотовъ, вайделотокъ, буртовъ, буртиниковъ, гусларовъ, вуршайтосовъ и гадателей.

Большіе клубы дыма вырывались изъ громаднаго пылающаго костра—и, уносясь изъ капища, ложились по землѣ. Народъ считалъ это хорошимъ предзнаменованіемъ.

Въ жертву Перкунуса въ этотъ день приносились продукты растительныя, какъ то: хлѣвъ, рожь, овесъ, яблоки, орѣхи и льняное сѣмя. Все это бросалось въ огонь, съ словами: «земля наша мать, земля родительница хлѣба и цвѣтовъ.»

Когда костеръ началъ догорать, на жертвенникъ вошла Пюта; она была одѣта по зимнему, зеленый передникъ, съ дѣвичьими бубенчиками, былъ подвязанъ по верхъ теплой одежды, на головѣ ея было надѣто бѣлое толстое покрывало; а на немъ дубовый вѣнокъ. Въ рукахъ она держала позолоченный кувшинъ. Поклонившись народу, она обратилась къ Перкунусу и опустила передъ нимъ на колѣна.

— О, грозный властитель неба и земли, святой Перкутъ! ты видишь, какъ великія жертвы, принесенныя тебѣ вѣрными твоими рабами, здѣсь стоящими, — начала дрожащимъ голосомъ Пюта: всѣ они молятъ тебя и просятъ... (Едва только проговорила эти слова Пюта, какъ всѣ присутствующіе въ капищѣ, а за ними и тѣ, которые находились внѣ храма, пали ницъ).

— Не оставь ихъ своею милостью, пошли хорошій урожай льна на будущее лѣто. Избави ихъ отъ засухи, избавь и отъ лишняго дождя. Пусть Летуванисъ дастъ небесной воды столько, сколько будетъ нужно. Сказавъ это, она встала, за ней послѣдоваль и народъ; подойдя къ потухающему костру, она начала заливать его священою водою изъ позолоченнаго кувшина. Послѣ чего ей подали серебряную лопатку, которой она начала раздавать пепелъ изъ потухшаго костра, народу. Всѣ подходили къ ней и всѣ, получая этотъ священный пепелъ, завязывали въ бѣлыя небольшіе куски холстины для того, чтобы сохранить эту золу до весны, когда начнутъ сѣять ленъ, золой этой посыпали поля. Во время этой раздачи пѣлись ледованія Перкунусу и носились вайделотами во множествѣ навезенныя жертвы народныя изъ капища Перкуна въ амбары криве-кривейты. Изъ этихъ жертвъ только самая мень-

ная часть пошла буквально въ жертву Перкунусу, а все остальное отнесено криве-кривейту.

Когда кончилась раздача священнаго пепла, криве-кривейто кошелъ на жертвенникъ и, обратившись къ Перкуну, началъ что-то нашептывать ему. Послѣ долгаго нашептыванья, онъ обратился къ народу и сказалъ:

— Внимайте словамъ бога Перкунуса, онъ будетъ говорить свою волю.

Игузанъ зашелкалъ зубами и открылъ ротъ. Всѣ, за исключеніемъ криве-кривейты и Поаты, пали ницъ.

— Моя воля будетъ передана всѣмъ собравшимся молитъ меня — криве-кривейтомъ съ высоты Ромновъ и вайделоткой Поатой на Лысой горѣ, — сказалъ Перкунусъ какимъ-то могильнымъ голосомъ.

Всѣ встали.

— Пойдите слушать волю боговъ, — сказалъ криве-кривейто, выходя изъ храма Перкунуса и направляясь къ башнѣ, которую въ одинъ мигъ сплошной массой окружилъ народъ.

— Кривичи, мои любезные вѣрные поклонники боговъ моихъ, къ вамъ я обращаюсь съ велѣніемъ бога Перкунуса, — началъ криве-кривейто; молитвами вашими и жертвами онъ умилостивился и пошлетъ на будущій годъ хорошій урожай льна... Но онъ можетъ послать на васъ страшныя бѣдствія, если вы не будете ограждать себя отъ происковъ и нападеній коварныхъ латинцевъ... И такъ уже боги наши много терпѣли поношеній не только отъ христіанъ, но даже отъ своихъ сыновъ. Горе тому кто мѣняетъ свою кривичанскую вѣру на латинскую. Изъ за него всѣ бѣды и несчастія будутъ посылаться на землю... Народъ мой вѣрный! Не такъ страшны намъ нѣмцы за рубежомъ Литвы и на краю Жмуди, какъ страшны свои кровные братья, принявшіе латинство... Истребляйте ихъ всѣхъ безъ жалости, сотрите этихъ отступниковъ съ лица земли, и боги наши пошлютъ на васъ довольство и счастье. Но если, сложа руки, будете смотрѣть, какъ латинская вѣра врывается въ дома ваши, то боги пошлютъ на васъ черную смерть... Помните, что я сказалъ сейчасъ и ступайте теперь на Лысую гору, тамъ дочь Прауримы, вайделотка Поата, повѣдаетъ вамъ остальную волю Перкунуса. Сказавъ это, онъ поклонился солнцу и пошелъ во внутренность башни.

На гору, на Лысую гору, кричалъ народъ, въ толпѣ котораго

ходили переодѣтые вайделоты и прямо говорили, что всѣ бѣди будутъ отъ дома Гаштольда.

Вся масса народа двинулась за Пютой, которая несла въ рукахъ пучекъ льна. По задн ей шли прочія вайделотки съ зажженными головнями и съ пѣніемъ обрядной языческой пѣсни. Въ толпѣ вайделотокъ не было только Ригальды, скрывшейся неизвестно куда во время жертвъ изъ капища.

Перейдя мостъ черезъ Вилейку, процессія устремилась на Лысую гору, гдѣ два вайделота стояли у большаго костра дровъ. Взойдя на гору, Пюта положила на костеръ пучекъ льна и, взявъ изъ рукъ одной вайделотки пылающую головню, зажгла костеръ. Когда костеръ воспламенился, всѣ наклонили голову, только одна Пюта смотрѣла на небо. По выраженію ея лица ясно было видно, что она исполняетъ только обрядность, но сама не сочувствуетъ своему положенію. У ней было въ мысляхъ не небо, не грозный Перкунусъ съ которымъ, она будто бы бесѣдуетъ, а Анна, жена Гаштольда, какъ увидимъ ниже. Пламя скоро истребило пучекъ льна и народъ ждалъ отъ Пюты священныхъ словъ Перкунуса. Но она видимо колебалась начать рѣчь и хранила молчаніе. Въ эту минуту на Лысую гору долетѣли звуки колокола съ христианской каплицы Гаштольда. Пюта вздрогнула, лицо ея поблѣднѣло, глаза блеснули зловѣщимъ огнемъ.

— Перкунусъ повелѣваетъ своимъ кривичамъ разорить гнѣздо хищныхъ ястребовъ, которые укрылись въ домѣ Гаштольда... Вы слышите звонъ? туда, туда спѣшите!... Истребите это гнѣздо, умертвите скверныхъ латинцевъ и на ихъ костяхъ передайте лютой смерти жену Гаштольдову... Таково велѣніе бога... Смерть латинцамъ, смерть!... закричала Пюта, выхватывая изъ подъ пояса длинный ножъ и направляясь съ горы.

— Смерть латинцамъ, смерть! крикнули переодѣтые вайделоты.

— Смерть латинцамъ! повторила толпа, и вся масса народа, въ остервенѣніи на латинцевъ, бросилась за Пютой.

Оставивъ бѣгущую массу народа на пути къ дому Гаштольда, мы посмотримъ, что въ это время дѣлалось въ немъ.

Домъ Гаштольда, обнесенный высокими бревенчатыми стѣнами, находился почти рядомъ со священной дубовой рощею, которая тоже была обнесѣна стѣнами.

Великій князь Ольгердъ, сначала очень недружелюбно смотрѣвшій на духовное перерожденіе своего любимица, часто высказывалъ ему свою неприязнь къ католицизму, и что онъ, если хочетъ креститься, то пусть крестится по греческому обряду, а не латинскому, который литовцы ненавидятъ, но Гаштольдъ ловко умѣлъ изворачиваться отъ замѣчаній князя и, пользуясь своими заслугами, сдѣлалъ все, чего хотѣла прекрасная плѣнница. Съ этихъ то поръ, въ первый разъ еще католицизмъ пріютился въ столицѣ Литвы, укрываясь въ домъ Гаштольда. Но будемъ продолжать нашъ рассказъ.

За Анной Гаштольдовой сидѣло множество служанокъ. Судя по костюму, служанки эти были польки. Ригальда, увидѣвъ Анну, ринулась впередъ и бросилась передъ ней на колѣна.

— Это твоей красотѣ, сказала Ригальда по литовски, дѣлая поклонъ.

Правитель замка перевелъ эту фразу Аннѣ на польской языкъ. Она привѣтливо улыбнулась и ласково спросила Ригальду по-русски :

— Не говоришь ли ты по-русски?

— Говорю... Моя мать была русская... Но выслушай меня скорѣе, прекрасная боярыня, время дорого... сказала Ригальда, вставая на ноги.

— Говори, я слушаю.

— Твои глаза яснѣе дня, темнѣе ночи, на твоихъ бѣлыхъ щекахъ рдѣютъ розы.... Ты красивѣе нашей богини Мильды, такъ тебѣ ли погибать отъ руки безродной войделотки....

— Что говоришь ты?

— Войделотка Поята взбунтовала весь народъ, собравшійся на сегодняшний день въ Ромновѣ, для молитвы.... Народъ хочетъ перебить твоихъ монаховъ, а Поята ищетъ твоей смерти. Криве-Кривейто сказалъ ей, что ты любишь князя Ягайду, а онъ обѣщался жениться на ней. Мщеніе ее велико, отъ народной воли не устоятъ стѣны твоего дома, и ты будешь добычей Поята, но терай времени, спѣши въ великокняжескій замокъ, тамъ ты найдешь себѣ защиту за крѣпкими стѣнами и дружиной княжеской....

— Она безумная, сказала Анна, обращаясь къ правителю замка.

— О, нѣтъ, боярыня! я не безумная, я хочу спасти тебя отъ вѣрной смерти, но, ты отвергаешь мою службу.... Ты взгляни боя-

рина изъ окна на Лысю гору, сказала Ригальда, подходя къ одному изъ оконъ и показывая рукою по направленію къ горамъ. — Вонъ видишь: льняная жертва повчена, народъ бѣжить съ горы и бѣжить съ тѣмъ, что бы напасть на твой домъ, его ведетъ сюда Поята и переодѣтые войделоты.... Не безумная я, боярыня, не ради корысти прибѣжала къ тебѣ съ лихою вѣстью, но я сама.... ненавижу нашихъ боговъ и Криве-Кривейто, за твое же спасеніе, когда вернется твой мужъ изъ Москвы, отдай мнѣ голову Поята, говорила Ригальда, вопросительно смотря на Анну.

Но Анна не отвѣчая Ригальдѣ, обратилась къ правителю.

— Ты слышишь? сказала она: ступай, поставь рабовъ на стѣны и въ воротахъ.... Если то правда, что говорятъ войделоты, то пусть закипятъ бой.... Самопаловъ, копій и мечей довольно у насъ... Ступай и безъ всякой пощады бей поганыхъ кривичей, но что бы ни одинъ изъ нихъ не переступилъ къ намъ за стѣну живою.

— Не пропущу ни кого, развѣ только черезъ трупъ мой перешагнуть, — отвѣчалъ правитель дома послѣшно выходя изъ комнаты.

По уходѣ правителя, Ригальда снова подбѣжала къ окну, а Анна, въ короткихъ словахъ, на латинскомъ языкѣ, передала монахамъ все, что говорила Ригальда. Францискане оказались не такъ самоувѣренны, какъ Анна Гаштольдъ и предлагали ей, вмѣстѣ съ ними, бѣжать черезъ *Лоточекъ* *) въ княжескій замокъ, но гордая Анна съ презрѣніемъ отвергла это предложеніе.

— Слуги Христовы не должны быть малодушными, съ вами Христосъ и Матерь Божія, такъ чего же намъ бояться? торжественно сказала она. Впрочемъ путь для васъ открытъ, можете бѣжать, я васъ не удерживаю, — добавила она, указывая на дверь.

Тонъ, которымъ сказала Анна послѣднюю фразу заставилъ монаховъ остаться на своихъ мѣстахъ, не смотря на искреннее желаніе бѣжать.

Ригальда снова принялась упрашивать Анну Гаштольдъ спастись себя отъ вѣрной смерти, но всѣ прозбы остались тщетны. Анна понадбѣялась на своихъ холопей и на присылку помощи изъ княжескаго замка.

Но вотъ на улицѣ послышались крики народа.

*) Русская улица въ Вильнѣ.

У воротъ дома Гаштольда сидѣли два стражника литовцы и ели между собой разговоръ.

— Въ праздниѣ Вайжганта всегда бываетъ тепло, говорилъ динь.

— Да... То то я думаю народу—то собралось на великихъ жертвахъ,—говорилъ другой.

— Отъ насъ ни кто не пошелъ?

— Нѣтъ ни кто... Ни кого сама не пустила...

— А развѣ просились?

Просились... Вы, говорить, теперъ стали христіанами черезъ меня, узнали свѣтъ огня небесного, не такого, какой исходить отъ Зница, и ходить вамъ въ Ромновѣ не зачѣмъ... вмѣсто Пергунуса, говорить, у васъ теперъ есть Христось.

— Окрестили насъ силою въ латинство, до еще хотять, что бы мы и въ Ромновѣ не ходили!.. Дождется она, что мы все сбѣжимъ отъ нея...

— Придется сбѣжать, а не то вмѣстѣ съ нею и насъ побьютъ когда нибудь...

Едва только успѣлъ онъ кончить послѣднее слово, какъ къ воротамъ, запыхавшись, приближала вайделютка; это была Ригальда.

— Пустите меня... скорѣй... скорѣй! закричала она, стуча въ ворота и озираясь назадъ.

Стражники изумились.

— Куда тебя пустить, къ кому? спросилъ одинъ.

— Къ вашей госпожѣ, къ женѣ Гаштольда, послѣшно отвѣчала она.

— Какое дѣло ты имѣешь до нашей госпожи? спросилъ другой.

— Я все ей скажу сама, вы рабы ея и должны спасать свою госпожу, ее хотять убить, вся толпа народа, собравшагося на праздниѣ Вайжганта, сбѣжить сюда... Слѣшите защищаться, меня же скорѣе пропустите къ вашей боярынь...

Стражники отворили калитку, Ригальда хотѣла уже пройти.

— Постой, сказалъ одинъ, загоразивая ей дорогу: ты не креститься ли хочешь?

— Тебя не окрестятъ... лучше вернись назадъ, а то выдадутъ Криве-Кривейту, сказалъ второй.

— Не креститься я желаю, а спасти отъ смерти вану госпо-

жу... Пропустите меня, приказываю вамъ именемъ вашей госпожи, закричала Ригальда, въ испугленіи.

Стражники раступились.

— Ступай и спроси у внутреннихъ сторожевыхъ, чтобы они провели тебя къ правителю дома Гаштольда; помимо его ты не попадешь къ госпожѣ нашей, сказалъ одинъ.

Но Ригальда не слыхала этихъ словъ, какъ серна она бросилась въ калитку и черезъ нѣсколько минутъ была введена правителемъ дома Гаштольда, въ покой Анны, супруги Гаштольдовой.

Большая длинная комната съ высокими рѣзными окнами отличалась вкусомъ убранства. Стѣны были обиты голубымъ бархатомъ, потолокъ былъ расписанъ рыцарскими подвигами, мебель была рѣзная, позолоченная, полъ былъ устланъ коврами.

Въ этотъ день Анна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой и потому не ходила въ костель, а просила францискановъ къ себѣ въ покои, для молитвы и бесѣды.

Не задолго передъ обѣдомъ, послѣ долгихъ молитвъ, она бесѣдовала въ обществѣ семи францискановъ, въ голубой комнатѣ, нами сейчасъ описанной. Всѣхъ монаховъ францискановъ въ домѣ Гаштольда находилось 14, но изъ нихъ въ этотъ день одна половина занималась послѣ костельной службы съ дворней Гаштольда, приводя ее изъ язычества въ католицизмъ, другая же половина, какъ читатель видѣлъ, была съ Анной Гаштольдовой. О ней я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Во время войны литовцевъ съ поляками, Анна, носившая фамилію Бучацкихъ, вмѣстѣ съ другими своими родичами, попалась къ литовцамъ въ плѣнъ и и отведена была въ Вильну. Здѣсь она приглянулась литовскому боярину Гаштольду, любимцу в. к. Ольгерда. Онъ предложилъ ей свободу, но съ тѣмъ, что бъ она была женой его; Анна отвергла эту свободу и сказала, что выйдетъ за него замужъ тогда лишь, когда онъ (Гаштольдъ) оставитъ язычество, приметъ крещеніе по латинскому обряду и выпишетъ для этого изъ Кракова 14 монаховъ францискановъ. Рѣдкая красота Анны, сдѣлала изъ заклятаго язычника фанатика католика. Воля ея была исполнена въ точности, не смотря на увѣщеванія знаменитыхъ язычниковъ и угрозы Криве-Кривейты.

Большимъ умомъ и обаятельной красотой изъ Петра Гаштольда она сдѣлала своего раба.

ные, то красные круги и какъ спохъ она рухнула на трупъ своей жертвы.

Домъ Гаштольда былъ разграбленъ, костель уничтоженъ до основанія, погреба, гдѣ хранились во множествѣ алмазы, медь, романа и малвазія, были отбиты, народъ началъ упиваться и въ хмѣлю еще болѣе неистовствовалъ. Тѣла мертвыхъ монаховъ таскались по городу и потомъ привязывались къ бревнамъ и пускались внизъ по Вилии.

В. к. Андрей Ольгердовичъ, съ нѣсколькими дружинниками и тиунъ, бросился на помощь къ Аннѣ Гаштольдъ, но помощь эта была уже не нужна. Ему пришлось только вырвать смертный трупъ Анны изъ рукъ разъяреннаго народа и, не давъ его обезобразить, отвезти въ замокъ, за вѣрными карауломъ. Тиунъ, — помощникъ Андрея Ольгердовича, съ остальными дружинниками разогналъ толпу съ мѣста убійства.

Вѣжавшіе монахи францискане черезъ Лоточекъ и Зарѣчье въ Антокольскіе горы, намѣревались пройти оврагомъ, пролегающимъ между Лысой горой и Гедиминовою могилой къ рѣкѣ Вилейкѣ, что бы переплывъ ее искать спасенія отъ народной злобы въ стѣнахъ великокняжескаго замка. Но, къ несчастію, ихъ замѣтили передѣтые войделоты и черезъ нѣсколько минутъ они были окружены большой толпой народа..... Извѣстіе объ этомъ снова привлекло горожанъ со всѣхъ концовъ Вильны. Народъ большими и малыми массами бѣжалъ на Лысую гору, куда привели пойманныхъ францискановъ. Язычники спѣшили снова насладиться муками монаховъ, а русскіе христіане бѣжали за тѣмъ, чтобы удовлетворить своему любопытству. Ни въ убійствахъ, ни въ защитѣ монаховъ они не принимали ни какого участія. На монаховъ францискановъ они смотрѣли только какъ на еретиковъ, а на язычниковъ какъ на служителей сатаны. Въ этомъ фактѣ они усматривали волю Божію.

— Еретикамъ туда и дорога, говорили русскіе, считая народную злобу противъ монаховъ карой Божіей.

Начинало темнѣть. Лысая и сосѣднія съ ней горы были усыяны народомъ; пойманныхъ францискановъ били, таскали по землѣ, ругались и плевали имъ въ лицо..... Въ страшномъ шумѣ тамъ и сямъ слышались вопли и стоны жертвъ народной мести.

Когда они начали терять сознание ихъ сбрасывали съ Волчьей

горы *) въ Вилейку. Трупы одинъ за другимъ катились въ низъ въ рѣку, по крутому спуску Волчьей горы, увлекая съ собою камни и комки замерзлой глины.

На мѣсто происшествія явился для спасенія францисканъ, архимандритъ Давидъ съ нѣсколькими латниками и началъ увѣщевать народъ; но послѣдній и слышать ничего не хотѣлъ.

— Тебя и вѣру твою мы не трогаемъ и ты насъ не трогай, говорили ему нѣкоторые изъ толпы.

Переодѣтые войделоты воспользовались присутствіемъ архимандрита Давида, они успѣли вооружить противъ него нѣсколькихъ заренѣбыхъ язычниковъ, которые съ ругательствомъ и угрозами начали подступать къ нему.

Русскіе, бывшіе на горахъ, видя своего пастыря на краю гибели, окружили его плотною живою стѣною и на угрозы язычниковъ отвѣчали своими угрозами. Изъ толпы кривичей полѣтъли въ христіанъ камни; латники пришедшіе съ архимандритомъ Давидомъ вынули мечи изъ ноженъ и намѣревались броситься на язычниковъ, но архимандритъ Давидъ запретилъ имъ сдѣлать это.

Въ этому времени подоспѣлъ Андрей Ольгердовичъ съ дружинниками и тиуномъ.

Сборище это снова было разогнано силою.

Андрею Ольгердовичу и тутъ не удалось спасти монаховъ францискановъ, до его прибытія всѣ они были сброшены въ Вилейку.

Такъ погибли въ Литвѣ первые католическіе миссіонеры.

Возвратясь въ замокъ, Андрей Ольгердовичъ засталъ у своей мачихи Іуліаніи Александровны вайделотку, желавшую принять христіанство по греческому закону.

— Будь ты Андрей крестнымъ, сказала Іуліанія Александровна.

— Какъ повелишь, княгиня матушка, такъ и будетъ, отвѣчалъ Андрей Ольгердовичъ. — Какъ твое языческое имя? обратился онъ къ вайделоткѣ.

— Ригальда, отвѣчала она.

*) Съ Бекшевой.

— Почти со всѣхъ сторонъ, домъ окруженъ народомъ, закричала Ригальда, смотря въ окно. Боярыня есть еще время, бѣжимъ черезъ садъ на Лоточекъ, съ той стороны еще нѣтъ народа.

Слѣши боярыня, ты слышишь ревъ толпы? это ревъ не людей, а разъяренныхъ звѣрей, страшись ихъ, говорила Ригальда.

Анна Гаштольдъ покачала отрицательно головою и, упавъ передъ распятиемъ, начала молиться; ей послѣдовали монахи, а за ними служанки; воцарилось гробовое молчаніе, нарушаемое страшнымъ крикомъ язычниковъ внѣ дома.

— Боярыня!.. боярыня! съ испугомъ крикнула Ригальда: ворота сложаны, твои рабы побѣжали и небольшое число осталось съ твоимъ правителемъ, онъ отбивается.... Народъ черной тучей несетъ въ ворота, а вонъ и Пюта.... Твои холопы присоединились къ народу и вмѣстѣ съ нимъ идутъ на твоего правителя, онъ одинъ остался... его окружаютъ...

Въ комнатѣ поднялась суматоха. Францискане забѣжали по комнатѣ, служанки подняли страшный вопль, только Анна, какъ въопанная, стояла передъ распятиемъ и, молча, молилась Христу.

— Боярыня! Христіанскій Богъ прислалъ меня на твое спасеніе,—сказала Ригальда, увлекая Анну Гаштольдъ въ другую комнату: надѣвай, боярыня, скорѣ мой нарядъ, онъ спасетъ тебя отъ смерти, въ немъ тебя примутъ за вайделотку, и ты можешь пробраться до замка княжескаго.... Я же надѣну твой нарядъ и умру, если придется за тебя, только помни боярыня, когда твой мужъ вернется изъ похода, вели ему принести на мою могилу мертвую голову Пюты,—говорила Ригальда, намѣреваясь снять съ себя костюмъ вайделотки.

— Благодарю тебя за лихую вѣсть, но помощи твоей я не приму; помощникъ мой Христъ! Пусть будетъ то, что Ему угодно, сказала Анна Гаштольдъ, вырываясь отъ Ригальды и снова опускаясь передъ распятиемъ. При этомъ она горько заплакала и въ рыданіяхъ громко зывала къ Царю небесному.

Въ это время въ комнату вбѣжалъ весь въ крови израненный правитель дома Гаштольда.

— Боярыня! мы погибли, закричалъ онъ и, застонавъ, упалъ за чертвомъ на полъ.

По пятамъ правителя ворвалась толпа народа, съ оружіемъ въ рукахъ и съ крикомъ: смерть латинцамъ, смерть Аннѣ Гаштольдовой!

Толпой этой предводительствовала Поята. Началась страшная свалка.

Народъ съ ожесточеніемъ бросился на францискановъ и черезъ нѣсколько минутъ пять изъ нихъ уже были мертвыми и плавали въ лужахъ собственной крови. Двухъ же монаховъ повели на торговую площадь и тамъ отрубили имъ головы.

Народъ раздѣлился на нѣсколько частей: одни ушли на площадь, съ двумя связанными монахами, другіе искали остальныхъ семи францискановъ,—которые успѣли во время черезъ Лоточекъ бѣжать въ Антокольскіе горы; третьи занимались разрушеніемъ костела; четвертые продолжали неистовствовать въ покояхъ Анны Гаштольдовой, ругаясь надъ женщинами—служанками Анны....

Но посмотримъ что дѣлала Поята во время свалки. Какъ только она вошла въ покои Гаштольда, какъ бѣглый взоръ я началъ искать красавицу Анну; но въ толпѣ служанокъ она не находила ни одной красавицы.

— А вонъ сама волчица, закричалъ одинъ изъ толпы, показывая рукою на молящуюся Анну Бучацею. Это былъ одинъ изъ холопей Гаштольда.

Услышавъ это, Поята сдѣлала прыжокъ къ Аннѣ и взглянувъ ей въ лицо задрожала отъ злости: она лучше меня, мелькнула мысль молніей въ головѣ ея, и это еще болѣе подтвердило клевету Криве-Кривейты, что Ягайло любитъ Анну болѣе чѣмъ ее....

Блеснулъ ножъ въ рукахъ Пояты и Анна была поражена имъ въ самое сердце.

— Исусе Христе! прими мою душу!!.... вырвалось у Анна Гаштольдъ, вмѣстѣ съ предсмертной агоніей.

Поята, увидѣвъ кровь на ножѣ, затрепѣтала всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ. Отворотившись отъ трупа своей жертвы, она встрѣтила неподвижный взглядъ Ригальды. Взглядъ этотъ былъ полонъ злобы. Поята хотѣла что то сказать ей, но Ригальда спряталась въ толпу.

Въ комнатѣ началъ распространяться одурающій запахъ человѣческой крови. Видъ мертвыхъ тѣлъ плавающихъ въ крови, шумъ и крики народа, вопли женщинъ,—все это заставило Поюту искать скорѣе выхода.... Ей начали измѣнять силы. Увидѣвъ распятіе, у подножія котораго лежала мертвая Анна Гаштольдъ,—Поята окончательно смутилась; въ глазахъ ея начали бѣгать то зеле-

дой онъ не жилъ, не живетъ и не будетъ жить. Князь Михаилъ тверской самъ всему причиной, его и народъ считаетъ за измѣнника, такъ пусть же Богъ порѣшитъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.

Ольгердъ, выслушавъ посла Дмитріева, взялъ камень и огниво, зажегъ губку и отдалъ все это московскому посланцу.

— Отдай своему князю, сказалъ Ольгердъ, пусть возгорится война. По твоимъ пятамъ я съ дружиной своей буду въ Кремль.

Посланецъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ поскакали къ Москвѣ Ольгердъ, Кейстутъ и всѣ протіе князья, за исключеніемъ Ягайло. Онъ остался, по желанію воеводою надъ обозомъ, который расположенъ былъ въ селѣ Никольскомъ.

Обѣхавъ обозъ и отдавъ кое-какія приказанія, онъ возвратился въ домъ священника, который сдѣлался главной квартирой Ольгерда. Нѣсколько ратниковъ хлопотали у печки и готовили на лавкахъ подвижки лежанья.

— Войдыло, сказалъ Ягайло своему конюшему, — выгонь всѣхъ вонъ изъ свѣтлицы, я молиться хочу.

Войдыло скоро исполнилъ приказаніе своего князя и остался съ нимъ одинъ.

Ягайло засвѣтилъ нѣсколько свѣчекъ передъ своимъ походнымъ образомъ и сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ... Но молитва бѣжала его; въ эту минуту мысль его неслась въ Вильну, въ капище Перкунуса; къ своей сердечной вайделоткѣ Поятѣ. Ягайло пересталъ молиться, потушилъ свѣчки и легъ на лавку. Его не томило ожиданіе развязки боя, онъ не боялся за отца, онъ даже забылъ, что находится подъ Москвою. Остановивъ свой взглядъ на бревенчатомъ потолкѣ, онъ думалъ, какъ бы открыть свою сердечную тайну матери своей Іуліаніи. Разлука сдѣлала свое дѣло. Ягайло началъ скучать по Поятѣ, она завладѣла его досугомъ и дѣломъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не говорилъ ни съ кѣмъ. Иногда онъ до того погружался въ недалекое прошлое, что ловилъ и обнималъ пустой воздухъ руками, произносилъ страстнымъ шепотомъ имя Пояты и цѣловалъ пустое пространство. Это случалось нѣсколько разъ даже при Витовтѣ, который смѣялся надъ увлеченіемъ Ягайлы. Послѣдній боялся ему признаться въ своей любви къ вайделоткѣ.

Войдыло, слѣдя за выраженіемъ лица своего князя, уловилъ

минуту, когда по щекамъ и губамъ Ягайлы ползала добродушная улыбка.

— Князь Яковъ! обратился онъ къ Ягайлѣ.

Ягайло, услышавъ свое имя, вздрогнулъ, мечты исчезли, улыбка тоже.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ Войдыло, какимъ то скупнымъ тономъ.

— Можно тебѣ открыть князь великую тайну, которую мнѣ сказали боги? говорилъ Войдыло, смотря въ лицо Ягайлы.

— Говори.

— Я давно хотѣлъ тебѣ, князь, сказать, да не зналъ какъ... Все боялся чего то... А теперь дѣло ратное, никто завтрашняго дня не знаетъ, такъ лучше открыться передъ тобою... Когда мы съ тобою, князь, были во второй разъ въ храмъ Перкунуса,—помнишь еще меня войделоткой нарядилъ ты и оставилъ одного у Знича?

— Помню, ну что же?...

— Тогда я сталъ топлива въ Зничъ подкладывать, ну, а богъ Перкунусъ въ это время обозвалъ меня именемъ, да и взялъ съ меня клятву, что я исполню то, что онъ скажетъ...

— Какей Перкунусъ? перебилъ Ягайло, удивленно смотря на своего конюшаго.

— Да богъ Перкунусъ, который стоитъ на жертвенникѣ въ Ромнова.

— Ты врешь Войдыло... Перкунусъ чурбанъ и говорить ничего не можетъ, отвѣчалъ Ягайло, которому многое сокровенное въ языческомъ мирѣ было извѣстно.

— Князь Яковъ! передъ тобою я ни въ какомъ обманѣ неповиненъ, такъ тебѣ негоже корить меня враньемъ... Онъ говорилъ со мною, и готовъ клятву дать тебѣ...

— Ну такъ въ него ктонибудь забился; подсматривали за нами...

— Ни кто не забился, я самъ видѣлъ, какъ губы его шевелились, какъ зубы стучали другъ о дружку и какъ свѣтились огни въ глазахъ...

Ягайло при этомъ вспомнилъ, что во время свиданія съ Пятой, во второй разъ и ему подобное показалось, поэтому онъ согласился съ Войдыломъ.

ГЛАВА 12-я.

Ольгердъ подъ Москвою.

Великій князь Ольгердъ, имѣлъ обыкновеніе всегда и отъ всѣхъ скрывать настоящую цѣль ратныхъ походовъ, чтобы тѣмъ вводить въ заблужденіе своихъ враговъ. Такъ было и теперь,—исключая немногихъ именитыхъ родственниковъ, никто не зналъ, что полки литовскіе направлены противъ Москвы. Къ этимъ немногимъ принадлежалъ Ягайло, которому, какъ тайну сообщила, цѣль похода мать его княгиня Уліянія Александровна, а Ягайло передалъ Пюатъ, послѣдняя же, въ порывѣ откровенности, рассказала все Ригальдѣ, умѣвшей ловко заискать довѣренность Пюаты. Для того, чтобы знать всѣ подробности любовной связи ея съ Ягайломъ и потомъ передать все это криве-кривейту, что она уже и сдѣлала, какъ видѣлъ читатель. Черезъ Ригальду же узналъ криве-кертвейто о московскомъ походѣ. Но самъ Ольгердъ скрывалъ цѣль похода даже отъ своихъ воеводъ, присутствіе тверскаго князя Михаила Александровича и второе его бѣгство въ Литву заставляли многихъ догадываться, что идутъ на Москву, на князя Дмитрія Іоанновича; хотя Кейстуть увѣрялъ, что цѣль ихъ похода Псковъ и Новгородъ.

Только въ Смоленскѣ,—гдѣ къ нему присоединился со своей дружиной князь смоленскій Святославъ настоящая цѣль похода выяснилась.

Изъ Смоленска соединенная дружина Ольгерда очень быстро вторглись во владѣнія князя московскаго Дмитрія и подошли къ Волоку-Тамскому, выжгли посадъ, окрестности и три дня дѣлали безуспѣшные приступы. Чтобы не потерять времени, Ольгердъ, не взявъ города Волока-Тамскаго, поспѣшилъ къ Москвѣ, чтобы застать непріятеля врасплохъ. Но надежды его не сбылись, потому что вѣсть о вторичномъ нашествіи Литвы далеко опередила Ольгерда.

Великій князь Дмитрій заперся въ кремль московскомъ и ждалъ Ольгерда.

6 декабря, въ день святителя Николая, между заутреней и обѣдней москвичи увидѣли литовскую рать, которая со всѣхъ сторонъ начала окружать городъ.

Запылали посады и весь посадскій народъ бросился въ кремль.

День былъ морозный, по всему небу отъ солнца расходились свѣтлыя столбы, которые, волнуясь и двигаясь, исчезали въ зенитѣ Москвы. Москвичи сочли это явленіе для себя хорошимъ предзнаменованіемъ, а литовцы для себя.

Разнотонный звонъ московскихъ колоколовъ долеталъ до соединенныхъ дружинъ Ольгерда. Русскіе, вмѣсто приготовленія къ осадѣ, чего требовали отъ нихъ воеводы, начали молиться на сорокъ—сороковъ московскихъ церквей, ссылаясь на великій праздникъ.

Сами великіе князья: Михаилъ Александровичъ, Ягайло Ольгердовичъ, Святославъ смоленскій и множество простыхъ князей, а также бояръ, слушали обѣдню въ подѣ московномъ селѣ Никольскомъ, которую служилъ священникъ, прибывшій съ княземъ смоленскимъ. Мѣстный же священникъ, со своимъ причетомъ и паствой, не смотря на сѣльскій престольный праздникъ, слышавъ о приближеніи литовцевъ, побросавъ все, бѣжали въ Кремль.

Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ въ это время въ опустѣломъ домѣ священника занимались планомъ приступа. Послѣ обѣдни къ нимъ присоединились всѣ прочіе князья.

Въ полдень передъ Ольгердомъ стоялъ одинъ бояринъ, котораго онъ посылалъ для переговоровъ къ московскому князю, съ такою рѣчью.

— Скажи князю Дмитрію, что онъ вѣрно забылъ, какъ въ глазахъ его я переломилъ копье о стѣны московскія *); теперь я второй разъ пришолъ поцѣловаться съ нимъ щитомъ своимъ, и мечемъ заставить исполнить его свое обѣщаніе. Пусть даромъ не проливаетъ крови своихъ народовъ, а кончитъ съ княземъ Михаиломъ по правдѣ. Пусть возвратитъ все забранное у тверскаго князя и изъ его удѣловъ выведетъ воеводъ своихъ, тогда я уйду со своей дружиной домой въ Литву; а если не захочетъ послушать моихъ словъ, то я оружіемъ посажу тверскаго князя Михаила на московскомъ княженіи,—сказалъ Ольгердъ.

Бояринъ, выслушавъ это, отправился въ Москву и черезъ нѣсколько времени возвратился съ посланцомъ отъ князя Дмитрія, который подавая Ольгерду кремень, огниво и трутъ сказалъ.

— Великій князь Дмитрій велѣлъ отвѣчать тебѣ такъ: крив-

*) Во время перваго нашествія Ольгерда на Москву.

Андрѣевича, а съ другой совѣтовалъ начать приступъ къ Москвѣ. Но Ольгердъ на это не согласился.

— Ты, князь Михайль, въ ратномъ дѣлѣ несовѣдующъ, а я состарѣлся въ бояхъ. Если послушать тебя, то значить идти на явную смерть, а погибели своей дружинѣ я не хочу. Зачѣмъ даромъ лить кровь людскую?... Ты, шуринъ, какъ тонущій хватаешься за соломенку, но пора тебѣ, князь, знать, что соломенка не спасаетъ утопающаго, а сама гибнетъ съ тѣмъ, кто схватился за нее. Между двумя огнями кататься плохо, какъ разъ голову оставишь, говорилъ Ольгердъ своему шурину: дозвожь мнѣ распорядиться, какъ я мыслю, добавилъ онъ внушительнымъ тономъ.

Между тѣмъ еще до совѣщанія какъ только узналъ о прибытіи помощи къ москвичамъ, Ольгердъ отдалъ приказаніе стянуть большую половину литовскаго войска къ селу Никольскому и подѣлать засѣки, смоленскимъ же и витебскимъ полкамъ днемъ занять *Поклонную гору*, а ночью сняться и обойти съ правой стороны полки Владиміра Андреевича, что бы къ разсвѣту будущаго дня быть въ тылу ихъ. Послѣднее приказаніе было неудобноисполнимо по своей кратковременности: для такого маневра требовалось не менѣе двухъ дней, потому во первыхъ что Владиміръ Андреевичъ былъ не близко отъ *Поклонной* горы, а, во вторыхъ построилъ два крыла лѣвое и правое на большомъ разстояніи, къ тому же занялъ высоты и всѣ выгодныя позиціи. Впрочемъ Ольгердъ самъ болѣе всѣхъ видѣлъ невозможность исполненія этого приказанія, потому то онъ и распорядился такъ, что бы перебѣжчики сообщили объ этомъ планѣ московскимъ союзникамъ, а тѣ, разумеется, усилили бы правое свое крыло. Пользуясь этимъ Ольгердъ хотѣлъ неожиданно напасть на лѣвое крыло.

Послѣ военнаго совѣщанія, которое было только для формы, и на которомъ порѣшили искать мира и по возможности обороняться, если бы случилось нападеніе со стороны москвичей и ихъ союзниковъ,—послано было въ Москву нѣсколько старшихъ бояръ русскихъ, которые, явившись къ князю Дмитрію, сказали:

— Великій князь Дмитрій Ивановичъ! нашъ великій князь Ольгердъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ остановился въ подгородномъ твоёмъ селѣ Никольскомъ, гдѣ нынче праздникъ престольный, а пона въ немъ нѣту, убѣжалъ куда то. Будь милостивъ, великій князь Дмитрій, отпусти пона молебень отслужить угод-

нику Николаю. Потому князь Ольгердъ Гедиминовичъ самъ есть христіанинъ, и въ такой большой праздникъ не хочетъ проливать людской крови, но, желаетъ помолиться и поспраждновать. Да и владыку московскаго хотѣлось бы ему видѣть, потому что онъ владыкой и у насъ на Литвѣ; благословѣнія его удостоятся, да словъ святыхъ послушать.

Вел. князь Дмитрій, выслушавъ это, замѣтилъ посольству Ольгердову, что прежде полки литовскіе ходили съ своими попами, а теперь отъ чего не привели?

— Есть съ нами два попа, да обоимъ недужится что то, — отвѣчали бояре Ольгердовы.

— У меня для Ольгерда поповъ нѣту, отвѣчалъ Дмитрій, а владыку ступайте сами просите, если поѣдетъ ладно, не поѣдетъ не прогнѣвайтесь: его воля, добавилъ онъ, отпускакая посольство.

— Отправившись къ митрополиту Алексію (св. Алексѣю *)), бояре убѣдительно молили владыку, отправиться въ село Никольское благословить Ольгерда.

Митрополитъ Алексій внялъ ихъ просьбѣ и вслѣдъ за ними поѣхалъ въ станъ литовскій.

Извѣстившись отъ посольства, что идетъ митрополитъ, Ольгердъ и всѣ князья отправились къ нему на встрѣчу.

Первымъ къ благословѣнію подошелъ Ольгердъ, за нимъ Ягайло, послѣ Кейстутъ, Святославъ смоленскій и наконецъ Михаилъ тверской.

Витовтъ не ходилъ подъ благословѣніе, подобно своему отцу Кейстуту, который въ этихъ случаяхъ подчинялся обычаю христіанскимъ и никогда не смѣялся надъ той вѣрой, которую исповѣдывала мать его. Витовтъ же былъ сынъ заклятой язычницы. и къ тому же вайделотки храма Прауримы въ старой Полунги, на берегу Балтійскаго моря, гдѣ увидѣлъ ее Кейстутъ и откуда похитилъ.

При вѣздѣ владыки въ село Никольское, на колокольнѣ рускіе трезвонили во всѣ колокола.

Сперва митрополитъ Алексій заѣхалъ въ церковь Никольскую, на порогѣ которой встрѣтили его священники полковъ витебскихъ

*) Мощи святаго митрополита Алексія покоятся въ Москвѣ въ доноскомъ монастырѣ.

— Что же тебѣ говорилъ Перкунусъ? спросилъ князь у своего конюха.

— Да вотъ что, слушай: скажи—говорить своему князю Ягайлѣ, что у него есть сынъ, который находится у колдуньи въ Трокахъ, пусть онъ навѣститъ его и узнаеть о его судьбѣ злосчастной... Колдунья эта живетъ въ *мертвомъ* оврагѣ, гдѣ стоитъ одинъ одишенемъ дубъ кудрявый, на немъ гнѣздо агито, подъ дубомъ черный воронъ, а вокругъ дуба сплошной кустарникъ по всему оврагу. Когда онъ услышитъ, что его кто то зоветъ,— пусть скажетъ свое имя и колдунья выйдетъ къ нему... Вотъ что сказалъ мнѣ богъ Перкунусъ, я слово отъ слова запомнилъ...

— А отъ кого этотъ сынъ, тебѣ боги не говорили? спросилъ насмѣшливо Ягайло.

— Нѣтъ.

— Я безъ боговъ зналъ что у меня есть сынъ; только не зналъ гдѣ онъ, ну вотъ теперь отыскался. Это отъ Ригальды, она войделоткой въ виленскомъ храмѣ Перкунуса, она должно быть и заблудилась въ его чурбанъ... Надоѣла она мнѣ своими происками,— заключилъ Ягайло, поворачиваясь съ боку на бокъ.

Въ это время на улицѣ послышался конскій топотъ и ржанье лошади, а черезъ минуту вбѣжалъ, запыхавшись, Витовтъ Кейстутевичъ.

— Спасайся, Ягайло! Мы разбиты въ пухъ,—закричалъ онъ: мой отецъ попалъ въ плѣнъ, а твой съ небольшой дружиной откинуть за Москву рѣку, село Никольское окружено со всѣхъ сторонъ, москвичи не даютъ пощады... Бѣги, Ягайло, бѣги!!...

Едва только онъ кончилъ, какъ Ягайло быстро вскочилъ съ лавки и опремятъю бросился къ двери, за нимъ побѣжалъ Войдѣйло. Въ дверяхъ они споткнулись другъ о друга и оба грохнулись на полъ.

Витовтъ разразился хохотомъ.

Но Ягайло и Войдѣйло, не смотря на веселый хохотъ Витовта, встали на ноги и снова бросились бѣжать.

— Пестой, Ягайло, постой!... Я пошутить,—кричалъ Витовтъ. Но герой нашъ не слышалъ этихъ словъ и только тогда узналъ, что это шутка, когда у воротъ избы сбилъ съ ногъ своего отца Ольгерда и наткнулся на дядю Кейстута.

— Что съ тобою, Яковъ, куда ты бѣжишь? спросилъ его Оль-

гердь. Ягайло, покраснѣвъ, разсказаль отцу все, что говорилъ Витовтъ.

— А ты, вмѣсто того что бы приготовиться къ защитѣ, бѣжишь какъ баба не накрывъ головы шлемомъ, не опоясавшись мѣчемъ!... Плохой ты воинъ,—замѣтилъ Ольгейрдь наставнительнымъ тономъ сыну, входя въ избу; забавникъ ты, Витовтъ! добавилъ онъ же, обращаясь къ племяннику, и грозась на него пальцомъ.

Пристыженный Ягайло, подойдя къ Витовту, грязно посмотрѣлъ на него.

— Ну не сердись Ягайло, не хмурь бровей... За шутку не сердятся, не злятся,—говорилъ Витовтъ своему двоюродному брату, будешь прятаться отъ кровавой сѣчи, такъ трусомъ сдѣлаешься; добавилъ онъ, обнимая Ягайлу.

Братья помирились, Ягайло самъ началъ смѣяться надъ собою.

Небольшое помѣщеніе въ избѣ никольскаго священника, въ короткое время наполнилось удѣльными князьями. Тутъ были: Ольгердь и Кейстутъ Гедиминовичи, съ своими сыновьями Ягайломъ и Витовтомъ, были князья: тверской Михайль Александровичъ (шуринъ Ольгерда) и Святославъ смоленскій.

Возвратились они назадъ вотъ по какимъ причинамъ: на половинѣ пути отъ села Никольскаго къ Москвѣ, ихъ встрѣтилъ гоноецъ отъ сторожевыхъ заднихъ дружинъ, которыми командовалъ литовскій бояринъ Петръ Гаштольдъ—и сказалъ Ольгерду слѣдующее:

— Воевода вашъ, бояринъ Петръ Гаштольдъ бьетъ тебѣ челомъ и велить сказать, что двоюродный братъ московскаго князя Владиміръ Андрѣевичъ пришелъ изъ Перемышля съ великою ратью на помощь Дмитрію и сталъ позади нашихъ войскъ. Съ нимъ прибыли князь Владиміръ Дмитріевичъ пронскій и полки рязанскіе, подъ стягомъ Олега Ивановича рязанскаго...»

Это извѣстіе какъ громомъ поразило литовскихъ князей и ихъ сообщниковъ. Скоро они повернули коней своихъ назадъ и возвратились какъ видѣлъ читатель, въ село Никольское для совѣщанія, на которомъ тверскій князь Михайль, виновникъ похода, просилъ своего шурина отдать въ его распоряженіе одну половину дружины, съ которой онъ обѣщался разгромить полки Владиміра

и смоленскихъ и множество бояръ, а также и простыхъ людей русскихъ.

Послѣ молебствія, владыка отправился въ походное помѣщеніе Ольгерда, предварительно укоровъ его за обманъ относительно поповъ. Но Ольгердъ началъ увѣрять митрополита, что въ этомъ обманѣ виноватъ не онъ, а бояре, не такъ передавшіе Димитрію желаніе Ольгерда, которое состояло, по его словамъ, единственно въ томъ, чтобы лично получить благословеніе отъ митрополита Алексія и попросить его прислать поповъ въ Литву, а не въ Никольское.

Отъ яствъ и разныхъ питій митрополитъ отказался, онъ занялся пищей духовной.

Долго онъ бесѣдовалъ о дѣлахъ православія въ Литвѣ съ владыкою ея, радовался, что на мѣстѣ языческихъ божищъ воздвигаются церкви и благодарилъ за это Ольгерда, называя его княземъ Андреемъ, первыхъ христіанскихъ его именемъ, которымъ нарекла его мать княгиня Ольга.

Митрополитъ совѣтовалъ Ольгерду совѣсімъ покончить съ язычествомъ, изгнать криве-кривейто изъ Вильны и объявить себя христіаниномъ передъ всѣмъ народомъ.

— Отецъ мой! говорилъ на это Ольгердъ: кривичи и безъ того знаютъ, что я христіанинъ; домъ мой полонъ христіанъ обоюдо пола греческаго закона; при домѣ есть церковь; княгиня Іульгния жена моя имѣетъ при себѣ множество боярынь и прислужницъ, которыя ежедневно благоугодно пѣніемъ славятъ Бога, дѣти мои, какъ сыновья такъ и дочери, всѣ христіане; мой первый совѣтникъ и утѣшитель—архимандритъ Давидъ. Такъ обо мнѣ печалиться нечего тебѣ, святой отецъ... Ты самъ былъ въ Вильнѣ, и освящалъ церковь Успенія Пресвятыя Богоматери, мною построенную *), самъ видѣлъ мое радѣніе Христу... Выгонять же криве-кривейто изъ Вильны силою еще не пора. Придетъ время, когда онъ самъ уйдетъ изъ верхней Литвы въ нижнюю, и это время

*) Церковь эта была основана Ольгердомъ и освящена въ 1348 году, св. Алексіемъ, митрополитомъ оковскимъ, бывшимъ тогда митрополитымъ нѣкстскимъ, въ санѣ епископа владимирскаго. Въ послѣдствіи эта церковь сдѣлалась соборомъ митрополитовъ западной Руси. Во время угнетенія православныхъ католиками соборъ этотъ былъ превращенъ въ анатомическій театр; возобновленъ М. Н. Муравьевымъ и освященъ 22 октября текущаго года.

близко, потому что въ верхней Литвѣ мало осталось язычниковъ, христіанамъ же онъ досадчикомъ быть не можетъ, потому что я больше не слушаю его. А безъ моей силы у него есть сила только въ глухой жБуди. Послѣ такого отвѣта, Ольгердъ перевелъ разговоръ на современные политическія событія. Представивъ митрополиту Алексію въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ несчастія тверскаго князя Михаила, Ольгердъ продолжалъ:

— Я не для того пришелъ къ Москвѣ, чтобы стѣны ея обогреть человѣческой кровью; не для грабежа и разорѣнія московскихъ волостей; но я пришелъ потребовать отъ Дмитрія справедливости. Обижать шурина своего я не позволю.

Митрополитъ Алексій, замѣтивъ Ольгерду, что шурина его, князь Михаилъ тверской самъ во многомъ виноватъ, что отъ него всѣ бѣды происходятъ, что онъ для своей земли такой же злой врагъ, какъ самъ ханъ татарскій.

— Съѣтъ междуусобіе въ Русской землѣ, домогается московскаго княженія,—говорилъ митрополитъ Алексій, водить чужую рать на своихъ родичей.

Обратившись къ князю Михаилу, онъ началъ увѣщевать его. Теплыя слова назиданія маститаго старца запали въ душу князя Михаила. Сперва онъ въ рѣзкихъ словахъ оправдывался и поносилъ Дмитрія, но потомъ горько заплакалъ и просилъ митрополита помочь ему.

Ольгердъ этимъ воспользовался и, обратившись къ митрополиту, сказалъ:

— Святой отецъ! Ты видишь слезы князя Михаила, это слезы раскаянія въ заблужденіи. Онъ созналъ свою вину и плачетъ. Прости его, ты служишь Тому кто заповѣдалъ прощать даже своихъ врагамъ.

Уговори князя Дмитрія покончить полюбовно распрю между имъ и Михаиломъ... Пусть возвратитъ князь Дмитрій все забранное у князя Михаила и тогда я уйду изъ московской земли, не причинивъ ей никакого вреда.

— Мирить князей удѣльныхъ именемъ Христовымъ я могу, это долгъ мой, сказалъ митрополитъ; но договариваться объ условіяхъ мира не годится духовному лицу.

— Я бояръ пошлю договариваться съ Дмитріемъ, а ты, святой отецъ, сперва внуши ему, что вести братоубійственную войну

грѣшно. Я больше люблю воевать словомъ, чѣмъ мечемъ. Пусть начнеть переговоры, продолжалъ Ольгердъ. Войны я не боюсь, рать моя велика и сильна, скажи я слово своей дружинѣ и Москва къ утру будетъ сожжена... Но я этого не хочу, довольно. Я на своемъ вѣку насытился кровію, о своей смерти теперь приходится думать, да святымъ порадовать...

— Благослови тебя Христось Богъ, великій князь Андрей, за такое смиреніе... Мнѣ пріятно видѣть тебя добрымъ христіаниномъ... Ты хочешь мира съ московскимъ княземъ Димитріемъ, миръ будетъ, сказалъ митрополитъ, подымаясь въ обратный путь.

Почти до самыхъ стѣнъ Москвы митрополита Алексія проводили всѣ князья, неисключая и Витовта. Благословивъ всѣхъ ихъ, владыка далъ слово сдѣлать все въ пользу мира и вторично побывать въ селѣ Никольскомъ.

Дѣйствительно, митрополитъ Алексій явился миротворцемъ.

Въ этотъ же день, послѣ вечерень, Ольгердъ снова отправилъ посольство домогаться мира; но Димитрій сначала о мирѣ и слышать не хотѣлъ. Только на другой день, когда онъ узналъ, что ночью смоленскій и витебской полки подъ предводительствомъ Кейстута, обошли лѣвое крыло князя Владиміра Андреевича и самъ Ольгердъ укрѣпился въ селѣ Никольскомъ,—только тогда склонился на совѣтъ митрополита кончить распрю съ княземъ Михаиломъ миромъ.

Посланы были изъ Москвы бояре въ литовскій лагерь и цѣлыхъ 6 дней прошли въ переговорахъ. На седьмой день, по требованію митрополита, Ягайло и Витовтъ отправились въ Москву, какъ заложники для лично свиданія Ольгерда съ Димитріемъ. Съ московской стороны, по требованію Ольгерда, пріѣхалъ въ село Никольское самъ Владиміръ Андреевичъ, будущій герой Буликова поля. Ольгердъ его встрѣтилъ съ открытыми объятіями, и тутъ же предложилъ ему въ жены свою дочь Елену.

— Тебя, великій князь Владиміръ Андреевичъ я вытребовалъ въ заложники для того, что бы посватать тебѣ въ жены дочь мою Елену; она статна и прекрасна, умомъ и грамотѣйствомъ будетъ подъ пару тебѣ, князю храброму говорилъ Ольгердъ будущему зятю, цѣлуя его.

— Отъ такой чести я не прочь, только позволю спросить со-

гласія двоюроднаго брата Димитрія Ивановича, отвѣчалъ ему Владиміръ Андреевичъ.

— Я самъ спрoшу его на свиданіи съ нимъ, а ты, мой заложникъ, пируй пока до моего возвращенія. Приѣду съ Поклонной горы, по рукамъ ударимъ, да Богу помолимся, говорилъ Ольгердъ, отправляясь на Поклонную гору, гдѣ было назначено свиданіе великихъ князей, литовскаго и московскаго: на это время гора Поклонная была нейтральною. Здѣсь былъ наскоро разбитъ дорогой шатеръ, устланный персидскими коврами, и пушными медвѣдями. Личное свиданіе князей Ольгерда и Димитрія привело къ договору, по которому обѣ стороны заключили перемиріе до Петра дня. Обѣ стороны разиѣнялись подарками. Димитрій согласился на бракъ Елены Ольгердовичъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Но посмотримъ, что дѣлаютъ въ Москвѣ наши заложники, князя Ягайло и Витовтъ. Послѣдній, наскоро осмотрѣвъ нѣсколько достопримѣчательностей Кремля, отправился въ княжескій теремъ, гдѣ для великихъ заложниковъ устроенъ былъ пиръ. Ягайло же съ митрополитомъ Алексіемъ объѣзжалъ монастыри и церкви.

Въ дѣвичьемъ монастырѣ, который находился въ Кремлѣ, митрополитъ Алексій представилъ Ягайлѣ монахиню послушницу, только что прибывшую изъ Литвы, отъ Игуменни Еввинскаго монастыря, находившагося въ окрестностяхъ Вильны и основаннаго супругой Гедимина, княгиней Еввой.

— Она прислана сюда для того, чтобы окрѣпить въ вѣрѣ Христовой и, сдѣлавшись хорошею христіанкой, снова возвратиться въ Литву... Она изъ язычницъ, вайделотбой была въ Вильнѣ. Вотъ она, говорилъ митрополитъ Алексій, указывая на одну монахиню.

Ягайло взглянулъ ей въ лицо и вскрикнулъ отъ удивленія: это была Ригальда.

— Ты князь Яковъ, знаешь ее? спросилъ митрополитъ Ягайлу.

— Да... видалъ въ Вильнѣ... Ее зовутъ Ригальдой,—отвѣчалъ смутившійся Ягайло.

— Прежде ее такъ звали, а теперь, въ христіанствѣ, Маріей называютъ, замѣтилъ митрополитъ.

— Какъ же она прибыла въ Москву, съ вѣмъ? спросилъ немного оправившійся, Ягайло.

— Съ гонцами отъ князя Андрея къ князю Ольгерду, отвѣчала робко Марія, такъ будемъ мы называть теперь Ригальду.

— Съ какими гонцами, когда они прибыли? спросилъ Ягайло.

— Только теперь, сдавъ намъ Марію, поѣхали на Поклонную гору къ великому князю Ольгерду, отвѣчалъ одинъ изъ священниковъ, сопровождавшихъ митрополита: они были въ Никольскомъ селѣ и не застали тамъ великаго князя Ольгерда.

— Съ лихою вѣстію они прибыли къ твоему отцу, князь Яковъ, начала Марія, и рассказала о убійствѣ 14 монаховъ францискановъ и Анны Гавриловны *) Гаштольдовой, урожденной Бучацкой: жену Гаштольда убила ножомъ въ сердце наша вайделотка, которая прибѣжала послѣ въ замокъ великокняжескій и твоему брату князю Андрею во всемъ повинилась, прося за это убійство наказать ее смертью... Но князь Андрей ждетъ возвращенія боярина Гаштольда, что бы ему на руки отдать убійцу его жены.... Теперь она заперта въ угловой башнѣ верхняго великокняжескаго замка, договорила Марія.

— Какъ ее зовуть? спросилъ Ягайло, почему то желавшій знать имя этой вайделотки.

— Ее зовуть Поятою! отвѣчала Марія, пристально смотря въ глаза Ягайлѣ.

— Поятою!?!.. закричалъ Ягайло и, схватившись за сердце, упалъ на руки къ неотлучному своему конюху Войдылѣ.

С. Калужинъ.

КОНЕЦЪ 12-Й ГЛАВЫ И 1-Й ЧАСТИ.

(Продолженіе впереди).

*) Историкъ Ѡ. Нарбутъ говорилъ, что она была дочь польскаго пана Гавриала Бучацкаго.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ПОѢЗДКА Г. ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА КРАЯ ВЪ КОВНУ.

Во вторникъ, 3-го сего декабря, съ утреннимъ поѣздомъ изъ Вильны, прибылъ въ Ковну г. генераль-губернаторъ *А. Л. Потановъ* и въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ обратно въ Вильну.

Поводомъ къ этому посѣщенію послужили тифъ и возвратная горячка, которые появились здѣсь съ осени и подъ вліяніемъ голода и сырой погоды приняли характеръ эпидеміи. Не только всѣ существующія въ Ковнѣ больницы гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, но и открытыя губернскимъ начальствомъ два временныхъ отдѣленія городской больницы, на 150 кроватей, переполнились больными.

Послѣ приѣма высшаго православнаго, римско-католическаго и лютеранскаго духовенства и начальниковъ отдѣльных частей военныхъ и гражданскихъ, Его Высокопревосходительство изволилъ посѣтить мужскую и женскую гимназіи, братскую школу и дѣтскій пріютъ, въ пользу котораго предоставилъ 150 руб. сер. изъ денегъ, собранныхъ отъ спектакля любителей, устроеннаго въ Вильнѣ, съ благотворительною цѣлью, супругою его. Потомъ весь день былъ посвященъ на осмотръ больницъ: городской и двухъ ея отдѣленій, еврейской, тюремной и военнаго госпиталя. Въ каждой изъ нихъ г. генераль-губернаторъ обошелъ всѣ помѣщенія, обратилъ особенное вниманіе на помѣщеніе тифозныхъ больныхъ и ко многимъ изъ нихъ обращался со словами теплаго участія, утѣшенія и одобренія.

Самымъ утѣшительнымъ результатомъ этого посѣщенія было удостовѣреніе какъ мѣстныхъ врачей, такъ и прибывшаго съ г. генераль-губернаторомъ штабъ-доктора военнаго округа, что при всемъ своемъ эпидемическомъ характерѣ болѣзнь сдѣлалась слабѣе и уступчивѣе. Такъ какъ городскіе врачи, по свидѣтельству губернскаго начальства выказываютъ особенную ревность въ исполненіи своихъ обя-

занностей, то г. генераль-губернаторъ выразилъ имъ особенную признательность.

Остается добавить, что его высокопревосходительство успѣлъ оемотрѣть и столовую, устроенную ковенскимъ обществомъ для снабженія пищею голодающихъ, пожертвовалъ въ кассу столовой 100 руб. сер. и выразилъ сочувствіе мысли объ устройствѣ этой столовой.

(Ков. Губ. Вѣд.)

БОГОРОДИЧНАЯ ЧАСОВНЯ ВЛИЗЬ Г. МИНСКА.

18 августа совершилось освященіе Богородичной часовни, находящейся въ 350 сажняхъ отъ города, по дорогѣ на Новогрудъ 1), съ поставкою въ этой часовнѣ образа Богоматери.

Эта часовня была прежде латинскимъ столбомъ (капличка) и заключала въ себѣ деревянную фигуру латинскаго доминиканскаго монаха *Викентія*, бывшаго, какъ извѣстно, представителемъ ордена, очень враждебнаго православію. 20 апрѣля 1867 г. минскій архіепископъ Михаилъ официально писалъ, между прочимъ, бывшему въ то время губернатору генераль-маіору П. Н. Шелгунову слѣдующее: «существуетъ съ 1824 г. построенный бывшимъ минскимъ вице-губернаторомъ *Фрибесомъ* каменный столбъ и въ немъ фигура латинскаго монаха доминиканскаго ордена св. Викентія. Подобная впереди города встрѣча съ изображеніемъ представителя враждебнаго православію ордена оскорбляетъ каждого пріѣзжаго русскаго заявленіемъ, что городъ Минскъ находится подъ покровительствомъ латинскаго монаха» и далѣе предлагаетъ замѣнить эту фигуру изображеніемъ Богоматери, почитающейся исполною покровительницею г. Минска и изображеніе которой составляетъ гербъ города.»—Впрочемъ есть мнѣніе, что и столбъ и фигура поставлены въ память избавленія отъ какой-то эпидеміи...

Вслѣдствіе этаго заявленія генераль-маіоръ П. Н. Шелгуновъ сдѣлалъ предписаніе городской полиціи о собраніи болѣе подробныхъ свѣдѣній по сему предмету. Полиція донесла, что Викентьев-

1) По польски Новогрудекъ.

скій столбъ съ фигурою «поставленъ въ давнее время матерью бывшего въ здѣшнемъ губернскомъ правленіи совѣтникомъ, Викентія Фрибеса, въ память отклоненія его Фрибеса отъ женитьбы на дочери бывшего у губернатора Гецевича новара Шидловскаго, что памятникъ этотъ стоитъ на землѣ, принадлежащей отставному чиновнику Викентію Савицкому, но съ чьего разрѣшенія, по давности открытъ невозможно, а далѣе сказано въ донесеніи: въ 1863 г. во время препровожденія мятежниковъ, нѣкоторые изъ жителей г. Минска, въ особенности молодежь католическаго исповѣданія, выходили за городъ на встрѣчу тѣмъ мятежникамъ, при означенномъ памятникѣ молились и пѣли гимны.»

Вслѣдствіе всего вышепрописаннаго б. минскій губернаторъ сдѣлалъ представленіе б. начальнику края генераль-адъютанту Э. Т. Баранову объ упраздненіи этаго столба, съ отдачею фигуры монаха Викентія въ минскій польско-католическій кафедральный соборъ, и объ устройствѣ изъ него часовни, съ поставкою въ нее образа Богоматери. Въ этомъ представленіи было не упущено изъ виду и слѣдующее обстоятельство: «въ настоящее время онъ (т. е. каменный столбъ) никѣмъ не поддерживается и фигура «св. Викентія пришла въ совершенную вѣтхость, такъ что при паденіи можетъ угрожать опасностью.» Графъ Барановъ разрѣшилъ это представленіе, но «съ тѣмъ, однако, чтобы и самому столбу данъ былъ благообразный видъ.» Минское православное братство сердечно отнеслось къ этому дѣлу и приняло на себя всѣ расходы по перестройкѣ часовни и устройству въ ней образа Богоматери. Оно отпустило 107 руб. на передѣлку часовни, каковая происходила подъ наблюденіемъ архитектора г. Иванова; 70 же руб. братство отпустило мѣстному живописцу г. Зотову за снятіе на жесты копій съ чудотворнаго образа Богоматери, находящагося въ минскомъ православномъ Петро-Павловскомъ соборѣ. Въ счетъ этихъ денегъ устроена превосходная рама къ образу, который съ рамою заключаетъ въ себѣ 2 арш. 10 верш. высоты и 1¼ арш. ширины.

Вчера, послѣ Божественной литургіи въ соборѣ, которую совершилъ, совмѣстно съ игуменомъ и казначеемъ архіерейскаго до-

на Принесѣ и одинъ изъ соборныхъ священниковъ, ректоръ мн-ской духовной семинаріи Іануарій, крестный ходъ со всѣмъ почти городскимъ духовенствомъ, въ сопровожденіи цеховыхъ знаковъ и тысячи народа, двинулся за городъ. На встрѣчу этому духовенству вышли приходскіе священники изъ Квaternинской церкви и, соединясь, пошли вмѣстѣ чрезъ весь городъ на Новгородковскій трактъ. Это духовное торжество отличалось отсутствіемъ всякой официозности, — это было просто духовное православно-русское торжество. Во время шествія къ часовнѣ и обратно былъ нѣтъ молебень Богородицѣ. По приходѣ къ часовнѣ снова былъ отслуженъ молебень съ многолѣтіемъ и образъ Пречистыя поставленъ въ часовнѣ. Затѣмъ вся густая толпа стала на колѣни и пропѣла: *«подъ Твою милость прибѣгаемъ!»* Во время пѣнія этаго умиительнаго гимна впервые затеплилась лампада предъ иконой Богородицы въ этомъ новомъ Ея храмѣ—лампада за нашъ Царствующій Домъ и всю Русь православную...

Гр. Кулжинскій.

ЕЩЕ НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О ПОКОЙНОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ЮСИФѢ.

Покойный владыка былъ большой любитель книгъ. Онъ съ особенною тщательностію слѣдилъ за русскою литературою и щедрою рукою пріобрѣталъ для своей библіотеки все, что заслуживало вниманія, какъ по части беллетристики и точныхъ наукъ, такъ и по отдѣлу богословскому. Кромѣ того, владыка не упускалъ случая выписывать и лучшія иностранныя сочиненія по различнымъ отраслямъ знанія и разнообразныя иллюстрированныя изданія—иностранныя и русскія. Библіотека его наполняетъ шесть шкафовъ, изъ коихъ два—собственно съ иллюстрированными изданіями; стоимость библіотеки простирается, какъ полагаютъ до 6,000 руб. До 1851 года библіотека эта была гораздо богаче, въ означенномъ году владыка пожертвовалъ для литовской семинаріи значительную часть ея. Въ настоящее время и оставшая библіотека, въ числѣ четырехъ шкафовъ, кромѣ двухъ съ иллюстри-

рованными изданиями, должна вступить въ составъ библиотеки православной литовской семинаріи. Митрополитъ всегда заботился о томъ, чтобы воспитанники семинаріи не только умѣли твердо знать уроки, но и были бы развиты, имѣли бы охоту къ чтенію книгъ, и знали бы болѣе, нежели сколько даютъ учебники, потому и снабжалъ семинарскую библиотеку книгами. Приобрѣтши такой значительный вкладъ, библиотека литовской семинаріи будетъ едва ли не самая лучшая не только между провинціально-губернскими библиотеками среднихъ учебныхъ заведеній, но и между столичными. Два шкафа книгъ съ иллюстрированными, весьма цѣнными изданиями, поступаютъ во владѣніе одной изъ родныхъ сестеръ покойнаго митрополита.

Кромѣ книгъ высокопреосвященный владыка былъ любителемъ священныхъ изображеній и картинъ по преимуществу библейско-евангельскаго и церковно-историческаго содержанія; между ними есть и виды природы. Картины эти развѣшаны по стѣнамъ, какъ въ городскомъ митрополичьемъ домѣ, такъ и въ лѣтнемъ загородномъ домѣ покойнаго въ Тринополѣ. Всѣхъ картинъ въ лѣтнемъ и зимнемъ помѣщеніяхъ его числомъ около 200. Не говоря о цѣнности и изяществѣ многихъ священныхъ изображеній и картинъ, мы обратимъ вниманіе на одно собраніе портретовъ. Это—довольно полная коллекція дѣятелей, извѣстныхъ въ іерархіи западно-русской церкви со времени введенія здѣсь уніатскаго обряда и до настоящихъ дней. Она имѣетъ особенную важность въ научно-историческомъ отношеніи: по ней, между прочимъ, можно съ очевидностію прослѣдить, какъ съ теченіемъ времени измѣнялись одѣяніе и весь внѣшній обликъ уніатскаго духовенства, въ какую сторону оно было направляемо даже по внѣшнему своему виду и къ чему наконецъ оно пришло; по этой коллекціи можно прослѣдить, какъ прежняя православно—схимническая одежда архіереевъ превращалась въ рамско-католическую сутану 1). Сначала на

1) Это длинный, почти до пятокъ достигающій полусюртукъ, полукафтанъ напередѣ съ разрѣзомъ, идущимъ съ верху до низу по срединѣ одежды, разрѣвъ этотъ застегивается на пуговицы, обтянутыя одной съ одеждою матеріею, сѣдяція близко одна отъ другой и идущія во весь разрѣвъ съ одного конца до другаго.

суганѣ видимъ широкій священническій поясъ, поясъ этотъ довольно долго удерживается на ней, потомъ онъ дѣлается уже, а наконецъ совсѣмъ его не видно;—можно замѣчать, какъ подстриженіе и подбриваніе волосъ по-немногу, сначала бакенбарды и усы, потомъ бороды и наконецъ волосъ на головѣ представило, съ измѣненіемъ одежды, совершенно остриженныхъ и съ бритымъ подбородкомъ архіереевъ униатскаго обряда, такъ что наконецъ нельзя узнать по внѣшнему виду—ксендзъ ли то, или униатское духовное лицо. Замѣчательно, что длинные волосы на головѣ очень долго удерживались, духовенство обрело уже усы и бороду, но все еще было съ длинными волосами на головѣ; при этомъ на головѣ виднѣется то красная, то голубая плоская шапочка римско-католическаго ксендза, извѣстная подъ названіемъ піуски, отъ слова pius. Можно видѣть, съ какою потомъ замѣчательною скоростію и почти безъ соблюденія выше изложенной послѣдовательности совершилось преобразование внѣшняго вида униатскаго духовенства по воссоединеніи его съ православною церковью, по освобожденіи его отъ гнета власти и непосредственной зависимости отъ римско-католическаго духовенства,—преобразование состоящее въ томъ, что внѣшній видъ возвратившихся къ православію отъ уни духовныхъ въ представителяхъ ихъ, сталъ вполне православный.

Такимъ образомъ означенное собраніе портретовъ показываетъ въ лицахъ полный циклъ, пройденный извѣстною идеею объ олатиненіи внѣшняго вида униатскаго духовенства. Всѣхъ портретовъ въ этой коллекціи числомъ 32. Почти напротивъ нихъ на стѣнѣ расположено нѣсколько картинъ, между которыми три портрета: въ серединѣ старецъ-священникъ совершенно православной внѣшности со старушкою—это отецъ и мать митрополита Юсифа, а по краямъ съ одной стороны самъ митрополитъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, но въ архіерейскомъ уже санѣ, въ 1838 году, съ панатією, въ повседневной одеждѣ униатскаго епископа, обритый и обстриженный; по другую сторону—тотъ же митрополитъ, только въ одеждѣ совершенно православнаго архіерея, въ 1843 году, въ клобуцѣ, съ длинными волосами и полною, не подстриженною

бороною, очень похожій на своего отца. Такая группировка и положение цѣлаго сонма западно русскаго духовенства противъ митрополита, вождя къ православной вѣрѣ, сдѣлана съ особенною мыслию и производитъ на зрителя глубокое впечатлѣніе.

Почти всѣ картины покойнаго въ митрополичьемъ домѣ, но нѣсколько нумеровъ изъ нихъ, частію по выбору преосвященнаго епископа, частію по выбору одной изъ родныхъ сестеръ покойнаго архипастыря въ указанныхъ имъ самимъ комнатахъ, будутъ изъяты изъ общаго числа картинъ, долженствующихъ остаться въ митрополичьемъ домѣ. Коллекція портретовъ, о которой мы только что говорили, во всей цѣлости и совокупности останется въ митрополичьемъ домѣ такъ, какъ она устроена собирателемъ, ибо только въ этомъ видѣ она представляетъ научно-исторической интересъ. Иначе и быть не могло, ибо извѣстно, съ какою тщательностію покойный владыка собиралъ эти портреты, выписывалъ изъ разныхъ монастырей, добывалъ изъ частныхъ рукъ, изъ разныхъ древнехранилищъ и, по тщательномъ снятіи копій, бережно возвращалъ оригиналъ обратно.

Покойный митрополитъ Іосифъ, въ продолженіе долговременнаго управленія своею епархією, велъ записки, въ которыхъ заключаются самыя обстоятельныя свѣдѣнія о его знаменательной дѣятельности, его сношеніяхъ съ властями и со всѣми, кого касались приснопамятныя дѣянія покойнаго іерарха; въ нихъ излагалъ онъ свои намѣренія, планы и соображенія, разнаго рода затрудненія, препятствія и столкновенія. Бумаги эти, равно и всѣ предписанія, отношенія, письма, предложенія и проч. какъ официальные, такъ и частныя, собственно его касающіяся, онъ тщательно сохранилъ. Все это имъ самимъ приведено въ порядокъ, раздѣлено на три категоріи, снабжено пространными записками собственнаго его сочиненія, доведенными до 1862 года, сложено въ одинъ сундучокъ, запечатано въ немъ, и теперь, согласно его назначенію, отправлено въ академію наукъ, для изданія въ свѣтъ по собственному усмотрѣнію академіи. На изданіе этихъ бумагъ владыка ассигновалъ изъ собственнаго капитала въ распоряженіе академіи наукъ 5000 руб.

Хорошо знавшіе покойнаго митрополита единогласно утверждаютъ, что онъ обладалъ замѣчательнымъ административнымъ тактомъ, проникательнымъ умомъ и глубокою наблюдательностію, — что онъ внимательно слѣдилъ за теченіемъ событій не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ, неусыпно наблюдалъ за своею паствою, за ея состояніемъ и отношеніемъ къ ней иновѣрцевъ. Поэтому мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что записки его должны быть исполнены самаго животрепещущаго интереса, и нельзя безъ нетерпѣнія ожидать изданія ихъ въ свѣтъ со всѣми документами, при нихъ находящимися.

Получая довольно нескудное жалованье особенно въ послѣднее время, покойный митрополитъ Іосифъ отличался благотворительностію и по преимуществу въ видахъ общественной и государственной пользы 1). Въ № 133 «Виленскаго Вѣстника» указаны нѣкоторые немногіе примѣры благотворительности покойнаго іерарха, ясно однако свидѣтельствующіе о томъ, что онъ щедрою рукою дѣлалъ пожертвованія какъ на пользу образованія юношества, такъ и непосредственно на нужды государственныхъ, каково наприм., упоминаемое въ означенномъ № пожертвованіе его по 2000 руб. ежегодно на потребности для русской арміи во все время севастопольской кампаніи; при этомъ онъ не забывалъ православныхъ монастырей и церквей. Капиталу, оставшагося послѣ его смерти и состоявшаго частію изъ наличныхъ денегъ, а частію изъ процентныхъ бумагъ, какъ мы слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ, считалось въ концѣ 1862 года до 50,000 руб.

1) По должности митрополита, высокопреосвященный Іосифъ получалъ, а) какъ управитель литовской епархіи, состоящей, какъ известно, изъ трехъ губерній—Виленской, Ковенской и Гродненской, 4000 руб., б) пожизненной пенсіи—1715 руб., в) столовыхъ, пожалованныхъ ему въ 1832 году, 343 р., г) пенсіи по двумъ орденамъ—по ордену св. Андрея Первозваннаго 800 руб. и св. Владиміра 1-й степени 600 руб., какъ архимандритъ и настоятель Свято-Духовскаго монастыря 500 руб., итого 7958 р. Пожестія, принадлежація покойному владыкѣ въ 1842 году, поступили въ составъ государственныхъ имуществъ; за нихъ выдавалось ему изъ казны ежегодно 1339 руб. Такимъ образомъ всего въ годъ получалось 9297 руб.

съ небольшимъ. Изъ этой суммы покойный митрополитъ 15,000 руб. завѣщалъ въ пользу ближайшихъ своихъ родственниковъ, въ количествѣ 8 лицъ; 5000 руб. завѣщалъ въ пользу православныхъ монастырей и церквей, въ количествѣ 14 мѣстъ. Между этими священными мѣстами значатся три русскія лавры—а) С.-Петербургская Александро-Невская. Свято-Троицкая—Сергіевская и в) Киевопечерская; затѣмъ виленскій свято-Духовскій монастырь, котораго онъ былъ священно-архимандритомъ и который особенно любилъ, какъ неизмѣнно всегда пребывавшій въ православіи, также жировицкій Успенскій монастырь, при которомъ основано было первое училище для православнаго духовенства сѣверо-западнаго края, по освобожденіи его отъ вліянія педагоговъ при главной семинаріи для римско-католическаго духовенства, и въ настоящее время при этомъ монастырѣ находится духовное уѣздное училище, и наконецъ Виленскій свято-Николаевскій кафедральный соборъ, этимъ 6 мѣстамъ назначено по 500 руб. Крошѣ того,—Виленскому свято-Троицкому монастырю, пожайскому Успенскому монастырю и гродненскому Борисоглѣбскому, виленскимъ приходскимъ церквамъ: Николаевской и Благовѣщенской, приходской церкви въ селѣ Павловкѣ—въ Киевской губерніи, на родинѣ покойнаго митрополита, приходской церкви въ томъ селѣ, гдѣ въ послѣднее время своей жизни священствовалъ родитель его, и полоцкому Софійскому собору, гдѣ впервые архіерействовалъ самъ высокопреосвященный Іосифъ, по 250 руб., съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ этихъ церквахъ ежегодно въ день смерти его совершаема была литургія, а по литургіи панихида за упокой души его и его родителей, 5,000 рублей, какъ выше упомянуто, назначено въ распоряженіе с.-петербургской академіи наукъ на изданіе записокъ съ приложениями къ нимъ документами покойнаго митрополита, 1000 руб. лей назначено на издержки по погребенію, 500 руб. назначено для раздачи братіи и служителямъ Свято-Духовскаго монастыря;—3500 руб.—на выдачу годоваго оклада жалованья всѣмъ служившимъ при митрополитѣ, собственно въ митрополичьемъ домѣ, начиная съ эконома и письмоводителя и кончая сторожами того дома; а что отъ того остается, то раздать бѣднымъ безъ различія вѣро-

исповѣданій. За полнымъ удовлетвореніемъ вышеупомянутыхъ расходовъ и назначеній, требующихъ всего 30,000 рублей, всѣ деньги, которыя могли остаться послѣ смерти высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, назначены имъ въ пользу виленскаго и кievскаго училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, поровну, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги приобрѣтены были 4% непрерывно доходные билеты, а проценты съ нихъ обращаемы были бы на содержаніе въ обонхъ училищахъ пансіонерокъ изъ дочерей священническихъ или діаконскихъ, преимущественно родственницъ митрополита и ихъ потомковъ. Отъ капитала бывшаго въ 1862 г. за всѣми назначеніями, на содержаніе пансіонерокъ оставалось еще свыше 20,000 руб. для обонхъ училищъ. Если послѣ 1862 года не послѣдовало дополнительныхъ распоряженій на счетъ капитала, то съ 1862 года по настоящій могла вновь образоваться значительная сумма денегъ, которая, въ смлу означеннаго распоряженія, должна поступить въ пользу кievскаго и виленскаго духовныхъ женскихъ училищъ.

Не забыты и высшія духовно учебныя заведенія. Владыка за вѣщалъ, чтобы Высочайше пожалованные ему два алмазные креста, одинъ на клобукъ архіепископскій, пожалованный ему въ 1839 году, другой пожалованный въ 1852 году, на клобукъ митрополитій, также алмазные знаки со звѣздами ордена св. Александра Невскаго, которымъ онъ награжденъ въ 1841 году, и св. Андрея первозваннаго, пожалованные въ 1862 году, препровождены были въ кабинетъ Его Императорскаго Величества съ испрошеніемъ за нихъ денегъ свыше 9000 р., на эти деньги положено имъ приобрѣсти 4%-й непрерывно-доходный билетъ и проценты съ него обращать ежегодно на преміи за лучшія сочиненія на степень магистра воспитанникамъ 4-хъ русскихъ православныхъ духовныхъ академій, поочередно для каждой, «чтобы возбудить въ воспитанникахъ полезное соревнованіе и доставить лучшимъ изъ нихъ хотя небольшое пособіе» по окончаніи академическаго курса. Если за означенные кресты и ордена получится сумма, которая дастъ процентовъ не менѣе 300 руб., то эти 300 р. раздѣляются на двѣ преміи, и такимъ образомъ ежегодно двѣ академіи будутъ получать по 150 руб.

(Вил. Вѣст.)

ОТНОШЕНІЕ ЮСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО, КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ГРАФУ ПРОТАСОВУ, ОТЪ 10 ЯНВАРЯ 1855 Г.

Какъ вѣрноподданный, какъ сынъ отечества, какъ сынъ православныя церкви и какъ воссоединенный архіерей, обязанный нѣкоторою отвѣтственностью предъ воссоединенными и за воссоединенныхъ, долгомъ считаю обратить еще разъ вниманіе правительства на обстоятельства края, съ которыми связано мое служеніе. Кажется, послѣ благословеннаго Богомъ воссоединенія униатовъ, съ православною церковію, вскорѣ забыто, что они были для поляковъ и римскихъ католиковъ и авангардомъ, и оплотомъ противъ русской народности и православія, что воссоединеніе было для латино-польской партіи самымъ чувствительнымъ ударомъ, что эта партія должна была искать новыхъ условій для облегченія своего положенія, и что отношенія оной къ воссоединеннымъ должны были принять характеръ не только недоброжелательства, но и мести. Кажется также, латино-польскую партію сочли слабою, забывая, что она, кромѣ собственныхъ силъ, имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи по видамъ религіознымъ и политическимъ. Кажется не обращено также вниманія, что страдательное совершенно положеніе, въ которое поставлены воссоединенные со времени слитія съ православною церковію, должно было и облегчить, и осмѣлить латино-польскую партію въ ея дѣйствіяхъ. Не знаю, приходилось ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Здѣсь не намѣрен я распространяться о дѣйствіяхъ на пользу латинской іерархіи. Это дѣло прошлое и уже несправимое. Тутъ не главное конкордатъ, мѣра политически можетъ быть необходимая. Но вообще предшествовавшія ей, сопровождавшія ее и послѣдовавшія за оною учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобъ упрочить и усилить противъ прежняго римско-католическую въ Россіи іерархію. Теперь православному духовенству въ западныхъ епархіяхъ едва ли всѣхъ силъ достаточно, чтобъ бороться съ однимъ только

римско-католическимъ духовенствомъ. Но еще разъ, я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращаю вниманіе на другое, постепенно въ здѣшней странѣ устроенное орудіе латинопольской партіи—гражданское чиновначаліе. Обстоятельствами вынужденъ я былъ собрать въ прошломъ мѣсяцѣ, по секрету, свѣдѣнія о числѣ чиновниковъ православнаго исповѣданія по губерніямъ Виленской и Гродненской, въ которыхъ число народа, исповѣдывающаго православную и римско-католическую вѣру, не много разнится. И вотъ что оказывается изъ свѣдѣній. Известно, что православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ римско-католическому вѣроисповѣданію и такъ называемой польской кастѣ. Слѣдовательно православные вполне зависятъ по крѣпостному праву отъ сихъ иновѣрныхъ и иногороднихъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству государственныхъ имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ объѣхъ палатахъ виленской и гродненской изъ 77-ми членовъ только четыре православныхъ; изъ 37-ми дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ только пять православныхъ; изъ 12-ти столоначальниковъ только два православныхъ; изъ 14-ти окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, лѣсничихъ и аюстраторовъ только восемь православныхъ; то-есть изъ 140 старшихъ чиновниковъ только 19 православныхъ. Если къ сему прибавить, что по сказаннымъ двумъ губерніямъ, всѣ 18 губернскіе и уѣздные предводители дворянства иновѣрцы, а въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный, то ясно, что всѣ православные объѣхъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ, въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта. Чтобы уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ православными, едва-ли достаточно было-бы всей попечительности мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, при самомъ лучшемъ и належащемъ составѣ ихъ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ. При генералъ-губернаторѣ: правитель канцеляріи, старшіе и младшіе секретари, помощники секретари и прочіе чиновники канце-

лярин, въ числѣ 21-го, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника секретаря, православнаго; только въ числѣ адъютантовъ, дежурныхъ офицеровъ и чиновниковъ особыхъ порученій есть шесть православныхъ на пять иновѣрцевъ. При обоихъ гражданскихъ губернаторахъ, въ числѣ правителей канцелярій, чиновниковъ особыхъ порученій, а также старшихъ и младшихъ помощниковъ правителей канцелярій, девять православныхъ на 30 иновѣрцевъ. Въ обоихъ губернскихъ правленіяхъ, въ числѣ членовъ, секретарей, прочихъ чиновниковъ и столоначальниковъ есть 39 иновѣрцевъ и только 11 православныхъ. Такимъ образомъ высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27-ми только православныхъ и изъ 84-хъ иновѣрческихъ старшихъ чиновниковъ. Въ такой же пропорціи находится власть по уѣздамъ. Въ числѣ городничихъ и земскихъ исправниковъ, которые должны быть, кажется, по положенію въ здѣшней странѣ, русскіе и православные, уже третья ихъ часть по Виленской и Гродненской губерніи изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и секретарей по земскимъ судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ; стаповыхъ приставовъ 9 православныхъ, и 57-ми иновѣрцевъ. То есть на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти только 47 православныхъ. Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ, нежели правительственная и исполнительная. По четыремъ палатамъ гражданского и уголовного суда виленскимъ и гродненскимъ: въ числѣ 18 членовъ только 5 православныхъ, въ числѣ 26 секретарей и другихъ чиновниковъ только 1 православный, въ числѣ 20 столоначальниковъ нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ судамъ обѣихъ губерній 2 православныхъ и 59 иновѣрныхъ членовъ и тоже 2 православныхъ секретаря, а 14 иновѣрныхъ. То есть изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части, только 10 православныхъ. Такимъ же образомъ замѣщены старшія должности и по другимъ вѣдомствамъ. Изъ числа 170 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, также

уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами, православныхъ всего на все только 8. Изъ числа 18 членовъ, секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обонхъ приказовъ общественаго призрѣнія, православныхъ только 4. Изъ числа 20 членовъ, секретарей, инженеровъ, архитекторовъ, землеѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ комиссіямъ,—тоже православныхъ только 4. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III округа корпуса инженеровъ путей сообщенія православныхъ только 8. Изъ числа 25 губернскихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками только 6 православныхъ. Изъ числа 21 губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только 4 православныхъ. Изъ числа 26 членовъ челоуѣколюбиваго общества и управляющихъ семью виленскими богоугодными заведеніями только 2 православныхъ, изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также уѣздныхъ и другихъ штатныхъ врачей нѣтъ ни одного православнаго. Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ вышепоименованныхъ по Виленской и Гродненской губерніямъ, изъ инновѣрцевъ 723, изъ православныхъ 140, то есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ. Между инновѣрцами едва десятая часть приходится на протестантовъ и магометанъ, остальные всѣ римскіе католики. Въ низшемъ слобѣ чиновначалія эта пропорція еще менѣе благоприятна православнымъ. Не эта ариѳметическая пропорція между православными и инновѣрными чиновниками далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы. Тѣми же способами, которыми латинопольская партія сумѣла занять, по преимуществу, своими людьми должностныя мѣста, она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самихъ православныхъ чиновниковъ по своимъ видамъ, а небольшое число самостоятельныхъ ей легко вводить въ заблужденіе, задабривать или устрашать. Ясно, что при подобномъ составѣ чиновначалія, самые благонамѣренныя и прозорливыя начальники едвали могутъ устоять противъ общаго теченія. Такимъ образомъ православное населеніе Виленской и Гродненской губерній, числомъ почти въ 700,000 народа; зави-

силь почти совершенно отъ произвола римлянъ, господствующихъ надъ онымъ посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстныхъ властей. Духовенство православное въ той же зависимости и по средствамъ своихъ прихожанъ, и по необходимымъ житейскимъ потребностямъ. Нужно дѣло особенной ясности, чтобъ можно его повести съ успѣхомъ, иначе оное замнутъ или происками, или ябедой, или проволочкой. Самое дѣло, выигранное официально обращается обыкновенно не въ пользу выигравшаго и не въ пользу православіи. Выигравшему возместятъ косвенными средствами, а дѣло самое чистое представятъ въ общемъ мнѣніи въ видѣ неблагоприятномъ православію и православному духовенству, такъ что самое благоразуміе требуетъ, по большей части, молчанія и долготерпѣнія. Естественно, что въ такомъ положеніи дѣла могутъ быть покойны тѣ только изъ православнаго духовенства, которые потворствуютъ видамъ преобладающей латино-польской партіи; усердные же подвижники и исполнители своего долга, необходимо должны быть предметомъ недоброжелательства и происковъ той партіи. Я не говорю о себѣ: участь свою уже предалъ я на волю Провидѣнія. Но, кажется, всякая мѣстность, гдѣ бы 700,000 православныхъ находились въ подобномъ положеніи, должна бы обратить вниманіе, а чтожъ литовская епархія, которая находится въ исключительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ? Въ другихъ западныхъ епархіяхъ масса православнаго народонаселенія господствуетъ надъ малочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ; въ литовской 700,000 православныхъ разбросаны по тремъ губерніямъ среди полутора милліона однихъ римскихъ католиковъ. Въ другихъ епархіяхъ число возсоединенныхъ немногочисленно въ сравненіи съ древне-православными, а слѣдовательно удобно можетъ быть направляемо и охраняемо; въ литовской вся паства почти исключительно состоитъ изъ возсоединенныхъ. Самые возсоединенные въ другихъ епархіяхъ не столько отступили отъ русской народности и постановленій восточной церкви, какъ въ литовской, бывшей преимущественно подъ продолжительнымъ вліяніемъ иновѣрчества и иноземства. Очевидно, что я имѣю и большее пра-

во и большую обязанность просить правительство о преимущественном охраненіи литовской паствы отъ вліянія господствующихъ здѣсь чуждыхъ элементовъ. Мнѣ одному это не по силамъ. Но не одно положеніе православной паствы въ здѣшней странѣ заставило меня изъяснить теперь все прописанное. Я не разъ о томъ представлялъ и боюсь не наскучилъ ли уже. Не забота также о русской народности въ этой странѣ меня къ тому побудила. Какъ ни больно, что 10-ть милліоновъ русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ подчиняются вновь болѣе и болѣе преобладанію 40 или 50 т. такъ-называемыхъ польскихъ семействъ, а тѣмъ самымъ и польской партіи посредствомъ латинскаго духовенства, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ чиновначалія, но все это со временемъ измѣнилось бы при первомъ вѣрномъ взглядѣ правительства. Теперь дѣло не о православіи, не о народности западныхъ губерній, но о настоящемъ политическомъ положеніи государства, и молчаніе съ моей стороны объ указанномъ выше было бы преступно. Не мнѣ одному извѣстно, что уже наканунѣ послѣдняго польскаго мятежа еще не вѣрили людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ. Кто же можетъ увѣрить, что латино-польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій при устройствѣ, какъ выше видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ? Я не говорю, чтобъ эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ беспокоить правительство. Но въ случаѣ движенія на Россію всего запада, не приготовлено ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе? и не лишено ли правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія во все теченіе могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ этомъ, кажется, стоитъ подумать! Стоитъ подумать и о томъ, что гражданское управленіе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ литовскій корпусъ въ 1830 году. Мнѣ случилось слышать, будто поддерживающіе латино-польскую партію указываютъ на Финляндію и остзейскія губерніи. И смѣшно и больно! Нужно слишкомъ много доброй воли или слишкомъ мало знанія здѣшней страны, чтобъ

находить между сими мѣстностями какое-либо отношеніе. Сохрани Господи, чтобъ все прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ поляковъ и латинянъ. Они не менѣ другихъ могутъ служить государству, съ честью и пользою, въ рядахъ русскаго воинства и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ по областямъ. Но въ здѣшней странѣ они связаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу, и по необходимости должны (разумѣется не безъ исключеній) быть оудіями видовъ латино-польской партіи и римскаго духовенства. Пишу это вашему сіятельству не какъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, но какъ ближайшему слугѣ Государа Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого-нибудь митрополита Юсифа, или 700 тыс. воссоединенныхъ. Теперь не въ томъ дѣло, пріятнѣ ли и удобнѣ здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой и съ вліяніемъ, но въ томъ, чтобъ 10-ти миллионную массу русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ обезпечить на пути долга, при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ и охранять ее отъ чуждаго вліянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго непредубѣжденнаго, можетъ ли онъ иначе, какъ я, смотрѣть на постепенное усиленіе въ здѣшней странѣ латино-польской партіи? Впрочемъ, можетъ статься, правительство во всемъ этомъ имѣло въ виду особья цѣли и обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя. Въ семъ предположеніи мысли мои я представляю секретно-конфиденціально, чувствуя, что исполнилъ долгъ свой по совѣсти и по крайнему, моему разумѣнію.

(С.-Пет. Вѣд.)

ВИЛЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ СВ. МАРІИ МАГДАЛИНЫ.

Виленскій женскій православный монастырь во имя св. Маріи Магдалины основанъ по инициативѣ литовскаго митрополита Юсифа, осуществившейся въ концѣ 1864 г., благодаря дѣятельному участию и стараніямъ графа Муравьева. Съ свойственною ему

энергією графа Муравьевъ рѣшилъ осуществить смѣлую мысль о перенесеніи въ Вильну изъ Москвы цѣлой монастырской общины почти 60 сестеръ во всей неприкосновенности ея московскаго устройства. Кромѣ общей для всѣхъ нашихъ монастырей цѣли служить оплотомъ православія въ краѣ, женскій монастырь въ Вильнѣ требовался еще по особымъ причинамъ и имѣть свои, такъ сказать, спеціальныя задачи. Для русскихъ сиротъ, для воспитанія дѣтей бѣдныхъ церковно-служителей и служащихъ въ краѣ не было почти никакихъ учрежденій, такъ какъ нельзя считать существующими для русскихъ виленскія благотворительныя заведенія, до сихъ поръ находящіяся въ рукахъ поляковъ. Самый доступъ въ эти заведенія былъ почти закрытъ для русскихъ, не говоря уже о томъ, что немногія русскія дѣти, находившія въ нихъ пріютъ по какому-либо особому случаю, ополячивались въ нихъ. Графъ Муравьевъ рѣшилъ дать средства монастырю и поставить ему въ обязанность содержаніе пріюта для сиротъ православнаго духовенства и дѣтей бѣдныхъ русскихъ чиновниковъ. Пріютъ, открытый при монастырѣ въ концѣ прошлаго года, приготавливаетъ своихъ воспитанницъ къ должности наставницъ въ народныхъ училищахъ. Въ послѣднемъ изъ трехъ двухъ-годичныхъ классовъ пріюта воспитанницы будутъ практически усваивать себѣ лучшіе способы народнаго обученія. Монастырь старается также приготовить воспитанницъ къ будущей трудовой сельской жизни. На содержаніе пріюта монастырь удѣляетъ не меньше 2,000 р. с. При открытіи пріюта въ него поступили на казенное содержаніе 11 дѣвочекъ, на своекоштное 7 и приходящихъ 4. Затѣмъ монастырь св. Маріи Магдалины—единственное убѣжище въ краѣ для евреекъ, прлнимающихъ православіе. Дѣвушка, рѣшившаяся оставить еврейство, бѣжитъ обыкновенно подъ защиту священника или чиновника; затѣмъ ее пересылаютъ въ Вильну съ нужными предосторожностями, иногда даже съ конвоемъ, чтобы евреи не отбили дорогою; въ Вильнѣ консисторія передаетъ дѣвушку маріинскому монастырю для укрѣпленія ея въ православіи. Дѣвушекъ, вырывающихся изъ страшной духоты талмудической жизни преимущественно въ слѣдствіе долгаго житья

съ русскими, монастырь старается пристроить къ мѣсту и ни въ какомъ случаѣ не отпускаетъ новообращенныхъ на всѣ четыре стороны, причѣмъ гибель ихъ была бы неизбежна. Фанатики талмуда не остановятся ни предъ какими средствами, чтобы показать на дѣлѣ, до чего можетъ «довести еврейку прицятіе православія.» Въ монастырѣ нашли уже пріютъ болѣе сорока евреекъ, и всѣ онѣ такъ или иначе устроены, равно какъ и немногіе католички, принявшія православіе въ маріинской обители. Ходитъ слухъ, пишутъ въ *Совр. Лѣтописи*, откуда мы и заимствуемъ эти свѣдѣнія, что теперешнія обстоятельства монастыря могутъ заставить общину его сестеръ просить о возвращеніи ихъ въ Москву. Обстоятельства эти—недостатокъ средствъ содержанія его въ тамошнемъ краѣ.

(Всч. Газ.)

КЪ ЗАВОТАМЪ О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРАМОВЪ ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Положеніе православныхъ церквей на западной и южной окраинахъ государства до недавнихъ лѣтъ было почти вовсе неизвѣстно внутри Россіи. У насъ не знали, что въ дѣлѣ устройства православныхъ церквей существуетъ рѣзкая разница въ разныхъ областяхъ русской земли. Подъ Москвою, напримѣръ, въ Нерехотскомъ уѣздѣ со многихъ пригорковъ видны свыше тридцати каменныхъ церквей, разбросанныхъ по самымъ незначительнымъ селамъ, а на югѣ: напримѣръ, въ Таврической губерніи, встрѣчаются безъ церкви большія села въ цѣсколько тысячъ жителей; въ западномъ краѣ многія церкви крыты соломой и однимъ лишь крестомъ отличаются отъ окружающихъ избъ. За ветхостію иныхъ церквей въ нихъ прекращено богослуженіе. Во внутреннихъ губерніяхъ не могутъ составить себѣ понятіе о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои происходятъ отъ небреженія къ устройству церквей. На югѣ оно привело къ вопіющимъ явленіямъ, коихъ недавно слегка, не вполне зная дѣло, коснулись наши газеты, толкуя о сектѣ штундовцевъ, распространившейся будто бы въ се-

леніяхъ сосѣднихъ колоніямъ выходцевъ изъ Германіи. Вотъ что приходилось мнѣ слышать отъ людей знающихъ мѣстность. Большія села Таврической губерніи не имѣютъ церквей и приписаны не рѣдко за 30 верстъ и больше. При затруднительности тамошнихъ сообщеній во всѣ времена года, кромѣ лѣта, жители приписанныхъ селъ почти не посѣщаютъ приходской церкви, почти не имѣютъ сношеній съ своимъ духовенствомъ. Безъ церкви, безъ школы, несчастный православный людъ опускается во всѣхъ отношеніяхъ, что вы замѣтите тотчасъ по крайне жалкому виду православнаго поселка, сравнительно съ цвѣтущимъ состояніемъ сосѣдней нѣмецкой колоніи. Крестьяне, болѣе другихъ волнующе религіозными инстинктами, обращаются въ эти колоніи съ просьбой почитать иудѣ Библію, перевести псалмы и пр. Если бы колонисты изъ Германіи обладали духомъ прозелитизма и менѣе презирали туземцевъ, они давно бы надѣлали изъ сихъ послѣднихъ множество менонистовъ, геригутеровъ и пр. Но колонисты тщательно воздерживались отъ пропаганды. Секта штундовцевъ, читающихъ Библію и распѣвающихъ псалмы по-нѣмецки, вѣроятно, образовалась въ поселкахъ, такъ-называемыхъ на мѣстѣ, мальчиковъ. Колонисты нѣмецкаго происхожденія берутъ себѣ въ работники мальчиковъ изъ туземцевъ съ самаго малаго возраста, и часто на условіи, чтобы нанятый жилъ въ работникахъ пока ему не исполнится 21 годъ, и съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ почти все вознагражденіе за всѣ годы въ концѣ найма. Эти работники-мальчики усваиваютъ себѣ нѣмецкій языкъ, порядки, обычаи, одежду колонистовъ. Изъ нихъ-то образовалось нѣсколько поселковъ, соперничающихъ въ благосостояніи съ колоніями. Но главная бѣда не въ мальчикахъ, не въ штундовцахъ. Когда послѣ выселенія татаръ въ Турцію, хлынули въ Таврическую губернію переселенцы изнутри Россіи, между ними явились и шалопуты. Они нашли готовую почву для пропаганды, почти одичалый людъ. Секта шалопутовъ стала сильно распространяться, и за тѣмъ пошли оскотленія малой и большой печати. Часть прежнихъ жителей православнаго закона, перепуганная уродствомъ и захватывавшимъ иногда то одного, то другаго члена семьи, умо-

дьяла налальство о заступничествѣ и о высылкѣ шалопутовъ. На летало сѣдствіе за сѣдствіемъ. Миѣ извѣстно чѣмъ кончилась борьба администраціи. Между тѣмъ отъ людей весьма свѣдущихъ приходилось слышать, что на постройку церквей въ иныхъ салахъ были собраны и ассигнованы значительныя суммы, по перепискѣ яо дѣлу затянута на много лѣтъ. Извѣстно, что еще недавно производство построекъ было обставлено у насъ непроходимыми затрудненіями и стѣсненіями. Надо замѣтить еще, что православное духовенство на югѣ не рѣдко пользуется такимъ вліяніемъ, которое весьма желательно бы видѣть почаще во внутреннихъ губерніяхъ. Все сказанное относится впрочемъ къ бывшему за нѣсколько лѣтъ назадъ; теперешнее положеніе дѣлъ въ Таврической губерніи миѣ неизвѣстно.

Запущеніе православныхъ церквей въ западномъ краѣ было одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ, помощію коихъ ополчившееся дворянство, вотъ ужъ котрвый вѣкъ, создаетъ всяческія бѣдствія и волненія для западно-русскаго народа, этого истаог народа-мученика. Крѣпостное право, сложившееся въ западныхъ губерніяхъ, по своей тягости, не можетъ быть и сравниваемо съ крѣпостію во внутреннихъ губерніяхъ. Почти всѣ западно-русскіе крестьяне были доведены до нищеты не выданной внутри Россіи; они не могли удѣлять ни копѣйки на свои храмы. Тщетно императоръ Николай I старался склонить ополченныхъ помѣщиковъ къ возобновленію церквей: почти вдздѣ онѣ остались въ развалинахъ. Православное духовенство терпѣло отъ пановъ всевозможныя гоценія и притѣсненія. По неимѣнію помѣщеній для причта, многіе священники нанимали клѣтушки въ жидовскихъ корчмахъ, что и о сю пору не вездѣ прекратилось. Выданную имъ субсидію на устройство помѣщеній для причтовъ паны растратили, а газета *Вѣсть* вопіетъ по поводу взысканія теперь недоимокъ по церковнымъ постройкамъ.

Въ прошлогодишемъ воззванія къ жертвователямъ отъ преосвященнаго Саввы, епископа полоцкаго и витебскаго, мы читаемъ:

»Многія изъ сельскихъ церквей пришли въ такую ветхость, что угрожаютъ паденіемъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, по ихъ со-

вершенной ветхости, съ давняго времени прекращено богослуженіе и прихожане или вовсе остаются безъ богослуженія, или, для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, обращаются къ сосѣднимъ латинскимъ костеламъ.

«При крайней бѣдности бѣлорусскаго населенія, находившагося столь долгое время подъ тяжкимъ угнетеніемъ польскаго владычества, нѣтъ никакой надежды на матеріальную помощь самихъ прихожанъ.»

Таково о сю пору положеніе церквей въ западномъ краѣ!

Заботы правительства объ этихъ церквяхъ начались собственно въ началѣ нынѣшняго царствованія. Въ 1858 году рѣшено устранить помѣщиковъ отъ заботъ по устройству церквей въ ихъ мѣстностяхъ и передать дѣло въ руки администраціи, съ тѣмъ чтобы оно велось частію на пособія отъ казны, частію на пожертвованія собираемыя со всѣхъ концовъ русской земли. Понятно, что въ 1858 году никакой роли въ дѣлѣ не могло быть предоставлено самимъ прихожанамъ, состоявшимъ почти исключительно изъ крѣпостныхъ.

Результаты по устройству церквей, достигнутыя на частныя средства, по частной инициативѣ, оказывающіеся громадными за 10 лѣтъ, подробно изложены въ отчетѣ П. Н. Батюшкова, заведывавшаго церковно-строительнымъ дѣломъ въ западномъ краѣ, (См. № 4 *Современной Лѣтописи* 1868 г.) Достаточно напомнить читателямъ, что частныхъ пожертвованій деньгами собрано было 416 тысячъ рублей, разныхъ церковныхъ принадлежностей почти на миллионъ рублей, книгъ до 50 тыс. экземпляровъ, и все это разослано въ 4.120 пунктовъ края. Эта помощь дорога еще тѣмъ, что она приходила вовремя, въ нужную минуту.

Г. Батюшковъ сообщаетъ, что казенныя пособія, отпущенныя съ 1858 по 1867 годъ, достигли цифры 2.174. 872 руб. или около 2½ тысячъ рублей на церковь. Вотъ объ этихъ-то пособіяхъ для Виленской и Гродненской губерній будетъ наша рѣчь.

Въ 1858 году на постройку и возобновленіе церквей полагалось сдѣлать заемъ изъ кредитныхъ учрежденій, съ тѣмъ чтобы

онъ былъ покрытъ изъ доходовъ приходскихъ имѣній, въ которыхъ церкви доведены панами до разрушенія. Сумма, ассигнованная на постройки, по необходимости была довольно ограничена, и на первый разъ рѣшили сосредоточить все усилія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, Въ западномъ краѣ церкви строились возобновлялись сначала почти исключительно въ Минской, Ви-тебской и Мигилевской губерніяхъ,

Графъ Муравьевъ, тотчасъ по приѣздѣ своемъ въ край, обратилъ вниманіе на то, что исправленіе церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Виленской и Гродненской губерній почти вовсе не начиналось. Независимо отъ помощи этому дѣлу изъ суммъ собранихъ графомъ Муравьевымъ и бывшихъ въ его распоряженіи, онъ испросилъ въ 1864 году ассигнованіе отъ государственнаго казначейства собственно для церквей Виленской, Гродненской и Бовенской губерній 500 тысячъ рублей разсроченныхъ на 5 лѣтъ. Я говорю здѣсь о томъ Высочайшемъ повеленіи, которое упомянуто въ письмѣ П. Н. Батюшкова, напечатанномъ въ № 282 *Московскихъ Вѣдомостей* 1867 года и написанномъ по поводу сообщенныхъ газетами извѣстій о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ, испытанныхъ церковно-строительнымъ дѣломъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, въ прошломъ году.

Графъ Муревъ взялъ постройки въ этихъ гуаерніяхъ въ свое непосредственное завѣдываніе. Онъ страдся вести дѣло при участіи самихъ приходжанъ. Приходскіе церковные совѣты обсуждали средства къ устройству церкви, вызывали пожертвованія приходжанъ деньгами, матеріалами, исполненіемъ части работъ и пр. Совѣты дѣйствовали подъ ближайшимъ наблюденіемъ комитетовъ; главное руководство дѣломъ лежало на губернскихъ комитетахъ.

Въ восточныхъ губерніяхъ края слѣдовали обыкновенному порядному порядку. По разсмотрѣніи и утвержденіи проекта и смѣты въ Петербургѣ, на мѣстѣ постройка производилась подъ наблюденіемъ губернаторовъ и командируемыхъ чиновниковъ. Особая коммиссія, отправленная Муравьевымъ въ помянутыя губерніи, а также посылаемые имъ чиновники указывали на неудов-

летворительность обыкновеннаго порядка построекъ. Нѣкоторыя изъ недавно построенныхъ церквей оказывались будто бы поврежденными; подрядчики-евреи слишкомъ мало заботились о прочности постройки и доброкачественности матеріаловъ. Не знаю въ какой мѣрѣ все это справедливо, но здѣсь всемъ извѣстно, что графъ Муравьевъ полагалъ нужнымъ передать въ его завѣдываніе устройство церквей во всѣхъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края. Вопросъ подпнятый графомъ Муравьевымъ разрѣшенъ въ смыслѣ его мнѣній вышедшими недавно правилами, въ которыхъ введенный имъ порядокъ, въ главныхъ чертахъ, принятъ для всѣхъ девяти западныхъ губерній (*Сѣверная Почта* № 22).

Муравьевъ взялся за устройство церквей съ чрезвычайнымъ рвеніемъ, но это было уже не задолго предъ его отъѣздомъ изъ Вильны. Онъ успѣлъ повести дѣло въ такихъ размѣрахъ, что ежегодной статысячной субсидіи было на то недостаточно. Онъ успѣлъ получить всего 30 тыс. рублей въ счетъ ассигнованныхъ 100 тысячъ, но за то разрѣшилъ взять занимобразно большія суммы изъ процентныхъ сборовъ. Нужда была вопіющая: до сихъ поръ вѣдь не рѣдки церкви «недоступныя для богослуженія» какъ выражаются въ Вильнѣ. Широкій размѣръ дѣла опредѣлился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣлись средства подъ рукой въ процентномъ сборѣ. Въ концѣ года генералу Кауфману пришлось зачислить такъ-называемымъ дѣйствительнымъ расходомъ довольно значительныя заимстваванія изъ процентныхъ сборовъ.

Въ 1866 году эти сборы вышли изъ распоряженія генералъ-губернатора. Окончаніе начатыхъ построекъ и немногія новыя работы старались распределить такъ, чтобы обойтись 100 тыс. руб., ассигнованными по Высочайшему повелѣнію 1864 года.

Отсюда начинаются затрудненія въ церковно-строительномъ дѣлѣ Виленской и Гродненской губерній.

Здѣшніе губернскіе комитеты, кажется, долго не знали, что предстоитъ сокращеніе отпускаемой по росписи 450-тысячной суммы на церковныя постройки всего западнаго края до размѣра 300 тысячъ рублей. Нѣкоторые ожидали, что на Виленскую и Гродненскую губерніи, вслѣдствіе повелѣнія 1864 г., а также въ ви-

ду того, что къ дѣлу лишь приступаютъ, что оно начато широко, все-таки будетъ назначено 100 т. р. Въ Петербургѣ же, кажется, не было извѣстно въ точности, въ какихъ именно размѣрахъ поведено устройство церквей: оно находилось, какъ мы сказали, въ непосредственномъ распоряженіи генераль-губернатора.

И вотъ весной прошелъ слухъ, что министерство не можетъ опредѣлить въ 1866 году на Виленскую и Гродненскую губерніи болѣе 50 тысячъ рублей. Говорили, будто остальные 250 тысячъ рублей будутъ распредѣлены въ другихъ губерніяхъ по утвержденнымъ проектамъ. Помнится, что особенно поминали соборы въ Житомирѣ и еще гдѣ-то. Распространившійся слухъ произвелъ тяжкое впечатлѣніе. Не было никакой возможности обойтись 50-ю тысячами рублей, тѣмъ болѣе что начались обращенія въ православіе цѣлыхъ населеній, потребовавшія немедленной передѣлки костеловъ на церкви. Изъ отчета оберъ-прокурора извѣстно, что въ литовской епархіи открыто 19 новыхъ приходоѡ. Толковали тогда, что широкій и горячій приступъ къ дѣлу произвелъ сильное впечатлѣніе на крестьянскій людъ, особенно на католиковъ, и что остановка построекъ, кромѣ неизбѣжныхъ убытковъ, могла вызвать реакцію. Въ этихъ словахъ есть достаточная доля правды, бчегодаря особенно прискорбному настроенію здѣшняго католическаго духовенства, не упускающаго случая воспользоваться всякимъ нашимъ затрудненіемъ.

Къ счастью, разнесшійся слухъ не оправдался, какъ видно изъ упомянутаго письма г. Батюшкова, въ 1866 г. отпущено тогда 92.902 руб. Все-таки многія работы не могли быть исполнены или оплачены по условіямъ, такъ какъ передѣлки костеловъ на церкви потребовали большихъ средствъ. Нѣкоторыя работы исполнены на заимствование изъ средствъ назначавшихся на другое употребленіе или пожертвованныхъ на другія церкви, какъ напримѣръ, въ Вишнеѡ Ошмянскаго уѣзда, Голомыслѡ Лидскаго уѣзда, и проч. Къ сожалѣнію, потребовалось нѣсколько дополнительныхъ работъ для иныхъ построекъ, напримѣръ, въ Дубину и другихъ церквей Ошмянскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, въ 1867 году, требовались значительныя

суммы какъ на производство начатыхъ работъ, такъ для уплаты долговъ и возврата заимствованій. Администрація приказала собрать полныя свѣдѣнія и отправила ихъ въ Петербургъ. Дальше я могу говорить съ большею увѣренностью, такъ какъ о ходѣ построекъ 1867 года приходилось слышать безконечные толки людей весьма компетентныхъ,

На окончаніе начатыхъ построекъ въ Гродненской губерніи, въ 1867, требовалось 45 тысячъ рублей и кромѣ того на самыя нужныя постройки и исправленія, необходимость коихъ была признана по представленіямъ губернатора и для коихъ частью заготовлены материалы, считали, кажется, 54 тысяче рублей.

По Виленской губерніи на начатыя работы требовалось до 83 тысячъ р. и около 56 тысячъ р. нужны бы были на новыя.

Вообще по двумъ губерніямъ на начатыя постройки требовалось свыше 127 тысячъ р., а для новыхъ исчислено около 100 тысячъ р.

Ожидать отпуска громадной суммы 237 тысячъ р., конечно, не было возможности, и здѣсь толковали, что хотятъ отложить всѣ проектированныя нынѣ постройки и просить лишь отпуска 127 тысячъ р. на неотложное продолженіе начатыхъ работъ.

Кажется, въ апрѣлѣ въ Вильнѣ были порадованы извѣстіемъ о первомъ отпускѣ нужныхъ денегъ, но вскорѣ узнали, что получены кредитъ на 10 тысячъ рублей, назначенныхъ для переезда костеловъ преимущественно въ Минской губерніи, гдѣ шли массами присоединенія католиковъ къ православію. Говорятъ, изъ этихъ 10 тысячъ рублей до 7 тысячъ ушло на Минскую губернію...

Въ началѣ мая интересующіеся дѣломъ, особенно архитекторы и подрядчики, просіяли: 35 тысячъ р. пришли: 20 тысячъ на Виленскую и 15 тысячъ на Гродненскую. А главное утверждали, что вся остальная сумма, до 127 тысячъ р., нужная на продолженія начатыхъ построекъ, будетъ отпущена въ теченіе лѣта.

Затѣмъ къ концу августа обращены на работы по церквамъ Виленской и Гродненской губерній еще 30 тысячъ р. Говорили, что они взяты изъ назначавшихся на второразрядныя постройки

Витебской, Могилевской и Минской губерній, неуспѣвшія получить утверженія.

Полученіе 65 или 68 тысячъ р. вмѣстѣ съ 11.300 р., отпущенными изъ процентнаго сбора (см. письмо г. Батюшкова), не могли не произвѣсти величайшихъ затрудненій, тѣмъ болѣе что работы велись въ ожиданіи полнаго отпуска 117 тысячъ р.

Изъ числа полученныхъ 34—40 тысячъ р. для Виленской губерніи, въ ней, по множеству начатыхъ работъ, можно было удѣлить изъ обоихъ полученій на каждую церковь вдвое, втро и еще меньше чѣмъ требовалось по производимымъ работамъ. Изъ втораго полученія на церкви въ Лидскомъ уѣздѣ не пришлось ничего. Начатую постройку, въ случаѣ надобности, прерываютъ обыкновенно лишь при извѣстномъ размѣрѣ исполненныхъ работъ; иначе неизбежны поврежденія выстроеннаго и порча заготовленныхъ матеріаловъ. Во избѣжаніе такихъ золъ, а также для расчета съ подрядчиками, предъявляющими справедливыя претензіи по заключеннымъ условіямъ и исполненнымъ работамъ, потребовались чрезвычайныя усилія. Говорятъ, будто одного изъ подрядчиковъ принуждены были взять для прокормленія при полиціи; но кажется это преувеличено. Чиновники старались помочь затрудненіямъ, затрачивая собственныя деньги.

Администрація, въ виду случившагося, тотчасъ стала просить о дополнительныхъ отпускахъ, и въ декабрѣ разрѣшенъ отпускъ еще 50.000 рублей *въ счетъ кредита на настоящій годъ*.

Нельзя не надѣяться, что подробный и по необходимости довольно скучный разказъ нашъ устранить возможность пререканій, о которыхъ упоминаетъ П. Н. Батюшковъ въ своемъ письмѣ. Затрудненія вышли потому, что заботы по устройству церкви въ западномъ краѣ были разъединены: онѣ раздѣлялись между Петербургомъ и Вильной. И тутъ и тамъ могли не имѣть полныхъ свѣдѣній о всемъ объемѣ и ходѣ дѣла. Вновь изданныя правила въ извѣстной мѣрѣ сосредоточили дѣло по устройству церкви въ западномъ краѣ въ рукахъ генералъ-губернаторовъ.

До сихъ поръ казенныя пособія, назначаемыя по росписи на церковно-строительное дѣло въ западныхъ губерніяхъ, старались

распредѣлять равномерно между всѣми девятью губерніями, но на дѣль приходилось дѣлать въ Виленскую и Гродненскую губерніи болѣе значительные отпуски и даже прямо переводить для нихъ суммы уже опредѣленные на другія губерніи края. Равномерное распредѣленіе пособій представляетъ большія неудобства.

1) Возобновленіе церквей въ Виленской и Гродненской губерніяхъ началось лишь три или четыре года тому назадъ и требуетъ большой помощи.

2) Въ этихъ губерніяхъ, а также въ Минской, совершались значительныя обращенія въ православіе, требующія передѣлки костеловъ на церкви. Въ тѣхъ же губерніяхъ закрываются нѣкоторые костелы по излишеству, потому что передѣланы изъ захваченныхъ цевквей, о чемъ производятся искы православнымъ духовенствомъ (иные захваты относятся къ сороковымъ годамъ этого столѣтія).

3) въ указанныхъ губерніяхъ начаты большія работы, и размеръ ихъ не можетъ быть сокращенъ сразу. Отъ прошедшаго года остаются значительные долги.

4) По всей справедливости, помѣщики, доведшіе церкви до разоренія, должны нести на себѣ значительную долю расходующихъ казной пособій, что удобно достигается опредѣленіемъ на церковно-строительное дѣло части будущихъ процентныхъ сборовъ.

Отчетъ П. Н. Батюшкова оканчивается извѣщеніемъ, что онъ не можетъ болѣе принимать заявленія о нуждахъ церквей; церковно-строительное управленіе по западному краю, которымъ онъ завѣдывалъ, упразднено новыми правилами. Между тѣмъ у П. Н. Батюшкова сосредочивались пожертвованія не одного Петербурга; но со всей Россіи, за послѣднее время даже церкви, передѣлываемыя изъ костеловъ, не могли бы быть освящены безъ церковныхъ принадлежностей, на которыя не достаетъ средствъ. Нельзя не пожелать, чтобы въ Петербургѣ кто-нибудь взялъ на себя сборъ пожертвованій, какъ это дѣлаетъ на примѣръ И. И. Четвериковъ въ Москвѣ, которому такъ много обязаны здѣшнія церкви.

Виленскій Старожильъ.

ВОПРОСЪ О МѢСТНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ ЮГОЗАПАДНАГО КРАЯ.

Въ брошюрѣ, недавно отпечатанной въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: „*Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи,*“ за главой о католицизмѣ, какъ главной опорѣ польской національности въ Россіи, слѣдуетъ небольшая глава о православномъ духовенствѣ западнаго края, озаглавленная „бывшее *униатское* духовенство.“ По поводу появленія этой брошюры, въ мѣстномъ правительственномъ органѣ „Кіевлянинъ“ помѣщена (№ 131-й 1868 года) передовая статья, въ которой весьма разумно указаны ошибки автора сказанной брошюры. Считаемо необходимымъ познакомить мѣстное православное духовенство какъ съ обвиненіемъ, вводимымъ на него неизвѣстнымъ авторомъ брошюры, такъ и съ апологіею православ. клира, за которую нельзя не поблагодарить редакцію „Кіевлянина.“ Нѣсколькими фразами главы авторъ кидаетъ серьезное обвиненіе въ лицо всему западнорусскому православному духовенству, обвиненіе,—мы полагаемъ, *теперь* слишкомъ безосновательное. Вотъ что говорить авторъ :

Мѣстное духовенство и нынѣ не перестало говорить польски съ своими женами и съ крестьянами, въ содѣйствіи которыхъ нуждается для обработки полей своихъ. Никогда не видя, какъ служить и совершаетъ разные обряды чисто русское духовенство, священникъ старается, по своему крайнему уразумѣнію, подлѣльваться подъ русско - православный ладъ, и не зная, хорошо - ли онъ исполняетъ новую роль свою, не увѣренъ въ себѣ, робокъ, низкопоклоненъ и льститъ всѣмъ, а преимущественно мѣстному гордому дворянству. Большая часть нынѣшнихъ дѣятелей родилась въ униатствѣ, т. е. чистыми поляками (??); въ извѣстномъ уже возрастѣ, въ семинаріяхъ или по выходѣ изъ нихъ, они были передѣланы въ православныхъ, оставаясь по языку, нравамъ и обычаямъ поляками; наконецъ въ 1864 году имъ велѣно быть русскими, и они, очень хорошо понимая, что ихъ существованіе связано съ существованіемъ русскаго правительства въ западномъ крайѣ, стараются быть русскими; но всѣ эти передѣлки дѣлались только по указамъ, безъ руководителей, техниковъ и специалистовъ, которые бы словомъ и примѣромъ ставили cadaго на указанное ему православіемъ и правительствомъ мѣсто.“

Какъ выходъ изъ этого „крайне неловкаго и почти постыднаго положенія,“ авторъ предлагаетъ переселеніе въ западный край священниковъ изъ центральной Россіи, среднимъ числомъ по три на уѣздъ, съ назначеніемъ ихъ благочинными и съ предоставленіемъ имъ другихъ льготъ и преимуществъ. Безъ того же, говоритъ онъ, „никакая сила не искоренитъ полонизма вошедшаго еще въ нѣдрахъ матерей въ организмъ тамошняго (западнорусскаго) духовенства.“

Прежде всего, авторъ сильнѣйшимъ образомъ ошибается, считая „уніатовъ“ и „чистыхъ поляковъ“—за одно и то-же. Это далеко не вѣрно, и исторія, равно какъ и современная дѣйствительность, можетъ убѣдить его, что взглядъ шляхетныхъ и урожонныхъ пановъ на уніатовъ врядъ-ли чѣмъ отличался отъ взгляда ихъ на „схизматиковъ, т. е. православныхъ, а также и въ томъ, что принадлежность къ уніатской церкви отнюдь не предполагаетъ отреченія отъ русской народности и полнаго ополяченія. Вспомнимъ хоть лудско-дубенскую комиссію 1788 года. Преслѣдованіямъ поляковъ, т. е. тамошней шляхты, подвергались уніатскіе (православныхъ тамъ почти не было) священники, на равнѣ съ уніатами же хлопами, по подозрѣнію въ сочувствіи ихъ русскому народу, православно-русскому козачеству и православно-русскому государству. Ихъ подозрѣвали въ сообществѣ съ раскольниками - пилипонами, яко-бы возбуждавшими народъ къ возстанію противъ пановъ. Это подозрѣніе было на столько сильно и казалося на столько основательнымъ (хотя основательность обвиненій и не была никогда положительно доказана), что предводители конфедераціи осмѣлились обвинить даже высшее духовенство—епископовъ, которые вынуждены были вслѣдствіе этого издать особое оправдательное посланіе, съ увѣщаніемъ духовенству воздерживаться отъ вмѣшательства въ неподлежащія вѣдѣнію дѣла. Иные священники, какъ напр., уніатъ-же Бондаревскій, заплатились жизнью, за то только по преимуществу, что они были уніаты. Врядъ-ли ихъ можно, поэтому, отождествлять съ поляками, да еще *чистыми*.

Аналогическое до нѣкоторой степени явленіе представляетъ въ настоящее время Галичина. Кто составляетъ въ ней главную опору русской народности? Кто единственно

поддерживалъ въ теченіе долгаго времени народное самознание и противодѣйствовалъ окончательному ополяченію восточной Галиціи? Уніатское духовенство. Изъ какой среды вышли дѣятели, содѣйствіе которыхъ оказывается теперь не-безполезнымъ и для русскаго правительства, напр. Я. Ф. Головацкій и о. М. Куземскій?—Изъ среды тѣхъ же людей „*ritus graso-uniti*“, которыхъ авторъ „Послѣдняго слова“ ставить на равнѣ съ противодѣйствующими русскому дѣлу поляками...

Но если бы принадлежность къ уніи и составляла признакъ полонизма (что въ прежнее время было до нѣкоторой степени вѣроятно), то и тогда нельзя обвинять такъ голословно западно-русское духовенство, какъ это дѣлаетъ авторъ. Не говоря уже о томъ, что въ юго-западномъ краѣ, и особенно въ такъ называемой Украинѣ, во время присоединенія этого края къ Россіи было немалое число священниковъ не-уніатовъ, и что уніа имѣла здѣсь вообще очень мало послѣдователей,—„нынѣшніе духовные дѣятели“ по большей части принадлежать времени болѣе новому, когда уніа перестала уже существовать въ западномъ краѣ. Зная довольно близко бытъ и характеръ здѣшняго духовенства, мы можемъ утверждать, не опасаясь ошибиться, что въ средѣ его нѣтъ людей съ серьезнымъ уніатскимъ и польскимъ оттѣнкомъ. Правда, что въ недавнее время можно было услышать полупольскую рѣчь среди семейства священника, особенно на Подольи и въ западной Волини. Но авторъ „Послѣдняго слова“ ошибается, думая, что это доказываетъ внутривнѣшній полонизмъ самаго здѣшняго духовенства. Къ польскому языку они привыкли по необходимости. Пока языкъ этотъ слышался вездѣ между людьми вліятельными, и въ судѣ и въ школѣ, и въ частной жизни; пока не было увѣренности, что съ вами врядъ ли стануть и говорить, если вы обратитесь по русски, а не по польски,—трудно было не знать и не употреблять этого языка. Но какъ только измѣнились обстоятельства, какъ только русскій языкъ получилъ надлежащее ему мѣсто и значеніе,—польщизна выходитъ рѣзко и замѣтно изъ употребленія между духовенствомъ нашего края.

Польщизна эта была ему прямо навязана самымъ складомъ мѣстной жизни, и говоря иногда по-польски, оно тѣмъ не

менѣе всегда отличалось сочувствіемъ русскому дѣлу. Лучше всего доказываетъ это исторія послѣдняго возстанія и особенно тотъ фактъ, что крестьяне, оказывавшіе вообще такую водозрительность по отношенію къ всему не-мужицкому, видѣвшіе вездѣ обманъ и измѣну,—въ сомнительныхъ случаяхъ всегда съ полнымъ довѣріемъ обращались къ духовенству. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы отношенія ихъ къ нему были вообще удовлетворительны: вспомнимъ 1855 годъ...

Въ крайнемъ даже случаѣ, если бы между мѣстнымъ духовенствомъ замѣчались какіе либо слѣды полонизма, мы не думаемъ, чтобы этому могло пособить предлагаемое авторомъ средство—переселеніе изъ внутреннихъ губерній нѣсколькихъ десятковъ священниковъ въ западный край. Во-первыхъ, насколько позволяютъ судить имѣющіяся въ литературѣ данныя, духовенство центральной Россіи стоитъ въ отношеніи образованія ничуть не выше, если не ниже духовенства западно-русскаго. Но только люди, изображающіе русское сельское духовенство въ мрачныхъ краскахъ, какъ напримѣръ авторъ книги „Сельское Духовенство въ Россіи,“ но и противники ихъ даютъ основаніе думать такимъ образомъ (см. напримѣръ „Мысли свѣтскаго человѣка о сел. духовенствѣ въ Россіи).“ Мало того: священнику приходится имѣть дѣло не съ мертвой буквой, не съ бумагами, а съ жизнью, съ дѣйствительностью. Здѣсь мало одного образованія; нужно еще знакомство съ характеромъ среды, нужно знаніе людей, съ которыми имѣешь дѣло; безъ этого невозможно никакое вліяніе со стороны духовника на своихъ прихожанъ, или со стороны, напримѣръ, благочиннаго на подвѣдомственныхъ ему священниковъ.

Мы думаемъ, что для русскаго дѣла въ западномъ край было-бы гораздо полезнѣе въ этомъ отношеніи поднятіе вообще умственнаго и нравственнаго уровня *мѣстнаго* православнаго духовенства. Улучшеніе учебной части духовнаго вѣдомства, обезпеченіе сельскихъ священниковъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ чтобы они были вполне независимы отъ поляковъ-помѣщиковъ, измѣненіе характера землевладѣнія и всей вообще жизни мѣстнаго образованнаго общества, — все это, мы думаемъ, окончательно изгладитъ всякій слѣдъ поло-

инама въ духовенствѣ нашего края; и гораздо бы лучше 160,000 рублей, которыя, по расчету автора, потребовались бы на проектируемыя имъ переселенія, употребить на выполненіе упомянутыхъ мѣръ, болѣе радикально могущихъ способствовать успѣху русскаго дѣла въ западномъ краѣ.“

Къ сказанному въ „Кіевлянинѣ“, можно бы прибавить еще многое въ доказательство несостоятельности мнѣній автора „Послѣдняго слова о польскомъ вопросѣ.“ Танцую и костюмируясь на кіевскихъ балахъ, онъ видно не изучилъ ни жизни самаго правосл. духовенства, ни его исторіи въ югозападномъ краѣ, и обнаруживаетъ относительно этого предмета крайнее невѣжество. Авторъ упрекаетъ православное духовенство и въ полонизмъ и въ неумѣнны совершать богослуженіе по православному уставу. „Мѣстное духовенство, говоритъ онъ, и нынѣ не перестало говорить по польски съ своими женами и крестьянами.“ Такъ какъ авторъ распространяетъ это и на кіевскую губернію, то пусть онъ вѣдаетъ, что польскій языкъ мало знакомъ священникамъ и крестьянамъ черкаскаго, чигиринскаго, звонигородскаго, кіевскаго и значительной части уманскаго уѣзда; онъ далеко не свой многимъ священникамъ другихъ уѣздовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ относительно нашего духовенства пусть авторъ брошюры потрудится прилгслушаться къ рѣчи семинаристовъ въ Кіевѣ: на какомъ языкѣ они бесѣдуютъ между собою, и узнаеть, что хотя большая часть изъ нихъ понимаютъ польскую рѣчь, но никто изъ нихъ не говоритъ по польски, рѣдкіе могутъ объясниться на этомъ языкѣ и потому говорятъ всегда порусски, а иногда, въ разговорѣ о предметахъ неважныхъ, и на мѣстномъ народномъ малорусскомъ нарѣччіи. Но одного знанія мѣстнымъ правосл. духовенствомъ польскаго языка, полагаемъ, нельзя поставить въ вину ему, скажемъ болѣе: мѣстное правосл. духовенство даже обазано знать языкъ иновѣрнаго племени, которое морально доселѣ вребладало въ этомъ краѣ и продолжаетъ свои усилія во вредъ православной церкви, должно знать этотъ языкъ, чтобы ограждать православныхъ міранъ отъ латинской пропюганды и съ своей стороны воздѣйствовать на членовъ латинской церкви. Съ этою конечно цѣлію, т. е. для миссіонерскихъ потребностей, польскій языкъ до 1843 г., былъ

допущенъ свят. синодомъ въ число предметовъ семинарскаго курса въ югозападномъ краѣ и въ кiev. духов. академіи. Да и не страннымъ ли кажется требованіе незнанія православнымъ здѣсь клиромъ польскаго языка, когда Римъ готовитъ миссіонеровъ съ знаніемъ мѣстныхъ нарѣчій всего земнаго шара? Не такъ разсуждали наши предки, которые считали дѣломъ благоразумія знать оружіе своихъ враговъ; довольно упомянуть, что всѣ кievскіе митрополиты съ Петра Могилы до преосв. митрополита Серапіона звали польскую литературу и польскій языкъ весьма основательно; митрополитъ Евгеній выучился польскому языку уже по прибытіи на кievскую паству. При назначеніи въ 1785 г. архимандрита Виктора *Садковскаго* во епископа для православныхъ обитателей югозападнаго края, состоявшаго тогда, кромѣ Кіева, подъ польскимъ владычествомъ, правительство русское имѣло въ виду и знаніе имъ польскаго языка. Нѣтъ нужды разъяснять здѣсь, насколько знаніе польскаго языка пригодилось м. Петру Могилѣ и его преемникамъ на кiev. кафедрѣ, а также другихъ духовныхъ лицамъ здѣшняго края, которые считали весьма полезнымъ издавать на польскомъ языкѣ и полемическія сочиненія противъ отступленій латинской вѣры. У насъ горюють, что духовенство казанской епархіи, живя среди татаръ, не знаютъ татарскаго языка, и потому не имѣетъ возможности противо-дѣйствовать совращенію въ магометанство крещенныхъ татаръ; а духовенство югозападнаго края обвиняется за знаніе польскаго языка... Знають ли эти господа, кому они помогаютъ своимъ крикомъ противъ православнаго духовенства и требованіемъ его выселенія изъ здѣшняго края? Это крикъ или лучше блеяніе *панурюва стада*.

Авторъ брошюры говоритъ, что большая часть нынѣшнихъ дѣятелей родилась въ униатствѣ, въ извѣстномъ уже возрастѣ, въ семинаріяхъ и по выходѣ изъ нихъ они были передѣланы въ православныхъ. Можемъ документами и метрич. книжками доказать, что изъ 1300 православ. священниковъ кiev. епархіи едва 4-ре родились въ униатствѣ; и послѣдніе остатки униатскихъ приходо-въ радомысльскаго уѣзда. Но и въ 18 вѣвѣ, униа мало привилась къ здѣшнему духовенству. До 1740 года

уніи въ кievской епархіи, вовсе не было; съ 1740 до 1792 г. мѣстное православное духовенство крѣпко боролось съ уніей и повременамъ проявляло мученическіе подвиги; около 1770 года значительная часть кievской епархіи, оставленная безъ архипастырей, гонимая, насилуемая, принуждена была принять подчиненіе Риму, но не уніатскую обрядность и не уніатскій духъ; по чему при первой вѣсти о свободѣ вѣры пастыри церкви не только сами объявили себя православными, но послужили везсоединенію съ правосл. церковью подольской и волинской епархій, не убоявшись всѣхъ козней могущественнаго въ то время въ краѣ полонизма.

По сяовамъ автора брошюры, духовенство здѣшняго края никогда не видѣло, какъ совершаетъ разные обряды чисто русское духовенство и только старается по своему крайнему разумѣнію, поддѣлываться подъ русско-православный ладъ. Въ отвѣтъ автору скажемъ: мѣстное православное духовенство совершаетъ обряды такъ точно, какъ совершаются они въ полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ, гдѣ никогда не было уніи; въ совершеніи обрядовъ оно руководствуется древнимъ преданіемъ и уставомъ церкви; и полагаемъ, что православные обряды переходили съ юга на сѣверовостокъ Россіи, а не обратно. Разность при совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ между великорусскими и малорус. губерніями весьма незначительна и не противорѣчитъ ни догматамъ православія, ни духу церкви, а произошла она вслѣдствіе историч. жизни сѣверной и южной митрополій русскихъ, по ихъ раздѣленію, когда одна изъ нихъ стала независимой отъ константинопольской каеедры, а другая долго еще сохраняла тѣсную связь съ цареградскою патриархіей. Путешествующіе въ Іерусалимъ и на Аѳонъ встрѣчаютъ здѣсь именно тѣ не большія особенности обрядовъ, которыя составляютъ кажущуюся разность между великорусскими и малорусскими епархіями и которыя людьми малосвѣдущими въ установленіяхъ церковныхъ ставятся въ упрекъ священнослужителямъ югозападнаго края, какъ будто остатки уніи. Думаемъ, что одна область въ отношеніи совершенія обрядовъ не можетъ быть правиломъ для другой, а та и другая должна справляться съ уставомъ церкви, исторіей, ученіемъ вѣры и преданіемъ; только Арсвній Сухановъ и

раскольниковъ попъ Алексѣевъ обзывали грековъ неправославными и отъ латинянъ заимствованнымъ все то, что казалось имъ не согласнымъ съ обычаями тогдашней московской патріархіи.

Авторъ наконецъ требуетъ или выселенія мѣстнаго правослауовенства изъ югозападнаго края, или присылки къ нему изъ центральныхъ губерній „руководителей, духовныхъ техниковъ, специалистовъ.“ Мы позволяемъ себѣ спросить автора, откуда же если не съ юга Россіи вышли извѣстные руководители и специалисты духовные: Филоеѣй Лещинскій—просвѣтитель Сибири, сотрудники патріарха Никона—Епифаній Славенецкій и Арсеній Сатановскій, Патріархъ Іоакимъ, Стефанъ Яворскій, св. Дмитрій ростовскій, Теофилактъ Лопатинскій и многіе другіе пастыри 17-го и 18 вѣка? Не они ли были великими руководителями рос. церкви, провозвѣстниками вѣры? Не они ли, при содѣйствіи вызванныхъ съ юга Россіи, и преимущественно изъ Кіева, учителей основали духовныя училища во всѣхъ почти великорусскихъ епархіяхъ, трудились въ обличеніи раскола и воспитали новое поколѣніе пастырей и святителей церкви російской, наказанныхъ во всякой премудрости и разумѣ духовномъ! Скажутъ то было другое время, а нынѣ иное? Но когда сильнѣе было вліяніе уни на югъ Россіи—въ 17 и 18 или въ 19 вѣкѣ? Конечно въ 17 и 18 вѣкѣ. Югъ Россіи однакожъ и не безъ духовныхъ руководителей изъ великорус. губерній; высшее руководство въ южныхъ епархіяхъ именно принадлежитъ нынѣ уроженцамъ великорусскихъ губерній, которые благочестно занимаютъ святительскія кафедры Кіева, Волыни и Каменца - Подольскаго, да и предмѣстники ихъ не были родомъ изъ западнаго края; есть въ краѣ, и преимущественно въ губерн. городахъ, протоіереи и священники изъ великорус. губерній, а въ числѣ ихъ получившіе академическое образованіе занимаютъ старшія мѣста епархіальной службы. Но какъ архипастыри наши, такъ и упомянутые сослужители ихъ, не дѣлали заявленій, подобныхъ заявленіямъ автора брошюры, человека возвращавшагося въ свѣтскомъ мірѣ и только по особымъ случаямъ иногда обращавшаго на церковь и духовенство свое малоопытное въ духовныхъ дѣла око.

Заявленіе его и не новость. Извѣстно, что мысль о выселеніи мѣстнаго православнаго духовенства изъ югозападнаго края пущена была въ ходъ въ 1865 году, въ одно время съ тревожными слухами о неустройствахъ крестьянскихъ обществъ, грабежѣ помѣщичьей собственности и необходимости употребить противъ крестьянъ военныя экзекуціи. Кому собственно она принадлежала, неизвѣстно пока; но можно догадываться, что ее хитро измыслили тѣ господа, которые съумѣли сдѣлать пугало изъ дурачества нѣсколькихъ мальчишекъ, нарядившихся въ малорос. свитки, измыслили, чтобы возбудить подозрѣніе правительства противъ его подданныхъ, ближайшихъ къ полякамъ, и тѣмъ избавить послѣднихъ отъ опаснаго для нихъ сосѣдства; ловко проведена была эта мысль между мѣстными властями и даже успѣли пропустить ее въ высшія правительственныя сферы.

И дѣйствительно, дѣло стояло того, чтобы о немъ похлопотать. Опасны крестьяне для пановъ, но они быдло малограмотное; а вотъ гораздо опаснѣе православное духовенство, которое знаетъ языкъ и нравы польскаго шляхетства, въ вѣковой борьбѣ изучило польщизну и ея манеры, стоитъ близко къ простому народу и имъ руководить, будучи вполнѣ предано своему русскому правительству. И такъ нужно заподозрить это духовенство, обозвавъ его ополоченнымъ и неполнѣе православнымъ, за тѣмъ замѣстить его такимъ духовенствомъ, которое не скоро еще успѣетъ сблизиться съ народомъ, не зная ни его языка, ни его обычаевъ; а главное—нужно здѣсь такое духовенство, которому неизвѣстенъ польскій языкъ и шляхетные нравы,—нужно духовенство, которое долго еще было бы для пановъ безвреднымъ. Паны могли даже безрассудно питать надежду, что мѣстное православное духовенство, не соблазнившееся въ 1863 году польскими воззваніями къ братству съ поляками, кинется теперь само въ ихъ объятія, въ огорченіи отъ несправдливаго противъ себя подозрѣнія и въ виду опасности выселенія изъ родной страны ни за что, ни про что. Къ счастью, святѣйшій синодъ вполнѣ разгадалъ проэктированную мѣру и не нашелъ съ своей стороны возможности дѣлать какія либо распоряженія къ ея осуществле-

нію *), признавъ, согласно съ заключеніемъ іерарха, преимущественно болѣе 25-ти лѣтъ управляющаго епархіями юго-зап. края, и согласно съ мнѣніемъ преосвященныхъ волинскаго и подольскаго, что духовенство этого края „способное и благонадежное, стоитъ недремлющимъ стражемъ православія въ своемъ мѣстѣ, и если у него достало силъ и умѣнья сохранить вѣру и народность въ мѣстномъ русскомъ населеніи при польскомъ иновѣрномъ и изувѣрномъ правительствѣ, то тѣмъ болѣе оно съумѣетъ, при помощи Божіей, сберечь и укрѣпить ту и другую при державномъ покровительствѣ благочестивѣйшихъ самодержцевъ Россіи, въ которой православіе, самодержавіе и народность не престають считаться коренными основами государственной жизни. Подобная замѣна туземныхъ священниковъ по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ признана даже существенно вредною, не говоря о томъ, что этою мѣрой, по мнѣнію св. снуда, жестоко, безъ всякой нужды и причины, было бы оскорблено все мѣстное духовенство.

Въ заключеніе считаемъ неизлишнимъ привести фактъ изъ мѣстной исторіи. Въ 1794 году, по присоединеніи къ Россіи вгозападнаго края и восстановленіи въ немъ православія, въ минскую епархію вызваны были древне-православные священники изъ смоленской епархіи, но чрезъ полгода св. снудъ призналъ необходимымъ возвратитъ ихъ обратно на свои мѣста по причинамъ, изъясненнымъ обстоятельно въ синодальномъ по сему случаю указѣ, такъ какъ они оказались не пригодными для имѣвшейся при отправленіи ихъ туда цѣли.

(*Кіев. Еп. Вѣд.*)

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ ПАПСКАГО ПРИГЛАШЕНІЯ НА ВСЕЛЕНСКІЙ СОВОРЪ **).

На дняхъ распространился въ Петербургѣ слухъ, что папское приглашеніе явиться на римскій вселенскій соборъ получено между прочимъ и нашимъ святѣйшимъ Синодомъ, который будто бы

*) Указъ св. снуда отъ 5 сентября 1866 года.

***) См. кн. 7 и 8 «Вѣст. Зап. Россіи»

готовить отвѣтъ на это приглашеніе. Мы очень радуемся этому слуху, если онъ справедливъ, тѣмъ болѣе, что приписываемое Синоду намѣреніе отвѣчать папѣ волюнѣ соотвѣтствуетъ тому возрѣнію на это дѣло, какое мы недавно еще высказали на страницахъ „Современнаго Листка.“ Но категорическій отказъ принять участіе въ соборѣ, заявленный уже протестантскими обществами, равно какъ слухъ о несогласіи на то со стороны православныхъ церквей, дошедшій до папы путемъ печати и другими, этотъ слухъ по видимому весьма неприятно подѣйствовалъ на папу. Рассказываютъ, что святой отецъ, не особенно надѣявшійся на успѣхъ своей попытки, все-таки, какъ онъ выразился, не ожидалъ, чтобы его голосъ „былъ до такой степени заглушенъ шумомъ житейскихъ дѣлъ, занимающихъ собою міръ“ и въ этомъ ему представляется дурной знакъ.

Очевидно, римскій первосвященникъ избралъ невѣрную точку зрѣнія на отказъ не-католиковъ—принять участіе въ такомъ чисто-римскомъ торжествѣ, какимъ долженъ быть предполагаемый вселенскій соборъ. Кажется, что протестанты съ достаточною ясностію высказались, что они въ желаніи папы возсоединить ихъ съ католицизмомъ видятъ посягательство на свободу своей совѣсти и на дѣлность своего исповѣданія. Еще на дняхъ верховный евангелическій совѣтъ въ Берлинѣ адресовалъ въ различныхъ консисторіямъ своего исповѣданія посланіе, гдѣ, указывая на притязаніе папы быть верховнымъ главою всѣхъ христіанъ, въ томъ числѣ и протестантовъ, совѣтъ энергически отвергаетъ попытку папы, какъ незаконное посягательство на протестантскую церковь, тѣмъ болѣе, прибавляетъ совѣтъ, что въ попыткѣ папы нѣтъ даже и тѣни желанія сдѣлать шагъ впередъ на поприщѣ евангелической истины. Въ этомъ менѣе всего можно видѣть вліяніе житейскаго шума. Тутъ одно желаніе—отстоять непривкосновенность вѣры, основанной, какъ сказано въ томъ же посланіи, на непреложномъ словѣ Божіемъ и запечатлѣнной кровію ея исповѣдниковъ. Папѣ, по видимому, и въ голову не приходитъ, чтобы другіе могли имѣть въ виду иные дѣли и иные основанія, кромѣ житейскихъ, при сохраненіи и поддержаніи несогласныхъ съ нимъ вѣрованій. Ужъ не оттого ли это происходитъ, что въ самомъ католицизмѣ замѣтна значительная доля житейскихъ попеченій? По правдѣ сказать, когда видишь, какъ энергически человекъ от-

становляетъ свою свѣтскую власть, какъ онъ вмѣшивается въ житейскія дѣла другихъ людей, какъ вся его дѣятельность проникнута элементомъ, чуждымъ духу Христову, и какъ царство его всѣми своими сторонами принадлежитъ міру сему, когда видишь все это, то невольно приходитъ на мысль, что не тотъ ли, кто уврекаетъ другихъ въ излишней преданности житейскимъ дѣламъ и въ подчиненіи себя вліянію житейскаго шума, грѣшитъ больше всего съ этой стороны? Вся исторія католицизма разрѣшаетъ впрочемъ этотъ вопросъ съ безпристрастіемъ которое не всегда отличается воззрѣнія римскаго престола.

Недавно ультрамонтанская газета „Monde,“ желая испробовать послѣднее средство къ убѣжденію „схизматическихъ“ епископовъ, прибѣгла къ системѣ устрашенія. Она указала имъ на страшную опасность, которая будто бы грозитъ всему Востоку со стороны Россіи. „Если греки, говоритъ іезуитскій органъ, неукротимы въ своей гордости, откажутся открыть глаза на истину, то тѣмъ хуже будетъ для нихъ, потому что никакая человѣческая сила не въ состояніи предохранить ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Россія точитъ на нихъ зубы, Россія хочетъ поглотить ихъ; она стремится впередъ въ Азію, грозитъ въ Европѣ, подкапывается подъ Турцію, бьетъ на проломъ Австрію, строитъ козни въ Аѣнахъ, раздуваетъ огонь въ Букарештѣ, оцѣпляетъ весь Востокъ громадною сѣтью своей политики. Спасеніе для народовъ греческихъ и болгарскихъ можетъ прійти только съ Запада. Если они хотятъ сохранить нѣкоторую свободу, если имъ претитъ, чтобы ихъ древняя церковь подчинила свою независимость приказамъ драгунскаго полковника, засѣдающаго въ Петербургѣ, и чтобы ихъ епископы были низведены на степень русскихъ мужиковъ (*des mougiks russes*), то они должны примкнуть къ Риму, который одинъ на столько могущественъ, чтобы прикрыть ихъ своимъ покровительствомъ, на столько независимъ, чтобы обезпечить ихъ свободу, на столько возвышенъ, чтобы сохранить принадлежащія имъ преимущества, не испытывая при томъ никакого чувства зависти.“

Газета „Nord,“ указывая на приведенный аргументъ „Monde'a,“ справедливо замѣчаетъ, что этотъ знаменитый драгунскій полковникъ (теперь ужъ драгунскій, а прежде былъ гусарскій), что этотъ полковникъ составляетъ резервъ, тяжелую кавалерію ультрамонтанскихъ газетъ въ ихъ походѣ для обращенія восточныхъ

христіанъ къ римской церкви. Тертый и перетертый выродожденіи нѣсколькихъ лѣтъ, аргументъ этотъ, продолжаетъ „Nord,“ не произвелъ еще ни одного прозелита между греческими христіанами Турціи, что не совсѣмъ свидѣтельствуетъ въ пользу его убѣдительности. Да, и мы тоже не считаемъ этотъ аргументъ очень убѣдительнымъ. Кромѣ того, мы находимъ въ этомъ аргументѣ нѣчто другое: иногда мы приписывали эти толки про гусарскаго или драгунскаго полковника, сопровождаемые страшилищемъ русскаго преобладанія на Востокѣ, только невѣжеству западной печати вообще и римско-католической въ частности: но теперь, вдумавшись во всѣ эти толки хорошенько, мы необинуясь приписываемъ ихъ крайней недобросовѣстности борцовъ ультрамонтанства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно въ этомъ нагроможденіи нелѣпостей видѣть что нибудь, кромѣ недобросовѣстнаго желанія морочить западную публику. Постоянно толковать о завоевательныхъ планахъ Россіи на Востокѣ, о ея желаніи поглотить Европу и Азію, это не то, что выдавать за дѣйствительность бредъ собственнаго воображенія; нѣтъ, это значитъ намѣренно надувать своихъ простодушныхъ читателей. Для людей, занимающихся политикою, очень ясны дѣйствія Россіи на Востокѣ и въ нихъ столько же видно желанія завоевать Востокъ, сколько и намѣренія покорить всю Европу. И такъ, мы утверждаемъ, что газета „Monde,“ которая не можетъ не знать этихъ дѣйствій, располагая всѣми къ тому средствами, что эта іезуитская газета намѣренно вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе. Но эта неблагонамѣренность еще яснѣе выступаетъ въ толкахъ о драгунскомъ или гусарскомъ полковникѣ. Покойный графъ Протасовъ, который дѣйствительно былъ когда-то гусарскимъ полковникомъ, умеръ давнымъ давно, и съ тѣхъ поръ ни одинъ полковникъ не былъ оберъ-прокуроромъ свѣтѣйшаго Синода. „Monde'у“ это не можетъ не быть извѣстно. Зачѣмъ же говорить про то, чего нѣтъ въ дѣйствительности? Не значитъ ли это опять морочить публику, и въ какомъ же дѣлѣ? Въ дѣлѣ соединенія церквей, въ восстановленіи единства между членами христіанскаго міра!! Но развѣ можно ложь сдѣлать орудіемъ истины? Православная церковь ежедневно молится о „соединеніи всѣхъ,“ а римско-католическіе писатели, для той же цѣли, прибѣгаютъ къ обману! Какая ужасающаяся разница! И какъ этотъ образъ дѣйствій доказываетъ, что вовсе не тѣ высокія цѣ-

ли имѣются въ виду въ этихъ убѣжденіяхъ къ примиренію, какія выставляются на показъ. Нѣтъ, въ этомъ видно лишь желаніе захвата и преобладанія; желаніе усилить себя на счетъ Востока и поддержать колеблющійся Римъ, выставляемый однакоже, какъ могущественное орудіе къ обезпеченію свободы Востока!

Досадно, а больше жалко и смѣшно бываетъ смотрѣть, когда человѣкъ, когда-то знатный, богатый, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, но потомъ, благодаря обстоятельствамъ и больше всего своимъ ошибкамъ и заносчивости, потерявшій все—и богатство, и вліяніе, продолжаетъ, однако-же, по временамъ съ людьми, хорошо знающими его настоящее положеніе, держать себя важно, обѣщать, имъ свое покровительство и даже денежную помощь, а къ нѣкоторымъ лицамъ позволяеть даже оказывать высокомѣрное презрѣніе. Именно въ подобномъ положеніи представляетъ намъ римско-католическую церковь ультрамонтанская газета „Monde,“ когда, по поводу приглашенія папою восточныхъ епископовъ на соборъ, самоувѣренно утверждаетъ, что „греки не могутъ отказаться взглянуть на эту римскую церковь, нѣкогда столько ими оскорбляемую, но всегда непоколебимую и цвѣтущую, пользующуюся уваженіемъ всего міра, тогда какъ ихъ церковь, отдѣлившись отъ средоточія единства, потеряла свою жизнь, силу, вѣдѣніе, чистоту нравовъ, достоинство своего характера, и все больше и больше подпала зависимости отъ свѣтскихъ властей и презрѣнію народовъ.“ Слушая эти увѣренія, можно подумать, что ультрамонтанскій листокъ имѣетъ читателями своими современниковъ Григорія VII и Иннокентія III, когда императоры и короли, народы и царства христіанскаго міра, за исключеніемъ разслабленной византійской имперіи и невзвѣстныхъ княжествъ: кіевскаго, рязанскаго, новгородскаго и т. д., благоговѣнно преклонялись предъ могуществомъ римскаго первосвященника, и когда онъ могъ двинуть весь западъ на покореніе востока и въ самой Византіи основать „Латинскую имперію.“ Три послѣдніе вѣка съ половиною, когда римская церковь постоянно теряла, и современные намъ событія не существуютъ для органа римской церкви, и онъ, живя своими воспоминаніями на пять вѣковъ, обращается къ грекамъ съ угрозою лишить ихъ своего единственно возможнаго для нихъ покровительства и защиты отъ неминуемой гибели. „Если бы

греки, необузданные въ своей гордости, отказались, открыть глаза свои предъ истинною, то это было бы тѣмъ хуже для нихъ, потому что никакая сила человѣческая не можетъ тогда спасти ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Россія съ алчностью смотритъ на нихъ; Россія хочетъ поглотить ихъ; она подвигается въ глубь Азіи; она угрожаетъ Европѣ; она подкапывается подъ Турцію; она ловитъ въ западнѣ Австрію; она злоумышляетъ противъ Аенге; она раздуваетъ огонь въ Бухарестѣ; *весь востокъ она опутываетъ безконечною стѣнью своей политики.* Спасеніе для этихъ народовъ, грековъ и болгаръ, можетъ придти только съ запада. И такъ, если они желаютъ сохранить какую либо свободу, если они не желаютъ видѣть свою древнюю церковь лишившеюся своей независимости *подъ управленіемъ драгунскаго полковника, засѣдающаго въ петербургскомъ синодѣ, своихъ епископовъ низведенными въ разрядъ русскихъ мужиковъ,* они должны присоединиться къ Риму, который одинъ довольно силенъ, чтобы покровительствовать имъ; довольно независимъ, чтобы обезпечить имъ свободу; довольно высокъ, чтобы оставить имъ ихъ преимущества и на ихъ привилегіи смотрѣть безъ всякаго чувства недовѣрія. "Если бы потомокъ какого нибудь средневѣковаго, — генуэзскаго или венеціанскаго, — банкира съ весьма ограниченнымъ состояніемъ вздумалъ теперь спорить съ Ротшильдомъ и сталъ бы печатать объявленіе, что у него, и только у него, могутъ занять и государства, и частныя компаніи деньги, онъ едва ли былъ бы жалче и смѣшнѣ приведенной нами рекламы, напечатанной въ „Monde“ о могуществѣ современнаго Рима.

Но все такъ слова ультрамонтанской газеты стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться и серіозному мыслителю. Ротшильду, конечно, ни мало не опасенъ безвѣстный и ничтожный потомокъ венеціанскаго банкира XIII вѣка; но зависть другихъ банкировъ къ нему и предубѣжденія противъ него правительствъ и народовъ Европы могутъ воспользоваться ко вреду ему и потомкамъ венеціанскаго банкира. И мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что въ настоящее время въ Болгаріи французскіе и польскіе агенты чрезвычайно искусно, пользуясь давними стремленіями болгарской церкви къ независимости отъ константинопольскаго патріарха, внушаютъ болгарамъ, что они должны самымъ дѣломъ доказать свою независимость, пославъ, безъ вѣдома и согласія патріар-

ха, представителей на римскій соборъ. Это—одна сторона дѣла. Потомъ „Monde“ съ чрезвычайнымъ искусствомъ въ пользу Рима эксплуатируетъ недовѣріе западныхъ правительствъ и народовъ къ Россіи, и мы основательно опасаемся, что эта безобразная реклама далеко не столь безобразною показалась западнымъ читателямъ. Но и здѣсь еще не все достойное вниманіе. Газета „Le Nord“ справедливо по этому поводу замѣчаетъ: „Россія и пресловутый „драгунскій полковникъ“ въ русскомъ синодѣ рѣдко не прищетаются газетою „Monde“ въ концу рѣчи. Это резервъ, это тяжелая кавалерія ультрамонтанскихъ листовъ въ ихъ кампаніяхъ для покоренія восточныхъ христіанъ римской церкви. Хотя давно уже повторяется этотъ аргументъ, онъ еще не приобрѣлъ ни одного прозелита между христіанами въ Турціи, что мало говоритъ въ пользу его убѣдительной силы.“ Съ удовольствіемъ съ своей стороны можемъ замѣтить, что не всѣ римско-католическія газеты считаютъ долгомъ пугать восточныхъ христіанъ *драгунскимъ полковникомъ*. Въ газетѣ „Temps“ находимъ, на примѣръ слѣдующія соображенія: „Россійскій святѣйшій синодъ часто былъ пародирuemъ въ повѣствованіяхъ и разсказахъ католическихъ писателей. Кто не слышалъ объ императорѣ русскомъ, который будто бы послѣ смотра своихъ войскъ сряду опредѣляетъ члены вѣры? Кто не слышалъ объ этомъ артиллерійскомъ или гусарскомъ полковникѣ, который будто бы устанавливаетъ обряды? Это дѣтскія выходки того рода писателей, которыхъ можно было бы назвать „духовными шутами.“ Кривлянія ихъ не очень даже и забавны. Святѣйшій синодъ есть замѣна личности коллегіею, индивидуальной папской власти постоянною консисторіею. Но авторитетъ его существенно религіозный. Верховный государственный надзоръ, представляемый въ лицѣ оберъ-прокурора, въ дѣйствительности ограничивается лишь дѣлами смѣшанными и административными. Для того, кто изслѣдуетъ это учрежденіе безъ предвзятыхъ взглядовъ, оно представится собраніемъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ (это было по регламенту?!), кучно управляющихъ церковію съ нѣкоторымъ парламентаризмомъ (?), поставленнымъ на мѣсто прежней единичной власти. Наконецъ, неоспоримо, что этотъ маленький парламентъ (?), введенный въ кругъ гражданскаго управленія, засѣдающій въ столицѣ государства, вблизи императора, сдѣлавшійся однимъ изъ государственных-

ныхъ учреждений, имѣющей въ себѣ свѣтскаго представителя, осуществляютъ идеаль, совершенно противоположный римскому идеалу. Нельзя сказать, будто соединеніе свѣтской власти и духовной въ рукахъ царя сдѣлало русскую церковь игрушкой кавалерійскихъ полковниковъ,—это ложь, это нелѣпость, но то вѣрно, что оно сдѣлало изъ нея нѣчто такое, что не можетъ стать въ сильное противорѣчіе съ государственнымъ движеніемъ.“

Въ существѣ дѣла и послѣдняя газета, взявшая себѣ задачей защитить русскую церковь противъ лживыхъ, но общепринятыхъ на западѣ, обвиненій, судить несовсѣмъ вѣрно. Но это извинительно, потому что ей пришлось, какъ и намъ приходится, судить объ управленіи русской церкви главнымъ образомъ по регламенту, между тѣмъ какъ полтора вѣка, слѣдовавшіе за составленіемъ его, многое въ немъ измѣнили или сдѣлали одною формою, такъ что ошибочныя сужденія о центральномъ управленіи нашей церкви неизбежны не только для иностранцевъ, но и для насъ. Въ этомъ случаѣ отъ ошибочныхъ представленій могло бы спасти только болѣе опредѣленное и болѣе сообразное съ современнымъ положеніемъ законоположеніе о правахъ и обязанностяхъ центрального управленія русской церкви и объ отношеніи къ оному верховной государственной власти: тогда у ультрамонтановъ отнять былъ бы одинъ изъ пунктовъ обвиненія нашей церкви предъ нашими соплеменниками и единовѣрцами. Впрочемъ, это мимоходомъ. Главное, что бросается намъ въ глаза въ разсужденіяхъ газеты „Monde,“ это иезуитская ловкость, съ какою она въ пользу Рима направляетъ противъ Россіи уже существующія въ западныхъ государствахъ политическія подозрѣнія и народное недовѣріе и старается подобныя же чувства посѣять и возбудить въ единовѣрныхъ намъ племенахъ Турціи и Австріи. Отъ прежнихъ разнообразныхъ и могущественныхъ средствъ, никакими нѣкогда располагала римская церковь, у нея остались теперь немногія и въ томъ числѣ во всей силѣ еще дѣйствуютъ: упорство въ достиженіи своихъ цѣлей, несмотря на перемѣну духа времени и обстоятельствъ, и изумительная ловкость интриги. Банкротъ въ вѣрѣ по прежнему держитъ себя съ высокообрѣннымъ достоинствомъ и можетъ еще, при своемъ многими вѣками приобрѣтенномъ искусствѣ, найти и нѣкоторое довѣріе на народныхъ биржахъ и въ правительственныхъ сферахъ и воспользоваться простодушіемъ не-

вѣжественныхъ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, а главное, что опаснѣе всего, можетъ сдѣлаться ловкимъ агентомъ въ рукахъ другихъ банкировъ.

(Санкт. Вѣд.)

ЕЩЕ О ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ *).

Въ международно-политическомъ смыслѣ польскій вопросъ сводится собственно къ вопросу о возстановленіи самостоятельнаго польскаго государства. Фанатики возстановленія Польши воображаютъ ее въ прелѣлахъ, которые она имѣла до 1772 года; иные даже—но ужъ это не только фанатики, а просто-на-просто сумасброды—не довольствуются этими предѣлами и требуютъ прирѣзки къ возстановленному польскому государству болѣе или менѣе обширныхъ пространствъ вдоль береговъ Балтійскаго и Чернаго морей. Сумасбродовъ мы оставимъ покуда въ сторонѣ и обратимся къ фанатикамъ. Они приводятъ мысль о возстановленіи Польши преимущественно четырьмя путями: на основаніи историческаго права, международнаго права, начала національностей и мнимо-реальнаго соображенія о политической необходимости для западныхъ государствъ Европы создать твердый оплотъ противъ Россіи.

Разсмотримъ эти доводы по порядку.

Свое историческое право на самобытное государственное существованіе польскіе патріоты опираютъ на томъ историческомъ фактѣ, что ихъ страна нѣкогда была самобытнымъ, и даже могущественнымъ государствомъ, что она перестала быть имъ вслѣдствіе преступныхъ дѣйствій вѣшнихъ враговъ, ея сосѣдей, раздѣлившихъ ее между собою. Черезъ сто или двѣсти лѣтъ не будетъ благоразумнаго человѣка, который счелъ бы подобные историко-юридическіе доводы заслуживающими вниманія; но наше время еще не дошло до этого, и даже отъ людей съ политическимъ тактомъ нерѣдко можно слышать о „великомъ историческомъ преступленіи“, которое Россія, Пруссія и Австрія совершили, уничтоживъ самостоятельный бытъ польскаго государства и раздѣливъ между собою ея территорію. Но при этомъ забываютъ, что

*) См. 8 Кн. Вѣст. Зап. Россіи.

даже бѣглый взглядъ на политическій строй древней Польши долженъ убѣдить каждаго, что въ эпоху паденія этого государства ничто не могло уже спасти его отъ политической смерти. Эту истину исторія доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ. Присмотримся къ политическому устройству польскаго государства, рекомендуя интересующимся научною стороною польскаго вопроса сочиненіе Зигфрида Гюппе: „Verfassung, der Republik Polen“ (Berlin, Ferdinand Schneider, 1867). Нѣкоторыя части этого труда неполны, нѣкоторые вопросы не совсѣмъ вѣрно поняты авторомъ; при всемъ томъ мы считаемъ сочиненіе г. Гюппе необходимымъ руководствомъ для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ государственнымъ правомъ древней Польши, и неимѣющихъ возможности пользоваться подлинными источниками. Жаль только, что изложеніе автора чрезвычайно своеобразно и тяжело.

Экономическая и социальная организація польскаго общества въ главныхъ чертахъ не измѣнялась съ самаго начала XI столѣтія. Общественная жизнь никогда не сосредоточивалась въ городахъ: земледѣліе считалось „лучшею школою государственныхъ людей“, и единственнымъ занятіемъ, достойнымъ польскаго гражданина. Исключительнымъ мѣриломъ общественныхъ различій признавалось землевладѣніе; только владѣвшіе землей на правахъ полной собственности были свободными, равноправными членами государства; кто же собственной земли не имѣлъ—эта категорія съ самыхъ раннихъ временъ составляла огромное большинство населенія—тотъ издавна подвергался гнету и всякаго рода тягостямъ, ибо, по недостатку въ движимомъ богатствѣ, бѣдный классъ былъ вынужденъ исполнять свои обязательства личною службой и натуральными повинностями, то есть вступать въ положеніе несвободныхъ людей. Соціальное неравенство въ Польшѣ обусловливалось исключительнымъ производствомъ сырыхъ продуктовъ и отсутствіемъ денегъ. Когда эти общественныя условія, сложившіяся сами собою и вошедшія въ обычай, получили государственную санкцію то стремленіе класса, съ самаго начала господствовавшаго посредствомъ землевладѣнія, было направлено къ тому, чтобъ не допустить никакихъ измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей. Развитие торговли и промышленности затруднилось; умноженіе производства искусственныхъ цѣнностей было невозможно, потому что оно казалось господствовавшему классу опаснымъ для су-

ществующаго общественнаго строя. „Какъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣверной Америки, такъ и въ Польшѣ, властолюбіе аристократіи одержало верхъ надъ стремленіемъ къ экономическимъ улучшениямъ, и государственное право узаконило въ общественномъ строѣ Польши застой: среди меркантильной Европы громадный анахронизмъ“ (Гюппе).

Какъ господствующій классъ, съ одной стороны, производилъ давленіе внизъ и сплошною стѣной преграждалъ пути экономическому и социальному развитію страны, такъ онъ, съ другой стороны, дѣйствовалъ разлагательно вверхъ и не давалъ установиться твердой государственной власти даже тогда, когда она была въ состояніи спасти государство. Въ этомъ отношеніи нельзя даже сказать, что въ политическомъ строѣ польскаго государства былъ застой; тутъ мы видимъ непрерывное, постепенное разложеніе. По своему составу, государственная власть, въ продолженіе всей исторіи Польши, оставалась неизмѣнною; но въ средѣ учреждений, изъ которыхъ она состояла, произошло значительное переимѣненіе относительно могущества. Вообще же государственной строй Польши былъ такъ своеобразенъ, такъ непохожъ на устройство котораго-нибудь изъ древнѣйшихъ или новѣйшихъ государствъ, что обыкновенные термины политическаго языка не могутъ быть пригнаны къ нему безъ объясненій и оговорокъ. Это, вкстати сказать, составляетъ одинъ изъ источниковъ ошибочныхъ понятій, распространенныхъ относительно Польши въ публикѣ и въ печати; этимъ объясняется то странное явленіе, что большая часть демократическихъ органовъ печати въ Западной Европѣ держитъ сторону Польши. Д-ръ Гюппе, желая, посредствомъ обыкновенной терминологіи, опредѣлить политическій строй польскаго государства, говоритъ, что „Польша до самаго конца представляла демократію съ военною организаціей.“

Здѣсь слово „демократія“, очевидно, не слѣдуетъ понимать въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ въ понятіяхъ современнаго европейскаго общества, даже не въ томъ, которое ему принадлежитъ по этимологіи. Чтобы понять и найти справедливымъ опредѣленіе д-ра Гюппе, нужно помнить, что „демосъ“, народъ, политически не существовалъ въ Польшѣ. Самое слово „pańóć“ въ польскомъ языкѣ не синонимъ русскаго слова „народъ“; и если даже въ наше время польскій авторъ или ораторъ говорить отъ

имени „дѣлаго народа“—замашка общая всѣмъ польскимъ ораторамъ и писателямъ—то не слѣдуетъ полагать, что онъ самъ подъ этимъ словомъ понимаетъ „весь польскій народъ.“ Въ польскомъ языкѣ есть два слова: „pańó“ и „lud“; послѣднее означаетъ народныя массы, престопаодье, тѣ слои населенія, которые въ польскомъ государствѣ составляли переходъ отъ обывателя, отъ полноправнаго гражданина, къ скоту и другимъ предметамъ хозяйственнаго инвентаря; и только часть націи, жившая политической жизнью, обозначалась и до-сихъ-поръ обозначается словомъ „pańó“. Затѣмъ, такъ какъ масса народа, „lud“, считалась политически несуществующею, а съ другой стороны всѣ лица, составлявшія политическую націю, „pańó“, были не только полноправны, но и равноправны, то польскіе глашатаи, указывая на это широкое примѣненіе новѣйшихъ демократическихъ принциповъ, успѣли увѣрить западныхъ публицистовъ въ томъ, будто основу политическаго строя польскаго государства составляли начала, называемыя теперь демократическими, на примѣръ, во Франціи или Германіи. Недоразумѣніе съ одной стороны, и подлогъ съ другой тутъ очевидны.

За совершеннымъ исключеніемъ „ludu,“ будто бы въ числѣ человѣческихъ обитателей Польши его вовсе не было,—„pańó“ дѣйствительно представлялъ политическое общество съ демократическимъ и въ то же время военнымъ устройствомъ.

Первоначально управление общественными дѣлами было сосредоточено въ рукахъ верховнаго вождя вооруженной силы, короля. Затѣмъ, кромѣ верховнаго вождя, еще и начальники частей, на которыя войско раздѣлялось, приобрѣтаютъ значеніе; а такъ какъ въ польскомъ войскѣ, какъ во всякомъ ополченіи, дѣленіе на части было территоріальное, то и частные военачальники сдѣлались въ то же время гражданскими начальниками территоріальныхъ округовъ, воеводствъ, которыхъ свободные жители (szlachta) составляли начальствуемую ими военную часть. Но уже со времени Ягеллоновъ не одни воеводы, а войско въ полномъ составѣ своихъ членовъ начинаетъ ограничивать вліяніе верховнаго вождя, и съ 1573 года оно вторгается во всѣ части администраціи, законодательства, и судопроизводства. Съ этого времени все дворянство представляетъ государственную власть, но власть неспособную къ прогрессивному развитію.

По мѣрѣ того, какъ политическое значеніе дворянскаго сословія, или точнѣе cadaго дворянина, отдѣльно взятаго, возрастало, и онъ сознавалъ себя политически равнымъ не только всѣмъ остальнымъ членамъ своего сословія, но и самому королю, который въ понятіяхъ своихъ подданныхъ былъ „выборное должностное лицо,“—вооруженная сила страны постепенно теряла необходимое качество хорошаго войска—военную дисциплину; если, по словамъ д-ра Гюппе, „польское дворянство въ 17-мъ столѣтіи на своихъ сеймахъ имѣло видъ нравственно распущеннаго войска,“ если съ этого времени его „безпорядочныя совѣщанія, голосованія и заговоры напоминаютъ бунты безначальной арміи,“—то съ другой стороны, по свидѣтельству того же автора, польскіе дворяне, подобно кондотьерамъ средневѣковой Италіи и необузданнымъ волчищамъ тридцатилѣтней войны, уклонялись отъ дѣйствительнаго исполненія воинскихъ обязанностей.

Въ послѣдніе годы политическаго бытія Польши, сеймы обратили вниманіе на недостаточность государственной обороны. Были приняты постановленія объ увеличеніи числительности постояннаго войска, но эти постановленія были неудобноисполнимы, и осуществленіе ихъ разбивалось о совершенную нищету польской государственной казны. Древнее „*jus polonicum*“ предоставляло королю право безъ ограниченія требовать отъ подданныхъ всякаго рода подати и повинности. Легко себѣ представить, какъ это право было ненавистно шляхтѣ. Оно совершенно угасаетъ еще въ 14-мъ вѣкѣ. Мы видѣли причины, по которымъ экономическое положеніе значительнѣйшаго большинства населенія не могло улучшаться. Источники государственныхъ доходовъ не шли, слѣдовательно, въ уровень съ постоянно возрастающими потребностями казны. Кроме того, послѣ отгѣны „*juris polonici*“ подати, поступавшія прежде прямо къ королю, какъ представителю государства, каждый землевладѣлецъ требовалъ и взималъ для своихъ частныхъ цѣлей, и все, что онъ приносилъ въ жертву государству изъ повинностей крестьянъ, поселенныхъ на его землѣ, онъ считалъ личною тратой для себя. Такимъ образомъ сумма государственныхъ податей уменьшилась до самыхъ незначительныхъ размѣровъ, и поступленія ихъ въ казну сдѣлалось неправильнымъ и недоимочнымъ. Словомъ, въ народномъ хозяйствѣ застой, бѣдность, въ государственной казнѣ пустота, отсутствіе постоянныхъ и вѣрныхъ доходовъ,—

вотъ экономическое и финансовое положеніе Польши въ послѣдній періодъ ея самобытнаго существованія, положеніе, въ которое она пришла не по винѣ какого-либо внѣшняго вліянія, а напротивъ, вопреки грознымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, путемъ внутренняго, органическаго, неудержимаго разложенія.

И такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Польша не имѣла ни сильной государственной власти, ни правильно и крѣпко организованной администраціи, ни надежной и достаточно вооруженной силы, ни, наконецъ, постоянныхъ и соразмѣрныхъ потребностямъ государства финансовъ,—словомъ она не представляла ни одного изъ условій, необходимыхъ для государственнаго быта, и тѣмъ болѣе необходимыхъ для Польши въ ея географическомъ положеніи и при разнородномъ этнографическомъ складѣ ея составныхъ частей. Если нѣкогда, напримѣръ при Болеславѣ Смѣломъ, потомъ отъ Ягеллы до Стефана Баторія, и даже еще въ началѣ 17-го столѣтія, Польша была первенствующею державою въ восточной Европѣ, то этимъ политическимъ значеніемъ она была обязана не своему абсолютному, соразмѣрному своей государственной территоріи, могуществу, а исключительно безсилію сосѣдей.

Еслибъ Польша, вмѣсто своихъ „мексиканскихъ“ экспедицій въ Москву во время самозванцевъ, приняла дѣятельное участіе въ тридцати-лѣтней войнѣ, еслибъ имя ея, въ числѣ другихъ европейскихъ государствъ, стояло подъ вестфальскимъ договоромъ и она стала одною изъ поручительницъ этого договора, установившаго вплоть до семилѣтней войны, и даже до французской революціи европейское международное право, то вся Европа была бы заинтересована въ самобытномъ существованіи польскаго государства. Но Польша, неучастіемъ своимъ въ этомъ громадномъ кризисѣ, заявила себя ненужнымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, и исчезла не только безъ всеобщаго переворота, но почти нечувствительнымъ для Европы образомъ. Въ то самое время, когда процессъ внутренняго разложенія польскаго государства уже охватывалъ весь организмъ его, сосѣднія государства шли быстрыми шагами къ національному единству и политическому могуществу. Въ нихъ выяснились территоріальныя условія государственнаго величія, къ которому они стремились. На пути къ достиженію своей цѣли они встрѣтили преграду,—разлагающееся государство; они устранили эту преграду, и Польши не стало.

Д-ръ Гюппе полагаетъ, что еще при Августѣ II Польша могла бы быть спасена введеніемъ единовластія. Да, еслибъ первымъ дѣйствіемъ полновластнаго короля была кровавая борьба съ польскимъ дворянствомъ, которое никогда добровольно не поступилось бы своими вѣковыми правами. Но даже и самъ Неронъ едва ли рѣшился бы на такую радикальную мѣру, и потому трудно согласиться въ этомъ случаѣ съ почтеннымъ нѣмецкимъ ученымъ. Для органическихъ преобразованій, для призванія массы народа къ социальнымъ правамъ и политической жизни, для воодушевленія ея патриотическими чувствами, уже было слишкомъ поздно; больной Польшѣ не оставалось уже столько жить, чтобъ лекарство могло подѣйствовать. Опыты, сдѣланные въ послѣднюю минуту для спасенія польскаго государства, и выразившіеся въ конституціи 3-го мая 1791 года всѣмъ извѣстны.

(С. Петер. Внд.)

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій* сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя свѣденія изъ своихъ бесѣдъ съ мировымъ посредникомъ Вилен. губ. «Въ Виленскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Свенцинскимъ есть село Маньковичи. Это, во время оно, было имѣніе Жабы—помѣщика, воеводы дисненскаго, знаменитаго тирана. Часть зданій тамъ стоитъ теперь не занятою. Врачны и суровы онѣ, какъ все ихъ прошедшее. Прибывши въ Маньковичи, нашъ собесѣдникъ остановился на мызѣ. Ему дали обширную квартиру, угрюмо встрѣтившую новаго гостя. Въ квартирѣ стояла громадная желѣзная, складная кровать. Вошедши въ назначенную квартиру, онъ сейчасъ почувствовалъ, что вѣроятно, эта квартира давно не видала живаго жильца; главное его страшно обдало какимъ то лазаретнымъ запахомъ съ прииѣсью аптекарскихъ медикаментовъ. Нечего было думать. Уставши отъ продолжительнаго пути, онъ требовалъ отдыха, и радъ былъ, что нашелъ и такой пріютъ. Вставши на другой день, онъ началъ присматриваться къ окружающей обстановкѣ. Скоро явил-

ся къ нему управляющій имѣніемъ. Знаете ли, спросилъ послѣдній, въ какой комнатѣ вы проводили ночь? Здѣсь былъ нѣкоторое время лазаретъ французовъ, когда они пришли было на Россію; а вотъ на этой самой кровати спалъ ихній генераль (была названа фамилія: я забылъ); послѣ битвы при Студянкѣ (Борисовскаго уѣзда, Минск. губ.), которая рѣшила судьбу французовъ, здѣсь происходило новое побоище, очистившее окончательно отъ нихъ это мѣсто. Съ тѣхъ поръ эта квартира такъ остается; говорятъ, прибавилъ онъ, что каждую ночь здѣсь слышатся какіе-то стоны могильные. Посредникъ замѣтилъ ему, что стоновъ никакихъ онъ не слышалъ, хотя очень чувствуетъ больничный запахъ. Слишкомъ полвѣка прошло съ той памятной для насъ поры, а тамъ многое продолжаетъ жить еще той жизнію; самая атмосфера еще остается тамъ какъ бы 1812 г.; дѣйствительно, нельзя не назвать подобныхъ мѣстъ глушью, страшною глушью.

Когда потомъ нашъ собесѣдникъ пошелъ въ сопровожденіи крестьянъ осматривать зданія мызы, то здѣсь ему, между прочимъ, указали подземелье, въ которое бывший помѣщикъ Жаба бросалъ людей и морилъ ихъ тамъ. Вотъ остатки того виднотолотаго вѣка польской анархіи, въ которой одной многіе видѣли благоденствіе народа, спасеніе края. И какъ бы вы думали, о комъ сохранилась здѣсь благодарная память? О блаженной памяти Павлѣ Петровичѣ. Говорятъ, что когда онъ былъ здѣсь проѣздомъ въ Минскъ, то крестьянамъ какъ-то удалось довести до его свѣденія о страшныхъ безобразіяхъ, мучительствахъ Жабы. Не долго задумываясь, Павелъ Петровичъ велѣлъ явиться ему въ Петербургъ и тамъ яко бы распорядился высѣчь его розгами. Сильнѣе прежняго закипѣлъ гнѣвъ гордаго пана. Онъ еще жесточе сталъ обращаться съ своими крестьянами. Выведенные въ свою очередь изъ терпѣнія, они порѣшили его убить.

Образецъ такого же звѣрства, если еще не большаго, указывали ему въ другомъ мѣстѣ Виленскаго уѣзда въ м. Мадриолахъ. До сихъ поръ сохраняются тамъ гробы Кошицовъ помѣщиковъ, бывшихъ фундаторовъ самаго мѣстечка. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ довольно многочисленное семейство и все дочеру; а

ему непремѣнно хотѣлось имѣть сына. Наконецъ, явился у него сынъ; но случилось такъ, что мамка заспала его. Тогда этотъ помѣщикъ приказалъ строить каменный столбъ и внутри его заключить несчастную, живую кормилицу. Воля всемогущаго тогда пана была исполнена, и скоро явился отстроенный столбъ съ заключеннымъ навсегда внутри его живымъ человѣкомъ. Чтобы никто не могъ помочь какииъ бы то ни было образомъ несчастной жертвѣ, самъ Кощизъ, говорятъ, нѣсколько дней сряду сторожилъ ее изъ окопъ своего дома съ заряженнымъ ружьемъ. Этотъ столбъ красуется и до сихъ поръ, и конечно, очень краснорѣчиво говоритъ о счастливыхъ временахъ бывшаго польскаго владычества.

(Мин. Губ. Вѣд.)

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ИЗЪ ЛАТИНСТВА.

Побѣдоносное вліяніе православной церкви, въ особенно поразительномъ свѣтѣ, обнаружилось въ многочисленныхъ присоединеніяхъ къ ней изъ латинства, начавшихся еще въ 1865 году въ Западномъ краѣ, преимущественно въ епархіяхъ литовской, минской и отчасти полоцкой. Здѣсь присоединялись цѣлыя семейства, даже цѣлыя католическіе приходы. Такъ, въ мѣстечкѣ Николаевщинѣ минской епархіи, приняли православіе прихожане римско-католическаго исповѣданія, числомъ до 700, не считая дѣтей. Тоже было въ ми. Вѣницѣ и Воложинѣ, Опшянскаго уѣзда. Многіе костелы остались вовсе безъ прихожанъ. Въ одномъ Воложинѣ новообращенные составили съ древле-православными большою приходъ, свыше 6,000 душъ. Общее число лицъ, оставившихъ латинство, простирается въ литовской епархіи, въ 1866 году, до 25,194, не включая сюда 4,254 человѣкъ принятыхъ въ лоно церкви въ 1865 году; а въ минской до 20 тысячъ. Не одни простолюдины переходили въ православіе, но и лица образованныхъ классовъ: въ Кіевѣ подполковникъ Сѣмашко съ своимъ семействомъ; въ литовской епархіи князь Радзивилъ, князь Любецкій, помѣщики: Лонацинскій, Деспотъ-Зеновичъ, Бѣлинскій, Веллингъ, многіе чиновники, дворянѣ и нѣсколько всендзовъ.

Присоединенія въ большомъ числѣ начались почти непосредственно за подавленіемъ тамъ польскаго мятежа и по всемилостивѣйшемъ дарованіи населеніямъ западныхъ губерній разныхъ гражданскихъ правъ. Предоставленіе ихъ, усиленіе въ край чисто русскаго элемента и принятіе другихъ мѣръ неминуемо повлекли за собою ослабленіе прежняго вліянія на народъ со стороны польщины и ксендзовъ, довѣріе къ которымъ и безъ того уже сильно поколебалось вслѣдствіе преступнаго ихъ повѣдѣнія во время послѣдняго мятежа. Къ тому же значительное число присоединившихся были русскаго происхожденія, совращенные нѣкогда въ латинство изъ православія или изъ униі, а нынѣ добровольно оставившіе то, къ чему предки ихъ принуждены были силою. Такъ присоединенные къ православной церкви 573 человекъ крестьянъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Виленскаго уѣзда, всѣ русскіе, — отцы и дѣды которыхъ совращены въ латинство доминиканами. Тоже должно сказать о новоприсоединенныхъ крестьянахъ къ Рудоминѣ и Рукоиняхъ, Виленскаго уѣзда, и въ Брѣвѣ Ошмянскаго уѣзда, князь Александръ Друцкой-Любецкій принадлежитъ къ потомкамъ того князя Павла Друцкого-Любецкаго, который еще въ 1617 году былъ въ числѣ учредителей лудскаго братства, основаннаго для отпора нападкамъ римско-католицизма и униі. Благотворное также вліяніе имѣлъ переходъ въ православіе самихъ ксендзовъ, и въ особенности ксендза подбережскаго прихода, Іоанна Стрѣлецкаго, принятаго въ число членовъ литовской православной паствы съ оставленіемъ въ санѣ священства. Путемъ изученія духовной литературы, дойдя до убѣжденія въ истинности восточной церкви, Стрѣлецкій своими наставленіями и примѣромъ содѣйствовалъ обращенію въ православіе болѣе 1,500 прежнихъ своихъ прихожанъ. Въ новомъ званіи настоятеля православнаго прихода, Стрѣлецкій выказалъ замѣчательное безкорыстіе. Онъ добровольно отказался отъ вознагражденія за требы, и вся сумма получаемаго имъ нынѣ содержанія не превышаетъ 600 руб. въ годъ, тогда какъ прежде, въ бытность ксендзомъ, онъ получалъ 400 р. жалованья и до 1,000 р. дохода съ прихожанъ.

Умноженіе православной паствы десятками тысячъ присоеди-

ившихся изъ латинства, вызвало усиленную дѣятельность со стороны мѣстнаго духовенства и епархіальныхъ начальствъ. Скоро являлась потребность въ образованіи новыхъ православныхъ приходовъ и въ сооружеіи храмовъ. По одной литовской епархіи въ послѣдніе два года учреждено, съ разрѣшенія святѣйшаго сѣнода, 19 новыхъ приходовъ, на Высочайше ассигнованные 500 т. руб. въ теченіе пяти лѣтъ, на средства, указанные мѣстною администраціею, и на способы, доставленные прихожанами работою, матеріалами и деньгами, построено 57 новыхъ церквей, въ томъ числѣ 40 каменныхъ, при полномъ содѣйствіи къ тому со стороны гражданскихъ властей, устроившихъ для этой цѣли губернскіе, уѣздные и мѣстные комитеты, въ которыхъ отъ духовенства были депутаты.

Въ самомъ центрѣ сѣверо-западнаго края, въ Вильнѣ, дѣятельно производилось возстановленіе древнихъ памятниковъ русской святыни. Согласно Высочайше утвержденному представленію бывшаго начальника края, графа Муравьева, обновлена уже древняя Николаевская приходская церковь; возстановлена еще древнѣйшая ея церковь Пятницкая, великолѣпно обновлены соборы кафедральный Николаевскій и митрополичій Пречистенскій. Такимъ образомъ древняя столица литовскихъ князей съ своими десятью православными храмами снова принимаетъ, послѣ вѣковыхъ невзгодъ, видъ вполне русскаго города.

Въ то же время въ западныхъ епархіяхъ продолжается постоянное развитіе чисто православныхъ учреждений, которыя должны служить разсадниками вѣры, благочестія и русскихъ началъ въ тамошнемъ православномъ населеніи. Еще въ концѣ 1864 г. въ сихъ именно видахъ, былъ основанъ въ Вильнѣ первоклассный женскій Маріинскій монастырь, съ пріютомъ при немъ для воспитанія сиротъ духовенства и дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ. Въ 1866 г. монастырь этотъ, по ходатайству бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанта Кауфмана и согласно Высочайше утвержденномъ Государемъ Императоромъ опредѣленію Святѣйшаго Сѣнода, переименованъ въ общежительный, съ цѣлію освобожденія инокинь

отъ личныхъ заботъ о собственномъ содержаніи и предоставленіи имъ полной возможности все-цѣло посвятить себя на дѣло своего служенія. Игуменья и монахини для него вызваны изъ Москвы. Теперь онъ имѣетъ до 45 сестеръ и устраивается въ матеріальномъ отношеніи. Пастырская дѣятельность епархіальныхъ начальствъ и приходскаго духовенства въ западномъ краѣ, во всѣхъ потребныхъ случаяхъ, всегда находила себѣ поддержку со стороны свѣтѣйшаго Синода. По его распоряженію и въ 1866 году, въ видахъ уничтоженія книгъ уніятскаго типа, безмездно отпускаемы были церковно-богослужебныя книги, изданія синодальной типографіи, для церквей епархій: подольской 965 экз., минской 246 и волынской 34. Сверхъ того, снабжены книгами многія вновь устроенныя церкви въ литовской, минской и могилевской епархіяхъ. Расходъ на этотъ предметъ составилъ сумму въ 20,691 р. 93 к. (*Волинск. Еп. Вѣд.*)

РЕФОРМЫ, ПРИНЯТЫЯ ПОСЛѢ МЯТЕЖА 1831 ГОДА, ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛОЖЕНІЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССИИ.

Послѣ мятежа 1831 года, вслѣдствіе дѣятельнаго участія принятаго въ немъ римско-католическимъ духовенствомъ, русское правительство предпріяло рядъ органическихъ мѣръ относительно положенія католической церкви въ Россіи. Но эти мѣры были задуманы при совершенномъ незнакомствѣ съ католическимъ вопросомъ не только русскаго общества, но и большинства администраціи. Послѣ мятежа 1863 года мы видимъ иное. Русская печать разъяснила необходимость многихъ серіозныхъ реформъ по католическому вопросу въ Россіи, пробудила живое участіе къ нему общества. Тѣмъ не менѣе однакожъ мѣры тридцатыхъ годовъ, упраздненныя на практикѣ въ пятидесятыхъ, далеко оставляютъ за собою все что мы успѣли исполнить на дѣлѣ послѣ 1863 года.

Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о самыхъ важныхъ реформахъ, введенныхъ послѣ 1831 года по католическому вопросу. Андрей Венедиктъ Блонгевичъ, виленскій епископъ съ 1831 по

1841 г., былъ для императора Николая своего рода Сестренцевичемъ.

Въ Польшѣ, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, издревле существовалъ законъ каноническій, въ силу коего епископы обязаны назначать извѣстные сборники проповѣдей въ руководство священникамъ. Польскіе епископы строго наблюдали за тѣмъ, чтобы ксендзы, руководствуясь одобренными сборниками, не проводили въ проповѣдяхъ ничего несогласнаго съ разумомъ Евангелія и съ ихъ духовно-пастырскими обязанностями*).

Послѣ паденія Польши, подъ нашимъ правительствомъ, ксендзы обратили проповѣди въ провозвѣстники мятежа и ненависти къ Россіи, особенно во время возстанія 1831 года **).

Виленскій епископъ Андрей Венедиктъ Клонгевичъ, человекъ весьма ученый, человекъолюбивый и добросовѣсный ***) , не могъ не обратить вниманія на грубое злоупотребленіе ксендзовъ въ дѣлѣ проповѣдей; онъ твердо настоялъ на томъ ****), чтобы ксендзы проносили проповѣди не иначе какъ по руководствамъ, или же представляли проповѣди своего сочиненія, прежде произнесенія ихъ, ксендзамъ-цензорамъ, назначеннымъ для этого по два въ каждомъ благочиніи. Въ руководство ксендзовъ Клонгевичъ назначилъ проповѣди извѣстныхъ польскихъ проповѣдниковъ, ксендзовъ Блѣбесскаго и Филипецкаго. Распоряженіе виленскаго епископа, основанное на долгой практикѣ римской церкви и утвержденное другими епископами и мѣстными собраніями священниковъ, русское правительство одобрило и велѣло исполнять во всѣхъ епархіяхъ западнаго края. Ежегодно въ церковныхъ календаряхъ (рубрицеляхъ) означалось, кто изъ числа священниковъ назначается въ цензоры проповѣдей, въ настоящее время, послѣ 1863 года, перестали обращать вниманіе на эту формальность, и по рубрицел-

*) Постановленіе гнезненскихъ синодовъ съ 1561, 1579 и 1628 годовъ. *Rituale romanum* Царства Польскаго. Краковъ 1647 г.

***) Делевель: *Polska odradzająca się*, Брюссель 1836 г.

****) *Encyklopedia powszechna*, т. XIX.

*****) Примѣненіе сего закона весьма не правилось полякамъ нашего времени. См. *Zasady Kaznodziejstwa*, соч. кс. Литницкаго. Вильна 1860 г.

ламъ виленской и минской епархій мы уже не видимъ назначенныхъ цензоровъ. Самый же законъ о проповѣдяхъ исполнялся лишь до кызда изъ Вильны И. Г. Бибкова, въ 1855 году. Съ тѣхъ поръ по настоящее время, ксендзы чаще произносятъ проповѣди своего произведенія, не только безъ предварительнаго одобренія, но и безъ изложенія ихъ на бумагѣ; это дѣлается для того, чтобы не было поличнаго въ случаѣ противоправительственныхъ проповѣдей.

Въ наше время, при разработкѣ вопроса о введеніи русскаго языка въ добавочное католическое богослуженіе, стало общезвѣстно, что еще въ 1832 году состоялось высочайшее повелѣніе совершать молебствіе за Августѣйшій Домъ на мѣстномъ языкѣ большинства населенія, т. е. на русскомъ; но лишь въ нынѣшнемъ году нѣкоторые священники начинаютъ исполнять это распоряженіе, напримѣръ ксендзъ Сморчевскій. Въ слѣдующемъ 1833 году высочайше повелѣно обучать воспитанниковъ католическихъ семинарій произношенію проповѣдей на мѣстномъ, т. е. русскомъ языкѣ. Что въ этомъ высочайшемъ повелѣніи слово *мѣстный* означаетъ русскій языкъ видно изъ того же Высочайшаго повелѣнія, въ которомъ повелѣно *въ науки въ католическихъ семинаріяхъ западнаго края преподавать не иначе какъ по латыни или по-русски*; и поэтому, кеедра польскаго языка тогда же упразднена. Ксендзы тридцатыхъ годовъ сознавали, что народный языкъ здѣшняго края русскій, и названное высочайшее повелѣніе отъ 1833 года понимали въ вышеназложенномъ нами смыслѣ. Въ Вильнѣ изданъ католическій катихизисъ *на русскомъ языкѣ*, одобренный профессоромъ богословія виленскаго университета священникомъ Антономъ Фіалковскимъ (онъ же въ послѣдствіи епископъ) и напечатанный въ типографіи виленской католической епархіи. Но въ этомъ катихизисѣ о римскомъ папѣ не говорится ни слова, и потому катихизисъ, одобренный Фіалковскимъ, не былъ въ строгомъ смыслѣ католическимъ катихизисомъ на русскомъ языкѣ. Въ 1818 году, въ Петербургѣ, священникъ Даміанъ Іодзевичъ издалъ другой русскій католическій катихизисъ, а въ 1822 году, въ Вильнѣ напечатанъ и третій, составленный священникомъ Ксаверіемъ Рап-

чинским *). Изданіе трехъ выше-названныхъ русскихъ католическихъ катихизисовъ указываетъ на то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что не только въ 20 и 30 годахъ, но и до настоящаго времени, въ большинствѣ здѣшнихъ католическихъ приходоу, ксендзы принуждены употреблять русскій языкъ, или, точнѣе, бѣлорусское и малорусское нарѣчія, въ бесѣдахъ съ прихожанами, и даже дѣло обрусенія католицизма продолжалось послѣ 1831 года усердно и шло недурно. Послѣ мятежа 1831 года, ни для кого не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что императоръ Николай рѣшительно стремится къ окончательному изгнанію польскаго языка и всякой польщизны изъ западнаго края. Для противоудѣйствія императору и для воспрепятствованія уніатамъ воссоединиться съ православною церковью, поляки прибѣгли, какъ къ вѣрнѣйшему средству, къ старшіямъ ввести польскій языкъ въ уніатское употребленіе. Бывшимъ іезуитомъ ксендзомъ Шантыремъ переведены литургическія и другія церковныя книги уніатовъ на польскій языкъ, но эта попытка ввести между уніатами польскія литургическія книги не удалась.

Здѣсь кстати замѣтить, что И. Г. Бибиговъ, виленскій генералъ-губернаторъ, онъ же и попечитель виленскаго учебнаго округа, около 1852 года, усиленно хлопоталъ объ изгнаніи польскаго языка изъ религіозной практики католиковъ и о замѣнѣ его русскимъ. Въѣстъ съ своимъ мнѣніемъ по этому вопросу, Бибиговъ представилъ въ Петербургъ одинъ экземпляръ выше названнаго католическаго катихизиса, писаннаго священникомъ Рапчинскимъ **). По всей вѣроятности, отсюда возникъ католическій катихизисъ,

*) Jocher: „Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce“ т. 3, стр. 203 и 204, № 2,851 и 2,854. Въ виленской публичной бібліотекѣ находится рукопись четвертаго католическаго катихизиса, написаннаго какимъ-то ксендзомъ, по всей вѣроятности въ 30 или въ началѣ 40 годовъ.

**) Гарасевичъ: *Annales Ecclesiae Ruthenae*, Львовъ 1863 г.

**) Я получилъ эти свѣдѣнія отъ двухъ человѣкъ принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ; даже одинъ изъ нихъ, священникъ православный, предложилъ свой собственный экземпляръ католическаго катихизиса И. Г. Бибигову для отсылки въ Петербургъ.

написанный священником Стацевичемъ, одобренный митрополитомъ, извѣстными польскими писателями, И. Головинскимъ, въ 1853 году, и введенъ тогда же въ военно-учебныя заведенія, а въ 1865 году въ гражданскія учебныя заведенія.

По распоряженію виланскаго епископа Клонгевича, издано въ Вильнѣ, впервые въ 1832 году, извѣстное *Толкованіе четвертой заповѣди Господней касательно свѣтскаго правительства*. Толкованіе это одобрено не однимъ Клонгевичемъ, но и другими здѣшними католическими епископами, — и введено во все учебныя заведенія здѣшняго края; оно перестало употребляться въ училищахъ лишь въ концѣ 54-хъ годовъ, то-есть, когда предоставлено учителямъ право самимъ избирать руководства. Намъ кажется, что названное *Толкованіе* слѣдовало бы издавать не особою книжечкой и не въ видѣ приложенія къ катихизису, какъ это дѣлалось прежде, напротивъ, весьма полезно помѣстить оное въ самомъ катихизисѣ, въ видѣ особой главы. Приведемъ дѣсь самый текстъ въ русскомъ переводѣ.

«В. Къ чему наша вѣра (религія) обязываетъ насъ, въ отношенія къ единоражному всероссійскому императору?

«О. Обязываетъ уважать и любить императора, ему повиноваться, желать всякаго добра и молить Бога о немъ.

«В. Обязаны ли мы уважать не только императора, но и правительственныя власти и имъ повиноваться?

«О. Конечно, обязаны; ибо онѣ представляютъ извѣстную часть правительства, порученную имъ императоромъ; онѣ установлены закономъ и необходимы для государственнаго порядка.

«В. Обязаны ли мы любить наше отчество Россію?

«О. Дѣйствительно мы обязаны любить наше отчество Россію, желать всякаго добра и служить ей вѣрно и съ самопожертвованіемъ, т.-е. какъ требуютъ законы и воля императора.

«В. Въ самомъ ли дѣлѣ это требуется отъ насъ вѣрой?

«О, Требуется, какъ видно изъ Св. Евангелія и другихъ книгъ Священнаго Писанія*).

*) Евангеліе отъ Матвея гл. XXII.—1, посланіе апостола Петра гл. II.—Посланіе апостола Павла къ римлянамъ гл. XIII; къ ефесямъ гл. VI; къ Тимошею гл. II.—Псаломъ XIX.

«В. Какимъ образомъ это требуется вѣрою.

«О. Христіанская вѣра наставляетъ и учитъ насъ, что всякая власть, по преимуществу же высочайшая власть государя, установлена Самимъ Богомъ, установлена потому, что, безъ нея нѣтъ ни мира, ни безопасности, ни благоденствія въ государствѣ, а слѣдовательно нѣтъ и вѣчнаго спасенія души.

«В. Считается ли грѣхомъ неуваженіе, невѣрность, мятежъ и измѣна государю?

«О. Считается, и притомъ смертнымъ грѣхомъ; ибо говорится въ священномъ Писаніи, что тѣ, кто сопротивляются правительству, противятся Самому Богу и будутъ лишены вѣчнаго спасенія души.

«В. Нѣтъ ли въ костелѣ католическомъ обычая совершать всенародныя молебствія за государя и за всѣ сословія отчества?

«О. есть; этотъ обычай существуетъ въ католическомъ костелѣ съ первыхъ дней христіанства и существовать не перестанетъ до конца міра, какъ доказательство истиннаго доброжелательства монарху и общему благу и для снисканія Господней благодати, ибо говорится въ Священномъ Писаніи, что сіи молебствія угодны Богу.»

(Сов. Лѣт.)

ПОДЛОЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФАЛЬШИВЫЕ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ (*).

Первыя свѣдѣнія о поддѣлкѣ дворянскихъ документовъ относятся еще въ концу двадцатыхъ годовъ, нашего столѣтія, когда правительство, получивъ опредѣленные свѣдѣнія объ означенныхъ подлогахъ, стало обращать вниманіе на это государственной важности дѣло. Еще въ двадцатыхъ годахъ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, при производствѣ дѣлъ объ утвержденіи разныхъ лицъ въ дворянствѣ, отвергнулъ весьма много свидѣтельствъ, представленныхъ ему депутатскими собраніями, на

(*) Приводимъ изъ весьма интересныхъ статей по этому предмету газеты «Кіевлянинъ» сводъ извлеченныхъ изъ полнаго собранія законовъ распоряженій правительства, касательно подложныхъ документовъ дворянъ зап. губерній.

основаніи, конечно, ихъ сомнительности или подложности. Эта мѣра со стороны департамента герольдіи, мѣра, выраженная въ категорической и рѣшительной формѣ, не могла остановить шляхты, стремившейся изо всѣхъ силъ попасть въ руссiйское дворянство: она нашла себѣ поддержку въ уѣздныхъ и губернскихъ маршалахъ, которые осмѣлились входить къ высшимъ правительственнымъ властямъ съ различными домогательствами относительно признанія представленныхъ депутатскими собраніями свидѣтельствъ дѣйствительными и законными. Протесты могилевскаго и виленскаго губернскаго маршала противъ дѣйствій департамента герольдіи были, между прочимъ, рассмотрѣны въ 1828 г. по высочайшему повелѣнію въ государственномъ совѣтѣ, который мнѣніемъ положилъ: „Внушить претендующимъ маршаламъ чрезъ губернскія правленія, дабы состоящія въ вѣдомствѣ ихъ депутатскія собранія слѣдовали точному изложенныхъ правилъ разуму, и чтобы сами сіи маршалы впредь отнюдь не отваживались входить съ подобными недѣльными протестами, въ напрасное обремененіе высшихъ правительствъ; но какъ примѣчены уже многіи злоупотребленія по депутатскимъ собраніямъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, то, для усиленія мѣръ къ удержанію отъ того на будущее время, постановить закономъ, что буде и за сими подтвержденіемъ допущены будутъ ими произвольныя дѣйствія, неослабно подвергать виновныхъ той самой отвѣтственности, какая на подобные случаи изображена въ конституціяхъ, тому краю изданныхъ“ и проч. (II. с. з. № 1773).

За тѣмъ, въ видахъ пресѣченія злоупотребленій депутатскихъ собраній по перечисленію разныхъ лицъ въ дворянское достоинство, комитетъ министровъ, положеніемъ отъ 18 ноября 1830 г., установилъ особыя правила удостовѣренія въ происхожденіи дворянскихъ фамилій въ губерніяхъ остзейскихъ и присоединенныхъ отъ Польши (II. с. з. № 4104).

Между тѣмъ правительство, принявъ во вниманіе многочисленность сословія шляхты, неопредѣленность правъ и обязанностей ея и смѣшеніе подъ именемъ шляхты дѣйствительныхъ дворян съ лицами, ничемъ не доказавшими своихъ правъ на дворянство, постановило: „положивъ рѣшительный предѣлъ дальнѣйшему присвоенію себѣ дворянскихъ правъ лицами, непричастными къ дворянству, ни по ихъ происхожденію, ни по общимъ правамъ службъ,

основать положеніе ихъ на началахъ болѣе прочныхъ“. Вслѣдствіе чего, именнымъ указомъ отъ 19 октября 1831 г. повелѣно: установить различіе между дѣйствительными шляхтичами, т. е., доказавшими установленнымъ порядкомъ свое дворянство и призванными въ ономъ герольдію, и между лицами, считающими себя шляхтичами безъ утвержденія присвоеннаго ими себѣ достоинства законными доказательствами. Первымъ—сохранить всѣ права и преимущества, дарованныя дворянамъ Россійской Имперіи, и именоваться имъ уже не „шляхтами“, а „дворянами“. Что же касается шляхты, не доказавшей дворянства, то она раздѣляется впредь, по мѣсту ея жительства, на сельскую и городскую: сельскимъ шляхтичамъ присвоится названіе „однодворцевъ“, водворенные же въ городахъ именуется „гражданами“. Какъ тѣ, такъ и другіе должны быть немедленно приведены въ точную извѣстность, съ составленіемъ имъ посемейныхъ списковъ. Вся шляхта, недоказавшая дворянства, должна приписаться въ одинъ изъ этихъ разрядовъ въ теченіе года, со дня обнаруженія указа; съ тѣми же, которые по истеченіи этого срока окажутся никуда не приписанными, поступать какъ съ бродягами, на основаніи общихъ узаконеній. Со всѣхъ однодворцевъ и гражданъ, именовавшихся до сихъ поръ шляхтою, устанавливаются денежные сборы въ общіе государственные доходы и отправленіе воинской повинности, взаимѣнъ прежняго посполитаго руненя, составлявшаго обязанность шляхты. Что касается этой повинности, то въ указѣ сказано: „Во уваженіе долговременной льготы, коею отъ самаго возвращенія западныхъ областей къ Россіи люди сіи пользовались въ означенной повинности, прежними установленіями, положительно на нихъ возложенной, и для нѣкотораго уравненія сего сословія съ другими, по послѣднимъ обстоятельствамъ сугубую тягость понесшими,—со всѣхъ недоказавшихъ дворянства, безъ различія именованій и мѣстъ приписки, кромѣ почетныхъ гражданъ, имѣеть быть обращено въ военную службу на первый разъ одновременно съ 500 душъ по 10. (II. с. з. № 4868).

Не прошло и двухъ лѣтъ съ изданія этого послѣдняго указа, какъ до свѣдѣнія государя доведено было объ открытыхъ въ западныхъ губерніяхъ подѣлахъ фальшивыхъ документовъ. Собственно виновные открыты были въ Вильнѣ и въ бывшихъ са-

могилскихъ уѣздахъ, но послѣдствія этого открытія были распро-
странены на всѣ нынѣшнія западныя губерніи. По Высочай-
шему повелѣнію произведено было разысканіе, по которому ока-
залось всего девять человѣкъ главныхъ дѣятелей по поддѣлкѣ
фальшивыхъ документовъ. Въ 1833 г. состоялся именной указъ
которымъ повелѣно: 1) Виновныхъ судить по всей строгости за-
кона. 2) Для предупрежденія дальнѣйшихъ подлоговъ въ метри-
ческихъ и актовыхъ книгахъ прошедшаго времени, оныя скрѣпить
и, перечертя пробѣлы, прошнуровать и запечатать, возложивъ сіе
на *особыя коммисіи*, кои состоятъ изъ чиновниковъ министерства
внутр. дѣлъ, юстиціи и корпуса жандармовъ, съ прикомандиро-
ваніемъ къ нимъ каждой губерніи губернскаго страпчачаго. Этихъ
коммисій было три: одна для губерній Виленской, Гродненской
и Бѣлостокской области, другая—для Кіевской, Волынской и По-
дольской, третья—для Могилевской, Витебской и Минской губер-
ній. 3. Возложить на духовенство губерній, отъ Польши возвра-
щенныхъ, обязанность доставлять ежегодно въ уѣздные суды, чрезъ
декановъ ихъ и мѣстнаго настоятеля, вѣрныя и точныя коніи
метрикъ, какія представляются епархіальному начальству, и что-
бы заглавія подлинныхъ шнуровыхъ и метрическихъ книгъ были
ненисьменныя, а печатныя. 4. Сторожайше подтвердить двор-
янскимъ депутатскимъ собраніямъ возвращенныхъ отъ Польши гу-
берній, дабы, при производствѣ дѣлъ о дворянскомъ происхожде-
ніи, обращали они тщательнѣйшее вниманіе на всѣ документы,
особенно же на патенты, стараясь, всемѣрно открыть, не писаны
ли оныя въ позднѣйшее время на королевскихъ бланкахъ. 5)
Королевскіе бланкеты, находящіеся у частныхъ лицъ, должны
быть истребованы главными мѣстными начальствами, назначивъ
для представленія оныхъ шестимѣсячный срокъ, съ тѣмъ, что
лица, у которыхъ таковые впослѣдствіи окажутся, будутъ под-
вергнуты строгому взыскацію по законамъ. (II. с. з. № 6644).

По этому высочайшему повелѣнію, въ 1833 году учреждены
были особыя коммисіи для разсмотрѣнія метрическихъ и актовыхъ
книгъ западныхъ губерній; онѣ обязаны были прошнуровать и
припечатать книги, перечеркнуть находящіеся въ нихъ пробѣлы
и сдѣлать свои замѣчанія, въ случаѣ могущаго встрѣтиться со-
мнѣнія въ подлинности акта. Какъ вели дѣло эти коммисіи,
видно изъ того, что онѣ не дали себѣ даже труда скрѣпить и

принецатать всѣ актовыя книги и поверечеркивать встрѣчающіеся въ нихъ пробѣлы, чѣмъ доставили позднѣйшимъ поддѣльщикамъ возможность прикрывать свои подлоги авторитетомъ самихъ этихъ комиссій.

Высшее правительство энергично, но безуспѣшно старалось пресѣчь всѣ эти злоупотребленія. Полагая, что ревизіонныя комиссіи сдѣлали свое дѣло исполнѣ добросовѣстно, указъ 7 апрѣля 1836 года обязываетъ присутственныя мѣста западныхъ губерній, при выдачѣ копій съ находящихся въ актовыхъ книгахъ документовъ, означить и всѣ сдѣланныя комиссіями замѣчанія въ этихъ документахъ. Но и это даже, вѣроятно, исполнялось плохо: уже черезъ три года (16 октябрѣ 1839 г.) встречаемъ новое *подтвержденіе* по этому предмету. Скоро послѣ того 4 января 1846 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета по дѣламъ западныхъ губерній, повелѣно ревизіоннымъ комиссіямъ и депутатскимъ собраніямъ, въ предупрежденіе всякаго подлога въ документахъ, служащихъ основаніемъ дворянства, о каждой выпискѣ изъ судебныхъ актовъ, долженствующей имѣть значеніе законнаго доказательства, требовать чрезъ уѣздныхъ стражчихъ справки и удостовѣренія въ вѣроятности съ подлинными актовыми книгами, — конечно, на основаніи тѣхъ отиѣтокъ, которыя должны были быть сдѣланы ревизіонными комиссіями на документахъ, признанныхъ ими сомнительными. Эти отиѣтки, сверхъ общихъ распоряженій, должны быть надлежащимъ образомъ опубликованы, и объ уничтоженныхъ документахъ должно быть также напечатано въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (П. с. з. № 13048). Изъ этого видно, что до вышеозначеннаго распоряженія подобныя справки и сличенія не требовались, и документы принимались депутатскими собраніями почти что на вѣру.

Но какъ бы правительство ни было убѣждено въ томъ, что вышеупомянутыя ревизіонныя комиссіи сдѣлали свое дѣло добросовѣстно, оно скоро убѣдилось въ совершенно противоположномъ; 3 ноября 1842 г. состоялось высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, объявленное министромъ юстиціи, о производствѣ новой повѣрки актовыхъ книгъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ этомъ положеніи, между прочимъ, говорится слѣдующее: „комиссіи, 1833 г. окончили свои занятія въ 1835 г. и объ открытияхъ ими въ актовыхъ книгахъ беспорядкахъ въ то же время со-

общено герольдіи, для надлежащаго со стороны ея въ нужныхъ случаяхъ соображенія. Но затѣмъ опять обнаружены безпорядки по актовымъ книгамъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ Гродненской губерніи—въ нумераціи листовъ, въ описяхъ, въ перемѣнѣ печатей и внесеніи въ книги подложныхъ документовъ. Поставлено; возобновить повѣрку актовыхъ и метрическихъ книгъ для устраненія безпорядковъ и злоупотребленій на будущее время. Обязанности сіи вложить на комиссію изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, судей, стряпчихъ и военныхъ начальниковъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ по каждой губерніи одного изъ губерскихъ стряпчихъ, неучаствовавшихъ въ дѣйствіяхъ прежнихъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы комиссія сія, пересмотрѣвъ со всею тщательностію актовые книги въ подлежащихъ мѣстахъ, составили для каждой особы описи, съ объясненіемъ номера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда оный состоялся, а также, когда явленъ, и съ отмѣкою въ особой графѣ: признается ли оный несомнѣннымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно“ (П с. з. № 1916).

Въ виду всѣхъ этихъ правительственныхъ мѣръ интересни вообще тѣ увертки депутатскихъ собраній, которыми онѣ хотѣли избавиться отъ отвѣтственности за незаконныя свои дѣйствія по дѣламъ о подложныхъ дворянскихъ документахъ. Такъ между прочимъ, въ 1838 г. послѣдовало распоряженіе болѣе общее, преимущественно вслѣдствіе явно незаконнаго образа дѣйствій влѣвскаго депутатскаго собранія, для ревизіи котораго предъ тѣмъ назначена была особая комиссія,—назначена, и ничего не могла сдѣлать. Дворянское собраніе, отъ котораго было потребовано представленіе въ комиссію всѣхъ документовъ о дворянствѣ родовъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу по 1829 годъ, отторговалось тѣмъ, что всѣ эти документы, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены ихъ владѣльцамъ, а между тѣмъ многими родами отъ несчастныхъ случаевъ и военныхъ дѣйствій 1812 и 1813 годовъ оныя истреблены или затеряны. О документахъ же, представленныхъ послѣ 1831 года, собраніе отозвалось, что они взяты обратно владѣльцами для перевода ихъ на русскій языкъ и другихъ частныхъ надобностей. Вслѣдствіе этого, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 5 іюля 1838 г., всѣмъ утвержденнымъ въ дворянствѣ по 1831 г. лицамъ былъ

назначенъ трехлѣтній срокъ для представленія въ депутатскія собранія документовъ, служащихъ доказательствомъ ихъ дворянства, а въ случаѣ утраты этихъ документовъ, другихъ неопровержимыхъ доказательствъ. Лица, которыя затѣмъ не представляютъ въ означенный срокъ требуемыхъ документовъ, раздѣлены на двѣ категоріи: владѣющихъ или владѣвшихъ прежде недвижимыми имѣніями велѣно внести въ особые подробные списки, которые депутатскія собранія должны были представлять вмѣстѣ съ своими протоколами, генералъ-губернаторамъ, а эти, со своими опять замѣчаніями, въ сенатъ, для окончательнаго постановленія; всѣхъ же лицъ, хотя бы и признанныхъ раньше депутатскими собраніями, въ дворянствѣ, но не представившихъ требуемыхъ документовъ и имѣніями не владѣвшихъ, велѣно обратить немедленно въ однодворцы (П. с. с. з. № 11387). Срокъ представленія документовъ былъ потомъ подложенъ до 1 января 1844 г.

Такимъ образомъ, это распоряженіе потребовало переповѣрки въ самомъ основаніи, правъ на дворянское достоинство лицъ изъ бывшей польской шляхты. Дѣйствіе его въ средѣ фальшиваго дворянства оказалось тѣмъ, что все оно кинулось обезпечивать себя отъ предстоящей ревизіи представленіемъ документовъ, конечно, фальшивыхъ. А чтобы придать имъ какой нибудь видъ законности, нужно было поддѣлывать ихъ въ самомъ источникѣ, въ актовыхъ книгахъ, и поддѣлывать по возможности искуснѣе. Такимъ образомъ началась по всему западному краю оживленная работа по этому дѣлу, работа тѣмъ болѣе серьезная, что для выполненія ея нужно было употребить отчасти и археографическое знаніе,—гдѣ слѣдовало написать подложно старинный актъ, и химическое,—гдѣ нужно было вымыть въ книгѣ документъ, чтобы очистить мѣсто для поддѣлки.

(Вил. Вѣст.)

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНАГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

Въ № 232-мъ *Русскаго Инвалида* было помѣщено извлеченіе изъ конфирмаціи командующаго войсками виленскаго военного округа и главнаго начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанта Потапова, состоявшейся по дѣлу о повѣщенной мятежниками, въ 1863 году, крестьянкѣ Дауджисовой, разслѣдо-

ванному въ бывшей, въ г. Ковно, слѣдственной по политическимъ дѣламъ комиссіи.—Въ извлеченіи этомъ, между прочими преступниками, участвовавшими въ настоящемъ преступленіи, упоминается о нѣкомъ Бернатовичѣ, какъ о главномъ участникѣ.

Занимавшись года полтора, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ ковонской слѣдственной комиссіи, и именно въ то время, когда слѣдствіе по дѣлу о повѣшеніи крестьянки Дауджисовой окончилось, я имѣлъ случай хорошо ознакомиться со всѣми обнаруженными по этому дѣлу обстоятельствами, послужившими къ открытію преступниковъ, особенно по открытію главнаго виновника Бернатовича; а какъ касающіяся его обстоятельства, по моему мнѣнію, имѣють особенный интересъ, то не лишнимъ считаю передать ихъ читателямъ *Русскаго Инвалида*.

Начну съ описанія личности Бернатовича. Цезарь Бернатовичъ былъ простой крестьянинъ, занимался хлѣбопашествомъ и въ этомъ честномъ трудѣ снискивалъ себѣ пропитаніе; но во время мятежа, подобно многимъ своимъ собратамъ, увлекшись, съ одной стороны, обольщеніями пановъ—получить всевозможныя земныя блага, а съ другой,—возбуждаемый ксендзами—возстать для освобожденія ойчизны, гдѣ также не обошлось безъ обѣщаній всѣхъ благъ, не только земныхъ, но и небесныхъ,—Бернатовичъ, подъ вліяніемъ этихъ обѣщаній, напутствованный молитвами фанатическаго духовенства, весною 1863 года бросилъ домашній очагъ и отправился грабить и убивать оставшихся вѣрными своему долгу мирныхъ жителей и, такимъ образомъ, сдѣлался отчаяннымъ злодѣемъ.

Исполняя долгое время волю коноводовъ польскаго мятежа, Бернатовичъ, однако, послѣ разбитія русскими войсками шайки Кушлейко, въ которой онъ находился, устранился попасть въ руки правосудія и потому счелъ лучшимъ для себя явиться съ повинною къ военному начальству, и заявилъ, что онъ былъ захваченъ въ мятежническую шайку насильно; но во все время пребыванія его тамъ, онъ, ни самъ лично, ни въ соучастіи съ другими мятежниками, не совершилъ никакого уголовнаго преступленія; затѣмъ просилъ пощады и обѣщалъ исправиться.

Военное начальство, не имѣя подъ рукою никакихъ доказательствъ о дѣяніяхъ Бернатовича во время пребыванія его въ шайкѣ, должно было основываться на собственныхъ его показаніяхъ, и по Высочайшему повелѣнію, обнародованному въ манифестѣ 31-го

марта 1863 года, о всеобщемъ прощеніи добровольно смирившихся польскихъ мятежниковъ,—Вернатовичъ былъ водворенъ на мѣсто прежняго своего жительства, съ учрежденіемъ надъ нимъ негласнаго полицейскаго надзора. Такимъ-то образомъ, отъявленный злодѣй, обманомъ воспользовавшійся Высочайше дарованною милостию, проживалъ у себя дома года три, какъ говорится, прибивавши, воображая, что всѣ злодѣянія его останутся безнаказанными. Но часъ насталъ, и заколдованный рыцарь, силою времени, выводится на сцену въ настоящемъ его видѣ.

Но чтобы описать съ послѣдовательностію тѣ обстоятельства, которыя послужили поводомъ въ открытію преступныхъ дѣйствій Вернатовича, необходимо коснуться здѣсь другаго совершеннаго мятежниками убійства, жертвою котораго были двѣ дѣвушки, убитыя при такой обстановкѣ, которая весьма рѣзко характеризуютъ недавнюю эпоху польскаго мятежа. Вотъ достовѣрныя подробности этого ужаснаго злодѣяства, коснувшись котораго нельзя умолчать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, относящихся къ нему.

Около того же времени, недалеко отъ мѣстечка Гринкишекъ, Бювенской губерніи, проживала вдова, дворянка Полянская, католическаго вѣроисповѣданія; у нея, отъ брака съ русскимъ учителемъ, были двѣ дочери; старшей изъ нихъ—Ольгѣ, было тогда отъ роду 17 лѣтъ, а младшей—Софіи 14 лѣтъ. Обѣ сестры, въ день св. Георгія, 23-го апрѣля, отправились къ обѣдни въ приходскую церковь не въ дальнемъ отъ ихъ жительства разстояніи; изъ церкви онѣ намѣревались зайти, по сосѣдству, къ шляхтичу Симоу Валуцкому, у котораго ихъ семейство когда-то жило въ долѣ, чтобы получить съ него небольшой долгъ, и затѣмъ думали въ скоромъ времени возвратиться домой.

Но судьба готовила имъ горькую участь. На пути онѣ были схвачены толпою жандармовъ-вѣнателей, уведены въ лѣсъ и тамъ пришлось имъ, въ дѣтскихъ еще лѣтахъ, ни въ чемъ неповиннымъ, испытать всѣ ужасы варварскихъ насилій злодѣевъ; поруганныя и обезчещенныя—онѣ должны были окончить жизнь свою въ тяжкихъ мученіяхъ

Между тѣмъ, злополучная мать, не дождавшись своихъ дѣтей въ условленное время, стала тревожиться—не случилось ли съ ними какого-нибудь несчастья—и принуждена была оставить на произволъ судьбы другихъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей и отправиться

отыскивать старших дочерей. Нѣсколько дней она отыскивала ихъ по ближайшимъ деревнямъ и ничего не могла узнать; но, наконецъ, зашла къ одному шляхтичу Германовичу, и отчаяніе Полянской, на этотъ разъ, тронуло его сердце, который сказалъ ей: «Иди ты къ этому злодѣю Валуцкому, онъ твоихъ дочерей выдалъ мятежникамъ на повѣшеніе.» Пораженная, какъ громомъ, этимъ зловѣщимъ предсказаніемъ, Полянская, не помня себя, едва живая, бросилась бѣжать къ Валуцкому; съ надрывающимъ сердце рыданіемъ валялась у его ногъ и молила пощадить дѣтей: идти къ мятежникамъ и выручить ихъ; но девяностидесяти-лѣтній старецъ, какииъ онъ себя выдавалъ, отказался и отъ взведеннаго на него обвиненія, и отъ просимой Полянскою защиты.

Выбившись изъ силъ и не отыскавъ дочерей своихъ, Полянская принуждена была вернуться домой и въ душѣ своей скрыть вѣчную и глубокую печаль о погибшихъ дѣтяхъ.

Когда случай, происшедшій съ дѣвцами Полянскими, сдѣлался извѣстнымъ мѣстному военному начальству, то оно тотчасъ распорядилось произвести слѣдствіе, которое, однако, на первыхъ порахъ, не привело ни къ какому открытію. Германовичъ, какъ и нужно было ожидать, отъ словъ своихъ, сказанныхъ Полянскою, на первомъ же допросѣ отказался, а Симонъ Валуцкій не только отвергалъ указанное на него участіе въ повѣшеніи дѣвицъ Ольги и Софіи, но имѣлъ еще дерзость увѣрять, что онъ самъ тяжело скорбитъ о постигшей ихъ участи, такъ какъ онъ родня его шеминницы, ибо первый мужъ вдовы Полянской, Іосифъ Валуцкій, былъ родной его братъ. Какъ ни уличала вдова Полянская Германовича и какъ ни отвергала всякія родственныя отношенія Симона Валуцкаго съ первымъ ея мужемъ, Іосифомъ Валуцкимъ, привести ихъ обоихъ къ признанію не было никакой возможности, и коммиссія, въ вѣдѣніе которой поступило о преступленіи этомъ слѣдственное дѣло, сочла нужнымъ собрать секретныя свѣдѣнія чрезъ вѣздныхъ жандармовъ.

Такимъ образомъ, спустя довольно продолжительное время послѣ описаннаго случая, когда польскій терроризмъ былъ уже подавленъ и мѣстные жители избавились отъ панического страха, было дознано, что проживавшая ключницею на мнѣ помѣщика Вязлозора, Анна Бакановская, почему-то знала мѣсто, гдѣ были похоронены повѣшанныя мятежниками двѣ сестры Полянскія. По-

этому Бакановская была призвана къ допросу, и на первых же порахъ призналась, что пастухъ шляхтича Германовича, крестьянинъ Блондись, сказалъ ей, что въ лѣсу помѣщика Валлоэора были повѣшены сестры Полянскія и тамъ похоронены, и между прочимъ, объяснила еще, что бывшіе у нихъ въ одно время мятежники разговаривали между собою о повѣщенныхъ ими какихъ-то двухъ дѣвчушкахъ, а потомъ призвали служившихъ на мызѣ кучера Пагирскаго и повара Ланиниса и приказали имъ идти въ лѣсъ и похоронить тѣла повѣщенныхъ, что послѣдніе и исполнили.

Пастухъ Блондись сначала не подтверждалъ сдѣланный на него Анною Бакановскою оговоръ, но впоследствии подтвердилъ; однако не признался, отъ кого именно и по какому случаю онъ узналъ какъ о случившемся съ Полянскими происшествіи, такъ и о мѣстѣ ихъ погребенія—съ тѣмъ и умеръ, а указаніе это, по служенію Блондиса у Германовича, имѣло бы важное значеніе.

Пагирскій же и Ланинисъ показаніе Бакановской подтвердили и при этомъ объяснили, что одинъ изъ мятежниковъ—Стангвилло, прежде бывший у нихъ на мызѣ лѣсникомъ, повелъ ихъ въ лѣсъ, чтобы указать имъ то мѣсто, гдѣ были останки повѣщенныхъ дѣвчушекъ, и когда они пришли къ мѣсту происшествія, то взорамъ ихъ представилось страшное зрѣлище: обнаженные трупы замученныхъ дѣвчушекъ, едва прикрытые окровавленными рубахами, висѣли на молодыхъ березкахъ.

Страхъ и ужасъ овладѣлъ Пагирскимъ и Ланинисомъ до того, что они не въ состояніи были выполнить, выпавшее на ихъ долю, приказаніе мятежниковъ; но бывший при этомъ Стангвилло, подъ угрозою смертной казни, заставилъ покориться необходимости, и при этомъ, на вопросъ послѣднихъ, «за что ихъ, бѣдняжекъ, такъ безжалостно погубили»—Стангвилло звѣрски отвѣтилъ: «суки были, суки и повѣсили» (это значитъ, что онѣ были православныя).

Однако, какъ ни тяжело и больно было Пагирскому и Ланинису, по ихъ объясненію, видѣть безчеловѣчный поступокъ мятежниковъ съ несчастными Полянскими, все-таки, по возвращеніи домой, они никому не заявили о случившемся происшествіи, изъ боязни мщенія мятежниковъ, а признались лишь въ этомъ, спустя болѣе года и то по указанію Бакановской. Подобный случай ясно характеризуетъ, до какой степени силенъ былъ панической страхъ

въ народѣ, наведенный на нихъ мятежниками, различными своими жестокостями и ужасными злодѣяніями.

Въ то время, когда Пагирскій и Лапинисъ указали на соучастіе Стангвилло въ повѣшеніи дѣвицъ Полянскихъ, послѣдній находился уже въ рукахъ правосудія, и за вербовку людей въ шайки и разныя другія политическія преступленія, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 8 лѣтъ; но слѣдственная коммисія задержала его и затѣмъ приступила къ снятію съ него допроса, по вновь обнаружившемуся объ немъ преступленію.

Это было въ концѣ 1864 года.

Стангвилло, сообразивъ, что отдѣлаться, въ этомъ случаѣ, обыкновеннымъ отрицаніемъ ему будетъ невозможно, — признался, что дѣйствительно онъ съ Пагирскимъ и Лапинисомъ похоронилъ повѣшенныхъ дѣвицъ Полянскихъ, но что къ этому принудили его 6 мятежниковъ, которые будто бы встрѣтили его тогда не далеко отъ мызы, и именно въ то время, когда онъ бѣжалъ изъ шайки и, послѣ долгаго укрывательства отъ ихъ поисковъ, рѣшился вернуться домой; причеиъ назвалъ по-именно всѣхъ 6 мятежниковъ, и въ числѣ ихъ — извѣстнаго по своимъ изувѣрскимъ поступкамъ во всей Ковенской губерніи, разбойника Мортышуса. По снятіи съ Стангвилло показанія, коммисія приступила къ розыску остальныхъ преступниковъ, но всѣ усилія, употребленныя ею къ отысканію ихъ, не привели къ желаемому результату.

Дознано было только то, что указанные Стангвилломъ преступники дѣйствительно были виновниками въ повѣшаніи дѣвицъ Полянскихъ, что подтвердилось еще и слѣдующимъ случаемъ. Одинъ отставной солдатъ П. при розыскахъ показалъ: что встрѣтившись случайно съ мятежникомъ Мортышусомъ въ лѣсу, гдѣ онъ скитался послѣ уничтоженія шайки, бывшей подъ предводительствомъ Кушлейко, Мортышусъ, въ разговорѣ, сообщилъ ему, что онъ, въ соучастіи съ другими мятежниками, повѣсилъ дѣвицъ Полянскихъ, и подробно передалъ о всѣхъ тѣхъ мученіяхъ, которыми онъ были обречены до смерти, и самый послѣдній процессъ ихъ насильственной кончины, о которой онъ разсказалъ такъ: «Когда я сталъ вѣшать старшую Полянскую, то младшая стала на колѣни, скрестила руки на груди, подняла глаза къ небу и сказала: Господи, Господи! молодость наша ничего еще не видѣла, а мы погибаемъ безъ всякой вины. «Господи! прости на-

ни грѣха». Тогда во мнѣ пробѣжала дрожь и я отеропѣлъ, но послѣ нѣсколькихъ минутъ я опять пришелъ въ себя, повѣсилъ и младшую Полянскую».

При всей важности совершеннаго этимъ звѣремъ преступленія, онъ все - таки не могъ быть отысканъ; а между тѣмъ, вначалѣ 1866 года настоятельно требовалось скорѣйшаго закрытія дѣйствительной комисіи и, въ виду этого, приступлено было къ окончанію слѣдственнаго дѣла о повѣшаніи дѣвицъ Полянскихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно тогда находилось.

По разсмотрѣніи этого дѣла вновь, оказалось нужнымъ переносить Стангвилло, и онъ былъ вызванъ для этого въ комисію.

Нужно было видѣть, какимъ святошею представился этотъ негодяй. Вся шея была у него унижена различными образцами, въ руцѣ онъ держалъ какой-то пузырекъ, внутри котораго находилась бѣлая крупица, и наклеенная бумажка съ изображеніемъ лица Божіей Матери; ни одного слова, ни одного шага онъ не дѣлалъ безъ крестнаго знаменія и молитвы; отвѣты онъ произносилъ какимъ-то вкрадчивымъ голосомъ и не иначе какъ стоя на колѣняхъ, не смотря на всѣ предложенія встать на ноги или сѣсть на стулъ, и вообще принималъ на себя видъ человѣка, то проныкнутаго самыми глубокими религіозными убѣжденіями, то не выдерживающаго и притворяющаго немощнаго. Но замѣчательно, что при этомъ ловкомъ наружномъ притворствіи, онъ все-таки путался въ своихъ показаніяхъ на очныхъ ставкахъ.

Во-первыхъ, онъ считалъ лучшимъ противу прежняго показать, что когда мятежники приказали ему похоронить Полянскихъ, то онъ былъ дома и въ то время даже изволилъ опочивать въ постели; что онъ никогда не сочувствовалъ возстанію (хотя и былъ уже приговоренъ къ 8-ми лѣтней каторжной работѣ за доказанную вербовку людей въ мятежь), не совершилъ никакихъ политическихъ и уголовныхъ преступленій, и что его обвиняютъ и обвиняли по злобѣ.—И хотя всѣ улики были противъ него, онъ все таки упорствовалъ въ показаніяхъ, не оставляя при этомъ принятую имъ на себя роль—юродиваго. Такъ, во время спора на очныхъ ставкахъ съ женою, за немощіемъ словъ возражать на улики послѣдней, Стангвилло вдругъ подходилъ къ ней, ласково заговаривалъ, совѣтовалъ не бояться комисіи, потому что

члены ея всё доброе, — находилъ, что она блѣдна, похудѣла, предлагалъ ей цѣлебную крупицу изъ своего пузыря и проч.; но его благовѣрная, за всё изъявленія супружескихъ нѣжностей, настоящую цѣну которымъ она вѣроятно хорошо знала, — обыкновенно посылала его къ чорту. — Случалось и то, что Стангвилло проговаривался, высказывалъ какойнибудь интересный фактъ, и когда его спрашивали, откуда онъ знаетъ только — что сказанное имъ, Стангвилло нисколько не смущался, подходилъ къ окну, прикладывалъ ухо и отвѣчалъ, а вотъ, мнѣ все съ неба сказали, и при этомъ всегда крестился и корчилъ таинственную физиономію.

Такимъ образомъ, Стангвилло, своими выходками, измучивъ всѣхъ слѣдователей, запуталъ всѣ показанія, и комиссія готова была признать его дѣйствительно за сумасшедшаго; а между тѣмъ ему было заявлено, что его вызвали къ допросу для того, чтобы дать возможность раскаяться въ преступленіяхъ, и только въ такомъ случаѣ онъ могъ бы надѣяться на нѣкоторое облегченіе ожидавшей его участи, — а что заpiresательство, ложныя и разнорѣчивыя показанія поведутъ къ болѣе строгому взысканію.

Стангвилло, на всѣ такія увѣщанія, всегда отвѣчалъ, что онъ говоритъ суцную правду, и разъ, какъ-то, проговорился: «да вот спросите француза, котораго я видѣлъ при входѣ въ комиссію, онъ меня бралъ въ ятежь». Страннымъ было бы еще сомнѣваться въ умственномъ помѣшательствѣ Стангвилло, когда онъ сказалъ, что при входѣ въ комиссію видѣлъ какого-то француза; однако, тѣмъ не менѣе, сочли необходимымъ повести его въ прихожую и показать собравшихся въ тотъ день крестьянъ, бывшихъ въ шайкѣ Кушлейко и вытребованныхъ въ комиссію изъ разныхъ деревень, для спроса ихъ, въ качествѣ свидѣтелей, по дѣлу о двухъ братьяхъ Кушлейко, обвинявшихся въ посѣщеніи начальника банды.

По предъявленіи Стангвилло этихъ крестьянъ, онъ, повидимому, кого то отыскивалъ, но не находилъ; а потомъ вдругъ бросился изъ двери и за нею увидѣлъ спрятавшагося крестьянина и радостно вскрикнулъ: «вотъ онъ, а мнѣ все не вѣрять». Знаменитый, по своимъ дѣяніямъ, французъ, былъ никто иной, какъ скромный на видъ, крестьянинъ Цезарь Бернатовичъ.

По этому указанію приступлено было къ составленію акта, а потомъ къ допросу Бернатовича, и онъ на первыхъ же порахъ показалъ, что во время пребыванія его въ шайкѣ, его дѣйстви-

тельно называли французомъ, потому что у него дѣдъ былъ французъ и другаго француза въ шайкѣ Кушлейко не было.

Послѣ такого открытія, комиссія пришла къ тому предположенію, что показанія этого француза должны будутъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ о повѣщенной крестьянкѣ Дауджисовой, такъ какъ тамъ было указаніе, что въ числѣ вѣшателей находился и какой-то французъ, въ дѣлѣ о повѣщенныхъ Полянскихъ также упоминался французъ, а потому Бернатовичъ и былъ заарестованъ.

Начались допросы, очные ставки Бернатовичу съ разными лицами, но онъ ни въ чемъ не признавался. Былъ приглашенъ ксендзь для увѣщанія его, но и это не помогло; да послѣдняя гѣра едва-ли въ такихъ случаяхъ и могла оказать какую-нибудь помощь.—Ксендзы, при подобнаго рода обрядахъ, далеко не отличались пылкостью своего краснорѣчія, какимъ они себя зарекомендовали во время оно.—Впрочемъ, одинъ ксендзь, разъ какъ-то, увлекшись желаніемъ порисоваться предъ русскими своею преданностью правительству, сталъ дѣйствительно укорять одного преступника за его заpiresательство въ показаніяхъ, но послѣдній, не долго думавши, отвѣтилъ своему духовному отцу: «Э! теперь вы же заставляете насъ правду говорить, а чрезъ кого мы въ мятежъ пошли; да если бы васъ на свѣтѣ не было, то и никакого мятежа бы не было».

Послѣ неудавшагося пастырскаго увѣщанія, комиссія опять сама принялась за дѣло; разными убѣжденіями, продолжавшимися средѣ дня три, Бернатовичъ былъ приведенъ до слезъ; горько плакалъ, но ничего не говорилъ—и наконецъ признался, что дѣйствительно онъ, съ Стангвиллою и еще двумя мятежниками, повѣсилъ крестьянку Дауджисову и одного отставнаго солдата, который былъ приведенъ въ шайку 4-мя крестьянами и выданъ за русскаго шпиона.

Тогда - то свели обоихъ сотоварищей по мятежу, Стангвиллу и Бернатовича, они схватились въ комисіи какъ цѣпныя собаки, и польскій схимникъ, вида, что его притворству нѣтъ больше мѣста, снялъ съ себя маску и вполне выказалъ, что онъ достоинъ былъ довѣрія жонда народоваго и не даромъ носилъ почетное званіе «жандарма-вѣшателя».

Въ то же время было дознано, что братъ перваго мужа По-

лянской, Симонъ Валудкій, давнымъ давно умеръ, и что назвавшій себя этимъ именемъ, на котораго пало подозрѣніе въ выдачѣ мятежникамъ дѣвиць Полянскихъ и которій назвалъ себя ихъ дядей, — былъ бродяга, досталъ фальшивый паспортъ на имя умершаго шляхтича Симона Валудкаго и съ этимъ видомъ проживалъ десять лѣтъ.

П. Коваль.

(Рус. Инв.)

ОВЪ ОСВЯЩЕНИИ ГРЕКО-УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПИЩАЦѢ.

Въ *Сѣдлец. Губ. Вѣд.* пишутъ: 21 ноября въ м. Пищацѣ, Бѣльскаго уѣзда, приходило торжество освященія новопостроенной греко-униатской церкви, произведеннаго преосвященнымъ Митрополитомъ Куземскимъ, епископомъ холмскимъ. Положеніе униатскихъ церквей въ здѣшнемъ краѣ было до сихъ поръ самое бѣдственное. Посторойба и починка ихъ, до недавняго времени, лежала на обязанности мѣстныхъ помѣщиковъ, колаторовъ, которые принадлежа сами къ латинскому обряду, мало заботились о духовныхъ нуждахъ униатскаго населенія. Вслѣдствіе того, мало по малу, униатскія храмы, запущены были до того, что со стороны жалко было смотрѣть на нихъ. Въ 1867 году правительство, обративъ вниманіе на положеніе униатскаго населенія, ассигновало 275,000 руб. сер. на постройку новыхъ и на починку старыхъ униатскихъ церквей. Работы начались въ Люблинской губерніи отъ границъ Галиціи, и должны были постепенно подвигаться на сѣверъ, въ Подлясье (Сѣдлецкая губернія). Въ Люблинской губерніи работы эти доселѣ еще не окончены, и очередь построекъ не дошла еще до Подлясья. Но въ прошломъ году, по ходатайству г. сѣдлецкаго губернатора, сдѣлано исключеніе изъ этой системы для м. Пищаца, гдѣ требовалось устроить новую церковь, и для г. Янова, гдѣ необходимо было передѣлать костель подоминиканскаго монастыря въ униатскую церковь. Въ м. Пищацѣ униатская церковь сгорѣла еще въ 1837 году, и съ тѣхъ поръ доселѣ многочисленный униатскій приходъ не имѣлъ для своихъ богослуженій не только храма, но даже часовни; униатскій священникъ службы свои отбывалъ въ мѣстномъ

католическомъ костелѣ, чередуясь въ немъ съ католическимъ кендзомъ. Построенная нынѣ, по распоряженію правительства, первая на Подлясьи церковь, удобствомъ и изяществомъ своимъ превосходить все, чего только могли желать для себя уніаты въ своемъ положеніи. Она каменная, крестообразная, обь одномъ куполѣ, съ колокольнею надъ входною частію, вмѣстимостью на 600 душъ. Церковная усадьба обнесена изящною каменною оградомъ. Внутреннее устройство ея во всемъ согласно съ восточнымъ обрядомъ. Преосвященный Михаилъ прибылъ въ Пищацъ наканунѣ освященія, и самъ совершалъ вечерню, а на другой день освященіе церкви и литургію. По пути отъ Холма до Пищаца (около 100 верстъ), въ каждой деревнѣ народъ выходилъ на встрѣчу преосвященнаго на дорогу съ церковными хоругвями и съ хлѣбомъ-солью. Дѣтямъ, особенно ученикамъ сельскихъ училищъ, онъ раздавалъ иконки. Въ присутствіи его, подляскіе священники говорили между собою только по русски, что дѣлало чрезвычайно радостное впечатлѣніе на присутствовавшихъ здѣсь русскихъ чиновниковъ, никогда прежде того не слыжавшихъ, чтобы подляскіе уніатскіе священники говорили между собою иначе какъ по польски. Въ дружеской бесѣдѣ съ священниками за столомъ, преосвященный рассказывалъ разные эпизоды изъ своей практики по обязанностямъ председателя народнаго дома въ Галиціи, направленные къ возбужденію русскаго духа въ мѣстныхъ уніатахъ, и давалъ совѣтъ, дабы тщательно собираемо было все относящееся къ русской старицѣ въ Холмщинѣ и Подлясьѣ. Посѣщеніе Подлясья преосвященнымъ Михаиломъ, не смотря на свою кратковременность, будетъ имѣть огромное значеніе въ жизни уніатовъ. Около ста лѣтъ холмскіе епископы не появлялись на Подлясьѣ, тогда какъ епископы римско-католическіе, имѣвшіе (до 1867 года) свою катедру въ самомъ центрѣ Подлясья—въ г. Яновѣ, ежегодно обязали его, собирая вокругъ себя и латинниковъ и уніатовъ. Преосвященный Михаилъ самъ освятилъ первую на Подлясьѣ церковь, устроенную во всемъ согласно обрядамъ восточнымъ. При служеніи его не слышно было польскаго слова, ни одна часть литургіи восточной не опущена, проповѣдь сказана была по русски, притомъ однимъ изъ мѣстныхъ священниковъ, въ молитвахъ и номинаціяхъ уніаты назывались православными, а не право-

вѣрными, хоръ пѣвчихъ пресвященнаго пѣлъ тѣмъ же напѣвомъ, какимъ поютъ пѣвчіе всѣхъ церквей Россіи, а не такъ называемымъ здѣсь уніятскимъ напѣвомъ, въ которомъ старшій кіевскій напѣвъ рѣшительно подавленъ напѣвомъ костельныхъ органистовъ. Многочисленный сонмъ мѣстныхъ священниковъ сослужилъ своему архіерею, покорно и съ рвеніемъ слѣдуя за нимъ всѣмъ предписаніямъ церковнаго устава. Народъ во множествѣ собрался на торжествѣ архіерейскаго служенія изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ. Все, что онъ видѣлъ и слѣшалъ при этомъ торжествѣ, разнесется по всему Подлясью, и дастъ самыя возделѣнные плоды. При торжествѣ освященія присутствовали нарочно прибывшіе въ Пищаць по этому случаю: сѣдлецкій вице-губернаторъ, начальникъ сѣдлецкой учебной дирекціи, сѣдлецкій губернскаго жандармскій штабъ-офицеръ и мѣстныя уѣздныя власти. Г. сѣдлецкій губернаторъ не могъ присутствовать при этомъ торжествѣ, не оправившись еще къ тому времени послѣ сильной болѣзни. За обѣдомъ провозглашены были тосты за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, его сіятельства графа намѣстника, епископа Михаила, сѣдлецкаго губернатора и др., при чемъ его сіятельству намѣстнику и г. губернатору тотчасъ отправлены были привѣтственные денешы съ благодарностью за содѣйствіе къ возстановленію изъ развалинъ уніятскихъ храмовъ.

ПИСЬМО СУЛТАНА КЪ ПАПѢ.

Года два назадъ, когда возстаніе въ Кандии только что началось, когда вслѣдъ затѣмъ обнаружилось движеніе и между славянскими племенами, подвластными Турціи, когда западные кабинеты были встревожены возникновеніемъ опять восточнаго вопроса, и русское правительство прервало съ Римомъ сношенія, листокъ, издававшійся въ Вѣнѣ на русско-галицкомъ нарѣчій, подъ названіемъ *Страхопудъ*, напечаталъ слѣдующее письмо султана къ папѣ, сопровождая оное такого рода примѣчаніемъ: «Одному изъ дипломатическихъ агентовъ «Страхопуда» удалось подкупить въ московскіе рубли турецкаго куріера и перехватить собственноручное письмо султана къ папѣ, которое мы и печатаемъ». Вотъ это письмо: «Ваше святѣйшество, любезный мой братъ, пишетъ

преемникъ Мохамеда , несомнѣнно , что я и ваше святѣйшество подвергаемся большой опасности. Общій нашъ врагъ греко - славянской міръ возстаетъ противъ насъ со всею дьявольскою силою. Достаточно взглянуть на наши отношенія къ этому проклятому христіанскому греко-славянскому схизматическому міру, чтобы убѣдиться , что наши съ вами интересы вполне солидарны. Католицизмъ и мохамеданизмъ должны идти рука объ руку въ борьбѣ противъ схизматическаго востока. Это до того ясно, что и доказывать не нужно. Подумайте, ваше святѣйшество, что тогда будетъ, если удастся схизматикамъ водрузить трехсоставный (православный) схизматическій крестъ на бывшемъ софійскомъ соборѣ! Мохамеданизмъ тогда пропадаетъ совсѣмъ, а на югѣвостокѣ воцарится греко - славянское православіе, которое до самой Адрии поставитъ непреодолимую стѣну вашей католической пропагандѣ. На основаніи этихъ соображеній могу сказать, что мохамеданизмъ есть столпъ католицизма, и вамъ слѣдуетъ поддержать меня всѣми своими средствами и всѣмъ своимъ вліяніемъ. Полагая, что вы не совсѣмъ еще потеряли вліяніе на исповѣдующихъ васъ западныхъ народовъ, прошу васъ, чтобы ваше святѣйшество благоволило призвать всѣхъ католиковъ къ крестовому походу въ защиту вѣры и царства великаго пророка Мохамеда.

Не считаемъ нужнымъ замѣчать, что письмо это скрываетъ истины, вполне вѣрныя, какъ въ психологическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Папа и весь римско - католическій міръ такъ смотрѣли и смотрятъ на мохамеданство и на его пользу для католицизма болѣе трехъ съ половиною вѣковъ. Последнія войны, веденныя западными народами противъ мохамеданъ по принципамъ религіознымъ, принадлежатъ XV вѣку. Когда Фердинандъ и Изабелла въ концѣ этаго вѣка изгнали мавровъ изъ Испаніи, и съ торжествомъ вступили въ Гранаду, религіозный антагонизмъ между западно-христіанскимъ и мохамеданскимъ міромъ окончился, и многіе папы были искренними друзьями многихъ турецкихъ султановъ и оказывали и сами получали немаловажныя услуги. Съ этихъ поръ всѣ последующія войны западныхъ народовъ съ турками происходили по чисто политическимъ причинамъ. Съ религіозной точки зрѣнія турки представлялись сознанію западныхъ католиковъ орудіями Провидѣнія, пославшаго ихъ въ наказаніе восточнымъ христіанамъ за ихъ схизматическое возстаніе

противъ власти верховнаго римскаго первосвященника и для враждебности и обращенія ихъ на истинный путь. Нельзя съ точностію опредѣлить, когда турецкое правительство сознало свою солидарность съ западнымъ христіанствомъ, но это сознание должно было уясниться и укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ Турція дѣлалась слабѣе, и все живѣе и глубже чувствовала, что силы ее покидаютъ и что ей не выдержать уже борьбы не только съ христіанскимъ міромъ вообще, но въ частности и съ восточнымъ христіанскимъ міромъ, включая Россію, и даже, можетъ быть, съ своими собственными, христіанскими подданными, при полномъ бездѣйствіи Россіи. На этой степени развитія и находится въ настоящее время сознание турецкаго правительства касательно солидарности мохамеданскихъ интересовъ и интересовъ западныхъ державъ.

Разсуждая такъ, мы ни мало не преувеличиваемъ важности и прочности противонаправственнаго и противодивизиціоннаго союза, какой исторія создала между западнымъ христіанскою Европою и между мохамеданскимъ востокомъ. Для западныхъ христіанскихъ народовъ—восточные христіане: это вообще особое племя *«илотовъ», обреченныхъ на рабство*, которыхъ возстанія всегда должны быть подавляемы, и которые много-много за покорность и хорошее поведеніе могутъ быть возводимы въ званіе *«вольнотпущенныхъ»*, но съ тѣмъ, чтобы и послѣ этого они лишены были самостоятельности дѣйствій и правъ христіанскаго гражданства. Въ положеніи такихъ *«вольнотпущенныхъ»* находятся Сербія, Румынія и Греція. Тѣмъ болѣе восточные христіане должны быть удерживаемы въ рабскомъ положеніи, что одинъ изъ такихъ *«илотскихъ»* народовъ приобрѣлъ голосъ въ европейскомъ ареопагѣ, это—народъ русскій. Вотъ грунтъ картины восточнаго вопроса, какъ этотъ вопросъ представляется взорамъ западныхъ народовъ. Мы не отрицаемъ этикъ, что въ этомъ вопросѣ западные народы руководствуются и другими соображеніями, политическими, международными, финансовыми, торговыми, даже соображеніями ложно-прогрессивными: но основа вопроса остается чисто религіозною.

Существуетъ и не рѣдко высказывается странное воззрѣніе, по которому будто бы и можно, и должно въ жизни государствъ совершенно отдѣлять всѣ элементы неполитическіе, и особенно элементъ вѣры. «Но вѣра, какъ бытовое начало, проникающее со-

бою, подобно воздуху, всю жизнь народа, даетъ частію вѣдомо, частію невѣдомо для него самого, характеръ и направленіе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни.» А между тѣмъ недавно еще слышались и доселѣ слышатся въ кое какихъ уголкахъ нашей литературы, голоса, утверждающіе, что нѣтъ различія между русскимъ-латиняниномъ и русскимъ-православнымъ. Неотразимое, неистребимое сочувствіе русскаго православнаго общества къ православнымъ грекамъ, тѣснимымъ въ настоящее время всѣми, блистательно опровергаетъ подобное воззрѣніе. Западныя общества на этотъ разъ еще послѣдовательнѣе: тамъ характеръ вѣроисповѣданія отражается еще яснѣе на политической дѣятельности государствъ. И именно теперь, по отношенію къ восточному вопросу, ярко выдается особенный образъ дѣйствій римско-католическаго міра—въ политикѣ главныхъ его представительницъ—Франціи и Австріи. Латинское общество является поразительно равнодушнымъ къ страданіямъ православныхъ народовъ; мало того, оно выражаетъ къ нимъ или презрѣніе или неприязнь и своими чувствами ободряетъ и поддерживаетъ политику своихъ правительствъ. Враждебное отношеніе латинства и презрительное протестанства къ восточному христіанству сказывается одинаково, какъ въ искренно вѣрующихъ, такъ и въ невѣрующихъ протестантахъ и католикахъ. Въ этомъ отношеніи особенно откровенны печатные органы латинской влеригалъной партіи. Они обвиняли и обвиняютъ грековъ, какъ участниковъ въ всесвѣтной революціи, хотя еще недавно защищали революціонныя попытки и дѣйствія поляковъ. Христіанинъ-грекъ, возстающій противъ мохамеданскаго султана, революціонеръ, и недостойнъ ни сочувствія, ни сожалѣнія; полякъ, возстающій противъ православнаго государя, не революціонеръ, а праведный герой и подвижникъ. Кавуръ, явно помогающій и подстрекающій Гарибальди, великій государственный человекъ въ сознаніи западныхъ публицистовъ: греческій министръ Булгарисъ, выражающій свое сочувствіе къ кандидатамъ-единоплеменникамъ, флибустьеръ, нарушающій основные законы международнаго права. Источникъ этихъ противорѣчій тотъ, что поляки—католики, и торжество ихъ есть торжество католицизма, что Кавуръ и Гарибальди дѣйствовали ко благу западнаго же государства; а греки—православные, и торжество ихъ возвѣщаетъ торжество православія. Цій IX и парижскій архіепископъ Сибуръ въ восточную войну

благословляли знамена латинянь, подвизавшихся въ союзъ съ мусульманами, т. е. молили Бога, чтобы Онъ продлилъ мохамеданское иго надъ православными христіанами. И такую же тайною или явную, большею частію даже безотчетною, ненавистію ко всемъ народамъ, исповѣдующимъ восточное христіанство, одушевленъ весь римскій западъ, на какой бы степени силы или упадка не стояла въ различныхъ его обществахъ религіозность. Поэтому восточный вопросъ есть прежде всего вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческой церкви, латинскаго міра къ православному. Такъ становятся этотъ вопросъ сами католики. Есть только два рѣшенія восточнаго вопроса, говоритъ органъ ультрамонтановъ, „Le Monde“, одно посредствомъ католицизма, другое посредствомъ греческой схизмы. «Поспѣвшимъ обратить турецкихъ славянъ въ латинство, усилимъ дѣятельность нашихъ миссіонеровъ, тогда востокъ примкнетъ неразрывно къ міру латинской цивилизаціи, будетъ намъ не опасенъ, будетъ намъ свой»,—восклицалъ редакторъ Opinion National, Геру, котораго папство считаетъ между тѣмъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и государственные люди латинскаго запада; тѣми же убѣжденіями руководится и ихъ политика.

Это душевное настроеніе латинскаго запада начинаютъ понимать болѣе развитые и образованные изъ восточныхъ христіанъ. Такъ, въ 1866 году одинъ болгаринъ издалъ брошюру на французскомъ языкѣ: *«Болгарія предъ лицомъ Европы, гдѣ онъ, вразумленный опытомъ, съ горечью исповѣдуетъ, что «Наполеонъ III является мессіею, освобождающимъ національности только тамъ, гдѣ есть мѣсто для славы и интересовъ Франціи, славы и интересовъ католицизма и латинскаго міра; что западъ, убѣдившись, что христіане въ Турціи никогда не станутъ ни французами, ни англичанами по національности, стремится пересоздать ихъ въ свою національность посредствомъ религіи. Мы поняли, продолжаетъ онъ, что на одномъ только этомъ условіи онъ согласенъ даровать намъ свое покровительство. Если бы Сербія была вѣроисповѣданія и происхожденія латинскаго, давнымъ давно были бы отданы ей ея крѣпости, удерживаемыя турками, и не однѣ только крѣпости! Если бы герцоговинцы были католики, давно бы добилась для нихъ Франція той же автономіи, какъ и для Ливана. Если бы черногорцы были латинскаго племени, границы ихъ тѣсныхъ владѣній были*

бы расширены уже давно. Если бы кандіоты не были православныя, другія рѣчи держалъ бы маркизь Мутъе въ Аѳинахъ. Если бы болгары были въ церковномъ подчиненіи Риму, мы не казались бы Европѣ народомъ самымъ неспособнымъ для политическаго существованія. Западъ желалъ бы, прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу освобожденія христіанъ въ Турціи отъ невыносимаго и чуждаго ига, сначала заручиться ими въ религіозномъ смыслѣ, т. е. поработить себѣ ихъ совѣсть.»—Но большинство восточныхъ христіанъ далеко не такъ ясно понимаетъ всю глубину того застарѣлаго нерасположенія къ нимъ, которое питаютъ западные народы и государства. Въ простотѣ своей они вѣрятъ западнымъ агентамъ, вѣрятъ ихъ увѣреніямъ, что западные народы освободятъ ихъ, или, по меньшей мѣрѣ, не будутъ препятствовать, когда они сами примутся за дѣло освобожденія. Имъ такъ много и сладко толькуютъ о великодушій и либерализмѣ западныхъ правительствъ, они встаютъ, но ихъ останавливаютъ эти «великодушныя либералы,» и вотъ тогда-то они чувствуютъ страшное недоумѣніе и обращаютъ полныя ожиданія взоры къ дальнему сѣверу, туда, гдѣ Россія....

Мы далеки отъ того, чтобы приписывать всѣмъ западнымъ христіанамъ подобное сильное озлобленіе, еще болѣе далеки отъ того, чтобы приписывать подобное озлобленіе протестантамъ. «У послѣднихъ ненависть смѣнилась презрѣніемъ, чувствомъ менѣе кроваваго, хотя все таки враждебнымъ, и способнымъ, при малѣйшей борьбѣ или соперничествѣ съ презираемымъ, распасться до свирѣпости.» Такое высокомерное презрѣніе недавно, какъ рассказываютъ, обнаружилъ англійскій посланникъ въ Аѳинахъ въ разговорѣ съ греческимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ заявленія со стороны англійскаго посланника о правѣ на вмѣшательство Англіи, въ качествѣ державы-покровительницы, греческій министръ, говорятъ, счелъ нужнымъ заявить съ своей стороны, что Греція признаетъ державы-покровительницъ только въ томъ смыслѣ, что она признаетъ за ними особыя права на благодарность съ своей стороны, но что она никогда не позволитъ въ слѣдствіе этого касаться ея независимости. «Ну, хорошо, отвѣчалъ на это посланникъ; если Греція не слушается *державы-покровительницы*, которая *желаетъ* мира, то заговоритъ *великая держава*, которая *потребуетъ* мира.» Въ № 260, разбирая рѣчь

лорда Стэнли, статьи „Times“ и „Liberté“, мы показывали, какъ презрительно и господственно относятся авторы ихъ къ восточнымъ христіанамъ даже тогда, когда показываютъ къ нимъ какъ будто нѣкоторое сочувствіе. Съ презрѣніемъ и сожалѣніемъ трактуютъ восточныхъ христіане-западные либералы и прогрессисты, равно холодные и къ протестанству, и къ католичеству. Во имя цивилизаціи и прогресса, во имя гражданскаго порядка они оправдываютъ настоящее жалкое положеніе восточныхъ христіанъ, говоря, что они неспособны къ независимой жизни, что съ уничтоженіемъ власти турокъ въ Турецкой Имперіи, вмѣсто хотя плохаго порядка, воцарится анархія, что имъ нужно пріобрѣсти гораздо больше ума чѣмъ сколько они имѣютъ и показываютъ его теперь, что для нихъ совершенно достаточно пока турецкой свободы, что, напримеръ, Греція—это не болѣе, какъ мертвое порожденіе негнѣныхъ мечтаній, проба дипломатіи, не оправдавшая ожиданій и способная убѣдить, что больше не слѣдуетъ дѣлать опытовъ освобожденія восточныхъ христіанъ. Соображая все сказанное, мы находимъ, что если восточные христіане для латинства суть непокорные и ненавистные *«илоты»*, то для протестантства и либерализма западнаго они—*«презрѣнные рабы»* и *«жалкіе недоросли»*, неспособные къ самостоятельной жизни; въ частности же *«московскіе христіане»*—это въ существѣ рабское, по происхожденію монгольское, но по многочисленности опасное рабское племя, и не будъ *Москва* такъ сильна, западный либерализмъ, можетъ быть, и согласился бы еще дѣлать кой-какія льготы несчастнымъ восточнымъ христіанамъ 1).

1) Мы потому помѣщаемъ въ Вѣстникъ эту прекрасную статью, что она совпадаетъ съ истинами, которыя много разъ въ немъ были высказаны, которыя усвоятъ принципу религіозному то мѣсто и значеніе, какія принадлежатъ ему по праву, и которыя, не смотря на то, были или отрицаемы, или непонимаемы нѣкоторыми нашими публицистами. *Ред.*

О ЗАПИСКѢ ПОКОЙНАГО МИТРОПОЛИТА ЮСИФА 5-ГО НОЯБРЯ 1867 ГОДА.

Извѣстно, въ какомъ печальномъ состояніи неходилась уніатская церковь въ ковнѣ 18-го и началѣ настоящаго столѣтія. Главною причиною униженія уніатской церкви были виновники ея появленія—латиняне. Видя въ ней какъ бы переходную ступень къ латинству, латиняне постоянно силились дать уни такое значеніе и въ глазахъ другихъ. Съ этою цѣлью они постоянно набрасывали уни свои разнаго рода обряды и церемоніи, фактически удаляя ее отъ православія и становя какъ бы на одну почву съ латинствомъ. Искаженная такимъ образомъ, первоначальная унія въ концѣ 18-го в. представляла собою Богъ вѣсть что, а императоръ Павелъ справедливо отзывался о ней, что это—ни рыба, ни мясо. Уни грозило уже совершенное поглощеніе латинствомъ, когда она съ началомъ 19-го в. по своему верховному управленію отдана была въ полное распоряженіе римскихъ-католиковъ (посредствомъ духовной коллегіи). Къ счастью, къ этому времени и въ самой уни созрѣло нѣсколько личностей, которыя своимъ свѣтымъ и здравымъ смысломъ понимали всю ненормальность такого теченія уніатской жизни и съ *личною опасностію* рѣшились воротить ее къ ея первоначальному источнику. Возможность такой реформы внушило имъ привильное пониманіе западно-русской жизни, западно-русскаго народа и духовенства (низшаго), привильное пониманіе уни* и православія, вѣра въ святость своего дѣла, надежда на равительство, его проницательность, его желаніе блага своимъ подданнымъ. Однимъ изъ главныхъ, если не первыхъ, дѣателей въ такомъ великомъ дѣлѣ является покойный митрополитъ. Избранный въ 1822 г. въ ассесоры духовной коллегіи, онъ рѣшился посвятить себя дорогому своему отечеству и съ тѣмъ вмѣстѣ душевной пользѣ ввѣренныхъ ему лицъ. Съ этихъ поръ онъ началъ свое великое дѣло, которому съ примѣрнымъ гражданскимъ самоотверженіемъ служилъ до послѣднихъ дней. Мы намѣрены здѣсь указать только начало этой дѣятельности; здѣсь, однако, какъ въ фокусѣ, отразилась уже вся великая будущая задача покойнаго святителя.

Присутствіе въ духовной коллегіи окончательно, познакомило покойнаго митрополита съ жалкимъ положеніемъ той церкви, къ

которой самъ онъ принадлежалъ. Если оставить дѣло въ такомъ положеніи, то будущее общало еще болѣе неутѣшительныя явленія. Къ счастью, тогдашнее правительство начинало принимать нѣкоторыя мѣры «къ огражденію цѣлости грекоунитскаго исповѣданія и сохраненію свойственнаго сему обряду богослуженія. «Это вызвало у покойнаго послѣднюю рѣшимость—представить правительству истинное положеніе уніятской церкви и указать средство къ восстановленію ея чистоты. Въ такой мысли была представлена правительству покойнымъ митрополитомъ записка отъ 5 ноября 1827 года.

Болѣе двухъ сотъ лѣтъ, излагается въ этой запискѣ, какъ западно-русскій народъ безпрепятственно сохранялъ греко-восточную вѣру и священные обряды богослуженія на природномъ славянскомъ языкѣ, не смотря на то, что подчиненъ былъ сначала Литвѣ, потомъ Польшѣ. Но польское правительство, желая въ народѣ единодушія, главнаго основанія государственнаго могущества, нечувствительными мѣрами, заблаговременно приготовило унію, возникшую въ царствованіе Сигизмунда III, извѣстнаго своею ревностію въ католичество. Съ появленіемъ уніи, русскіе князья, потомки св. Владиміра, и прочіе единоплеменные имъ литовскіе князья и другіе вельможи, «увлеченные обнадеживаніемъ двора и проництвами іезуитовъ, оставивъ вѣру своихъ предковъ, оставили съ презрѣніемъ и самую унію, дабы въ нѣдрахъ господствующей церкви латинской удовлетворить свое любочестіе.» Но съ переходомъ въ унію, и потомъ въ латинство, высшихъ сословій, народъ и низшее духовенство остались вѣрны своему долгу. Виѣстѣ они противоборствовали всѣмъ нововведеніямъ въ свою церковь, и преемники Сигизмунда дорого заплатили за опытъ насильственно повелѣвать совѣстію народа, который составлялъ большую половину государства. Но польское правительство не думало отказываться отъ своей цѣли. Нужно было придумать какія нибудь мѣры. И вотъ, при горячемъ содѣйствіи невобращенныхъ вельможъ, русская земля покрылась іезуитскими и другими римскими орденскими монастырями. Училища при этихъ монастыряхъ составляли единственный пріютъ, гдѣ могло получать кой какое образованіе уніятское юношество, но съ тѣмъ виѣстѣ оное нечувствительно привыкало къ чуждому для него римскому обряду—и вскорѣ въ уніятскомъ исповѣданіи остался только простой народъ и его священники.» Оставляя

народъ, латиняне подумали совратить духовенство—низшихъ священниковъ, безъ которыхъ не возможно дѣйствовать на умы простаго народа.

»Папы римскіе торжественно утвердили и обезпечили для уніатовъ образъ богослуженія и права греческой церкви. Вообще думаютъ, что это поведеніе было искреннимъ, и приводятъ благовидную тому причину, дудто они могли надѣяться таковымъ снисхожденіемъ подчинить своему скиперту и всю Россію. Такое мнѣніе не согласно съ поступками римскаго престола во все время существованія уніи....Всѣ перемѣны по уніятскому или лучше греческому обряду приводились въ дѣйствіе на глазахъ папскаго въ Варшавѣ нунція, часто съ его вѣдома, а иногда съ соизволенія ихъ папъ — и развѣ гласныя неудовольствія и нареканія исторгали у нихъ отъ времени до времени ничтожное опредѣленіе, обучающее частныя своевольства».

Уже самый актъ объ уніи былъ причиною измѣненія въ оной и образа управленія и обрядовъ богослуженія греческой церкви. Но выше всякаго сомнѣнія, что унія должна была измѣниться съ допущеніемъ лицъ римскаго исповѣданія къ уніятскому монашеству, и тѣмъ самымъ и ко всемъ высшимъ достоинствамъ. Богатые фондуши монастырей, епископій и архіепископій немедленно привлекли въ уніятскій обрядъ достаточное количество знаменитѣйшихъ особъ римско-католическихъ фамилій. Новые пришельцы скоро исходатайствовали у правительства привилегію, чтобы на архимандріи и епископіи никто кромѣ дворянъ не могъ быть возведеннымъ, и всѣ высшія іерархическія мѣста въ уніи поставили отъ себя въ полную зависимость.

Прибравъ къ своимъ рукамъ первѣйшія мѣста и фондуши уніятскіе, монахи уніятскіе (базиліане) успѣшно пошди къ своей цѣли. Духъ и направленіе уніятскаго монашества измѣнились уже по одному тому, что въ среду его допускались римляне. Но это еще не все. Сначала на Литвѣ, а потомъ и въ коронѣ монастыри (уніятскіе) исторгнуты изъ подъ власти епископовъ и составлено общество базиліанъ. Базиліане, съ протоархимандритомъ или генераломъ во главѣ, сначала были подчинены митрополитамъ, а потомъ стали имъ противодѣйствовать, измѣнили совершенно свое образованіе (въ пользу латинства) и, кромѣ употребленія славянскаго языка при богослуженіи, ничего почти не оставили изъ древ-

няго греческаго обряда. «Такимъ образомъ уніятскіе монахи изъ защитниковъ обряда и правъ своей церкви стали виновниками преступнаго на оныя посягательства и, подобно другимъ монашескимъ римскимъ орденамъ, орудіями польской власти, посредствомъ нунціевъ и пребывающихъ въ Римѣ орденскихъ вѣствъ съ генералами избранныхъ прокураторовъ удобно дѣйствовавшей.»

Преобразование монаховъ считали достаточнымъ средствомъ къ дальнѣйшимъ пережѣнамъ въ уніи. «Бѣлое духовенство думали принудить силою власти: отняли у него знатнѣйшіе фондуши, изъ которыхъ воздвигали новые монастыри; ставили надъ онымъ изъ монаховъ не только первѣйшихъ епархіальныхъ начальниковъ, но даже часто и декаповъ, и бѣлое духовенство возстало подъ тяжестью, но уже не виѣшняго, а внутренняго, отъ своихъ братій, угнетенія. Сіи однако средства, кромѣ взаимной до нынѣ продолжающейся между монашествомъ и свѣтскимъ духовенствомъ ненависти, никакого не имѣли дѣйствія: презрѣнные и угнетенные священники тѣмъ болѣе держались обрядовъ, своимъ гонителямъ ненавистныхъ.»

Видя неуспѣшность однихъ мѣръ, поспѣшили принять другія. Съ появленіемъ уніи стали открывать папы училища для русскаго духовнаго юношества. Вѣдѣніе ихъ поручалось іезуитамъ, а по упраздненіи послѣднихъ, папскимъ нунціямъ. Но плодами этихъ училищъ пользовались только монашествующіе (Понятно, какой вкусъ и аромать былъ въ этихъ плодахъ). Чтобы поставить какъ нибудь на этомъ пути и свѣтское духовенство, распорядились отдавать дѣтей его въ папскіе алюмнаты—римскій и виленскій. Но опять, чтобы образованные молодые люди изъ свѣтскаго духовенства не поступили въ монашество (а туда ихъ привлекало все: но цѣли Рима тогда не были бы достигнуты), то постановлено было, чтобы новиціуши при своемъ вступленіи въ алюмнатъ давали присягу, что они не поступятъ ни въ какой изъ монашескихъ орденовъ. Образовавшіеся здѣсь бѣлые священники, имѣя къ себѣ довѣріе своего духовенства, сдѣлавшись его начальниками; болѣе всего содѣйствовали распространенію нововведеній въ уніятской церкви, тѣмъ болѣе, что почва для такихъ нововведеній была подготовлена базилянскими и іезуитскими воспитанниками. Вторая половина истекшаго столѣтія и была главнымъ театромъ всевозможныхъ нововведеній. Тутъ волею неволею обрели свя-

щенникамъ бороды, сняли прежнія ихъ рясы; тутъ ввели нѣкоторые римскіе обряды и праздники, тутъ учреждень папою крестъ для ревностныхъ въ униі бѣлыхъ священниковъ; тутъ составлены на подобіе римскихъ уніатскіе капитулы..... Но всѣ эти нововведенія не могли окрѣпнуть и распространиться. Звукъ оружія Екатерины II даждь знать угнетеннымъ, что можно вздохнуть свободнѣе и большая половина уніатскаго народа поспѣшила обратиться къ греко-россійской церкви.

Съ воссоединеніемъ западной Россіи съ Великороссіей не исчезли совсѣмъ причины, которыя постоянно выдвигались злыми людьми съ тою цѣлю, чтобы разорвать связь между частями нашего древняго, обширнаго отечества. Причины эти слѣдующія. Въ воссоединенныхъ губерніяхъ существуетъ патриотизмъ (шляхты) къ своему прежнему отечеству. «Безъ сомнѣнія, чувства, съ младенчества вліянные и привычкою вкоренившіяся, не могутъ называться преступленіемъ, но поддерживающіе и распространяющіе оныя посредствомъ направленія, даннаго публичному воспитанію, или другими тайными, еще ненавистнѣйшими способами, должны считаться врагами общаго спокойствія. Съ другой стороны, духовенство въ глуши монастырей, или въ епархіальныхъ семинаріяхъ, отъ мѣстныхъ архіереевъ совершенно зависящихъ, и по книгамъ, въ среднихъ вѣкахъ сочиненнымъ, или же злоупотребленіями сихъ вѣковъ, предразсудками и сумасбродствами наполненнымъ, воспитываемое, не можетъ смотрѣть пріятнымъ окомъ на народъ съ вѣрою, въ теченіи толикихъ вѣковъ ненавистною,—народъ, не всегда позволяющій пользоваться мнимыми его правами и препятствующій неугасимой его жаждѣ къ прозелитизму. Сіи двѣ дружины, ежели ихъ такъ назвать, польскій патриотизмъ и ложный католицизмъ, хотя не однимъ образомъ, постоянно однако дѣйствуютъ къ вѣщшему удаленію сердець обитателей присоединенныхъ губерній отъ нынѣшняго своего отечества».

Такимъ образомъ выходило, что и юношество въ указанныхъ училищахъ—съ тенденціознымъ направленіемъ отзывалось о Россіи съ презрѣніемъ, не зная въ то же время ни самой Россіи, ни ея исторіи, ея обычаевъ, языка, литературы. Русскихъ оно считало варварами и названіе «москаль» было обыкновеннымъ изъясненіемъ презрѣнія. Духовенство съ своей стороны, хотя осторожнѣе, не щадило однако презрительныхъ сарказмовъ въ отношеніи «рети-

ковъ»... «схизматиковъ». За панами и пастырями нерѣдко слѣдоваль и самъ народъ. Вмѣстѣ съ римлянами почти въ одинаковой мѣрѣ начинали участвовать и уніаты «въ преступномъ направленіи умовъ.» Уніатское духовенство въ послѣднее время объединялось съ римлянами взаимностію пользы: воспитывалось оно въ римскихъ, или, что тоже, базилианскихъ училищахъ, и потомъ въ главной семинаріи; руководствовалось одними законами, одними учебными сочиненіями; въ полученіи приходовъ зависѣло отъ римскихъ помѣщиковъ; отъ совокупности богослуженія получало значительные доходы; часто римскихъ въ костелахъ занимало многія мѣста въ званіи викарныхъ, коммендаріевъ, альтаристовъ, капеллановъ; нѣкоторые считаютъ себя за честь — видѣть дѣтей своихъ въ средѣ римскаго духовенства, «ежели не именемъ, то силою мѣня и своимъ богатствомъ въ странѣ истинно-господствующаго.» Выходило, стало быть, что уніатское духовенство нужно было считать уже какъ бы служилымъ сословіемъ римскаго. Къ этой мысли приводило и то обстоятельство, что уніатское духовенство также служило въ костелахъ, носило одинаковую съ ксендзами одежду и въ тоже время силилось подражать имъ: вмѣсто древнихъ греческихъ обрядовъ вводило у себя латинскіе, вмѣсто внятнаго богослуженія—читанныя мши; во многихъ церквахъ исчезли иконостасы и въ нихъ явились органы вмѣсто пѣнія, много говорящаго уму и сердцу. Самый языкъ славянской—единственное пока отличие православнаго богослуженія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе искажался и отчасти даже не охотно употреблялся, какъ природными уніатами, такъ особенно поставленными изъ римлянъ священниками. Во многихъ мѣстахъ начинали уже учить народъ на польскомъ языкѣ и предлагать на немъ поученія.

Исчезало, такимъ образомъ, совершенное различіе между уніей и латинствомъ, и уніаты отличались отъ латинянъ только названіемъ. Цѣль латинства достигалась: самую унію можно было объявить латинствомъ, и дѣйствительно, при пропагандистическомъ духѣ въ другой, совращенія уніатовъ были самыя крупныя: въ одной Виленской епархіи, при трехъ стахъ церквахъ, совращенныхъ насчитывалось около 20,000.

Чтобы остановить такое зло, нужно обязать уніатское духовенство воспитывать своихъ дѣтей въ училищахъ, устроенныхъ для него русскимъ правительствомъ: «я дабы не дать причины къ укле-

ненію отъ сего правила, или же къ неудовольствіямъ, духовное юношество должно найти въ сихъ училищахъ, а равно и семинаріяхъ всѣ удобства и способы къ просвѣщенію, какимъ нынѣ пользуется.» Духовныя училища требовалось устроить въ достаточномъ количествѣ: въ нихъ должны были преподаваться, кромѣ славянскаго языка и обрядовъ богослуженія, всѣ тѣ предметы, которые преподавались и въ свѣтскихъ училищахъ; требовалось устроить въ нихъ достаточное количество казенныхъ фундушей, которыми по своему усмотрѣнію могли бы распорядиться епархіальные архіереи.

Такъ какъ «ничто болѣе не сближаетъ людей между собою, какъ употребленіе въ общежитіи одного языка, то потому слѣдовало бы завести во всѣхъ духовныхъ училищахъ преподаваніе вмѣсто польскаго на русскомъ языкѣ—вдругъ или постепенно.» За недостатками бѣлаго духовенства и для избѣжанія смѣшенія при враждебномъ расположеніи умовъ между монашествомъ и бѣлымъ улітскимъ духовенствомъ—школы эти требовалось оставить въ вѣдѣніи пока монаховъ. Но семинаріи должны были быть совершенно свободными отъ всякаго вліянія базилианъ. Чтобы даже въ низшихъ училищахъ юношество не напиталось ихъ вреднымъ духомъ, требовалось ограничить эти училища только тремя низшими классами. Продолженіе дальнѣйшаго воспитанія должно было совершаться въ епархіяхъ подъ вліяніемъ здравыхъ правилъ и бдительнаго присмотра.

Базилианскій орденъ въ уни былъ самый вредный и по своему составу и по своему направленію. Между тѣмъ онъ былъ многочисленный и по своему богатству и положенію вліятельный. Требовалось сократить число базилианскихъ монастырей (съ 80 на 20), тогда можно бы имѣть на нихъ большее вліяніе и лучшей за ними надзоръ. Самыя базилианскіе фундуши изъ 11,435 человекъ муж. пола и 858,152 руб. с. капитала на содержаніе 680 монаховъ требовалось обратить на болѣе пригодное употребленіе и для государства и для греко-унитской церкви. Такъ какъ предполагалось оставить базилианъ учителями въ низшихъ училищахъ, то нужно было развѣстить ихъ по тѣмъ монастырямъ, гдѣ находятся училища; отдѣльное монашеское начальство (генералы, или протоархимандриты...) требовалось уничтожить, какъ вредное, и поставить ихъ въ зависимость отъ мѣстныхъ архіереевъ. Требовалось воспретить вступать въ монашество малолѣтнимъ. и наполнить, если

можно будетъ, кончившими ученіе въ училищахъ; въ монастыри, наполненные римско-базиліанами совершенно воспретить принимать новиціушовъ. Базиліане, такимъ образомъ, ослаблялись въ своемъ значеніи, ихъ исключительное направленіе и положеніе исчезало, они входили въ колею общегосударственной жизни, и начальство легче могло бы слѣдить за ними и направлять ихъ къ законной цѣли: «молодые люди не произносили бы безразсудныхъ обѣтовъ, и вступая въ монашество, знали бы уже предварительно обязанности человѣка—гражданина и священника, тогда какъ дѣти въ новиціатахъ образуются единственно на монаховъ, своихъ родныхъ, свое отечество, своего царя, свое небо въ одномъ монастырѣ заключающихъ.»

Чтобы болѣе содѣйствовать возстановленію въ о́бломъ уніатскою духовенствѣ его истиннаго духа и значенія, требовалось удалить резиденцію его епархіальныхъ начальствъ отъ римскихъ кафедръ и вообще отъ такихъ мѣстъ, гдѣ замѣтно было сильное вліяніе латинянъ. Удаленное отъ послѣднихъ, уніатское духовенство скорѣе способно было принять реформу. Указывалось новое разграниченіе уніатскихъ епархій и обозначались пункты, выгодные для пребыванія уніатскихъ архіереевъ. Особенно выгодными представлялись Полоцкъ и Жировицы (Гроднен. губ.), древніе пункты русской жизни, кругомъ которыхъ было много русскаго элемента, и которые, слѣдовательно, могли благотворно повліять на уніатовъ и даже ихъ епаріальныя власти, если назначить для нихъ пребываніе въ этихъ пунктахъ. Вильну, кругомъ которой уніатовъ почти не было, можно было оставить. Самое управленіе уніатовъ во второмъ департаментѣ духовной коллегіи требовалось отдѣлить отъ управленія римлянами.

Ны говорили уже, что уніаты стали заводить у себя капитулы по образцу латинянъ. Для противудѣйствія этому можно было образовать кафедральныя штаты. Капитулы рушились бы, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ одного супрасльскаго, всѣ они не имѣли законнаго основанія. Главная причина существованія канониковъ въ уніатской церкви—это—кресты, установленныя папою въ 1784 г. для 30 ревностныхъ въ уніи священниковъ и совершенно сходныя съ римскими. «Сіи кресты, властію митрополита раздаваемые, едва ли въ самой Россіи не превышаютъ уже вдвойнѣ узаконеннаго количества, говорить записка, и всѣ носящіе оныя именуется ка-

жниками. Какъ вѣрноподанные изъ рукъ своего только государя награжденія заслугъ своихъ ожидать должны,—то и слѣдовало бы воспретить уніатскимъ митрополитамъ раздачу оныхъ крестовъ.» Предполагалось гораздо лучшимъ—установить въ уніи санъ протоіерея съ награжденіемъ крестомъ, какой дается въ господствующемъ исповѣданіи, и установить какіе нибудь пенсіоны изъ общаго церковнаго достоянія.

Въ заключеніе указывалось, что надзоръ за успѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ предначертаній правительства относительно уніатовъ долженъ быть возложенъ не только на архіереевъ, но и на мѣстныхъ епископій и коллегію, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности самихъ мѣсть.

Мы изложили ходъ главныхъ мыслей «записки» покойнаго митрополита. Здѣсь видѣнъ глубокой политической смыслъ и самоотверженная ревность о благѣ отечества вѣрноподаннаго гражданина. Въ остальномъ предоставляемъ судить самому читателю. Эта «записка», представленная императору Николаю Павловичу, приобрѣла покойному іерарху полное довѣріе и уваженіе великаго государя. Нужно помнить при этомъ, что она писана 40 слѣшкомъ лѣтъ назадъ....

К.

(Лит. Еп. Взд).

С Л А В Я Н И Н Ъ.

Читатели наши вѣроятно уже довольно ознакомлены съ симпатическимъ направленіемъ львовскаго журнала „Славянинъ“, посвященнаго интересамъ славянства. — Тѣмъ не менѣе, мы предоставляемъ себѣ отъ времени до времени давать отчетъ о содержаніи нѣкоторыхъ болѣе рельефныхъ выпусковъ, въ которыхъ явственнѣе выражается возрѣніе этого органа на нѣкоторые, наиболѣе намъ близкіе, вопросы славянства.

Во всѣхъ доселѣ вышедшихъ №№ Славянина въ номъ неуклонно и съ замѣчательною логическою послѣдовательностію проведена благородная задача сближенія и духовнаго объединенія славянскихъ племенъ между собою. Съ одинаковымъ усердіемъ онъ занимается и русскими, и поляками, чехами, сербами и болгарами, съ полнымъ знаніемъ исторической жизни

этихъ славянскихъ племенъ, обрисовываетъ бытовья ихъ особенности, и вѣрно представляетъ уровеньъ духовнаго ихъ развитія въ настоящую минуту.

Что же касается взгляда на отношенія поляковъ къ русскимъ, то признаемся, что этотъ совершенно независимый органъ, издающійся въ пунктѣ, гдѣ кипятъ политическія страсти, гдѣ существуютъ анти-славянскія партіи „Народовки“ и Львовскаго Дневника“, — поистинѣ возбуждаетъ удивленіе своимъ рыцарскимъ подвигомъ во имя истины, своимъ объективнымъ безстрастіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ № 9 „Славянина“, въ которомъ находимъ нѣкоторыя указанія на тотъ способъ примиренія русскихъ съ поляками, который, судя по нѣкоторымъ даннымъ, „Славянинъ“ признаетъ естественнымъ и наиболее достигающимъ цѣли.

Правда, прамыхъ разсужденій редакціи на эту тему въ „Славянинѣ“ нѣтъ, но уже одно воспроизведеніе на его столбцахъ знаменитаго меморіала Карамзина, представленнаго этимъ патриотомъ въ 1819 г. императору Александру І, показываетъ, что почтенный органъ славянства раздѣляетъ мнѣніи, высказанныя въ упомянутомъ документѣ. Онъ переведенъ на польскій языкъ съ недавно вышедшаго въ Петербургѣ изданія корреспонденціи Карамзина, подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина.“

Читатели наши, надѣмся, раздѣлятъ высказанное нами заключеніе объ образѣ понятій „Славянина“ по предмету примиренія, если припомнятъ содержаніе Карамзинскаго меморіала. По поводу проявляющагося одно время у императора Александра І намѣренія воскресить Польшу въ ея древнихъ предѣлахъ, вотъ что, между прочимъ, писалъ Карамзинъ къ освободителю Европы: „Вы думаете возстановить древнее королевство польское? Но сіе возстановленіе согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія одастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить ей войну, которая; противна не только христіанству, но и государственной справедливости? Потому что Вы сами признали Галицію законнымъ достояніемъ австійскимъ. Во вторыхъ, можете ли

Вы, съ мирною совѣстью, отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волинь и Подолію, утвержденную собственностью Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россією, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣдцъ Мономаха, Петра, Екатарины, которую вы сами называли Великою,—скажутъ ли что она беззаконно раздѣлила Польшу? но вы пѣступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣствуетъ Богу, отвѣствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято. Для васъ Польша есть законное російское наслѣдіе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ; иначе, мы должныствовали бы возстановить казанское и астраханское царства, новгородскую республику, великое княжество рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣвостямъ, Бѣлоруссія, Волинь и Подолія вмѣстѣ съ Галицією, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ; или все, или ничего! До нынѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: „ни пяди ни врагу, ни другу!“ Наполеонъ могъ завоевать Россію, но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной русской хижинъ; таковъ характеръ и духъ государственный. Вы любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Рессію бездушной, безмолвной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части, и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, государь, безмолвна предъ вами, но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела нѣкогда историка достойнаго, то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества—добрый, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совѣтъ не то, что могутъ теперь говорить поляки. Извиняемъ ихъ, но васъ бы русскіе не извинили, если бы вы для ихъ рукоплесканій ввергнули насъ въ отчаяніе, государь нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую вамъ головою за сіе

неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши! Я слышу русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекраснѣйшихъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно вашъ дворецъ; вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы. А вы государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

„Однимъ словомъ... и Господь сердецѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину, однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровью землю польскую, и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

„Нѣтъ, государь! никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны. Слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ. Когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи. Конечно не въ ваше царствованіе, но вы государь, смотрите далѣ своего вѣка; если вы смертны тѣломъ, то бессмертны славой. Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ.

„Литва и Волынь желаютъ королевства польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской; чей голосъ долженъ быть слышнѣе для вашего сердца? Они въ случаѣ войны, впрочемъ нимало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ; право всегда имѣетъ особую силу, а бунтъ какъ беззаконіе отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе поляковъ-россіянъ. Государь! Богъ далъ вамъ такую славу и такую державу, что безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, вамъ нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, что

бы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый, безкорыстнымъ великодушнымъ посредничествомъ, второе—хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже приобрѣли имя Великаго, приобретите имя отца нашего. Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство польское, какъ оно есть нынѣ, но да существуетъ и благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена вамъ Екатериною!.. Екатерина любила васъ нѣжно и любила наше отечество.— Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю!”

И такъ предположивъ, что воспроизведеніемъ этого документа безъ комментариевъ, редакция признаетъ вѣрность высказанныхъ въ немъ сужденій, мы вправѣ заключить, что уважаемый органъ понимаетъ примиреніе ближайшихъ между собою родственныхъ племенъ совсѣмъ не въ духъ „Новаго Времени“ или „Вѣсти“, отличающихся крайнимъ верхоглядствомъ по русско-польскому вопросу. Мы вправѣ заключить, что любя польскій народъ, „Славянинъ“ желаетъ ему, подобно намъ, умиротворенія прочнаго, при которомъ политическія потрясенія оказались бы невозможными, для взаимнаго благосостоянія двухъ родственныхъ племенъ. Полагаемъ, что столь благородная роль слишкомъ убѣдительно говоритъ сама за себя, и опредѣляетъ то серьезное значеніе, которое придается этому органу славянства, его посредническою, такъ сказать, международною миссіей.

Въ статьѣ, подъ названіемъ *Боларія*, „Славянинъ“, сообщивъ интересныя данныя о болгарскомъ народѣ—историческія, статистическія и этнографическія, прицѣпляетъ соболѣзнованіе французскаго туриста Кипріана Робера, по поводу отсутствія у болгаръ политическаго энтузіазма, ихъ неподвижности и флегматическаго характера. Почтенный органъ полагаетъ, что благодаря этой чертѣ народнаго характера, болгары не ловятся въ силки такъ легко, какъ ловятся поляки, слушаясь подущеній западной Европы. Роберъ полагаетъ даже, что болгаринъ есть только ославянившійся татаринъ. Въ такомъ случаѣ, дѣльно замѣчаетъ „Славянинъ“, слѣдуетъ признать за славянствомъ великую силу, и должно радоваться ея успѣхамъ вездѣ, гдѣ только она проявляется, наперекоръ педантическимъ, быть можетъ, весьма ученымъ, но во всякомъ случаѣ, сухимъ выводамъ

Духинскаго, направленнымъ, какъ думаетъ редакція, естественно къ пагубѣ лехитскаго народа. „Татары и болгары, говорится въ статьѣ, стригутъ и брѣютъ голову, оставляя только длинный пучокъ волосъ, подъ названіемъ „оселедца.“ Но въдѣ и поляки, еще не въ столь далекія времена, придерживались той же моды. Спрашивается: мы ли, поляки, а также другіе славяне ходили въ татарскую школу, или татары, въ славянскую?“

Доказавъ затѣмъ этнографическимъ путемъ кровное славянство болгаръ, „Славянинъ“ заключаетъ эту статью такъ: „Станемъ глубже, усерднѣе изучать славянщину, и несомнѣнно убѣдимся, что все мы, происходя отъ одного и того же корня, живемъ и одухотворяемся однимъ и тѣмъ же духомъ, наперекоръ всевозможнымъ цивилизаціямъ—греческой и латинской, и даже систематической германской. Будемъ же сами собой, не вреда никому.“

Подъ общимъ заглавіемъ: *Что дѣлаетъ эмиграція?*—напечатаны двѣ корреспонденціи изъ Цюриха, въ которыхъ разсказывается о разныхъ шіутовствахъ польскихъ выходцевъ съ тономъ ироніи и укоризны. Такой здравомыслящій органъ, какъ „Славянинъ“, и не могъ иначе отнестись къ нравственнымъ уродливостямъ польскаго кружка, отрѣзаннаго отъ общаго потока нормальной гражданской жизни. Въ статьѣ: *Статистическое сравненіе восточной и западной Галиціи*, приведены цифровыя данныя, касательно географическаго пространства и народонаселенія по національностямъ, вѣроисповѣданію, полу и возрасту. Въ очеркѣ: *Францъ Палацкій*, обрисована литературная и политическая дѣятельность этого чешскаго представителя.

Девятый выпускъ „Славянина“ отличается преимущественно тѣмъ, что въ немъ, сравнительно съ предшествовавшими выпусками, заключается много свѣдѣній, касающихся Россіи, и такимъ образомъ служащихъ матеріаломъ для ознакомленія другихъ славянъ съ русскимъ народомъ. Здѣсь мы находимъ историческій обзоръ русскаго языка и литературы до времени вступленія на престолъ императора Николая I. Исходя отъ принципа, что интеллектуальное сближеніе народовъ всегда сопровождается благотѣльными для нихъ послѣдствіями, уважаемая редакція намѣрена не ограничиваться одною этою статьѣй

но довести обзор русской литературы до ея современнаго состоянія. Такой трудъ послужитъ фактическимъ опроверженіемъ выходки краковскаго „Часа,“ который отвергаетъ даже существованіе русской литературы. А между тѣмъ, русская литература, говоритъ „Славянинъ,“ имѣетъ для насъ великую важность, потому что, непрерывно совершенствуясь, благодаря своимъ живительнымъ силамъ, можетъ быстро окрылить нашу собственную литературу“

Въ отдѣлѣ смѣси помѣщена библиографическая замѣтка о книгѣ кн. Мещерскаго: *Очерки современной общественной жизни въ Россіи*. Замѣтка эта оканчивается слѣдующими словами: „Тотъ, кто не бывалъ въ Россіи дѣтъ семь, непременно долженъ прочесть книгу кн. Мещерскаго. Изъ нея онъ составитъ себѣ вѣрное понятіе о гигантскомъ и всестороннемъ прогрессѣ, путемъ котораго пошелъ русскій народъ, благодаря великодушію Монарха и скромному, но плодотворному труду передовыхъ русскихъ людей. Бокль подтверждаетъ фактами ту несомнѣнную истину, что по мѣрѣ того, какъ люди ближе познаютъ другъ друга, между ними исчезаетъ взаимное недоверіе и ненависть. . . Лстимся надеждой, что сочиненіе кн. Мещерскаго въ состояніи исполнить миссію примиренія съ народомъ русскимъ польскихъ читателей, потому что невозможно, прочитавъ означенное сочиненіе, не полюбить этого терпѣливо работающаго люда, съ его добрымъ не злопамятнымъ сердцемъ,—не возможно не сочувствовать его благимъ надеждамъ въ великую будущность, заря которой давно взошла уже надъ Волгой, и въ естественномъ порядкѣ вещей заблистала и надъ ея сестрой Вислой. . . Въ той же рубрикѣ помѣщена статейка о засѣданіи императорской академіи наукъ, объ училищахъ въ кievской губерніи въ 1868 году, о журналистикѣ въ Одессѣ и о сибирской чумѣ въ Радомской губерніи.

Въ заключеніе, не можемъ не выразить нашего желанія, чтобы уважаемый „Славянинъ“ нашелъ себѣ свободный доступъ въ польское и русское общество, и снискалъ бы себѣ сколь возможно обширнѣйшій кругъ читателей. Мы вполне увѣрены, что мирная и безкорыстная пропаганда этого симпатичнаго органа не останется безъ добрыхъ нравственныхъ ро-

зультатовъ, и потому не можемъ не сочувствовать правительственному распоряженію, разрѣшившему „Славанину“ безпрепятственный входъ въ наши предѣлы.

И.
(Варш. Дн.)

Объявленія о газетахъ и журналахъ на 1869 г.

ПОДПИСКА НА „ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ“ 1869 г. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	На погода:
безъ доставки и пересылки . . .	4 р.	2 р. 50 к.
съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 > 50 к.	3 >
съ пересылкою во всѣ города Россіи . . .	7 >	4 >

Кромѣ того, отъ городскихъ подписчиковъ принимаетъ подписка на «ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ» помѣсячно: Безъ доставки по 40 к. за мѣсяцъ, съ доставкою—по 55 к. за каждый мѣсяцъ.

Для служащихъ въ Петербургѣ, допускается подписка съ разсрочкою, но не иначе, какъ черезъ гг. казначеевъ. При перемѣнѣ адреса, каждый подписчикъ долженъ вносить 10 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ главной конторѣ редакціи (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лѣсникова, надъ Милютинными лавками), въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ. Иногородные подписчики благоволятъ обращаться, или прямо въ С.-Петербургъ, въ редакцію «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ», или въ мѣстные почтовые конторы, какъ губернскія, такъ и уѣздныя.

Кромѣ мѣсть, означенныхъ въ этомъ объявленіи, подписка на «Петербургскую Газету,» для московскихъ подписчиковъ, принимается въ Охотномъ ряду, въ лавкѣ купца *Живарева*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ

1-

ЦЕРКОВНО-ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЕ ТРЕХЛѢТІЕ

Одинъ огромный томъ, состоящій изъ 45 листовъ въ большую осьмую листа мелкой самой плотной и убористой печати.

Это послѣдній трехгодичный опытъ проповѣдическихъ трудовъ автора, заключающій въ себѣ 225 поученій.

ЦѢНА 1 р. 75 к. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 2 р.

2.

ВЕСЬДА САМАГО СЪ СОВОЮ, ИЛИ МЫСЛИ НА ДОСУГЪ.

Въ книгѣ краткихъ и пространныхъ мыслей 304.

цѣна 60 к. съ пересылкой 75 к.

Объ книги съ пересылкой 2 р. 50 к.

Желающіе имѣютъ адресоваться: въ Вологду, къ автору этихъ книгъ кафедральному протоіерею Василию Иванов. **НОРДОВУ.**

Предварительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго археологическаго съѣзда спѣшитъ извѣстить всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать лично или присылкою своихъ трудовъ и находокъ, что съѣздъ положено открыть въ Москвѣ 16-го марта 1869 г., и.

просить посылать всѣ заявленія и посылки для сѣзда въ Москву, на имя предсѣдателя предварительнаго комитета, графа А. С. Уварова (въ московское археологическое общество), или въ Петербургъ, на имя помощника предсѣдателя предварительнаго комитета В. В. Вельяминова-Зернова (въ Императорское Русское Археологическое Общество). Подробная программа сѣзда будетъ публикована въ непродолжительномъ времени.

Подписка на 1869 годъ.

НЕДѢЛЯ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

и

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

на слѣдующій 1869 годъ, будутъ выходить по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ настоящемъ году. Слѣдующіе изъ гг. сотрудниковъ истакающаго года обѣщали намъ свое постоянное содѣйствіе и въ будущемъ, 1869 году:

Н. Благовѣщенскій, П. Вейнбергъ, О. Волоколамскій, Д. Гирсъ, Н. Демертъ, Н. Курочкинъ, В. Курочкинъ, Н. Бушниковъ, А. Левитовъ, Д. Минаевъ, П. Миртовъ, А. Михайловъ (Шеллеръ), Ф. Нефедовъ, А. Плещеевъ, А. Пятковскій, Ю. Россель, Ф. Рѣшетниковъ, Н. Соколовскій, А. Скабичевскій, П. Степановъ, Г. Успенскій и І. Шишинъ.

П Р О Г Р А М М А.

1) Политическій Отдѣлъ. Обзоръ всѣхъ текущихъ событій заграничной общественной и политической жизни.

2) **Внутреннее Обзорѣніе.** Отчетъ о событіяхъ русской жизни. Судебная хроника.

3) **Научный Отдѣлъ.** Статьи, замѣтки по всеѣмъ отраслямъ знанія и по преимуществу по вопросамъ естествовѣденія, политической экономіи, народнаго образованія и исторіи.

4) **Веллетристика.** Романы, повѣсти, путешествія и т. д.

5) **Критика и библиографія.** Разборъ журналовъ и болѣе или менѣе замѣчательныхъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

6) **Фельетонъ и Смѣсь.**

Въ «ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ЛИСТКѢ»,

кромя копій съ лучшихъ произведеній европейскихъ художниковъ, будутъ помѣщены рисунки К. Трутовскаго, сцены и типы изъ губернскихъ очерковъ Щедрина, М. Башилова, и портреты современныхъ писателей.

Газета «НЕДѢЛЯ» выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ, въ объемѣ отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, вмѣстѣ съ «Художественнымъ Листкомъ» 12 руб., полугодовому 6 руб. 50 к., съ пересылкою и доставкою. Безъ «Художественнаго Листка» годовая цѣна 6 руб., полугодовая 3 р. 50 к. съ пересылкою и доставкою. «На Художественный Листокъ» отдѣльно подписка не принимается.

Небольшое количество экземпляровъ «Недѣли и Художественнаго Листка» за 1868 г. имѣются въ запасѣ. Они продаются по тѣмъ же цѣнамъ, какъ за 1869 годъ.

Требованія адресуются и подписка принимается: въ конторѣ редакціи газеты «НЕДѢЛЯ» въ С.-Петербургѣ, у Пѣвческаго моста, въ д. Утина, кв. № 37. Для московскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загражскаго.

Редакторъ-издатель *В. Е. Генкель.*

П О Д П И С К А

НА

МОРСКІЮ ГАЗЕТУ

КРОШТАДТСКІИ ВЪСТНИКЪ

въ 1869 году

принимается въ Бронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, на соборной площади, въ домѣ Никитиныхъ.

Въ С.-Петербургѣ; въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, противу Милютиныхъ лавокъ, и въ столичныхъ почтаматахъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ.

На годъ.	5 р.
» 6 мѣсяцевъ.	3 » 25 к.
» 4 мѣсяца.	2 » 25 »
» 1 мѣсяцъ.	60 »

СОЧИНЕНІЯ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА ЧЕРНИГОВСКАГО

поступили въ продажу по уменьшенной противъ прежняго цѣнѣ:

- 1) Православное Догматическое Богословіе въ 2-хъ частяхъ. Цѣна, вмѣсто 3 р., 2. 50 к., съ пересылкою.
- 2) Исторія Русской церкви въ 5 періодахъ. Цѣна, вмѣсто 3 р. 60 к., 2 50 к., съ перес. 3 р. Отдѣльно за 5 періодъ 70 к.
- 3) Обзоръ Русской Д. Литературы въ 2-хъ отдѣленіяхъ. Цѣна, вмѣсто 3 р. 50 к., 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.
- 4) Русскіе Святые за всѣ 12 мѣсяцевъ. Цѣна, вмѣсто 6 р. 4 р. съ перес. 5 р. Отдѣльно за каждый мѣсяцъ 50 коп.
- 5) Святые Южныхъ славянъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ. Цѣна, вмѣсто 1 р. 50 к., 1 р. 40 к., съ перес.

6) Бесѣды о страданіяхъ Спасителя. Цѣна, 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., вмѣсто 2 р. 80 к.

7) Слова и Бесѣды въ 4 частяхъ. Цѣна, 2 60 коп., съ перес., вмѣсто 3 р. 60 к.

8) Историческое ученіе объ Отцахъ церкви (въ сокращеніи). Цѣна 50 к. съ пер., вмѣсто 1 р. 25 к.

9) Опытъ объясненія на посланія Апостола Павла къ Галатамъ. Цѣна 75 к. съ перес. вмѣсто 1 р.

10) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. вмѣсто 1 р. 50 коп. сер.

11) Лугъ духовный. Цѣна 1 р. съ перес. вмѣсто 1 руб. 50 коп.

12) Описаніе харьковской епархіи въ 5 отдѣленіяхъ. Цѣна 3 р. съ перес. вмѣсто 3 р. 75 к.

13) Общій обзоръ черниговской епархіи. Цѣна 75 к. съ перес. вмѣсто 1 руб.

14) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Цѣна 50 к. съ пер. вмѣсто 75 к.

15) Крупицкій батуриискій монастырь. Цѣна 30 к. съ перес. вмѣсто 40 к.

Выписывающіе на 10 рублей пользуются уступкою по 10% съ рубля.

Выписывающіе обращаются съ своими требованіями въ юр. Черниговъ, къ наставнику черниговской духовной семинаріи *Теодору Ивановичу Дмитревскому.*

СОДЕРЖАНИЕ 10-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- № 11. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.** — 1) **Опредѣленіе** гродненскаго земскаго суда по дѣлу, заведенному полоцкимъ архіепископомъ Гаврииломъ Колендою объ отнятіи отъ уніатовъ заблудовской церкви и введеніи въ ней греческаго богослуженія конюшимъ Великаго Княжества Литовскаго Богуславоу Радзивиллоу 1664 г. Стр. 1.— 2) **Спонтанельное** опредѣленіе гродненскаго земскаго суда, по силѣ котораго православная церковь въ м. Заблудовѣ отдана уніатамъ съ уплатою за нѣсколько лѣтъ десятины. Въ опредѣленіи этомъ прописывается сеймовое постановленіе касательно нѣкоторыхъ уступокъ уніатовъ въ пользу православныхъ. 1666 г. Стр. 5.— 3) **Дарственна** запись князя Константина Острожскаго, супруги его княгини Татьяны и сына ихъ князя Ильи — туровской Преображенской церкви на садъ съ пастькою, поля и сѣножати. 1508 г. Стр. 19.— 4) **Дарственна** запись князя Константина Ивановича Острожскаго, супруги его княгини Татьяны и сына ихъ князя Ильи — туровской Преображенской церкви на три поля съ припашьями и сѣножатыми. 1513 г. Стр. 20.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- О ЗАПАДНО-РУССКИХЪ АРХИМАНДРІЯХЪ.** Стр. 1. **Щербинцаго**, **Нѣскольکو** словъ о древнихъ женскихъ православныхъ монастыряхъ въ г. Вильнѣ: Троицкаго и Благовѣщенскаго и о послѣдующей судьбѣ перваго. Стр. 25.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- ПОЛЬСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ НА ЗАПАДѢ РОССІИ.** Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ПЯДЛО**, историческій романъ (продолженіе). **С. Калугина.** Стр. 1.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Небѣдна** г. главнаго начальника края въ Ковну. Стр. 26.— **Богородичная** часовня близъ г. Мянска. Стр. 27.— **Еще** нѣкоторые свѣдѣнія о покойномъ митрополитѣ Іосифѣ. Стр. 29.— **Отношеніе** Іосифа, митрополита литовскаго и вилненскаго, къ оберъ-прокурору святаѣшаго синода графу Протасову, отъ 10 января 1865 г. Стр. 36.— **Вилненскій** монастырь св. Маріи Магдалины. Стр. 42.— **Къ заботамъ** о возобновеніи православныхъ храмовъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Стр. 44.— **Вопросъ** о мѣстномъ духовенствѣ юго-западнаго края. Стр. 54.— **Еще** по поводу папскаго приглашенія на вселенскій соборъ. Стр. 63.— **Еще** о польскомъ вопросѣ. Стр. 71.— **Эпизоды** изъ польскаго владычества въ западномъ краѣ. Стр. 77.— **Присоединеніе** изъ латинства. Стр. 79.— **Реформы** принятыя послѣ мятежа 1831 года, относительно положенія католической церкви въ Россіи.— Стр. 82.— **Подложные** документы и фальшивые въ западномъ краѣ. Стр. 87.— **Эпизодъ** изъ послѣдняго польскаго мятежа. Стр. 93.— **Объ** освященіи грекоуниатской церкви въ Пищацѣ. Стр. 102.— **Шисель** султана къ Папѣ. Стр. 104.— **О замѣскѣ** покойнаго митрополита Іосифа, 5-го ноября 1867 г. Стр. 111.— **Славянскіе**. Стр. 119.— **Объявленія** объ изданіи газетъ и журналовъ въ 1869 году.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Вильнѣ*,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Фелнера*, б. Сеньковского. Въ *С.-Петербургѣ*,—у комиссiонера „Вѣстника“, книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскѣмъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ *Москвѣ*,—у такогoжъ комиссiонера, книгопродавца *А. Н. Шевцова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. Черепанова. Въ *Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. Въ *Вѣннѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою по домѣ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гр. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ *Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ *Вильну*.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей *Вильны* по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 6 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 18⁶⁶/₆₇ годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы не дѣлается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, въ 25, —10%, —50, —15%, —100, —20%.

Редакторъ-издатель *И. Говорскій*.

ИЗДАНИЕ

СОДЕРЖАНІЕ 10-ой КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“
ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I

№ 11. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ. — 1) **Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда по дѣлу, по которому половинѣ архіепископомъ Гаврииломъ Колендою объ отнятіи отъ толь-вабудовской церкви и введеніи въ ней греческаго богослуженія изъ Вѣдьякаго Книжества Литовскаго Богуславоу Радвинилоу 1664 г. Стр. 1. — 2) **Окончател.ное** опредѣленіе гродненскаго земскаго суда, по силѣ котораго православная церковь въ м. Забудовѣ отдана униатамъ съ уплатою за нихъ пятидесятина. Въ опредѣленіи этомъ прописывается сеймовое постановленіе касательно некоторыхъ уступокъ униатамъ въ пользу православныхъ. Стр. 5. — 3) **Дарственная** записи князя Константина Острожскаго, съ его женою Татьяною и сына ихъ князя Ильи — туровской Преображенской церкви на садъ съ пашкою, полями и сенокатами. 1508 г. Стр. 19. — 4) **Дарственная** записи князя Константина Ивановича Острожскаго, съ супруги его Татьяны и сына ихъ князя Ильи — туровской Преображенской церкви на поля съ припашьями и сенокатами. 1513 г. Стр. 20.**

ОТДѢЛЪ II.

О ЗАПАДНО-РУССКИХЪ АРХИМАНДРІЯХЪ. Стр. 1. **Щербинцаго.**
Нѣсколько словъ о древнихъ женскихъ православныхъ монастыряхъ въ г. Вильно Троицкаго и Благовѣщенскаго и о послѣдующей судьбѣ перваго. Стр. 25.

ОТДѢЛЪ III.

ПОЛЬСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ НА ЗАПАДѢ РОССІИ. Стр. 1.

ОТДѢЛЪ IV.

ЯГАЙЛО, историческій романъ (продолженіе). **С. Палугина.** Стр. 1.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Вѣдьяна** г. гданьскаго епископа краевъ Ковну. Стр. 26. — **Богородичная** часовня близъ г. Милска. Стр. 27. — **Еще** нѣкоторые свѣдѣнія о меконіонѣ митрополитѣ Іосифѣ. Стр. 29. — **О свѣдѣніи** Іосифа, митрополита литовскаго и вилннскаго, къ обер-прокурору свѣтлейшаго синода графу Протасову, отъ 10 января 1855 г. Стр. 36. — **Изъ свѣдѣній** монастыря въ Маріи Магдалины. Стр. 42. — **Въ заботѣхъ** о владѣніи православныхъ храмовъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Стр. 44. — **Новыя свѣдѣнія** о духовенствѣ юго-западнаго краѣ. Стр. 54. — **Еще** по поводу приращеній на везенскій соборъ. Стр. 63. — **Еще** о польскомъ вопросе. Стр. 71. — **Эпизоды** изъ польскаго владычества въ западномъ краѣ. Стр. 77. — **Присоединеніе** изъ латвіи. Стр. 79. — **Реформы** правительственныя 1831 года, относительно положенія католической церкви въ Польскаго краѣ. Стр. 82. — **Подложные** документы и фальшивые въ западномъ краѣ. Стр. 87. — **Эпизоды** изъ послѣдняго польскаго мѣтежа. Стр. 93. — **Объ освѣщеніи** униатской церкви въ Пинацѣ. Стр. 102. — **Извѣстіе** султана къ Папѣ. Стр. 109. — **Записки** покойнаго митрополита Іосифа, 5-го ноября 1867 г. Стр. 119. — **Объявленіи** объ издаваніи газетъ и журналовъ въ 1868 году.

ВЕСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

ВИЛЬНА

1869.

Printed in Russia

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во все мѣста Имперіи.

Адресоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ комиссіонерамъ „Вѣстника“ А. О. Базунова въ С. Петербургѣ и А. Н. Оерапонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: **„Очерки бѣлорусскаго Полѣся“** (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI, — 1868.

КНИЖКА XI.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено цензурою февраля 11 дня 1869 г. Вильна.

I.

№ 12.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ
ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

I.

Заявленіе королевскихъ чиновниковъ объ
отнятіи у православныхъ и передачѣ уніатск.
митр. Потѣю виленскихъ церквей. 1609 г.

Я Войтехъ Сенковскій, столникъ Цѣхановскій,
а я Янъ Краевскій, дворяне его кор. милости озяи-
муемо тымъ нашимъ листомъ, ижъ въ року теперен-
немъ тисеча шестьсотъ девятомъ, мѣсеца Августа
шестого дня, водлѣ выроку и росказаня его кор. мил.
пана нашего милостивого, будучи мы на то зъ ра-
мени его кор. мил. зослани, а маючи при собѣ двоухъ
повѣту виленского: пана Езофа Янковскаго а пана
Яна Карвовского и пети шляхтичовъ: пана Андрея
Домбровского, пана Войтеха Корсака, пана Крыштофа
Закревского, пана Андрея Жарновского а пана Яна
Августиновича, — были есмо въ церкви соборной ви-
ленской Светое Пречистое и въ дворѣ каменицы мит-
рополее, при той церкви соборной будучое, также и

въ иишихъ окрестныхъ виленскихъ, которые первы того отъ людей свовольныхъ духовныхъ и свѣцехъ релии греческое, яко бунтовниковъ и противниковъ звирхности его кор. мил., праву посполитому и теж пастырству и влады старшого преложенного ихъ велебного въ Бозѣ его м. отца Ипатія Потѣя, архі епископа митрополита кievскаго и галицкаго и все Россіи, ненослушныхъ, за збутованіемъ се черезъ нихъ, свовольне и кгвалтовне зъ моцы его милост отца митрополита забраны были; зась для взятя одысканья зъ рукъ тыхъ бунтовниковъ во владзу моць маестатови его кор. мил., яко найвышого п давцы и оборонцы церквей Божыхъ, тамъ же напер вѣй самую соборную церковь Светое Пречистое дворъ съ каменицю митрополею пры той церкв соборной будучою, а затымъ и иишые церкви виленскіе меновите: Перенесенье Светого Николы, Воскр сенье Спаса, Покровы, Пятницы, Светого Юрья, Светого Петра, Светого Козмы и Демьяна, Рождесте Христова, другую церковь светого Николы, светог Ивана, зъ рукъ тыхъ бунтовниковъ одобравшы в моць и во владзу его кор. мил. взяли и прывернуз есмо. А нотомъ тогожь року мѣсеца Августа одиннадцатого дня все по достатку зревизовавшы ту церковь соборную светое Пречистое зъ дворомъ, каменицю митрополею и иишые вси вышей помениные церкви виленскіе окрестные зъ домами, мѣщны, кгрунтами и зо всѣми доходами и пожиткам до тыхъ церквей належачыми, зо всеми скарбам апаратами церковными, яко на его кор. мил., одобрано было, водлѣ тогожь выроку его кор. мил., за воле и росказанемъ его кор. милости, отцу Ипатю митрополиту кievскому водлѣ давныхъ привилевъ митрополитихъ въ першую владзу, въ моць и держанье его милости черезъ насъ отъ его кор. мил., моцью зверз

юсти его кор. мил., подано и привернено есть и мѣстръ того всего по достатку списавшы, его милости отцу митрополиту при тыхъ церквахъ подали смо. И на то дали есмо его милости отцу митрополиту сесь нашъ листъ съ печатми и съ подписами лукъ нашихъ. Писанъ у Вильни, лѣта Божого отъ Іароженья Сына Божого тисеча шестсотъ девятого, мѣсеца Августа одиннадцатаго дня. До тогожь листу озные и шляхта печати свое прыложили.

Слѣдуютъ подписи и печати вышепоименованныхъ лицъ.

2.

Обязательство, данное архимандритами и иноками, протопопами и священниками гг. Вильны, Гродна, Минска, Новгородка, Жировиць и др. въ томъ, что они присоединяются къ униі и будутъ повиноваться униятскому митрополиту. 1609 г.

Мы архимандритове, игуменове, протопопове, еромонаси, клерици и священници, которыесмо ся подъ сесь листъ нашъ доброволне а не съ примушенья якого подписали, освѣдчаемо всѣмъ вобецъ и каждому зособна, кому бы о томъ вѣдати належало, теперь и на потомные часы будучимъ, ижъ мы за рознымъ и подступнымъ уданьемъ противниковъ единости светое, а меновите братства виленскаго новое церкви Светого Духа, а потомъ давныхъ здрадецъ и отступниковъ его милости отца митрополиты кievского и всея Руси, зверхнего пастыра нашего, то есть одъ Вареоломея Жашковскаго, бывшего протопопы и одъ Самойла Сенчила, бывшего архимандрита светое.

Троицы, виленскихъ, до отступства одъ влады и зверхности пастыра нашего, а затымъ и до списовъ противко нему, нѣкоторые зъ насъ притяганы были, а то за таковымъ ихъ уданьемъ, якобы его милость отецъ митрополить и зъ другими помочниками своими мѣль за тою единостью съ костеломъ римскимъ всю вѣру православную, одъ отцовъ светыхъ греческое церкви намъ преданую, зъ кгрунту выворочати и церемонее старожитные церкви восточное одиѣняти и въ нивошто оборочати и насъ до незвычайныхъ речей примушати. Вшакже теперъ достаточне и skutечне ся тому всему присмотрѣвши, ижъ тая ихъ повѣсть есть щирая потварь, изъ ненависти такъ противко особѣ власной его милости, яко тежъ противко той светой единости одъ нихъ змышленная, освѣдченье тое наше до вѣдомости всѣхъ православныхъ хрестьянъ подати умыслили. А затымъ обтяжливе ускаржаемося на тыхъ помененыхъ противниковъ, ижъ насъ въ спокойномъ житью нашемъ турбують, людъ посполиты до розруховъ приводятъ, въ сумнѣнью тревогу великую чинять и до легкого уваженья зверхнихъ пастыровъ нашихъ доводятъ. А такъ, если ся што коли одъ нѣкоторыхъ зъ насъ претивко зверхности пастыровъ нашихъ и тое светое единости дѣяло, какъ ни отеуль, одно съ того уданья фальшивого, пошло, тогда яко за речъ подступную и неважную одъ всѣхъ мѣти хочемо, и пана Бога просимо, абы тотъ неуважный нѣкоторыхъ зъ насъ поступокъ намъ за грихъ (яко въ невѣдомости пополненный) не былъ одъ него почитанный. Наконецъ шлюбуемо подъ обовязкомъ вѣчного проклятья статечне въ послушенствѣ зверхнихъ пастырей нашихъ, въ единости светой будучихъ, трвати и тое единости светое вшелякимъ способомъ боронити. Што все сумнѣнемъ нашимъ доброволне печатуючи, руками ся

своими подписуемо. Писанъ у Вилни дня двадцать пятого мѣсеца іюля року тысяча шестьсотъ девятого.

Собственноручныя подписи: Іосифъ Веляминъ Рутскій, архимандритъ виленскій светое живоначалное Троицы, рукою власною. Богданъ Бодкинскій, Клементей, архимандритъ городенскій, игумень браславскій, рукою; Софроній Велковичъ, архимандритъ Менскій, рукою власною; Захарей Стефановичъ, протопопа городенскій, рукою власною; іеремонахъ Іоасафъ Кунцевичъ, рукою власною; іеремонахъ Селивестръ, рукою своею; Александръ Львовъ, писаръ епископу собору виленского, рукою своею; Максимъ Юрьевичъ, священникъ Воскресенія Христова города.... Григорей Олексѣевичъ Сула, священникъ жировицкій, рукою власною; Миколай Ивановичъ, протопопа царискій, рукою власною; Григорій, съ повѣту собенского зъ Лѣска священникъ, рукою власною; Иванъ Никитовичъ, протопопа торчинскій.... Тимошей Ивановичъ, протопопа любартовскій, рукою власною; Василей Андреевичъ, священникъ троецкій Марковскій, рука власная; Есифъ Уковичъ, священникъ бабицкій Богородицкій, рукою власною.... еродьяконъ, митрополитовскій.... рукою власною; Михаилъ, іеродіаконъ рукою власною; Генадій еродеаконъ, рукою власною; Генадѣй еродаконъ, рукою власною; Яковъ Гримошевичъ, священникъ Никольскій зъ Мозира, рукою власною; Кондратей Ивановичъ, священникъ, рукою власною; Игнатей инокъ, рукою власною; Феодосій еродьяконъ, рукою власною; Анастасей Селава инокъ, рукою власною; Макарей Годкинскій инокъ, рукою власною; Ларонъ Агеевичъ, протопопъ новогрудскій, рукою власною; Михаилъ Михайловскій.... и въ Менску презвитеръ, власною рукою; Гаврилъ Левковичъ, священникъ вознесенскій, рука власная; Константинъ Григорьевичъ, протопопа новогрудскій, власною рукою

Іоанъ Быстрицкій, троецкій Менскій, рукою власною;
Макарей Ивановичъ, священникъ новогрудскій Ива-
новскій, власною рукою.

Писанъ на листъ. Ветхъ.

3.

Реестръ прихода и расхода денегъ чинше-
выхъ, братскихъ и другихъ суммъ Пречи-
стенскаго собора въ Вильнѣ. 1649 г.

Реестръ приходовъ церкви соборное виленское, въ
року 1649 презъ мене Севестьяна Феодоровича екле-
зіарху тое церкви одобренныхъ, также и расходовъ.

Лекгащые на священники соборовые теперь до часу
на слуги церковные оберненые.

Генвара 11 взялиемъ отъ велебнаго отца протопопы
золотыхъ 12 и грош. 15, абы се заплатила рещта за
чверти прошлыя панамарови и Григоріеви дякови,
которому тогожь мѣсяца 15, далемъ кошь двѣ литов-
скихъ и панамарови тогожь мѣсяца 31, далемъ кошь
2 литовскихъ водлугъ росказаня отца протопопы, на
тотъ часъ на визытацію священниковъ одѣждзаю-
чого.

Феврала 1-го дня жита зъ Детеля солянокъ 15, то
есть бочокъ 10 привезено; бочекъ 4 продадемъ за
готовые гроши по золотыхъ 8 на 32 зл., бочекъ шесть
роздалемъ на торгъ по 9 злот. на 54, всего суммою
учинить золотыхъ 86. При томъ житѣ дано 5 злот.
Феврала 11 Сыкутовичъ швецъ далъ цыншу зъ дому
своего (а мѣлъ отдати на Боже Нарожене) золот. 5.
Септембрія 27 на святыи Михаль свято римское,
Шпаковскій далъ фрутификацію отъ кошь 50 мун-
тушовскихъ злот. 12 гр. 14. Декабря 21, то есть на

Нѣвое лѣто по новому, съ каменицы Солтановское дано зл. 20. Зѣ дому Сыкутовича шевца за двѣ раты на святой Петръ и Божее Нарожене за грабежемъ дано 10 злот. Сумма приходу, опрочъ коцъ пяти дякови и пономарови, золотыхъ 138 грошей 15.

Росходъ того приходу. Максимови спѣвакови отъ дня 15 генваря до дня таковогожъ въ рокъ зуполный зол. 45. Томужъ за недѣль двѣ до первого дня февраля грошей 50. Григоріеви дякови опрочъ коцъ двоухъ, штомъ далъ отъ отца протопоны, за три четверки по золотыхъ 8,—зол. 24, а за недѣль двѣ до первого Ноембра зол. 1,—суммою учинить 25 зол. Отцу Дорофиевичови за спѣванье четверть цалую до 1-го дня февраля отъ перваго Ноембра—зол. 10. Панаарови за рокъ зуполный на четверть платячи по коп. тры отъ перваго февраля до дня таковогожъ, опрочъ коцъ трохъ, штомъ далъ одъ отца протопоны, зол. 30. Росходу учинить зол. 111 гр. 20. Решты зостаецъ зол. 26 гр. 25.

Приходъ зѣ братства на воскъ, вино и ладанъ зол. 100, а отецъ протопопа одѣждзаючи на вино надалъ зол. 1. Росходъ того приходу. Воску за рокъ цѣлый отъ дня 11 генваря до дня таковогожъ и свечами на рокъ прышлый позосталыми вышло камени два; за первый далемъ зол. 24, а за другій зол. 23,—учинить всего 47. Зѣ недогарковъ, за лѣта прошлые позосталыхъ, по зданю отца протопоны перепустившы, досталемъ четверть воску. Одъ роботы воску того всего далемъ зол. 2 гр 15. Вина вышло за рокъ цѣлый и недѣль полшести отъ дня 20 генваря до 1-го марта въ року 1648 кгарцы 5 и 2 кварталы, кгарнецъ по гр. 80 польск., учинить 15 зол. 10 гр. Ладану за рокъ и недѣль шестъ вышло фунтовъ два и четверть, фунтъ по грошы 40 польск. учинить зол. 3. За евангеліе на папѣрѣ рекгаловымъ друкованое зѣ интроликгаторемъ

далемъ зол. 15 гр. 6. Въ Евангелиемъ расходу учинить зол. 83 и гр. 1. Решты zostаетъ 17 зол. 29 гр.

Приходы акциденталныя, а позвонное на три части дѣлится—до скрынки церковное, еклезиаршѣ и звонникомъ. Генваря 15 панамаръ далъ одъ отца протопопы зол. 3. Февраля 11 по шевцу Кляцѣ одъ звоновъ дано золотыхъ полторы, до скрынки 15 гр. Марца 2, кгда несли тѣло рѣзника якогось, за позвонъ дано 1 зол. до скрынки 10 гр. Марца 10 по Селявѣ райцы одъ звоновъ дано зол. 3 и гр. 2, до скрынки зол. 1 и гр. 1. Марца 14 по бурмистру Холявцѣ дано зол. 4, до скрынки 1 зол. 10 гр. Марца 18 по паней Глѣбовичевой дано зол. 6, до скрынки зол. 2. Апрѣля 4 одъ мѣйса въ церкви по детяти Друкка въ недѣль 6, дано 1 зол. 20 гр. Апрѣля 19 по детяти млынаря за два разы дано зол. 2, до скрынки 20 гр. Мая 1 по паней Стенговичевой дано зол. 4, до скрынки 1 зол. 10 гр. Мая 19 одъ мѣйса въ притворѣ Станислава пивовара дано 2 зол. 15 гр. Юня 2 по Селисеровскомъ дано полтора золотыхъ, до скрынки 15 гр. Юня 12 по новому, кгда тогожъ несли тѣло, дано золотыхъ полтора, до скрынки 15 гр. Августа 9 по пану Петрѣ Рудоминѣ одъ разовъ шесть звоновъ зол. 10, до скрынки 3 зол. 10 гр. По Бурцевичу, кгда несли тѣло, дано гр. 17, отдадемъ звонникомъ. Приходу учинить зол. 18 гр. 11.

Расходъ. Въ року томъ же на нагробное зол. 3. Одъ замурована окна въ олтару зол. 1. Сентемвра 7 отъ штуки побочное у олтаря одъ вѣтровъ случоное направованя 15 гр. На постронки и мазь до звоновъ разными часы зол. 1. На углѣ до церкви на зѣму 6 ар. Расходу учинить 5 зол. 21 гр. Решты zostаетъ 12 зол. 20 гр. Приходу всего сумою учинить 257 зол. 26 гр. Расходу сумою учинить 200 зол. 12 гр. Решты zostаетъ готовыми деньгами зол. 57 гр. 14.

Року 1650 іюня 21 дня, за волею и выразнымъ росказаньемъ въ Бозѣ превелебного его милости отца Антонія Селявы метрополиты слухалемъ личбы велебного отца Севастьяна Федоровича еклезіархи церкви соборное виленское при велебныхъ отцахъ капитулы виленской. А же и приходы не болшыя и расходы звычайные и церкви Божой потребныя все, яко слышныя, принято есть и руку мою подписалемъ. Подпись: Laurentius Kollenko Wolkowicz Or. S. Bas. M. ieromonachus.

Писанъ на двухъ листахъ in 8-о.

4.

Рѣшеніе королевскими комиссарами спора православныхъ съ уніятами г. Вильны о томъ, что православные незаконно избираются въ городскія должности. 1666 г.

Предъ нами—Христофоромъ на Бакштахъ Завишей, великимъ маршаломъ великаго княжества Литовскаго Христофоромъ Пацомъ, канцлеромъ великаго княжества Литовскаго, Кипріаномъ-Павломъ Бржостовскимъ, референдаріемъ и писаромъ в. к. Л., Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ, маршаломъ оршанскимъ, комиссарами его корол. м., засѣдающими въ судебной комиссіи, явились достопочтенный отецъ Маркіанъ Бялосоръ, виленскій архимандритъ св. Троицы, а также и магистратъ русской лавицы, состоящій въ уніи съ римскимъ костеломъ, оберегая права и привиллегіи, данныя блаженной памяти великими князьями литовскими и королями польскими людямъ русской вѣры, состоящимъ въ уніи и но преимуществу пребывающимъ здѣсь въ столичномъ городѣ Вильнѣ, и заявили намъ, что люди русской вѣры, состоящіе въ

дизуніи, вопреки правамъ, обычаямъ и распоряженіямъ касательно избранія въ городскія должности, осмѣливаются разными способами вторгаться въ магистратъ и занимать городскія должности; какъ напиримѣръ въ недавнее время, при послѣднихъ выборахъ бурмистра, благородный Прокопій Дороевичъ, благодаря содѣйствию нѣкоторыхъ, избранъ въ бурмистры, хотя достопочтенный о. архимандритъ противился тому и предъявлялъ два рескрипта его кор. м.,—первый слѣдующаго содержанія: Янъ Казимиръ и пр. Стефану Былинскому войту виленскому, секретарю нашему, а также благороднымъ и достопочтеннымъ бурмистрамъ, радцамъ, лавникамъ и всему магистрату нашего столичнаго города Вильны и др. Хотя мы не сомнѣваемся, что ваша милость при выборахъ въ городское управленіе пріобыкли дѣйствовать согласно съ постановленіемъ вашихъ предковъ и съ правами, данными имъ отъ насъ и отъ нашихъ предшественниковъ—покойныхъ королей; однако и мы обязаны внушать в. м., чтобы въ этомъ случаѣ поступали со всевозможною осторожностью — мы того желаемъ и требуемъ отъ васъ, и чтобы не смѣли принимать не унитовъ въ ратушу, а поступали бы согласно съ прежними порядками, бывшими при выборахъ, оберегая права и вольности, принадлежащія всему городу. Иначе поступать и по долгу нашему и въ угоду намъ вы не будете. Данъ въ Могилевѣ, 3-го Апрѣля 1664 года. Подписали: Янъ Казимиръ. Киприанъ Павелъ Бржостовскій, референдарій и писарь великаго княжества Литовскаго. Содержаніе другаго рескрипта слѣдующее: „Янъ Казимиръ и проч. Стефану Былинскому и проч. (прежній адресъ). Не безъ великаго удивленія мы получаемъ предостереженія отъ достопочтеннѣйшаго ксендза бискупа виленскаго и отъ другихъ пановъ наше-

го совѣта и чиновниковъ, состоящихъ при насъ, что ваши милости, вопреки основнымъ законамъ, оставляете въ пренебреженіи свободы и вольности, данныя вамъ и всему городу нашими предшественниками и нами утвержденныя, нарушая эти права особенно при выборахъ въ магистратъ лицъ иновѣрныхъ, которыя незаконно и вопреки запрещенію стали наполнять лавицы. Въ самомъ дѣлѣ и насъ опечаливаетъ такой безпорядокъ и васъ предостерегаемъ, чтобы такимъ образомъ не повергали въ опасность и себя самихъ при свободномъ выборѣ въ магистратъ. Напоминаемъ в. м. и настоящимъ рескриптомъ обязываемъ, дабы отселѣ вы не смѣли пускать въ магистратъ какихъ бы то ни было диссидентовъ и не допускали ихъ въ число кандидатовъ, и держались бы законовъ, издревле данныхъ для выборовъ; а всѣ тѣ выборы, которые произведены съ нарушеніемъ и съ ниспроверженіемъ законовъ, вы должны объявить не дѣйствительными, и всѣ дѣйствія, незаконно при этомъ произведенныя, признать ошибочными. Иначе впредь подѣ страхомъ наказанія... поступать не будете. Въ Варшвѣ 26 Сентября 1665 дня. Подписи. Когда же въ противность этимъ рескриптамъ Дороѣевичъ и виленскій магистратъ приступили къ выборамъ въ бурмистры, тогда упомянутые жалобщики просили и требовали, чтобы мы, признавъ незаконнымъ избраніе г. Дороѣевича, признали эти выборы не дѣйствительными, и на будущее время опредѣлили, чтобы виленскій магистратъ не смѣлъ избирать и принимать православныхъ на какія бы то ни было городскія должности.

Съ противной стороны заговорили достопочтенный о. Даниль Дороѣевичъ, настоятель виленскаго св. Духовскаго монастыря и благородный Проконій Дороѣевичъ, избранный бурмистръ, отъ своего име-

ни и отъ всѣхъ мѣщанъ виленскихъ православныхъ, ссылаясь на привиллегіи города Вильны особенно на привиллегію бл. памяти Казимира, данную въ Парчевѣ въ 1451 году, а также на пакты (договорныя грамоты) между обывателями Короны и великаго княжеста Литовскаго греческой религіи, какъ находящимися въ уніи такъ и не унітами, заключенныя при избраніи блаженной памяти Владислава короля и утвержденныя конституціею 1635г., а также на древніе обычаи и практику сего города, по которымъ неуниты допущены къ пользованію магдебургскимъ правомъ, а равно—и всѣми вольностями, прерогативами и должностями—наравнѣ съ людьми вѣры католической. Почему и обжалованный нынѣ Дороевичъ шестнадцать лѣтъ уже состоитъ въ лавицѣ и магистратѣ и безъ всякаго прекословія доселѣ участвовалъ въ веденіи и утвержденіи дѣлъ магистратскихъ и въ последнее время, какъ человекъ оказавшій много услугъ городу, выбранъ на текущій годъ въ бурмистры. И такъ просили насъ, чтобы упомянутый Дороевичъ, выбранный бурмистръ, допущенъ былъ къ принесенію присяги на должность и къ засѣданіямъ на учиненномъ ему мѣстѣ и къ отправленію обязанностей бурмистра,—и чтобы всѣмъ людямъ греческой религіи, не состоящимъ въ уніи, открытъ былъ свободный доступъ въ магистратъ и къ должностямъ городскимъ.

Возражая на это, сторона исковая—господа уніаты съ достопочтеннымъ отцемъ архимандритомъ представляли, что на основаніи законовъ и привиллегій господа неуніаты не могутъ быть допущены къ отправленію должностей въ магистратѣ города Вильны; потому что всѣ городскія привиллегіи, данныя людямъ русской вѣры, относятся къ уніатамъ, а не къ неунитамъ, и даже привиллегія, данная въ Парчевѣ блаженной памяти королемъ Казиміромъ 1451 года,

въ которой упоминаются неуниты, не можетъ служить имъ опорой,—такъ какъ по намѣренію государя она дана была на увольненіе мѣщанъ виленскихъ отъ подводъ, а не на магдебургское право, и эта оговорка въ видѣ прибавленія (нечаянно) туда проскользнула, и допущенный случай, что неунитовъ взяли въ магистратъ, имъ не помогаетъ, поелику всякій разъ ихъ избирали съ условіемъ ихъ обращенія въ унию, какъ и господина Прокопія Дороевевича приняли въ магистратъ и на лавицу на этомъ только условіи.

Наконецъ (уніаты) готовы были разными привилегіями, декретами, рескриптами королей и великихъ князей литовскихъ и другими документами доказать, что преимущество исправленія магистратскихъ должностей въ Вильнѣ принадлежитъ только уніатамъ, и что неуниты исключаются изъ такихъ должностей; но поелику, по причинѣ нынѣшняго небезопаснаго положенія отъ враговъ внѣшнихъ, по волѣ и приказу пречестнаго отца митрополита нашего, архивъ съ другими вещами и съ указанными привилегіями и правами, касающимися униі, препровождены и вывезены въ болѣе безопасныя мѣста и подальше изъ княжества, такъ что скоро пріискать ихъ не могутъ; то просили насъ, чтобы мы дали законную отсрочку дѣлопроизводству по этимъ документамъ и привилегіямъ,—а между тѣмъ, дабы избранный господинъ Дороевевичъ удержалъ былъ отъ присяги и засѣданій въ бурмистровской должности—до рѣшенія тяжбы, поелику имѣются противъ него грамоты короля, представленныя въ нашъ судъ. И такъ мы комиссары его к. м., выслушавъ споръ обѣихъ сторонъ, постановляемъ; такъ какъ магистратъ греческой вѣры, находящейся въ униі и достопочтенный отецъ архимандритъ заявляютъ, что по причинѣ безнокойствъ, врагами причиненныхъ въ настоящее время всему

Великому Княжеству Литовскому и городу Вильнѣ, архивъ съ привиллегіями, опредѣленіями, относящимся къ рѣшаемому дѣлу, по распоряженію достопочтеннѣйшаго отца митрополита, препровожденъ изъ Троицкаго монастыря въ болѣе безопасное мѣсто, гдѣ эти документы и хранятся, такъ что они не могутъ воспользоваться ими на защиту своего дѣла, не имѣя ихъ подъ руками и просятъ, чтобы дѣло было отложено до времени, когда имъ можно будетъ воспользоваться привиллегіями, — то, дабы не судить ихъ безъ разсмотрѣнія ихъ правъ и безъ изслѣдованія дѣла ихъ, — позволяемъ имъ отложить это дѣло до будущаго засѣданія, которое имѣетъ быть при возобновленіи нашихъ судовъ, и отпускаемъ не нарушая ни въ чемъ правъ сторонъ. На этотъ срокъ обѣ стороны имѣютъ становиться со всѣми своими правами и привиллегіями — безъ всякаго особаго приглашенія. Что же касается избранія и присяги шляхетнаго Прокопія Дороѣевича на должность бурмистра на сей годъ, то, поелику рескриптами его к. м., предъявленными въ нашемъ судѣ вмѣнено магистрату, дабы онъ не смѣлъ принимать неунитовъ на лавицу русскую, мы, не дѣлая снисхожденіе познанію членовъ магистрата и не нарушая законовъ, обычая и привиллегій сторонъ, пунктъ о томъ, имѣетъ ли Дороѣевичъ, прежде рѣшенія дѣла, быть допущенъ магистратомъ къ принесенію присяги на должность бурмистра нынѣшняго года и будетъ ли онъ засѣдать въ качествѣ бурмистра — предоставляемъ рѣшенію его к. м., а между тѣмъ, чтобы не остановлено было судопроизводство, допускаемъ, чтобы магистратъ поступалъ во всемъ по обычаю доселѣ употребительному, по силѣ этого нашего декрета. Писанъ въ Вильнѣ года, мѣсяца и дня вышепрописаннаго.

II.

ВИЛЬНА ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

(по Брауну и другимъ источникамъ).

Въ виленской публичной библиотекѣ находится, между прочимъ, значительное собраніе географическихъ атласовъ и ландкартъ. Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ атласъ и описаніе городовъ: *Брауна*, — изданіе, составляющее библиографическую рѣдкость. Въ виленской библиотекѣ есть два изданія этого капитальнаго труда. Перваго изданія имѣются томы: I, II и III; втораго — томы: II, III и IV. Три тома перваго изданія заключаются въ одной книгѣ, второе изданіе — въ двухъ книгахъ, всё они in folio. На выходномъ листѣ перваго тома *), въ срединѣ, означено

*) На этомъ выходномъ листѣ находится рисунокъ весьма тщательной отдѣлки, вырѣзанный на мѣди. Рисунокъ представляетъ четырехъ-угольный пьедесталъ на широкомъ основаніи; посрединѣ пьедестала написано означенное выше заглавіе; на верху пьедестала изображена полная женщина съ обнаженною высокою грудью и обнаженными до локтя руками, въ правой рукѣ она держитъ ватерпасъ, а въ лѣвой циркуль и треугольникъ; подъ ея ногами, на пьедесталѣ, надпись: „*Ornament. orb. terr.*“ (*Ornamentum orbis terrarum*). По обѣимъ сторонамъ пьедестала, съ одного съ нимъ основанія, возвышаются двѣ четырехъ-стороннія колонны съ орнаментами, на верху которыхъ лежитъ по шару, на одномъ шарѣ написано: „*Posterit.*“, на другомъ: „*consultum.*“ При одной колоннѣ стоитъ молодой человекъ въ сандаляхъ, на головѣ у него глубоко надѣтый шлемъ съ развѣвающимися перьями, откуда выглядываетъ сова; въ правой рукѣ онъ держитъ длинное копьё, а въ лѣвой щитъ съ изображеніемъ человѣческой головы, около шеи которой обвилась змѣя; у его

Отдѣлъ II.

заглавіе : „Civitates Orbis terrarum“. внизу: „Tomus primus.“ Мѣсто и время печатанія, какъ обыкновенно принято было въ изданіяхъ XV и XVI вѣка, обозначено въ концѣ сочиненія : „Coloniae Agrippinae apud Petrum a Brachel, Sumpribus avctorum. Anno reparatae Salutis humanae MDXXIII (1523), Mense Martii.“

Изъ привиллегіи нѣмецкаго императора Максимилиана II, выданной въ 1576 г. и приложенной къ 1-му тому, видно, что изданіе цѣлаго сочиненія принадлежитъ Георгію Брауну и Франциску Гогенбергію. Браунъ былъ кельнскій житель и принадлежалъ къ духовному сословію. Въ предисловіи къ III-му тому онъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: „можетъ быть, найдутся люди, которые будутъ упрекать насъ за этотъ трудъ, за способъ изслѣдованій, основанный на наукахъ, которымъ мы посвятили себя, но пусть припомнятъ, что Иеронимъ, Исидоръ, Беда, Орозій... и многіе другіе, бывшіе также духовнаго званія, избрали предметомъ своихъ занятій исторію; я думаю, ихъ никто не станетъ укорять за это.“ Францискъ Гогенбергій былъ искусный и знаменитый рисовальщикъ и картографъ, его мастерскою рукою сдѣланы почти всѣ карты для атласа Ортелиа, онъ же изготовилъ планы городовъ для атласа Брауна и вообще помогать ему въ этомъ изданіи.

Томъ II-й атласа озаглавленъ такъ: „De praecipuis totius universi urbibus liber secundus“, тоже съ великолѣпнымъ рисункомъ *). Предисловіе къ этому тому помѣчено 1575

ногъ сидитъ сова, а подъ ногами надпись: „*Arcium inventrix.*“ У лѣвой колѣнны стоитъ пожилыя лѣтъ мужчина, полуодѣтый, босой, съ открытою головою, мускулистый; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ лошадиную челюсть, у ногъ его виднѣется большой пукъ злаковъ, подъ ногами надпись: „*oppidorum avctor.*“ Главное основаніе; на которомъ стоятъ колонны и пьедесталъ, украшено миниатюрами, изображающими первобытное состояніе и занятія людей.

*) На заглавномъ листѣ II тома изображена на пьедесталѣ „*Cybella sive Vesta,*“ какъ показывается надпись, въ правой рукѣ

годомъ. Время печатанія неизвѣстно. Въ концѣ II тома на 47 листѣ помѣщена Москва, за нею на л. 48 Гродна (Grodna), потомъ Римъ, Мантуа и проч.

III-й томъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Urbium prae-scipuarum totius mundi liber tertium.“ Тоже съ рисункомъ *). Послѣ предисловія читаемъ: „Coloniae Agrippinae MDLXXXI“ (1581 г.)

Второе изданіе не имѣетъ выходныхъ листовъ; на предисловіи ко II-му тому помѣченъ годъ 1575 также, какъ и при первомъ изданія, но мѣсто печатанія обозначено: Кельнъ и Антверпенъ. Послѣ предисловія къ III-му тому напечатано: Coloniae Agrippinae MDCVI (1606)

она держитъ два колоса, а лѣвою придерживаетъ лежащій на колѣнѣ кругъ, она помѣщается на сѣдалищѣ, висящемъ на канатахъ, прикрѣпленныхъ къ шеѣ двухъ львовъ; по правую сторону Сивиллы женщина съ крестомъ и съ книгою, а на книгѣ голубь, это— „Religio“; по лѣвую сторону—другая женщина съ книгою, свиткомъ и ключами въ правой рукѣ, а въ лѣвой держитъ трость, надпись показываетъ, что это „Politia.“ Миниатюры на основаніи пьедестала изображаютъ состояніе людей уже въ большей противъ перваго степени ихъ развитія.

*) По срединѣ страницы на пьедесталѣ стоитъ женщина съ устремленнымъ къверху взоромъ, въ правой рукѣ она держитъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы; у ногъ ея надпись „Justitia“ (правосудіе), выше надъ ея головою, изображена баранья голова, изъ рта которой спадаютъ къ ногамъ юстиціи гирлянды цвѣтовъ. Съ обихъ сторонъ ея изображены женщины: съ правой стороны Pax (миръ), держитъ желъзъ обвитый двумя крылатыми змѣями, на головѣ у этой фигуры сидитъ филинъ. Пониже представлена другая женщина съ рогомъ изобилія, изъ котораго свѣшиваются гирлянды цвѣтовъ, при ней надпись: *Opulentia* (богатство), еще ниже третья женщина съ смиреннымъ взоромъ, она опирается на ваяступъ, при ней надпись: *communitas* (общность). Съ лѣвой стороны, сверху изображена женщина, которая держитъ въ одной чашѣ нѣсколько сосудовъ, при ней надпись: *concordia* (согласіе). Ниже ея стоитъ женщина съ какимъ-то четырехъ-угольникомъ подъ мышкой, при ней надпись: *obedientia* (повиновеніе). Еще пониже женщина вся въ цвѣтахъ съ подписью: *securitas* (попеченіе). Внизу, при основаніи, на которомъ стоитъ пьедесталъ, изображены двѣ фигуры, держащія цвѣты, а между ними миниатюра. Весь этотъ рисунокъ убранъ цвѣтами. Всѣ вообще рисунки изящно отдѣланы.

Томъ IV не имѣетъ выходнаго листа, не видно и года его выхода въ свѣтъ. Второе изданіе отличается отъ перваго тѣмъ, что во 2-мъ карты раскрашены, а въ 1-мъ не раскрашены, текстъ же и рисунки, сколько мы могли замѣтить изъ сличенія того и другаго изданія, одинаковы.

Атласъ Брауна составляетъ, какъ уже сказано, библиографическую рѣдкость: редакторъ такъ называемыхъ „Визерунковъ“ Игнатій Шидловскій напрасно отыскивалъ этотъ атласъ довольно продолжительное время. Въ библиотекѣ виленскаго университета атласъ Брауна былъ, но безъ плана (карты) города Вильны; наконецъ Шидловскому удалось найти этотъ атласъ въ Щорсахъ, въ библиотекѣ Адама Литавора Хрептовича *). На атласъ, принадлежащемъ виленской публичной библиотекѣ, на внутренней сторонѣ крышки I-го тома, написано: P. P. (t. e. Patrum) Bernard. (Bernardinorum) Vilnen. (Vilnensium). На другомъ изданіи, тоже на внутренней сторонѣ крышки III-го тома написано: „Dono oblatas ab ill. (tllustrissimo) domino Makourecky Castellano Słonimensi in Bibliothecam Patrum ords. (ordinis) Minorum observantium Cntus (conventus) Słonimensis.“ Атласъ Брауна содержитъ въ себѣ подробныя и весьма интересныя описанія городовъ — топографическія и этнографическія; на одной сторонѣ полулиста помѣщается описаніе на латинскомъ языкѣ, на оборотѣ, на цѣлой сторонѣ листа, изображенъ городъ **); рисунокъ показываеъ вообще мѣстность города, рѣки, мосты, улицы и самыя зданія какъ общественныя, такъ и частныя. Зданія болѣе замѣчательныя намѣчены цифрами, а внизу плана, на старонѣмецкомъ языкѣ, напечатаны названія зданій. Изданіе это заключаетъ въ себѣ весьма большое собраніе горо-

75*) *Wizerunki*. Томъ $\frac{23}{60}$ стр. 1, 2. Слич. томъ $\frac{22}{38}$ стр. 64, по примѣч. 1.

,) Менѣе обширныя города изображены на одномъ листѣ два.

довъ, составленное съ особенною тщательностію. Всѣхъ плановъ городовъ въ атласѣ Брауна, въ 4-хъ томахъ, считается 234 листа; въ 1-мъ томѣ 58 листовъ съ планами, во 2-мъ 59, въ 3-мъ 59, въ 4-мъ—58. Въ предисловіи ко II-му тому издатель говоритъ: „можетъ быть, въ своемъ изданіи мы опустили нѣкоторые города; пусть на насъ за это не посѣтуютъ, пусть знаютъ, что если мы какого либо города не помѣстили въ своемъ изданіи, это произошло не отъ невнимательности нашей и не отъ того, что мы жалѣли расходовъ на изданіе, нѣтъ; мы не помѣщали того, чего не знали. Пусть приплюютъ намъ свѣдѣнія о городѣ, нами опущенномъ, и мы помѣстимъ его или въ этомъ, а если угодно, то и въ I-мъ томѣ, или въ слѣдующемъ III-мъ.

Въ самомъ концѣ III-го тома помѣщена Вильна (карта 59) планъ или карта ея занимаетъ цѣлую сторону большаго листа, здѣсь изображены улицы, рѣки, сады, частныя и общественныя зданія, городской колодезь, лавки, множество домовъ и нѣсколько людей въ тогдашнихъ костюмахъ. На планѣ отмѣчены цифрами съ поясненіемъ внизу слѣдующія зданія:

1. Das hohe Slochs.	15. Das Wyeweten haus.
2. Däs Slochs.	16. Das Bishops haus.
3. Die Jonge Königinne haus.	17. Der Grichen Kirche.
4. Die Slochs Kirche.	18. Das Rathaus.
5. S. Barbara Kirch.	19. Das Moscoviten hoff.
6. Der Schatzmeister haus.	20. Die Schwartze munche.
7. Der König Stall.	21. Das hospital.
8. Der Lucerne.	22. Die Keur Kaste.
9. Das Deutsch haus.	23. Die Slotgosse.
10. Das Trabanten haus.	24. S. Johan gosse.
11. Die Wersope.	25. Der Kletken.
12. Die Bernardiner Clost.	26. Kletkens dor.
13. Die Cancelrie.	27. Die dir garde.
14. S. Johan Kirche)	28. Uber wasser. *)

*) 1. Высокій Замокъ.
2. Замокъ.

15. Воеводскій домъ.
16. Домъ бискупа.

Наверху плана находится надпись: *Wilna Lituaniae Metropolis*. Планъ этотъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ было перепечатанъ въ уменьшенномъ видѣ; такъ во 1-хъ онъ находится въ сочиненіи Андрея Целлярія «*Regni Poloniae, magnique ducatus Litvaniae.... novissima descriptio. Amsterlodami. Anno 1659*», и занимаетъ одну сторону $\frac{1}{6}$ части листа; наверху плана стоитъ надпись „*Wilna*“, на томъ мѣстѣ, гдѣ изображена рѣка, напечатано: „*Wildé flu.*“ (т. е. *fluvium*); больше нѣтъ никакихъ надписей, объясненій. Во 2-хъ, издатель «Визерунковъ» Игнатій Шидловскій говорить *), что въ атласѣ Янсонія 1649 г. находилась подобная карта Вильны. Въ 3-хъ, нѣмецкій географъ Габриель Бондеръ (*Bodenehr*) во второй половинѣ XVII вѣка издалъ копію съ плана Вильны Брауна, уменьшивши его въ четыре раза, подъ заглавіемъ: *Wilna, oder Wilda, die Hautt-Stadt in Lithaneu*, съ очень краткимъ на поляхъ, описаніемъ и съ изъясненіемъ нумеровъ. Въ 4-хъ, въ 1822 году ксендзъ Станиславъ Черскій, учитель виленской гимназій, издалъ копію плана Вильны Бондера подъ заглавіемъ: Видъ древней Вильны съ краткимъ объясненіемъ. Въ 5-хъ, очень сходный съ Брауновымъ планъ Вильны находится при 1-мъ томѣ сочиненія Крашевскаго „*Wilno*“, только въ уменьшенномъ видѣ и съ нѣкоторыми произвольными поясненіями.

3. Дворецъ молодой королевы.	17. Греческая церковь.
4. Замковая церковь.	18. Ратуша.
5. Церковь св. Варвары.	19. Дворъ Московитовъ.
6. Домъ подскарбія.	20. Черные монахи.
7. Королевскія конюшни.	21. Госпиталь.
8. Люцерна.	22. Монетный дворъ.
9. Нѣмецкій домъ.	23. Замковая улица.
10. Домъ тѣлохранителей.	24. С. Яна улица.
11. Версупа.	25. Клетки.
12. Бернардинскій монастырь.	26. Ворота къ клеткамъ.
13. Канцелярія.	27. Садъ.
14. Костель св. Яна.	28. Зарѣчье.
- *) Томъ $\frac{24}{60}$ стр. 3, примѣч.

Въ объясненіяхъ къ плану Вильны Брауна, подѣ № 5, какъ выше сказано, находится церковь Св. Варвары, между тѣмъ на планѣ Вильны совсѣмъ нѣтъ цифры 5; потому нельзя съ достовѣрностію сказать, какое именно зданіе на планѣ нужно считать церковію Св. Варвары. Можно полагать, что церковь эта находилась въ пространствѣ, занимаемомъ нѣкогда зданіями нижняго замка, гдѣ нынѣ ботаническій садъ и площадь кафедральнаго костела, такъ какъ всѣ №№ отъ 2 до 10 обозначаютъ зданія, находившіяся именно въ этой чертѣ. Крашевскій на своей копіи съ атласа Брауна или можетъ быть съ атласа черскаго, обозначилъ 5 тамъ, гдѣ у Брауна на планѣ стоитъ 6; такимъ образомъ (казначейскій) подскарбія домъ счелъ у Крашевскаго церковью Св. Варвары.

№ 17. Греческая церковь, т. е. православная. Крашевскій говоритъ, что это церковь Пятенка, т. е. Пятницкая. Объясненіе Крашевскаго ошибочно, потому что греческая церковь, что подѣ № 17, на планѣ стоитъ на правой сторонѣ большой улицы, если идти отъ костела Св. Яна къ ратушѣ и не далеко отъ ратуши. Между тѣмъ извѣстно, что Пятницкая церковь находилась на противоположной сторонѣ, именно тамъ, гдѣ она и теперь находится. Церковь № 17, во всей вѣроятности, Воскресенская, которую изслѣдователи старины именно тамъ и указываютъ—на углу теперешней Стекланной улицы, выходящей на ратушную площадь.

№ 20. Черные монахи—по всей вѣроятности, указывается на Свято-Троицкій монастырь. *)

№ 8 Люцерна—это большая, двухъ-этажная башня на западной сторонѣ нижняго замка. Кажется, это та башня, которая извѣстна была пообъ именемъ „круглой замковой

*) № 20 на планѣ не обозначенъ, потому нельзя съ совершенною рѣшительностію указать, какое именно зданіе на планѣ вмѣстало въ себѣ чернецовъ.

башни“ (turris arcis rotunda), подъ этимъ именемъ она не разъ упоминается въ памятникахъ XV вѣка, не смотря на то, что она была восьмигранная, она же носила таинственно-страшное имя башни пана Твардовскаго, извѣстнаго чернокнижника и чародѣя; въ этой башнѣ онъ занимался, будто бы, чародѣйствомъ и вызываніемъ тѣней умершихъ, между прочимъ, вызывалъ тѣнь королевы Варвары для слабоумнаго мужа ея Сигизмунда Августа. Почему она названа люцерной—фонаремъ, на это нѣтъ увазаній въ памятникахъ; полагаютъ, что она такъ названа потому, что въ верхнемъ этажѣ ея были со всѣхъ сторонъ окна, отъ чего она похожа была на фонарь, а можетъ быть и отъ того, что она освѣщалась ночью и на самомъ дѣлѣ была фонаремъ. *)

№ 25. Клетки, т. е. небольшія купеческія лавки. Въ копіи у Бодонера вмѣсто kletken, напечатано, вѣроятно по ошибкѣ, klenken. Ксендзъ Черскій въ планѣ Вильны это мѣсто назвалъ семинаріею рим.-кат. Kleriken), а Крашевскій, который отличался удивительною легкостію соображенія, замѣтя, что семинарія находится по плану совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, не стѣняясь, перенесъ № 25 въ другое мѣсто на планѣ и въ объясненіи тоже написалъ „семинарія“; но при этомъ произошла маленькая ошибка въ слѣдующемъ: на планѣ Крашевскаго помѣчено, что этотъ планъ составленъ около 1550 г., а римско-кат. семинарія, какъ извѣстно, основана въ 1582 г... Замѣтивши что значить „kletken“, мы не можемъ, подобно Черскому, и Крашевскому, „Kletkens dor“ № 26, считать Клецкими воротами, потому, что въ стѣнѣ окружавшей Вильну, древніе памятники не упоминаютъ о существованіи Клецкихъ воротъ. Поэтому названіе „Kletkens“ произвольно, кажется, давно городскимъ воротамъ отъ слова kletken. Такъ названные

*) *Wizerunki*. Томъ 24/60 стр. 36—40.

ворота извѣстны были подъ именемъ „Вилейскихъ“, какъ можно судить по указанію мѣста ихъ на планѣ Вильны. № 29—„Зарѣчье“—на планѣ показываетъ не на то мѣсто, которое теперь извѣстно подъ названіемъ Зарѣчья; а вѣрнѣе на то, гдѣ теперь „Снипишки“.

Кромѣ того, въ концѣ улицы, ведущей отъ ратуши на востокъ, мимо русскаго гостиннаго двора, на планѣ написано „Die Deutsche dor“ т. е. нѣмецкія ворота. Ворота эти прежде назывались Кревскими, потомъ Мѣдникскими, а потомъ, какъ и до сихъ поръ, называются Острыми. Почему у Брауна онѣ названы нѣмецкими—неизвѣстно. Вообще планъ Вильны нельзя считать безукоризненнымъ, особенно замѣчается недостатокъ геометрической точности въ расположеніи улицъ и въ соотношеніи между зданіями, замѣчается недостатокъ на планѣ важныхъ зданій города, какъ напр. церковь Св. Николая, церковь Св. Троицы, митрополитальный соборъ Пречистыя или Успенія Божіей Матери, несомнѣнно тогда существовавшія, не обозначены, равно и нѣкоторыя другія церкви, бывшія въ то время въ Вильнѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что особенно рельефно изображенъ нижній замокъ, онъ снятъ съ возвышенности съ замѣтною тщательностію. Для любителей и изслѣдователей старины это тѣмъ болѣе важно, что зданія нижняго замка нынѣ, какъ извѣстно, уже не существуютъ и ихъ можно видѣть только на этомъ планѣ.

Кромѣ плановъ городовъ, въ атласѣ Брауна, какъ выше замѣчено, находится предъ каждымъ изображеніемъ города и его описаніе, въ которомъ излагаются свѣдѣнія географическія и этнографическія, касающіяся не только города, но и цѣлаго государства, къ которому принадлежитъ городъ. Между многими очерками этого рода ближе всего къ намъ, разумѣется, описаніе Вильны, тѣмъ болѣе, что описаніе это одно изъ подробнѣйшихъ. Въ немъ

изображается топографія Литвы и столицы ея города Вильны, описаніе городскихъ улицъ, построекъ, храмовъ, дворцовъ, домовъ, домашней утвари и вообще цѣлой внутренней помѣщенія виленцевъ, говорится объ ихъ пищѣ, одеждѣ, обуви, сообщаются этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ Вильны (нравы ихъ изображаются мрачными чертами), описывается религиозное настроеніе жителей, религиозные ихъ обычаи и нѣкоторые обряды. Словомъ, обиліе и разнообразіе любопытныхъ свѣдѣній о Вильнѣ въ этомъ очеркѣ стоитъ вниманія.

Время составленія этого описанія можно опредѣлить, соображая историческія данныя и обстоятельства, изложенныя въ описаніи, и сопоставляя ихъ одни съ другими. Въ описаніи говорится о существовавшей въ то время въ Вильнѣ религиозной свободѣ, о дозволеніи послѣдователямъ разныхъ исповѣданій каждому слѣдовать своей вѣрѣ; извѣстно, что римскіе католики вообще отличались чрезмѣрною нетерпимостію къ послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій; а если была въ Вильнѣ вѣротерпимость въ прежнія времена, со времени появленія разныхъ сектъ, такъ это только отчасти во времени Сигизмунда Старого или 1-го и въ первые годы правленія Литвою сына его Сигизмунда Августа, пока іезуиты не овладѣли слабымъ симъ государемъ. Въ описаніи ничего не упоминается о іезуитахъ въ Вильнѣ, стало быть, ихъ еще не было въ то время здѣсь. Исторія свидѣтельствуетъ, что іезуиты призваны въ Вильну въ 1569 г., по этому нужно полагать, что описаніе составлено до 1568 г., иначе въ немъ непременно упоминалось бы объ іезуитахъ; составитель описанія, такъ подробно все изложившій, не могъ умолчать о такихъ дѣятеляхъ, какъ іезуиты. Въ описаніи говорится объ отличной отдѣлкѣ комнатъ въ дворцѣ нижняго замка. Извѣстно изъ свидѣтельствъ историческихъ, что отдѣлка нижня-

го замка окончена при Сигизмундѣ Августѣ *), въ первой половинѣ XVI вѣка. Къ этому времени и должно отнести составленіе описанія Вильны, помѣщенное у Брауна.

Чтобы составить понятіе, о томъ, насколько достовѣрны свѣдѣнія о Вильнѣ сообщаемыя въ описаніи Брауна, мы обратимъ вниманіе на одно мѣсто въ его предисловіи къ III-му тому атласа, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „что касается историческихъ свѣдѣній о городахъ, то онѣ заимствованы изъ древнихъ и новыхъ, достойныхъ полнѣйшаго вѣроятія, сочиненій извѣстныхъ ученѣйшихъ мужей и наконецъ изъ собственнаго нашего наблюденія.“ Далѣе говорится, что онъ пользовался знаменитѣйшею и драгоцѣннѣйшею библіотекою нѣкоего Франциска Думстроссія, собранною съ величайшимъ тщаніемъ и европейски извѣстною. Это внѣшніе признаки серьезнаго значенія и научнаго достоинства свѣдѣній, изложенныхъ въ атласѣ Брауна. Чтобы точнѣе оцѣнить свѣдѣнія о Вильнѣ, изложенныя въ этомъ атласѣ, нужно сличить ихъ съ свѣдѣніями, сообщаемыми о томъ же предметѣ другими писателями. Но прежде познакомимся съ тѣмъ, что говорится о Вильнѣ у Брауна.

ВИЛЬНА.

(переводъ съ латинскаго.)

„Вильна (Wilna) епископальный городъ Великаго Княжества Литовскаго, очень многолюдный и обширный. У мѣстныхъ жителей носитъ названіе Виленшки (Wilenszki) **), отъ рѣки того же имени, у нѣмцевъ по-просту называется

*) *Wizerunki*. Томъ 24/60 стр. 5.

**) У другихъ писателей это названіе пишется иначе, какъ напр. въ атласѣ Меркатора говорится такъ: *Wilna indigenis Wilensi*. (*Atlas minor Gerardi Mercatoris. Amsterdami 1634*, стр. 128). У Целларія читаемъ такъ: *Quam (Wilnam) indigenae Wiletzki aut Wilenski... vocant. (Regni Poloniae magnique ducatus Litvaniae... novissima descriptio... Amstelodami 1659. Въ VI 12 дол. л., стр. 274).*

die Wilke (Дикая). Означенная рѣка, получивши начало въ Литвѣ и соединившись съ Нѣманомъ, течетъ въ Прусское (Балтійское) море.

„Вильна огорожена стѣною и воротами, которыя никогда не запираются.

„Домы въ Вильнѣ вообще деревянные, тѣсныя, отдѣльныхъ комнатъ, кухни, двора для скота при нихъ нѣтъ, хотя рабочаго скота и другихъ животныхъ есть много. Домы разбросаны и построены безъ порядка, исключая нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ городѣ улицъ, на которыхъ иностранцами, часто прѣзжающими въ Вильну для торговли, построены отличныя, каменные зданія. Зданіями этими украшаются улицы: нѣмецкая и дворцовая.

„Изъ княжескихъ дворцовъ въ Вильнѣ одинъ очень обширный, замѣчательный чистою отдѣлкою комнатъ; другой на горѣ замѣчателенъ башнями. При подошвѣ горы находится арсеналь, въ которомъ можно видѣть не мало всякаго рода боевыхъ снарядовъ, хотя по всей Литвѣ нѣтъ ни одного рудника и не добывается ни какихъ металловъ.

„Въ Вильнѣ много храмовъ каменныхъ, а нѣкоторые деревянные. Послѣдователямъ различныхъ исповѣданій позволено держаться каждому своего вѣроисповѣданія. Весьма хорошъ бернардинскій монастырь изъ тесанаго камня, отличающійся изящною архитектурой. Также весьма хорошъ дворъ русскихъ, на которомъ они складываютъ свои товары, привезенные изъ Московіи, именно: мѣха волчьи, лисьи, по преимуществу бѣлыхъ лисицъ, куницъ, соболей, горностаевъ, леопардовъ и другіе благородные мѣха того же рода.

„На городскихъ улицахъ въ разныхъ мѣстахъ есть водные источники для общественнаго употребленія горожанъ, всѣ они вытекаютъ изъ одного главнаго источника подлѣ нѣмецкихъ воротъ.

„Отдѣльныхъ городскихъ предмѣстій, съ особыми на-

званіями, какія бывають при городахъ хорошо устроенныхъ, Вильна не имѣеть; она окружена однимъ сплошнымъ предмѣстьемъ, которое состоитъ изъ множества маленькихъ хижинъ, не красиво выстроенныхъ; улицы идутъ безъ порядка, какъ попало, какъ бы по грубой прихоти варваровъ. Съ разныхъ мѣстъ переносятъ сюда хижины и ставятъ въ безпорядкѣ, какъ попало; хижины эти отдѣлки грубой, срублены изъ сосноваго дерева.

„За воротами, которыя принадлежатъ королевскому замку, въ разстояніи полумили отъ Вильны, король Сигизмундъ для прогулокъ и отдыха отъ городскихъ занятій устроилъ королевскій домъ, впрочемъ весь деревянный съ рощицею и звѣринцемъ *). Въ этомъ звѣринцѣ содержатся всякаго рода звѣри, содержаніе ихъ стоитъ большихъ расходовъ. Мѣсто это въ просторѣчїи называется Вирсупа (Wersupa) т. е. близъ воды, съ которыми оно смежно.

„Виленскій народъ и тѣ, которые живутъ въ избенкахъ на предмѣстьи, грубы, необразованы, ни свободными науками, ни искусствами не занимаются и понятія объ этомъ не имѣютъ, занимаются убійствами, глупы, праздны и вялы, свободою не пользуются ни какой, но совершенные рабы; дворяне считаютъ ихъ за невольниковъ и, дивное дѣло, живя такимъ образомъ, повидимому, еще наслаждаются жизнію. Господь своихъ очень любятъ, бывають имъ болѣе вѣрны и послушны въ такомъ случаѣ, когда господа хоршенько выругаютъ ихъ и крѣпко прибьютъ; а отъ тѣхъ господъ, которые ихъ не больно бьютъ, они убѣгаютъ, какъ отъ такихъ, которые не производятъ на нихъ вліянія добрыми обычаями, или какъ отъ такихъ, которые не благосклонны къ нимъ.

„Вина хотя не имѣютъ, а стаканами забавляются, медъ и пиво овладѣли ими. Отъ частаго употребленія ви-

*) Звѣринецъ устроенъ, какъ полагають, Сигизмундомъ I-мъ. Крашевскій Вильно. стр. 289, томъ I.

на—горѣлки, луку и чесноку, въ курныхъ, постоянно наполненныхъ дымомъ домахъ своихъ (потому что дома ихъ совершенно безъ трубъ) они теряютъ зрѣніе, такъ что нигдѣ нѣтъ столько слѣпыхъ, какъ въ этомъ городѣ.

„Ни одного украшенія, ни одной дорогой вещицы въ домахъ у нихъ нѣтъ. Родители съ дѣтьми, съ рабочимъ скотомъ и другими животными располагаются вмѣстѣ въ одной теплой, грязной избѣ, при очагѣ; въ избѣ ужасная вонь и смрадъ; тутъ же жена родильница лежитъ на жестой скамьѣ, а на третій или на четвертый день послѣ родовъ она уже должна отправлять весьма тяжелыя работы дома и внѣ дома.

„Никто въ цѣломъ городѣ не имѣетъ мягкой кровати, да и за порокъ считается мягко лежать. Много, много если болѣе богатые имѣютъ скамью, покрытую медвѣжьєю шкурой. У самыхъ аристократовъ обстановка не лучше этой, тѣмъ только дають знать о своемъ благородномъ происхожденіи, кто выходятъ въ болѣе дорогой одеждѣ, увѣшанные и разукрашенные серебромъ и золотомъ. Горожане любятъ одѣвать своихъ женъ въ одежды яракихъ цвѣтовъ. У всѣхъ деревенскихъ жителей такой же самый дешевый вкусъ къ такимъ же цвѣтамъ.

„Въ этомъ обширномъ городѣ нѣтъ ни одной гостиницы, нѣтъ никакого пріюта для бѣдныхъ, гдѣ бы они могли воспользоваться милосердіемъ ближнихъ.

„Медомъ и виномъ—горѣлкою, или грубымъ пивомъ, опьяненные жители ссорятся, бранятся, жестоко дерутся между собою; если убьютъ чужестранца, то это не считается уголовнымъ преступленіемъ, платять за это только 16 талеровъ пени; а если убьютъ литовца и убійцѣ удастся убѣжать, то родственники и знакомые намащуютъ благовоніями трупъ убитаго, чтобы онъ могъ сохраниться и оставляютъ непогребеннымъ на тотъ конецъ, чтобы, если убѣжавшаго убійцу удастся схватить, представить бездуш-

ное тѣло убитого, въ противномъ случаѣ убійца не подвергается смертной казни за свое злодѣяніе. Если случится похоронить убитого прежде поимки убійцы, въ такомъ случаѣ убійство не считается уголовнымъ преступленіемъ и даже большой денежный штрафъ за него не налагается; а преступникъ наказывается только розгами.

„На предмѣстіи живутъ по большей части татары, земледѣльцы, извозчики, переносчики тяжестей; услугами ихъ зимою пользуются купцы, которыхъ они только зимою перевозятъ въ повозкахъ въ сосѣднія мѣста. Въѣздъ и выѣздъ изъ этого города (Вильны) возможенъ не иначе, какъ зимою, отъ того, что вся Литва затоплена болотами и озерами и заросла боромъ; зимою же, когда болота и озера покрываются толстымъ льдомъ и когда нападеть снѣгъ, она становится проходимою, впрочемъ не по торнымъ и пробитымъ дорогамъ, ихъ нѣтъ, а кто сколько можетъ различить путь по звѣздамъ.

„Рабочій скотъ, трудами котораго пользуются жители, отличается такую же жестокостію, какъ и извозчики. Жители питаются хлѣбомъ чернымъ, невкуснымъ и чеснокомъ, вообще пищею самою дешевою; для сидѣнія выбираютъ скамью или камень и садятся на пыльномъ мѣстѣ.

„Животныхъ покрывалами не накрываютъ; утомленные и покрытыя снѣгомъ, они прогоняются въ лѣсъ и тамъ копытами отрываютъсебѣ пищу, скрытую подъ снѣгомъ, прокладываютъ себѣ дорогу и выходъ.

„Извозчики—татары отличаются вѣрностію вообще въ отношеніи къ купцамъ и даже къ иностранцамъ. Если не представляютъ господамъ своимъ, у которыхъ они состоятъ въ услуженіи (*quorum servi sunt*), свидѣтельства о своей вѣрности и честности за подписью тѣхъ, которыхъ повезли, то ихъ все непременно ожидаетъ висѣлица (?).

„Религію въ этомъ городѣ исповѣдуютъ особенную—удивительную. Литургію въ храмахъ слушаютъ съ боль-

шимъ благоговѣніемъ; священникъ, совершающій святая тайны, находится за распростертою завѣсою, которая его закрываетъ и когда эта завѣса отодвигается, удивительно сказать, съ какимъ благоговѣніемъ предстоящіе не только въ грудь, но и въ лицо сокрушенно ударяютъ себя *). Тѣ, которые въ предшествующую ночь воспользовались брачными удовольствіями, законно или вопреки закону, на слѣдующій день по религіозному чувству не вступаютъ въ храмъ, но предстоя внѣ, на паперти, совершаютъ жертвоприносящаго въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. И этотъ обычай исполняютъ съ такою строгостію, что въ религіи ихъ можно узнать нескромныхъ юношей и лишенныхъ невинности дѣвицъ.

„Въ другое время, часто совершаютъ молитвенныя стоянія и крестные ходы съ иконами святыхъ, преимущественно носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ они особенно почитаютъ и поклоняются имъ, а собирающійся во множествѣ народъ въ этихъ процессіяхъ несетъ на головѣ обувь свою или пару башмаковъ; этимъ онъ хочетъ показать самую глубокую свою рабскую подчинность господамъ своимъ.

„Простой народъ имѣетъ обувь дешевую, а тѣ, которые побогаче, украшенную золотомъ и шелкомъ. Когда отъ жестокаго рабства, въ которомъ они (простой народъ) впрочемъ не считаютъ себя бѣдствующими, избавляетъ ихъ смерть: то хорошо одѣтые и снабженные деньгами, какъ бы въ путь—дорогу, предаются погребенію съ письмами отъ знакомыхъ и отъ тѣхъ съ которыми хорошо жили, писанными къ Петру Апостолу. Въ письмахъ этихъ ихъ рекомендуютъ Петру, какъ небесному привратнику, чтобы

*) Здѣсь, безъ сомнѣнія, говорится о томъ благоговѣніи, съ какимъ предстоящіе осѣняютъ себя „крестнымъ знаменіемъ,“ когда отодвигается завѣса, что въ церкви при царскихъ вратахъ; эта завѣса очевидно указываетъ на то, что здѣсь говорится о литургіи, совершаемой въ православномъ храмѣ.

удобнѣе открыть умершимъ своимъ близкимъ доступъ къ небеснымъ радостямъ. Хотя они просвѣщены христіанскою религіею, но еще держатся этихъ и многихъ другихъ предразсудковъ; по этому неудивительно, если они въ прежнія времена поклонялись и почитали за пенатовъ—боговъ: змѣй, солнце, молотки (?) и огонь.“

Въ этомъ описаніи обращаетъ на себя особенное вниманіе: 1, то мѣсто, гдѣ говорится о религіи жителей Вильны. Издатель атласа, самъ римскій католикъ, говоритъ, что въ Вильнѣ исповѣдуютъ религію особенную, удивительную, значить не ту, которую исповѣдывалъ онъ, иначе не назвалъ бы ее „удивительною.“ Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ описаніи говорится о православныхъ храмахъ и слѣдовательно о православныхъ богомольцахъ въ нихъ. Равнымъ образомъ не многія, но весьма ясныя указанія изъ описанія крестныхъ ходовъ, даютъ понять, что, говоря объ этомъ, авторъ имѣетъ въ виду православныхъ жителей Вильны: въ крестныхъ ходахъ, свидѣтельствуетъ онъ, они носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ особенно почитаютъ. Извѣстно, что римскіе католики изъ апостоловъ болѣе другихъ почитаютъ св. Петра, а не Павла. Исторія свидѣтельствуетъ, что православные жители Вильны особенно почитали Св. Николая Мурликійскаго: самая древняя православная церковь въ Вильнѣ, воздвигнутая во имя святого Николая, а потомъ и другая во имя того же святителя, служатъ памятникомъ особаго почитанія православными св. Николая Мурликійскаго: его православные считали покровителемъ Вильны, тогда какъ римскіе католики королевича Казимира. Нельзя не обратить вниманія, что составитель описанія, говоря о томъ, что въ Вильнѣ существуютъ послѣдователи разныхъ религій, описываетъ религіозные обычаи православныхъ, оставляя безъ вниманія послѣдователей другихъ исповѣданій, конечно, потому, что сіи

последніе составляли незначительное меньшинство между православными жителями Вильны. Напротивъ православные составляли большинство, какъ можно заключать изъ самаго описанія ихъ религіозныхъ молебствій и изъ того, что на эти молебствія они собирались во множествѣ. Что касается писемъ, которыя даютъ умершему родственника и пріятеля его, по выраженію составителя описанія, будто бы, къ апостолу Петру, то этимъ авторъ ненамѣренно свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ римскій католикъ: по его понятію, если умершему кладутъ въ гробъ рукопись, то это ничто иное, какъ рекомендательное письмо къ апостолу Петру, чтобы онъ пропустилъ въ рай такъ какъ, одинъ только по понятію римско-католика, апостоль Петръ исправляетъ должность небснаго привратника при входѣ въ рай. Существоющій доселѣ въ православной церкви обычай—класть съ умершимъ въ гробъ „вѣнчикъ“ „разрѣшительную мохитву“ ясно, кажется, даетъ понять, что составитель описанія замѣтилъ у православныхъ существовавшій, можетъ быть, еще въ то время подобный обычай, только не понялъ его значенія и объяснилъ его по своему. Извѣстно, что разрѣшительная молитва, которую кладутъ въ гробъ умершему, въ просторѣчїи называется „рукописаніе“, не смотря на то, что она не рукописная, а печатная. Это названіе указываетъ на древность обычая класть покойнику разрѣшительную молитву.

2, Нельзя не обратить вниманія на чрезвычайно мрачныя черты, которыми изображается у Брауна состояніе простаго народа, низшаго класса жителей, населявшихъ предмѣстье Вильны. По свидѣтельству хроникъ и историковъ XVI вѣка, простой народъ—литовцы жили дѣйствительно бѣдно, избы строили себѣ низенькія, деревянные, изъ круглыхъ, очищенныхъ отъ коры бревень, крыли ихъ соломой, драницей и древесною ксрою. Избы ихъ были курныя, дымъ выходилъ чрезъ двери или въ узкое окошко, отъ этого внутренность избы была закопчена. Но

для выпуска изъ избы дыму отъ лучины, употреблявшейся для освѣщенія, устраивалась труба изъ лубу, обмазаннаго глиной. Польскій историкъ XVI вѣка Гваньини, описывая жилища жмудиновъ, говоритъ: простой-народъ живетъ въ хатахъ малыхъ, низкихъ, продолговатыхъ, въ нихъ и вечеромъ и утромъ посрединѣ горитъ огонь такимъ способомъ, посреди избы виситъ отъ потолка труба, сдѣланная изъ лубу, обложеннаго глиной, при трубѣ виситъ желѣзо сдѣланное на подобіе рѣшетки, въ эту рѣшетку вкладываютъ одну за другою лучину для непрерывнаго освѣщенія хаты. Подъ рѣшеткой ставится корытцо съ водою, въ которое сверху падаютъ угли“ *).

Литовцы и жмудины устраивали свои хаты одинаково. При хатахъ у литовцевъ строились загоны для скота, а иногда скотъ помѣщался вмѣстѣ съ людьми въ одномъ жилищѣ. Такого рода жилища извѣстны подъ именемъ „нумовъ“, которые на Жмуди сохранились и доселѣ. О нихъ упоминаетъ Михелонъ, писавшій въ началѣ XVI в. *). Но обстоятельное описаніе ихъ находимъ въ статьѣ Діонисія Пашкевича. Мы коснемся этихъ нумовъ потому, что въ описаніи ихъ говорится объ образѣ жизни жмудиновъ, изображается внутренняя обстановка ихъ жилища; а извѣстно, что литовцы жили также, какъ жмудины. „Въ княжествѣ Жмудскомъ“, говоритъ Пашкевичъ, „во всѣхъ трехъ его уѣздахъ: Россіенскомъ, Щавельскомъ и Тельшевскомъ, особенно же около границъ Курляндіи и Пруссіи нашель я нѣсколько тысячъ (?) нумовъ: это строеніе отъ 10—15 саженой длиною, отъ 5—6 шириною, устроенное изъ круглыхъ бревень, крыша его утверждена на столбахъ, выслана сперва еловой корой для безопа-

*) *Obraz Litwy* Ярошевича. Томъ I, стр. 87. Сравн. Учебно-историч. сборникъ по Русской Исторіи Добрякова, т. I, отд. I, С. Прб. 1865, стр. 92—93.

***) *De Moribus Litvanorum... Epitome fragm. v. p. 23. Basileae 1615 an.*

сности отъ огня, а сверху покрыта соломой. Окнонъ нѣтъ, или иногда одно окно, двери съ обоихъ концовъ нума, изъ нихъ одна не такъ широкая для выхода людямъ, другая шире для загона скота и вывоза навоза; надъ дверьми небольшія оконца для выхода дыма и для свѣта, закрываемыя извнутри. По срединѣ нума выкопана широкая яма для огнища, имѣющая форму квадрата или круга, шириной въ три или четыре локтя въ разрѣзѣ и въ локоть глубиною. Въ этой ямѣ разводится огонь изъ сухихъ березовыхъ или ольховыхъ дровъ. По краямъ огнища наложены камни, заступающіе мѣсто лавокъ для живущихъ, которые въ холодное время расположившись около огня, производятъ здѣсь всѣ работы. Но какъ лѣтомъ жарко и чтобы не было также опасности отъ огня, вокругъ огнища, отступя три или четыре локтя, дѣлается въ формѣ четырехъ—угльяника стѣна изъ бревенъ, досокъ или просто изъ плетня, но не выше, какъ въ полтора локтя, или уже много въ два, чтобы люди, работающіе и ходящіе вокругъ огня, могли видѣть скотъ, который стоитъ кругомъ, близъ стѣны строенія; пространство между огнемъ и мѣстомъ, гдѣ стоитъ скотъ, содержится въ чистотѣ, часто метется. Навѣсъ крыши всегда значительно выдается для того, что подъ нимъ складываются хозяйскія орудія: телѣги, сохи, бороны, а къ стѣнѣ нума иногда приставляются малые, трехстѣнные хлѣвки для свиней и домашней птицы. Однимъ словомъ, въ одномъ нумѣ часто помѣщалось все хозяйство. *).

Андрей Целлярій въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: „Новѣйшее описаніе Царства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго“, говоритъ, что „домики въ Вильнѣ, особенно на предмѣстьи дешевые, низкіе, деревянные, крытые слоמוю или драницею. Родители, дѣти и слуги

*) Варшавскій дневникъ 1829 годъ. Январь № 44. Слѣдующее цитован. Сборникъ Добрякова стр. 93.

находятся вмѣстѣ со скотомъ“ 1). Сожительство съ животными и курныя, дымныя хаты, равно какъ и особаго роду литовцевъ, не у одного Брауна считаются причиною вредно дѣйствовавшей на ихъ зрѣніе. Целлярій говоритъ: что „въ Вильнѣ не мало есть слѣпыхъ, причину слѣпоты приписываютъ курнымъ избамъ, также употребленію луку и чесноку, равно какъ грубаго пива и горѣлки“ 2). Вообще въ пищѣ литовцы были очень не взыскательны. Гваньини говоритъ, что литовцы употребляли хлѣбъ самый простой и грубый, на половину съ мякиной 3).

Простой народъ находится въ безусловной зависимости отъ пановъ, обращеніе ихъ съ подданными своими было вообще грубое и жестокое; разсердившись на мужика, панъ отбиралъ у него все, что можно было взять, такъ что у мужика не оставалось ни скота, ни хлѣба, ни пищи, ни одежды. Объ этомъ находимъ свидѣтельство у Гваньини: „Простой народъ на Жмуди и Литвѣ“, говоритъ онъ 4), „терпитъ большое преслѣдованіе отъ богатѣйшихъ, когда панъ разгнѣвается за что нибудь на подданнаго, обереть его, изобьетъ, иногда отбереть у него всѣ съѣстные припасы, такъ что мужичокъ съ женою, съ дѣтьми не имѣетъ въ ротъ что положить. Крестьяне каждый день отправляютъ тяжелую работу. Когда крестьянину нужно пойти зачѣмъ нибудь къ пану, то безъ подарка и не приступай; а если и дойдетъ до пана, то панъ отсылаетъ его къ управляющему и всюду дай у пановъ, потому что у нихъ каждое слово золото. Пять дней работаютъ на

1) *Regni Poloniae magnique ducatus Litvaniae novissimo descriptio*, стр. 281.

2) Тамже.

3) *Chron. Sarm. europ.* Толков. Пашковск., кн. V, ч. III, стр. 28—29.

4) Тамже. См. также: *Geographiae universae tum veteris, tum novae absolutissimum opus... Actore Jo. Aut. Magino Patavino. Venetiis an. 1596*, стр. 153.

пана, а шестой—понеде́льникъ на себя, никогда и въ воскресенье праздные не бываютъ: въ деревнѣ совсѣмъ не празднуютъ, работаютъ, что случится: пахутъ, жнутъ, молотятъ, сѣютъ, боронуютъ, косятъ и всякаго рода другія отправляютъ работы. Если спросить когонибудь, для чего онъ въ праздникъ работаетъ, онъ отвѣтитъ: „а развѣ въ праздникъ не нужно ѣсть?“

Отъ такого грубаго обращенія, отъ такого безудія, угнетенія и бѣдности, народъ не отличался мягкимъ характеромъ, не имѣлъ отъ кого научиться хорошему обращенію и добрымъ нравамъ. Андрей Целлярій говоритъ: „Литовскій народъ глупъ, жестокъ и лѣнивъ“ 2). Мартинъ Зейдлеръ въ описаніи Польши и Литвы, 3) изд. 1674 г., говоритъ: „простой литовскій народъ глупъ и лѣнивъ, господь своихъ любить только тогда, когда они его больше бьютъ.“ Эта же парадоксальная мысль находится и у Андрея Целлярія. 4). Писатель первый высказавшій ее и потомъ за нимъ повторявшіе доказали тѣмъ, что они не возвышались въ гуманности и благородствѣ обращенія надъ тѣми, которые жестоко обращались съ своими подчиненными, что они не знали другихъ средствъ обращенія съ простымъ народомъ, для удержанія его въ покорности, кромѣ побоевъ.

3. наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о русскомъ гостинномъ дворѣ (Das Moscoviten Hoff). На этомъ дворѣ, по завѣренію древнихъ историческихъ свидѣтельствъ, производилась весьма обширная торговля самыми разнообразными и драгоценными мѣхами между русскими и иностранными купцами.

Русскій гостинный дворъ основанъ въ Вильнѣ еще въ XIII столѣтіи. Въ 1366 году дворъ этотъ былъ истреб-

1) Цитован. прежде сочин. стр. 280.

2) *Miscel.* Томъ II, стр. 11.

3) Цитован. прежде сочин. стр. 280.

лень пожаромъ. Но торговая дѣятельность русскихъ въ Вильнѣ была на столько значительна, что не могла прекратиться отъ этого несчастія; затрачены вновь деньги и въ 1375 г. готовъ былъ новый великолѣпный русскій гостинный дворъ *). Кромѣ общаго, русскаго торговаго двора въ Вильнѣ, былъ еще гостинный дворъ купцовъ Новгородскихъ и ихъ склады товаровъ; предприимчивые новгородскіе купцы вели значительные торговые обороты съ литовцами и такъ вовлекли ихъ въ торговлю, что главнѣе сношенія торговли литовцы имѣли съ новгородцами. Но еще болѣе усилилась торговая дѣятельность русскихъ и вообще виленскихъ купцовъ, когда въ 1380 году была очищена и сдѣлана судоходною рѣка Вилія. Въ XV и XVI стол. русскіе купцы въ Вильнѣ и иностранцы сплавливали по рѣкѣ Виліи свои товары и видно, что эти обороты были выгодны: въ 1589 году Вилія была вновь очищена средствами виленскихъ купцовъ, Въ 1606 году еще разъ сдѣлана была очистка ея на счетъ правительства. Въ XVI стол. торговля русскихъ въ Вильнѣ описывается иностранцами какъ самая дѣятельная и весьма значительная, гостинный дворъ русскій непремѣнно обращалъ на себя вниманіе; такъ нѣмецкій писатель XVI в. Вюллихій въ комментаріяхъ своихъ на Корнелія Тацита, говоритъ, что въ бытность свою въ Вильнѣ, онъ видѣлъ русскій торговый дворъ—огромное, великолѣпное зданіе, нарочно для этого выстроенное, въ которомъ каждый день, *кромя воскресенья*, продаются мѣха различной величины и достоинства, на разныя цѣны. Нѣмецъ весьма пораженъ былъ этимъ и со-

*) Русскій гостинный дворъ находился близъ Свято-Троицкаго монастыря, на одной съ нимъ сторонѣ. Отъ монастыря отдѣляла его улица, которая теперь не существуетъ, (она шла параллельно теперешнему милліонному переулку, котораго тогда не было). Гостинный дворъ занималъ, приблизительно, то мѣсто, гдѣ теперь домъ Янучкова, милліонный переулокъ и далѣе по линіи къ ратушѣ.

знался, что онъ не можетъ надивиться богатству и разнообразію мѣховъ на русскомъ гостинномъ дворѣ. Правда, говоритъ онъ, подобные мѣха можно видѣть въ Люблинѣ, въ Познани, въ Краковѣ, въ Данцигѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Торунѣ, но не иначе, какъ только на извѣстныхъ ярмаркахъ. Онъ полагаетъ, что безъ сомнѣнія, для торговли съ русскими, стали селиться въ Вильнѣ нѣмцы и заняли цѣлую улицу, которая называется нѣмецкою *).

И такъ, изъ сличенія описанія Вильны, помѣщеннаго у Брауна, съ другими писателями о томъ же предметѣ, оказывается, что свѣдѣнія, изложенныя въ немъ въ общихъ и главныхъ чертахъ, согласны съ тѣмъ, что говорятъ о Вильнѣ другіе иностранные писатели того же времени. Слѣдовательно описаніе это имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство иностранца, который однако близко былъ знакомъ съ тѣмъ, что описывалъ.

С. Преображенскій.

Вил. Сбор.

О СОЗДАНИИ КІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. КИРИЛЛА.

Въ прошломъ іюнѣ, будучи въ Кіевѣ, я посѣтилъ давно невидѣнную мною бывшую кирилловскую обитель.

Отъ Маріи княгини древле устроенну,

Константиномъ Острожскимъ княземъ обновленну.

Такъ о ней сказано 1765 года, въ стихотворной надписи, къ образу святителя Димитрія Ростовскаго, бывшаго здѣсь постириженцемъ и игуменомъ. Вспомянулись мнѣ на дняхъ эти два стиха—и мнѣ приходило на мысль, что если бы сдѣлать къ нимъ еще хоть такую прибавку:

А..... благоураздненну,

И въ умалишенныхъ домъ вскорѣ обращенну—

*) *In Cornelii Taciti, equitis Romani, Germaniam commentaria. Autore D. Jodoco Wuillichio Reselliano, Francoforti ad Wiadrum. An. 1551. Въ 8 р. 5.*

тогда вышло бы краткое изображеніе всей исторической судьбы нѣкогда знаменитаго и богатаго монастыря Кирилловскаго.

Но кто же была та княгиня *Марія*, создавшая эту прекрасную церковь, до нынѣ уцѣлѣвшую съ своими древними фресками, къ сожалѣнію, еще нераскрытыми?—Современныя извѣстія о княгинѣ сохранились въ древней кievской лѣтописи; а ея имя, *Марія*, находится въ южнорусскихъ писаніяхъ 17-го вѣка. Такъ въ *Старомъ Лѣтописцѣ* сказано, „Княгиня *Марія Всеволодовая* того року (1179) умерла, будучи схимницею, въ монастыру Кирилскомъ кievскомъ и погребена есть въ церкви святого Кирила, которую сама она змуровала... „Должно быть и наша кievская княгиня Всеволожая приняла имя *Маріи* вмѣстѣ съ схимою, также какъ приняла его суздальская княгиня Всеволожая въ 1260 году. Но вотъ удивительное дѣло: создательница Кирилловской церкви—для всѣхъ кievо-описателей, бывшихъ и нынѣшнихъ, осталась неузнанною, во мглѣ неудоумнѣній“. И вотъ уже почти два столѣтія—только безъ пяти лѣтъ—продолжаетъ эта историческая мгла, наведенная Кievскимъ Синодломъ... Попытаемся-же разогнать ее—критическимъ обзорѣніемъ всѣхъ бывшихъ подъ нею мѣнѣій, недоумѣній и толковъ:

„И истина должна открыться“

Основаніемъ нашего знанія о древнемъ бытіи Кирилловскаго монастыря служатъ три упоминанія о немъ кievской лѣтописи во второй половинѣ 12-го вѣка, а именно: въ 1171, 1179 и 1194-мъ годахъ. Посмотримъ на каждое изъ нихъ.

Вотъ *первое* упоминаніе, *1171 года*: „Сняшася братья Вышегородъ и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кюриломъ“. Отсюда видно, что Кирилловскій монастырь былъ уже въ томъ году.

Второе и главное упоминаніе, подъ *1179-мъ годомъ*, заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Въ то же лѣто приведе Святославъ за Всеволода, за середняго сына, жену изъ Ляховъ Казимѣрну, во Филипово говѣнье... Тогоже лѣта преставися княгини Всеволожая, приѣмше на ея чернечьскую скиму, и положена бысть въ Кіевѣ у святого Кирила, юже бѣ сама создала“.

Для тоговременнаго кіянина это было совершенно ясно; но въ 17-мъ столѣтіи возникло разномысліе, новобрачная ли Казимировна умерла въ томъ году, или же тутъ записаны извѣстія о двухъ княгиняхъ—о бракѣ молодой невѣстки Святослава и о кончинѣ престарѣлой матери его, которыя обѣ, по имени ихъ мужей, были *Всеволожи* или *Всеволодовы*? Отсюда произошли два разныя толкованія: одно, принадлежащее сочинителю *Кіевскаго Синописа*; другое—составителю *Хроники*, названной *Густынской*. Первое мнѣніе пошло въ ходъ и скоро стало господствующимъ по необычайному успѣху Синописа, двадцать пять разъ напечатаннаго (съ 1674 до 1836 г.) А второе мнѣніе оставалось въ забвеніи до изданія въ свѣтъ густынской хроники въ 1843-мъ году. Но толкованіе синописное превозмогаетъ его и нынѣ, у новыхъ кіевоописателей. Вотъ оно.

„Въ лѣто отъ созданія міра 6686, отъ Р. X 1172, представився благовѣрная княгиня Марія, жена князя Всеволода Святославича, а дщи короля польскаго Казимира, совершенна инокіяна суши, и погребена бысть въ церкви святыя живоначальныя Троица, идежде и предѣлъ святаго Кирилла, въ Кіевѣ: юже церковь и монастырь нынѣ зовомый Кирилскій, сама построила.“

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза 1172 годъ, поставленный ошибочно вмѣсто 1178-го, какъ это видно по 6686-му году отъ сотворенія міра. А между тѣмъ этотъ ошибочный 1172-й годъ (по которому кончина Казимировны припала бы семью годами прежде ея замужества) печатался во всѣхъ изданіяхъ синописа и былъ принятъ даже принеемъ Фальковскимъ, въ его „Кіевскомъ мѣсяцословѣ“ 1799 года. Но главное и существенное во мнѣніи синописа то, что строительницею кирилловскаго монастыря признана *Марія Казимировна*, ставшая женою Всеволода Святославича—1179 года, въ филипово говѣнье (т. е. на заговѣны передъ филиповымъ постомъ).

Сходно съ синописомъ уразумѣлъ сказаніе кіевской лѣтописи и Татищевъ, признавъ кончину новобрачной Казимировны въ 1179-мъ году: но онъ, имѣя въ виду рожденіе отъ нея князя Михаила, придумалъ двѣ подробности: день смерти ея и причину болѣзни, и написалъ такъ: „Преставися княгиня Марія Казимировна, супруга Всеволода Свя-

тославича, постригшися въ болѣзни въ схиму, *августа 6 дня*, и положена въ церкви св. Кирилла; которую сама содала. Болѣзнь же ея приключися отъ тяжкаго рожденія сына Михаила, который по ней остался“ (Ист. т. III, стр. 234). Но въ примѣчаніи 526-мъ говоритъ онъ вотъ что: „Здѣсь бракъ и кончина въ одномъ году пришло, чему видится для построения церкви и ея перемѣнности совершенной быть нельзя“.

На эту же несообразность, чтобы Казиміровна въ одинъ и тотъ же годъ вышла за-мужъ, приняла схиму и построила каменную церковь, указывалъ и Карамзинъ (Ист. т. III, прим. 90). Противъ этого г. Закревскій говорилъ такъ: „Все это могло совершиться очень естественно въ одинъ годъ, хотя историографъ и удивляется“. (См. стр. 127 въ изд. 1858 г.). Но г. Крыжановскій, въ своей замѣчательной статьѣ о Кирилловскомъ монастырѣ, и напечатанной въ „Кіевскихъ епархіальныхъ вдомостяхъ 1863 года, показалъ до очевидности, что Марія Казиміровна не могла быть строительницею Кирилловской церкви. Онъ говоритъ: „Годъ начинался тогда съ марта; значить, Марія жила въ Кіевѣ не болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ (половину ноября, декабря, генварь и февраль). Въ это короткое и притомъ зимнее время нельзя построить большой каменной церкви. Но свидѣтельство, это опровергаетъ и таже самая лѣтопись (*т. е. Кіевская или такъ-называемая Ипатьевская*), именно тѣмъ, что упоминаетъ о Кирилловскомъ монастырѣ, какъ уже существующемъ, подъ 1171-мъ годомъ, восьмью годами прежде Маріи“. Вотъ это послѣднее указаніе здѣсь весьма важно и вполне убѣдительно. А преждевременная смерть новобрачной Казиміровны была только мнимая смерть приписанная ей Кіевскимъ Синодосомъ также напрасно, какъ и построение кирилловской церкви. Если бы Казиміровна въ самомъ дѣлѣ умерла такъ скоро послѣ своего брака, то не могла бы она быть матерью св. Михаила Черниговскаго. Ясное дѣло, что въ концѣ того мартовскаго 1179-мъ года умерла не она, а та княгиня *Всволожая*, которая построила Кирилловскую церковь еще до 1171 года. По этому напрасно было и Татищеву придумывать *6-е августа*, отлагая мнимую кончину Казиміровны на девятый мѣсяць ея замужества.

Прочтемъ теперь сказаніе густынской хроники: „Въ тожь лѣто Святославъ Всеволодовичъ кievскій поять за сына своего сердняго Всеволода дщерь короля польского Казимера второго, реченного Справедливого... Въ тоже лѣто преставися благовѣрная княгиня *Марія Всеволодовая мати Святославля*, дщи Казимера польского Мниха, иже пострижеса въ схиму и положена бысть въ церквѣ сятаго Кирила, юже сама создала бѣ“.

Вотъ это вѣрное разумѣніе древлекіевскаго сказанія: скончалась не новобрачная невѣстка Святослава, а его мать вдовствующая княгиня Всеволожая, создавшая Кирилловскую церковь. Но къ сожалѣнію, и въ сказаніе густынской хроники вкралась большая ошибка, именно та, что княгиня Марія Всеволодовая, мати Святославля—названа также Казиміровною, дочерью Казиміра-Мниха! Составитель хроники не взялъ въ соображеніе того, что этотъ польскій король, современникъ и зять Ярослава 1-го умеръ вскорѣ послѣ него, именно, 28 ноября 1058 года. Какъ-же могла дочь его быть женою Ярославова правнука, Всеволода Ольговича, и родить ему втораго сына Ярослава въ 1140-мъ году и дожить до 1179-го? .. Выбросьте эту напрасную прибавку: „дщи Казимера-Мниха“, и въ словахъ густынской хроники останется чистая историческая истина.

Теперь посмотримъ на *третье* упоминаніе кievской лѣтописи о Кирилловскомъ монастырѣ, подъ 1194-мъ годомъ. Говоря подробно о послѣднихъ дняхъ Святослава Всеволодовича, лѣтописатель сказалъ наконецъ: „И веля ея постричи въ черньци, и посла по сята Рюрика и преставися мѣся а іуля, и положиша и во святѣмъ Кюрилѣ, во отѣ ему монастырѣ“.

Какъ-же это: за 15 лѣтъ выше въ лѣтописи сказано положительно, что монастырь и церковь св. Кирилла *создала* княгиня Всеволожая, мать Святослава; а здѣсь монастырь названъ *отцимъ*? Должно быть такъ, что это слово поставлено здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ *отцевскаго*, а въ общемъ значеніи *родительскаго*. Такъ разумѣлъ и составитель густынской хроники, а для большей ясности и во и-бѣжаніе противорѣчія, онъ передалъ древлекіевское извѣстіе въ слѣдующихъ словахъ: „Въ сіе же лѣто разболѣся Святославъ кievскій, и постригся во иночество, пре-

ставися іюля, и положень бысть во церкви святаго Кирила, юже мати его созда.

Но еще гораздо прежде, въ лѣтописи суздальской, гдѣ совсѣмъ пропущены упоминанія о двухъ княгиняхъ 1179 года, и всѣ подробности о заболѣвшемъ Святославѣ, сказано о немъ такъ: „Того же лѣта 1195 преставися князь кіевскій Святославъ и положень бысть въ монастыри въ церкви святаго Кирила, юже бѣ создахъ отецъ его“. Такимъ образомъ здѣсь—отъ перемѣны прилагательнаго имени *отчий*, принятаго въ буквальномъ смыслѣ, на существительное имя *отецъ*—строителемъ Кирилловскаго монастыря и церкви становится князь *Всеволодъ Ольговичъ*. Но это противорѣчитъ прямому и положительному сказанію кіевской лѣтописи о созданіи той церкви *цнгиною Всеволожею*. Кому же ближе было знать это, и кому намъ вѣрять? безъ сомнѣнія, древнему лѣтописателю кіевскому, а не отдаленному отъ Кіева суздальцу, который тамъ же (подъ 1195 годомъ и преемство кіевского княженія Рюрикомъ послѣ Святослава записалъ по-своему, совсѣмъ, не такъ, какъ оно было по сказанію кіевской лѣтописи.

(Рюрикъ, находившійся тогда въ своемъ Овручѣ, призванъ былъ въ Кіевъ еще умирающимъ Святославомъ; встрѣченный и принятый радостно всѣми кіянами, онъ сидѣлъ уже на отнемъ столѣ кіевскомъ, когда не дошла еще, вѣроятно, до Суздаля и самая вѣсть о кончинѣ Святослава. А лѣтописецъ суздальскій говоритъ: „И посла великій князь Всеволодъ (Юрьевичъ) мужи свои въ Кіевъ, и посади въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича“).

Но что же сказалъ Кіевскій Синописецъ о погребеніи Святослава Всеволодовича? Сославшись на Стрыйковскаго, онъ говоритъ: „Преставися и погребень бысть въ церквѣ святаго Кирила *Черниговской*, року 1198“. Печальное извѣстіе! Изъ него видно, что на Святослава кіевского перенесена кончина меньшаго брата его Ярвслава, княжившаго въ *Черниговѣ* и тамъ погребеннаго въ 1198 году... Такъ-то и погребеніе княгини Всеволодовой въ созданной ею церкви перенесено въ Синописецъ на молодую жену ея внука, Всеволода Святославича Чернаго.

Но вотъ, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, заговорили въ Кіевѣ о другой строительницѣ Кириллов-

ской церкви, о *Маріи Всеволодовнѣ*—и синопсисная рѣчь о *Маріи Казиміровнѣ* на полѣвка притихла.

„Построена, по мнѣнію нѣкоторыхъ, княжною кievскою, королевою польскою *Маріею*, дщерію великаго князя Всеволода Ярославича, внукою (!) святого князя *Владимира*, въ 1160 году“.

Такъ напечатано въ „Краткомъ историческомъ описаніи кievопечерскія лавры, которое неоднократно издаваемо было съ 1791-го года по 1817. (Смт. тамъ прибавленіе: Достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ)“. Сочинителемъ этой книги былъ митрополитъ *Самуиль Миславскій* († 1796 г.); а лѣтъ за тридцать я слышалъ отъ старыхъ лаврянъ, что въ сочиненіи его участвовалъ и *Феофанъ Шیانовъ*, будучи лаврскимъ типографомъ. Не случилось мнѣ узнать, кто эти „нѣкоторые“, бывшіе первоначальниками такого мнѣнія; но тѣже самыя слова встрѣчались мнѣ и въ 4-й книгѣ *Географическаго Словаря*, изданной 1804 года *Шекатовымъ*.

Имѣя въ виду годъ построенія 1160-й, невольно усомнишься, чтобы та королева *Марія* была дочь *Всеволода Ярославича*. Извѣстныя три дочери его—блаженная *Янка*, *Ирина* или *Екатерина* и *Евпраксія*—скончались еще во время *Нестора* и помянуты въ его лѣтописи. И за какимъ же королемъ польскимъ была она?...

Берлинскій, въ своемъ „Краткомъ описаніи Кіева“ 1820 г., такъ говоритъ: „основаніе монастыря приписывается еще въ 12 столѣтіи, супругъ короля *Казимира Маріи*, дочери *Всеволода I Ярославича*“. (Стр. 116).

Здѣсь, конечно, нельзя и подумать о *Казимірѣ Первомъ* или *Мнихѣ*, который женатъ былъ на дочери святого *Владимира*, *Доброгнѣвѣ-Маріи*. Здѣсь можно разумѣть только *Казимира Втораго* или *Справедливаго*, который дѣйствительно женатъ былъ на *Всеволодовнѣ*, но на дочери—не *Всеволода Ярославича*, а его пра-пра-правнука, *Всеволода Мстиславича Белзскаго*, скончавшагося въ 1195-мъ году. Та королева польская и была мать нашей *Маріи Казиміровны*. При такомъ вольномъ избраніи княгини на построеніе *Кириловской церкви*, можно бы указать еще на одну *Всеволодовну*, на дочь великаго князя *Всеволода Ольговича*, *Звениславу*, которую онъ въ 1141-мъ году

отпустилъ въ лѣхи за Болеслава... Тогда, по крайней мѣрѣ, была бы здѣсь родная дочь истинной строительницы той церкви, великой княгини Всеволодовой.

А между тѣмъ и самъ митрополитъ Евгеній, въ составленномъ имъ „Полномъ Мѣсяцословѣ“, не нашелъ ничего лучшаго сказать о той церкви, какъ повторить „построена, по мнѣнью нѣкоторыхъ, княжною кievскою, дочерью Всеволода I Ярославича Марією, супругою короля полскаго, 1160 года“.

Тоже повторялось и въ „Паломникѣ“ Максимовича (Ивана Петровича), издававшемся съ 1842-го года.

Наконецъ и преосвященный Макарій, въ своемъ первомъ „Очеркѣ исторіи русской церкви въ періодъ дотатарскій“, изданномъ 1847 года, тоже сказалъ о Кирилловскомъ монастырѣ: „построенъ дочерью великаго князя Всеволода Ярославича, польскою королевою Марією, въ 1160 или 72 году“, Здѣсь 1172-й годъ, очевидно, прибавленъ изъ Кіевского Синописа; но здѣсь было уже послѣднее явленіе этой призрачной строительницы Кирилловскаго монастыря.

Въ то время, какъ началось полувѣковое господство этого мнѣнія о королевѣ Всеволодовнѣ, не поддался ему въ Кіевѣ одинъ только—„математическихъ классовъ надзиратель, учитель богословія, іеромонахъ *Ириней*“, который, въ своемъ „Кіевскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1799“, вотъ что сказалъ о Кирилловской церкви: „создана великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ Чермнымъ (!), или княжною Марією, супругою Всеволода Святославича, 1144 или 1172 годовъ“ (стр. 34).

Тутъ едва ли не въ первый разъ въ Кіевѣ оглашенъ былъ Всеволодъ Ольговичъ строителемъ той церкви—по лѣтописи суздальской, изданной 1767 года, по кенигсбергскому списку, Оттуда же взять Иринею и 1144- годъ, который однако же и тамъ относится не къ Кирилловской церкви, а къ Георгіевской, заложенной Всеволодомъ Ольговичемъ въ Каневѣ. О строителяхъ Кирилловской церкви Иринею сказалъ на двое, не зная самъ, кому повѣрить: сказанію суздальской лѣтописи, или Кіевского Синописа?... Колебаніе неизбежно; ибо Иринею, какъ видно, неизвѣстно еще было свидѣтельство древней кievской лѣтописи, которое одно только даетъ вѣрное рѣшеніе этого вопроса.

Впрочемъ, Принеево указаніе на двухъ строителей на Всеволода и на Казиміровну, хотя осталось въ забвеніи но оно было, такъ сказать, предназначаеиъ для имѣющихъ быть *новыихъ* толкованій о Кириловскомъ монастырѣ которыя и начались съ 1847-го года, вслѣдъ за тѣмъ какъ издана была вновь Суздальская лѣтопись по списку лаврентьевскому. Тогда ея показаніе о созданіи кириловской церкви и монастыря Всеволодомъ Ольговичемъ принято было уже за несомнѣнное и достовѣрное свидѣтельство: но при этомъ пришлось или предоставить Маріи Казиміровнѣ только нѣкоторое участіе въ той церкви, или совсѣмъ устранить ее, отвергнувъ и самое сказаніе о ней; или же порѣшить дѣло такимъ раздѣломъ: на долю Всеволода—основаніе монастыря, а на долю Маріи—построеніе церкви. Такимъ образомъ произошло *три* новыя мнѣнія.

Первое изъ нихъ явилось въ „Обозрѣніи Кіева“, изданномъ И. И. Фундуклеемъ 1847 года. Тамъ о Кириловскомъ монастырѣ сказано такъ: „несомнѣнно то, что онъ существовалъ уже въ *первой* половинѣ 12-го вѣка; ибо строителемъ Кирилловской церкви, по сказанью древнихъ лѣтописцевъ, былъ кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ, скончавшійся 1146 года. Что же касается до княгини Маріи Казиміровны, супруги Всеволода Святославича Чернаго, скончавшейся и погребенной здѣсь 1179 года, то она, вѣроятно, была устроительницею только придѣла церковнаго,“ (стр. 78). Къ этому мнѣнію принадлежатъ и толкованіе Закревскаго (въ обоихъ изданіяхъ его „Описанія Кіева 1858 и 1868 г.), по второму основаніе монастыря и построеніе церкви можно приписать съ достовѣрностью Всеволоду Ольговичу; а Марія Казиміровна могла или возобновить бывшую до нея церковь, „или приказать учинить какую-либо передѣлку“. (стр. 389). Но въ кіевской лѣтописи сказано: *сама создала*; да и въ Синописи написано: *сама построила*. Сколько было возобновленій и передѣлокъ Софійскаго собора, и отъ сколькихъ людей. Но только объ одномъ Ярославі сказати можно: *создалъ* его.

Второе мнѣніе, объявленное 1863 года, принадлежитъ Крыжановскому (Ефиму Михайловичу). Показавъ ясно, какъ мы уже видѣли, что Марія Казиміровна *вовсе не*

могла быть строительницею Кирилловской церкви, онъ отвергъ и самое сказаніе о ней, признавъ за несомнѣнное, что строителемъ былъ Всеволодъ Ольговичъ. Тутъ данъ полный перевѣсъ показанію суздальскаго лѣтописца; но понятіе кievскаго Синописца о строительницѣ осталось и въ самомъ отрицаніи или непринятіи авторомъ даже свидѣтельства кievской (такъ-называемой ппательской лѣтописи). Вы взяли это древнее свидѣтельство, но придали ему толкованіе Синописца, и говорите, что этого свидѣтельства „ни въ какомъ случаѣ нельзя принять!“ Напротивъ, его-то должно принять за основаніе, и вы сами его примете, но только въ такомъ случаѣ, когда отбросите отъ него неправильное истолкованіе, вслѣдствіе котораго—новобрачная и мнимоумершая Казиміровна заслонила собою престарѣлую княгиню *Всеволоожу*... Отъ того сія княгиня не была усмотрѣна и новыми кievоописателями ни въ древней Кievской лѣтописи, ни въ Хроникѣ густынской, и осталась у нихъ неузнанною и названною.

Такъ и въ *третьемъ* новомъ мнѣніи, которое объявлено 1865 года г. Похилевичемъ, и въ книгѣ „Монастыри и церкви г. Кіева“:

„Вѣроятно, что монастырь основанъ Всеволодомъ II (Ольговичемъ), а каменная въ немъ церковь построена супругою Всеволода Святославича“ (стр. 116).

Но пора, наконецъ, разстаться и съ *Марією Казиміровкою*, какъ разстались за дздцаать лѣтъ съ *Марією Всеволодовною*! Пора уже признать истинную строительницу кирилловскаго монастыря и церкви, вышепомянутую княгиню Всеволоожу, мать Святославу.—Погоднѣя, въ своемъ Словарѣ князей удѣльнаго періода, „изданномъ въ 1855 году“, вотъ что сказалъ о *Всеволодѣ Ольговичѣ* „1116 г... женился на дочери Мстислава Володимировича... жена его умерла 1179 г. и положена у св. Кирила, въ монастырѣ ею созданномъ“ (стр. 70, 73). Это прямой и вѣрный выводъ изъ древней лѣтописи кievской. Мнѣ хотѣлось только дознаться, откуда взять здѣсь 1116-й годъ? Оказалось, что онъ опредѣленъ соображеніемъ самаго историка, и можетъ быть принять, какъ вѣроятнѣйшій. Приведу тѣ слова кievской лѣтописи, изъ которыхъ ясно видно, что великая княгиня Всеволожая была *Мстиславна*.

Отдѣлъ II.

„Въ тоже лѣто (1141) посла Изяславъ къ сестрѣ, рече: испроси ны узятя Новгородъ Великій брату своему Святополку. Она же тако створи...! Въ сеже лѣто (1142) посла Всеволодъ Святополка, въ Новгородъ, шюрина своего, смолвися съ Новгородци... И не любяхуть сего Олговици, братья Всеволожа, и поропташа на нь, оже любовь имѣеть съ Мстиславичи, съ шурьями своими“.

И такъ, строительницею Кирилловской церкви и монастыря была княгиня *Марія Мстиславна*, жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава Великаго, внука Владимира Мономаха. Послѣ своего тридцатилѣтняго замужества, она оставалась еще тридцать три года вдовою и скончалась въ 1179 году, и положена въ церкви, *юже бѣ сама создала*.

Да будетъ-же благословенна память ея, у васъ, кievскіе люди!
Михалъ Максимовичъ.

1868 года 26 ноября
Михайлова-гора.

III.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ОСОБЕННОСТИ ВЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

«Нехай буде й наша слава помежъ козаками...»

Малорос. пѣсня.

Славныя общественныя дѣла вообще дѣлаются трудно, и большею частью послѣ многихъ препятствій, какъ будто нарочно выставляемыхъ какою-то враждебною силой. Едва только блеснетъ въ чьей-нибудь головѣ свѣтлая мысль о какомъ-нибудь славномъ дѣлѣ, вдругъ, невѣдомо откуда, возникаютъ разныя недоразумѣнія, опасенія; сомнѣнія, усилія потушить свѣтлую мысль въ самомъ ея зародышѣ. Если мысль не имѣла силы, внутренней теплоты, то она обыкновенно такъ и гаснетъ навѣки. Но если она, кромѣ свѣтлости оживляла сердце теплотою, то никакіе страхи и недоразумѣнія не потушатъ ее,—она затаится въ своемъ пеплѣ и, при первомъ благопріятномъ случаѣ, опять блеснетъ, вспыхнетъ и запылаетъ.

Въ 1862 году «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи» *) высказалъ такую прекрасную мысль: «есть одно мѣсто на старомъ Кіевѣ, которое такъ и просится подъ историческій памятникъ; природа и люди нечаянно образовали изъ него самородный пьедесталь, ожидающій только какой-либо великой личности, чтобы увѣнчать его вер-

*) 1862 г. сентябрь, отд. IV, статья послѣдняя. „Мысль о сооруженіи новаго памятника въ Кіевѣ.“

шину,—это крайній отрогъ Андреевской горы, такъ—называемый утесъ Воздыхальницы, который господствуетъ надъ нижнимъ городомъ, и надъ днѣпровскою долиною, и надъ беспредѣльными равнинами заднѣпровья. Но кто можетъ достойно стать на этомъ возвышенномъ амвонѣ, чтобы изъ мрака минувшаго свѣтитъ будущему? Чья знаменательная личность не умалится на этомъ колоссальномъ подножіи?.. Гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра, освободителю родной своей Украйны, прилично стать на этомъ мѣстѣ, гдѣ однимъ взмахомъ державной булавы своей онъ какъ-бы объемлетъ двойную свою область по обоимъ берегамъ завѣтной рѣки. Такимъ и долженъ изобразить его нашъ знаменитый художникъ изъ одушевленной имъ мѣди, на лихомъ питомцѣ украинскіхъ степей, во всѣхъ его гетманскихъ регаліяхъ, указывающимъ булавою, поверхъ Кіева, на освобожденную имъ Малороссію; а на подножномъ камнѣ, который будетъ попирать его борзый конь, безъ всякаго пьедестала,—потому что тутъ пьедесталомъ служить самый утесъ,—слѣдуетъ только начертать одно всевыражающее число: 1654, годъ соединенія Малой Россіи съ Великою. Но мы до сихъ поръ не назвали того, чей ликъ будетъ такимъ образомъ господствовать надъ освобожденной имъ страной? Еще ли нужно называть славнаго Богдана Хмѣльницкаго, *Богомъ даннаго*, не одной лишь его родной Украйнѣ, но и воспріявшей его Россіи? Давно уже ждетъ онъ такого памятника отъ присныхъ чадъ своихъ, хотя въ ихъ сердцѣ и всегда живетъ его имя; оно живо и въ каждомъ русскомъ сердцѣ, которое цѣнитъ великій его подвигъ, слившій воедино два братскихъ племена, коихъ единокровный союзъ закрѣпленъ единой вѣрой и потоками крови, которую они вмѣстѣ проливали за свое православіе. Давно и Кіевъ ожидалъ себѣ такого памятника въ честь одного изъ славныхъ своихъ витязей. Недавно обновлена брещальная часовня Равноапостольнаго, воспоминающая брещеніе всея Руси: пусть обновится и память великаго дѣятеля, упрочившаго здѣсь своему народу свободу той православной вѣры, которую завѣщалъ землѣ русской равноапостольный ея просвѣтитель. Мысль

прекрасная, свѣтлая и теплая!—Тогда же нашлись—было люди, одушевленные этою мыслию, которые уже хотѣли, по всей Россіи, открыть подписку на собраніе суммы, необходимой для сооруженія памятника. Но интриги, недоразумѣнія и опасенія тотчасъ стали поперекъ дороги къ исполненію прекраснаго намѣренія. Тогда въ западномъ краѣ Россіи уже началась безумная затѣя польскаго бунта, и въ близкомъ будущемъ чужалось что-то недоброе. Западно-русская молодежь польскаго происхожденія приготовлялась *до ласу*, съ дополненіемъ въ польскомъ словарѣ новоизобрѣтеннаго слова *уцѣкненеровъ*; а православная молодежь того края, желая, *повидимому*, напомнить полякамъ прежнія времена малороссійскаго козачества и гайдамачества, начала одѣваться въ мужицкія *свитки* съ *видлогою* (башлыгъ), отпускать на головѣ запорожскіе *оселедицы*, (длинная прядь волосъ) и на-пропалую коверкать языкъ, чтобы поддѣлаться подъ малороссійскій жаргонъ русскаго языка; изобрѣла особенное правописаніе для этого жаргона, и начала, не шутя, печатать на этомъ, почти исчезающемъ въ устахъ даже народа, украинскомъ нарѣчій, книжки и даже журналы. Поляки, еще искуснѣе русскихъ украинофиловъ, начали переряжаться въ простолюдиновъ украинскихъ, стали кумиться и брататься съ крестьянами, говорить на ихъ сельскомъ нарѣчій и также печатать на этомъ жаргонѣ разныя книжки для «просвѣщенія народа.» Само собою разумѣется, что поляки все это дѣлали съ тою цѣлію, чтобы сблизиться съ простонародьемъ, и если не втянуть его въ свои враждебныя Россіи и преступныя намѣренія и дѣйствія, то по крайней мѣрѣ задобрить его и отвратить отъ сопротивленія въ случаѣ дальнѣйшаго развитія задуманной рухавки.»

Такимъ образомъ, тогда на западѣ Россіи образовались два лагеря украинскихъ «народолюбцевъ: *хлопоманы*, т. е. поляки, старавшіеся переряжаться въ украинскихъ мужиковъ и искавшіе ихъ дружбы, и—*хохломаны*, т. е. наши русскіе *паничи*, не доучившіеся, или слишкомъ переучившіеся умники, хлопотавшіе о «возстановленіи (никогда не существовавшей) *самобытности южно-русскаго*

языка и (даже !!) народа.» Первоначальная цѣль—напу- тать поляковъ воспоминаніемъ козачества и гайдамачества— непремѣнно ускользнула изъ виду хохломановъ, и они оста- новились на призракѣ возстановленія украинской самобыт- ности. Поляки—хлопоманы тотчасъ подстерегли такую перемѣну въ стремленіяхъ нашихъ паничовъ—украинофи- ловъ, и, слѣдуя іезуитскому правилу: *divide et impera*, чрез- вычайно благопріятствовали простодушнымъ хохломанамъ. Для поляковъ чрезвычайно полезнымъ казалось, если бы это возможно было, посѣять раздоръ между двумя частя- ми Россіи, великою и малою, поссорить ихъ, и потомъ въ мутной водѣ ловить свою рыбу. Но надежды поляковъ были не долговѣчны. *Панове пустились до лясу*, и тамъ были переловлены тѣми самими мужиками, на которыхъ дружбу они рассчитывали, и подъ которыхъ языкъ и обы- чай поддѣлывались. Никакой цивилизаціи не было у этихъ «хлоповъ»: они безъ всякой церемоніи, перевяжутъ—было веревками пойманныхъ въ лѣсу уцѣканеровъ, да и везутъ въ полицію, этакіе невѣжи! Такимъ образомъ, мало по- малу, хлопоманы исчезли съ лица русской земли.

Наши хохломаны, напротивъ того, были гораздо дол- говѣчнѣе. Запустивши пыль въ глаза публики своимъ якобы украинско-русскимъ патріотизмомъ, возставшимъ противъ польщизны, они свободно группировались въ *гро- мады*, изъ которыхъ главнѣйшею считалась громада пе- тербургская, давали концерты, читали публичные лекціи, и собирали пожертвованія на составленіе капитала для изданія книжекъ на искалѣченномъ полонизмами уніятско- малороссійскомъ нарѣчій. Пока они маскировались про- тиводѣйствіемъ польщизнѣ, до тѣхъ поръ они были—по крайней мѣрѣ безвредны. Но когда ихъ стремленіе къ са- мобытности отдѣльнаго существованія задуманной ими «У- крайны», зашло уже слишкомъ далеко, то они, дошедши до геркулесовскихъ столбовъ нелѣпости, сдѣлались *жал- кими*, и мало по-малу обратились въ ничтожество, со все- ми своими затѣями. Теперь мы говоримъ обо всемъ этомъ, какъ о смѣшномъ прошедшемъ, но когда затѣи хлопома- новъ и хохломановъ были еще *настоящими*, тогда соору-

жать въ Бѣевъ памятникъ Богдану Хмѣльницкому было— по крайней мѣрѣ—не благовременно, —и прекрасную мысль объ этомъ памятникѣ тогда со всѣхъ сторонъ дружно окружили разныя недоразумѣнія, опасенія и сомнѣнія.

Но патриотически-русская теплота этой мысли не дала ей погаснуть подъ пепломъ недоразумѣній и сомнѣній: въ декабрѣ минувшаго года, сперва въ «Моск. Вѣдомостяхъ», потомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», было напечатано описаніе памятника Богдану Хмѣльницкому, *уже проэктированнаго* г-мъ Микѣшинымъ, каковое описаніе мы здѣсь воспроизводимъ съ полною любовью и благодарностью:

«Памятникъ состоитъ изъ трехъ частей: конной бронзовой статуи, ея подножія, и общаго пьедестала. Хмѣльницкій изображенъ на степномъ конѣ, остановленномъ на бѣгу, съ быстрымъ и чрезвычайно выразительнымъ движеніемъ правой руки, поднятой во всю длину, съ булавою вверхъ, и съ протянутою лѣвой рукой, указывающею на сѣверо-востокъ, по направленію къ Москвѣ. Подъ конемъ переломленное его ногой шляхетское знамя и обрывки цѣпей. Подножіе статуи составляетъ глыба мѣстнаго лабрадора. Вокругъ этой глыбы стоятъ четыре представителя русской земли: впереди великоруссъ и малоруссъ, сзади бѣлоруссъ и черноруссъ (т. е. галичанинъ); всѣ они убираютъ подножіе дубовымъ вѣнкомъ (русскимъ лавромъ). Великоруссъ и малоруссъ изображены притомъ въ видѣ слушающихъ сидящаго внизу подножія *кобзаря*, поющаго славу народнаго *батъки*. На глыбѣ начертаны въ различныхъ мѣстахъ имена предшественниковъ Хмѣльницкаго: Бонашевича, Дорошенка, Палѣя и нѣкоторыхъ изъ ихъ сподвижниковъ. Подъ подножіемъ—четыреугольный пьедесталъ. На немъ четыре барельефа: на одномъ—тотъ моментъ зборовской битвы, когда, по данному заранѣ Хмѣльницкимъ приказанію «не прикасаться вѣнчанной главы», король Янъ-Казиміръ, окруженный козаками, пропускается ими изъ плѣна, съ почтеніемъ, съ обнаженными головами. Моментъ этотъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ относится русскій народъ къ принципу верховной власти. На второмъ барельефѣ — торжественный въѣздъ

Хмѣльницкаго въ Кіевъ, чрезъ Золотыя врата, къ Софійскому собору, въ предшествіи духовенства съ хоругвями. На третьемъ—торжественное врученіе, на переяславской радѣ, московскимъ посламъ, акта о воссоединеніи. На четвертомъ, подъ православнымъ, лучезарнымъ крестомъ, надпись: *Богдану Хмѣльницкому, единая, недѣлимая, православная Россія* *).

Прекрасно! великолѣпно! И первоначальная мысль о памятникѣ, и проэктъ памятника равно достойны своего предмета. Пьедесталь уже готовъ: съ нетерпѣніемъ и самымъ живымъ участіемъ будемъ ожидать исполненія проэкта и постановки самого памятника. Подобныя мысли и проэктъ никогда не пропадаютъ. — Между тѣмъ еще разъ повторимъ съ любовью эти золотыя слова изъ описанія памятника: *«на барельефѣ изображенъ тотъ (смысло скажемъ: непримѣрный въ исторіи народовъ) моментъ зборовской битвы (надобно прибавить: и битвы подъ Жванцомъ), когда, по данному заранее Хмѣльницкимъ приказанію не прикасаются вниманной глаза, король Янъ-Казиміръ, окруженный козаками, пропускается или из плѣна, съ почтеніемъ, съ обниженными головами. Моментъ этотъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ относится русскій народъ къ принципу верховной власти.»* — Вотъ какой—«варваръ» былъ этотъ Богданъ Хмѣльницкій и вотъ какіе разбойники и невѣжды были эти «хлопы»—козаки!—Поляки, въ безсильной злобѣ своей на воссоединеніе Малой Россіи съ Великою своей сестрою, обезславили доблестнаго Богдана, въ своихъ хроникахъ, именемъ бунтовщика, а предводимыхъ имъ козаковъ иначе не называли, какъ «варварами и разбойниками»; но такими «варварами и разбойниками» и такимъ «бунтовщикомъ» должна гордиться исторія всемірная! Дѣйствительно, никакая другая исторія не можетъ похвалиться такими замѣчательными особенностями, какъ исторія нашего козачества. Хмѣльницкому досталась гетманская булава послѣ знаменитыхъ его предшественниковъ, Косин-

*) „Русскій“, 1868. № 130. декабря 18.

скаго, Наливайки, Павлюка и Острияницы. Само собою разумѣется, что поляки, при первомъ удобномъ случаѣ, такой же участи подвергли бы и Богдана, какою испытали отъ нихъ предшественники его. Называя козаковъ «хлопами и разбойниками», и считая только себя благородными, гуманными и образованными, вотъ какъ благородно и честно эти образованные *паны* поступали съ предшественниками Хмѣльницкаго.

Въ 1595 году поляки ласково и учтиво пригласили козацкаго гетмана *Косинскаго* въ г. Брестъ, для разсужденія о затѣваемой тогда церковной уніи. Но когда Косинскій, повѣривши ласкамъ и слову *гонору* поляковъ, пріѣхалъ въ Брестъ, то они, безъ суда и права, замуrowали его живого въ каменный столбъ въ одномъ кляшторѣ... *).

Въ 1597 году новый козацкій гетманъ *Наливайко*, обезпеченный присягою «образованныхъ и благородныхъ» поляковъ въ ненарушимости мирнаго договора, пріѣхалъ съ своими депутатами въ Варшаву на сеймъ; но поляки тотчасъ посадили въ тюрьму гетмана и его спутниковъ, а чрезъ два дня послѣ того, безъ всякаго суда, посадили ихъ живыхъ въ мѣднаго быка, и.... сжарили на медленномъ огнѣ.... **).

Въ 1633 году козакъ избрали своимъ гетманомъ *Павлюка*. Когда этотъ гетманъ съ своимъ войскомъ укрѣпился около мѣстечка Боровицы, то коронный польскій гетманъ Конецпольскій, боясь пораженія, предложилъ ему миръ, съ подтвержденіемъ всѣхъ стародавнихъ козацкихъ правъ и привиллегій, каковое предложеніе было утверждено присягою со стороны *шляхетныхъ* поляковъ. «Варваръ» гетманъ повѣрилъ присягѣ, и распустилъ козаковъ по домамъ; а поляки схватили Павлюка, заковали въ кандалы, и привезли его въ Варшаву, гдѣ у живого содрали кожу, съ головы, а четыремъ его ступникамъ отрубили головы...

Въ 1638 году новый козацкій гетманъ *Острияница*,

*) Ustępę i ułamki historyczne. II. O kozakach, Maciejowskiego. (1839).

***) Тамъ же.

съ козацкимъ войскомъ, настигъ польскаго гетмана Лянцкоронскаго подъ мѣстечкомъ Полоннымъ и осадилъ его. Лянцкоролскій, не видя никакого спасенія отъ справедливой мести козаковъ, поступилъ по-іезуитски: выслалъ изъ мѣстечка противъ козаковъ духовную процессію православнаго духовенства, съ хоругвями и крестами, и чрезъ русское православное духовенство предложилъ Острианицѣ миръ. Батолики—поляки утвердили этотъ миръ присягою на евангелии,—какъ было не повѣрить? Острианица повѣрилъ «благороднымъ полякамъ» и, подѣхавши домой, заѣхалъ въ Баневѣ въ тамошній монастырь помолиться Богу. Во время молебна поляки окружили монастырь, схватили Острианицу и 37 спутниковъ его и отправили, какъ плѣнниковъ, въ Варшаву. Здѣсь, по этому случаю, была устроена торжественная процессія польско-католическаго духовенства, среди которой вели плѣнниковъ на казнь; а потомъ казнили ихъ такими варварскими и необыкновенными родами мученія и смерти, которые превышаютъ всякую мѣру жестокости, и которые могли быть выдуманы только такою «просвѣщенною націей,» какъ была Польша. Спрашивается: какихъ мученій и какой лютой смерти не долженъ былъ ожидать себѣ отъ поляковъ Богданъ Хмѣльницкій, если бы и онъ подобно своимъ предшественникамъ, попалъ въ ихъ руки?! А имѣя въ виду мучительную смерть своихъ предшественниковъ и не ожидая себѣ отъ поляковъ лучшей участи, не правъ ли предъ судомъ исторіи былъ бы Хмѣльницкій, если бы онъ съ поляками также поступалъ, какъ поляки поступали съ его предшественниками?! Но не таковъ былъ нашъ славный Хмѣльницкій, не такіе были наши козаки, и не такова, вообще вся *святая Русь*, чтобъ она могла унизиться, до клятвопреступленія, чтобъ она могла забыть божественную заповѣдь: «любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ.» Въ этомъ христіанскомъ отношеніи, Хмѣльницкій съ «варварами козаками» опередилъ на два столѣтія «просвѣщенную» польскую націю; да и теперь еще эта нація не только не превзошла этихъ «варваровъ», но даже и не сравнялась съ ними въ христіанскомъ человѣколюбіи и благочестіи. Прислушаемся

жъ сказанію правдивой исторіи. Разбивши польскія войска при *Желтыхъ водахъ* подъ Корсунемъ и подъ городомъ *Баромъ*, Хмѣльницкій ничего другаго не требовалъ отъ польскаго короля Владислава IV, кромѣ того, чтобы права козаковъ и свобода православной ихъ вѣры были со стороны Польши обезпечены и утверждены особеннымъ актомъ. Владиславъ сильно ходатайствовалъ объ этомъ въ польскомъ сенатѣ, но всѣ усилія его (несчастный король!) были тщетны. Вскорѣ послѣ того король заболѣлъ и умеръ, оставивши Польшу въ самомъ разстроенномъ состояніи. *Хмѣльницкій плакалъ о смерти Владислава, и повелѣлъ по всѣмъ православнымъ церквамъ Малороссіи молиться о упокоеніи души короля* *). Чрезъ 177 лѣтъ послѣ короля Владислава IV, умеръ царь польскій, «воскреситель» и благодѣтель Польши, императоръ Александръ Благословенный. Тогда р. католическимъ архіепископомъ въ Варшавѣ былъ Вороничъ, который по первому движенію своего благодарнаго сердца, предписалъ было духовенству Царства Польскаго молиться за упокой новопреставившагося царя Александра 1-го; но римскій папа, узнавши объ этомъ, немедленно наложилъ на архіепископа эпитимію, удалилъ его отъ должности и повелѣлъ ему заключиться въ монастырь на всѣ остальную жизнь. Безъ сомнѣнія, все изувѣрство и все бозобразіе этого поступка принадлежитъ папѣ, но... почему же «умная и благородная» польская нація предъ цѣлымъ просвѣщеннымъ свѣтомъ не протестовала тогда противъ антихристіанскаго папскаго запрещенія молиться Богу о душѣ своего государя? Гдѣ больше ума и благородства, въ приказаніи ли Хмѣльницкаго молиться о Владиславѣ, или въ рабскомъ исполненіи поляками папскаго повелѣнія не молиться объ Александрѣ?!?

По смерти Владислава IV, Хмѣльницкій, до избранія новаго короля, не хотѣлъ предпринимать никакого движенія противъ Польши и стоялъ съ своимъ войскомъ, равно готовый на бой и на честный миръ. Тогда ему такъ легко было завоевать и уничтожить всю Польшу, что сами по-

*) Исторія Руссовъ. Конисскаго. Стран. 86.

ляки удивлялись, почему онъ цѣлыя три недѣли оставался въ бездѣйствіи, и даже называли это *чудомъ Божиимъ*, ослѣпившимъ гетмана *). Дѣйствительно, это было, со стороны Богдана Хмѣльницкаго, непонятнымъ для поляковъ *чудомъ честности и благородства*: онъ доказалъ этимъ чудомъ, что онъ былъ не *бунтовщикъ* и не *завоеватель*, а только защищалъ то, чего дороже нѣтъ для человѣка— бытіе и вѣру своей родины, а потому и ожидалъ, не позволить ли новый король, безъ новаго кровопролитія, по прежнему существовать родинѣ его и вѣрить по-прежнему. Но когда новый король Янъ—Казиміръ, получивши изъ рукъ папскаго нунція «освященное знамя» и благословеніе на войну съ козаками двинулся противъ нихъ, тогда Хмѣльницкій съ своимъ войскомъ пошелъ на встрѣчу королю, и встрѣтился съ нимъ около *Зборова*. Здѣсь 17 іюня 1649 года козаки одержали рѣшительную побѣду надъ поляками и могли бы удержать въ плѣну самого короля; но Хмѣльницкій, «благоговѣя къ помазаннику Божию (этакъ «варвар!»), повелѣлъ козакамъ не прикасаться къ его особѣ, и отпустилъ его. Тогдашніе поляки не умѣли (а нынѣшніе?!) понять такого высокаго и безпримѣрнаго великодушія побѣдителя, и въ благодарность за то убили семейное счастье Богдана. Когда старшій, любимый сынъ его Тимошей, женившись въ Молдавіи на дочери тамошняго господаря, возвращался оттуда въ Малороссію, поляки напали на него близъ города *Сочавы*, гдѣ онъ и былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Гетманъ горько плакалъ надъ привезеннымъ къ нему мертвымъ сыномъ, и потомъ, какъ раненный левъ, бросился искать убійцъ его. Подъ *Жванцомъ* онъ нашелъ самого короля Яна—Казиміра въ лагерѣ, и напалъ на его войско, приказавши опять козакамъ «не стрѣлять въ короля и не прикасаться къ нему.» Не смотря на храбрость и многочисленность королевскаго войска, козаки разбили поляковъ, и одинадцать тысячъ человѣкъ вмѣстѣ съ королемъ взяли въ плѣнъ. Но Хмѣльницкій опять позволилъ королю спокойно утѣхаться изъ плѣну со вѣтми его

【*）Dzieje królestwa polskiego przez Bandtkię. Tom. 2. стр. 317.

Экипажами, и даже далъ ему отъ себя почетный конвой!!! Вглядитесь вы въ эти суровыя козацкія лица, почерпѣвшія отъ пороховаго дыма, которыя, въ знакъ почтенія; носили шапки предъ плѣннымъ королемъ и съ почтеніемъ сопровождаютъ его... Въ исторіи какого другаго народа вы найдете такую высоко-нравственную картину?.. Нигдѣ! рѣшительно нигдѣ не найдете ничего подобнаго!—Нѣсколько пѣхотное чувство пробуждается въ душѣ при чтеніи исторіи Генриха Наваррскаго (*Генриха IV-го во Франціи*), который, держа въ осадѣ Парижъ, не хотѣвшій допустить его къ наслѣдственному престолу, когда узналъ, что осажденные имъ непріатели терпятъ голодъ, то послалъ имъ изъ своего лагеря провіантъ, и тѣмъ избавилъ ихъ отъ голодной смерти. Но Генрихъ IV сдѣлалъ это сколько по добротѣ своего сердца, столько же и изъ политическаго разсчета, чтобы склонить парижанъ на свою сторону. Изъ этого же разсчета онъ отрекся отъ протестанства и перешелъ въ католичество. А нашъ славный Богданъ, два раза освободивши польскаго короля изъ плѣну, не имѣлъ никакихъ корыстныхъ разсчетовъ, но дѣйствовалъ, какъ православный христіанинъ, изъ чистыхъ побужденій благочестія и благоговѣнія къ священному сану помазанника Божія. Неправославнымъ полякамъ трудно понять эти святые побужденія; а надобно желать, чтобы они, для собственнаго своего благополучія, когда-нибудь поняли. —

Вмѣсто того, чтобы хулить Хмѣльницкаго съ его козаками, и вообще всѣхъ насъ православныхъ русскихъ, да бредить о какихъ-то границахъ 1772 года, поляки сдѣлали бы несравненно умнѣе, если бы безпристрастно изучили исторію такъ называемыхъ «*козацкихъ войнъ*», въ которой есть много замѣчательныхъ особенностей, не встрѣчаемыхъ ни въ какихъ другихъ исторіяхъ *).

Ив. Кулжинскій.

**) Самое происхожденіе малороссійскаго козачества есть особенность своего рода, о которой мы скоро поговоримъ въ отдѣльной статьѣ.—

СТРАННЫЙ СЛУХЪ О РИМСКОМЪ СОБОРѢ.

Не только за границей, но и въ столицахъ нашихъ и у насъ — въ Вильнѣ, распространился недавно слухъ, что православные примуть приглашеніе папы на такъ называемый вселенскій соборъ. Слухъ этотъ такъ страненъ, осуществленіе его такъ невѣроятно, православный русскій *Соборъ* такъ мало имѣеть общаго съ будущимъ римскимъ, съ ученіемъ папскимъ, что мы не придали бы этому слуху никакого значенія, если бы легковѣріе, невѣжество, индифферентизмъ или злонамѣренность его распространителей не вызвали насъ на ихъ вразумленіе и обличеніе, не обязывали насъ къ защитѣ того принципа, который думаютъ подорвать распространители ложныхъ слуховъ на счетъ римскаго собора. Слухъ этотъ, помимо своей вѣрности или невѣрности,—такого свойства, что объ немъ нельзя не говорить и потому уже, что онъ существуетъ, что онъ распространяется, что онъ открываетъ удобный случай предложить вниманію православныхъ нѣсколько новыхъ воззрѣній на странности римскаго собора.

Мы весьма часто и разносторонно трактовали о томъ, что доктрина папская есть ученіе полухристіанское, что разные наросты, искаженія, самоволія въ догматикѣ и церковной практикѣ р.-католической церкви сдѣлали ее вовсе не похожею на церковь апостольскую, вселенскую, со всѣмъ чуждою, даже враждебною для другихъ христіанскихъ исповѣданій, что эта вражда особенно упорна, постоянна и неукротима въ отношеніи къ православію, какъ къ такому ученію, которое ни на іоту не уклонилось отъ ученія Христа, апостольскаго, отъ ученія 7 вселенскихъ соборовъ, первыхъ 9 вѣковъ вселенскаго христіанства, и которое служить грознымъ обличителемъ папскихъ нововведеній. Такое вѣроученіе папства, такое отношеніе его къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ ставятъ его въ изолированное, въ отношеніи къ нимъ, положеніе, въ невозможность

между ними соглашенія религіознаго, безъ утраты существенныхъ признаковъ той либо другой стороны. Лютеранство такъ далеко уклонилось въ сторону отъ папства, что поворотъ перваго къ послѣднему рѣшительно невозможенъ; православіе не можетъ измѣнить въ пользу папства и одной буквы своего ученія, не измѣнивъ Христу; оно можетъ требовать уступокъ отъ другихъ, но само давать ихъ не смѣетъ. Стоя на такой исключительно вѣрной точкѣ зрѣнія, мы изумляемся отвагѣ или легкомыслію Пія IX, которая такъ краснорѣчиво сказались въ его приглашеніи на свой соборъ православныхъ и лютеранъ. Проявлять въ теченіи девяти вѣковъ самую изувѣрскую нетерпимость, пролить моря христіанской крови, истребить миліоны христіанъ, не желавшихъ поклоняться ватиканскому „чтилищу“, поминутно оглашать анаемой своды храма Петра и Павла и потомъ приглашать въ этотъ же храмъ потомковъ этихъ проклятыхъ, этихъ мучениковъ на свое соборище—это болѣе чѣмъ нелѣпость религіозная, историческая, — это шутка. Мы понимаемъ причину этой шутки: папѣ хотѣлось сдѣлать свой соборъ вселенскимъ хоть по формѣ, на бумагѣ, если не на дѣлѣ; но между хотѣніемъ и исполненіемъ бываетъ иногда бездна непроходимая.

Отъ общаго перейдемъ къ частностямъ. Всякому международному собранію (конференціи, конгрессу) предшествуетъ заявленіе программы дѣйствій этого собранія. И папа долженъ былъ обнародовать программу занятій римскаго собора; иначе христіанскій міръ будетъ имѣть основаніе заподозрить этотъ соборъ въ безпричинной скрытности намѣреній въ односторонности его цѣли, въ желаніи оказать только поддержку устарѣлому, разшатавшемуся, покосившемуся зданію папства, оградить отъ ущерба интересы папы, а не христіанства. Правда, въ нѣкоторыхъ органахъ западной прессы намѣчены дебаты будущаго собора римскаго, но указанія ихъ такъ разнорѣчивы, содержаніе ихъ такого

ультрамонтанскаго характера, что мы остаемся при нашем **подоврѣнн**и на счетъ свойства и цѣли этихъ дебатовъ. **Даже** въ тѣхъ случаяхъ, когда соборъ будетъ заниматься **обсужденіемъ** предметовъ какъ будто общехристіанскихъ, онъ останется вѣренъ своему ультрамонтанскому характеру и направленію, съумѣетъ привести общія положенія къ частнымъ притязаніямъ папства, къ полученію своекорыстныхъ результатовъ собора. Трактую, на примѣръ, объ отношеніи церкви къ государству, соборъ едва ли станетъ разсуждать о вліяніи религіи на умы и нравы людей, о содѣйствіи церкви осуществленію добрыхъ, прогрессивныхъ и разумныхъ предначертаній власти и народа, о невмѣшательствѣ духовенства въ дѣла мірскія, о дружескомъ сожитіи церкви съ государствомъ; а скорѣе будетъ добиваться преобладанія клерикальной касты надъ всякимъ сословіемъ, надъ закономъ и властію, доказывать законность вторженія духовенства въ дѣла гражданскія, власти папъ надъ государями и народами. Разсуждая о народномъ образованіи, прелаты собора будутъ ратовать за безконтрольное управленіе духовенствомъ народными школами, за исключительное право обучать въ нихъ равнымъ патерамъ, за ревнивое и безраздѣльное обладаніе умомъ и волею народа. Разсуждая о нравственно-религіозномъ состояніи современныхъ обществъ христіанскихъ, прелаты будутъ беспокоиться не о разнузданности страстей, растлѣннн нравовъ, посягательствахъ на упраздненіе всякой религіи, всякихъ нравственныхъ обязательствъ, а о замѣчаемомъ повсюду ослабленіи власти папской, клерикальной, о невѣрнн въ непогрѣшимость папы, въ законность его царской власти, о частныхъ, вызванныхъ самимъ духовенствомъ, случаяхъ глумленія надъ пастырями духовными, надъ храмами и предметами христіанскими, о незаконности отчужденія отъ духовенства въ пользу государства церковныхъ имуществъ и проч. Говоря о гражданскихъ бракахъ, соборъ хоть и будетъ прикрывать свою

тенденцію ихъ незаконностью, безнравственностью, но краснорѣчіе его будетъ вдохновляемо собственно сѣтованіемъ объ утратѣ самой выгодной статьи дохода, о возможности обществѣ стать въ независимое отъ произвола и своекорыстія латинскаго духовенства положеніе, въ самые важные моменты жизни человѣка. Обсуждая дисциплинарную сторону іерархіи, отцы собора если и коснутся распущенности клира, то слишкомъ нѣжно; они пройдутъ молчаніемъ ту грустную истину, что безбрачіе духовенства было и будетъ главною причиною большинства скандаловъ, порицаній, униженій, какимъ подвергалось со стороны общества латинское духовенство, а посредственно и сама р-католическая церковь; они больше станутъ напирать на установленіе въ папской арміи дисциплины, въ военномъ смыслѣ этого слова,—на безмолвное и раболѣпное послушаніе меньшихъ старшимъ, а тѣхъ и другихъ ватиканскому повелителю, на житейскую выправку, на болѣе успѣшное примѣненіе къ практикѣ теорій, изучаемыхъ въ школахъ *propagandae fidei*, на болѣе исправное несеніе той службы, къ которой будутъ прикомандированы разные патеры, а главное—на ту солидарность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ всей миллионной папской арміи, которая составила бы изъ нея одинъ безраздѣльный, несокрушимый организмъ, съ одной душой, однимъ тѣломъ.

Когда прелаты будущаго римскаго собора будутъ предаваться такимъ *благочестивымъ* и воинственнымъ занятіямъ, какое будутъ имѣть значеніе, какую станутъ играть роль на этомъ соборѣ представители православія и лютеранства, еслибъ они имѣли неосторожность удостоить его своимъ присутствіемъ? Положеніе ихъ было бы еще унизительнѣе положенія греческаго посланника на послѣдней парижской конференціи. Тотъ, по крайней мѣрѣ, могъ утѣшаться сознаніемъ, что онъ былъ бы на конференціи равнымъ между равными, а папа у своихъ приглашенныхъ

на соборъ отнимаетъ и это утѣшеніе: онъ приглашаетъ ихъ не какъ братьевъ, а какъ подчиненныхъ единой видимой главѣ церкви христіанской, не какъ единовѣрцевъ, а какъ отщепенцовъ,—приглашаетъ съ тѣмъ высокоуміемъ самозванной власти, которая недостатокъ внутренней силы, значенія, обязательности думаетъ пополнить громкою фразой, повелительною позой, горделивою осанкой. Большинство тезисовъ, которые выше намѣчены и которыми займется римскій соборъ, если не по своему характеру, то по своему ультрамонтанскому развитію и направленію,—таковы, что представителямъ православія и лютеранства дѣлать на соборѣ будетъ нечего: они должны будутъ проигрывать роль или безмолвныхъ зрителей и слушателей, или напрасныхъ оппонентовъ; какъ бы святы и непобѣдимы ни были высказанныя ими истины, но если только онѣ будутъ расходиться съ намѣреніями и убѣжденіями римской куріи, они встрѣтатъ роковое: «*non possumus*,» православные и лютеране будутъ вопіять въ многолюдной пустынѣ. Не для того папа приглашаетъ на свой соборъ, чтобъ отъ чего либо отказаться, а для того, чтобы возвратить себѣ кое что, сдѣлать новыя завоеванія, защитить отъ паденія новыми контрафорсами устарѣвшее зданіе, чтобы, въ случаѣ соглашенія на призывъ, тѣмъ смѣлѣе заявить послѣ права свои на главенство папъ во всей церкви христіанской, на право созывать соборы, на законность усвоенія римскому собору названія вселенскаго, на обязательность его постановленій для всѣхъ христіанъ. Интересами христіанства на соборѣ будутъ только маскироваться интересы папства.

И это еще тезисы, обсужденіе которыхъ могло бы интересовать, съ своей точки зрѣнія, и православныхъ и лютеранъ; а что сказать о тѣхъ темахъ, которыя составятъ главную задачу римскаго собора, и для которыхъ всѣ другіе тезисы послужатъ только обстановкой или ширмами? Что должны будутъ дѣлать и чувствовать православные

и лютеране, когда на соборѣ займутся окончательнымъ возведеніемъ въ догматы непогрѣшимости папъ, свѣтской ихъ власти, когда стануть производить во святые какнхъ нибудь знаменитыхъ пропагандистовъ папства или гонителей и мучителей исповѣдниковъ православія и лютеранства, когда начнутъ трактовать о преслѣдованіи *якобы* католичества въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ Россіи, о средствахъ къ преобладанію тамъ папства надъ православіемъ, къ организациіи особаго (клерикальнаго) государства въ государствѣ русскомъ, къ усиленію латинской пропаганды въ ущербъ православію? Представители православія и лютеранства, при обсужденіи такихъ тезисовъ, должны будутъ встать съ своихъ мѣстъ и выѣхать изъ Рима. Но для того, чтобъ это сдѣлать, не стоитъ унижаться и беспокоиться пріѣздомъ въ Римъ. Да, православные и лютеране не могутъ присутствовать на римскомъ соборѣ, не унижая себя, ученія и націи, коихъ представителями они явились бы на соборѣ, и мы смѣло повторимъ то, что уже было нами сказано по поводу извѣстія о созваніи Піемъ IX. собора въ Римѣ, именно: „не думаемъ, чтобы во всей вселенной (конечно, внѣ папства) нашелся хоть одинъ новый Исидоръ, чтобы унія перестала быть анахронизмомъ“ *). Но если бы папа приглашалъ епископовъ вселенной, какъ равныхъ, какъ братій, еслибъ онъ заявилъ предварительно объ отреченіи своемъ отъ самозванной мірской власти, отъ кошунственной непогрѣшимости папъ, отъ незаконнаго главенства ихъ въ церкви Христовой и другихъ произвольныхъ нововведеній, не извѣстныхъ въ первенствующей вселенской церкви, тогда, конечно, соборъ представилъ бы величественнѣйшее въ мірѣ собраніе, тогда онъ явился бы 8-мъ вселенскимъ соборомъ, тогда не нашлось бы во вселенной человѣка, который не почелъ бы за

*) См. 6 кн. Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г.

величайшее блаженство принять участие въ такомъ собраніи, тогда соглашеніе во всѣхъ незначительныхъ, внѣшнихъ, случайныхъ разностяхъ совершилось бы скоро и безпрепятственно, тогда постановленія собора получили бы обязательную силу для христіанства всей вселенной, тогда нигдѣ не нашло бы себѣ приюта отрицаніе умственное, безобразіе нравственное, церковь вселенская нашла бы въ себѣ довольно силы, единодушія и власти обуздать всяческое зло, тогда прекратились тѣ смуты, усобицы, измѣны, революціи, кровопролитія, которыми челоуѣчество обязано отстаиванью папами и его арміей своихъ незаконныхъ прерогативъ вообще и мірской власти съ главенствомъ надъ церковью папы въ частности, тогда міръ обновился бы, переродился, тогда только сбылось бы пророчество Спасителя о единствѣ церкви и пастыря. Тѣхъ же самыхъ результатовъ могъ бы достигнуть и иной соборъ, созванный въ другомъ мѣстѣ, именно—соборъ представителей всего христіанства, которые согласились бы свергнуть римскаго архіепископа съ того пьедестала, на которомъ онъ поставилъ себя рядомъ съ апост. Петромъ и чуть ли не рядомъ съ истинною Главою церкви и единымъ непогрѣшимымъ Иисусомъ Христомъ. Попытку созванія такого собора могли бы принять на себя православные и мѣстомъ собора назначить, напримѣръ, Кіевъ. Такая попытка не была бы противна христіанскому смиренномудрію, а напротивъ, вытекала бы изъ него,—изъ желанія указать христіанскимъ епископамъ то значеніе, какое указываютъ имъ духъ и исторія христіанства, а не то, какое хочется усвоить себѣ одному изъ нихъ. Такой соборъ былъ бы фактическимъ доказательствомъ того, что собраніе ультрамонтанъ въ Римѣ не имѣетъ никакихъ правъ называться соборомъ вселенскимъ; такой соборъ имѣлъ бы болѣе духовное значеніе и прочную основу; такой соборъ составилъ бы реакцію противъ тѣхъ внѣшнихъ притязаній, въ видахъ которыхъ со-зывается соборъ папскій.

Откуда, однако, вышел тот слух, по поводу котораго мы были вынуждены сказать все вышесказанное? После весьма непродолжительной остановки надъ этимъ вопросомъ, мы, кажется, нашли весьма правдоподобный на него отвѣтъ: мы предполагаемъ, что основаній для этого слуха должно искать въ тенденціяхъ того человѣка, политику котораго г. Геру (редакторъ Opinion Nationale) назвалъ „не французскою, а католическою“. Человѣкъ этотъ извѣстенъ безъ названія его.

IV.

Я Г А Й Л О.

Историческій романъ

ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ 2-я

ГЛАВА 1-я.

«Миленская Летува,
«Дорогая Свобода,
«Ты скрилась въ пространствѣ небеса,
«Гдѣ-жъ тебя искать?

и проч.

(Начало литовской историческо-мнеологической пѣсни).

Возвращеніе Ольгерда.

На святыхъ возвратился въ Вильну в. к. Ольгердъ съ своими знаменитыми родственниками и своей дружиной.

Ягайло послѣ своего возвращенія не замедлилъ справиться у своей матери о заключенной вайделоткѣ, отъ руки которой пала красавица Анна Гавриловна Гаштольдъ.

— Зовутъ ее Пятой, — отвѣчала княгиня Іуліанія: это та самая вайделотка, которая тебя, мой свѣтъ, цѣловала въ уста на праздниѣ пострига; помнишь?

Ягайло, почему то, поспѣшно покачалъ головою.

*) См. 10, 11 и 12 кн. Вѣстника Зап. Россіи за 1867 годъ и 3, 4, 5, 7, 9 и 10 за 1868 годъ.

Всю дорогу онъ мечталъ о своемъ ходатайствѣ за Поюту и придумывалъ разные планы, какъ приступить къ своей матери, на которую возлагалъ всѣ свои надежды; теперь же, какъ только увидалъ ее онъ, по своей нерѣшительной натурѣ, отказался отъ задуманной мысли, боясь навлечь подозрѣніе относительно Поюты.

— Что же съ ней будутъ дѣлать? Спросилъ онъ какъ-то тоскливо.

— А что твой отецъ захочетъ; его воля.. вѣстимо не помилуетъ, — отвѣчала княгиня: боярина Петра Гаштольда онъ любить, добавила она.

Тутъ посыпались распросы на Ягайлу, какъ онъ былъ въ Москвѣ, да что видѣлъ тамъ.

Герой нашъ отвѣчалъ неохотно; да и понятно, сердце и умъ его были заняты другимъ. Во время продолжительной разлуки съ Поютой, онъ убѣдился, что безъ нея, ему жизнь не въ жизнь.

Молніей блеснула мысль у него просить брата Андрея Ольгердовича за Поюту, и онъ, не медля, отправился къ нему, но, увидавъ его, также струсилъ, какъ и передъ матерью.

Ягайломъ овладѣла страшная тоска; на глаза стали набѣгать слезы. Перекинувшись нѣсколькими словами съ братомъ, онъ отправился къ себѣ въ покой и тамъ, зарыдавъ, бросился на мягкую лежанку. При этомъ находился Войдыло. Затѣмъ длилось довольно долгое молчаніе.

«Сходить развѣ къ ней, новидать ее бѣдную», думалъ Ягайло, немного успокоиваясь. А какъ она бросится ко мнѣ на шею, да про это провѣдаетъ государь батюшка? И снова рыданія оглашаютъ комнату Ягайлы.

— Великій князь,—началъ Войдыло, подходя къ лежанкѣ,—прикажи мнѣ слово тебѣ молвить.

— Ну говори... что тебѣ?.. отвѣчалъ Ягайло.

— Пригоже ли тебѣ молодому, храброму, князю надрываться отъ слезъ, вѣдь плачутъ только бабы, а ты надежа всей земли литовской... развѣ у тебя нѣтъ матери княгини? Развѣ нѣтъ раба твоего вѣрнаго?... прикажи мнѣ, сдѣлаю все, что захочешь.... говорилъ Войдыло, низко кланяясь, Ягайлѣ.

— Что мнѣ мать? что мнѣ ты?!.., горю пособить нельзя,—и Ягайло открылъ свою душу Войдылѣ.

Войдыло, выслушавъ признаніе Ягайлы, началъ что то сообщать.

— Да за что же она убила боярню Гаштольдovu? спросил конюшій.

— Матушка княгиня говорить, что изъ злости на христіанъ... не вѣрится мнѣ что то, потому что она сама въ душѣ христіанка.... да и Ригальда не даромъ бросила поганство, да въ Москву убѣжала... сказалъ Ягайло.

— Въ замкѣ наши говорятъ, что Ригальда и донесла-то на нее....

Ягайло приподнялся на лежанкѣ.

— Кому донесла? Спросилъ онъ.

— Брату твоему, князю Андрею, отвѣчалъ Войдѣйло.

— Проклятая! прошепталъ Ягайло, ударя кулакомъ, по лежанкѣ.

— Можетъ и облыжно на нее показали, со злости... вѣдь ты самъ вѣдаешь, какова Ригальда...

— Облыжно показали или нѣтъ, а Ригальдѣ теперь повѣя ть болѣе, — потому христіанкой сдѣлалась... Поятя погибнуть.

— Тебѣ бы, князь, повидать ее, да отъ нее самой узнать всю правду....

— Эхъ, Вайдѣйло что ты всегда говоришь, не подумавши? Ты сперва подумай, а потомъ и говори. Слово вылетаетъ воробьемъ, а возвращается воломъ *). Какъ я могу ее видѣть? Пойдетъ со мной тѣнъ, а она при немъ то пожалуй цѣловаться погѣзеть; ну и мнѣ тогда отъ отца опала будетъ....

— Да можно безъ тѣна сходить, ключи только, князь, у него возьми....

— Они у брата Андрея....

— Я ихъ сейчасъ пойду достану,—сказалъ съ живостью Войдѣйло, намѣреваясь выйдти изъ комнаты.

— Онъ не дастъ тебѣ,—замѣтилъ ему Ягайло.

— Да онъ и не провѣдаетъ, какъ я ихъ возьму; будь, князь, покоенъ; я знаю, какъ это сдѣлать, а потомъ съ ними пойдемъ въ верхній замогъ. Я постою на сторожѣ, а ты, князь, поведешься съ Поятой, а коли спросятъ тебя зачѣмъ ходилъ?—скажи, князь: въ церковь ходилъ молиться; тамъ въ это время врестать ребенка одного боярина.... А Поятя - то теперь подъ церковью сидитъ, говорилъ скоро Войдѣйло.

*) Пословица, которую часто говоривалъ Ягайло.

Ягайло немного оживился.

— Если ты это можешь сдѣлать, то помни, когда я буду сидѣть на отцовскомъ престолѣ, ты будешь первымъ моимъ бояриномъ, сказалъ Ягайло.

— Твоими милостями я и такъ, князь, доволенъ, заключилъ Войдыло, выходя изъ дому.

Оставшись одинъ, Ягайло погружился въ думу, глаза его бѣгали по разнымъ направленіямъ.

— Вотъ они,—сказалъ Войдыло, входя въ комнату и показывая на связку ключей; идемъ же, князь,—пусть твой братъ Андрей, бражничаетъ, а ты увидишь свою желанную.... да и мѣсто нужно высмотрѣть хорошенько, гдѣ сидѣть Поэта....

— Для чего? Спросилъ Ягайло, надѣвая простой козухъ и остроконечную шапку.

— А для того, что можетъ придется Поэту-потихоньку ночью освободить, — съ увѣренностью и таинственностью сказалъ Войдыло.

— Какъ освободить!? Обратился съ вопросомъ къ Войдылѣ озадаченный Ягайло.

— А какъ положить боги на умъ. Да объ этомъ послѣ, а теперь время даромъ терять нечего, пойдѣмъ, князь, скорѣе...

— Идемъ.

Оба вышли изъ покоя.

Черезъ нѣсколько минутъ, они были на площадкѣ верхняго замка. Подойдя къ башнѣ, въ верху которой была церковь, они увидѣли, что у входа въ подземелье стоитъ дозорный латникъ.

— Ее стерегутъ, замѣтилъ шопотомъ Войдыло?—князь!— отошли этого дозорнаго куда нибудь.

— Да, куда его отослать? Спросилъ шопотомъ Ягайло своего ближняго.

— Пошли его, князь со мной, а я придумаю куда.

Ягайло подошелъ къ подземелью. Дозорный латникъ, узнавъ Ягайлу, низко ему поклонился.

— Кого ты здѣсь стережешь?.. Обратился Ягайло съ вопросомъ къ латнику;

— Не знаю, княже, говорить что вайделотеу какую-то,— отвѣчалъ латникъ.

— Ты русскій? Спросилъ латника Войдыло.

— Русскій,—отвѣчалъ онъ.

— Христианинъ?

— Вѣстимо такъ....

— Что въ церквѣ есть служба?

— Есть, крестили боярскаго сына, а теперь обѣдно начали служить....

— Давно?

— Не такъ давно.

— Ну, такъ ты ступай въ церковь и постой тамъ, когда кончится обѣдня, ты скажи попу, что, молъ, князь Яковъ Андреевичъ молебень служить хочетъ, да тогда за нами и приди,— распорядился смѣтливый Вайдыло.

Дозорный латникъ поклонился князю и поспѣшно пошелъ по лѣстницѣ въ церковь.

— Ну это обдѣлано; теперь, князь, отпирай скорѣе подземелье, а я буду на сторожѣ, — заключилъ Вайдыло, подавая Ягайлѣ ключи.

Ягайло торопливо схватилъ изъ рукъ Войдылы ключи и, спустившись къ двери въ подземелье, отперъ ее. Изъ подземелья пахнулъ на Ягайлу не то паръ, не то испорченный спертый воздухъ.

Въ подземельи было сыро, холодно и темно; пробивавшійся чрезъ отворенную дверь дневной свѣтъ освѣтилъ мрачное заключеніе Пояты. Сначала Ягайло не замѣтилъ никого и ничего, но потомъ, освоившіеся съ мракомъ, глаза его остановились на человѣческой фигурѣ, лежащей въ углу подземелья на большомъ пучкѣ соломы. Онъ подошелъ ближе, наклонился къ лежащей фигурѣ и узналъ въ ней Пояту. До половины стана она была укутана мѣховыми простынями кожухами; руки ея были закинута за голову: она спала; изъ подъ рубашки выглядывалъ крестъ складень. У изголовья стоялъ кувшинъ, и на немъ большой ломъ не тронутаго хлѣба.

У Ягайлы сдавило грудь; на глазахъ его блеснули слезы.

— Поята! прошептала онъ сквозь слезы, наклоняясь къ ея уху.

Поята открыла глаза и долго всматриваясь въ лицо Ягайлы, потомъ протеревъ глаза, встала на ноги, взяла за руки Ягайлу

и подведя его къ двери, испустила радостный вопль, а на блѣдномъ, болѣзненномъ лицѣ ея появилась какая-то неземная улыбка.

— Здравствуй, Пюта, сказалъ Ягайло, намѣреваясь ее обнять.

Она отстранила его объятія.

— Не трогай меня, князь, я убійца твоей милой Анны Гаштольдовой,— сказала она.

— Моей милой Анны?! что ты говоришь, Пюта? У меня кро- мѣ тебя нѣтъ милой... я стосковался по тебѣ, Пюта, мнѣ и Бо- жій день—не въ день, и жизнь—не въ жизнь,—отвѣчалъ Ягай- ло, не совсѣмъ-то понимая смыслъ фразы Пюта.

— Ты любилъ Анну Гаштольдъ? Спрашиваетъ Пюта, смотря на Ягайлу.

— Господь съ тобою; я ее и видалъ-то всего два раза,— отвѣчаетъ смущенный Ягайло.

— Она вѣдь лучше меня и красивѣе, — продолжала Пюта.

— Что мнѣ до нее.... ты — то вотъ отъ чего такъ холодна со мною?.. Не радуешься моему возвращенію, не скажешь ласковое слово мнѣ при встрѣчѣ, не прижимаешь къ груди своей?.. Видно разлюбила ты меня?..

— Я теперь не смѣю и не могу любить тебя. Я убила твою милую, разлучила тебя съ нею и...

— Какую милую?

— Анну Гаштольдову....

— Какая же она милая мнѣ? Она дорога для Петра Гаштоль- да, а не для меня. Богъ съ ней.... у меня была одна милая, дорогая Пюта, да вотъ теперь и той, какъ видно, не стало....

— Да, князь, ты правду сказалъ: была у тебя милая, да умерла теперь для тебя....

— Умерла! простоналъ Ягайло, заливаясь слезами.

— А ты еще хотѣлъ заператься, что не любилъ Анну, а самъ плачешь по ней....

— Я не объ Аннѣ говорю; я съ ней и двухъ словъ не гова- ривалъ; я говорю о тебѣ....

— А я ее убила потому, что тебя любила; потому что мнѣ сказали, что она твоя любовница. Что она лучше меня. Я ее увидала и повѣрила тому, что люди говорили... Жертвеннымъ ножомъ я заколола ее въ самое сердце, что-бы изъ него вырвать тебя. Я тебѣ, князь, сказала, что дѣлиться твоей любовью ни

съ вѣмъ не хочу, что-бы ты мнѣ одной принадлежалъ, и вотъ я и ее и себя погубила, — заключила Поята раздражительнымъ тономъ. Да и не боюсь я теперь ничего; моя пѣсня слѣта: Ольгердъ и Гаштольдъ меня не пощадятъ. Да и жизнь то мнѣ теперь не нужна болѣе. Ты не бойся, князь, я не выдамъ тебя... не скажу на пыткѣ, что изъ-за любви къ тебѣ я убила ее. Ужъ, если выдамъ кого, такъ это криве-кривейту и Гонтвида... Боюсь я только одного, встрѣчи въ той жизни съ красавицей Анной. Каждую ночь она является мнѣ не то во снѣ, не то на яву, — въ бѣломъ саванѣ, въ золотомъ вѣнцѣ, да такая красивая, что и сама Мильда развѣ въ рабыни только ей годится... и не сердитая, а такая ласковая: все мнѣ поетъ про жизнь какую — то иную и зоветъ меня съ собой. И больно мнѣ ее видѣть, и тяжело, да видно такъ нужно... жалко мнѣ становится ее повременамъ, и плачу то я, да теперь ужъ помочь нельзя...

— Безумная! что ты надѣлала?... Клянусь тебѣ святой Троицей, что ни я ее, ни она меня не любили. И въ мысляхъ у меня этого не было... тобой я жилъ и съ тобой хотѣлъ не разлучаться по гробъ. Для меня ты дороже всего на свѣтѣ. На чтожь мнѣ теперь обманывать тебя? Къ чему?... Кто тебѣ сказалъ такую небылицу?... Знай, Поята, что Анна была набожной женщиной и любила одного своего мужа... посмотри на него, какъ онъ теперь убивается... говорилъ Ягаило. Въ его словахъ дышала искренность, изъ глазъ его струились слезы.

— Ты поклялся святой Троицей?..

— Я готовъ повторить клятву.

— Не нужно,... — сказала Поята послѣ нѣкотораго молчанія: архимандритъ Давидъ меня часто навѣщаетъ, онъ бесѣдуетъ со мной о христіанскомъ Богѣ и желаетъ обратить меня въ христіанство, но я противлюсь этому...

— Ты противишься?!.. А какъ же ты мнѣ говорила, что хочешь покинуть поганство свое?

— Ахъ, голубчикъ мой, — сказала Поята: въ душѣ я давно христіанка, но зачѣмъ мнѣ губить тебя...

— Какъ губить?

— Да такъ. Если я приму христіанство, то язычники, — тотъ же криве-кривейто выдастъ мою тайну, что я убила Анну Гаштольдову изъ любви къ тебѣ... пусть же лучше я одна погибну...

— Да развѣ криве-кривейто знаетъ о моей любви къ тебѣ? почти съ ужасомъ спросилъ Ягайло.

— Знаетъ: ему все пересказала Ригальда,—которую нѣкогда оболестили ты. Она то меня и погубила.... теперь я все понимаю,—спала пелена съ глазъ моихъ... а научена отцемъ Давидомъ понимать святую Троицу и вѣрю тебѣ, что ты не любилъ Анну... она погибла чрезъ меня отъ криве-кривейта и Гонтвида. О, христіанскій Боже! Пошли мнѣ скорѣе лютую смерть; пусть мое тѣло разорвется на части; пусть земля скорѣе поглотитъ мой преступный прахъ!.. о горе, горе мнѣ бѣдной!..—вопила Поята ломая въ отчаяніи себѣ руки.

— Успокойся, Поята.... я спасу тебя, сказалъ машинально и съ увѣренностью Ягайло.

— Нѣтъ не хочу я теперь ничего кромѣ казни! Цѣлое царство Пеклоса теперь въ моемъ сердцѣ. Теперь, когда я узнала истину, большіе и страшнѣе мнѣ сдѣлалось.... князь, бѣги меня; я не стою тебя.... не даромъ я сонъ сегодня видѣла...

— Сонъ?! какой?

— Мнѣ снилось, что дверь въ это подземелье съ шумомъ отворилась и въ нее вошла красавица Анна. Съ тихою и сердечною рѣчью она обратилась ко мнѣ: Поята, сказала она, она зѣмльѣ мы съ княземъ Яковомъ не были соединены ни чѣмъ,—теперь же вмѣсто того, чтобы разлучить насъ, ты соединила насъ съ нимъ на небесахъ. Ступай за мной и посмотри, гдѣ онъ? Съ этимъ словомъ она взяла меня за руку и вывела изъ подземелья. Потомъ мнѣ чудилось, что будто-бы мы съ нею летимъ по воздуху. Свистъ вѣтра и до сихъ поръ раздается въ ушахъ моихъ... вдругъ вижу я, что мы съ красавицей Анной спускаемся въ широкую долину подъ Московою.... Въ этой долинѣ на не большомъ холмѣ лежитъ мертвецъ: это былъ ты. Лицо твое было покрыто ранами, шлемъ и мечъ твой, обрызганный кровью, лежали не далеко отъ тебя. Изъ—подъ рубашки около сердца твоего сочилась кровь. Вотъ, гдѣ твой князь Яковъ, обмой ему раны, сказала мнѣ Анна. Я схватила твой шлемъ и бросилась къ ручью, который протекалъ у холма. Почерпнувъ шлемомъ воды, я побѣжала на холмъ, но на немъ тебя уже не было. Гдѣ же онъ? Спросила я у Анны. Въ голубой лазури, сказала она, показывая на небо, и затѣмъ сама полетѣла туда. При этомъ я

проснулась... о, какъ я хотѣла умереть тогда, что-бы быть вмѣстѣ съ тобою!... какъ долго и много я плакала!.. но ты живъ и здоровъ; теперь я спокойна за тебя, а обо мнѣ печалиться нечего, заключила со вздохомъ Поята.

Едва только кончила Поята рассказъ о своемъ снѣ, какъ внопахъ вбѣжалъ въ подземелье Войдыло.

— Князь, Яковъ, идуть! спѣши! сказалъ онъ и скрылся.

— Я спасу тебя Поята и ты во что-бы то ни стало будешь моею женою, сказалъ Ягайло, торопливо выбѣгая вонъ изъ подземелья. Поспѣшно заперевъ дверь въ подземелье, онъ отошелъ на площадку.

Въ это время съ лѣстницы, ведущей въ церковь, выходилъ Войдыло, громко разговаривая съ дозорнымъ латникомъ.

— Обѣдня кончилась, тебя, ждуть, князь на молебень,—сказалъ латникъ, низко кланаясь Ягайлѣ.

Ягайло молча пошелъ въ церковь.

На половинѣ лѣстницы догналъ его Войдыло.

— Князь Яковъ, дай мнѣ ключи, пока не хватились ихъ: на мѣсто положу,—сказалъ онъ полушопотомъ.

— На,—сказалъ Ягайло, подавая ключи.

— А, Поату, мы князь, выручимъ; не кручинься, — сказалъ Войдыло, оставляя князя.

— Если ты ее выручишь, я когда буду на мѣстѣ отца, подарю тебѣ удѣлъ,—сказалъ ему Ягайло, поднимаясь по лѣстницѣ.

Теперь читатель я попрошу тебя въ покой, занимаемый Ольгердомъ.

Въ довольно широкой комнатѣ, убранной парчами, медвѣжьими кожами и бранными доспѣхами,—за большимъ столомъ, уставленнымъ разными яствами,—сидѣлъ Ольгердъ съ своею женою Іуліаніею Александровною и со всѣми дѣтьми своими, находившимися въ Вильнѣ, за исключеніемъ Ягайлы.

Кейстутъ и сынъ его Витовтъ, не заѣзжая въ Вильну, прямо отправились къ себѣ въ Троки.

Въ тихой родственной бесѣдѣ, Ольгердъ рассказывалъ о походѣ на Москву и о выгодахъ мира между князьями тверскимъ и московскимъ. Послѣ этого онъ подозвалъ къ себѣ свою дочь Елену Ольгердовну и, поцѣловавъ ее, объявилъ ей, что она помолвлена за князя Владиміра Андреевича.

Елена Ольгердовна, выслушавъ эту вѣсть, сочла за нужное заплакать; къ ней присоединилась мать и всѣ остальные ея дочери.

Покой Ольгерда огласился воплемъ и плачемъ. Начались, по тогдашнему обычаю, причитаванья.

— Ну завыли,—сказаль Ольгердъ, дѣлая недовольную гримасу; ну—чего выть-то? Радоваться нужно, а не плакать: князь Владиміръ по уму, да по знанію ратнаго дѣла, стоитъ и лучшей невѣсты... храбрость его прогремѣла по всей Руси, Литвѣ и Татари.

— Да она не о томъ плачетъ, замѣтила княгиня Іуліанія.

— А о чемъ же? спросилъ Ольгердъ.

— Что за мужъ приходится выходить, одѣвичьей порѣ плачетъ, о разлукѣ съ родителями и родными,—сказала княгиня.

— Не весь же вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть... Пожалуй, если она хочеть остаться дѣвицею, я неволить не буду,—заклучилъ Ольгердъ.

— И, что ты, князь—батюшка! вмѣшался въ разговоръ шутъ Ѳомка, котораго читатель помнитъ по введенію въ романъ, и который въ настоящее время былъ сѣдъ какъ лунь. Таковой товаръ долго закупоривши держать нельзя,—какъ разъ прокиснетъ.

— Слышишь, Елена, что говоритъ скomorохъ Ѳомка?—смѣясь на фразу шута, обратился Ольгердъ къ своей дочери.

— Ну, да не трожь ее, князь, — сказала княгиня Іуліанія: пусть она поплачетъ; при такой вѣсточкѣ всѣ плачуть... я сама, какъ была дѣвицею, когда услыхала о твоёмъ сватовствѣ, такъ и завыла. Ужъ это такой обычай.

— А ужъ, если водится такой обычай, такъ позови, княгиня, своихъ сѣнныхъ дѣвицъ и рабынь, пусть всѣ воютъ, да плакальщицъ вели позвать со всей Вильны,—сказаль, смѣясь, Ольгердъ.

Въ это время шутъ Ѳомка колесомъ подкатился къ Еленѣ Ольгердовнѣ.

— Княгинюшка, свѣтъ, Алена Андреевна, возьми меня съ собой въ приданое, — сказалъ онъ, кланяясь въ ноги Еленѣ Ольгердовнѣ.

— На что ты ей?—спросилъ Андрей Ольгердовичъ.

— Какъ на что?—въ приданое.... авось при мнѣ плакать не будетъ; я вѣдь не даромъ скomorохомъ называюсь.... а у князя

Владимира жить хорошо: онъ храбрый и добрый князь, своихъ не грабить, чужихъ не бьетъ, а живыхъ въ полонъ беретъ, не такъ какъ твой дядя, князь Михайль—свѣтъ Александровичъ....

— Прикуси себѣ языкъ, шутъ—сердито замѣтилъ ему Ольгердъ.

— Прикусилъ, княже, прикусилъ... ой, прикусилъ, до крови прикусилъ! закрычалъ Оомка, вертятся колесомъ возлѣ Елены Ольгердовны.—Раздуетъ его теперь, разнесетъ... По неволѣ запоетъ онъ гусларомъ про Торжокъ городъ, да про Тверцу рѣку, какъ пылалъ—то этотъ городъ въ огнѣ, въ пламени, и какъ жарились люди добрые въ своихъ домахъ, какъ тонули во рѣкѣ Тверцѣ старики, мужи и жены и малыя дѣти, а отъ крови вся вода покраснѣла, а отъ вопля вся рѣка всколыхалася. Не отъ злаго татарина пламя раздувается, не татарскій ханъ прудитъ людьми Тверцу рѣку: спотѣшается надъ Торжкомъ князь христіанскій; онъ стоитъ на пожарищѣ, ухмыляется, да своей дружинѣ похваляется: гой вы, витязи мои, гой вы славные! Разкажите всѣмъ по бѣду свѣту про мою силу могучую. На Москву пойду и Москву спалю, а побьютъ меня, до Литвы убѣгу: тамъ есть шуринъ мой, есть сестра моя. Какъ ударю имъ челомъ до земли, какъ зальюся я.....

— Оомка! будетъ тебѣ, — сказала княгиня Іуліанія Александровна.

— Не трогай, дурака: пусть его, замѣтилъ ей Ольгердъ, понимая смыслъ пѣсни. — Кто же этотъ князь христіанскій? Ты скоморохъ назови его по имени, а то, пожалуй, Алена подумаетъ, что ты говоришь про ея жениха Владимира.... Бабы неразумны...

— И, что ты, князь! княгинюшка Алена разумнѣе твоего дурака Оомки,—сказалъ шутъ, смотря на прячущуюся Елену Ольгердовну. Полно тебѣ, княгинюшка, плакать,—наплачешься еще въ волю, когда повезутъ тебя къ жениху Владимиру... и я тогда завою на прощанье, жаль мнѣ будетъ съ тобою разставаться. На моихъ глазахъ ты выросла, расцвѣла маковымъ цвѣтомъ, а я на твоихъ глазахъ посѣдѣлъ какъ лунь; состарѣлся въ шуткахъ, да въ забавахъ.... уѣдешь ты къ своему жениху храброму и меня больше въ живыхъ не увидишь, потому скоро на тотъ свѣтъ шутить пойду...

— Спѣлъ бы ты, Оомка, пѣсню кабую нибудь веселую, чѣмъ кручинить насъ,—сказала Іуліанія Александровна.

— Вонъ! возьми его,—продолжалъ шутъ, указывая на входящаго боярина Гаштольда:—онъ пѣсно тебѣ лихую споетъ.

— А это ты, бояринъ?—Обратился Ольгердъ къ Гаштольду.

— Я,—отвѣчалъ Гаштольдъ, заливаясь слезами.

— Вишь, какую веселую затянулъ: точь въ точь, какъ постъ княгинюшка Олена. Какъ разъ въ плясъ пустишься...—замѣтилъ Ѳома.

— Шутъ! молчи,—замѣтилъ ему сердито Ольгердъ.

— Молчу, молчу... отвѣчалъ шопотомъ Ѳома.

— Великій князь! началъ Гаштольдъ: прикажи злодѣямъ, которые отняли у меня жену мою, отнять и мою голову... не куда и не къ кому склонить мнѣ ее теперь... Домъ мой разграбленъ, холопы мои иные перебиты, а иные разбѣжались; храмъ молитвы оскверненъ и поруганъ, въ немъ теперь гудяетъ вѣтеръ, какъ въ чистомъ полѣ... монахи замучены лютою смертью... что за жизнь моя безъ жены, безъ дома молитвы?!...

— Бояринъ! горе твое велико, ты упалъ духомъ, но вспомни, что ты христіанинъ, а христіанамъ не подобаеъ своими воплями радовать сатану. Обратись съ молитвою за утѣшенемъ къ царю небесному. Скорбѣть тебѣ особенно нечего, душа жены твоей теперь находится тамъ, гдѣ дай Богъ и нашимъ съ тобой сподобиться,—говорила съ участіемъ Гаштольду княгиня Іуліанія Александровна.

— Садись, бояринъ, сказалъ Ольгердъ Гаштольду, показывая на скамью противъ себя: у тебя, какъ вижу, горло отъ слезъ пересохло, ну вотъ промочи его, легче будетъ. Съ этими словами онъ самъ налилъ чашу малвазіи и подаль Гаштольду.

Гаштольдъ поклонился, и сѣвъ на скамью прихлебнулъ два раза изъ кружки. Ему было вовсе не до малвазіи и онъ пропустилъ два глотка только потому, что въ тѣ времена отъ чаши великаго князя никто, ни въ какомъ случаѣ, не смѣлъ отказываться.

— Горю твоему я печалюсь не меньше твоего,—продолжалъ Ольгердъ. Но, что сдѣлано, того нельзя воротить.... отъ сына Андрѣя я все узналъ, какъ было дѣло, и кто убійца твоей жены. Расскажи ему Андрѣй...

— Говорилъ я ему, князь—батюшка, отвѣчалъ Андрей Ольгердовичъ.

— Дѣло это, бояринъ, я такъ не оставлю: виновные не уйдутъ отъ казни.... я ихъ отдаю въ твою волю, дѣлай съ ними что хочешь.

Начинай хоть съ сего же дня розыскъ по всей Вильнѣ, твори судъ, да не забудь поразвѣдать объ криве-кривейто: онъ, какъ я думаю, главный зачинщикъ этой смуты. Только съ нимъ ты не очень круто поступаай, народъ, пожалуй, встанетъ за него... если улики сильныя будутъ противъ него, тогда тащи его къ суду, пора же съ нимъ покончить!.. а если уликъ сильныхъ не будетъ, то не трогай его... цощады не давай никому въ этомъ дѣлѣ, христіанинъ-ли будетъ, язычникъ-ли, мнѣ все равно, виновенъ казни смертію.... а что у тебя разграблено и чего не хватаетъ найдешь у меня. Холоповъ и слугъ я прибавлю тебѣ... а чтобы впредь такой смуты не случилось, тебѣ совѣтую построить новый латинскій храмъ молитвы по далѣе отъ Ромнове, сосѣдомъ криве-кривейту опасно держать... цвѣтистый лугъ у виленскихъ горъ,— гдѣ стоитъ языческая божница богини Грубите, — я отдаю тебѣ въ вѣчное владѣніе: сломай эту божницу и на мѣстѣ ея воздвигни латинскую моленную,—говорилъ. Гаштольдъ, приподнявшись, поклонился до земли.

— Великій князь! за милости твои ко мнѣ и за твои радѣнія обо мнѣ несчастномъ спасибо. Бью тебѣ челомъ за это. Но душа моя не ищетъ крови людской... Христось заповѣдалъ прощать своимъ врагамъ..... видно такъ угодно Господу.... отъ земли, да дома молитвы я не откажусь, а отъ розыска и суда избавь меня.... говорилъ Гаштольдъ.

— Такого дѣла безнаказанно оставлять нельзя, замѣтилъ ему Ольгердъ.

— Твоя воля, великій князь, отвѣчалъ Гаштольдъ.

— И моя воля, что бы виновные пострадали....

— Дозволь мнѣ, великій князь, видѣть убійцу моей жены, да пораспросить ее о послѣднемъ часѣ моей Анны....

— Ступай распроси ее, да приходи сюда.— Вотъ тебя Андрей проводить, сказалъ Ольгердъ.

Гаштольдъ снова поклонился и вышелъ изъ покоя вмѣстѣ съ Андрѣемъ Ольгердовичемъ. Въ воротахъ верхняго замка попался имъ Ягайло. Гаштольдъ молча поклонился ему. Ягайло, при видѣ Гаштольда, поблѣднѣлъ.

— Гдѣ ты, братъ Яковъ, былъ? Спросилъ его Андрей Ольгердовичъ.

— Въ церкви молебень служилъ, отвѣчалъ Ягайло, не смотря на Андрея Ольгердовича.

Но вотъ загремѣли ключи и дверь въ знакомое намъ подземелье отворилась.

Андрей Ольгердовичъ и Гаштольдъ застали Пюяту на козлахъ, рыдающую и какъ будто-бы молящуюся.

Гаштольдъ долго всматривался въ лице ея.

— Ты убила мою жену? Спросилъ онъ Пюяту.

Пюята затряслась и встала на ноги.

— Я, прошептала она.

— За что? что она тебѣ сдѣлала? спрашивалъ Гаштольдъ.

— За то, что она была христіанка, отвѣчала Пюята, отворачиваясь отъ взглядовъ Гаштольда.

— Что она говорила умирая? продолжалъ Гаштольдъ.

— Она молилась Иисусу Христу, чтобы онъ принялъ ея душу, отвѣчала Пюята и, зарыдавъ упала на солому.

Гаштольдъ, что то еще хотѣлъ спросить Пюяту, но тоже, зарыдавъ, махнулъ рукою и вышелъ изъ подземелья.

— Пойдемъ, бояринъ, къ батюшкѣ, князю Ольгерду, сказалъ Андрей Ольгердовичъ.

— Не могу.... не неволь меня, ты самъ, князь, видишь, что мнѣ теперь не до разговоровъ... дай сперва выплакать свое горе на могилѣ жены, потомъ я приду къ великому князю, а теперь пусть не гнѣвается,—сказалъ Гаштольдъ, спускаясь съ замковой горы.

Тѣло красавицы Анны Гавриловны Гаштольдъ было похоронено въ саду, близъ разграбленнаго костела.

За неимѣніемъ въ Вильнѣ р. - католическаго священника, ее отпѣвали православные въ церкви Успенія Божіей Матери. Главнымъ священнодѣйствующимъ лицомъ былъ архимандритъ Давидъ, при громадномъ стеченіи православныхъ разныхъ званій, половъ, и при в. к. Іуліаніи Александровнѣ съ ея дѣтьми.

Бакъ хороша была Анна Гавриловна въ гробу! На блѣдномъ, будто живомъ, лицѣ, выражалась благоговѣнная торжественность. Много слезъ было пролито надъ нею молящимися, всѣ считали ее мученицей за Христа.

Но обратимся къ Гаштольду.

Безутѣшный, супругъ, придя на могилу своей жены, цѣлый день рыдалъ до поздняго вечера.

На утѣшенія окружавшихъ его бояръ онъ отвѣчалъ рыданіями.

— Добрые люди! Заройте меня въ эту могилу рядомъ съ моею милою женою.

Пусть мы будемъ не разлучны съ ней... пусть сердце мое не рвется отъ горя... пусть вѣчный сонъ сомкнетъ мнѣ очи... убейте меня, мнѣ легче будетъ,—говорилъ сквозь рыданія Гаштольдъ.

Друзья Гаштольда съ трудомъ оторвали его отъ могилы жены и силою привели домой.

Ночью съ нимъ сдѣлался жаръ, онъ началъ бредить, а на утро былъ совершенно безъ памяти и никого не узнавалъ.

С. Калужинъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

*Продолженіе *).*

ГЛАВА III.

Въ то время, когда старикъ Гольдгеймъ, сопутствуемый чиновникомъ, направлялся къ замку намѣстника, въ приемной послѣдняго находилось уже большое собраніе людей различнаго званія и пола, тамъ были: военные и гражданскіе начальники, блюстители благочинія, женщины, наряженные въ черное и агенты повстанія; всѣ они нетерпѣливо ждали минуты, въ которую г. намѣстникъ удостоитъ ихъ своей аудіенціи. Между тѣмъ въ приемной полушумно, полу-спокойно. Раздаются звонкій говоръ, глухой шопотъ однихъ въ перемежку со вздохами и охами другихъ. Чу!.. водворилось сдержанное затишье: старый Гольдгеймъ

*) См. 2 и 6 кн. Вѣстника Зап. Россіи за 1868 годъ.

невѣрными шагами вошелъ въ залу собранія. Невыразимое смущеніе овладѣло имъ при видѣ, что всѣ безъ исключенія обратили на него свои глаза и своими пронизывающими взглядами словно старались допытываться, какія сокровенныя мысли лежатъ на днѣ его души. Попадались даже взгляды, крупно посоленные презрѣніемъ. Старикъ совершенно смѣшался и, убитый мыслью, что его оклеветали передъ намѣстникомъ, прислонился у задняго угла комнаты. Немного погодя, подошелъ къ нему сопровождавшій его чиновникъ.

— «Сейчасъ я васъ, г. Гольдгеймъ, представляю г. намѣстнику»; съ этими словами онъ отперъ дверь въ другую залу, куда вошелъ и старикъ. Такое особенное расположеніе къ недавно пришедшему еврею ошеломило все собраніе, оно не могло надивиться этому странному явленію и не знало какъ и чѣмъ объяснить его. Бывшія здѣсь женщины и агенты, подъ вліяніемъ одолевшей ихъ подозрительности, обмѣнивались злостными замѣчаніями.

— Это никакъ доносчикъ? началъ одинъ.

— Да, да, очень вѣроятно, отозвался другой.

— Сынъ этого жида также доносчикъ, — ввернулъ свое слово третій.

— Ни чуть неудивительно замѣтилъ четвертый, вѣдь онъ тоже исчадіе ехидныхъ жидовъ, а извѣстно, что они доносчики и ничего больше.

— Вы г. Гольдгеймъ? спросилъ г. намѣстникъ вошедшаго старика. Невозмутимо величавое лицо намѣстника выражало строгость; оторопѣвшій Гольдгеймъ отвѣсилъ почтительный поклонъ, но не проговорилъ ни слова, какъ будто языкъ отнялся у него.

— Про васъ, г. Гольдгеймъ, мнѣ рассказывали много лестнаго; вы, во время такого бурнаго взрыва крамолы, сохраняете непоколебимую преданность своему Государю. Честь и слава вамъ!..

Слова намѣстника были для стараго Гольдгейма цѣлительнымъ бальзамомъ; отрадно было ему услышать отъ намѣстника, что онъ не причастенъ къ измѣнникамъ.

— Вы имѣете большое вліяніе на вашихъ единовѣрцевъ, продолжалъ намѣстникъ, вы въ состояніи навести ихъ на путь истины.

— Вашему сїятельству я долженъ сказать сущую правду. Я доселѣ еще ни разу не попытался дѣйствовать на моихъ единовѣрцевъ и потому о силѣ моего вліянія ничего опредѣлительнаго не могу сказать.

— Прошу васъ всѣми зависящими отъ васъ мѣрами отворотить вашихъ единовѣрцевъ отъ гибельной дороги, на которую они вступаютъ, поддавшись наущеніямъ праздныхъ интригановъ. Слушайте, я возлагаю на васъ эту святую обязанность, образумьте своихъ единовѣрцевъ, откройте имъ глаза, и они увидятъ зіяющую подъ ними бездну. Исполните свою миссію и ваши заслуги будутъ оцѣнены мною.

— Положитесь на меня; ваше сїятельство.

— Мнѣ не надо пустыхъ завѣреній: вы должны сбросить съ себя лицемерный покровъ и откровенно высказать ваше мнѣніе о дѣлѣ, которое я вамъ поручаю. Не стѣсняйтесь, не робѣйте. Я предпочитаю хулу и нападки открытаго врага льстивымъ заявленіямъ низкихъ ласкателей и угодниковъ. Изъ подъ личины часто выглядываетъ убійца. Скажите чистосердечно намѣрены ли вы уговорить вашихъ единовѣрцевъ прекратить свои сношенія съ поляками, не измѣнять своему благодѣтелю Государю, который, въ отеческой своей заботливости, блюдетъ покой и счастье всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ? Я вполне увѣренъ, что вы въ состояніи отклонить евреевъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскаго правительства.

— Ваше сїятельство велѣли мнѣ говорить откровенно и ложь, дѣйствительно, будетъ чужда моихъ устъ. Я, какъ вѣрноподданный, желаю, чтобы мои единовѣрцы не сочувствовали полякамъ, но при всемъ томъ порученіе ваше имѣетъ мало шансовъ на счастливое выполненіе. Чрезвычайно еще слабы нити, связывающія евреевъ съ русскими. Всѣ мои усилія сокрушаются о непреодолимую стѣну еврейскихъ антипатій, порожденныхъ ихъ стѣснительнымъ положеніемъ. Я буду имъ толковать о преданности Государю, Россіи, о гнусности измѣны, они мнѣ скажутъ; мы во все не граждане Россіи, мы только пришельцы. Сама Россія знакома намъ по наслышкѣ, мы не имѣемъ права селиться во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, не смотря на то, что въ мѣстахъ

нашей осѣдлости буквально задыхаемся отъ чрезмѣрной конкуренціи и дѣлаемся добычею неумолимой нищеты.

— Сужденія вашихъ единовѣрцевъ крайне ошибочны. Русское правительство, можно сказать, уврачевало и продолжаетъ врачевать раны, нанесенныя евреямъ польскимъ калѣчествомъ. Оно многое сдѣлало для улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Нѣтъ спору, что евреи по сіе время подвержены нѣкоторымъ ограниченіямъ, но на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на временныя непріятности, которыя исчезнутъ при первой возможности. Вы, должно быть, сами понимаете, что жизнь вашихъ единовѣрцевъ пестритъ многими несообразностями, которыя, при болѣе расширенныхъ правахъ, могутъ произвести дисгармонію въ цѣломъ государственномъ строѣ. Люди, сжившіеся съ тьмою должны исподоволь привыкать къ свѣту. Наше правительство весьма послѣдовательно въ своей программѣ. Когда евреи сдѣлаются способными къ воспріятію всѣхъ гражданскихъ правъ, тогда они ихъ получаютъ. Далеко иначе смотреть на васъ поляки! Польское высокобріе считаетъ евреевъ подонками челоувѣчества, оно стыдится имѣть съ ними всякое общеніе. Вотъ поглядите, улицы кишмя кишатъ людьми, а спросите любого изъ нихъ согласится ли онъ, что бы еврей жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ.

— Ваше сіятельство! слова ваши неопровержимы. Но, къ величайшему сожалѣнію, мои единовѣрцы слишкомъ увлечены, слишкомъ обворожены польскими обѣщаніями; они предають забвенію всѣ обиды, которыя терпѣли отъ поляковъ и готовы ринуться, зря въ манящую даль будущаго, освѣщеннаго искусственными огнями. Евреи думаютъ, что при ихъ помощи, поляки достигнутъ осуществленія своихъ фантастическихъ мечтаній и тогда паны-поляки, сжалившись надъ ними, съ отверстыми объятіями примутъ ихъ въ свою среду.

— Странно, очень странно, что ваши единовѣрцы, вопреки здравому смыслу, повѣрили польскимъ широкообѣщаніямъ. Обѣщанныя поляками блага закрыли имъ глаза и они не видятъ, чѣмъ кончится ихъ опасная стачка съ измѣнниками. Вы, кажется, челоувѣкъ уже пожилой, вы помните, вѣроятно, трагическій финалъ мятежа тридцатаго года. Вы помните, какъ отрекоме-

давали себя поляки, по минованіи смуть, тѣмъ самымъ евреямъ, которыхъ они прежде ублажали, просто на рукахъ носили. Нуждаясь въ евреяхъ, они пускали въ ходъ различныя приманки, когда же счастье начало склоняться на ихъ сторону, прежніе благодѣтели стали придумывать средства истребить евреевъ. Вѣнцомъ всѣхъ ихъ плановъ была гуманная мысль изгнать евреевъ изъ своей страны.

— Помилюте, ваше сіятельство, я уже вамъ сказалъ, что мои мнѣнія діаметрально противоположны мнѣніямъ моихъ единовѣрцевъ. Я хорошо понимаю несбыточность польскихъ бредней, но мои единовѣрцы принимаютъ за чистую монету фальшивыя ноты польско-іезуитской дипломатики. Одинъ польскій коноводъ подаль имъ надежду, что ихъ услуги польской справѣ будутъ щедро вознаграждены, и они ухватились за эту приманку обѣими руками.

— Изъ всего нашего разговора видно, что ваши единовѣрцы безповоротно отдались полякамъ, увѣровавъ, что ихъ слова очень вѣски. Но развѣ ваши единовѣрцы, спрашиваю васъ, сказали намѣстникъ сильно разгнѣванный, на столько утратили здравый смыслъ, что не понимаютъ очевидной недѣлости польскихъ революціонныхъ попытокъ? Можетъ ли горсть пигмеевъ потрясти испанскую державу? Русское правительство пока еще снисходительно относится къ польскимъ затѣямъ, но если агитаторы не угомонятся, оно однимъ мановеніемъ руки прихлопнетъ ихъ къ землѣ. Я не допущу, чтобы гидра крамолы буйствовала безнаказанно, я открою всѣ тайныя польскія махинаціи, разрушу всѣ оплоты мятежниковъ и страшное возмездіе свершится! Не пощажу никого, возмутители порядка, вмѣстѣ съ своими помощниками, погибнуть.

— Ваше сіятельство! сказалъ старикъ испуганнымъ голосомъ, не забудьте, что сказанное мною не мои личныя убѣжденія, а неопытной молодежи. Мнѣ вполне извѣстно, что всѣ ея надежды подбиты вѣтромъ и участіе въ мятежѣ будетъ сопровождаться самыми грустными послѣдствіями.

— Отъ перваго пушечнаго выстрѣла они разбѣгутся съ поля битвы; но пусть тогда сѣтуютъ на свою глупость. Теперь тоже уже слѣдятъ за разными подозрительными лицами; рано или поздно они откроются и понесутъ заслуженную кару. Вы теперь рас-

полагаете судьбою вашихъ единовѣрцевъ: ступайте, помните мои слова.

Вышедши отъ намѣстника, старикъ Гольдгеймъ въ другой разъ сдѣлался мишенью презрительныхъ взглядовъ. Прямые п косвенные пайщики революціонной компаніи приняли его за доносчика, которому во чтобы то ни стало, нужно будетъ отомстить.

Бъ Гольдгейму приблизился человекъ въ военной формѣ и отозвалъ его въ сторону. Старикъ догадался, что онъ хочетъ сообщить ему кое-что секретное.

— Что вашей милости угодно? спросилъ старикъ.

— Неужели вы меня не узнали? Улыбнувшись спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ старикъ.

— Я узналъ, что вы тотъ самый г. Гольдгеймъ, который жилъ когда-то въ Вильнѣ. Вы теперь живете съ сыномъ и дочерью на улицѣ №?

— Точно такъ, милостивый государь.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ. Помните ли вы, сказалъ военный, выходя на улицу, казначей, который въ Вильнѣ промотался въ конецъ, ухлопалъ весь свой достатокъ и обокралъ казну. Онъ могъ угораздить въ тюрьму, но вы одолжили ему деньги и великодушно спасли отъ гибели.

— Помню; это былъ г. Бураковъ.

— Это я, сказалъ тотъ съ чувствомъ. Благодаря стеченію обстоятельствъ, я въ силахъ вамъ теперь отслужить за оказанную вами мнѣ услугу. Давеча узналъ я, что въ вашемъ домѣ хранятся орудія мятежа, но долгъ платежемъ красенъ, я долженъ васъ спасти.

— Право, я не понимаю васъ, сказалъ старикъ съ содраганіемъ.

— Запираться вамъ не для чего. Вы видите что я знаю всю подноготную. Подѣлился я съ намѣстникомъ моимъ открытіемъ, я бы много выигралъ по службѣ, но я рѣшился не видѣть вашихъ политическихъ затѣй, чтобы не погубить своего спасителя.

— Влянусь вамъ всѣмъ для меня святымъ, что я васъ не понимаю.

— Вы не знаете, что въ вашей домовой моленной стоитъ ти-

пографія для печатанья польскихъ прокламацій? Вашъ сынъ и дочь даже помогаютъ работникамъ.

Ециптомъ обдало старина; онъ едва могъ пробормотать.

— Въ моемъ домѣ? сынъ мой? дочь моя?

— Молчите. Это дѣло не шуточное, будьте осторожны. Выпутаться изъ бѣды вы можете только черезъ посредство красного пѣтуха, подожгите вашъ домъ, я вамъ совѣтую, и все улетучится дымомъ пожара.

— Могу ли я вѣрить вамъ? сказалъ старикъ въ замѣшательствѣ.

— Вы еще сомнѣваетесь?

— Мнѣ плохо вѣрится, чтобы вы кокровительствовали человѣку, который, по вашему мнѣнію, осквернилъ себя измѣной, единственно потому только, что онъ когда-то услужилъ вамъ. Въ вашихъ словахъ, навѣрно скрывается злой умыселъ; вы хотите подвести меня подъ обухъ.

— Ахъ! сказалъ Бураковъ съ состраданіемъ; несчастье ваше заслоняетъ вамъ глаза и вы не различаете между другомъ и врагомъ. Вы подозрѣваете на каждомъ шагу страха, опасности и съвозъ черную дымку принимаете за врага человѣка, который дружески протягиваетъ вамъ руку. Но я вамъ отъ всего сердца извиняю ваше дурное мнѣніе обо мнѣ. Мнѣ необходимо объяснитьсь съ вами въ подробности. Вы, изумляетесь отъ чего я не выдалъ васъ въ руки правосудія? А вотъ почему. Я хотѣлъ прежде поговорить съ вами, чтобы не обвинять васъ голословно. Долгъ велить мнѣ быть глухимъ даже къ моимъ друзьямъ, если ихъ поступки идутъ въ разрѣзъ съ цѣлями правительства. Передъ долгомъ умолкаютъ личныя расположенія къ кому-либо, и если бы я убѣдился, что вы сочувствуете полякамъ, наводите подземныя пружины для ниспроверженія законнаго порядка, я бы представилъ васъ его сіятельству безъ всякой проволочки. Теперь я знаю, что вы вѣрноподанный русскаго монарха, только сынъ вашъ, человѣкъ молодой, съ неперебродившими идеями, былъ вовлеченъ въ мятежъ ухищреніями поляковъ.

— Извините меня, что я васъ оскорбилъ моею недовѣрчивостью и мелочною подозрительностью, отвѣтилъ старикъ, тяжело вздохнувъ.

— Не надо извиненій. Поторопитесь домой, не откладывайте исполненіе моего совѣта въ долгій ящикъ; прощайте.

Г Л А В А І V.

Карлъ на всѣхъ рыскахъ спѣшилъ къ Ауреліи. Черезъ праздничный обликъ его ярко сквозилъ восторгъ любви, съ перваго взгляда можно было бы догадаться, что зазноба смертельно ужалила его сердце. Пренепріятный казусъ съ отцомъ, правда, покрылъ легкою рябью свѣтлое настроеніе его души, но въ данную минуту въ ней царилъ такая тишь, да гладь, счастье было такъ полно, такъ безконечно, что Карлъ окончательно забылъ мірскія горести: будничная, сѣренькая обстановка преобразилась, облеклась въ прелестныя формы. Передъ нимъ носятся амурчики; любо смотрѣть на проказы этихъ милашекъ; мало-по-малу они стушуются, исчезаютъ, и стройный образъ Ауреліи является во всеоружіи, со всѣми своими неотразимыми чарами. Мерещится ему ея волшебная улыбка, пропитанная нѣжностью, звенятъ чудные звуки ея восхитительнаго голоса и явственно слышатся слова: приди, приди, мой дорогой, ненаглядный. Наконецъ онъ приблизился къ вождѣнной обители обожаемаго предмета. Внутренно замирая отъ избытка радости, Карлъ схватился за ручку, но, о ужасъ! двери были заперты. Точно огорошенный остался онъ на мѣстѣ и съ изумленіемъ устремилъ свои взоры на ненавистныя двери, въ чаяніи, что вдругъ онѣ раскроются, Аурелія, словно пташка, выпорхнетъ ему на встрѣчу, обойметъ его и приголубитъ. Прошло нѣсколько времени тягостнаго ожиданья, въ домѣ глухо, ни шелеста. Смутная, но жгучая боль тонкими иглами начала скользить по всему существу юпоши. Разныя мысли, одна другой мрачнѣй, нахлынули со всѣхъ сторонъ. Отъ подобныхъ мыслей ознобъ прошибала его насквозь.

— Аурелія тебя не любитъ, а только морочить. Она маскируется, сорви маску, и ты увидишь подъ ней улыбку презрѣнія. Карлъ старался вытѣснить такія скверныя думы изъ головы, но все было напрасно. Впрочемъ, тяжелое раздумье Карла длилось не долго, онъ опомнился и почти вслухъ воскликнулъ. Тьфу, ты

пропасть! что за архи-мерзость лѣзетъ въ голову!... Аурелія измѣнить?! нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Она чиста, какъ ангелъ, непорочна, какъ голубь. Слетайтесь духи горные и объявите мнѣ измѣну Ауреліи, я вамъ тоже не повѣрю, васъ гложетъ червь зависти, васъ бѣситъ мое счастье... Попробую еще разъ стучать.

Раздался звонкій стукъ; никто не откликается. Сомнѣнія змѣями вновь прокрались въ грудь Карла. Шагаясь, какъ пьяный, Карлъ отправился домой. Какая перемѣна декораціи!... Теперь свѣтъ совершенно опостылъ Карлу; обычной тропой поплелась невзрачная жизнь.

Когда Карлъ испытывалъ такіа пытки душевныя, Аурелія, съ другимъ записнымъ патриотомъ, посвящала свои досуги пользамъ ойчизны. Сподвижникъ ея былъ человекъ на видъ уже довольно пожилой: лицо его, отмѣченное клеймомъ дряхлаго возраста, оживлялось только глазами, метавшими пламя. Вжѣстѣ они опрастывали гробы, вынимая оттуда письма, деньги, географическія карты и раскладывали эти мятежническія снадобья по паркету. Аурелія часто высматривала черезъ окно не идетъ ли какой нибудь нахаль нарушить ихъ благонамѣренныя занятія. Увидѣвъ Карла, она сказала старику: Гельдгеймъ идетъ. Старикъ промолчалъ, сердито махнулъ рукой, глаза его заблестали дикою свирѣпостью: Потомъ, по уходѣ Карла, Аурелія дернула за сонетку и передъ ней, какъ листъ передъ травой, предсталъ старый слуга.

— Почему ты вернулся такъ поздно? спросилъ старикъ.

— Пришелъ уже съ полчасца, но не осмѣлился войти, прежде чѣмъ меня позвали,—подобострастно отвѣтилъ слуга.

— Ну, ладно. А что же ты увѣрился въ ихъ благонадежности?

— Все исполнилъ, какъ ваша милость приказали.

— Позови ихъ.

— Двое внесли гробъ, слуга проворно собралъ разсѣянные бумаги и тщательно спряталъ въ принесенный гробъ.

— Вотъ деньги, расплатись съ ними. Ты ихъ проводи до богадѣльни, у костела ждите меня, я скоро прибуду.

Всѣ вышли, старикъ остался одинъ съ Ауреліей.

— Немедленно, сказалъ старикъ къ Ауреліи, соберутся наши,

и мы посовѣтуемся о текущихъ дѣлахъ. Покажѣть я иду въ костель. Тебѣ же, Аурелія, нечего бояться, я ловко скоронилъ концы и ничто не можетъ изобличить наши замыслы. Однако, для большей безопасности, вели подать къ столу. Можетъ быть, нелегкая принесетъ къ намъ москалей, тогда они подумаютъ, что мы пришли на банкетъ.

Дѣйствительно, спустя часъ времени, нагрянула въ домъ Ауреліи вожаки повстанья, или правильнѣй «столпы великаго будованія,» большею частью неоперившіеся папичи изъ дворянскаго круга. Они размѣстились кругомъ стола, Бѣсовскій занялъ предсѣдательское мѣсто, на право отъ него сѣла Аурелія.

Тишина глубокая.

— Знаете ли вы, ясновельможные панове, началъ Бѣсовскій торжественно, за чѣмъ я пригласилъ васъ сюда?

Всѣ молчали.

— Не для обсужденія средствъ къ войнѣ, продолжалъ старикъ, не для того, чтобы пображничать здѣсь, но для того, чтобы сообщить вамъ важную новость. Незадолго передъ тѣмъ мы всѣ находились на рубежѣ гибели, которая внезапно готова была разразиться надъ нами. Одинъ изъ нашей среды, панове, подло измѣнилъ намъ.

Неистовый крикъ ужаса вырвался у всѣхъ присутствующихъ.

— Въ тридцатомъ году наши поляки тоже встрепенулись, воспрянули противъ москалей, вскипѣла жестокая борьба, кровь лилась ручьемъ, ораторствовалъ Бѣсовскій, съ возрастающею яростью; но тогда мы не искали жидовской опоры, надѣялись на собственные силы, на собственную доблесть. Теперь же мы стали обращаться съ просьбами о помощи къ этому отверженному племени, которое неоднократно обнаруживало передъ москалскимъ правительствомъ наци патріотическія предпріятія. Вотъ Аурелія, она достойна порицанія, находится въ любовной связи съ однимъ молодымъ жидкомъ, котораго она возвела въ наши сочлены. Этотъ то господинъ, посвященный во всѣ революціонныя таинства, и продалъ насъ.

— Вы говорите неправду, панъ Бѣсовскій,—сказала Аурелія, задѣтая за живое. Честью вамъ клянусь, что одна только лю-

бовъ къ ойчизнѣ руководила мною въ моихъ отношеніяхъ къ Гольдгейму; она повторяю, и заставила меня употребить въ дѣло средства, оскорбляющія мое честное имя польской гражданки, — приласкать жида, къ которому я питаю врожденную, большую ненависть, чѣмъ вы сами. Одно утѣшеніе для меня, что мои труды не остались безъ плода. Обольщенный моею мнимой любовью, онъ слѣпо мнѣ повиновался, исполнялъ всѣ мои приказанія и, не преувеличивая, скажу, много содѣйствовалъ возрожденію нашей ойчизны.

— О, конечно! онъ до того усердствовалъ, что возымѣлъ намѣреніе вывести на чистую воду наши тайны, насмѣшливо замѣтилъ Бѣсовскій. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что тотъ же самый Гольдгеймъ, хваленный доброжелатель Польши, былъ у намѣстника; выходя онъ шушукался съ какимъ-то чиновникомъ изъ противнаго лагеря. Ну-съ, панове, какъ вамъ нравятся такіе подвиги.

Чела завязатыхъ ратоборцевъ Польши закипѣли злобой. Плоская ругань посыпалась изъ ихъ устъ съ акомпаниментомъ обильнаго изверженія проклятій.

— Но, благодаря единственно моею неутомимой бдительности, чегодѣй попадетъ въ просакъ. Я, панове, велѣлъ сбыть изъ его дома всѣ запрещенныя вещи, когда же москальскія власти придутъ, никакихъ уликъ не окажется. Теперь, конечно, вы поняли цѣль нашего общаго собранія. Мы обязаны произнести приговоръ надъ безчестнымъ измѣнникомъ. По моему, онъ долженъ поплатиться смертію за свое преступленіе. Позвольте спросить ваше мнѣніе панове?

Смерть, смерть измѣннику, Іудѣ-предателю! Онъ вздумалъ доносить на насъ?! смерть, смерть ему, горланили съ остервененіемъ патриоты.

— Извините, ясновельможные панове, что я возвышаю голосъ въ пользу жида. Ради всегосвятаго прошу васъ не карать его, сжалиться надъ его молодостью. Вы черезъ-чуръ скоро осудили его, не призвали къ оправданію. Выслушайте его самаго, разберите дѣло, и опала, навѣрно, смѣнится милостью.

— Оставь, пожалуста, твои скорбныя причитанья, онъ теперь

неумѣстны, сказалъ запальчиво Бѣсовскій. Сердобольствовать съ жидами намъ не въ лицу. Всѣ жида, отпѣтые измѣнники, наши непримиримые враги, всѣ ихъ дѣйствія клонятся только къ нашему вреду. Одни жида, панове, виновники нашихъ злоключеній, расходился Бѣсовскій, между ними произрастають и зрѣють бѣдствія для насъ. Всѣми силами мы должны налегать на то, чтобы съ корнемъ вырвать жидовъ, нашихъ исконныхъ непріятелей. Каждый истый полякъ, которому близко интересы Польши, невозбранно можетъ убить жида, гдѣ онъ ни подвернется. Крупную оплошность мы сдѣлали, принявъ поганыхъ въ помощники, провозгласивъ братерство между поляками и жидами и зачѣмъ, спрашиваю, нужно было вилать около жидовъ съ сантиментальными изъявленіями дружбы, съ различными задабриваніями? Полежимъ, мы хотѣли воспользоваться ихъ богатствами. Хорошо. Но въ чему нѣжности? По мнѣ, просто-на-просто, безъ околичностей слѣдовало отнять ихъ достояніе до тла. Намъ рѣшительно не-вдомекъ было, что дружась съ жидами, мы собственными руками кладемъ несмываемое пятно на нашу ойчизну. Если мы побѣдимъ, они, пожалуй, будутъ имѣть претензіи на полноправность, будутъ величать себя гражданами Польши. Если же, чего избави Богъ, потерпимъ фіаско, они первые явятся нашими врагами и насмѣшниками. Нѣтъ, не бывать тому, скрежетомъ зубнымъ довершилъ свою филиппику рѣчистый панъ Бѣсовскій.

Аурелія, сознавая подавляющую силу убѣжденія пана-Бѣсовскаго, безмолвствовала, остальные члены совѣщанія изъявили свое согласіе съ его мнѣніемъ.

— Вы клеветаете на наше гуманное время, сказалъ баронъ Славадскій, человекъ съ широкимъ кругозоромъ, который рѣшился свѣтомъ истины разогнать тьму кромѣшнюю, застилавшую глаза его собесѣдниковъ. Снѣдаемые похотью къ политической автономіи, мы не видимъ той горячей работы, которую предъприняло человечество для очищенія себя отъ накопившейся на него вѣкажи тины. Повсюду человѣческіе принципы съ каждымъ днемъ дѣлають большія и большія стяжанія, упраздняются старыя учрежденія, сдаются въ архивы многіе законы, которые столь долго тиранили цѣлыя народности и сословія. Я не хочу думать,

чтобы ваши воззрѣнія на евреевъ раздѣляли всѣ ревнители польской свободы; въ такомъ случаѣ, мы никогда не достигнемъ цѣли и понапрасну будемъ выбиваться изъ силъ. Гдѣ лежитъ существенная причина паденія и разложенія Польши? Не въ рабствѣ ли и во взаимной сословной враждѣ. Да, вотъ въ чемъ завска нашей политической немощи, вотъ болячки, разъядавшія весь организмъ ех-Польши. Панове! Могла ли быть прочна наша ша самостоятельность, когда крестьяне, ядро населенія, находились въ самомъ плачевномъ положеніи? Мы ихъ смяли въ нашихъ ежовыхъ рукавицахъ до шахитш сжимаемости, окрестили постыднымъ именемъ «быдла», сами того не замѣчая, что систематическое уничтоженіе и изнеможеніе этого сословія исподоволь подрываетъ фонды нашего собственнаго существованія. Высшее сословіе составляло касту людей блаженствовавшихъ, утопавшихъ въ невообразимой роскоши и внѣшнемъ лоскѣ; но баснословныя суммы, которыя тратились на заморскія и доморощенныя фацеціи, всею тяжестью легли на страдальческое, бѣдное крестьянство. Излишняя, глупая потачка высшему сословію и совершенное обезличеніе низшаго—вотъ отличительная черта нашего государственнаго устройства. Польша была лишена твердой почвы и въ самой себѣ носила зачатки смерти. Средняго сословія, въ настоящемъ смыслѣ слова, у насъ не было; эту прорѣху мы искусственно зашивали евреями; но, посмотрите, какихъ уродливостей мы не надѣлали нашимъ безалабернымъ управленіемъ? О важности средняго сословія, способствующаго скорѣйшей встрѣчѣ спроса съ предложеніемъ, не надо распространяться; хорошо организованное, оно обыкновенно бываетъ кровеносною жилкою въ государствѣ, даетъ сильный толчокъ развитію торговли, промышленности; въ нашихъ же рукахъ, вслѣдствіе нашей прадѣдовской неумѣлости, оно стало ядовитымъ, отравляющимъ элементомъ. Каждый знаетъ, что роль еврейства въ исторіи нашей экономической жизни, не очень казиста; евреи эксплуатировали нашу страну, вообще не отличались гражданскими добродѣтелями, но кого мы должны винить? Безпристрастіе, панове, отыскиваетъ искушительную сторону для еврейскихъ грѣховъ и, какъ ни обидно это для нашего самолюбія, говоритъ противъ насъ. Заботилось ли когда нибудь польское

правительство о томъ, чтобы преобразить евреевъ въ честныхъ гражданъ? Отвѣтъ, разумѣется, отрицательный, что доказывается отсутствіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ разумно къ этой благотворной цѣли. Наоборотъ наше шляхетство, пораженное привычкою, въ сладкомъ *fat niente*, высасывать въ свою пользу всё соки государства, смотрѣло на евреевъ, какъ на ходячіе денежные мѣшки, которые созданы будто бы для того, чтобы черпать изъ нихъ золото, когда только захочется. Практическій умъ евреевъ скоро понялъ, чего добивается отъ нихъ шляхетство и, повинувшись чувству самосохраненія, они стали за одно, сдѣлались его пособниками на попроще паразитства, эксплуатаціи. Шляхетству было даже съ руки потворствовать слабостямъ евреевъ потому, что чѣмъ жалче становилась доля крестьянъ отъ еврейскаго нажима, тѣмъ ту же набивало свои карманы обжорливое шляхетство. Евреи эксплуатировали крестьянъ, а шляхта получала въ итогъ, однимъ махомъ, жатву съ крестьянъ и евреевъ. Съ теченіемъ времени евреи такъ освоились съ своимъ положеніемъ, такъ заматерѣли въ своихъ хищническихъ приемахъ, что подъ часъ не щадили и самаго шляхетства, и мощны ихъ полнѣли отъ панскаго золота и крестьянскихъ грошей. Было ли наше государство сплочено въ одно нераздѣльное цѣлое? Къ несчастію, наше государственное тѣло было (сшито) изъ различныхъ лоскутковъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, расплзались. Найдите мнѣ еврея, который бы питалъ къ Польшѣ помстинѣ сыновнія чувства, несмотря на то, что евреи въ Польшѣ разжились, благоденствовали. Не проявляется ли въ этомъ бессознательная месть людей къ той странѣ, которая извратила ихъ нравственную природу, втоптала въ грязь самыя неотъемлемыя человѣческія права. Кажется, что крестьяне тоже не могли имѣть никакихъ побужденій любить своихъ тирановъ-пановъ. А какая неладница и рознь господствовали въ самой шляхтѣ; отъ матеріальнаго пресыщенія и умственнаго убожества, паны успѣли развернуть свои копѣчные инстинкты до послѣднихъ предѣловъ самодурства и узкаго эгоизма; каждый изъ нихъ карабкался на недосыгаемый другимъ пьедесталь и честолюбивому Ваалу приносили въ жертву честь и совѣсть, интересы своей ойчизны. Естественнымъ слѣдствіемъ многочисленныхъ ано-

малій было то, что Польша не выдержала серьёзнаго натиска извнѣ и взлетѣла на воздухъ, напутствуемая знаменительными словами Костюшки: *finis Poloniae*.

Панове! не принимайте такихъ словъ за кощунство. Какъ жестоко онѣ ни затрогивали бы ваши патріотическія чувствованія, они суть искреннее выраженіе человѣка, болѣющаго о недугахъ своей ойчизны. Безхитростный очеркъ нашей прошлой неурядицы чреватъ поученіями въ предстоящей намъ дѣятельности. Повстанье вызвано къ бытію шляхетствомъ, крестьяне не будутъ намъ сочувствовать, евреевъ мы еще отталкиваемъ; мечами картонными, что ли, мы будемъ бороться съ могучими врагами. *Единство*, панове, могущественно; оно не знаетъ препонъ, прорываетъ тормозящія народы плотины; самыя смѣлыя предпріятія съ нимъ удаются; безъ него мы слабосильны, и своими фантазіями смахиваемъ на донъ-кихотовъ. Настоящее настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобы мы покончили съ заплеснѣлыми началами государственной жизни, подглядкой которымъ служило феодальное понятіе о кастахъ. Съ крестьянами, съ евреями мы должны тѣсно соединиться, вдохнуть новую жизнь въ оконечѣвшіе члены нашей ойчизны, сбросить съ нея изношенный нарядъ, забрызганный разными пошлостями. Успѣхъ нашего дѣла возможенъ, ойчизна наша будетъ неизбежна, какъ скала посреди морскихъ волнъ, если только мы разстанемся съ ошибками нашихъ предковъ.

Хуже ножа острога была для всѣхъ слушателей рѣчь трезваго поляка. Бѣсовскій не нашелся что отвѣчать и воскликнулъ: будь что будетъ, а я никогда не поступлюсь въ пользу жидовъ ни одною пядью нашей земли; извести нужно окаянныхъ, и шабашъ! Путешествуя по Царству и Галиціи, продолжалъ баронъ Славадскій, какъ бы не разслушавъ грозныхъ словъ графа Бѣсовскаго, я близко сошелся съ евреями, научился любить и уважать ихъ. Я вынесъ одно убѣжденіе, что бранить евреевъ съ плеча крайне нелѣпо; наше презрѣніе къ нимъ обуславливается тѣмъ, что мы мало или совсѣмъ незнакомы въ ихъ внутреннюю жизнь, не знаемъ, какія высоко нравственныя качества прячутся иногда подъ ихъ наружными рубищами. По нашему, еврей—воплощенное корыстолюбіе, ростовщичество; по нашему онъ лишенъ всякихъ воз-

вышнпныхъ движеній сердца, способенъ только мошенничать, чтобы поживиться. Мѣркой для нашихъ сужденій о евреяхъ обыкновенно служить факторъ или мелкій торгашъ, которые, по своей профессіи стараются оплести васъ и даютъ надувательству самое широкое приложеніе въ повседневной практикѣ; а мы въ простотѣ души думаемъ, что всѣ еврей—факторы, торгаши. Мы забываемъ, что законъ, по которому происходитъ пониженіе честности, дѣйствуетъ одинаково на евреевъ, какъ и на другихъ; мы забываемъ, что бѣдность нигдѣ и никогда не была проводникомъ доброй нравственности. Не слишкомъ пеняйте на еврея-торгаша, обманувшаго васъ: этотъ еврей—нищій, дома жена воетъ, дѣти хоромъ поютъ: тятя, тятя, хлѣба, хлѣба! Когда нужда стучится въ дверь со всѣмъ своимъ причтомъ, рѣдко кто не подличаетъ. Стоитъ только изучить еврея при семейномъ очагѣ, и вы увидите, что онъ обладаетъ самыми богатыми задатками добра, подъ влияніемъ которыхъ, при лучшихъ условіяхъ жизни и гражданственности, онъ можетъ сдѣлаться хорошимъ гражданиномъ. Привязанность еврея къ домочадцамъ—поразительна; онъ любитъ ихъ съ самоотверженіемъ. Семейственность у евреевъ очень развита, семейное начало у нихъ не терпитъ ущерба и поруганія отъ посяганій разврата. Посмотрите, какъ благоговѣнно, тепло еврей молится Богу! Когда обстоятельства захватываютъ его въ свои желѣзные тиски, онъ съ удивительною покорностью подчиняется тяжелому жребію и отъ одного Бога ждетъ облегченія своей участи. Семья и религія, неизсякаемый родникъ, откуда еврей заимствуетъ гиганскія силы для отраженія невзгодъ, которыя валятся на него справа и слѣва. Еврей могутъ гордиться предъ христіанами своею благотворительностью: въ домѣ каждаго еврея вы найдете прибитыя на стѣнахъ желѣзныя кружки для сбора подавій въ пользу немущей братіи. Цѣлую недѣлю безъ устали и прерывовъ еврей тянетъ лягу, копошится въ муравейникѣ житейскихъ дрязгъ; въ субботу или праздникъ онъ совершенно перерождается, перемѣняетъ свои разодранныя лохмотья на чистое платье, отторгается отъ всѣхъ насущныхъ хлопотъ и предается отдыху, богомыслію, молитвѣ. Унижительно видѣть еврея, сидящаго въ субботу за трапезой съ женою и дѣтьми въ подномъ комплектѣ; кушаніе субботнихъ яствъ

приправляется застольными пѣснями даже и тогда, когда эти яства болѣе чѣмъ убоги—и по качеству, и по количеству. Еврей воздержень, пьянство почти небывалое явленіе въ еврей, не привыкшемъ жить на авось, въ распашку. Графъ! вы гремѣли проклятіями противъ евреевъ, обрекали ихъ на поголовное истребленіе; но будетъ ли это справедливо? Чѣмъ провинили всѣ евреи, если одинъ изъ нихъ намъ измѣнилъ? Что это за круговая порука и общая вмѣняемость? Можемъ ли мы обозвать все челоѣчество сонмищемъ разбойниковъ на томъ основаніи, что на бѣломъ свѣтѣ попадаются разбойники? Не выгораживайте евреевъ изъ челоѣческаго общества, примѣняйте къ нимъ обще-челоѣческіе законы.

— Назидательныхъ проповѣдей мы не пришли сюда слушать, отвѣтилъ графъ Бѣсовскій, не помнявшій себя отъ гнѣва. Наговорите хоть три-короба краспорѣчивыхъ монологовъ о драгоценныхъ перлахъ еврейскаго характера, мы не отмѣнимъ своего рѣшенія.

— Вамъ же будетъ хуже,—если то возможно,—сказалъ съ грустью и достоинствомъ баронъ Славадскій.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОСВЯЩЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

ОСВЯЩЕНІЕ КЛАДБИЩНОЙ ЦЕРКВИ,

*въ деревнѣ Клепачахъ, ивашкевичскаго прихода,
(Пружанскаго уѣзда.)*

Въ прошломъ году происходило въ деревнѣ Клепачахъ, Ивашкевичскаго прихода, освященіе кладбищной деревянной церкви, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

Деревня Клепачи издавна отличается особеннымъ благочестіемъ и усердіемъ къ святой церкви своихъ жителей.

Въ двухъ своихъ половинахъ, принадлежитъ она двумъ сосѣднимъ приходскимъ церквамъ: Ивашкевичской и Езерницкой, и причты обѣихъ церквей по справедливости считаютъ эту деревню лучшимъ украшеніемъ своихъ приходовъ. Въ этомъ отношеніи Клепачи можно ставить въ примѣръ и для всѣхъ ихъ сосѣдей. Хороша и ихъ деревушка, расположенная на двухъ горкахъ, открывающихъ привольный видъ обширной луговой равнины, по мѣстамъ испещренной мелкими листовными рошицами и орошаемой обширнымъ такъ называемымъ *бездоннымъ* озеромъ, съ которымъ у народа соединено много смутныхъ преданій. И крестьянскіе дома въ Клепачахъ тоже не подѣла избамъ по другимъ деревнямъ, чистые они, свѣтлые, по большей части съ трубами, а у нѣкоторыхъ хозяевъ внутреннія дворники такіе чистенькіе, что любо глядѣть.

Вотъ жителямъ этой деревушки и запала на сердце добрая мысль украсить родное кладбище храмомъ Божиимъ. А починъ этому дѣлу принадлежитъ крестьянину Константину Ракевичу, при наставленіяхъ и поощреніи словомъ и личными жертвами священника Ивашкевичской церкви отца Игнатія Кончевского. При пособіи другихъ усердныхъ крестьянъ той же деревни, именно: Василя Лабейки, Степана Вовчка, Луки Францкевича и Франца Ракевича, удалось убѣдить прочихъ однодеревенцевъ взяться за доброе дѣло. И вотъ, испросивъ архипастырское разрѣшеніе, приступили добрые люди къ святой работѣ, ни трудовъ своихъ не жалѣли, ни издержекъ, а когда не въ мочь имъ приходило, тогда высылали въ міръ Божій по своимъ приходамъ однодеревенца своего Игнатія Гуцу, и тотъ съ усердіемъ обходилъ весь за весью и собиралъ на пользу устрояемаго храма Божія.

На третій годъ послѣ основанія храма, онъ былъ оконченъ и наконецъ насталъ давножданый день освященія онаго. Церковь вышла хотя скромная, но вполне приличная, построена прочно, а иконостасъ въ ней даже красивѣе и лучше, чѣмъ въ очень многихъ приходскихъ церквахъ. Строители храма употребили все стараніе на то, чтобы освященіе церкви было, по мѣрѣ средствъ ихъ, какъ можно торжественнѣе. Собрали два очень стройныхъ пѣвческихъ

хора обоихъ своихъ приходо́въ Ивашкевичскаго и Езерницкаго, разукрасили новосозданную церковь и ограду оной всегда зелеными елками, оповѣстили своихъ сосѣдей о своемъ праздникѣ. И въ день освященія, собралось изъ окрестныхъ селъ очень много народа повидѣть и участвовать въ великомъ церковномъ торжествѣ деревни Клепачо́въ. Къ освященію церкви съѣхалось также и пять окрестныхъ священниковъ съ двумя діаконами. Торжество началось еще вечеромъ наканунѣ дня освященія церкви, торжественной всенощной службой, совершенной соборнѣ трѣмя священниками. Въ темную осеннюю ночь, ярко освѣщенная, отъняемая ближнимъ сосновымъ боромъ, новозданная церковь сіяла великимъ свѣтомъ, бросая обильную массу его по сторонамъ, какъ бы въ вещественное знаменіе того, что вскорѣ она будетъ вмѣщать въ себѣ великое богатство и духовнаго свѣта и обильно будетъ источать великіе дары Божіи всѣмъ ищущимъ свѣта и истины Христовой. На утро слѣдующаго дня совершенъ былъ изъ приходской церкви крестный ходъ въ новозданную на шестиверстномъ разстояніи, и за прибытіемъ его, тотчасъ приступлено было къ освященію храма, которое, за нездоровьемъ мѣстнаго благочиннаго, совершили трое прибывшихъ священниковъ съ двумя діаконами. Затѣмъ была отслужена и святая литургія.

По окончаніи богослуженія, главный виновникъ торжества крестьянинъ Константинъ Ракевичъ пригласилъ духовенство и почтеннѣйшихъ своихъ сосѣдей и предложилъ въ своемъ домѣ радушное угощеніе. Мы были окружены здѣсь праздновавшими свое и наше торжество—крестьянами, шедшими рука объ руку съ нами всегда неизмѣнно и во время печали и во время радостей; оттого наиболѣе и трапеза у гостепріимнаго хозяина была и сладкая и веселая.

Такъ созданъ, такъ святился новый храмъ Божій въ деревнѣ Клепачахъ.

Лит. Еп. Вѣд.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ ВИШНЕВСКОЙ И КРАСНОСЕЛЬСКОЙ.

Въ прошломъ году освящена была во имя св. безсребренниковъ и чудотворцевъ Косьмы и Даміана нововыстроенная каменная церковь въ м. Вишневъ опшянского уѣзда, а 28-го тогожь ноября освящена изъ католическаго костела церковь въ память Покрова Божіей Матери въ м. Красносельѣ вилейскаго уѣзда. На освященіе этихъ церквей, устроенныхъ въ новообразованныхъ приходахъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ почти всѣ прихожане суть присоединившіеся къ св. церкви изъ латинства, командированъ былъ его высокопреосвященствомъ ректоръ семинаріи архимандритъ Іосифъ съ членомъ консисторіи протоіеремъ Антоіемъ Пшолькой. Съ сердечнымъ утѣшеніемъ должно сказать, что торжества освященія совершены въ полномъ благоприличномъ порядкѣ, въ сослуженіи всего духовенства мѣстныхъ благочиній, въ присутствіи мѣстныхъ уѣздныхъ властей и при собраніи огромнаго количества народа, на сколько это возможно было при тогдашней погодѣ.

Въ Вишневъ, по освященіи храма, произнесено было священнодѣйствовавшимъ архимандритомъ Іосифомъ слово о великой милости Божіей, явленной въ освященіи храма, соруженнаго щедротами благочестивѣйшаго и народолюбиваго Государя Императора. На Бож. литургіи приобщилось св. Таинъ свыше 100 человекъ. Все богослуженіе народъ слушалъ съ полнымъ вниманіемъ и молился съ благоговѣніемъ, совершенно правильно и благочестиво изображая на себѣ крестное знаменіе. При богослуженіи, и особенно въ крестномъ ходу, участвовало не мало лицъ римскаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій; даже мѣстный ксендзь простоялъ въ церкви всю службу, внимательно всматриваясь въ ея отправленіе, и съ умиленіемъ преклонивъ колѣна предъ св. Дарами по ихъ освященіи. Такъ и видно было, что народъ радовался, ликовалъ и внут-

ренно и наружно. И было отъ чего радоваться! Православные прежде должны были ходить въ свои приходскія церкви верстъ за 15—20; а нынѣ—домъ молитвы и освященія близко; къ тому же увеличилась и православная паства изъ новоприсоединившихся къ св. церкви въ не маломъ количествѣ латинянъ; церковь устроена благомѣрная, на видномъ, господствующемъ надъ окрестностию мѣстѣ.

Красноселье отстоитъ отъ православнаго съ церковью мѣстечка „Краснаго“ верстахъ въ четырехъ, и составляло почти сплошной римско-католическій приходъ съ костеломъ. Народъ однакожь помнилъ, что дѣды были уніятами и совращены въ латинство не такъ давно, когда въ Красносельѣ построенъ былъ въ началѣ 18 столѣтія на иждивеніе владѣтельница этого мѣста—ревностной латинянки—римско-католической монастырь; народъ чувствительно понималъ также свое *русское* происхождение, нисколько не отличаясь отъ православныхъ сосѣдняго мѣстечка Краснаго въ языкѣ, образѣ жизни и въ прочей исторической и обиходной обстановкѣ. Монастырь, не пропускавшій ни одного случая выразить сочувствіе къ мятежамъ въ прежнія времена, и по недостатку монашествующихъ, довольно давно закрытъ, а костель обращенъ въ приходскій; но и послѣдній мятежь, подобно прежнимъ, обратилъ этотъ храмъ въ мѣсто служенія безпорядку, бунту, въ каеэдру проповѣданій изувѣрныхъ, такъ что русскій народъ самъ—здравымъ смысломъ своимъ—понялъ неспасительность костельныхъ богомоленій и поученій, и сплошною массою присоединился къ св. православной церкви, потребовавъ за тѣмъ отъ начальства, чтобъ и приходскій костель ихъ, вмѣстѣ съ ними, обращенъ былъ въ православную, приходскую для нихъ церковь: Да костель и строенъ былъ какъ бы для устройства въ немъ православной церкви: алтаремъ обращенъ на востокъ; зданіе имѣетъ форму креста; для алтаря православнаго и для иконстаса планомъ

Отдѣлъ IV.

костела такъ расположено было, что не требовалось ни малѣйшихъ передѣлокъ и не оказалось никакихъ затрудненій при устроеніи св. престола, иконстаса и прочихъ принадлежностей православнаго храма.— Народу на освященіе собралось такъ много, что церковь, довольно обширная, далеко не могла вмѣстить всѣхъ богомольцевъ; но конечно, собраніе было бы и.еще гораздо многочисленнѣйшее, еслибы не помѣшала особенно снѣжная съ вѣтромъ и пурьюгою погода. Мѣстный предводитель дворянства К. М. Сняtko, древле-православный въ странѣ дворянинъ и помѣщикъ, искренне-усердный и благоразумный дѣятель въ сферѣ не малотруднаго его служенія, а также вилейскій г. исправникъ, институтъ мировыхъ учреждений, молодецкаянская учительская сеинарія съ своимъ начальствомъ и пѣвчими, и другія мѣстныя власти и чины придали настоящему торжеству особый отпечатокъ общаго духовнаго веселія, — торжеству, съ которымъ такъ счастливо соединилось еще другое, именно—внесеніе, по освященіи костела, въ новоосвященный православный храмъ, всемилостивѣйше предъ тѣмъ пожалованной Казанской иконы Божіи Матери. Эта св. икона, по полученіи ея изъ Вильны, съ особеннымъ уваженіемъ поутру привезена была вилейскимъ благочиннымъ протоіереемъ Балицкимъ въ мѣстечко Красно, а оттуда взятая предводителемъ дворянства, нѣкоторыми чинами и старшинами отъ крестьянъ и прихожанъ, поднесена была въ новоосвященной церкви, предъ которою на площадкѣ была встрѣчена съ иконами и хоругвями вышедшими священствомъ и народомъ, и за тѣмъ торжественно внесена въ самую церковь, гдѣ, по благословеніи ея народа, поставлена на возвышенномъ, особенно видномъ для всѣхъ мѣстѣ. По внесеніи св. иконы въ церковь, священнодѣйствовавшимъ архимандритомъ Іосифомъ была сказана рѣчь народу о значеніи Царева дара для прихожанъ въ лицѣ Царицы небесной; по совершенномъ окон-

чанія всего освященія храма произнесена была протоіеремъ Антоніемъ Пшолкой проповѣдь, въ которой благовѣстникъ особенно хорошо знакомый съ мѣстною исторіей православія кратко разъяснилъ слушателямъ первоначальность и судьбы его въ здѣшной странѣ, коснулся исторіи основанія мѣстнаго костела и проч., и выразилъ радость неба и земли о томъ, что чада св. храма сего, нѣкогда отторгнутые хитростію или даже насиліемъ въ чуждый дворъ овчій, нынѣ съ любовію возвратились въ свой, праотеческій благословенный домъ Отца небеснаго, въ спасительное лоно матери—св. церкви; а послѣ причастнаго стиха сказано было слово мѣстнымъ священникомъ Васиіемъ Гущевичемъ, которое въ слѣдъ за симъ печатается. И здѣсь было причастниковъ св. тайнамъ не малое число; причащали и малолѣтнихъ дѣтей.

Послѣ богослуженій, какъ въ Вишневѣ, такъ и въ Красносельѣ розданы были во множествѣ народу крестики, образа, книжки духовно-нравственнаго содержанія, которыя были принимаемы на перерывъ, съ радостію и благоговѣніемъ. Кстати можно сказать, что въ красносельскомъ приходѣ, еще недавно римско-католическомъ, оказалось не мало прихожанъ даже изъ великовозрастныхъ, которые уже знали русскую грамоту. И еще кстати присовокупимъ, что въ литовской епархіи не однѣ поименованныя мѣста наслаждались прошлою зимою счастіемъ описываемыхъ торжествъ; епархіальная хроника представляетъ также торжества и въ другихъ мѣстностяхъ, православный людъ въ которыхъ не смотря на холода и морозы, согрѣвалъ есбя чувствомъ любви къ родной вѣрѣ и живымъ весельемъ торжества ликующей русской народности, до послѣднихъ лѣтъ обреченной—было на уныніе и уничтоженіе. Въ слѣдующихъ книжкахъ Вѣстника продолжимъ описаніе этихъ торжествъ.

С Л О В О,

оказанное въ новоосвященной изъ костела церкви села Красноселья мѣстнымъ свѣщеникомъ Василиемъ Гушкевичемъ, на первой литургіи послѣ причастнаго стиха.

Ничто ли писано, яко Храмъ мой, храмъ молитвъ наречется всѣмъ языкомъ; вы же сотвористе евертепъ разбойниковъ.

Марка м. II ст. 17.

Вотъ какъ строго укорялъ Спаситель іудеевъ и старѣйшинъ іудейскихъ, допустившихъ торговлю въ храмъ іерусалимскомъ, и не только осудилъ допустившихъ эти безпорядки, но даже изгналъ изъ храма торговавшихъ: и вшедь Иисусъ въ церковь начать изгоняти продающія и купующія въ церкви и трапезы торжникомъ и сѣдалища продающихъ голуби испроверже (тамъ же ст. 15).

Римско-католики, неумѣвше воспользоваться такимъ назидательнымъ примѣромъ и допустивше еще большіе безпорядки въ костелахъ—подверглись и заслуженному наказанію за оскверненіе храмовъ Божіихъ. За то, что поляки, вмѣсто божественныхъ пѣсней, пѣли мятежныя гимны въ храмахъ, и ксендзы не только позволяли, но еще и поощряли ихъ къ тому.

За все это, говорю, ксендзы какъ осквернители храмовъ изгоняются, а храмы ихъ отдаются православнымъ христіанамъ, для того, чтобы послѣдніе достойно восхваляли въ нихъ Всевышняго Бога.

Вы знаете православные христіане, что и въ этомъ же самомъ храмѣ, когда онъ еще былъ римско-католическимъ, тоже пѣлись повстанскія пѣсни, говорились мятежныя рѣчи, благословлялись на бунтъ и разбой мятежники панове; здѣсь въ этомъ самомъ храмѣ, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать и внушать христіанамъ взаимную любовь, страхъ Божій и благочестіе, ксендзы проповѣдывали христіанамъ ненависть къ такимъ же христіанамъ; учили убійствамъ и поджогамъ, приводили къ присягѣ мятежниковъ; однимъ словомъ, храмъ этотъ, предназначенный для молитвы и православленія имени Божія, сдѣлали вертепомъ разбойниковъ! За такія незаконныя дѣйствія и оскверненіе этого храма, Богъ судилъ, чтобы ксендзъ былъ удаленъ

отсюда навсегда, а храмъ этотъ, обновленный и очищенный отъ мятежно-польской нечистоты молитвеннымъ освященіемъ, сдѣлался собственностію св. православной церкви. Все же это совершилось по волѣ Бога, все направляющаго къ лучшему. Ибо кто же, какъ не Богъ просвѣтилъ вашъ умъ, открылъ вамъ глаза, такъ что вы уразумѣли и убѣдились въ томъ, что въ нечистыхъ, замаранныхъ кровью рукахъ всендзовъ не можетъ оставаться чистою и религія христіанская; почему вы на призывъ пастырей православныхъ и на желаніе православнаго Царя всѣ, за исключеніемъ только шляхты польской, соединились съ св. православною церковью. Такое приращеніе чадъ православной церкви есть несомнѣнный признакъ благоволенія Божія къ нашей православной вѣрѣ. И такъ, христіане, если еще Богъ милосердый терпитъ грѣхи наши и не караетъ насъ: но еще благодѣтельствуетъ намъ, изливая на насъ милости щедрою своею рукою чрезъ благочестивѣйшаго Государя нашего; то будемъ же стараться и напередъ быть достойными этихъ милостей Божіихъ. Поэтому всегда памятуя заповѣдь Христову: воздадите убо Кессарева Кессареви и Божія Богови,—мы должны прежде всего и больше всего любить Бога, а послѣ Бога, избраннаго Богомъ и поставленнаго надъ нами Государя Императора, какъ помазанника Божія.— А сколько есть побужденій, обязывающихъ васъ любить своего Государя! Онъ освободилъ васъ отъ крѣпостнаго права и сдѣлалъ васъ людьми свободными, далъ вамъ надѣлъ земли и сдѣлалъ васъ изъ рабовъ земле-владѣльцами. Онъ завелъ для вашихъ дѣтей училища и такимъ образомъ далъ вашимъ дѣтямъ средства научиться разуму, истинному богопознанію и благочестію, и выйти изъ того невѣжества, въ которомъ вы пребывали. Онъ устроиваетъ для васъ храмы Божіи, чтобы вы имѣли гдѣ приносить молитвы и благодаренія Всевышнему Богу за ниспосланныя вамъ благодѣянія. Его же щедротами устроенъ и обновленъ нынѣ посвященный храмъ. Наконецъ, чтобы выразить свою радость о соединеніи вашемъ съ православною церковью, благочестивѣйшій Государь Императоръ прислалъ вамъ въ даръ и благословеніе икону Пресвятыя Богородицы, предъ святымъ образомъ которой навѣрно Самъ не разъ молился о благѣ и счастіи своихъ вѣрно-

подданныхъ. Но не одинъ Государь радуется о присоединеніи вашемъ къ прародительской вѣрѣ, а совмѣстно съ Государемъ радуются всѣ русскіе люди и вся Россія! Вы видите ясное доказательство этого въ сегодняшнемъ торжествѣ. Высокоименный архипастырь нашъ послалъ высокихъ духовныхъ сановниковъ къ намъ, чтобъ освятить храмъ сей какъ можно торжественнѣе и проповѣдать намъ благословеніе; вотъ пожаловали къ намъ къ сегодняшнему торжеству и ваши начальники повѣренные слуги Царскіе! Прибыли же къ намъ всѣ эти высокіе гости, конечно, потому только, чтобы засвидѣтельствовать свою радость о томъ, что вы сдѣлались истинными русскими вѣроподданными, какъ говорится, по вѣрѣ и по духу.

Умѣйте же цѣнить православные, такую любовь къ вамъ русскаго Государя и всѣхъ русскихъ людей; старайтесь быть за это благодарными. А главное, не забывайте молиться Богу о томъ, чтобы онъ Всевышній продлилъ жизнь возлюбленнаго Государя Императора нашего, общаго отца и благодѣтеля, и всегда помните, что благо и счастье ваше содинено съ Россіей, а безъ Россіи оно немислимо.

Но такъ какъ между вами, новые братья наши по вѣрѣ, есть еще и такіе, которые упорствуютъ въ заблужденіи каколицизма, то вы должны стараться силою убѣжденія и братскими совѣтами возвратить ихъ къ прародительской вѣрѣ нашей, т. е. къ православной вѣрѣ.

Ты же, Царице небесная, явившая свой Божественный ликъ въ древнемъ русскомъ городѣ Казани, прославленный безчисленными чудесами, здѣсь присущая съ нами въ образѣ, дарованномъ Монаршею милостію для здѣшней ново-красносельской церкви:—моли возлюбленнаго Сына своего и Бога нашего о соединеніи всѣхъ насъ въ единонераздѣльное стадо Его, дабы мы всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ исповѣдывали и прославляли Святое имя Бога Отца, Сына и св. Духа—Тройцу единосущную и нераздѣльную. Аминь.

Лит. Еп. Внд.

ФЕОДОРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПИНСКѢ.

(эпизоды латино-польской пропаганды).

Въ самомъ началѣ настоящаго вѣка старожилы Пинска и его окрестностей возобновляли въ своихъ обычныхъ разговорахъ, „что въ давно минувшія времена изъ Кіева летѣли три святцы, изъ коихъ одинъ упалъ въ Туровѣ, другой сѣлъ въ Пинскѣ, на мѣстѣ гдѣ скоро соорудилъ церковь Феодоровскую, при которой въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ похоронялись пинскіе удѣльные князья и ихъ семейства, а также духовные и міряне, доказательствомъ чему служить камень, положенный за алтарною частью, обращенной къ юго-востоку, уже вросшій въ землю, называвшійся камнемъ княжнимъ; а третій святець полетѣлъ въ Коломею, что нынѣ городъ въ Галиціи.“ Двухъзнаменная басня эта, сливая вымыселъ съ истиной, наводитъ на мысль, что первый проповѣдникъ христіанскаго ученія прибылъ въ Пинскъ изъ Кіева, да и по преданію народному первый храмъ пинскій св. Феодора Тирона принадлежитъ благочестивой ревности великаго князя кіевскаго Владиміра. По сказанію перваго русскаго лѣтописца, преподобнаго Нестора, Пинскъ былъ уже въ 1097 году отъ Р. Хр. Если бы въ это время у пинскихъ руссовъ было кумирслуженіе, то онъ о пинянахъ и не упомянулъ бы. Несторъ жилъ между 1056 и 1116 годами. Князь пинскій Федоръ Ивановичъ Ярославичъ съ княгинею своею Еленою на церковь пинскую св. великомученика Феодора Тирона по седмой тысячи 26 года, индикта 6, то есть въ 1518 г. 18-го февраля, надалъ два дворища въ селѣ Кипятичахъ, Дѣдовщину и Куликовщину. Этой княжеской грамоты списокъ находится нынѣ въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ книгѣ пинскихъ привилегій, на 17 стр. Федоръ Тиронъ, съ древнихъ до нашихъ временъ, покровитель и защитникъ Пинска. При пинской Феодоровской церкви, по

преданію, съ самаго ея основанія, было братство, занимавшееся сборомъ сладочныхъ денегъ, расходомъ оныхъ на надобности церкви и содержаніе школы и богадѣльни, и въ этомъ отчетъ давало только своему обществу. Это братство всегда заботилось о нравственномъ и религіозномъ образованіи молодежи духовной и свѣтской. Изъ воспитанниковъ пинской братской школы, какъ говоритъ преданіе, были рукополагаемы во священники въ Туровѣ, Пинскѣ и въ Кіевѣ, а нѣкоторые изъ нихъ занимались письменными дѣлами въ пинскомъ замковомъ управленіи откуда иногда высылались въ варшавскую королевскую канцелярію для составленія бумагъ, относящихся къ сѣверо-западной Руси. Употребленіе русскаго языка въ судопроизводствѣ отмѣнено въ Литвѣ въ 1697 г.

Въ первую люстрацію г. Пинска, мѣстечекъ, сель и деревень, приписанныхъ къ замку пинскому, въ 1522 году начатую и оконченную въ 1554 году, королевскіе люстраторы отняли отъ священниковъ *восми пинскихъ церквей* пахатныя земли, лежащія въ городской чертѣ; при Феодоровской же церкви оставили ея земли, огороды и плацы. Въ 1593 году, 9 октября священникомъ Феодоровской церкви былъ Андрей Яковлевичъ, имѣвшій церковныхъ подданныхъ, жившихъ на церковной землѣ возлѣ восточныхъ городскихъ воротъ.

Въ 1648 году, католики и уніаты, поднявъ противъ православныхъ жителей Пинска и его окрестностей такія гоненія, что страшно о нихъ и вспомнить, — сожгли 7 православныхъ церквей, кой уже и не отстраивались. Два дня горѣлъ Пинскъ, безпрестанно поджигаемый. Поляки неистовствовали, жители разбѣжались. Весь Пинскъ опустѣлъ внезапно. Феодоровская церковь уцѣлала и не отдава на уніатское богослуженіе.

Въ 1685 году священникомъ пинской Феодоровской церкви Мойсеемъ Ждановичемъ проданы два огорода, лежав-

шіе въ городской чертѣ при Кошевлѣ пинскимъ мѣщанамъ, Колбовичу и Порѣцкому.

Въ 1722 году сильнѣйшимъ оплотомъ для православія было братство пинской Θεодоровской церкви и братство пинскаго Богоявленскаго монастыря, вполнѣ сознавшія правоту своего дѣла, когда уніатской бискупъ пинскій и луцкій Симонъ Рупіевскій Годабскій, съ помощью канцлера Вишневецкаго и фанатиковъ, забралъ насильно на унію около двадцати тысячъ прихожанъ православнаго исповѣданія съ ихъ церквами и запечаль пинскую Богоявленскую и Θεодоровскую церкви, которыхъ прихожане отстояли неистовые нападки латинства и уніи и церквей своихъ не отдали на уніатское богослуженіе. Коммисарь Императора Петра I Рудаковскій лично возвратилъ православнымъ Пинска обѣ сказанныя церкви, запечанныя врагами православія; съ этого времени Θεодоровская церковь перестала быть самостоятельною и причислена къ пинскому Богоявленскому монастырю. Рукъ Провидѣнія, не взирая на ревностную заботливость католиковъ и уніатовъ стереть съ этихъ церквей всѣ малѣйшіе слѣды православія, не допустила истребиться православію въ самомъ Пинскѣ. Когда въ 1793 году 27 марта, Пинскъ былъ присоединенъ къ Россійской Имперіи, оставались въ немъ только двѣ православныя церкви, Богоявленская и Θεодоровская, но когда въ 1797 году пинскій Богоявленскій монастырь съ церковью сгорѣлъ, осталась только церковь Θεодоровская въ Пинскѣ, при которой продолжали хоронить усопшихъ православныхъ, а равно и на погостѣ кладбищъ сгорѣвшей Богоявленской монастырской церкви до 1810 года, въ теченіи котораго было назначено мѣсто въ полѣ подъ православное кладбище, на которомъ и нынѣ хоронятъ усопшихъ. За погребеніе при пинскихъ церквахъ платили по обычаю, завѣщанному предками потомкамъ, покладное въ пользу церквей, слѣдовательно сказанныя достопамятныя мѣста навсегда при-

надлежать древле-православнымъ прихожанамъ пинскаго собора, а не причту его. Феодоровская церковь, едва державшаяся отъ ветхости, по распоряженію мѣстнаго епархіальнаго начальства была въ 1836 году запечатана, а въ 1836 году разобрана.

Когда въ самомъ началѣ 1857 года причтъ пинскаго Феодоровскаго собора возымѣлъ желаніе отдать Феодоровскій погостъ—священное мѣсто пинскимъ евреямъ въ арендное содержаніе, на прошеніе древле-православныхъ Пинска послѣдовала 20 марта 1857 г. революція его высокопреосвященства: „уваженіе прихожанъ къ мѣсту, на которомъ хранились православные и на которомъ находилась святыня, весьма похвально.“ Въ силу письменной жалобы прихожанъ пинскаго Феодоровскаго собора отъ 23 января 1865 года, святѣйшій правительствующій синодъ объявилъ чрезъ минское губернское правленіе, что онъ препятствія къ приобрѣтенію просителями, дозволенными закономъ способами, средствъ къ построенію часовни на Феодоровскомъ погостѣ своей стороны не встрѣчаетъ. Синодальный указъ отъ 28 іюля 1865 года объявленъ православнымъ г. Пинска 29-го августа 1865 года.

Свѣдѣнія для исторіи Феодоровской церкви можно собрать изъ литовскихъ метрикъ большой и малой, хранящихся въ архивахъ третьяго департамента правительствующаго сената, или просмотрѣть списки изъ нихъ, хранящіеся въ варшавскомъ коронномъ архивѣ и заглянуть въ старинныя бумаги Пинска, увезенныя въ 1847 году въ Житомиръ и въ Кіевъ, а также въ виленскомъ центральномъ архивѣ, куда, кажется, въ 1852 году, отправлены остатки пинскихъ старинныхъ архивовъ.

Въ дополненіе помѣщенной выше замѣтки о пинской Феодоровской церкви считаемъ необходимымъ прибавить

слѣдующія интересныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ разныхъ документовъ.

1., Февраля 1627 года возные пинскаго уѣзда подали для записи въ городскіе книги заявленіе о томъ, что они, бывъ посланы уніатскимъ епископомъ Григоріемъ осмотрѣть Феодоровскую церковь, запечатанную и состоявшую, якобы, подъ *юрисдикціей* (вѣдомствомъ) названнаго епископа, нашли оную отворенной и въ ней какого-то священника Камипекаго, отправлявшаго богослуженіе въ присутствіи множества пинскихъ мѣщанъ. Объ этомъ фактѣ донесено, какъ о преступленіи. (а)

2., Въ томъ же году 5 марта епископъ Григорій выхлопталъ у короля Сигизмунда III приказъ пинскимъ православнымъ мѣщанамъ, чтобы они, подъ опасеніемъ уплаты 5 тысячъ копъ грошей, не смѣли самовольно распоряжаться церквами, укрывать и защищать въ своихъ домахъ поповъ, непослушныхъ епископу, а напротивъ должны выдавать ихъ и оказывать помощь къ преслѣдованіямъ и наказаніямъ. (б)

3., За самовольное дозволеніе пинскимъ старостою заборажскимъ служить въ церкви св. Феодора, запечатанной уніатами, король Сигизмундъ позывомъ 9 іюня 1629 г., велѣлъ ему явиться въ королевскій судъ на объясненіе. (в)

4., 6 августа 1631 г. епископомъ и капитулою уніатскими Феодоровская церковь была совершенно отобраена у пинскихъ православныхъ мѣщанъ со всѣмъ ея имуществомъ, отчета приложеннаго къ донесенію вознаго Андрея Сачковского, видно, что церковь имѣла 51 образъ, изъ нихъ 10 съ серебрянными украшеніями. (г)

5., 16 марта 1633 г. король Владиславль IV данною въ

(а) Вѣстникъ Западной Россіи 1868 г. кн. 5.

(б) Тамже.

(в) Тамже.

(г) Тамже.

Кравковъ грамотою *возвратилъ* православнымъ (неуніатамъ) по одной церкви—въ Брестъ Рождество-Богородичную, и въ Пинскъ въ имя св. Федора Тирона. Обстоятельство это бы о вызвано, какъ видно изъ означеннаго же документа, необходимостью „*примиритъ людей религіи греческой неунитовъ съ людьми религіи греческой въ униі съ костеломъ св. римскимъ пребывающими*“. Упомянутыя три церкви велѣно было возвратить православнымъ при посланномъ отъ короля дворянинѣ Федорѣ Корсакѣ; при чемъ вообще запрещалось препятствовать свободному отправленію православнаго богослуженія, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться *ласки* королевской. (д)

6. Когда же Федоръ Корсакъ, прибывши въ Пинскъ, (е) 14 мая 1633 г., имѣлъ намѣреніе передать Феодоровскую церковь православнымъ мѣщанамъ, уніатское духовенство возбраняло эту передачу, указывая Корсаку на королевскія привилегіи, которымъ названная церковь взята у мѣщанъ и навсегда отдана пинской (уніатской) епископіи, а также и на то, что православные въ пинской епархіи въ различныхъ мѣстахъ могутъ свободно отправлять богослуженіе, что мѣщане-бурмистръ, радцы, лавники и простой народъ, представивъ дѣло въ ложномъ видѣ, будто они не имѣютъ возможности свободно отправлять свое богослуженіе въ Пинскѣ, несправедливо выпросили у короля эту церковь чрезъ упомянутаго Корсака. Послѣдній, принявши отъ уніатскаго духовенства предъявленные привилегіи, не передалъ православнымъ церкви тогоже 14 мая, а между тѣмъ, когда уніатскій священникъ пришелъ на дру-

(д) Древніе грамоты и акты, собранныя въ 1848 году особою комиссіею въ городскихъ архивахъ и монастыряхъ Минской губ.

(е) Въ оглавленіи документа, помѣщеннаго въ 11 кн. Вѣстника Западной Россіи за 1868 г., откуда заимствованы настоящія свѣдѣнія, вкралась ошибка. Составленіе документа отнесено здѣсь къ 1632 г., тогда какъ изъ самаго содержанія этого документа видно, что онъ составленъ въ 1633 году.

гой день въ 3 часу ночи для совершенія богослуженія, увидѣлъ, что церковныя ворота и церковь отперты и въ церкви засталъ мѣщанъ и православныхъ священниковъ Каминскаго и Тимофѣя Аввокумовича, совершавшихъ богослуженіе. О такомъ незаконномъ, по мнѣнію уніатовъ, поступкѣ и передатѣ церкви, базильянской монахъ Неофитъ Фрикъ; по порученію епископа, намѣреваясь начать судебное дѣло съ Корсакомъ, подалъ протестъ въ пинскій городской судъ. (ж)

7. 18 іюля 1636 г., тѣмъ же королемъ Владиславомъ издано было въ Вильнѣ повелѣніе во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Великаго Княжества Литовскаго раздѣлить церкви между православными и уніатами соразмѣрно числу прихожанъ. (з)

8. Въ 1648 г., возный пинскаго уѣзда Федоръ Высоцкій свидѣтельствовалъ сборщику податей Ольшевскому, что во время мятежа, бывшаго въ томъ году въ Пинскѣ, бурмистры, радцы (совѣтники), лавники (засѣдатели судейскіе) и посполство (общество) поутекали изъ города, а нѣкоторые убиты, такъ что въ Пинскѣ осталось только малая часть жителей. (и)

9. Въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ 2 декабря 1656 года помѣщицею пинскаго уѣзда, имѣнія Жабчиць, Софьей Пекарской-Володковичевой, между прочимъ, упоминается, что въ пользу Феодоровской пинской церкви она пожертвовала, съ вѣдома отцовъ пинскаго братства, для отправленія по ней впослѣдствіи сорокоуста, разныя серебряныя-вызолоченныя вещи, какъ то: велихъ (чашу), патышу (дискось), гвяду (звѣздицу) и лыжку (лжицу). Это доказываетъ, что церковь св. Феодора пользовались усер-

(ж) Вѣст. Зап. Россіи 1868. г. кн. 11.

(з) Древніе грамоты и акты, собранныя въ городскихъ архивахъ и монастыряхъ Минской губерніи.

(и) Тоже.

діемъ не однихъ только своихъ прихожанъ. Достойно также замѣчанія упоминаемое здѣсь распоряженіе Володковичевой. Внукъ ея, Петръ Маскевичъ, по смерти своего отца, принялъ римско-католическую вѣру. Опасаясь, чтобы онъ не обратилъ приходскую жабницкую церковь въ костелъ и особенно въ уніатскій храмъ, она предостерегаетъ его, что церковь построена и снабжена всѣми необходимыми принадлежностями усердіемъ дѣда его, Ивана Маскевича, который на крестѣ и на кадилѣ написалъ собственной рукою проклятіе на всякаго, кто бы рѣшился обратить оную церковь на иновѣрческое богослуженіе, и что если онъ забудетъ и нарушить завѣщаніе дѣда, то и она сама, Володковичева, призываетъ на него съ неба означенное проклятіе, (i)

10. 18 іюня 1661 г. король Іоаннъ-Казимиръ выдалъ духовейству и православнымъ жителямъ пинскаго уѣзда заручный листъ, которымъ было запрещено уніатскому епископу Андрею Злотому Квасинскому самовольно забирать православныя церкви, принуждать къ принятію уніи, привлекать подъ свою власть духовныхъ особъ неунитовъ и требовать себѣ отъ нихъ повиновенія. (к)

11. Подобный же заручный листъ данъ королемъ Іоанномъ III 20 іюня 1676 г. православнымъ помѣщикамъ пинскаго уѣзда противъ епископа Мартина Бѣлозора, желавшаго забрать новую полотическую церковь, построенную вмѣсто прежде обращенной въ уніатскую, и угрожавшаго лишить жизни протоіеря Мирона Турчиновича. За нарушение этой королевской грамоты епископъ обязывался уплатить штрафъ въ 10,000 копъ литовскихъ, изъ коихъ одна половина назначилась въ пользу обиженныхъ, а другая въ казну. (л)

(i) Тоже.

(к) Тоже.

(л) Тоже.

12: Въ 1700 г. староста православнаго Богоявленскаго монастыря въ Пинскѣ, Степанъ Шоломицкій, отъ имени всего братства, писменно жаловался кievскому митрополиту на притѣсненія со стороны уніатовъ и просилъ его до-нести *пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему его царскому величеству*, дабы для защиты ихъ отправилъ на пред-стоящій сеймъ своего п. сла. При семъ Шоломицкій при-совокупилъ, что и пинскіе православные жители выпра-вить отъ себя депутатовъ на этотъ сеймъ. Въ другомъ же документѣ 1701 г. видно, что дворяне пинскаго уѣзда, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, до приступленія къ выборамъ депутатовъ на сеймъ, хотя и требовали включенія въ инструкцію нѣкоторыхъ пунктовъ *о незабираніи церквей, неотягощеніи монастырскихъ имѣній и непреслѣдованіи православія*, но требованіе ихъ католиками и уніа-тами не было принято, на что составленъ 12 мая тогоже года протестъ, предьявленный въ Брестѣ. Число подпи-савшихся къ сему протесту простирается до 80 человѣкъ. (м)

13. Игуменъ Богоявленскаго пинскаго монастыря позвалъ уніатскаго епископа Теофила Годабскаго за то, что онъ за-бралъ много вещей изъ Богоявленскаго монастыря и изъ Феодоровской церкви, также евангеліе въ богатомъ окладѣ, въ 1000 золотыхъ польскихъ, пожертвованное новодворскому монастырю фельмаршаломъ Борисомъ Шереметьевымъ. (н)

14., Игуменъ тогоже монастыря Теофанъ Яворскій, послѣ пожара, бывшаго въ Пинскѣ въ 1758 году и испе-нелившаго церковь св. Феодора Тирона и многія монастыр-скія строенія, испросилъ у короля Августа III разрѣшеніе на возобновленіе Феодоровской церкви и строеній, бывшихъ прежде на монастырскихъ плацахъ. Онъ же судился съ уніатскимъ лецинскимъ архимандритомъ Кипріаномъ Бул-

(м) Тоже.

(н) Историко-статистическое описаніе минской епархіи, архи-мандр. Николая стр. 146.

гакомъ, по наущенію котораго уніаты остригли ему голову и бороду, и жаловался на епископа Григорія Булгака и подчиненное ему уніатское духовенство за то, что пинскіе уніаты сажаютъ православныхъ мѣщанъ въ тюрьмы, силою совращаютъ въ унію и отнимаютъ кружки у людей, собирающихъ деньги на православныя церкви. (о).

и 15. 17 декабря минувшаго 1868 года, по распоряженію г. начальника губерніи, въ Пинскѣ розыскивали старый фундаментъ Феодоровской церкви и на мѣстѣ гдѣ былъ престолъ найденъ булыжный камень, потомъ нѣсколько обыкновенныхъ кирпичей, далѣе кирпичная плита, а подъ нею мѣдная доска, величиною въ квадр. четверть аршина, лежавшая на кругломъ, отдѣланномъ камнѣ, на которомъ высѣченъ крестъ. Доска эта была положена при закладкѣ возобновленной церкви св. Феодора, что видно изъ слѣдующей сохранившейся на ней надписи славянскими буквами:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основася церковь сія вчесть и память святаго великомученика Феодора Тирона при благополучномъ государетвованіи вросіи благовѣрніа государыны императрицы елисаветъ петровны; вполщѣ же великодержавнаго короля августа третіаго за его королевскимъ привилегіемъ благословеніемъ преосвященнѣйшаго киръ арсенія митрополита киевского азаигуменства благочестивомъ пѣнскомъ богоявленскомъ монастырѣ вчестнаго отца Теофана Яворскаго тщаніемъ иждивеніемъ состоящаго воблагочестивой христіанской греческой вѣри пѣнскаго братства. 1760 года мѣсяца іюнія дня 9.

Означенная надпись, кромѣ свидѣтельства о времени возобновленіи Феодоровской церкви средствами братства богоявленскаго монастыря, доказываетъ, что въ прежнее время православные назывались въ здѣшнемъ краѣ *благочестивыми*. Въ настоящее время мѣдная доска находится у

(о) Тамже стр. 148.

начальник губерніи, и въ скоромъ времени она будетъ послана въ виленскій музей.

Изъ этого краткаго отерка нельзя не убѣдиться, что разобранная церковь Ѳеодоровская есть одинъ изъ памятниковъ западно-русской старины, который еще такъ недавно служилъ живымъ подтвержденіемъ истины, что Пинскъ, составляя древнее достояніе Россіи, отъ эпохи введенія въ ней христіанства, былъ однимъ изъ пунктовъ, гдѣ господствовала православная вѣра - уничтоженіе въ г. Пинскѣ многихъ православныхъ храмовъ и доведеніе Ѳеодоровской церкви до совершеннаго разрушенія, есть печальное послѣдствіе борьбы православія съ латинствомъ. Возстановленіе храма св. Ѳеодора было бы здѣсь полнымъ торжествомъ православія; нѣтъ сомнѣнія, что русскія люди позаботятся, при первой возможности, о возстановленіи этого древняго памятника православія. Но пока мысль эта осуществится, съ грустною думою пройдетъ не одинъ еще русскій человѣкъ, въ г. Пинскѣ, мимо площадки, гдѣ стоялъ храмъ св. Ѳеодора. Площадка эта обнесена небольшимъ деревяннымъ заборомъ, за чертою котораго, въ былыя времена, совершалось такъ много историческихъ событій въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, тяготѣвшихъ надъ русскою разрозненною землею.

Опустѣлая площадка эта съ одинокимъ камнемъ, сохранившимъ и по нынѣ въ народѣ названіе „Княжьяго“ есть замѣчательный уцѣлевшій памятникъ старины православно-русской въ сѣверо-западномъ краѣ. И здѣсь, въ древнемъ Пинскѣ, совершились не одна изъ тѣхъ потрясающихъ драмъ, которыхъ современное описаніе сохранено для потомства между прочимъ Георгіемъ Конинскимъ... „Когда я о такихъ насиліяхъ (т. е. о насильномъ завладѣніи православными церквами), пишетъ Конинскій, коро-

лю въ Варшавѣ въ 1765 году доносили, то, въ то самое время получилъ изъ Могилева извѣстiе объ отнятiи миссiонерами iезуитскими, въ м. Лозовицахъ, близъ Мстиславля, резиденцiю свою имѣющими, подлѣ церкви нашей въ околицѣ Осмоловицахъ. И съ какимъ коварствомъ она отнята. Близъ той смоловицкой церкви поставили они, лозовицкiе миссiонеры, свою маленькую, до которой въ день зачатiя Богоматери въ большой толпѣ учинили крестный ходъ. Миссiонеръ ксендзъ Терлецкiй несъ въ рукахъ крестъ деревянный, и кода они на оную церковь осмоловицкую напали, а православные однодворцы, шляхта мужеска и женска помя отъ нападенiя онаго оборонились въ томъ замѣшательствѣ помянутый ксендзъ Терлецкiй, нарочито упавъ, сломилъ поперечникъ несомого имъ креста, и тотчасъ вскричалъ: „Схизматики руку Христу отломили.“ Съ симъ крестомъ когда явился онъ въ судъ мстиславскiй, крича о томъ самомъ Христоубiйствѣ, то и опредѣлено явиться благочестивымъ однодворцамъ, болѣе нежели 70 человекамъ, въ судъ по такому уголовному дѣлу. Шляхта, сiи убоги и едва который изъ нихъ грамотѣ умѣющiй, убоявся, разбѣжались изъ домовъ по лѣсамъ и болотамъ во время самыхъ сильныхъ морозовъ. Судъ за неявку ихъ къ отвѣту, опредѣлилъ ловить ихъ и лютейшею смертию, т. е. четвертя, казнить. По такому опредѣленiю собралось тотчасъ нѣсколько сотъ охотниковъ съ собаками ловить убѣжавшихъ, изъ коихъ иные найдены, другiе сами, невостерпѣвъ больше трехъ дней холода и голода въ лѣсахъ и болотахъ явились въ судъ, гдѣ угрожаемы были помянутымъ безчеловѣчнымъ опредѣленiемъ до тѣмъ перъ, пока одни изъ нихъ въ римскiй законъ, другiе въ унию вступить согласились; церковь же ихъ осмоловицкую тѣ же миссiонеры, тогда же подославъ ночью зажигателя, сожгли.“

Мин. Губ. Вѣд.

ОТЪ Г. ПИНСКА ДО Г. НОВОГРУДКА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

I.

Минуло невыносимо - знойное лѣто. Наступила осень. Вотъ уже и половина сентября, а между тѣмъ погода стоитъ прелестная, вовсе не сентябрьская. Небо безоблачно, дни свѣтлые, ясные, теплые. А ночью во всемъ великолѣпіи является луна и своимъ свѣтомъ всей природѣ придаетъ какую-то волшебную - очаровательную прелесть. Да, прекрасна была въ этомъ году осень. Старожилы, и не припомнятъ подобной осени.

Спѣшите же, обитатели пинскихъ равнинъ, наслаждаться природою, которая здѣсь такъ рѣдко являетъ свою красоту. Скоро, быть-можетъ, надъ пинскими болотами начнутъ подыматься густые и холодно-сырые туманы; пойдутъ дожди, разрыхлѣетъ почва, улицы сдѣлаются непроходимыми, вся природа тогда приметъ видъ угрюмой, наводящей на душу тоску и уныніе, которыя такъ свойственны пинской мѣстности.

И я, воспользовавшись нѣсколькими днями свободы, предпринялъ недалеую поѣздку и рѣшаюсь подѣлиться съ читателями хоть немногими и небогатыми по содержанию замѣтками, сдѣланными мною по пути отъ г. Пинска до г. Новогрудка. Дѣлюсь чѣмъ богать, пока не найдется чего-либо лучшаго. И такъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, далѣе въ путь.

Вотъ мы проѣхали первую и вторую почтовую станцію *Иванисовку* и *Лыцу*, и находимся на станціи *Бобриктъ*; въ 53 верстахъ отъ Пинска. На этомъ пространствѣ изрѣдка попадаются то небольшіе песчаные холмы, то заросли и рощи по болотамъ и берегамъ ручьевъ, то болота и лѣса, прерываемые пахатными полями. Отъ *Бобрика* мѣстность принимаетъ иной видъ. Начинаются лѣса, которые не-

прерывною сплошною массою тянутся на разстояніи 64 верстъ до самой станціи Синявки, лежащей на шоссеиномъ трактѣ изъ Бреста въ Бобруйскъ. Дорога идетъ по совершенно ровной мѣстности, на которой не попадаетъ ни одного пригорка, ни одного холма, до такой степени ровной и гладкой, что не будь этихъ лѣсовъ, изъ Бобрика можно было бы видѣть Синявку черезъ 64-верстное пространство, ихъ отдѣляющее. Такой видъ этой мѣстности даетъ основаніе думать, что все это пространство въ отдаленныя времена было подъ водою. Когда воды сошли и уменьшились, образовалось обширное болото, какія еще и теперь занимаютъ неизмѣримыя пространства въ разныхъ мѣстахъ минской губерніи. Прошли еще вѣка и въ нихъ воды стали уменьшаться, болота по немногу осушались и покрывались болотными вустарниками, зарослями, а впоследствии времени и лѣсами, продолжающими существовать и по настоящее время. Поразительное и ужасающее зрѣлище представляютъ исполинскія массы горъ, мощною силою выдвинутыя изъ нѣдръ земли на ея поверхность, взлетѣвшія на воздухъ и застывшія гранитомъ; не менѣе удивительное зрѣлище представляетъ мыслящему наблюдателю и эта молчаливая и на первый взглядъ скучная своимъ однообразиемъ равнина. И тутъ, какъ и тамъ, видна многовѣковая непрерывная работа мощной природы.

Въ лѣсахъ этихъ обитаетъ множество дичи всякаго рода. Тутъ водятся *дикіе кабаны*, *дикія козы*, *лоси* и пр., тутъ же есть разныя крупныя и мелкія птицы, какъ напр. *глухари*, *рябчики* и пр. Стада *тетеревей* постоянно попадаютъ по дорогѣ на березкахъ, на которыхъ они, какъ видно, находятъ пріятную для себя пищу. По временамъ появляются въ этихъ лѣсахъ и *медведи*, которые въ качествѣ незваныхъ посѣтителей заходятъ сюда, быть можетъ, даже изъ Бѣловежской пуши. О своемъ появленіи они даютъ знать крестьянамъ сбрасываніемъ ульевъ и вы-

дираніемъ изъ нихъ пчель, съ такъ называемыхъ *станковъ*, устраиваемыхъ на большихъ соснахъ. Такъ рассказывали мнѣ, что въ половинѣ нынѣшняго сентября около деревни *Хотыничъ* и станціи *Буды* въ нѣсколькихъ мѣстахъ медвѣди поскидывали и пораздирали ульи съ пчелами. Не рѣдко также появляются здѣсь и *волки* стадами. Они нападаютъ не только на домашній скотъ, но часто заѣдаютъ и лосей. Такъ въ прошломъ году найдены были остатки пяти лосей, задавленныхъ волками. Цѣлыми десятками истребляютъ волковъ охотники, какъ опасныхъ и вредныхъ животныхъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, если вѣрить рассказамъ, помѣщикъ Н. убилъ ихъ 20, а въ лѣсахъ кн. Радзивилла до 75.

Въ благоприятное лѣто въ лѣсахъ этихъ обильно родятся *грибы* и *ягоды* разнаго рода (земляника, малина, черника, клюква, брусника, калина и проч.). Трудолюбивый крестьянинъ отъ сбора ихъ можетъ выручить порядочную копейку. Грибы сушатъ и для своего употребленія и для продажи; рыжики большею частью употребляютъ въ пищу свѣжіе и порядочно ихъ солить для долгаго сохраненія, кажется, не умѣютъ; по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ они попадаютъ здѣсь рѣдко. Ягоды, особливо чернику также сушатъ на болѣе продолжительное сохраненіе и для продажи. Соку изъ клюквы, напимѣръ, и другихъ ягодъ не выдѣлываютъ и онъ здѣсь не попадаетъ. При умѣньи это также могло бы составить немаловажную статью дохода въ бюджетѣ крестьянина здѣшнихъ мѣстъ.

Главное мѣсто сбыта этихъ лѣсныхъ произведеній деревня *Хотыничъ*, а еще болѣе м. *Логшинъ*. Впрочемъ отъ зоркаго глаза еврея - барышника нигдѣ ничто не укроется. Они шныряютъ по деревнямъ и усадьбамъ, отыскиваютъ и закупаютъ у крестьянъ всѣ запасы и перепродаютъ потомъ по такимъ цѣнамъ, какія имъ угодно назначить. Нигдѣ и ни въ чемъ безъ нихъ обойтись невоз-

можно; все приходится получать черезъ ихъ руки. Почему бы, кажется, между самими крестьянами не найдись такому предприимчивому и сметливому промышленнику, который бы могъ заняться покупкою и перепродажею подобныхъ предметовъ. При знаніи и умѣніи вести свои дѣла такой промышленникъ не остался бы въ убыткѣ. Нынѣшнее лѣто было неблагопріятно для сбора грибовъ, которыхъ, по словамъ крестьянъ, родилось очень мало въ сравненіи съ прежними годами. Евреи закупили, гдѣ могли, скудные запасы у крестьянъ и препродаютъ — грибы по 35 коп., сушенныя ягоды по 15 к. и болѣе за фунтъ.

Должно полагать, что *пчеловодство* также составляетъ немаловажный предметъ занятій для обитателей этой лѣсистой страны, судя по часто попадающимся даже при самой дорогѣ ульямъ, размѣщеннымъ на соснахъ на особо устроенныхъ для того станкахъ. Къ сожалѣнію, объ этой важной и очень интересной отрасли сельскаго хозяйства не удалось мнѣ этотъ разъ собрать подробныхъ и болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній.

2.

За почтовою станціею *Синявкой* мѣстность, доселѣ скучная своимъ однообразіемъ, вдругъ перемѣняется и принимаетъ болѣе веселый и пріятный видъ. Лѣса кончились и передъ вами открывается обширное, необозримое пространство. Поверхность представляетъ то возвышенія, пригорки и холмы, то глубокія, зеленѣющія долины. Въ отдаленіи разстилаются, какъ бархатные ковры, прекрасные оживые всходы, обѣщающіе хорошій урожай на будущее лѣто. Мѣстами виднѣются деревни, которыя то робко выглядываютъ изъ-за небольшихъ лѣсовъ, то вдругъ прячутся въ зеленѣющихъ рощахъ. Передъ вами почтовая дорога тянется нескончаемою лентою, извиваясь по возвышеніямъ и пригоркамъ. Съ одной и другой стороны ея сто-

ять стройнымъ рядомъ красивыя *березки*, которыя въ проѣздѣ то взбѣгаютъ передъ вами на горки, то вдругъ опускаются внизъ въ долины. Каждая изъ нихъ наряжена въ кудри, которыя яркимъ золотистымъ цвѣтомъ блестятъ на ясномъ осеннемъ солнцѣ. Изрѣдка межъ ними мелькнетъ *сосна* и *ель* въ темно-зеленаго цвѣта бархатномъ нарядѣ, который носятъ онѣ не по послѣдней модѣ, какъ наши красавицы, а по модѣ, которой придерживаются онѣ тысячи, а можетъ быть, и сотни тысячъ лѣтъ. Природа не такъ переменчива и прихотлива на моды, какъ люди: законы ея вѣчны, неизмѣнны. А вотъ между березками вспыхнула яркимъ румянцемъ, какъ деревенская красавица, и *рябина*. Дрозды и прочая лѣсная дичь налетѣли на нее стадою и она мгновенно лишилась и своего румянца, и всей своей прелести..... Все въ природѣ прекрасно и торжественно. А между тѣмъ осень, какъ она ни прекрасна, навѣваетъ на душу какое-то неопредѣленно-упылое чувство, въ которомъ невозможно дать себѣ яснаго отчета. Невольно душа возносится къ небу тихою, безмолвною молитвою безъ звука и словъ.

Вотъ наконецъ и м. *Несвижъ*. При вѣздѣ въ него прежде всего представляется взору вашему старинный замокъ съ высокою башнею, на которой еще и теперь паритъ одноглавый орелъ. Это давняя резиденція князей Радзивилловъ несвижскихъ замокъ стоитъ на возвышеніи, обведенъ кругомъ очень высокими земляными валами, на которыхъ нѣкогда стояли пушки. За валами находится глубокий ровъ, который наполнялся водою изъ тутъ же находящагося озера, въ которое впадала небольшая рѣчка. Изъ мѣстечка въ замокъ черезъ озеро проведена была длинная плотина. На ней находился нѣкогда сводный на цѣпяхъ мостъ, который въ нужныхъ случаяхъ разнимался и замокъ дѣлался неприступнымъ, какъ крѣпость.

Въ замкѣ, гдѣ прежде кипѣла бурная жизнь и шумное

веселье, теперь все тихо и спокойно. Въ немъ живутъ только официалисты нынѣшняго владѣльца. Множество комнатъ совершенно пусты. Между замѣчательностями въ замкѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе любопытныхъ посѣтителей *портретная галлерей* фамиліи князей Радзивилловъ. *) Портреты во весь ростъ, иные даже больше настоящей величины, развѣшаны по стѣнамъ пустыхъ комнатъ верхняго и нижняго этажей. Всѣхъ портретовъ, находящихся на виду больше 210. Между портретами всѣхъ кн. Радзивилловъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, тутъ есть и портретъ короля Сигизмунда I, и Владислава Ягеллы (послѣдній очень хорошо сохранился и вѣроятно новѣйшей работы) и Понятовскаго; также портреты Жолкевскаго, Григорія Ходкевича (основателя православныхъ церквей), Льва Сапѣги, епископа виленскаго Протасевича и мн. др. Тутъ есть и портреты кievскихъ митрополитовъ *Петра Могилы* (№ 135) и Жоховскаго. Между Радзивиллами является благодушный и короткій ликъ князя *Константина Острожскаго* (№ 77), знаменитаго ревнителя право-

*) Когда вы глядите изъ оконъ замка, котораго залы украшены фамильными портретами прежнихъ владѣльцевъ въ яркихъ польскихъ костюмахъ—на внутренній дворъ, вымощенный дикимъ камнемъ, и вашъ доморощенный чичероне повѣстствуетъ вамъ, что здѣсь, въ торжественные дни, или передъ войною, собиралось когда-то войско князей Радзивилловъ; когда онъ указываетъ на темницы (подвалы) и по нынѣ частью уцѣлѣвшія,—воображеніе живо рисуетъ передъ вами отжившую эпоху владычества «рѣчи посполитой», съ ея беспокойными магнатами, шляхтой и религиозными преслѣдованіями, подъ покровомъ иезуитизма;—съ ея сеймиками; съ ея историческимъ Veto (*nierozwalam*), которое какъ бы и по нынѣ слышится подъ сводами старинныхъ залъ одного изъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ рѣчи посполитой, и наконецъ—съ этимъ роковымъ *memento mori; finis poloniae!* впервые пророчески произнесенныхъ лучшимъ изъ людей Польши: Костюшкою.

Въ замкѣ имѣется то же Библіотека съ фамильными и другими актами князей Радзивилловъ. Къ сожалѣнію библіотека эта доступна только для избранныхъ: теперь занимаются ея разборомъ по порученію владѣльца.

славія во времена тяжелой и трудной борьбы его съ унией, и сына его Александра. Въ большой парадной залѣ выставлены двѣ картины огромныхъ размѣровъ — во всю длину и высоту стѣнъ. Одна изъ нихъ представляетъ возведеніе одного изъ предковъ Радзивилловъ въ княжеское достоинство; другая предслагаетъ одного изъ Радзивилловъ въ качествѣ гетмана командующимъ военными дружинами всей Литвы.

Внизу, при входѣ въ домовую капеллу, хранятся 21 старинныя пушки. Нѣкоторыя изъ нихъ очень велики, имѣютъ до 2 сажень длины и отлиты изъ отличной мѣди. Наибольшая между ними—это пушка Яна Собѣскаго, недавно найденная гдѣ то въ землѣ. На ней означенъ 1692 годъ. Нѣсколько изъ нихъ отличаются красивою отдѣлкою и особенно изящною рельефною рѣзбою.

Въ р-католическомъ костелѣ, который стоитъ на краю м. Несвижа по дорогѣ въ замокъ; находятся *гробы князей Радзивилловъ*. Вся внутренность этого костела, стѣны и потолки, расписаны яркихъ цвѣтовъ живописью для прежняго времени очень красивою и изящною. Подъ зданіемъ идутъ подземелья и склепы со сводами. Слабый лучъ свѣта только изрѣдка проникаетъ въ это уединеніе. Тамъ въ волшебномъ полумракѣ при могильной тишинѣ тлѣютъ кости князей Радзивилловъ въ богатыхъ гробницахъ, которыя опущены въ дубовыя гробы. Всѣхъ гробовъ находится здѣсь до 80 большихъ, и нѣсколько малыхъ, дѣтскихъ. Большая часть гробовъ заколочены наглухо, но нѣсколько изъ нихъ открываются. Вотъ напр. въ углу гробъ, въ которомъ лежитъ жена одного изъ князей Радзивилловъ. Атласная матерія ея платья или покрывала еще не совсѣмъ истлѣла; а атласныя бѣлыя башмаки на ея ногахъ, почти совсѣмъ цѣлы. Только смерть и тлѣніе, нещающія ни красоты, ни знатности, наложили тяжелый и мрачный отпечатокъ на ея лице, которое, быть можетъ, нѣ-

когда сіяло очаровательною красотою. А вотъ, на противоположномъ концѣ при стѣнѣ лежитъ и послѣдній изъ князей Радзивилловъ, скончавшійся 1791 г. Пяне Коханку, составившій такую повсемѣстную извѣстность своими причудами. Не развалившаяся еще его грудь необыкновеннаго объема и очень толстыя голени его ногъ выглядывающія изъ толстоко ихъ голенищъ сапогъ, доказываютъ его атлетическое сложеніе и высокій ростъ. Черепъ головы покрытъ какою-то матеріею. Облаченіе на немъ еще не совсѣмъ истлѣло: замѣтны остатки шерстяной одежды и куски синей, шелковой ленты на груди.

Гробовая тишина владѣетъ въ этомъ подземельномъ царствѣ смерти. При слабыхъ лучахъ свѣта, изрѣдка проникающихъ сюда черезъ небольшія окна, въ могильной тишинѣ и полумаркѣ, тлѣютъ здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ остатки цѣлыхъ поколѣній; тлѣютъ, пока труба архангела не вызоветъ ихъ изъ богатыхъ гробницъ. Тогда всѣ они толпою, числомъ до 80, выйдутъ изъ этихъ подземелій, чтобы дать отчетъ, какъ каждый изъ нихъ жилъ, на какія добрыя или злыя дѣла употреблялъ тѣ громадныя средства, значеніе и вліяніе, которыя въ его распоряженіе дала судьба.

3.

На половинѣ дороги изъ м. Несвижа въ м. Міръ на 14 в. не мѣшаетъ побывать въ деревнѣ Городзеѣ, находящейся въ двухъ верстахъ въ сторонѣ отъ почтовой дороги. Тамъ находится обширная *сыроварня*. Сыры, здѣсь выдѣлывающіеся на подобіе швейцарскихъ, извѣстны подъ именемъ сыровъ *Броходскаго*, пользуются хорошею извѣстностью и закупаются въ большомъ количествѣ для развоза въ разныя мѣста.

При вѣздѣ *изъ м. Міръ*, въ такомъ же почти разстояніи отъ него, какъ и въ м. Несвижъ находился въ давнія времена обронтельный замокъ князей Радзивилловъ

мірскихъ на возвышеніи , господствующемъ надъ городомъ . Теперь стоятъ только однѣ развалины его . Двухъ-этажныя стѣны замка , еще и теперь въ развалинахъ имѣющія до $5\frac{1}{2}$ сажень высоты выведены въ квадратъ , котораго [каждая сторона имѣетъ до 30 сажень . По четыремъ угламъ возвышаются надъ стѣнами четыре боевыя башни въ нѣсколько ярусовъ , которыя еще и теперь имѣютъ до 9 сажень высоты . Въ башняхъ съ каждой стороны находится по нѣскольку отверстій и оконъ одно надъ другимъ , очевидно для пушекъ и огнестрѣльнаго оружія . Надъ стѣною , обращенною съ м . Міру и составлявшею фронтъ замка , возвышается еще и пятая башня , подъ которою бѣлъ вѣздъ въ замокъ . Въ каждой башнѣ находилась узкая , витая спиралью лѣстница , она вела на самый верхъ башни . По ней можно было пробираться только одному человѣку . И теперь еще по одной изъ нихъ можно взобраться на самый верхъ башни , но для того нужно имѣть смѣлость и рѣшительность , потому что крутая лѣсница очень узка , и когда вы подымаетесь по ней , постоянно надъ головою у васъ торчатъ кирпичныя глыбы , ежеминутно готовыя на васъ обрушиться ; подъ вами обрываются кирпичи , открываются то щели , то трещины , въ которыя легко провалиться , оступившись . За то , тотъ кто , одолѣвъ всѣ эти трудности и опасности , взберется на самый верхъ башни , вознагражденъ будетъ пріятнымъ зрѣлищемъ . Сверху башни однимъ взглядомъ онъ въ состояніи будетъ обнять безпредѣльное пространство вокругъ представляющее прекрасную картину .

Въ 9 саженьяхъ отъ стѣнъ замка идутъ прямыми линиями , соотвѣтственно стѣнамъ самаго замка и образуя квадраты , земляныя валы , имѣющіе 2 сажени высоты . Съ наружной стороны они имѣютъ въ высоту 4 сажени , а по верху вала въ ширину 2 саж . По угламъ валовъ , соотвѣтственно

четыремъ угловымъ башнямъ замка, замѣтны бастіоны. За валами глубокой ровъ, теперь сухой, въ прежнее же время наполнявшійся водою, вѣроятно, изъ небольшой въ настоящее время тутъ находящейся рѣченки, которая въ давнія времена могла быть гораздо большею.

Жителей въ м. Міръ считается: христіанъ 622, евреевъ 1012, татаръ 52 души муж. пола. Христіане почти всѣ православнаго исповѣданія и возвратились къ вѣрѣ своихъ отцевъ года два тому назадъ. Въ католичество они были обращены въ минувшія столѣтія насиліями могущественныхъ магнатовъ, слѣдовавшихъ внушеніямъ агитаторовъ католическо-польской пропаганды. Мнѣ наприм. попался документъ 1709 года, въ которомъ Карлъ Станиславъ Радзивиллъ Мірскій, водворяя при Мірской церкви базилянъ, вмѣняетъ имъ въ обязанность ѣздить по деревнямъ для распространенія католической вѣры. Когда, сказано въ документѣ, пріѣдетъ монахъ въ деревню, тогда деревенскія власти должны собрать крестьянъ въ одну избу и тамъ должны они слушать наставленія и поученія монаховъ въ правилахъ католической вѣры. Непокорныхъ и ослушниковъ предписывалось приводить въ замокъ для расправы. Неудивительно, что подобныя дѣйствія, поддерживаемыя сильными вельможами и панами польскими, приготавливали дѣлы деревни къ отреченію отъ вѣры своихъ отцевъ и къ обращенію въ католичество.

Православная Мірская церковь, освященная изъ р.-католическаго костела, украшается, въ настоящее время очень благолѣпно, благодаря стараніямъ и попечительной заботливости мѣстнаго духовенства и усердію прихожанъ. Особливо-иконостась и недавно выписанное паникадило вполне соотвѣтствуютъ обширности зданія и украшаютъ домъ молитвы.

Замѣчательна, между прочимъ, сохранившаяся въ м. Міръ, вѣроятно еще отъ давнихъ временъ, организація

цѣховъ, которыхъ здѣсь четыре: сапожный, гончарный, ткацкій и кузнецкій. Они имѣютъ ремесленный и полурелигиозный характеръ, составляя нѣчто въ родѣ церковныхъ братствъ. Каждый цѣхъ имѣетъ въ церкви свою хоругвь и братскія свѣчи, отличающіяся громадною величиною. Всякое торжественное богослуженіе совершается при участіи цѣховъ. При торжественныхъ похоронахъ цѣхи также принимаютъ участіе съ своими хоругвями и свѣчами. Люди, близко знакомые съ внутреннею жизнью Мірскихъ цѣховъ, увѣряютъ, что они имѣютъ доброе вліяніе на нравственность жителей. Напримѣръ, при погребеніяхъ они принимаютъ всѣ расходы на средства своей общины и при этомъ не бываетъ никакихъ попоекъ, безъ которыхъ въ другихъ мѣстахъ почти никогда не обходятся подобные случаи.

4.

Въ 45 верстахъ отъ м. Міра находится г. Новогрудокъ. Подъѣзжая къ нему, точно также какъ въ Мірѣ и Несвижѣ, прежде всего является взору путешественника старинный замокъ на горѣ. Только остатковъ отъ него сохранилось здѣсь несравненно меньше, чѣмъ въ м. Мірѣ. На очень высокой горѣ на сѣверной ея сторонѣ держатся только двѣ высокія кирпичныя на каменномъ фундаментѣ башни. Онѣ имѣютъ квадратную форму: каждый бокъ большей башни имѣетъ до 5 сажень; другая башня немного меньше. Толщина стѣнъ башенъ одинъ сажень, а высота ихъ до 7 саж. Въ башняхъ, внутри, теперь замѣтно три этажа; въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку оконъ и отверстій со всѣхъ сторонъ, очевидно для пушекъ и огнестрѣльнаго оружія. Подъ одною изъ башенъ сохранился еще проѣздъ по направленію съ южной на сѣверную сторону. Въ боковой стѣнѣ башни замѣтенъ узкій ходъ; вѣроятно тутъ была такая же лѣстница на верхъ башни, какъ и въ башняхъ мірскаго замка. Замокъ стоялъ на очень высокой горѣ, имѣющей правиль-

ную форму усѣченного конуса. Теперь при основаніи этотъ конусъ имѣетъ до 300 сажень по вершинѣ вокругъ до 200 сажень, а отъ основанія до вершины по наклонной линіи до 30 сажень. На вершинѣ горы замѣтна большая впадина, въ которой вѣроятно находилось какое то строеніе, судя по кирпичному фундаменту. При основаніи гора обведена глубокимъ рвомъ, за которымъ находятся земляные валы.

Съ вершины горы, на которой стоятъ старыя башни, открывается на сѣверную сторону едва обозримое глазомъ пространство: поверхность холмистая, испещренная множествомъ зарослей, лѣсовъ пахатныхъ полей. По этой поверхности вьются по пригоркамъ, какъ змѣйки, дороги въ разныхъ направленіяхъ. Вездѣ раскинуты то деревни, то усадьбы; при нихъ пахатныя поля и огороды. Вообще видъ на сѣверную сторону прелестный, особливо при яркихъ лучахъ утренняго осенняго солнца. Видъ съ горы на южную сторону закрытъ городскими строеніями.

Вотъ сколько остатковъ старой жизни отлетѣвшихъ въ вѣчность столѣтій попадаетъ на одной только дорогѣ отъ г. Пинскá до г. Новогрудка, на разстояніи 225 верстъ. Мы переживаемъ эпоху, когда старая жизнь, старыя начала умираютъ, истлѣваютъ вмѣстѣ съ своими представителями въ темныхъ гробахъ, рушатся, подобно старымъ башнямъ Мирскаго и Новогрудскаго замковъ. На развалинахъ старой жизни уже слышно вѣяніе новой—вѣяніе свѣжихъ новыхъ началъ. Будемъ же дружно съ постояннымъ усиліемъ работать во имя этихъ новыхъ началъ и новой жизни; будемъ неуклонно слѣдовать въ своихъ усиліяхъ руководительнымъ указаніямъ свыше и, въ твердомъ упованіи на помощь Божию, ожидать и надѣяться для этихъ странъ лучшей и болѣе свѣтлой будущности, чѣмъ времена минувшія.

Кукминъ.

Мин. Губ. Вид:

ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ БОРИСОВСКАГО УЪЗДА.

Крестьяне вообще—какъ народъ мало развитой и пользующійся совершенно равными правами между собою въ общественной жизни и имѣющій по этому общіе интересы—разумется чужды нашимъ принятымъ условіямъ и приличіямъ. Все то, что условливается приличіемъ въ классѣ людей образованныхъ, у крестьянина дѣлается по принятому стародавнему обычаю или по своеобразному взгляду на вещи. Напримѣръ: на свадьбахъ иногда гуляетъ цѣлая деревня, иногда только родственники жениха и невесты, а иногда нѣсколько постороннихъ; родственники же самые близкіе стоятъ у дверей хаты въ качествѣ наблюдателей. По поводу этого мнѣ приходилось не разъ дѣлать замѣчанія на свадьбахъ.

— Никита! вѣдь это твой дядька стоитъ у дверей, что ты не приглашаешь?—„Да уже-шь нѣколи попрошу, гето своячина, говоритъ онъ: маувляувъ-ты: гневаця не будзець калишь-ди вышьемъ; а цяперь нехай госци гуляюць. Канцелярія гавяецъ за гроши, а Богъ кривдиць урожаемъ; калибъ гэто Богъ да дау, дакъ чамужъ? Можно булобы пажизь, да и горѣлочки можно булобы купиць, да къ святу кума запросить и каубасу спекци.“

Все это, какъ видите, происходитъ не изъ ихъ особыхъ взглядовъ на условныя отношенія окружающей среды цивилизованнаго общества, а просто или отъ невѣжества, или по обычаю, какъ гдѣ принято ибо замѣтьте, что при всемъ довольствѣ жизни, онъ родственника своего не позвалъ-бы на свадьбу, а на свято, т. е. на какой-либо церковный годичный праздникъ. Главное же сосредоточіе массы заключается въ одинаковой необходимости, понятіяхъ, вѣрованіяхъ, или преданіяхъ. Это случается почти въ каждой деревнѣ, селѣ, обществѣ и наконецъ въ цѣлыхъ волостяхъ. Къ такому роду единства въ жизни крестьянина можно отнести: дзяды, т. е. дни поминовенія по усопшимъ,

годовые и церковные праздники, или такъ называемые кермаши, на которые стекаются (смотря по важности праздника, преданія, событія или продажи своего товара) цѣлыя селенія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ или даже изъ другихъ уѣздовъ, оставляя свои хаты на попеченіе сосѣдямъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ цѣлыми вереницами тянулся народъ наканунѣ праздника пѣшкомъ, въ телѣгахъ и верхомъ, держа въ рукахъ свѣчи, которыя заранѣе освящались священниками. (1)

Всякъ былъ одѣтъ въ лучшее платье, толпа бѣлѣла, пестрѣла и скрывалась въ зелени лѣсовъ. Иные крестьяне, лежа въ телѣжкахъ, или какъ они называютъ, на колахъ, шептали молитвы, искажая слова и смыслъ ихъ до-нелзя, напримѣръ: „Слова табѣ боже, слова боже, шепталъ одинъ“; другой твердилъ, „дару небесному удушицелю, душа истина“; третій, надвинувъ шапку или магерку на глаза, серьезно произносилъ: „ойче нашъ, бацько нашъ, на небо взойшоувъ, чартей съ неба сопхаувъ, избави насъ отъ лукаваго твоеаго, святаго, (2) амѣнъ“

Но надо замѣтить, что, благодаря нынѣшнему усердію священниковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молитва въ устахъ народа исправляется, насколько можно, чтеніемъ въ церкви; но и теперь сплошь и рядомъ найдете, что крестьянинъ вмѣсто „при понтіистемъ пилатѣ,“ читаетъ, „при пантійской палатѣ.“

Вообще по присущей человѣку природѣ творчества, при весьма сжатыхъ условіяхъ жизни и при удаленіи полного наблюденія надъ его внутренней стороной, и наконецъ, при довольно преворномъ чтеніи въ церквахъ молитвъ, крестьянинъ ловитъ слова и ими снабжаетъ молитвы самъ безъ всякой редакціи, иногда же работаетъ его собственная фантазія; напримѣръ: вы слышите молитву на

1) См. униатскій требникъ освященія огня.

2) Вѣроятно святаго относится: да святится имя твое.

сонъ грядущій въ Туль: „хрестъ во мнѣ, хрестъ во лбѣ, хрестъ надо мной, хрестъ подо мной, уся крестами обложена раба Божія Авдотья;“ иногда за этимъ слѣдуетъ исчисленіе святыхъ мощей, иконъ или монастырей. Но вы догадываетесь, что наборъ этотъ словъ отдается паломничествомъ и переданъ народу странниками и странницами. Здѣсь же въ Бѣлоруссіи чувство и смыслъ выразется проще, яснѣе и даже поэтичнѣе, напримѣръ: „Ложуся спаць, сузди Боже встаць, Матерь Божія постель стель, Христомъ покрываюся“ или „Ложуся спаць, сузди Боже встаць, аньелы мои станьте при мнѣ, что вамъ, то и мнѣ.“ Далѣе крестьянинъ, сидя на лавкѣ и скрестивъ на груди руки, довольно разсѣянно продолжаетъ въ полъ-голоса: „А въ нядзельку раненько, найсвентша матка по небу ходвила, своего сынечку за ручку водвила до мши, (1) со мши на казанье (2) въ рай; а въ рай вялизный камень ляжиць, на гэтымъ камень столчыкъ стоиць, на тымъ столчыку Іезусъ ляжиць, свои раны распатруэ, (3) горячей кровью поливаэ. Матка моя наймилѣйшая, кэды менэ жалуешъ, (4) закажъ Петру и Павлу, чтобъ яны спасили среду и пятницу, а въ нядзельку (5) раненько до божіей службы хадвили.“

Народъ всегла тайну хочеть облечь въ какія-то осязательныя формы, и чѣмъ недоступнѣе для него предметъ, тѣмъ пластичнѣе характеризуется онъ въ словѣ; что же кажется разуму и понятію его вовсе недоступнымъ, то онъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ, оставляя на долю поэтического воображенія предметы болѣе ему знакомые и усвоенныя народною фантазією.

Напримѣръ: я не могъ добиться понятія о славномъ воскресеніи Христовомъ, напротивъ о паденіи въ это время

-
- 1) Мша—обѣдня.
 - 2) Казанье—проповѣдь.
 - 3) Распатруэ—разсматриваетъ.
 - 4) Жалуешъ—жалуетъ.
 - 5) Недѣля—воскресенье.

Отдѣлъ І V .

дiавола народъ создалъ свою сказку; силясь сочинить что-то въ знакъ торжества сына Божiя, но ограничился однимъ праздничнымъ припѣвомъ къ набору словъ изъ обыденной жизни; и такъ прошу слушать: въ субботу подѣ воскресенiе Христова крестьяне усаживаются въ хатѣ за столъ, накрытый скатерью и уставленный разнымъ печенымъ и варенымъ кушаньемъ; старшiй начинаетъ говорить: „Пильнуйте (1) дѣтки, кабы намъ сказать вмѣстѣ съ бадюшкою Христоса, да, цяперѣ чарту горе: онъ подѣ Божiимъ вяленiемъ у балотцѣ сидиць на ланцугу (2) и тый ланцугъ грызець; а ками мы не упильнуемъ, да оторветца, тогда насъ побеець, будемъ дѣтки стараться кабы разомъ сказаць съ священникомъ: Христось воскресъ! дакъ тогда у яго (черта) ланцугъ потолстее и будзе енъ сидзець у тымъ болотѣ; а вы дѣтки пильнуйтеся на лѣто того дня и кабы и зновѣ не забылися.“

Послѣ этого, они спѣвають сказать: Христось воскресъ! и пропѣвши „далъ Богъ вяликъ день, испечемъ пороса и возрадуемса“ приступаютъ къ разгавливанью. Но надо замѣтить, что это дѣлается въ отдаленныхъ деревняхъ отъ церквей, гдѣ крестьянскiя явства освѣщаются заранѣе священникомъ.

У кого есть водка, пьютъ ее въ хатахъ; большая же часть крестьянъ идетъ въ корчму и уже тутъ начинается праздникъ.

Представьте себѣ на углу деревни корчму; на крыльцѣ, на завалинкѣ и возлѣ нее стоятъ и сидятъ крестьяне и разсуждаютъ.

— А што, кажу я вамъ, говорить одинъ: будземъ говорить о совѣстномъ.— Будземъ хлопцы; яго нетреба намъ, енъ усимъ кривдиць; ни якой жадной рады нема.

Между тѣмъ совѣстный въ корчмѣ отплясываетъ подѣ

1) Пильновать—стеречь, наблюдать.

2) Ланцугъ—цѣпь.

отчаянную игру двухъ скрыпокъ такъ на бываемую *лявоніху*. Танецъ этотъ довольно ловокъ, мужчины взявши по дѣвкѣ, съ пристукомъ каблукомъ, съ шиканьемъ и съ припѣвомъ довольно остроумныхъ, по неприличныхъ стиховъ, сначала ходятъ кругомъ, потомъ мужчина кладетъ руки на плечи своей дамѣ, она его тоже обхватываетъ и начинается круженіе на подобіе вальса или польки. Между тѣмъ, за столомъ сидятъ пьяные, раскраснѣвшіеся бѣлоруссы и толкуютъ, кто о чемъ вздумаетъ; но какъ пьяному человѣку всегда хочется покричать и побуянить, то нерѣдко припоминается давнишняя обида.

— Ты, кажу, говорить одинъ, куря трубку,—сяго лѣта майго хлопца забнубъ.

— А ты, кажу, у меня шкоды наробилъ пару гоней (1), кажу, коньми попсоваувъ.

Затѣмъ хлопъ въ ухо Никиту, Никита Ничипора, Ничипоръ какъ бы невзначай совѣстнаго; за совѣстнаго вступается его партія или родня, и начинается свалка.

— Пане свѣтскій ратуѣ, забиваютъ — кричатъ мужики, обращаясь къ дьячку, и вотъ миротворцемъ является духовная особа.

— Постойте, постойте кричить дьячекъ, сего не дозволяется начальствомъ.

— Что будетъ робить начальство, кали енъ схватиувъ за бороду, да увжешъ повыздеръ усѣ волосы, щемиць голова ажъ шкура отстала.

— А ты въ якого Бога вѣруешъ? Спрашиваетъ дьячекъ.

— Въ якого усѣ.

— А въ Христа вѣруешъ?

— Вѣрую

— Въ якого же больше?

Вопросъ этотъ заинтересовываетъ мужиковъ и они драку прекращаютъ.

1) Гонны—полосы.

— Въ якого пань завелить, ты-жь разумнѣйшій за насъ.

— А, то-то! Теперь я вамъ не скажу, поелику дѣтей въ школку не отдаеъ.

Мужики чешутъ въ затылкахъ и идутъ изъ корчмы въ недоумѣніи, якої Богъ больше: чи тотъ, что мулерь пише молодѣйшимъ, или его старожитный ойтець, или-жь голубъ.

Толпа идетъ по деревнѣ; два крестьянина продолжаютъ играть, наконецъ останавливаются у помѣщика или хорошаго ховяина подъ окномъ и раздаеъ славленье.

Голосъ: — А на муравѣ, а на зеленой.

Хоръ: — Христось воскресъ сынъ Божій.

Тамъ лежало тесовое брусье,
Христось и проч.

А на тымъ брусѣ мужи сидѣли.
Христось и проч.

Раду радили,
Христось и проч.

Раду радили, да великую,
Христось и проч.

Да великую, да немалую:
Христось и проч.

Обирали войта славнаго мужа,
Христось и проч.

Молодаго Лявоньку.
Христось и проч.

Даруемъ ему три подарочки:
Христось и проч.

Первый подарокъ ворона коня,
Христось и проч.

Второй подарокъ серебро и злото,
Христось и проч.

Третій подарокъ ядреное жито.
Христось и проч.

Ворона коня на поѣздочку,
Серебро-злото на уплаточку,

Ядрено жито на пожиточекъ.

На ворономъ вони поѣзжать буду,

Грошми своими шеловать буду;
А ядренымъ житомъ дзѣтей кормить.

В. Соколовъ.

Мин. Губ. Вѣд.

БРОШЮРА О ВОЗМОЖНОМЪ РАЗРѢШЕНІИ КАТОЛИЧЕСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.

Недавно появилась въ Кіевѣ брошюра г. Краинскаго; подъ заглавіемъ: „О возможномъ разрѣшеніи католическаго вопроса въ Россіи“. Брошюра эта обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что она затрогиваетъ одинъ изъ важныхъ для Россіи вопросовъ. Для того, чтобы отдѣлить у насъ католическую религію отъ полонизма, т. е., чтобы всякій исповѣдующій католическую религію не считалъ себя непременно полякомъ и въ этомъ качествѣ какбы обязаннымъ вредить Россіи, г. Краинскій считаетъ необходимымъ учредить въ предѣлахъ русскаго государства отдѣльную отъ Рима католическую церковь, съ предоставленіемъ ей права самоуправленія и соборнаго поставленія своихъ епископовъ.

Развивая свою мысль, г. Краинскій восходитъ ко временамъ Екатерины II, которая хорошо повимала весь вредъ, проистекающій для государства отъ зависимости русскихъ подданныхъ въ религіозномъ отношеніи отъ иностраннаго государя, и потому указомъ 6 сентября 1795 года торжественно возобновила прежнія свои повелѣнія, „воспрещающія епископамъ, монастырямъ и всему духовенству римскаго исповѣданія признавать себя зависимыми отъ какой-либо духовной власти, пребывающей внѣ предѣловъ Имперіи, имѣть предосудительныя общему спокойствію отношенія, или высылать имъ доходы или часть оныхъ, избирать провинціальныхъ и генеральныхъ суперіоровъ, повиноваться ихъ повелѣніямъ“. Держась этихъ общихъ началъ

въ отношеніяхъ русскихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія съ римскимъ дворомъ, Екатерина II собственною властію, безъ предварительнаго соглашенія съ папою, учреждала въ своихъ владѣніяхъ римско-католическія кафедръ и назначала на нихъ епископовъ.

Но мысль Екатерины II не была доведена до конца. По кончинѣ императрицы, отношенія русскихъ католиковъ къ папѣ вошли въ прежнія формы и окончательно узаконены конкордатомъ 1847 года. Такимъ образомъ въ предѣлахъ Россіи образовалось нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, независимаго отъ верховной власти императора и покорнаго лишь папѣ. Но такой порядокъ вещей не могъ принести ничего, кромѣ вреда государству, что и обнаружилось, между прочимъ, во время мятежа 1863—1864 года, когда папа, въ посланіяхъ къ варшавскому архіепископу, называлъ мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ для подавленія мятежа, ожесточенною войною, водвигнутою имъ противъ католической церкви, ея правъ и духовенства, и отмѣняя распоряженія русскаго правительства, предписывалъ духовенству оставаться до конца вѣрнымъ тому образу дѣйствій, которому оно до тѣхъ поръ слѣдовало.

Предоставленіе католической церкви въ Россіи права самоуправленія и соборнаго поставленія своихъ епископовъ г. Краинскій основываетъ на томъ, что ея каноническое право не есть вселенское, а основано на декретахъ, признанныхъ подложными, на буллахъ самихъ папъ и на постановленіяхъ тридентскаго собора, не для всѣхъ даже католическихъ державъ признанныхъ обязательными, и наконецъ на томъ, что образованіе отдѣльныхъ митрополій издревле вызвано было необходимостью ближайшаго надзора за церковнымъ управленіемъ и освящено въ самомъ принципѣ постановленіями вселенскихъ соборовъ, въ слѣдствіе чего могла отдѣлиться отъ константинопольскаго

патріархата при царѣ Федорѣ Іоанновичѣ русская церковь и въ 1834 году церковь греческаго королевства.

Принимая все это во вниманіе, г. Краинскій считаетъ возможнымъ учредить отдѣльную отъ Рима митрополию въ западной части Россійской Имперіи посредствомъ помѣстнаго католическаго собора въ Россіи. Но прежде чѣмъ установить это, нужно, по словамъ г. Краинскаго, приготовить основанія, на которыхъ католическій помѣстный соборъ въ Россіи, съ сознаниемъ своего права, будетъ обсуждать потребности своей церкви, и для этого надобно составить предварительно сводъ того каноническаго права, какое было установлено вселенскою церковію въ теченіи первыхъ восьми вѣковъ христіанства, но по католическимъ источникамъ, чтобы не возбудить ни возраженій, ни сомнѣній со стороны католиковъ. Когда выработаются эти основанія, тогда возможно будетъ созвать и самый соборъ, который, при сохраненіи цѣлости католическаго вѣроученія, устроитъ и свое церковное самоуправленіе къ обоюдному спокойствію государства и русскихъ подданныхъ католиковъ.

Не отрицаемъ того, что если бы мысль г. Краинскаго была приведена въ исполненіе, то отъ этого произстекли бы весьма плодотворныя послѣдствія, какъ для болѣе нормальнаго отношенія русскихъ католиковъ къ государству, такъ и для блага самой католической церкви. Къ сожалѣнію, мы не должны скрывать, что высказанныя г. Краинскимъ предположенія неосуществимы до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать папство на своихъ вѣковыхъ началахъ. Г. Краинскій, повидимому, не замѣчаетъ, что установленіемъ отдѣльной отъ Рима католической церкви въ Россіи онъ производитъ коренное измѣненіе въ самомъ существѣ католицизма. Что такое католическая церковь? Въ существенныхъ догматахъ вѣры она также, какъ и церковь православная, есть часть вселенской, соборной и

апостольской церкви. Но въ томъ-то и дѣло, что католицизмъ не остановился на этомъ въ своемъ историческомъ существованіи, не сохранилъ вполнѣ своего вселенскаго характера, а внесъ въ свое вѣроученіе такой догматъ, который самымъ своимъ появленіемъ отнялъ у католической церкви этотъ характеръ и отдѣлилъ ее отъ вселенскаго единства. Это—догматъ о главенствѣ папы. И такъ, если лишить католическую церковь этого существеннаго ея отличія отъ вселенской церкви, то она перестанетъ быть отдѣльною церковію и снова возвратится къ вселенскому единству. Само собою разумѣется, что въ этомъ заключалось всегдашнее стремленіе православной церкви, это и по нынѣ составляетъ и будетъ составлять постоянный предметъ ея ожиданій и молитвъ. Но такой поворотъ въ ученіи католической церкви очевидно не въ расчетахъ римской куріи. Стремленіе къ преобладанію всегда было задушевымъ стремленіемъ папства, выразившимся между прочимъ и въ наши дни въ извѣстныхъ посланіяхъ нынѣшняго папы къ православнымъ епископамъ. Возможно ли допустить, чтобы папство вдругъ согласилось на отмѣну своихъ мнимыхъ правъ на главенство въ христіанской церкви? Не вселенскаго единства нужно римскому епископу, а вселенскаго господства въ церкви. Въ этомъ заключается сущность и основа его бытія, въ этомъ идеаль его стремленій и смыслъ всей его исторіи.

Возможно ли произвести предлагаемую г. Краинскимъ реформу безъ согласія папы? Мы полагаемъ, что невозможно. Ни одинъ католикъ въ Россіи, точно также, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, не согласится на это, если только онъ захочетъ остаться настоящимъ, истымъ римскимъ католикомъ. Г. Краинскій говоритъ о подложности декреталій, о каноническихъ постановленіяхъ первыхъ восьми вѣковъ христіанства. Но признать подложность декреталій и истину древнихъ церковныхъ канонѳвъ, не зна-

читать ли отрицать самый католицизмъ? Вѣдь католицизмъ и основанъ на этихъ самыхъ декретахъ, выдаваемыхъ имъ за истинныя, равно какъ и на отрицаніи католическаго права, дѣйствовавшаго въ древней вселенской церкви. Измѣнить свой взглядъ на эти основы римско-католическаго права—это значитъ ни больше ни меньше, какъ перестать быть римскимъ католикомъ (и сдѣлаться православленнымъ; но какой же вѣрный сынъ римско-католической церкви согласится на это? Примѣры устройства отдѣльныхъ митрополій въ православной церкви, приводимые г. Краинскимъ, не указъ римскому католицизму. Въ православной церкви это было возможно, потому что православная церковь основываетъ свое единство главнымъ образомъ на единеніи вѣры и духа; тогда какъ въ римско-католической церкви все основано на внѣшней связи, на преобладаніи одного надъ всѣми. Указаніе на отмѣну конкордата въ Австріи и на провозглашеніе свободной церкви въ свободномъ государствѣ въ Италіи также не можетъ служить примѣромъ для Россіи. Конкордатъ отмѣненъ и у насъ. Но все-таки высшее управленіе римско-католическую церковію остается въ рукахъ папы какъ въ Австріи и Италіи, такъ точно и въ Россіи.

Вотъ причины, по которымъ мы считаемъ невыполнимыми предположенія г. Краинскаго. Повторяемъ, до тѣхъ поръ, пока папство останется при своихъ вѣковыхъ началахъ, составляющихъ основу его бытія, никакія сдѣлки съ нимъ невозможны. Пусть слѣдовательно дѣла остаются въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся со времени отмѣны конкордата 1847 года. Слѣдуетъ только принимать мѣры, чтобы вліяніе папы на римско-католическое духовенство въ Россіи не простиралось за предѣлы области чисто-духовной. Тогда это вліяніе останется безвреднымъ въ политическомъ отношеніи, а этого пока и нужно желать въ интересахъ Россіи; религіозный же вопросъ долженъ быть трактуемъ отдѣльно.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВИЛЕНСКОЙ ХРОНИКИ НАЧАЛА XVII ВѢКА.

На Большой улицѣ города Вильны есть двѣ историческія достопримѣчательности. Это—два каменныхъ дома: одинъ подлѣ Пятницкой церкви, бывшій некогда собственностью Ходкевичей, а нынѣ принадлежащій виленскому учебному округу; другой—помѣщающійся на углу Большой и Ивановской улицъ, не подалеку отъ дома Ходкевичей, въ настоящее время составляющій собственность почтового вѣдомства и занятый почтамтомъ. Домъ этотъ, еще со временъ Сигизмунда I, принадлежалъ князьямъ Радзивилламъ. Въ 1541 г. онъ достался Николаю Радзивиллу, по прозванію, „Черному“, послѣдователю ученія Кальвина. Николай Радзивиллъ прикупилъ сосѣдній къ нему домъ, по Ивановской улицѣ, и, соединивъ оба зданія вмѣстѣ, превратилъ ихъ въ мѣсто сбора тогдашнихъ здѣсь реформатовъ для общественныхъ молитвъ. Потомокъ Николая, Юрій, получившій въ наслѣдство этотъ домъ, на оборотъ, благодаря іезуитамъ, былъ уже ревностнымъ католикомъ и, вступивъ въ санъ духовный, сдѣлался кардиналомъ и епископомъ краковскимъ. Онъ избралъ этотъ домъ своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства и устроилъ въ немъ келью для находящихся при немъ ксендзовъ и домашнюю часовню. Отъ него зданіе получило названіе *кардинали*, то е. дома, гдѣ жилъ кардиналъ, которое осталось за нимъ до настоящаго времени. А въ 1600 году, домъ этотъ снова попалъ въ руки яраго кальвиниста, Христофора Радзивилла, воеводы Виленскаго. Между этимъ-то Радзивилломъ и его сторонниками съ одной стороны, и Ходкевичами съ другой, происходила та знаменитая, по вводу замужества княжны Слуцкой, Софіи Олельковичъ, распря и баталія, въ которой участвовали оба дома и о которой я хочу передать читателю характерическія подробности. Тогда цѣлая Вильна, по случаю вооруженной ссоры двухъ магна-

товъ, дрожала за свою личную и имущественную безопасность. Да не только одну Вильну—вражда эта заставила цѣлую страну принять въ ней участіе и поддерживать боровшіяся стороны, безъ всякой для себя пользы, единственно изъ угожденія пустому самолюбію двухъ расхорившихся вановъ.

Княжна Софія была дочь Юрія Олельковича и племянница старосты жмудскаго, Юрія Ходкевича, бывшаго въ родствѣ съ Радзивиллами чрезъ свою жену. Въ 1594 г., когда Софія лишилась отца, Юрій Ходкевичъ, какъ ближайшій родственникъ, былъ назначенъ опекуномъ ея. Тогда Радзивиллъ сталъ хлопотать у Ходкевича о рукѣ Софіи для своего старшаго сына—Ивана. Тотъ обѣщалъ ему и они заключили между собою законный договоръ. Въ документъ этомъ, явленномъ въ виленскомъ трибуналѣ, было сказано, что „княжна, по достиженіи ею совершеннолѣтія если изъявитъ согласіе, будетъ выдана опекуномъ ея, Ходкевичемъ, за мужъ за Ивана Радзивилла, который самъ обязывается стараться о ея къ нему расположеніи.“ Договоръ скрѣпили участвовавшіе въ немъ подписями своими и свидѣтелей, въ числѣ которыхъ находился братъ Юрія Ходкевича, Иеронимъ. Спустя годъ, Юрій Ходкевичъ умеръ; а опека перешла въ руки его брата Иеронима. Радзивиллъ, твердо стоя при желаніи соединить бракомъ сына своего съ Софіей, замѣнилъ прежній договоръ новымъ, уже съ такимъ прибавленіемъ: „если княжна добровольно, безъ принужденія, пожелаетъ выйти замужъ, то будетъ выдана за князя Ивана Радзивилла 6-го февраля 1600 г., въ Вильнѣ, въ домъ Ходкевичей.“ Для вѣщней прочности; новый договоръ былъ обезпеченъ обѣими сторонами, т. е. Иеронимомъ Ходкевичемъ и Христофоромъ Радзивилломъ, неустойкою въ 100,000 копъ литовскихъ на тотъ случай, если кто изъ нихъ будетъ противиться его исполненію. (Копя 60 серебряныхъ грошей).

Между тѣмъ, до наступленія назначеннаго времени, князь Радзивиллъ, виленскій воевода, получившій еще прежде отъ князей Острожскихъ, въ приданое за женою, богатое княжество Копыль, не далеко отъ г. Орши, заложенное имъ въ послѣдствіи Ходкевичамъ въ значительной суммѣ—сталъ неправо судомъ поискивать съ нихъ это имѣніе. Несправедливое притязаніе Радзивилла исполнило всѣхъ Ходкевичей. Они назначили семейный съѣздъ у Іеронима, въ Вильнѣ, и здѣсь Иванъ, Карлъ и Александръ Ходкевичи, задѣтые за живое претензіей Радзивилла, обязали Іеронима, каштеляна виленскаго, чтобы онъ, въ отмщеніе сутягъ, не выдалъ безъ ихъ согласія за мужъ Софію за Ивана Радзивилла. Чтобы отклонить отъ опекуна всякое подозрѣніе въ сопротивленіи женитбѣ, Ходкевичи объявили къ Іерониму претензію въ земскомъ новогрудскомъ судѣ, въ томъ, что онъ будто бы потворствуетъ браку родственниковъ и что, по близкому родству Ходкевичей съ Радзивиллами, бракъ, по каноническому уставу, не можетъ быть совершенъ безъ разрѣшенія папы. Въмѣстѣ съ Іеронимомъ Ходкевичемъ обвинили, какъ соучастника въ противузаконномъ поступкѣ и Христфора Радзивилла, жена котораго и мать Ивана была дочь князя Константина Острожскаго, кіевскаго воеводы; Константинъ же Острожскій родился отъ Александры Омельковичъ.

Взбѣшенный Радзивиллъ, видя, что уловка эта могла разстроить его завѣтные планы въ отношеніи сына, объявилъ въ виленскомъ трибуналѣ искъ на Іеронима Ходкевича въ 100,000 копъ литовскихъ неустойки. Ему очень жаль было двухъ княжествъ: Слуцкаго и Копыльскаго, (которое, за не уплатою Радзивилломъ долга, считалось собственностію Омельковичей), приданнаго Софіи; при помощи этихъ княжествъ онъ рассчитывалъ поправить сильно разстроенный имъ въ молодости сеймикowymi банкетами и пирами въ Варшавѣ и Краковѣ фондушъ дома-

Радзивилловъ. Президентомъ трибунала былъ Юрій Радзивиллъ, поэтому Христофору, при помощи родства съ президентомъ, связей и вліянія своего на судей трибунала, было не трудно выиграть дѣло. Трибуналъ дѣйствительно присудилъ взыскать въ пользу Христофора всю поискиваемую имъ съ Ходкевича сумму, а въ случаѣ неуплаты приговорилъ послѣдняго къ „баниціи *)“.

Дѣло это, разумѣется, увеличило ненависть обѣихъ сторонъ. Противники на каждомъ шагѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ, старались дѣлать одинъ другому неприятности. Князь Иванъ Радзивиллъ сначала довольно часто посѣщалъ Софію, не смотря на распрю ихъ семействъ; въ послѣдствіи, замѣтя, что Ходкевичи смотрѣли съ неудовольствіемъ на его посѣщенія, онъ замѣнилъ посѣщенія корреспонденціей, но посланцевъ его, летавшихъ къ невѣстѣ по нѣскольку разъ на день, перестали наконецъ пускать на порогъ Ходкевичевскаго дома.

Ударъ этотъ глубоко поразилъ Христофора Радзивилла. Некративъ посѣщенія, сынъ его Иванъ могъ лишиться того расположенія Софіи, безъ котораго бракъ могъ не состояться; не смотря даже на согласіе опекуна ея. Сдѣлавшись равнодушною къ Ивану, она могла отказать ему. Тогда все пропало: всѣ труды, безпокойства и расходы, понесенные Радзивиллами дѣлались напрасными, а завѣтныя мечты овладѣть двумя богатыми княжествами могли разсѣяться, какъ миражъ; золотое дно ускользало изъ рукъ.

Чтобы хоть сколько нибудь поправить бѣду, воевода немедленно пригласилъ къ себѣ въ Вильну двѣнадцать са-

*) Баниціей называлось изгнаніе. Она подраздѣлялась на главную и меньшую. Первая заключалась въ томъ, что виновный присуждался къ изгнанію изъ всѣхъ коронныхъ земель рѣчи посполитой. Вторая состояла въ изгнаіи изъ одной, по назначенію, провинціи. Несостоятельные должники или упорствовавшіе въ платежѣ присужденнаго, подвергались баниціи съ конфискаціей имущества.

мыхъ популярныхъ въ Литвѣ сенаторовъ, прося ихъ, чтобы они убѣдили Ходкевича дозволить сыну его бывать у княжны. Склонившись на эту просьбу, сенаторы съ подобающею важностію отправились къ Ходкевичу, но были встрѣчены оленъ холодно Иеронимомъ, который не могъ забыть обиды, недавно нанесенной ему Радзивилломъ рѣшеніемъ трибунала, почему далъ гордый отвѣтъ, заключающійся въ томъ, „что онъ, Ходкевичъ, самъ хорошо знаетъ свои обязанности, а время и мѣсто укажутъ, кто и какъ должны исполнять ихъ.“

Пока все это происходило, сталъ приближаться критическій день 6-го февраля, день бракосочетанія двухъ виновниковъ всего происходившаго. Обѣ стороны стали готовиться къ рѣшительной войнѣ. Радзивиллы къ наступательной, Ходкевичи къ оборонительной.

Еще въ 1599 г., какъ бы предчувствуя, что ссора между ними не рѣшится безъ участія оружія, они стали снисывать въ Литвѣ своихъ сторонниковъ *), нанимать за границей отряды, окружать себя болѣе многочисленнымъ конвоемъ и вербовать друзей. Радзивиллъ сталъ во главѣ иновѣрцевъ. Всѣ мѣщане, купцы и ремесленники города Вильны, большая часть которыхъ были православными, съ радостію приняли его сторону, надѣясь въ случаѣ побѣды надъ католиками, извлечь изъ нея пользу для себя. По тойже самой причинѣ литовскіе паны и шляхта, большинство которыхъ были реформаты, тоже стали подъ знами своего гетмана (Христофоръ Радзивилъ былъ гетманомъ литовскимъ) съ своими людьми и отрядами. Нужно замѣтить, что въ то время польское и литовское дворянство любили жить на широкою ногу; каждый изъ нихъ старался имѣть свой дворъ, свиту и войско, или хоть небольшой изъ тщеславія отрядъ. Поэтому легко себѣ пред-

*) Подобные новобранцы назывались «списковыми», отъ списковъ, въ котовые они записывались. (Прим. авт.)

ставить сколько могъ собрать Радзивиль войска. Кромѣ того, къ нему примкнули всѣ дворяне, жившіе при его дворѣ съ своими людьми, и его собственная рать. *) Словомъ, у Радзивилла собралось 4000 ч. конницы и 2000 ч. пѣшихъ.

Ходкевичи явились во главѣ католической партіи. Не имѣя того значенія въ Литвѣ, какимъ пользовался Радзивиль, они не могли собрать такое громадное войско. Однако наличная сила ихъ простиралась до 1600 ч. конницы и 600 пѣхоты при 24 орудіяхъ, которые и были тайно отъ противника введены въ домъ Ходкевичей, 4-го февраля, Иваномъ-Карломъ Ходкевичемъ (сдѣлавшимся потомъ извѣстнымъ полководцемъ Сигизмунда III-го). „А когда стало приближаться время къ назначенному сроку“, говоритъ Нарушевичъ, „то Вильна, подобно Троѣ, воевавшей нѣкогда за Елену, увидѣла огромное число войскъ и орудій, готовыхъ къ бою“.

Ходкевичи положили упорно защищаться и домъ ихъ, что принадлежитъ нынѣ учебному округу, былъ приведенъ въ оборонительное положеніе. Окна заткнули пуховиками и перинами, за которыми скрылись дула орудій; двери и ворота завалили землею и снѣгомъ. Въ наружныхъ стѣнахъ сараевъ и конюшенъ явились прорубленныя бойницы для ружейной стрѣльбы и тряпки стади превращаются подъ пальцами сердобольныхъ женщинъ въ корпію и бинты. Въ противоположность усиленной дѣятельности, какая кипѣла у Ходкевичей, въ домѣ Радзивилловъ, гдѣ помѣщается

*) Изъ болѣе замѣчательныхъ лицъ, принявшихъ сторону Радзивилла, были: три брата князей Острожскихъ: каштелянъ краковскій, воевода кievскій и воевода волинскій, каждый съ 600 всадниковъ и 70 гайдуками; воевода смоленскій Абрамовичъ—50 всад.; Нарушевичъ, каштелянъ Жмуди 100 всадниковъ и 100 пѣшихъ; Замойскій канцлеръ и гетманъ коронный—200 всадниковъ; князь курляндскій—200 кирасировъ; великій канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и др.

нынѣ почтамы, пировала шляхта, попивая алембиковку и уписывая бигосъ гультайскій и литовскіе пуль-гески, которыми щедро угощаль Радзивилль.

4-го февраля Радзивилль отправилъ четырехъ полномоченныхъ для переговоровъ съ Ходкевичемъ и Софіей, но они кончились безуспѣшно, ибо посланные не удостоились быть допущенными даже къ княжнѣ.

Между тѣмъ, слухъ о распрѣ двухъ знатныхъ литовскихъ домовъ достигъ короля и онъ, желая предупредить безурядицу, отправилъ въ Вильну четырехъ сенаторовъ, въ томъ числѣ одного епископа, съ собственноручными письмами къ противникамъ, поручивъ имъ примирить обѣ стороны и во что бы ни стало не допустить ихъ до войны. Бѣдный король! Онъ не имѣлъ силы и средствъ употребить болѣе энергичныя мѣры противъ своеволя подданныхъ.

Оба противника, принявъ письма короля съ благодарностію за его заботливость и доброе желаніе, не думали однако оставить своихъ намѣреній. Сначала сенаторы отправились къ Ходкевичамъ, какъ сторонѣ слабѣйшей, и 5-го февраля принесли отъ нихъ Радзивилламъ слѣдующій ультиматумъ:

„Чтобы панъ воевода (т. е. Христофоръ Радзивилль) всѣ обязательства и записи (относительно княжны) формальнымъ порядкомъ уничтожилъ, чтобы онъ прекратилъ неправильную тяжбу съ ними, Ходкевичами, о долгѣ и убыткахъ и дѣло это отложилъ до сейма, на которомъ оно будетъ рассмотрѣно и рѣшено друзьями обѣихъ сторонъ, что князь Иванъ, если желаетъ, можетъ бывать у княжны, но при этомъ постоянно будетъ находиться съ нею и каштелянъ Геронимъ Ходкевичъ; наконецъ, что по полученіи диспенсіи изъ Рима и добровольнаго согласія княжны, она будетъ выдана за мужъ за князя Ивана.“

На эти тяжелыя условія, Ходкевичи, при посредствѣ тѣхъ же сенаторовъ, получили отъ Радзивилла не менѣе гордую и колкую ноту такого содержанія:

„Что если панъ каштелянъ чувствуетъ себя и друзей своихъ обиженными Радзивилломъ, то послѣдній соглашается на ихъ судъ и, въ случаѣ признанія вины его, торжественно принесетъ имъ публичное извиненіе. Относительно же справедливаго иска его, Радзивилла, если Ходкевичъ желаетъ спасти законно и *гонорове* свое состояніе и не въ ущербъ ему, Радзивиллу, то, когда только признается это справедливымъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ готовъ поддержать Ходкевича хоть собственнымъ своимъ имуществомъ. Въ обезпеченіе своихъ словъ, онъ представляеть поручительство князей Острожскихъ: отца своей жены и ея брата, князя каштеляна краковскаго, и коль скоро панъ каштелянъ согласится на его условія, немедленно долженъ совершиться бракъ князя Изана съ княжною“. Радзивиль не считалъ нужнымъ беспокоить папу благословеніемъ этого брака.

Кромѣ условій, предложенныхъ другъ другу враждовавшими, посредники предложили имъ и отъ себя слѣдующіе пункты мира, на которые, какъ они надѣялись, должно бы послѣдовать обоюдное согласіе противниковъ;

„Чтобы все дѣло отложить до сейма, на которомъ назначить день и мѣсто, гдѣ условленное число друзей съ обѣихъ сторонъ, съѣхавшись, разсмотрѣли бы ихъ претензіи. Въ случаѣ, если друзья не успѣютъ разобрать дѣло и примирить противниковъ, тогда самъ король, какъ *superearbiter*; въ присутствіи тѣхъ же друзей, за недѣлю до окончанія сейма, самъ постановитъ окончательное рѣшеніе. Пока же наступитъ сеймъ, Ходкевичъ не долженъ ни съ кѣмъ заключать условій о замужествѣ княжны, посѣщать которую имѣетъ полное право князь Иванъ“.

На этомъ гордый Радзивиль положилъ такую резолюцію:

„На нѣкоторыя изъ этихъ условій могъ бы согласиться, но не на всѣ. Въ особенности же я не долженъ окон-

Отдѣлъ IV.

чательно удовольствоваться рѣшеніемъ сейма или короля. Позволю себѣ замѣтить, что уважаю доброе желаніе и совѣты короля и друзей; но ни они не могутъ такъ чувствовать всего дѣла, какъ я, ни я не могу такъ чувствовать, какъ они“.

Послѣ тщетныхъ усилій склонить къ миру Радзивилла, сенаторы обратились къ Ходкевичу; но тотъ ни одного пункта изъ предложенныхъ условій не принялъ. Наступилъ наконецъ рѣшительный день 6-го февраля. Испуганные жители города переселялись съ своими пожитками въ отдаленныя улицы и сосѣднія, покрытыя снѣгомъ горы, и тамъ съ лихорадочнымъ трепетомъ, ждали страшной катастрофы, которая должна была превратить въ пепель ихъ жилища.

Воевода собирался уже къ нападенію; онъ упросилъ друзей, чтобъ они приказали своимъ отрядамъ готовиться къ бою и созвалъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ къ обсужденію вопросъ; все ли 6,000 войско, или только часть его употребить къ штурму дома Ходкевичей, такъ какъ узкость улицы, въ которой онъ находился, и преобладаніе въ войскѣ конницы дѣлали затруднительнымъ одновременную атаку всѣми наличными силами. На совѣщаніи не обошедшемся, разумѣется, безъ приличной выпивки и закуски, прошло все утро и полдень. Совѣтъ много пилъ, ѣлъ и еще больше спорилъ; дѣло едва не дошло до драки. Наконецъ, положено было еще разъ, и въ послѣдній, отправить къ Ходкевичамъ парламентаровъ съ вопросомъ: выдаетъ ли сегодня панъ каштелянъ, согласно условію, княжну слуцкую Софію, за князя Ивана, готоваго уже къ вѣнцу?

Долго стучало посольство въ ворота Ходкевичевскаго дома, пока было впущено въ маленькую камитку. Здѣсь ихъ важно встрѣтилъ самъ каштелянъ въ сопровожденіи Юрія Мнишка, в. еводы сандомирскаго (того, который поль-

звучитъ въ нашей исторіи не очень лестною извѣстностію, какъ покровитель и соучастникъ Лже--Димитрія) и нѣсколькихъ иныхъ болѣе почетныхъ лицъ. Пришедшихъ не впустили въ верхніе покои, а пригласили войти въ какой то темный и грязный чуланчикъ, вѣроятно въ мирное время исполнявшій должность курятника, теперь же превратившійся въ караульню. Подлѣ нея мѣрно и ровно шагала часовая съ обледенѣлыми отъ морозу усами.

Каштелянъ холодно выслушалъ вопросъ.

„Я готовъ исполнить обѣщанное и жду князя Ивана съ его друзьями“, отвѣтилъ онъ имъ. „Представляю ему княжну, которую я не принуждалъ и не отговаривалъ отъ брака, и какой Богъ надомитъ ее дать отвѣтъ, пусть такъ и кончится дѣло. Съ своей стороны я готовъ присягнуть, что не знаю ея мнѣнія“. Ходкевичъ, какъ видно, сталъ уступчивѣе.

Онъ предложилъ пришедшимъ идти къ княжнѣ и удостовѣриться отъ нея самой въ справедливости его словъ, равно и узнать мнѣніе ея о предстоящемъ бракѣ. Но послы отказались, ссылаясь на то, что не были уполномочены представляться ей.

При входѣ и выходѣ посланные имѣли случай сдѣлать бѣглую рекогносцировку дома, котораго наружность, грозная и мрачная, какъ лице воина передъ минутой рѣшительной битвы, составляла рѣзкій контрастъ съ миролюбивымъ видомъ своихъ сосѣдей. Все говорило здѣсь о скорой битвѣ ясневельможныхъ пановъ. На крышахъ домовъ, конюшенъ и сараевъ, толпилась вооруженная челядь, изъ-за дымовыхъ трубъ, изъ всѣхъ слуховыхъ оконъ выглядывали суровыя лица импровизованныхъ гверильясовъ, воодушевленные алембикувкою, на которую въ критическую минуту не скупился Ходкевичъ. Скрытыя въ окнахъ и бойницахъ

шмиговницы 1), гаковницы 2) и фузем 3) только ждали сигнала, чтобы краснорѣчиво привѣтствовать непріятеля, если бы тотъ двинулся по узенькой улицѣ къ воротамъ дома. Вездѣ было тихо и мертво, какъ въ воздухѣ, за минуту передъ грозою. Только со двора неся неясный злобѣщій шумъ, гдѣ бивакомъ расположились рейторы, резервъ крѣпости. Привязанные къ коновязямъ осѣдланные лошади ихъ, чинно жевали сѣно, по временамъ вздрагивая отъ холода; нѣсколько человекъ суетилось въ разныхъ углахъ, складывая въ правильныя кучки ядра и фашины, а часовые, притопывая ногами, грѣлись у своихъ постовъ. Придайте всему этому освѣщеніе клонившагося къ западу зимняго солнца, гаснушіе лучи котораго скользятъ по стали и желѣзу, длинныя тѣни отъ зданій и людей, и вы получите картину, достойную мрачной кисти Рембрандта.

Посланцы сообщили обо всемъ видѣнномъ Радзивиллу, не преминувъ увеличить силу непріятеля, чтобы отклонить Радзивилла отъ его намѣреній. Еще разъ друзья и сенаторы приступили съ увѣщаніями къ воеводѣ. Между тѣмъ закатилось солнце и наступилъ вечеръ. Радзивиллъ рѣшилъ наконецъ не начинать враждебныхъ дѣйствій, во избѣженіе гибели и несчастій, какія бы отъ этого послѣдовали. Онъ распустилъ войско на ночлегъ, разставивъ его по квартирамъ въ городѣ. Вѣроятно воевода понялъ, что разъ начатая война, исходъ которой былъ неизвѣстенъ, могла бы протянуться долго и вызвать его на огромнѣйшіе расходы. Поэтому, должно быть, онъ не спѣшилъ употребить въ дѣло силу и оружіе, которое изъ гордости и самолюбія онъ

1) Громовскія малаго калибра пушки: 5, 8 и 10 фун.

2) Родъ длиннаго ружья, обдѣланнаго въ дерево, изъ котораго стрѣляли при помощи станка, тоже что у насъ были пиццали или аркебузы.

3) Самопалы или мушкеты. Люди, вооруженные ими, назывались фузелерами.

(Прим. авт.)

не положи́лъ бы пока не сдѣлался или побѣдителемъ или побѣжденнымъ.

Не отвѣчая Ходкевичу на его послѣднее предложеніе, онъ прождалъ до полуночи вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, одѣтымъ въ свадебный нарядъ, съ поѣзжанами и всендзомъ, облаченнымъ въ ризы для вѣнчанія. Когда пробило двѣнадцать, всевода торжественно объявилъ въ залѣ, приготовленномъ къ свадьбѣ, что онъ, какъ всѣ видятъ, желалъ исполнить свое слово и обѣщаніе и готовъ былъ повѣнчать своего сына въ назначенный день, но что виновникомъ не исполненія этого не онъ, а Ходкевичъ. Неудавшуюся свадьбу замѣнили по этому щедрымъ жертвоприношеніемъ Ваху, которое длилось цѣлыхъ двѣ недѣли, причемъ истреблено было баснословное количество вина и яствъ.

Недорозумѣніе между двумя фамиліями продолжалось еще, но уже не съ такою блестящею обстановкою. Длилось оно до 8-го іюня 1600 г., когда дѣло было рѣшено въ трибуналѣ. Исполненіемъ же рѣшенія, т. е. вступленіемъ въ бракъ княжны Софіи съ княземъ Иваномъ, что случилось 1-го октября того же года, оно наконецъ кончилось. Свадьба совершилась въ Брестѣ, очень тихо и скромно. Вскорѣ князь Иванъ лишился своей супруги, о которой такъ сильно хлопотали и онъ и отецъ его, но за то достались ему желанныя впачества: Слуцкое и Копыльское.

Распря эта посѣяла навсегда антипатію между Иваномъ Радзивилломъ и Иваномъ-Карломъ Ходкевичамъ, которая еще болѣе усилилась, когда король сталъ оказывать болѣе благоволенія Ходкевичу и вслѣдъ за тѣмъ далъ ему старство Дудское. Зависть къ сопернику понудила Ивана Радзивилла принять дѣятельное участіе въ партіи магнатовъ, поднявшихъ „рокошъ“ противъ короля за его вторичную женитьбу, противную желаніямъ поляковъ. Когда мятежники были разбиты предъ Гузовомъ и принесли королю повинную, то король отдалъ даже ненадежнаго Радзи-

вила подь надзоръ Ходкевича. Естественно, что при зависимости другъ отъ друга скоро вспомнилась давнишняя непріянь, вспыхнула ссора и Радзивилль опять сталъ собирать войско. Къ счастью, дѣло не дошло до самовольной расправы и ограничилось тѣмъ, что Радзивилль принесъ жалобу на Ходкевича королю и сенату и когда послѣдній призналъ его во всемъ виновнымъ, то онъ рѣшился извиниться предъ Ходкевичемъ сначала письменно, а потомъ и лично, въ Вильнѣ.

Вотъ какія дѣла творились въ прежнее время въ домахъ, занимаемыхъ нынѣ учебнымъ округомъ и почтамтомъ.

И. Бутвиловскій.

(Виш. Вѣст.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПРАВЫ ПОЛЬСКИХЪ МАГНАТОВЪ.

Pamiętnik anekdotyczny z czasow Stanisława Augusta, z rękopismu wydany przez J. I. Kraśzewskiego. Poznan 1867 г.

(Окончаніе *).

II.

Переходимъ къ біографіи князя Яблоновскаго. Князь Іосифъ Яблоновскій, воевода новогрудскій, „мужъ науки и знанія“, по выраженію біографа, принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени и былъ однимъ изъ претедентовъ на польскую корону по смерти Августа III, Когда же польскимъ королемъ сдѣлался Станиславъ Понятовскій, новогрудскій воевода, обманутый въ своихъ надеждахъ, разгнѣванный на весь народъ, уѣхалъ въ Саксонію. Здѣсь онъ основалъ ученое общество, и вскорѣ тамошняя академія поднесла ему титулъ почетнаго члена, а

* См. 6 кн. Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г.

когда онъ получилъ отъ императора Леопольда орденъ Золотого Руна, то это обстоятельство, по словамъ біографа, еще больше прибавило ему важности. Живя за границей, онъ разыгрывалъ роль мецената. Такъ онъ часто былъ приглашаемъ на публичныя экзамены и велѣлъ чеканить на своей счетъ и съ своимъ штампомъ золотыя медали, цѣной отъ 20 до 50 червонныхъ золотыхъ, которыя и раздавалъ лучшимъ ученикамъ. Но, наконецъ, ему наскутила подобная жизнь, и онъ возвратился въ свои имѣнія. Играть постоянно роль человѣка, дорожащаго интересами науки, было не по душѣ польскому пану. Другихъ интересовъ не было, политическая роль не удалась и вотъ, по возвращеніи домой, поселившись въ деревнѣ, онъ отъ науки перешелъ къ пьянству.

Чтобъ сколько-нибудь замѣнить утраченную польскую корону и чѣмъ-нибудь походить на короля, князь Яблоновскій въ своемъ имѣніи, среди большаго пруда, на островѣ, построилъ замокъ. Въ этомъ замкѣ, между другими апартаментами, была особая аудіенцъ-зала, гдѣ онъ, на королевскій манеръ, принималъ подвластную ему шляхту и арендаторовъ своихъ имѣній. Днемъ отдачи своихъ имѣній въ аренду и срокомъ платежа арендной платы онъ назначилъ 19-е марта (день своихъ именинъ), и этотъ день праздновался слѣдующимъ любопытнымъ образомъ.

Въ девять часовъ утра князь, богато одѣтый, повѣсивъ на себя всѣ ордена, окруженный богато одѣтыми слугами, которые, въ его воображеніи, исполняли обязанность камергеровъ, сѣлся въ бархатное, обшитое галунами, кресло, стоящее въ аудіенцъ-залѣ на возвышеніи подъ балдахиномъ. Шляхта и арендаторы его имѣній, одѣтые въ праздничные костюмы и въ воеводскіе мундиры, сходились въ переднюю и отсюда уже, поодиночно, по предварительному докладу, являлись передъ очи князя; величественно сѣдѣвшаго на тронѣ подъ балдахиномъ.

Каждый арендаторъ, неся въ мѣшечкѣ сумму, слѣдующую за аренду, золотомъ, входилъ въ залу и, низко поклонившись три раза князю, высказывалъ свои поздравленія со днемъ именинъ въ возможно униженныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ. Кончивъ поздравительную рѣчь, шляхтичъ клалъ съ почтеніемъ у подножія трона запечатанный мѣшечекъ съ деньгами съ надписью отъ кого, сколько и за какую именно землю, и, выслушавъ отвѣтъ, становился сбоку аудіенць-залы, въ ожиданіи пока всѣ другіе арендаторы выполнятъ подобную же церемонію. Первому пришедшему приходилось стоять очень долго, потому что арендаторовъ было много, каждый изъ нихъ долженъ былъ говорить долго, отвѣты были длинны и по-барски неповоротливы, а потому вся церемонія тянулась нѣсколько часовъ.

Жена князя, наравнѣ съ управляющими и съ содержателями фольварковъ, не была избавлена отъ подобной же церемоніи; она также являлась съ поздравленіемъ къ подножію трона своего супруга.

По окончаніи аудіенціи и по сложеніи всѣхъ денегъ отъ арендаторовъ, именинникъ, окруженный всѣми арендаторами его имѣній и всѣмъ дворомъ, отправлялся въ замковую церковь, гдѣ отправлялась торжественная обѣдня. После обѣдни, часу въ первомъ, съ тою же самою церемоніей и въ томъ же порядкѣ князь-воевода возвращался въ покои.

Сбоку столовой залы находился его кабинетъ, обитый дорогими турецкими матеріями, и въ немъ ставились особенно богатое кресло для князя и маленькій столикъ. Когда князь входилъ въ кабинетъ, двери за нимъ тотчасъ же затворялись и все общество, слѣдовавшее за нимъ, останавливалось передъ затворившимися дверями въ залѣ. Князь оставался въ кабинетѣ одинъ; когда случалось, что какой-нибудь князь, воевода, каштелянъ или гетманъ пріѣзжалъ на именины, то, въ такомъ случаѣ князь принималъ его въ кабинетѣ. Но это бывало очень рѣдко;

князь не любилъ быть съ равными, замѣчаетъ біографъ, и немного принималъ достойныхъ особъ.

Для всѣхъ прїѣхавшихъ гостей давался обѣдъ въ большой залѣ. Хозяйка садилась съ гостями за столъ, а имениннику, сидѣвшему нѣсколько часовъ на тронѣ, достоинство не позволяло сидѣть за общимъ столомъ; онъ обѣдалъ отдѣльно въ своемъ кабинетѣ. Когда среди обѣда доходило дѣло до тостовъ за здоровье высокаго именинника, двери кабинета отворялись и все сидѣвшее за столомъ общество вставало при звукахъ музыки, трубъ и выстрѣлахъ, и пило за здоровье хозяина. Вслѣдъ затѣмъ князь пилъ за здоровье всего общества и двери снова затворялись.

Гости ѣли и пили долго. Князь въ это время изъ принесенныхъ ему въ мѣшечкахъ дукатовъ дѣлалъ свертки по нѣскольку дукатовъ. Когда обѣдающимъ давали знать, что князь изъ кабинета другими дверями уже вышелъ въ танцевальную залу, все общество, сильно уже подпившее, быстро поднималось изъ-за столовъ и спѣшило къ князю. Въ танцевальную залу ему приносили столикъ съ приготовленными свертками золота, а дѣти арендаторовъ подходили къ нему съ выученными поздравительными рѣчами и стихами, и князь каждому изъ нихъ давалъ свертокъ съ золотомъ. Каждый изъ дѣтей, получивъ подарокъ, долженъ былъ почтительно поцѣловать его руку.

Затѣмъ начинались танцы. Если князь былъ расположенъ танцевать, онъ участвовалъ въ танцахъ, и дама, удостоившаяся его выбора, считала это за особенную честь. Гости танцевали до поздней ночи, а вечеромъ замокъ былъ иллюминированъ и устраивался фейерверкъ.

Такимъ образомъ, ежегодно, безъ малѣйшихъ измѣненій, праздновались именины князя Яблоновскаго. Арендаторы его имѣній получали большія выгоды отъ аренды княжескихъ земель и, отдавая князю почести, за глазами смѣялись надъ нимъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ князю бы-

ло дѣйствительное униженіе шляхетскаго равенства, замѣчаетъ біографъ, но большія выгоды, получаемыя арендаторами отъ аренды, съ избыткомъ вознаграждали за минувшую неприятность, которую каждый изъ нихъ испытывалъ въ день княжескихъ именинъ.

Ни съ кѣмъ въ жизни князь Яблоновскій не имѣлъ процесса. Судебный процессъ равнялся для него оскорбленію, умаленію его чести, правъ онъ былъ, или нѣтъ—самое появленіе передъ судьями жестоко оскорбляло его гордость, а потому онъ избѣгалъ процессовъ всевозможными способами, не жалѣя денегъ въ виду грозящей бѣды—явиться въ судъ.

Если кто изъ окрестныхъ жителей пріѣзжалъ къ князю, дворовое войско, которое онъ содержалъ не для военныхъ замысловъ и нападенія на сосѣдей, какъ то было у другихъ магнатовъ, а для отдаванія военныхъ почестей,—не допускало, чтобъ пріѣзжіи вѣзжалъ во дворъ замка; черезъ мостъ къ замку пужно было идти пѣшкомъ. Пришедшему въ замокъ ауденція не вдругъ давалась: надобно было просить ее нѣсколько времени. Рѣдко, однакожь, кому отказывали въ чести видѣть князя, который считалъ за удовольствіе не отказывать никому въ подобной просьбѣ, лишь бы она была вѣжлива и покорно выражена. Если же кто позволялъ себѣ какую-либо невѣжливость относительно князя, то былъ отправляемъ за стражей подъ арестъ. Князь, легко раздражаясь, даже собственную дочь отсылалъ нѣсколько разъ съ солдатами подъ арестъ.

Не смотря на чудачество князя, множество дворянъ толпилось вокругъ него круглый годъ, съ утра до вечера. Былъ бы только человекъ порядочный, говорить біографъ, хорошаго росту и шляхтичъ,—ни одному желающему у него служить князь не отказывалъ въ этомъ. Если на кого нибудь изъ окружающей шляхты князь сердился, то въ наказаніе запрещалъ являться къ себѣ на глаза. Нака-

занный такимъ образомъ шляхтичъ, сидя въ какомъ нибудь фюльваркѣ, отбывалъ положенное наказаніе. Князь же записывалъ въ точности срокъ, когда виновный былъ наказанъ, и день, въ который наказаніе должно кончиться, и въ продолженіе этого времени часто спрашивалъ окружающихъ дворянъ: „Что дѣлаетъ ММ? сильно тоскуетъ? Что же? обѣщаетъ исправиться?“ А иногда къ этому прибавлялъ: „Правда, вѣдь это большое наказаніе не видѣть лица своего пана.

По окончаніи срока наказанію, виноватый приходилъ съ печальнымъ лицомъ еще разъ попросить прощенія у пана, обѣщая исправиться. Князь читалъ ему наставленіе и все кончалось обыкновенно тѣмъ, что виноватый получалъ нару лошадей или нѣсколько дукатовъ. Шляхта поочередно добивалась этого наказанія—не видѣть лица пана, чтобы потомъ получить подарокъ.

Къ концу жизни, къ прежнимъ странностямъ князя Яблоновскаго присодинилось еще чудачество особаго рода. По временамъ, среди бѣлаго дня, князь раздѣвался до послѣдней рубашки и, оставшись одинъ въ комнатѣ, гдѣ всего болѣе было зеркалъ, любилъ прохаживаться и разсуждать самъ съ собою, надѣвъ на себя всѣ орденскія ленты. Стоя передъ зеркаломъ въ такомъ нарядѣ, князь распространялся о своемъ величій, умѣ и значеніи.

— Ктожь я такой? спрашивалъ онъ громко самого себя. Князь.... но этого мало. Богачъ и министр?... и того еще мало. Король польскій? и того мало. Епископъ и кардиналъ?... мало. Я—римскій императоръ! но и этого мало. Нѣтъ, я—папа римскій!—заключалъ онъ, но, не много подумавъ, продолжалъ: нѣтъ, и этого для меня мало, и нѣтъ такой власти на землѣ, которая была бы не мала для меня...

Претендетъ на польскую корону, „мужъ науки и знанія“, князь Яблоновскій умеръ на 70-ъ году отъ рожденія, всѣми

уважаемый и оплакиваемый,—прибавляет авторъ „Воспоминаній“,—проведя остатокъ дней такъ же, какъ провелъ всю жизнь, не измѣняя нисколько своихъ привычекъ, ванятій и церемоніала торжественнаго приѣма въ день своихъ именинъ.

На біографіи графа Іосифа Гоздскаго авторъ „Воспоминаній“ долѣе всего останавливается, сообщая малѣйшія подробности его жизни и дѣятельности. Біографъ безпрестанно вострогается своимъ героемъ, стараясь указать читателю всё его достоинства. Не раздѣляя сочувствія автора „Воспоминаній“ къ графу Гоздскому, нельзя не замѣтить, что на этой личности стоило остановиться долѣе. Жизнь его и многочисленныя походы самого разнообразнаго свойства представляютъ много любопытнаго для читателя, знакомя насъ съ правами польскаго магната прошедшаго столѣтія и наводя на многія поучительныя мысли и выводы.

Графъ Іосифъ Гоздскій былъ единственнымъ и послѣднимъ изъ мужскаго поколѣнія представителемъ нѣкогда славной въ Польшѣ фамиліи Гоздскихъ, связанной близкимъ родствомъ съ знатнѣйшими домами въ странѣ. Въ его жилахъ текла кровь польскихъ королей Михаила Вишневецкаго и Яна III. Вмѣстѣ съ знатнымъ происхожденіемъ и значительнымъ богатствомъ, которое должно было перейти къ нему отъ отца, Іосифъ Гоздскій соединялъ счастливую наружность, энергическій характеръ, довольно хорошее воспитаніе и веселый нравъ. Съ молодыхъ лѣтъ отличался онъ отвагою и мужествомъ; негдѣ только было ихъ выказать, хотя онъ давно искалъ случая. Первый случай, который ему представился и которымъ онъ началъ свою рыцарскую дѣятельность, былъ такого рода.

Однажды старикъ Гоздскій, возвратясь домой, рассказывалъ сыну о случившемся съ нимъ печальномъ происшествіи, о томъ, какъ министръ и коронный маршалъ Ё-

линскій, споря съ нимъ о какомъ-то дѣлѣ, закричалъ: „молчи, а то ты въ 24 часа отправишься на тотъ свѣтъ“. Власть короннаго маршала была неограниченна, и старикъ не нашелся что отвѣтить. Сынъ, выслушавъ жалобу отца, быстро вышелъ изъ дому и отправился съ двумя слугами во дворецъ министра. На дорогѣ они, совершенно неожиданно, встрѣтили ѣдущаго Бѣлинскаго. Двое слугъ остановили лошадей, а самъ Гоздскій, отворивъ дверцы кареты, осыпалъ Бѣлинскаго жестокою бранью и давъ ему пощечину, прибавилъ: „научись уважать людей“.

Возвратившись домой, Гоздскій разсказалъ все отцу и дядѣ. Зная мстительный характеръ короннаго маршала, невозможно было и думать оставаться долѣе въ Варшавѣ и потому, въ ту же ночь, молодой Гоздскій отправился въ Пруссію, гдѣ въ это время начиналась семилѣтняя война, и тамъ, подъ именемъ Славинскаго, поступилъ адъютантомъ къ генералу Малаховскому. Между тѣмъ, умеръ Бѣлинскій и старикъ Гоздскій просилъ сына возвратиться въ отечество.

Возвратившись въ Варшаву, онъ нашелъ отца, уже женившагося во второй разъ, и между мачихою и пасынкомъ, съ перваго ихъ свиданія, установились отношенія самыя непріязненные. Мачиха старалась всѣми силами вооружить мужа противъ сына и даже попыталась было отравить пасынка, подсыпавъ ему въ чай яду. Отецъ отправилъ его въ свои подольскія имѣнія и отдалъ ему въ управленіе два староства.

Однажды, когда въ Каменцѣ-Подольскомъ, гдѣ жилъ Гоздскій, собрались у него гости и порядочно подпившіи хозяинъ, потѣшая ихъ, стрѣлялъ изъ пистолета въ бросаемые изъ окна апельсины, комендантъ крѣпости, услышавъ выстрѣлы, выслалъ солдатъ, и Гоздскаго, какъ капитана военной службы, велѣлъ взять подъ арестъ. Гоздскій долженъ былъ провести ночь подъ карауломъ. На другой день

комендантъ одумался и, сожалья о своей горячности, велѣлъ освободить Гоздскаго изъ-подъ ареста. Тотъ возвратился домой и рѣшился наказать коменданта за оскорбленіе.

Надобно сказать, что Гоздскій, будучи въ прусской службѣ, не разъ дрался на дуэляхъ и почти всегда оставался побѣдителемъ. Онъ любилъ забавляться ими и теперь, сидя дома, а потому окружилъ себя дворянами, единственнымъ достоинствомъ которыхъ было умѣнье драться на дуэляхъ. Гоздскій вызвалъ коменданта, но когда тотъ, отказываясь подъ разными предлогами отъ вызова, не явился въ назначенный день и часъ на дуэль, Гоздскій съ своими пріятелями рѣшилъ, что коменданту надобно дать батоги. Счастливая мысль пришедшая ему въ голову, не давала ему покоя, и онъ началъ приготовляться къ ея исполненію. Прежде всего онъ отправилъ въ городъ свою шляхту, переодѣтую въ крестьянъ, такъ что, спустя нѣсколько дней, въ его городскомъ домѣ собралось слишкомъ шестьдесятъ чековѣкъ, которые и были тамъ спрятаны. Напослѣдокъ пріѣхалъ подъ вечеръ и самъ Гоздскій съ товарищами и съ нѣсколькими слугами. Когда въ назначенный часъ ночи всѣ были въ сборѣ и все было готово, заперли ворота и Гоздскій началъ поить своихъ сподвижниковъ для приданія имъ большей храбрости. На другой день въ семь часовъ утра всѣ вышли на площадь въ числѣ 80 человекъ; напавши въ распахъ на гарнизонъ, взяли сначала главную гауптвахту, а потомъ овладѣли всѣми караулами у воротъ. Между тѣмъ комендантъ успѣлъ спрятаться въ одномъ костелѣ, и поиски, продолжавшіеся три часа, оказались напрасны. Извинившись передъ офицерами и объяснивъ имъ цѣль нападенія, Гоздскій позволилъ своимъ людямъ разграбить домъ коменданта. Все здѣсь было перерублено и изломано, многое расхищено, бездна вещей летѣла изъ оконъ на улицу. Кон-

чивъ все, Гоздскій съ своимъ войскомъ отправился къ себѣ въ деревню. Только спустя нѣсколько часовъ послѣ нападенія, комендантъ осмѣлился оставить свое убѣжище и возвратиться въ разрушенный домъ. Онъ тотчасъ отправилъ двѣ эстафеты: одну къ отцу Гоздскаго, а другую къ гетману коронному, подробно описавъ все случившееся.

Мачиха Гоздскаго, получивъ въ отсутствіе мужа письмо коменданта, успѣла настроить отца противъ сына. Старикъ Гоздскій въ пылу страшнаго гнѣва лишилъ сына всего наслѣдства, предоставивъ все состояніе дочери своей отъ втораго брака, бывшей впоследствии за мужемъ за княземъ Нассаускимъ. Кромѣ того, въ отвѣтъ на жалобу коменданта, Гоздскій написалъ письмо къ гетману, прося его судить поступокъ сына по всей строгости законовъ, безъ всякаго снисхожденія.

Гетманъ назначилъ военный судъ по этому дѣлу. Молодой Гоздскій былъ отправленъ подъ стражею въ Каменецъ - Подольскій. Судьи, видя въ его поступкѣ поруганіе закона, выразившееся псно въ нападеніи на крѣпость, принимая въ соображеніе происшедшую отъ того смерть нѣсколькихъ человѣкъ, покушеніе на безопасность коменданта и общественное спокойствіе, присудили Гоздскаго къ смертной казни. Но, посылая смертный приговоръ на утвержденіе гетмана, судьи не забыли выставить и смягчающія обстоятельства, въ родѣ того, что молодой человѣкъ, послѣдній потомокъ знаменитой въ Польшѣ фамиліи, подаетъ большія надежды, что лишеніе его жизни въ то время, когда отечество настойчиво требуетъ защитниковъ, было бы невознаградимою потерей. Судьи признавали въ немъ рыцарское сердце и несомнѣнные военные таланты. На основаніи этихъ соображеній, судьи просили о милосердіи. Самъ гетманъ былъ вполне согласенъ съ ихъ доводами. Зная лично преступника и не менѣе судей уважая въ немъ послѣднюю вѣтвь фамиліи Гоздскихъ и рыцарскія качества,

онъ замѣнилъ смертную казнь двухъ-лѣтнимъ заключеніемъ. Но, спустя съ небольшимъ годъ, Гоздскій былъ освобожденъ по ходатайству графини Коссаковской и поселился у нея.

Живя въ домѣ Коссаковской и все еще не получая прощенія отъ отца, который, подстрекаемый мачихою, не переставалъ сердиться на сына, Гоздскій задумалъ ѣхать во Францію. Онъ только еще думалъ объ этой поѣздкѣ и, можетъ быть, не скоро бы исполнилъ свое намѣреніе, еслибъ одинъ случай не ускорилъ его отъѣзда. Однажды, когда онъ ѣхалъ въ каретѣ съ Коссаковскими, одинъ изъ нихъ сказалъ ему какую-то дерзость. Гоздскій схватилъ его за голову и быстро выбросилъ вонъ изъ его же кареты. Послѣ этого онъ уже не могъ долѣе оставаться въ домѣ радушно пріютившей его Коссаковской.

Въ это время умеръ отецъ Гоздскаго, но матеріальное положеніе нашего героя отъ того немного улучшилось. Хотя по смерти отца онъ получилъ 100,000 польскихъ злотыхъ (15 тысячъ рублей), но этого было очень недостаточно. Онъ не могъ обойтись безъ дворянъ, безъ псарни, безъ коней, жилъ то въ Варшавѣ, то во Львовѣ, хотя никакого состоянія не имѣлъ. Правду говоря (добавляетъ біографъ), онъ содержалъ себя большею частью жалованьемъ, которое получалъ отъ различныхъ паней, потому что онъ былъ у очень многихъ въ милости, какъ молодой чело-вѣкъ красивый, родовитый и веселый въ обществѣ. Кромѣ того, онъ пользовался большимъ кредитомъ, такъ какъ всѣ знали, что онъ долженъ получить большое наслѣдство отъ дядей своихъ, съ материнской стороны Гумецкихъ, неимѣвшихъ дѣтей. И дѣйствительно, когда оба бездѣтные Гумецкіе умерли, третья часть ихъ огромнаго состоянія досталась на долю Іосифа Гоздскаго, но онъ давно уже жилъ въ счетъ будущихъ благъ и не задолго до смерти Гумецкихъ уступилъ свое право на наслѣдство за 180 тысячъ польскихъ золотыхъ. На эти

деньги онъ купилъ себѣ городъ Ярычевъ и, какъ собственникъ, былъ выбранъ посломъ на сеймъ 1768 года. Одинъ Гоздскій, говоритъ біографъ, не соглашался съ предложеннымъ русскимъ проектомъ и одинъ онъ не подписалъ конституціи. Когда потомъ король, желая задобрить его, предлагалъ ему даже кресло въ сенатѣ, этотъ *правдивый республиканецъ*, заботившійся всего болѣе о благѣ отечества, отвергъ всѣ предложенія, восклицаетъ біографъ и, вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, рассказываетъ нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видна, по его мнѣнію, благородная натура его героя.

Живя во Львовѣ, Гоздскій дрался на дуэли съ сыномъ генерала Веймарна, потерявшимъ на этомъ поединкѣ руку. Товарищи Веймарна, въ отмщеніе, задумали напасть ночью на квартиру Гоздскаго. Предупрежденный объ этомъ намѣреніи, Гоздскій не только не испугался нападенія, а напротивъ, оставшись дома, съ нетерпѣніемъ ждалъ роковаго часа. Велѣвъ какъ можно лучше освѣтить свою квартиру, затворивъ ставни оконъ, чтобы съ улицы не было ничего видно, Гоздскій спряталъ четырехъ своихъ людей, а самъ, полураздѣтый, куря трубку, ожидалъ прибытія военныхъ. Когда они вошли въ домъ, хозяинъ притворился спящимъ. Въ комнату вошли сначала два знакомые Гоздскаго и одинъ изъ нихъ, подойдя къ постели, началъ будить хозяина, притворившагося пьянымъ. Когда же въ комнату вошли уже всѣ и начали между собою совѣщаться съ чего начать, Гоздскій, совершенно неожиданно закричавъ громкимъ голосомъ слугѣ, спрятавшемуся въ передней: „запри хорошенько двери,“ быстро вскочилъ съ постели съ палашомъ въ рукѣ и, обратясь къ растерявшимся офицерамъ, закричалъ: „господа, дѣлайте то, зачѣмъ пришли!“ Началась свалка, Гоздскій, говоритъ біографъ, молодецки рубилъ палашомъ направо и надѣво, а когда офицеры схватились за стулья и столы, по командѣ хозяина высочили

люди изъ засады и начали помогать господину, ободрявшему ихъ словами: „дѣти, бейте сколько стѣнетъ силы!“ Офицеры просили пощады, но не внималъ ихъ мольбамъ разсвирѣпѣвшій хозяинъ; только тогда, когда офицеры уже были сильно избиты, Гоздскій прекратилъ битву, отобралъ у избитыхъ до полусмерти враговъ оружіе и полумертвыхъ велѣлъ сбросить съ лѣстницы.

Мы утомили бы вниманіе читателей, еслибъ, слѣдуя за словоохотливымъ авторомъ „Воспоминаній“, стали также подробно, какъ и онъ, рассказывать всѣ похождения этого симпатическаго для біографъ героя, одного изъ послѣднихъ польскихъ пановъ, при изложеніи подвиговъ котораго, авторъ такъ краснорѣчиво распространяется о польской вольности и республиканской свободѣ, какими будто бы наслаждался польскій народъ передъ паденіемъ польскаго государства. Мы пропускаемъ описаніе многихъ дуэлей Гоздскаго, отдавая вмѣстѣ съ авторомъ полную справедливость рыцарской его храбрости. Мы хотимъ обратить особенное вниманіе читателей на тѣ преобладающія черты характера героя, въ которыхъ, за хвалеными признаками храбрости и мужества, видѣнъ грубѣйшій произволъ ясно-вельможнаго пана, полное неуваженіе къ закону, совершенное пренебреженіе къ правамъ ближняго, дикое самоуправство, ясно и вѣрно характеризующее нравы тогдашняго польскаго общества и степень благоустроенности польскаго государства.

Въ числѣ личныхъ враговъ Гоздскаго былъ одинъ Потоцкій. Женившись на дочери своего эконома, онъ, спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы, началъ ссориться съ женою, сѣлъ ее розгами и отсылалъ подъ стражу. Защиты женѣ ждать было не откуда. Узнавъ объ этомъ, Гоздскій послалъ сказать мужу, чтобъ онъ лучше обращался съ женою. Вѣбъщенный панъ велѣлъ сказать защитнику, что не его дѣло вмѣшиваться въ семейныя дѣла. Встрѣтившись

черезъ нѣсколько времени во Львовѣ, старые враги еще больше разсорились. Спустя нѣсколько дней, Гоздскій съ надворной милиціей изъ восьмидесяти храбрыхъ людей неожиданно, среди бѣлаго дня, напалъ на домъ Потоцкаго. Нападеніе было такъ неожиданно, что гарнизонъ Потоцкаго былъ не въ состояніи дать отпоръ. Гоздскій, взявъ приступомъ домъ, увезъ пани Потоцкую отъ мужа, помѣстилъ ее въ монастырѣ, а самъ отъ нея имени началъ дѣло о разводѣ. Потоцкій въ страшномъ гнѣвѣ на отца жены, который, какъ онъ думалъ призвалъ на помощь Гоздскаго, отнялъ у него всѣ его имѣнія и выгналъ его самого. Потомъ, спустя нѣсколько недѣль, воспользовавшись отъѣздомъ Гоздскаго изъ Львова, Потоцкій съ своимъ войскомъ напалъ на монастырѣ, гдѣ жила жена и повезъ ее домой. Между тѣмъ Гоздскій, бывъ въ это время въ Ярычевѣ и узнавъ о нападеніи на монастырѣ, не тратя ни минуты, отправился въ погоню съ своею милиціей и нагналъ Потоцкаго на дорогѣ. Дѣло дошло до сраженія между милиціями двухъ пановъ: Гоздскій побѣдилъ и опять отбилъ жену у Потоцкаго. Въ этомъ сраженіи съ обѣихъ сторонъ погибло нѣсколько человѣкъ. Съ торжествомъ проводилъ онъ пани Потоцкую во Львовъ; но такъ какъ ни въ одномъ монастырѣ ее уже не принимали, боясь гнѣва и мести мужа, Гоздскій оставилъ ее у себя въ домѣ. Напрасно Потоцкій съ свѣжимъ войскомъ старался силою взять жену изъ дома Гоздскаго, напрасно нѣсколько разъ онъ нападалъ на городъ Ярычевъ, мѣстопребываніе своего врага, каждый разъ онъ былъ отбиваемъ. Видя невозможность взять жену силою, Потоцкій послалъ сказать владѣтелю Ярычева, что если онъ не выдать ему жены добровольно, то городъ будетъ сожженъ. „Жены тебѣ не отдамъ,“—отвѣчалъ Гоздскій, „потому что ты ее не стоишь; угрозы твоей не боюсь, потому что не привыкъ ихъ бояться. Если ты мой Ярычевъ сожжешь, то вѣдь есть на чемъ тебѣ отплатить; тогда я всѣ твои пять мѣстечекъ сожгу.“

Характеристичны эти переговоры двух пановъ, готовыхъ изъ-за личнаго дѣла заставить страдать тысячи невинныхъ. Хороша общественная безбпасность при этихъ непрерывныхъ сраженіяхъ и нападеніяхъ другъ на друга.

Послѣ такого разговора опять не обошлось безъ борьбы, безъ потери нѣсколькихъ человекъ съ обѣихъ сторонъ. Такія отношенія между ними продолжались болѣе двухъ лѣтъ; наконецъ, они случайно сѣхались въ Глинянахъ. Потоцкій пріѣхалъ первый. Гоздскій, узнавъ, что онъ въ Глинянахъ, не медля ни минуты и не давая ему времени для приготовленія, привелъ свою милицію въ боевой порядокъ, и оставивъ одну часть въ засадѣ, съ остальными напалъ на домъ, въ которомъ остановился Потоцкій. Нападеніе было неожиданно и застало его въ распlohъ, отдыхавшаго съ дороги. Не смотря на это, Потоцкій защищался мужественно, говоритъ авторъ, хотя люди Гоздскаго окружили со всѣхъ сторонъ его домъ, а люди Потоцкаго всѣ были пьяны. Послѣдній думалъ было бѣжать, но попался въ руки нападавшихъ и, какъ плѣнникъ, долженъ былъ согласиться на тѣ условія мира, которыя продиктовалъ ему счастливый побѣдитель. Условія эти были слѣдующія: 1) Потоцкій долженъ былъ согласиться на разводъ съ женою; 2) онъ долженъ былъ безотлагательно вознаградить отца жены, за отнятыя у него имѣнія; 3) эти условія должны быть выполнены въ теченіе четырехъ недѣль; въ противномъ случаѣ дѣло должно было кончиться поединкомъ между ними.

Потоцкій долженъ былъ принять эти условія, но, съ своей стороны, онъ прибавилъ: 1) чтобъ Гоздскій послѣ развода женился на бывшей Потоцкой; 2) чтобъ передъ свадьбою онъ записалъ на ея имя сто тысячъ злотыхъ; 3) чтобъ возвратилъ Потоцкому забранное у него оружіе. Въ заключеніе они размѣнялись портретами и рѣшили, говоритъ биографъ, свято хранить мирный трактатъ, подписанный ими въ Глинянахъ.

Такъ кончилась война между двумя ясновельможными панями, война, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ.

Въ продолженіе ссоры съ Потоцкимъ, у Гоздскаго не было недостатка въ другихъ приключеніяхъ. Всѣ они объясняются шляхетностью характера героя, говорить біографъ.

Гоздскому понравилась одна очень красивая женщина, жена какого-то секретаря, львовскаго жителя, и потому онъ очечь часто бывалъ у нея. Мужъ, желая избавиться отъ непрощеннаго соперника, подговорилъ четырехъ товарищей, и всѣ впятеромъ рѣшились напасть на Гоздскаго и проучить его какъ слѣдуетъ. Когда счастливый любовникъ явился, по обыкновенію, къ своей возлюбленной, секретарь съ товарищами устроили засаду на лѣстницѣ, для нападенія на возвращавшагося Гоздскаго. Пани, узнавъ о намѣреніи мужа, предостерегла Гоздскаго объ опасности, совѣтуя ему уйти боковыми лѣстницами, но Гоздскій, охотникъ до битвъ всякаго рода, рѣшился сражаться. Онъ вышелъ въ сѣни съ палашомъ въ рукѣ и громко ругая и мужа, и его товарищей, насмѣхался надъ ними, говоря, что ни за что не выйдеть изъ дому. Спрятавшіеся заговорщики сначала молчали, но когда расходившійся Гоздскій началъ ругаться самыми отборными выраженіями, они выскочили изъ засады и побѣжали верхъ по лѣстницѣ. Выбравъ удобное для себя положеніе, Гоздскій началъ молодецки защищаться палашомъ, владѣя имъ въ совершенствѣ. Прежде всего онъ отрубилъ носъ самому хозяину, а потомъ нѣсколькими ударами успѣлъ сильно ранить и его товарищей, едва справлявшихся съ непривычнымъ для нихъ оружіемъ, и довелъ ихъ до того, что они, побросавъ оружіе, просили пощады. Взявъ пять голыхъ палашей, Гоздскій съ этими грофеями спокойно вышелъ изъ дома, грозно повелѣвъ мужу не мстить женѣ. Панъ секретарь до смерти помнилъ

это сраженіе и долженъ былъ покорно переносить продолжавшіеся визиты Гоздскаго къ его женѣ.

Другое дѣло въ такомъ же родѣ еще болѣе, по мнѣнію біографа, рисуетъ благородную личность его героя.

Гоздскій началъ посѣщать жену одного чиновника, не обращая вниманія на мужа и ни мало не стѣсняясь въ своихъ посѣщеніяхъ. Это вывело изъ терпѣнія мужа и онъ велѣлъ сказать Гоздскому, что дастъ ему сто батаговъ, если онъ осмѣлится еще разъ явиться къ нему въ домъ. Узнавъ объ этой угрозѣ, Гоздскій въ ту же минуту, верхомъ, взявъ съ собою двухъ людей, какъ можно скорѣе отправился въ домъ грозившаго ему чиновника. Приѣхавъ туда около 10 часовъ вечера, когда господа уже спали, Гоздскій, не долго думая, входитъ въ спальную комнату съ палахомъ въ рукѣ и, видя супруговъ, лежащихъ въ постели, обращается къ женѣ съ такою рѣчью:

— Я узналъ только сегодня вечеромъ во Львовѣ, что мужъ вашъ хочетъ мнѣ дать сто батаговъ; для этого-то собственно я теперь и явился.

Жена начала оправдывать мужа, а испуганный супругъ притворился спящимъ. Гоздскій, положивъ возлѣ постели свой палахъ огромной величины, которымъ рѣдко кто могъ владѣть кромѣ его, велѣлъ служанкѣ себя раздѣть и, помѣстившись на одной постели съ супругами, съ другой стороны возлѣ жены, спокойно спалъ до бѣла дня. Мужъ же такъ испугался, что на разсвѣтѣ успѣшилъ убраться изъ дому. Проснувшись, Гоздскій поинтересовался узнать о здоровьи мужа и жены, рассказавшей ему объ его испугѣ и бѣгствѣ изъ дому. Гоздскому хотѣлось дождаться его возвращенія, но напрасно: мужъ не возвратился и къ вечеру. Приятно проведя день съ красивою женой, Гоздскій позднимъ вечеромъ, не торопясь, вернулся во Львовъ. Въ тотъ же день мужъ прислалъ ему почтительное письмо, извиняясь въ своей болтливости и униженно прося объ отпущеніи вины.

Хотя состояніе Гоздскаго было очень плохое, но такъ какъ было извѣстно, что его ожидаетъ богатое наслѣдство, то въ кредитъ ему не отказывали: купцы, ремесленники и даже капиталисты готовы были исполнять его требованія, отчасти въ ожиданіи полученія имъ наслѣдства, а главнымъ образомъ потому, что боялись его, прибавляетъ біографъ, и въ подтвержденіе этого рассказываетъ слѣдующій случай:

Ботатый армянинъ Вартановичъ, торгующій виномъ, однажды среди ночи осмѣлился отказать Гоздскому въ присылкѣ вина. На другой день Гоздскій велѣлъ своимъ людемъ силою взять Вартановича и посадить въ подвалъ своего дома. Испуганный армянинъ, зная, что его ждетъ страшное наказаніе, извинялся, просилъ прощенія, даже плакалъ, прося отпустить его, но все было напрасно. „Не плачь“, сказалъ ему Гоздскій, „ничего особеннаго я тебѣ на этотъ разъ не сдѣлаю, но и безъ наказанія уйти ты не можешь“. Купивъ у него бочку вина, Гоздскій велѣлъ вылить ее въ кадку, въ которую обыкновенно стекала дождевая вода, и потомъ велѣлъ Вартановичу, подъ угрозою строжайшаго наказанія, сидѣть за этой кадкой и подчивать виномъ всѣхъ проходящихъ по улицѣ, причемъ, подавая каждому стаканъ вина, Вартановичъ долженъ былъ всякій разъ повторять слѣдующія слова: „Глупъ былъ Вартановичъ, что пожалѣлъ вина для ясновельможнаго графа Гоздскаго.“ Поставленный для наблюденія за нимъ слуга долженъ былъ слѣдить за точнымъ выполненіемъ наказанія, и Вартановичъ болѣе полудня торговалъ такимъ образомъ.

Когда австрійское правительство велѣло всѣмъ панамъ распустить надворную милицію, тогда и Гоздскій долженъ былъ, скрѣпя сердце, распустить свое войско, съ которымъ онъ совершилъ столько блестящихъ подвиговъ. Новые порядки давали себя чувствовать: не подчиниться имъ было нельзя. Вскорѣ послѣ изданія этого распоряженія, графъ Гвичарди, встрѣтившись съ Гоздскимъ въ гостяхъ у губер-

натора, между прочимъ, обратился къ Гоздскому по-нѣмецки: „А что, графъ, вы нынче тихо сидите во Львовѣ, когда у васъ не стало милиціи.“ Гоздскій ему на это замѣтилъ, что вѣдь можно обойтись и безъ палаша, были бы только руки. Нѣмецъ принялъ это на своей счетъ и погрозилъ арестомъ, но разсердившійся Гоздскій закричалъ: „Молчи, дуракъ“ и, схвативъ его одною рукой за шиворотъ, такъ сильно толкнулъ, что Гвичіарди пролетѣлъ всю залу и долго лежалъ на полу отъ боли и страха. Губернаторъ, зная характеръ Гоздскаго, говоритъ біографъ, покончилъ дѣло миромъ, но Гвичіарди не забылъ оскорбленія. Когда онъ сдѣлался директоромъ полиціи, нѣсколько человекъ нѣмцевъ, обиженные Гоздскимъ, искали случая отомстить ему за обиду. Одинъ изъ нихъ, по имени Тестмейеръ, бывшій офицеръ австрійской службы, пришедши въ театръ, въ ложу Гоздскаго, громко закричалъ его фамилію, сравнивая его съ героемъ шедшей въ то время пьесы смѣшнымъ юношей.

„За то, что ты говоришь глупости“, сказалъ Гоздскій, „я вызываю тебя на дуэль, потому что не могу иначе какъ рыцарскимъ способомъ вознаграждать себя за оскорбленіе“.

Тестмейеръ отвѣчалъ, что дуэли закономъ запрещены и что онъ драться не будетъ.

Но не запрещено бить палкой такихъ, какъ ты, закричалъ Гоздскій, и, вытолкнувъ его изъ ложи въ коридоръ, началъ бить палкой по плечамъ. На крикъ Тестмейера выскочили его товарищи, бывшіе уже на-готовѣ, и всѣ бросились на Гоздскаго, который храбро защищался бывшею у него въ рукахъ палкой; но когда одинъ изъ противниковъ отнялъ у него палку, Гоздскій, пользуясь близостью лѣстницы, сталъ хватъ своихъ противниковъ одного за другимъ и со всю силой бросалъ ихъ съ лѣстницы внизъ. Четверо съ выломленными руками и ногами, громко крича отъ боли, лежали внизу; остальные, менѣ пострадавшіе, привели полицію. Шумъ былъ большой, но

въ это время кончилось представленіе, публика выходила изъ ложъ и потому, за громадной толпой, полиція не могла арестовать виновнаго, особенно когда бывшіе въ театрѣ поляки густою толпой окружали соотечественника и дали ему возможность выдти изъ театра. Между тѣмъ герой нашъ, схвативъ нѣмца и раскачивая по воздуху на всѣ стороны, расталкивалъ его ногами толпу, а потомъ вышелъ на улицу, бросилъ едва живаго, самъ сѣлъ въ экипажъ и въ ту же ночь уѣхалъ изъ Львова. Когда на другой день директоръ полиціи прислалъ Гоздскому приглашеніе явиться въ полицію ему отвѣчали, что графъ еще вчера выѣхалъ въ Варшаву. Нѣмцы долго помнили эту исторію, замѣчаетъ авторъ, и съ-тѣхъ-поръ боялись задѣвать поляковъ.

Между тѣмъ наступило для нашего героя время старости, время болѣзней всякаго рода; *delicta juventutis*, какъ самъ онъ выражался, давали себя чувствовать. Но все это не измѣнило его характера, не убило въ немъ гордости и всегдашняго презрѣнія къ людямъ бѣднымъ и незнатнымъ. Большой безъ ногъ, Гоздскій выдерживалъ до конца роль польскаго магната. Сокрушаясь о гибели отечества, этотъ сынъ польской ойчизны, ничѣмъ въ сущности себя незаявишій на пользу народа, теперь пишетъ ярыя посланія къ Костюшкѣ и къ нѣкоторымъ своимъ друзьямъ, оплакиваетъ судьбу отечества, проклинаетъ враговъ его. Письма эти переписываются его пріятельями и въ тысячахъ экземпляровъ раздаются соотечественникамъ. Этого достаточно: авторъ ихъ причисленъ къ числу великихъ людей своего отечества.

Въ 1797 году умеръ Гоздскій. Биографъ заключаетъ своей очеркъ самымъ сочувственнымъ отзывомъ о своемъ героѣ.

„Воспоминанія“ неизвѣстнаго автора, на которыхъ мы такъ долго остановились, кромѣ всего нами разсказаннаго, содержать въ себѣ еще біографіи Костюшки, ксендза Коллонтая, князей Чарторижскихъ, князя Раздивилла, ксендза Млодзѣвскаго и другихъ. Біографіи эти очень коротки и, передавая болѣе или менѣе извѣстные факты, не представляютъ интереса для читателей.

Серг. Никольскій

Варшава, 14-го іюня
1868 года.

Спб. Вѣд.

СЛАВЯНИНЪ.

Słowianin, dwutygodnik polityczny, redagowany przez Turowskiego. Lwow 1868.

На страницахъ „Дневника“ дано было въ свое время краткое библиографическое извѣстіе о двухъ-недѣльномъ журналѣ „Славянинъ“, издающемся во Львовѣ, съ іюля 1868. года. Мы нарочно воздерживались отъ подробнаго разбора этого изданія до тѣхъ поръ, пока направленіе, духъ и цѣль его не выскажутся сколь возможно полнѣе. Нынѣ мы получили уже пять номеровъ „Славянина“, заключающихъ въ себѣ достаточно данныхъ, чтобы сдѣлать безошибочное сужденіе объ этомъ журналѣ.

Прежде всего, рекомендацію „Славянину“ составляютъ имена ихъ издателей: Туровскаго, издававшего до 1863 года журналъ подъ названіемъ „Литературная Библіотека“— и Рапацкаго, одного изъ лучшихъ польскихъ публицистовъ въ Галичинѣ, человѣка съ твердыми убѣжденіями и сильною энергіей. Оба эти писателя, особенно же послѣдній, обладаютъ основательною эрудиціей по славянскому вопросу, и отличаются зрѣlostью мысли и безпристрастіемъ политическихъ взглядовъ. Достоинства издателей отражаются и на ихъ изданіи. „Славянинъ“ не принадлежитъ къ

тѣмъ легкимъ литературнымъ явленіямъ, которыя появляются и исчезаютъ безъ слѣда, легко прочитываются, и тотчасъ забываются; напротивъ, „Славянинъ“ требуетъ основательнаго и не торопливаго чтенія, потому что читатель почти во всѣхъ его статьяхъ встрѣчается съ серьезною и глубоко обдуманною рѣчью, содержаніе которой составляютъ научно обработанные матеріалы изъ области исторіи, этнографіи, экономіи, статистики и пр. Такими приемами изложенія не насилуются ничьи убѣжденія, и читатель самъ собою приходитъ къ тѣмъ безпристрастнымъ выводамъ, которые необходимо вытекаютъ изъ поставленныхъ посылокъ. Содержаніемъ „Славянина“ ясно обрисовывается кругъ его читателей. Этотъ журналъ можетъ составлять пищу только для людей съ научнымъ образованіемъ, и достаточнымъ внутреннимъ развитіемъ.

Направленіе „Славянина“ строго и неуклонно проведено чрезъ всѣ до сихъ поръ появившіеся его выпуски. Главная задача этого журнала заключается въ сближеніи славянъ между собою вообще, и изъ нихъ поляковъ съ русскими въ частности. Исходя отъ убѣжденія, что моральная рознь въ славянскомъ мірѣ обусловливается равнодушіемъ славянскихъ племенъ одного къ другому, вслѣдствіе полного незнакомства съ прошедшей судьбой и настоящимъ положеніемъ единокровныхъ элементовъ, „Славянинъ“ поставилъ себѣ задачею, придерживаясь строго научной почвы, знакомить родственныя славянскія племена съ ихъ исторіей, литературой и социальнымъ бытомъ. Такимъ образомъ, обозначивъ то поле, на которомъ должно произойти славянское объединеніе, почтенный журналъ выступилъ въ открытую борьбу съ антиславянской польской партіей, и вопреки системѣ польскихъ заграничныхъ газетъ, говоритъ между прочимъ о Россіи и ея отношеніяхъ къ полякамъ безкорыстное слово истины. Понятно, что такое изданіе должно было крѣпко не понравиться

тѣмъ ложнымъ польскимъ патріотамъ, которые весь свой патріотизмъ полагають въ ожесточенной ненависти къ Россіи. „Народувка,“ „Дневникъ Львовскій“ и „Дневникъ Познанскій“ осыпали вновь появившійся журналъ градомъ ругательствъ, доносовъ и клеветы, при чемъ, дабы подорвать существованіе „Славянина,“ такъ называемый галиційскій жондъ народовой наложилъ даже запрещеніе на этотъ органъ. Мы съ своей стороны можемъ только искренно пожалѣть объ этой ослѣпленной враждѣ, боящейся взглянуть прямо въ глаза правдѣ.

Въ подтвержденіе нашей общей характеристики новаго журнала, и для ближайшаго съ нимъ ознакомленія приведемъ вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ лучшихъ статей его, хотя признаемъ, дѣлать между статьями выборъ довольно трудно, потому что каждая изъ нихъ имѣетъ свое достоинство по отношенію къ извѣстной сферѣ знаній.

Въ первомъ выпускѣ, въ статьѣ подъ названіемъ: „Западные славяне,“ почтенный журналъ, очерчивая между прочимъ главные моменты польской исторіи, говоритъ, что нѣмецкое давленіе, казалось, долженствовало бы соединять между собою славянъ чешскихъ и польскихъ для отпора мертвящему вліянію, но на дѣлѣ славянскія племена пользовались каждымъ случаемъ, чтобы ослаблять другъ друга. Въ этотъ направленіи особенно далеко зашли поляки въ своихъ усиліяхъ оттягать земли русскія. Въмѣсто того, чтобы соединиться съ русскими противъ германцевъ, они предпринимали рядъ походовъ на Кіевъ, отъ которыхъ ничего существеннаго не приобрѣли, но успѣли разжечь въ русскіхъ къ себѣ справедливую неприязнь. Это же братоубійственное стремленіе поляковъ на Русь продолжалось при Владиславѣ Локеткѣ и Казимірѣ. Затѣмъ мрачными красками рисуется растлѣвающее вліяніе на польскіе общество іезуитовъ и необузданнаго выборнаго начала съ его *liberum veto*. Кто идеализируетъ положеніе

тогдашней Польши, говоритъ авторъ, тотъ не видитъ сущности дѣла, а одну только его оболочку. Далѣе ближайшимъ поводомъ паденія Польши авторъ считаетъ непризнаніе езуитами и шляхтой человѣческихъ правъ за крестьянами и казаками,—и свидѣтельствуетъ, что при первомъ распаденіи польскаго государства, Россія не захватила себѣ ни одного клочка изъ его исторической земли; напротивъ, отъ Россіи отошла къ Австріи Червоная Русь съ частями Волыни и Подолія. Россія же, въ лицѣ Александра I, отстояла польскую народность въ границахъ теперешняго Царства Польскаго. Это фактъ, котораго отрицать нельзя, замѣчаетъ авторъ. Что было бы съ польской народностью, спрашиваетъ онъ, если бы Висла была назначена границею между Россіей и Пруссіей?

Авторъ признаетъ, что Царство Польское пользовалось до возстанія 1831 года такимъ благосостояніемъ, которое не встрѣчается въ исторіи Польши, и съ укоривной относится къ тѣмъ псевдо-патріотамъ, которые, возбужденіемъ революціи, разрушили внутреннее экономическое довольство. Очертивъ, наконецъ, положеніе польской народности, въ предѣлахъ трехъ державъ, авторъ требуетъ равноправности для галицкихъ русскихъ, наравнѣ съ поляками.

Въ статьѣ, подъ названіемъ: „Отрывки изъ этнографіи Галичины“ приводятся, съ рѣдкимъ въ полякѣ безпристрастіемъ, изъ многихъ нѣмецкихъ авторитетныхъ источниковъ, статистическія данныя, идущія въ разрѣзъ съ парадоксомъ заявдой польской партіи, состоящимъ въ томъ, что „*niema Rusi*.“ Статья эта читается всякимъ образованнымъ человѣкомъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Вотъ нѣкоторые изъ нея отрывки: Славяне въ Галичинѣ представляютъ двѣ родственныя отрасли: польскую и русскую. Съ 1848 года, русскіе галичане, когда выступили съ требованіями признанія правъ своей народности, возбудили о себѣ различныя мнѣнія. Одни стали утверждать, будто бы рус-

ская народность отличается только религиозною обрядностью, другіе считали ее провинціальною особенностью польской народности, а русскій языкъ—нарѣчіемъ польскаго. Народное ли раздраженіе, или политическіе виды вызвали такія мнѣнія, но во всякомъ случаѣ вызвали ихъ съ ущербомъ для истины. Народъ русскій въ Галичинѣ представляетъ народность особенную отъ польской, хотя и родственную ей. Русскую этнографическую особенность статья очень обстоятельно и подробно доказываетъ качествами русскаго языка, психическими и физиологическими свойствами, отѣнками внутренняго быта и пр. Самыя же полновѣсныя данныя заимствуются изъ статистики. Такъ, по послѣдней переписи, въ восточной Галичинѣ числятся: русскихъ 2,021,346; поляковъ—692,050; армянъ—2,382; нѣмцевъ—23,049; евреевъ—345,005. Изъ числа 12-ти уѣздовъ восточной Галичины, въ пяти находится русскихъ 70—80%, въ четырехъ 60—70%, въ одномъ—56; и въ двухъ 40—50%. Процентъ русскаго населенія значительно увеличится, если изъ общаго счета исключить города, жители которыхъ по преимуществу поляки. Къ этой статьѣ приложена прекрасно сдѣланная этнографическая карта восточной Галичины.

Обращаютъ также на себя вниманіе статьи въ Н. 2 „Настоящее положеніе Галичины,“ гдѣ говорится объ экономической несостоятельности поляковъ и „планы будущей политики“, гдѣ сдѣланъ разборъ политической брошюры г. Коминковскаго, вышедшей подъ вышеприведеннымъ названіемъ еще въ 1867 году, но съ умысломъ незамѣченной польскою журналистикой, хотя или правильнѣе потому, что брошюра эта отличается трезвостію мысли и безпристрастно-вѣрнымъ политическимъ сужденіемъ. Отдавая справедливость этой статьѣ, редакція какъ будто забываетъ свое собственное племенное происхожденіе и отрѣшается отъ вѣковыхъ предразсудковъ своей національ-

ности. Припоминая вкратцѣ исторію Польши, безпощадный г. Коминковскій замѣчаетъ: „Тамъ, гдѣ мы имѣли быть, насъ не было, а были мы и теперь находимся въ противоположномъ лагерѣ.“ Авторъ выставляетъ на видъ то, что когда ѣхали чехи въ Москву, признавая это полезнымъ своимъ интересамъ, „мы осыпали чеховъ градомъ безумныхъ словъ по всей линіи отъ Львова до Познани, хотя это не помѣшало имъ выполнить свое желаніе.“ Авторъ имѣетъ мужество признавать, что поляки энергичны лишь для революцій, въ промежуткахъ же между революціями воцаряется полная апатія, которою и объясняется ихъ жалкое экономическое состояніе въ Галичинѣ. Ссылаясь на историческіе факты, г. Коминковскій высказываетъ ту глубокую мысль, что народы, какъ и отдѣльные люди, измѣняютъ формы своей жизни, и даже религіозныя вѣрованія, которыя поляки считаютъ нарушимыми только подъ карою смерти. И въ этомъ-то кроется причина несостоятельности поляковъ въ смыслѣ политическаго дѣла.

Повторяемъ, что приводитъ лучшія статьи „Славянина“ значило бы приводить ихъ почти всѣ, — такъ много въ нихъ правды. По этому ограничимся только перечнемъ остальныхъ, болѣе другихъ выдающихся статей. Въ первомъ номерѣ, кромѣ двухъ нами разобранныхъ, заключаются слѣдующія замѣчательныя статьи: „Періодическая печать въ Россіи“, обстоятельно написанная, „Населеніе Венгріи“; во второмъ—за исключеніемъ двухъ, тоже ревьюмированныхъ нами, помѣщено хорошее описаніе Черногоріи, въ третьемъ „Нѣсколько замѣчаній о русско-галицкомъ дѣлѣ.“ „О литературной взаимности славянъ,“ „Политическое обозрѣніе“; въ четвертомъ „Статистическій обзоръ славянства“, „Населеніе Литвы“; въ пятомъ „О пропинаціи“, „Мѣстные экономическіе интересы“, „Политическое обозрѣніе“ и проч.

Кореспонденція „Славянина“ отличается болѣе или ме-

нѣе вѣрными взглядами, отрѣшенными отъ польскихъ предразсудковъ. Такъ напримѣръ, въ письмѣ изъ Вильны, мы находимъ, слѣдующія строки: „Бѣдная Литва много вѣковъ была игралищемъ Польши. Послѣ продолжительной и упорной борьбы, лишенная самостоятельности, Литва посвятила все своему новому отечеству, и дѣлила съ нимъ одну лишь недолю, потому что счастливыхъ дней съ 1569 года было немного. И что же этимъ выиграла бѣдная Литва? Снискала ли по крайней мѣрѣ уваженіе и любовь поляковъ? Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! Поляки послѣднимъ возстаніемъ втанули Литву въ страшную пропасть, и не смотря на то, все таки и теперь слышатся въ Варшавѣ возгласы, исполненные лжи и поруганія; но ни мало не говорящіе о братской пріязни. Не говоримъ вообще, но подразумеваемъ частности. Ошибаются тѣ, которые доказываютъ и пишутъ, что Литва тоже самое что и Польша; говорятъ такъ съ преднамѣренною цѣлью ввести въ ложь и обманъ другихъ. Есть еще въ Литвѣ люди, которые въ польщизнѣ видятъ свое спасеніе и будущность, но большинство думаетъ иначе, особенно послѣ недавнихъ бѣдствій повстанья. Литвинъ сдѣлался католикомъ, усвоилъ польскій языкъ, но все-таки остался литвиномъ; измѣнился даже тотъ, кто воображаетъ, что онъ родовитый и настоящій полякъ. Литвинъ хочетъ быть только литвиномъ, и часть лучшей будущности не отъ Польши.“

Въ корреспонденціи изъ Петербурга, полученной редакціею на русскомъ языкѣ, предсказывается успѣхъ „Славянину“, если онъ не отдавится отъ своей программы, и не позволитъ себѣ увлечься чувствомъ въ ущербъ разуму. „Поляки уже дошли, говорится въ этомъ письмѣ, до крайнихъ граней своихъ грезъ, испробовали всѣ планы, и до дна испили горькую чашу. Мы должны учиться исторіи и пользоваться ея уроками, дабы въ будущемъ избѣжать ошибокъ, идти прямымъ путемъ къ достиженію возможнаго благополучія“.

Чтобы проводить эти честныя, но неприятныя полякамъ идеи, нужно имѣть огромный запасъ мужества, самоуверенности, и гражданской отваги, а также являться во всеоружіи науки предъ многочисленной враждебной въ Галичинѣ партіей. Тѣмъ искреннѣе сочувствіе наше и всѣхъ здравомыслящихъ людей къ дѣятельности „Славянина“. Отъ всей души желаемъ, чтобы поляки, особенно же нашей провинціи, вняли голосу разсудка, и прониклись миролюбивымъ духомъ „Славянина“, для собственнаго своего благоденствія и счастья. Желательно также, чтобы этому жарнулу былъ облегченъ входъ въ наши предѣлы. Галиційскій жондъ, держась своей избитой тактики, между прочими клеветами, разгласилъ, будто бы „Славянинъ“ издается на „московскіе рубли“ (sic!), но сомнительно, чтобы онъ пользовался отъ насъ даже грошами, потму что до сихъ поръ, по какому то странному упущенію, не разрѣшена даже подписка на него въ нашихъ провинціяхъ, хотя журналъ этотъ ничего не могъ бы принести съ собою кромѣ пользы.

Поставимъ въ эпилогъ нашей статьи мотивы дѣятельности „Славянина“, заявленныя въ его программѣ; „Слава всѣмъ славянамъ, миръ всѣмъ народамъ, добрыя побужденія всѣмъ людямъ“.

Л.

ЕЩЕ ОТЗЫВЪ «СЛАВЯНИНА» О ПОЛЯКАХЪ.

Въ № 1 *Славянина* за 1869 годъ обращаетъ на себя вниманіе весьма замѣчательная статья подъ заглавіемъ: „Славяне-не славяне“. Въ небольшой замѣткѣ, которую редакция предпосылаетъ этой статьѣ, говорится, что содержаніе ея представляетъ сводъ мнѣній русскихъ правительственныхъ сферъ и полуофициальныхъ (!) органовъ о стремленіяхъ польскаго дворянства возстановить границы 1772 и объ отношеніи, въ какое вслѣдствіе того поставило себя

это дворянство къ идеѣ славянской солидарности. Ошибочно или вѣрно замѣчаніе редакціи, это вопросъ посторонній; но статья сама по себѣ заключаетъ столько исторической правды и обрисовываетъ политическое положеніе многочисленной польской партіи съ такою искренностію и въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что составляетъ въ независимой польской прессѣ новое и совершенно непривычное явленіе. Вотъ сущность содержанія означенной статьи, воспроизводимой въ сокращеніи.

Въ исторіи человѣчества нѣтъ примѣра, чтобы какая либо раса, раздробившись на отдѣльныя группы, выдѣлила изъ себя такую вѣтвь, которая была бы непріязнена всѣмъ племеннымъ инстинктамъ своей расы и которая соединила бы собственные интересы съ интересами враговъ своего племени. Изобразивъ въ подкрѣпленіе этого положенія этнографическую солидарность между племенными группами нѣмецкими и италіянскими, неизвѣстный авторъ указываетъ на прискорбное исключеніе изъ общаго правила въ расѣ славянской, выдѣлившей изъ себя польское племя, въ средѣ котораго выработался полякъ-шляхтичъ. Гдѣ бы ни находился полякъ этого покроя, онъ продолжаетъ оставаться всегда непріязненнымъ для славянъ и во всемъ поступаетъ наперекоръ славянскимъ интересамъ. Черезъ всю исторію, какъ древнюю, такъ и новѣйшую, проходитъ неустанная борьба съ славянами этой отродившейся отъ славянства вѣтви, которая вноситъ и поддерживаетъ въ родственныхъ сферахъ прискорбный раздоръ политическій, письменный и общественный, и которая обнаруживаетъ упорное стремленіе выдѣлиться какимъ либо способомъ изъ славянскаго рода. *Поляки шляхта* это положительно *славяне не славяне*.

Въ самыя отдаленныя эпохи своего историческаго существованія они вздорили со своими единоплеменными сосѣдями. Съ русскимъ народомъ они никогда не имѣли со-

гласія и мира. Когда одна половина (южная) этнографической группы Россіи политически соединилась съ ними на условіяхъ равноправности, свободы и самоуправленія, поляки-шляхта не думали и не старались объ укрѣпленіи своихъ связей съ этою частію русскаго народа. Напротивъ, они сдѣлали все, чтобы испортить эти связи и сдѣлать ихъ невыносимыми для южной Руси. Употреблена была всяческая энергія, достойная лучшаго дѣла, чтобы оттолкнуть отъ себя южно-руссковъ, и они отвернулись отъ поляковъ-шляхты сами. Подъ вліяніемъ племенныхъ инстинктовъ южно-русская народность соединилась съ сѣвѣрною половиною русскою этнографической группы и до сихъ поръ живетъ съ нею въ полнѣйшемъ политическомъ и духовномъ единеніи.

Поляки-шляхта дѣйствовали во вредъ славянскимъ интересамъ и тогда, когда, имѣя всѣ данныя къ моральному и политическому сліянію съ чехами, приняли и въ отношеніи къ нимъ враждебное положеніе. Въ новой исторіи, именно въ началѣ XIX вѣка, они стали подѣ французскія знамена, чтобы идти противъ русскихъ въ ту эпоху, когда вся Европа возстала противъ деспотизма и военныхъ ужасовъ Наполеона I.

Часть польской этнографической группы находится подѣ австрійскимъ скипетромъ, вмѣстѣ со многими другими славянскими группами. Эти послѣднія всѣ не чужды мысли всеславянскаго, по крайней мѣрѣ, духовнаго объединенія. Только поляки-шляхта вносятъ въ это семейство какой то странный диссонансъ. Въ „Славянской Бесѣдѣ“ въ Вѣнѣ встрѣчаются представители всѣхъ славянскихъ народностей русскіе, чехи, словаки, сербы, болгары, поляки. У всѣхъ (первыхъ) наблюдается что то родственное, соединяющее ихъ во едино. Всѣ имѣютъ интересы, которые, встрѣчаясь въ какомъ либо пунктѣ, сходятся въ одной общей идеѣ. Одни только поляки не привносятъ съ собою ничего свя-

вующаго. Они изображаютъ изъ себя выродившихся ацтекъ въ средѣ европейскихъ національныхъ родовъ,—магіаковъ, неразумѣющихъ всеобщественнаго, современнаго политическаго языка. Словно застыли они въ понятіяхъ тѣхъ временъ, когда еще не была открыта Америка, не было изобрѣтено книгопечатаніе, и люди жили только для войны и разбоя. Съ этими понятіями они придвинулись въ XIX столѣтіе. Всѣ другіе славяне ощущаютъ потребность совокупныхъ усилій для пріобрѣтенія того, чего имъ недостаетъ, именно освобожденія отъ чуждыхъ вліяній, силы для защиты своихъ интересовъ, высшаго развитія, которымъ тщеславится предъ славянами западная Европа, счастья, которымъ не могутъ похвалиться славяне... Только поляки идутъ въ разрѣзъ этимъ общимъ стремленіямъ, ища невозможнаго всюду, гдѣ только появляются, и въ высшей степени невозможнаго добиваясь отъ Россіи. Какъ монголы, они не понимаютъ своего отчаяннаго положенія, а болѣзненное ихъ воображеніе говоритъ имъ, вмѣсто величественныхъ, причудливые образы будущности. Какъ, всякая этнографическая особность, неспособная къ политической жизни, поляки-шляхта убѣждены, что они то собственно только и способны созидать высшія политическія формы.

Въ этомъ отношеніи шляхетные поляки уподобляются евреямъ. Эти послѣдніе никогда не оказывали способности къ политической жизни. Они утратили свое царство, свой Иерусалимъ, потому что не умѣли управиться съ своимъ царствомъ, шли противъ вѣка, противъ исторіи, противъ жизни, а эта жизнь, эта исторія своимъ суровымъ приговоромъ выгнала ихъ изъ отечества и разсыпала по всей вселенной. Евреи не измѣнили своего типа, не утратили своихъ житейскихъ способностей, но не пріобрѣли политической мудрости и все еще пытаются вѣру въ пришествіе Мессіи и въ возрожденіе іудейскаго царства съ его столицею Иерусалимомъ, потому что считаютъ себя избраннымъ народомъ Божиимъ.

Такими же избранныками Божиими считаютъ себя и поляки-шляхта. Подобно евреямъ, они никогда не выказывали способности къ политической жизни; какъ и евреи, поляки—безспорно народъ даровитый и поэтичный и также наравнѣ съ евреями утратили свое королевство, свою Иудею-Польшу, свой Иерусалимъ-Варшаву, потому что не умѣли владѣть королевствомъ и управлять народомъ. Такъ же точно они шли на перекоръ вѣку, исторіи, жизни и точно также утратили отечество, царство, хлопвъ, Варшаву, точно также не измѣнили своего типа и темперамента, не потеряли творчества, талантовъ, поэзіи, но при Всемъ томъ и не приобрѣли политической мудрости. Поляки-шляхта по прежнему остаются политически неспособною группою и питаются мечтаніями о пришествіи своего Мессіи и воскресеніи польскаго королевства въ Варшавѣ.

Никто не можетъ обвинить исторію въ томъ, будто бы она произнесла несправедливый судъ надъ поляками. Каждый народъ несеть такую участь, какую самъ для себя приготовилъ. Приговоръ исторіи бываетъ жестокимъ на столько, на сколько народъ оказывается неспособнымъ къ счастливой жизни. Если народъ страдаетъ, то никого не имѣетъ права обвинять въ своихъ страданіяхъ, кромѣ самого себя. Поляки-шляхта обыкновенно вваливаютъ свои несчатія на москалей; но повторяемъ: каждый народъ испытываетъ такую судьбу, какую самъ себѣ подготовилъ. Американцы и англичане счастливы, сравнительно со многими народами, потому что сами много поработали для своего счастья; китайцы далеко остались отъ европейскихъ народовъ, потому что предаются влюбленному ими квіетизму; туркамъ неугодно было подчиниться требованіямъ вѣка и цивилизаціи, и теперь приходится имъ или умирать на правомъ берегу Дарданеллъ; французы—охотники до

разнообразія и въ теченіе полулѣтъ умудрились испытать многообразія въ формахъ правленія. Польской шляхтѣ еще во времена независимаго королевства хотѣлось, во что бы то ни стало, искоренить это государство, и она достигла своей цѣли: она предоставила его неурядицѣ и безправію, сумасбродствовала на сеймахъ, угнетала свой народъ и довела его до нищеты и отупѣнія въ такой степени, что народу было рѣшительно все равно, кому бы ни принадлежать, лишь бы не польской шляхтѣ. По уtratѣ своего царства польской шляхтѣ оставалось подчиниться своей судьбѣ, которую сама себѣ устроила, и стараться по мѣрѣ возможности улучшить свое положеніе, поработать для собственнаго блага; но она не захотѣла трудиться. Она стремилась только возвратить свое государство, взваливши всю тягость труда на плечи хлоповъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи поляки-шляхта не только не вступили въ солидарность съ славянами, въ союзъ съ которыми могли бы обрѣсти свое спасеніе; но и между собою, подѣлившись на партіи, ведутъ неустанно междуусобицы. Едва лишь они подступятся къ дѣлу, тотчасъ партія Чарторыжскаго ссорится съ партіею Платера, сторонники Платера—съ сторонниками Мѣрославскаго, приверженцы Мѣрославскаго—съ правительствами, и каждая изъ этихъ фракцій желала бы поставить своего короля въ государствѣ, созданномъ ихъ воображеніемъ. Графъ Бисмаркъ въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ по поводу нѣмецкаго партикуляризма выразился недавно, что „если бы нѣмцы имѣли деньги, то каждый изъ нихъ поставилъ бы для себя своего короля“. О польской шляхтѣ можно сказать, что если бы воскресло ихъ несчастное государство, то каждый шляхтичъ самъ себя выбралъ бы въ короли и воевалъ бы съ другими, подобными себѣ, королями, чтобы обратить ихъ въ хлоповъ.

Всего замѣчательнѣе, продолжаетъ неизвѣстный авторъ, то обстоятельство, что польская шляхта, которой ничто не удастся, не хочетъ или не можетъ разумно обсудить свое положеніе. Въдѣ въ сущности не во всемъ же виновата Москва. Почему же всѣмъ удается хоть что нибудь, а шляхтѣ ровно ничего? Поляки шляхетской партіи до сихъ поръ не могутъ уразумѣть, что уже пора отказаться отъ средневѣковыхъ понятій и проницнуться идеями XIX вѣка. Ладья ихъ давно разбита бурей; они плаваютъ по морю на обломкахъ, и пусть бы уже спаслись такимъ способомъ, если онъ имъ нравится; но дѣло въ томъ, что своими ничтожными щепками они хотятъ пробить бока кораблей великихъ и сильныхъ.

Польская шляхта не хочетъ соединить свою судьбу съ сильнѣйшими племенами. Она еще не развилась до такой высоты, чтобы познать силу народности въ широкомъ смыслѣ, но переживаетъ лишь періодъ партикуляризма, который Европа начинаетъ энергически отрицать. Поляки-шляхта не хотятъ быть славянами, а только поляками; но покуда не сольются своихъ интересовъ съ интересами своей славянской расы, до тѣхъ поръ будутъ въ Европѣ чѣмъ то въ родѣ американскихъ и австралійскихъ дикарей, которые вымираютъ отъ прикосновенія къ нимъ европейской цивилизаціи.... Впрочемъ, какъ кажется, въ нѣкоторыхъ сферахъ польско-шляхетской партіи уже зарождаются начала нравственнаго переворота.

Такъ говоритъ польскій независимый органъ. Съ своей стороны, какъ ни отрадный симптомъ начинающагося прозрѣванія въ нѣкоторыхъ польско-шляхетскихъ сферахъ, можно указать на вновь появившуюся въ Галиціи политическую брошюру (Magana atha) графа Борковскаго, въ концѣ которой почтенный публицистъ и политическій дѣятель высказалъ мысли, во многихъ сходныя съ вышеприведенными. Между прочимъ, гозоря о томъ, что поля-

камъ Австріи не предстоитъ никакой будущности, авторъ предполагаетъ, будто бы въ отдаленномъ ремени польскій языкъ и польская литература сдѣлаются классическими и и будутъ продолжать свое существованіе только въ словаряхъ, а живымъ языкомъ будто бы станетъ русскій языкъ. По его убѣжденію, поляки тогда лишь начнутъ нормальное существованіе, когда перестанутъ желать Польши, а пойдутъ на встрѣчу славянству.

(Веч. Газ.)

СОДЕРЖАНИЕ 11-ой кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

№ 12. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) **Заявленіе** королевскихъ чиновниковъ объ отнятіи у православныхъ и передачѣ уніат. митрополиту Потѣю виленскихъ церквей. 1609 г. Стр. 25.— 2) **Обязательство**, данное архимандритами и иноками, протопопами и священниками г. Вильны, Гродна, Минска, Новогрудка, Жировиць и др. въ томъ, что они присоединяются къ уніи и будутъ повиноваться уніатскому митрополиту. 1609 г. Стр. 27.— 3) **Ресстръ** прихода и расхода денегъ чиншевыхъ, братскихъ и другихъ суммъ Пречистенскаго собора въ Вильнѣ. 1649 г. Стр. 30.— 4) **Рѣшеніе** королевскими комиссарами спора православныхъ съ уніятами г. Вильны о томъ, что православные незаконно избираются въ городскія должности. 1666 г. Стр. 33.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ВИЛЬНА въ началѣ XVI столѣтія. Стр. 35. **С. Преображенскаго.**
О СОЗДАНИИ кѣвской церкви св. Кирилла. Стр. 68. **Мавсимовича.**

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ОСОБЕННОСТИ въ исторіи малороссійскаго ковачества. Стр. 15. **Ив. Кулжинскаго.**
СТРАННЫЙ СЛУХЪ о римскомъ соборѣ. Стр. 27.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ЯГАЙЛО, историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ. Часть 2-я, глава 1-я.
С. Калугина.

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ во время послѣдняго польскаго мятежа. Стр. 147.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.— 1) **Освященіе** кладбищной церкви въ дер. Клепачахъ, ивашкевичскаго прихода, (пужанскаго уѣзда). Стр. 163.— **Освященіе** церквей вишневской и красносельской. Стр. 166.— **Слово**, сказанное въ новоосвященной изъ костела церкви села Красноселья мѣстнымъ священникомъ Василіемъ Гушкевичемъ, на первой литургіи послѣ причастнаго стиха. Стр. 170.— **Феодоровская** церковь въ Пинскѣ. Стр. 173.— **Отъ** г. Пинска до г. Новогрудка. Стр. 185.— **Очерки** правовъ борисовскаго уѣзда. Стр. 197.— **Брошюра** о возможномъ разрѣшеніи католическаго вопроса въ Россіи. Стр. 203.— **Эпизодъ** изъ виленской хроники начала XVII вѣка. Стр. 208.—
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ: **Права** польскихъ магнатовъ. Стр. 220.— **Славянинъ**. Стр. 240.— **Еще** отзывъ «Славянина» о полякахъ. Стр. 247.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ на 1869 годъ выходитъ въ январѣ мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Вильнѣ, — въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ А. Сыркина, б. Фетнера. Въ С.-Петербургѣ, — у комиссіонера „Вѣстника“, книгопродавца А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ Москвѣ, — у такогожь комиссіонера, книгопродавца А. Н. Теплюкова, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. Черепина. Въ Варшавѣ, — у книгопродавца г. Кожанчикова. Въ Говитѣ, — въ книжномъ магазинѣ Косогорова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей Вильны, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою въ домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ Вильну.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, въ Вильну.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 р., а иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶⁵/₆₄ годъ — для первыхъ по 6 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 67 годы — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не дѣлается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не болѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **В. Говорскій**.

СОДЕРЖАНИЕ 11-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

- № 12. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) **Заявленіе** королевскихъ чиновниковъ объ отнятіи у православныхъ и передачѣ уніат. митрополиту Поты вилеикихъ церквей. 1609 г. Стр. 25.— 2) **Обязательство**, данно архимандритами и иноками, протопопами и священниками гг. Вильны Гродна, Минска, Новогрудка, Жировиць и др. въ томъ, что они при соединяются къ уніи и будутъ повиноваться уніатскому митрополиту 1609 г. Стр. 27.— 3) **Ресскръ** прихода и расхода денегъ чиншевыгъ братскихъ и другихъ суммъ Пречистенскаго собора въ Вильнѣ. 1649 г. Стр. 30.— 4) **Рѣшеніе** королевскими комиссарами епора православныхъ съ уніятами г. Вильны о томъ, что православные незаконно избираютъ въ городскія должности. 1666 г. Стр. 33.

ОТДѢЛЪ II.

- ВИЛЬНА въ началѣ XVI столѣтія. Стр. 35. **С. Преображенскаго.**
О СОЗДАНИИ кievской церкви св. Кирилла. Стр. 68. **Максимовича.**

ОТДѢЛЪ III.

- ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ОСОБЕННОСТИ въ исторіи малороссійскаго козацтва. Стр. 15. **Ив. Кулаиискаго.**
СТРАННЫЯ СЛУХЪ о римскомъ соборѣ. Стр. 27.

ОТДѢЛЪ IV.

- ЯГАЙЛО, историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ. Часть 2-я, глава 1-4 **С. Казукина.**
ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ во время послѣдняго польскаго мятежа. Стр. 147
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.— 1) **Освященіе** кладбищной церкви въ дер. Клепачахъ, ивашкевичскаго прихода, (пружаскаго уѣзда). Стр. 163.— **Освященіе** церквей вишневецкой и красносельской. Стр. 166.— **Слово**, сказанное въ новоосвященной изъ костела церкви села Красноселья мѣстнымъ священникомъ Василіемъ Гушкевичемъ на первой литургіи послѣ причастиаго стиха. Стр. 170.— **Феодорова** церковь въ Пинскѣ. Стр. 173.— **Отъ** г. Пинска до г. Новогрудка. Стр. 185.— **Фчерки** нравовъ борисовскаго уѣзда. Стр. 197.— **Брошюр** о возможномъ разрѣшеніи католическаго вопроса въ Россіи. Стр. 203
Эпизодъ изъ вилеиской хроникки начала XVII вѣка. Стр. 208.—
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ: **Правы** польскихъ магнатовъ. Стр. 220.— **Славянскіе**. Стр. 240.— **Еще** отъѣзъ «Славянскіе» о полякахъ. Стр. 247.

